947
З-122

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ
Ивана Забѣлина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

947
З-122

МОСКВА.
Типографія Мартынова и К°, Тверская ул., д. Хомяковыхъ.
1879.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

147/XI 46г.
142 - 7/X-57
№38 10/III 92

...выд. выдач.
Зак. 1653

И

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

сочиненіе

Ивана Забѣлина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

947
3-122

49

МОСКВА.

1879.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОПРАВКА. На 55 стр. въ 3 строкѣ напечатано: Наревъ къ западу въ Вислу—должно читать: Наревъ, текущій къ западу въ Бугъ и съ нимъ въ Вислу, и проч.

ГЛАВА I.

ЗАСЕЛЕНІЕ РУССКОЙ СТРАНЫ СЛАВЯНАМИ.

Древнѣйшее начало Русской Исторіи. Откуда взялись Новгородскіе Словяни? Появленіе Славянъ въ Европѣ. Ихъ первобытная культура. Ихъ первоначальныя обиталища. Ихъ первоначальное имя. Древнѣйшіе торговые пути по нашей странѣ. Венеды—Словѣни, промышленники нашего Сѣвера. Слѣды ихъ поселеній отъ устьевъ Нѣмана и до Бѣлаозера. Словѣнская область Новгорода.

Первая страница Русской Исторіи, и самая достовѣрная страница, была написана въ то самое время, почти въ тотъ же самый годъ, когда впервые огласилось въ Исторіи и Русское имя. Она написана знаменитымъ Цареградскимъ патріархомъ Фотіемъ въ его окружной грамотѣ къ восточнымъ святителямъ, въ которой онъ впервые обличаетъ Западную Церковь въ отпаденіи отъ Православія, въ неправедныхъ захватахъ, въ высокомѣріи и властительствѣ,—гдѣ, слѣдовательно, строгая и точная правда каждаго слова служила ручательствомъ святой истины всего дѣла.

Патріархъ Фотій справедливо почитается свѣтиломъ учености и образованности своего вѣка. Этотъ вѣкъ (девятый) ученые не безъ основанія именуютъ вѣкомъ Фотія, потому что „во все продолженіе существованія Греческаго Царства, отъ Юстиніана до паденія Византіи, никто не принесъ стольких услугъ наукамъ, какъ патр. Фотій". При немъ положено начало и Славянской образованности въ переводѣ Св. книгъ на Славянскій языкъ. Славянскій первоучитель св. Кириллъ былъ ученикомъ Фотія.

Что касается церковной распри между Востокомъ и Западомъ, подавшей поводъ къ написанію упомянутой грамоты, то она возникла все изъ за той же Болгаріи, тогда еще но-

вороженной въ Христіанской истинѣ. Латинскій Западъ, въ лицѣ Римскаго папы, во что бы ни стало хотѣлъ забрать новую паству со всею ея землею въ свои руки. Съ этою цѣлью онъ послалъ къ новопросвѣщеннымъ своихъ епископовъ и сталъ сѣять на новой нивѣ свои западныя плевелы и мудрованія. Дабы положить конецъ властолюбивымъ притязаніямъ, Фотій окружною грамотою призывалъ святителей рѣшить дѣло соборомъ и поставлялъ на видъ, какъ благопріятное для борьбы знаменіе времени, крещеніе Болгаръ и Русскихъ, говоря, что если и языческіе народы отлагаютъ свои старыя заблужденія и приходятъ въ разумъ истины, то, по благодати Божіей и содѣйствіемъ собравшихся святителей, возможно будетъ исторгнуть и Западную ложь.

„Не только Болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, писалъ онъ, но и тотъ народъ, о которомъ многіе многое разсказываютъ, и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, оный глаголемый Росъ, который, поработивъ живущихъ окрестъ него, и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую Имперію: и сей однако нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столь воспламенила ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ (благословенъ Богъ во вѣки! взываю я съ Павломъ), что и епископа, и пастыря, и христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли“ [1].

Это было написано въ 866 году.

Смыслъ этихъ немногихъ словъ очень общиренъ; въ немъ заключается, можно сказать, изображеніе цѣлаго періода Русской Исторіи, изображеніе первоначальнаго возраста русской народности. Народъ, о которомъ уже въ 866 г. многіе изъ Грековъ многое разсказывали, успѣлъ къ тому времени достаточно окрѣпнуть на своемъ мѣстѣ и пораздвинуть свои силы по сторонамъ. Онъ успѣлъ уже поработить окрестныя племена и, возгордясь своими побѣдами, побѣдоносно явился даже подъ стѣнами самаго Цареграда. Въ жестокости и кровопролитіи онъ превосходилъ всѣ народы...

Такими выраженіями Византійцы всегда обозначали особенную силу и могущество своихъ враговъ.—Наконецъ, оставивъ язычество, этотъ народъ принялъ св. крещеніе и съ любовью и покорностію вступилъ въ союзъ съ Греками. „Происшествіе важное для всей христіанской церковной исторіи“, замѣчаетъ Шлецеръ.

Разсуждая объ этой дорогой для насъ Фотіевой повѣсти и по своей норманской системѣ ни какъ не желая признать въ этомъ достославномъ Росѣ нашихъ Руссовъ Кіевскихъ, Шлецеръ все таки принужденъ былъ сказать, что здѣсь рисуется, „многолюдный и ужасно сильный народъ, который не составлялъ простой разбойничей шайки, бѣгающей съ мѣста на мѣсто, а былъ сильнымъ завоевательнымъ народомъ, не знавшимъ ни кротости, ни уступчивости, съ которымъ Византійскій Дворъ, даже и послѣ испытаннаго нашествія и великаго насилія, почиталъ необходимымъ войдти въ союзъ и заключить миръ, и привлекъ его къ тому богатыми подарками изъ золота, серебра и дорогихъ одеждъ“ [2]. Послѣ такихъ свидѣтельствъ и заключеній критики, становится очень понятнымъ, что Руссы, попавшіе въ 839 г. къ нѣмецкому императору Людовику на Рейнъ, дѣйствительно могли быть только Руссы Кіевскіе, ѣздившіе въ Царьградъ отъ своего Кагана для союза съ Греками, хорошо знавшіе круговой Варяжскій путь по морю и мимо Новгорода, и потому возвращавшіеся къ Балтійскому поморью по западной окраинѣ, вѣроятно изъ опасенія пройдти въ малыхъ силахъ Русскимъ путемъ по степному Днѣпру. Очень понятнымъ становится и то обстоятельство, почему Хозары въ 834 г. строятъ на среднемъ Дону крѣпость Саркелъ [3], не противъ Печенѣговъ, какъ обыкновенно толкуютъ, а несомнѣнно противъ того же Роса, ибо помѣщеніе крѣпости на рѣчномъ переволѣ изъ Дона въ Волгу обнаруживаетъ заботу и опасеніе больше всего со стороны водяныхъ сообщеній, чѣмъ со стороны конныхъ степныхъ Печенѣжскихъ набѣговъ, для которыхъ прямая и ближайшая дорога къ Хозарской столицѣ лежала гораздо южнѣе сухимъ кочевымъ путемъ и была для Печенѣговъ сообразнѣе.

И такъ въ 866 г. въ Греческомъ Царствѣ Русь уже славилась, какъ народъ, совершившій всѣ тѣ подвиги, посредствомъ которыхъ создается полное начало народной само-

бытности и самостоятельности. Русь покорила окрестную страну, проложила свободный путь въ Царьградъ, заставила льстиваго Грека искать съ нею союза и договора, и какъ бы въ удостовѣреніе, что обнаруженная кровожадность и жестокость, т. е. сила и могущество молодаго народа, происходятъ не отъ дикой и вполнѣ варварской разбойной стихіи, а отъ стремленій гражданскихъ,—склонилась даже къ Христіанской Вѣрѣ.

Все это было еще до 866 года. Этотъ годъ представляется рубежемъ особенной, древнѣйшей Русской Исторіи, о которой мы знаемъ очень немногое. Но замѣчательно, что тѣже короткія слова Фотія въ полной мѣрѣ прилагаются и къ исторіи того столѣтія, которое по пятамъ слѣдовало за первымъ годомъ Русской славы. Все, что начальная лѣтопись разсказываетъ о временахъ Олега, Игоря, Святослава, Владиміра, есть только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ подвиговъ: покореніе окрестныхъ народовъ, походы на Царьградъ, мирные договоры съ Греками и въ концѣ—всенародное принятіе Христовой вѣры—вотъ чѣмъ было исполнено движеніе Русской жизни включительно до времени св. Владиміра.

Естественно предполагать, что и начертанная Фотіемъ исторія съ своими славными, но неизвѣстными намъ дѣлами и событіями продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ и можетъ быть цѣлое столѣтіе. Мы указали на два событія, дающія довольно явные намеки о томъ, что въ 30-хъ годахъ 9-го столѣтія въ Русской странѣ что-то происходило: посылались въ Царьградъ послы, Хозары строили крѣпости..... Наша лѣтопись объ этомъ времени ничего не помнитъ и начинаетъ говорить о Русскихъ дѣлахъ почти съ того только года, въ который написана была повѣсть Фотія. Очевидно, что всѣ годовыя числа лѣтописи, приставленныя къ первымъ Русскимъ временамъ, въ дѣйствительности представляютъ, по словамъ Шлецера, одно ученое вранье, основанное лѣтописцемъ на невинномъ соображеніи, что когда въ греческомъ лѣтописаньи впервые появилось Русское имя, то слѣдовательно съ того только года началась и самая жизнь Руси.

Въ воспоминаніяхъ дѣтства трудно говорить о вѣрности годовыхъ чиселъ, а въ воспоминаніяхъ народнаго дѣтства

цѣлые десятки и даже сотни лѣтъ застилаются событіемъ одного года, который и выставляется впередъ сообразно умствованію перваго лѣтописца.

Но если легко отринуть начальную годовую таблицу, въ которой съ такою правильностію разставлены отдѣльные случаи нашихъ народныхъ преданій, то очень не легко да и совсѣмъ невозможно однимъ почеркомъ пера, такъ сказать, отрѣзать эти преданія отъ настоящей исторіи народа [4].

Преданія, если только въ ихъ источникѣ нѣтъ и слѣда сочинительскихъ литературныхъ сказокъ-складокъ, если они вообще рисуютъ жизненную правду и идутъ отъ основныхъ великихъ народныхъ движеній или народныхъ героическихъ дѣлъ, каковы преданія первой нашей лѣтописи,—такія преданія очень живущи; они сохраняются въ народной памяти цѣлые вѣка и даже тысячелѣтія. Они особенно крѣпко и долго удерживаются въ народномъ созерцаніи, если народная жизнь и въ послѣдующее время все течетъ по тому же руслу, откуда идутъ и первыя ея преданія, если къ тому еще народъ не знаетъ писанаго слова или мало имъ пользуется.

Основныя черты древнѣйшихъ Русскихъ преданій, которыхъ невозможно опредѣлить годами, заключаются въ томъ, что Славяне разошлись по своимъ странамъ отъ Дуная, что Христово ученіе было проповѣдываемо Славянскому языку еще самими Апостолами и ихъ ближайшими учениками,—это для общей славянской исторіи. Въ частности, для Русской Земли первыя преданія свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя Русскія племена, Радимичи, Вятичи, пришли въ Русскую Землю отъ Ляховъ, т. е. отъ Западныхъ Славянъ, что въ самомъ началѣ въ Русской странѣ господами были на Сѣверѣ Варяги, приходившіе изъ за моря, на Югѣ Хозары, тоже приморскіе жители; что, слѣдовательно, вообще страна находилась въ зависимости отъ своихъ морей, на сѣверѣ отъ Балтійскаго, которое такъ и прозывалось Варяжскимъ, на югѣ отъ Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго, такъ какъ Хозары господствовали на этихъ южныхъ моряхъ.

О дани Хозарамъ поднѣпровскаго населенія говоритъ византійскій лѣтописецъ Өеофанъ въ началѣ IX-го вѣка. О Варягахъ наша лѣтопись помнитъ, что они, какъ пришельцы,

колонисты, населяли всѣ знатные города сѣвера, и что самые Новгородцы, хотя и были Словѣни, но были варяжскаго происхожденія, а эту замѣтку можно объяснять не только населеніемъ, но и торговою промышленностью Новгородцевъ, сдѣлавшихся по своей промышленности истыми Варягами. Затѣмъ преданіе говоритъ, что сѣверъ изгоняетъ Варяговъ и потомъ призываетъ къ себѣ князей отъ Варяговъ—Руси, что отъ этой Варяжской Руси прозывалась Русью и вся Земля.

Далѣе, наше преданіе хотя и даетъ начало Кіеву отъ туземца Кія, но выставляетъ также на видъ, что въ оное время этотъ городъ былъ собственно Варяжскою колоніею изъ Новгорода. Въ одной изъ позднихъ списковъ лѣтописи даже прямо сказано, что первые поселенцы Кіева были Варяги [5]. Затѣмъ преданіе уже съ видомъ полной достовѣрности говоритъ, что всѣ сѣверные люди, призвавшіе князей Варяговъ и впереди ихъ сами Варяги собираются подъ предводительствомъ Олега, идутъ на югъ, захватываютъ Кіевъ и остаются въ немъ на вѣчное житье. Здѣсь всѣ Варяги, Славяне и прочіе прозываются Русью, начинаютъ покорять окрестныя племена, а затѣмъ ходятъ на Царьгородъ.

Связь всѣхъ этихъ преданій не только не противорѣчитъ разсказу Фотія, но и подтверждаетъ его. Самое увѣреніе лѣтописца, очень настойчивое, что страна прозвалась Русью отъ Варяговъ-Руси, явившихся освободителями народа отъ чужихъ даней, совпадаетъ тоже съ далекимъ преданіемъ, записаннымъ въ византійской хроникѣ подъ 904 годомъ, гдѣ между прочимъ говорится, что „Россы прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Росса, послѣ того, какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ по волѣ или предопредѣленію боговъ“ [6].

Несомнѣнно, что это преданіе для кіевской страны имѣло тоже значеніе, какъ для Радимичей и Вятичей преданіе объ ихъ происхожденіи отъ Ляховъ, т. е. отъ западной вѣтви Славянъ; какъ и преданіе о Новгородцахъ, что они, бывши въ началѣ Словѣнами, сдѣлались потомъ отродьемъ Варяговъ. Для подобныхъ преданій годовыхъ чиселъ не бываетъ и потому они могутъ относиться къ незапамятной древности.

Кіевская сторона, прилегая къ широкимъ кочевымъ степямъ находясь на перекресткѣ народныхъ движеній съ В. на З. и съ С. на Ю., должна была съ незапамятныхъ временъ не одинъ разъ подвергаться завоеваніямъ и угнетеніямъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ снова возраждаться въ прежней свободѣ. При Геродотѣ, за 500 лѣтъ до Р. Х., надъ Скиѳами-земледѣльцами господствовали Скиѳы-кочевники. Въ концѣ перваго вѣка до Р. Х. Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ, что кочевыхъ Скиѳовъ въ конецъ истребили размножившіеся и усилившіеся Сарматы, которые подъ именемъ Роксоланъ сейчасъ же послѣ Скиѳовъ становятся господами всей нашей Черноморской Украйны. Страбонъ распространяетъ жилище Роксоланъ до крайнихъ предѣловъ извѣстнаго тогда Сѣвера. Очень ясно, что Роксоланы и были освободителями Днѣпровскаго народа отъ угнетенія Скиѳовъ. Было ли это имя туземнымъ или оно принесено сѣверными людьми, объ этомъ мы ничего не знаемъ; но изъ положенія очень давнихъ торговыхъ связей Балтійскаго моря съ Чернымъ и Каспійскимъ—можемъ не безъ основаній гадать, что такое имя могло быть принесено и отъ Сѣвера. Затѣмъ въ IV столѣтіи на днѣпровскія мѣста случилось нашествіе Готовъ, противъ которыхъ, пользуясь приближеніемъ Унновъ, первые возстали именно Росомоны или Роксоланы и за одно съ Уннами прогнали ихъ отъ Днѣпра. Съ тѣхъ поръ въ странѣ отъ устьевъ Дона до устьевъ Дуная господствуютъ Унны. Мы почитаемъ этихъ Унновъ Вендами или Ванами Скандинавскихъ сагъ. Ихъ именемъ, какъ потомъ именемъ Руси, или прежде именемъ Роксоланъ, какъ всегда бывало, покрывались всѣ тутошнія племена, и славянскія и кочевыя. При появленіи Унновъ, имя Роксоланъ изчезаетъ, но изчезаетъ ли ихъ свобода, неизвѣстно. Съ теченіемъ времени отъ внутреннихъ усобицъ Унны ослабѣли, и чтобы совсѣмъ ихъ искоренить, Греки призвали Аваровъ, которые снова угнетаютъ страну. Черезъ 200 лѣтъ страна снова освобождается и отъ Аваровъ Уннами-Булгарами, но вскорѣ снова подчиняется новымъ властителямъ, Хозарамъ[7].

Такимъ образомъ, угнетенія и освобожденія днѣпровской страны отмѣчены Исторіею не одинъ разъ. И вотъ объясненіе, почему въ Кіевѣ жило преданіе не о Росѣ—родоначальникѣ, какъ у Радимичей и Вятичей о Радимѣ и Вяткѣ, но о Росѣ—освободителѣ отъ иноземнаго ига. Такія преданія вполнѣ достовѣрны уже потому, что они всегда изображаютъ, такъ сказать, самое существо народной Исторіи. По этимъ преданіямъ можно заключать, что бытъ Радимичей и Вятичей до подданства ихъ Хозарамъ проходилъ мирнымъ растительнымъ путемъ, въ то время какъ бытъ Днѣпровскихъ Полянъ, время отъ времени, не одинъ разъ, подвергался покореніямъ и освобожденіямъ.

Какъ бы ни было, но связь всѣхъ первыхъ преданій нашей лѣтописи о русской землѣ сводится къ одному узлу, что жизнь Руси вообще поднялась отъ прихода сѣверныхъ людей. При этомъ преданія указываютъ, что первое движеніе историческихъ дѣлъ началось въ ильменской сторонѣ, въ ея главномъ городѣ, который прозывался уже *новымъ* городомъ, слѣд. былъ потомкомъ какого-то *стараго* города или стараго періода жизни, совсѣмъ изчезнувшаго изъ народной памяти. Объ этомъ старомъ времени у лѣтописца сохранялось только одно свѣдѣніе, что славянское племя, пришедшее на Ильмень-Озеро, прозывалось своимъ именемъ, Словѣнами, что оно построило тутъ городъ, назвавши его Новъ-городъ.

Эти Словѣни, какъ совсѣмъ особое племя, въ первые два вѣка нашей исторіи довольно точно отдѣляются своимъ именемъ отъ другихъ сосѣднихъ славянскихъ же племенъ. Это была самая *верхняя*, т. е. самая сѣверная вѣтвь всего Славянскаго рода. Какимъ образомъ и въ какое время забралось сюда это племя, и по какому случаю оно оставило за собою имя Словѣнъ—объ этомъ Лѣтопись ничего не помнитъ. Однако это самое славянское имя, хотя и не въ полной точности (Ставаны, Своvены), почти на томъ же мѣстѣ упоминается уже въ географіи втораго вѣка по Р. Х.

Существуетъ ли какая связь между голымъ именемъ Славянъ въ древнѣйшей географіи и началомъ нашей исторіи въ IX вѣкѣ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, чтобы узнать старую исторію н о в а г о города, намъ необходимо поближе осмотрѣть первоначальную древность славянскихъ поселеній въ нашей

странѣ. Мы увидимъ, что не только появленіе на своемъ мѣстѣ Новгорода, но и весь характеръ Русской исторіи, какъ она обозначилась въ первое время, вполнѣ зависѣли отъ древнѣйшихъ связей и отношеній балтійскаго славянскаго сѣвера и черноморскаго греческаго юга, проходившихъ по нашей странѣ именно тѣми путями, гдѣ сплошными поселками искони сидѣло и до сихъ поръ сидитъ одно Русское Славянство.

Споры и разсужденія о томъ, когда пришли Славяне въ Европу и какой они собственно народъ, азіатскій или европейскій, теперь вполнѣ и навсегда упразднены рожденною на нашей памяти наукою Сравнительнаго Языкознанія [8]. Она освободила Славянъ отъ тьмы невѣжественныхъ европейскихъ предубѣжденій и предразсудковъ, которые и въ наукѣ и въ политикѣ не отдѣляли достойнаго мѣста Славянству, какъ народности, несъумѣвшей стать господиномъ въ своей землѣ и потому будто бы не имѣющей равныхъ дарованій и талантовъ съ остальными европейцами. Весьма точными и подробными изслѣдованіями надъ составомъ и исторіею европейскихъ языковъ, наука Сравнительнаго Языкознанія утвердила теперь несомнѣнную истину, что всѣ европейцы, въ томъ числѣ и Славяне, родные братья между собою; что всѣ они происходятъ отъ одного отца—прародителя, отъ одного народа древнихъ Аріевъ, жившаго нѣкогда, какъ предполагаютъ въ Средней Азіи, за Каспійскимъ и Аральскимъ морями, на верху рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится извѣстный намъ Ташкентъ и гдѣ лежатъ земли древней Бактріи. Та страна въ древности такъ и называлась сѣменемъ Аріевъ. Оттуда въ теченіи многихъ вѣковъ и быть можетъ тысячелѣтій, разныя племена Арійцевъ мало по малу разошлись въ разныя стороны, подобно тому, какъ, по нашимъ преданіямъ, Славяне разошлись отъ Дуная и Карпатскихъ горъ. Южныя племена, Индусы, передвинулись дальше къ юго-востоку, въ области рѣкъ Инда и Ганга; другія переселились на ближайшій западъ, въ области нынѣшней Персіи; иныя потянулись вонъ

изъ Азіи на европейскій материкъ, то есть на дальній западъ и сѣверо-западъ отъ своей родины.

Вѣроятно, это происходило еще въ тѣ времена, когда Аральское, Каспійское, Азовское и Черное моря составляли одно Средиземное море между Европою и Азіею, отчего и сухопутная дорога Аріевъ въ Европу, должна была проходить въ двухъ направленіяхъ: для южныхъ племенъ—по Малой Азіи, для сѣверныхъ, именно для Германцевъ и Славянъ, по сѣвернымъ берегамъ упомянутыхъ морей, по нашимъ прикаспійскимъ и черноморскимъ степямъ, черезъ всѣ рѣки, впадающія въ эти моря изъ нашей равнины.

Имя Аріи, какъ толкуютъ, значитъ „почтенные, превосходные".

Кто изъ европейскихъ Аріевъ пришелъ прежде, кто послѣ, трудно судить, но основываясь на теперешнемъ размѣщеніи европейскихъ народовъ, естественно предполагать, что кто остался, такъ сказать, позади въ этомъ шествіи съ востока, тотъ конечно и пришелъ послѣ всѣхъ. По сѣверу Славяне и Литовцы искони живутъ на востокѣ Европы, ясно, что если они шли по сѣверному пути, то пришли сюда позднѣе другихъ, въ то время, когда всѣ мѣста дальше къ западу были заняты. Тоже можно сказать о Грекахъ въ южныхъ странахъ Европы.

Предполагаютъ, что первыми пришли Кельты, Италійцы и вообще племена Романскія, занявшія крайній европейскій западъ, за ними Греки, а уже потомъ Германцы и Славяне. Знаменитый первоначальникъ науки Сравнительнаго Языкознанія, Боппъ, на основаніи изслѣдованій о языкѣ Славянъ и Литвы, высказалъ твердое убѣжденіе, что эти языки должны были отдѣлиться отъ своего азіатскаго корня позднѣе всѣхъ другихъ европейскихъ языковъ. Такимъ образомъ выводы лингвистики только подтвердили, такъ сказать, физическую истину, то есть географическое мѣстоположеніе нашего племени относительно другихъ европейскихъ Арійцевъ.

Не менѣе знаменитый Шлейхеръ, напротивъ, думаетъ, что отъ первобытнаго индо-европейскаго народа сперва отдѣлилась и начала свое странствованіе та часть, изъ которой позднѣе произошли народы литво-славянскій и нѣмецкій. Другая часть выдѣлилась позднѣе и населила юго-западъ Европы племенами Кельтовъ, Италовъ, Грековъ.

Отдѣлившись отъ первобытнаго корня, славяно-нѣмецкая вѣтвь въ началѣ составляла одно племя, одинъ языкъ, одинъ особый народъ. Проживъ долгій періодъ времени единымъ племенемъ, она потомъ распалась на двѣ части, литво-славянскую и нѣмецкую. Гдѣ произошло это распаденіе, на дорогѣ ли изъ Азіи, или уже по прибытіи въ Европу, узнать невозможно. Послѣ и литво-славянская вѣтвь, въ свою очередь, точно также распалась на двѣ части, литовскую и славянскую, а наконецъ и особая славянская вѣтвь раздѣлилась на многія особыя же отрасли. Нѣкоторые (Гильфердингъ) не соглашаются съ выводами Шлейхера объ особомъ кровномъ родствѣ Славянъ съ Нѣмцами [9]. Но эти выводы, въ виду дальнѣйшихъ изслѣдованій, очень важны въ томъ отношеніи, что явственно обнаруживаютъ, если не коренное родство, то безпрестанныя исконивѣчныя связи, сосѣдство и взаимно-дѣйствіе между славянствомъ и германствомъ.

Таково предполагаемое родословное древо европейскихъ народовъ и нашихъ Славянъ. По этому древу Славяне оказываются родственниками, съ одной стороны Нѣмцамъ, а съ другой, въ особенности по звуковому составу языка, очень близкими родственниками очень далекимъ Индусамъ. „Славянскій языкъ, подтверждаетъ Боппъ, изъ европейскихъ, находится въ самомъ близкомъ родствѣ къ Санскриту“,—а Санскритъ есть древній языкъ Индусовъ и древнѣйшій, хотя и не первоначальный, языкъ всѣхъ Арійцевъ.

Любопытнѣе и важнѣе всего тотъ выводъ сравнительнаго языкознанія, что прародитель европейцевъ, первобытный народъ Аріевъ, живя въ своей странѣ, обладалъ уже такою степенью развитія, которая совсѣмъ выдѣляетъ его изъ порядка такъ называемыхъ дикихъ людей. Онъ не былъ уже кочевымъ звѣроловомъ или кочевымъ пастыремъ скота, онъ былъ земледѣлецъ и жилъ въ обстановкѣ и въ устройствѣ первоначальнаго осѣдлаго быта. Положительныя свѣдѣнія объ этомъ добыты изъ *кореннаго* словаря всѣхъ арійскихъ племенъ, который составился самъ собою, какъ только были произведены сравнительныя изысканія объ однородности языка древнѣйшихъ Аріевъ. Отсюда и выведены несомнѣнныя истины, что прародитель Арійцевъ умѣлъ устроивать себѣ жилище, домъ, въ которомъ были двери, печь изъ камня; что главное его имущество и богатство состав-

лялъ домашній скотъ, коровы—говядо, быки, туры, волы, лошади, овцы, свиньи, поросята, козы и даже птица—гуси. При стадѣ и домѣ жила собака, но кошка еще не была домашнимъ животнымъ.

Главное его занятіе было хлѣбопашество. Онъ оралъ землю раломъ, сѣялъ жито, сѣмена котораго могли быть полба, ячмень, овесъ, но рожь и пшеница являются въ послѣдствіи; умѣлъ молоть зерно, печь хлѣбъ, ѣлъ мясо вареное и даже чувствовалъ отвращеніе къ сыроядцамъ, т. е. къ дикарямъ—кочевникамъ. Питался также молокомъ; употреблялъ въ пищу и медъ, и пилъ медъ, какъ хмѣльной напитокъ.

Кромѣ скотоводства и хлѣбопашества онъ зналъ и нѣкоторыя ремесла, зналъ тканье, плетенье, шитье; зналъ обдѣлку золота, серебра, мѣди.

„По этому каменныя орудія, находимыя въ Европѣ, замѣчаетъ Шлейхеръ, не могли принадлежать индо-европейцамъ, потому что они знали металлъ еще до переселенія сюда, и нельзя себѣ представить, чтобы народъ съ теченіемъ времени забылъ его употребленіе. Стало быть, каменныя орудія надобно приписывать древнѣйшему слою населенія въ тѣхъ странахъ, которыя были заняты потомъ индо-европейцами.“

Прародитель умѣлъ плавать въ ладьяхъ при помощи весла. Его умственное развитіе выразилось въ знаніи счета по десятичной системѣ; однако онъ считалъ только до ста.

Устройство людскихъ связей и отношеній было родовое; его корнемъ была семья, жившая союзомъ брака, единоженства. Степени и связи родства обозначались тѣми же самыми словами, какія живутъ и доселѣ: отецъ—батя, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, нетій—племянникъ, зять, сноха, свекоръ, свекровь, деверь, вдова. Замѣчательно, что въ языкѣ прародителя существуютъ только слова для изображенія мирныхъ занятій и нѣтъ словъ, обозначающихъ дѣятельность воинственную. Такія слова появились уже у позднихъ потомковъ, когда Арійцы раздѣлились и разошлись по странамъ.

Понятіе о богѣ прародитель выражалъ тѣмъ же словомъ богъ, багасъ—податель благъ. Онъ покланялся вообще существамъ природы и прежде всего свѣтлому небу—Диву, солнцу, зарѣ, огню, вѣтру и матери—землѣ.

Таково было наслѣдство, полученное европейцами отъ своего прародителя; таковы были розданные имъ таланты, съ которыми они потомъ разошлись по своимъ землямъ. Развитіе этихъ талантовъ, у каждаго отдѣлившагося племени, вполнѣ зависѣло отъ обстоятельствъ времени и мѣста, отъ того, съ кѣмъ встрѣчалось племя на пути, гдѣ поселялось въ новыхъ мѣстахъ, и кого имѣло у себя сосѣдомъ. Такъ Греки, въ своемъ переходѣ съ прародительской земли, основались по преимуществу на морскихъ берегахъ, по морямъ Средиземному и Черному, гдѣ встрѣтили Финикіянъ и Египтянъ—народы высокаго развитія, и сдѣлались достойными наслѣдниками ихъ культуры. Морскіе берега, ихъ особое количество и качество, по всюду благопріятствовали человѣческому развитію, и потому кто поселялся на такихъ берегахъ, тотъ уже на первый же разъ пріобрѣталъ неоцѣнимое сокровище для дальнѣйшей жизни.

Благопріятное развитіе италійскихъ племенъ точно также вполнѣ зависѣло отъ количества и качества морскихъ береговъ, отъ этого многообразнаго европейскаго полуостровья, которое они заняли для своихъ поселеній.

Отдѣлившіеся отъ прародителя народы Нѣмцевъ и Славянъ повидимому съ самаго начала основались въ луговыхъ, лѣсныхъ и горныхъ мѣстахъ серединной Европы. Здѣсь, по указанію Шлейхера, они присоединили къ арійскому житу посѣвъ пшеницы и ржи и выучились варить пиво.

Конечно, не эти одни предметы характеризуютъ степень развитія первобытныхъ Славянъ и Германцевъ. Наука о языкѣ указываетъ только примѣрныя черты этого развитія, которое полнѣе выяснится при дальнѣйшихъ ея изслѣдованіяхъ. Но именно эти злаки и этотъ напитокъ уже достаточно объясняютъ, въ какихъ мѣстахъ, подъ какою широтою существовали первыя поселенія Славянъ и Нѣмцевъ.

Выводы сравнительнаго языкознанія очень важны для насъ по преимуществу въ томъ отношеніи, что они разъ навсегда утверждаютъ неоспоримую истину, что славянское племя ни въ какое время древнѣйшей, а тѣмъ болѣе средневѣковой европейской исторіи не находилось на томъ уровнѣ развитія, который именуется вообще дикимъ, что поэтому и Несторово изображеніе первобытной дикости русскихъ

племенъ во многомъ преувеличено для наибольшей похвалы роднымъ Полякамъ.

Если и самые прародители всѣхъ Европейцевъ не были народомъ похожимъ на цвѣтныхъ дикарей Америки и Австраліи, какъ представлялъ себѣ нашихъ Славянъ знаменитый Шлецеръ, то всѣ разсужденія о первобытной медвѣжьей дикости Нѣмцевъ и Славянъ, какъ говоритъ Шлейхеръ, по меньшей мѣрѣ не имѣютъ значенія.

Понятія объ этой дикости и особенномъ варварствѣ нашихъ предковъ мы приняли по наслѣдству отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, которые не безъ особенной похвальбы самимъ себѣ почитали весь остальной міръ дикимъ и варварскимъ. Такъ точно и теперь образованные и необразованные Европейцы, тоже не безъ особой похвальбы самимъ себѣ, почитаютъ насъ Русскихъ полнѣйшими варварами, принявши это мнѣніе тоже по наслѣдству отъ Грековъ и Римлянъ, больше всего литературнымъ путемъ. Въ глазахъ теперешняго Европейца Россія есть таже Скиѳія Грековъ и Сарматія Римлянъ. Западная школа, какъ прямая наслѣдница школы латинской, и вся западная образованность учитъ эту истину уже болѣе тысячи лѣтъ. Даже братья Славяне, особенно католики, какъ ученики той-же латинской школы, точно также смотрятъ на насъ съ высока и по римскому взгляду почитаютъ насъ тоже варварами. Не говоримъ о Полякахъ, которые вмѣстѣ съ Французами старательно доказывали въ одно время, что мы даже и не Славяне, а туранское племя.

Само собою разумѣется, что арійское наслѣдство, именно земледѣльческій и осѣдлый бытъ, которое Славяне принесли въ Европу, подобно евангельскому таланту, не составляло еще полнаго богатства. Оно заключало въ себѣ только твердыя основы для дальнѣйшаго развитія, такія основы, которыя, несмотря на всѣ превратности исторической судьбы нашего племени, все-таки спасали его отъ совершенной погибели и раззоренія, то есть спасали отъ совершеннаго одичанія. И это особенно должно сказать о восточномъ Славянствѣ, такъ какъ ему одному изъ всѣхъ Славянъ выпала на долю безконечная борьба именно съ кочевыми дикарями. Въ этомъ отношеніи восточное Славянство больше другихъ Арійцевъ показало, насколько тверды и прочны были пер-

вобытныя основы арійскаго быта. Въ своихъ безпредѣльныхъ лѣсахъ и степяхъ оно не было побѣждено ни безконечнымъ пространствомъ своей дикой равнины, ни безчисленными полчищами своихъ дикихъ враговъ—кочевниковъ. Къ тому же его богатые братья—Европейцы никогда ему и не помогали. Напротивъ, и въ древнее время, и въ современной нашей борьбѣ съ старыми кочевниками, они употребляли всѣ усилія, чтобы по возможности ослабить и раззорить восточнаго бѣдняка, уже только за то, что онъ Скиѳъ, что онъ Сарматъ. Нужно ли говорить при этомъ, какою дорогою цѣною этотъ бѣднякъ добывалъ и пріобрѣталъ у своихъ богатыхъ братьевъ плоды всякаго просвѣщенія, знанія, образованности.

Арійское наслѣдство Славянъ, какъ мы сказали, заключалось въ земледѣльческомъ бытѣ со всею его обстановкою, какая создалась и постепенно создавалась изъ самаго его корня.

Еще до распаденія на многія отрасли, живя единымъ первобытнымъ племенемъ, Славяне „были народъ по преимуществу земледѣльческій". „Скотоводство у нихъ было распространено больше, чѣмъ у Германцевъ"[10], несомнѣнно по той причинѣ, что они жили въ лучшихъ пастбищныхъ мѣстахъ, каковы были ихъ приднѣпровскія и придунайскія степи. Любимымъ и самымъ сподручнымъ ихъ промысломъ было бортевое дупловое добываніе пчелъ, то есть добываніе воска и меда. Еще Ѳракійцы разсказывали Геродоту, что въ земляхъ лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная, столько водится пчелъ, что людямъ дальше и пройдти нельзя. Извѣстные доселѣ роды хлѣбовъ и овощей: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, просо, горохъ, чечевица, макъ, дыня и пр.;—плодовыхъ деревъ: яблоня, груша, вишня, черешня, слива, орѣхъ, и лѣсныхъ: дубъ, липа, букъ, яворъ, верба, ель, сосна, боръ, береза;—извѣстные доселѣ земледѣльческія и другія орудія—плугъ, орало, серпъ, коса, сѣкира, мотыка, лопата, ножъ, долото, пила, игла, какъ и хозяйскія устроенія: тумно, мельница, житница, не говоря о домѣ и дворѣ съ различными постройками, о деревнѣ—веси и т. п.; извѣстныя доселѣ ремесла: коваль—ковачъ (кузнецъ), горнчаръ,

ткачъ, суконщикъ и пр., а слѣд. и разные предметы ремесленныхъ издѣлій; — все это было извѣстно еще народу—прародителю всѣхъ славянскихъ племенъ. Онъ зналъ стекло, корабль, полотно, сукно, одежду—рубаху, ризу, плащъ, обручъ—браслетъ, перстень, печать;— копье, стрѣлы, мечъ, стремя; онъ зналъ письмо—книгу (доску), образъ въ смыслѣ рисунка; онъ зналъ гусли, трубу, бубенъ.

Домашнее и общественное устройство людскихъ отношеній и связей и у прародителя было такое же, какое находимъ и у всѣхъ раздѣленныхъ племенъ. Слова: земля, народъ, языкъ, племя, родъ, община, князь, кметъ, воевода, владыка, староста, не говоря объ именахъ родства, всѣ принадлежатъ языку прародителя. Существовали уже понятія закона, правды—права, суда. Существовалъ торгъ, мѣра, локоть, пенязь (деньги), взятый едва ли отъ Готовъ—Германцевъ, а повсему вѣроятію принадлежавшій обоимъ народностямъ съ незапамятнаго времени [11].

Въ прародительскомъ языкѣ нѣтъ только словъ, ясно опредѣляющихъ понятія о личной собственности и наслѣдствѣ и поэтому такія слова у разныхъ племенъ различны. Это объясняется общею чертою славянскаго быта, не выдвигавшаго личность на поприще дѣяній самовластныхъ, господарскихъ, самодержавныхъ, но всегда ограничивавшихъ ее правами рода и общины. Личность въ римскомъ и нѣмецкомъ стилѣ для Славянъ была созданіемъ непонятнымъ и потому въ ихъ быту и не существовало никакихъ правовыхъ ея качествъ.

Сравнительное Языкознаніе выводитъ также предположеніе, что Славяне и братья ихъ Литовцы переселились въ Европу уже въ томъ вѣкѣ, когда вошло въ употребленіе желѣзо. Прежніе арійскіе переселенцы знали только золото, серебро, мѣдь, бронзу (смѣсь мѣди съ оловомъ). Желѣзо было очень хорошо извѣстно уже Геродотовскимъ Скиѳамъ. Они употребляли желѣзные мечи, удила, пряжки, обтягивали колеса желѣзными шинами, скрѣпляли колесницы желѣзными полосами. А такъ какъ имя желѣза извѣстно было уже древнимъ Индусамъ и въ ихъ языкѣ имѣетъ корни, то очевидно, что Славяне принесли въ Европу это имя и самый металлъ, отдѣлившись отъ Индусовъ послѣ всѣхъ своихъ европейскихъ братьевъ.

Изъ этого короткаго обзора первобытныхъ очертаній Славянскаго быта выводится одно заключеніе, что первоначальная культура Славянства едва ли въ чемъ уступала культурѣ древнихъ Германцевъ; во многомъ она даже и превосходила Германскую, именно превосходила особымъ развитіемъ по преимуществу земледѣльческаго быта со всѣми его потребностями и со всею обстановкою. Самый плугъ, по увѣренію Шлейхера, заимствованъ Нѣмцами у Славянъ. Во многихъ мѣстахъ средней и южной Германіи Славяне въ свое время были учителями земледѣлія; тамъ и понынѣ глубокія и узкія борозды называются Вендскими [12].

Поэтому необходимо замѣтить, что все, что разсказываютъ изслѣдователи-патріоты о вліяніи въ древнѣйшее время нѣмецкой культуры на славянскую, требуетъ еще основательной повѣрки, ибо Нѣмцы во всѣхъ ученыхъ, общественныхъ и политическихъ случаяхъ идутъ всегда отъ предвзятой истины, что славянскій родъ есть низшая степень передъ германствомъ и съ незапамятныхъ временъ во всемъ обязанъ просвѣтительной дѣятельности Германцевъ. Историческія и культурныя отношенія послѣднихъ вѣковъ они переносятъ чуть не ко временамъ Адама.

„Было бы рѣшительно странно, говоритъ Шлейхеръ, еслибы славянскій языкъ вовсе не имѣлъ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, тогда какъ Славяне и Нѣмцы съ незапамятныхъ временъ были сосѣдями и когда нѣмецкія племена раньше Славянъ пріобрѣли историческое значеніе. Само собой становится правиломъ, что значительнѣйшій народъ обыкновенно сообщаетъ важныя культурныя слова народу, занимающему низшую степень развитія.... По этому вполнѣ понятно, если въ славянскомъ (языкѣ) мы находимъ такія важныя слова, какъ кънязь, хлѣбъ, стькло, пѣнязь, заимствованныя изъ нѣмецкаго“.

Эти слова обозначаютъ культурные предметы, которыхъ Славяне стало быть не знали до тѣхъ поръ, пока не встрѣтились съ Нѣмцами. Но когда это было? Вопросъ крайне любопытный, тѣмъ болѣе, что упомянутыя слова принадлежатъ славянскому прародителю, или тому времени, когда Славянство еще составляло одинъ родъ и не раздѣлялось на вѣтви. Это такая древность, о которой не

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

помнитъ никакая исторія, а въ лингвистикѣ хронологія еще только предчувствуется.

О пивѣ достоуважаемый ученый замѣчаетъ, что различіе въ нѣмецкомъ и славянскомъ его названіи таково, что нельзя и думать о заимствованіи и потому относитъ изобрѣтеніе этого напитка къ тому времени, когда Славяне и Нѣмцы составляли одинъ коренной народъ. Но быть можетъ при болѣе тщательныхъ изслѣдованіяхъ окажется, что и всѣ другія слова точно также принадлежали языку и культурѣ этого славяно-нѣмецкаго корня, или, вѣрнѣе, такой древности, гдѣ и Славяне и Нѣмцы стояли во всѣхъ отношеніяхъ на одномъ уровнѣ развитія.

О словѣ кънязь онъ говоритъ, что оно могло быть заимствовано у Нѣмцевъ еще въ коренной литво-славянскій языкъ, то есть когда Славяне не отдѣлялись еще отъ Литвы, хотя уже вмѣстѣ съ Литвою отдѣлились отъ Нѣмцевъ. Вотъ въ какое время Нѣмцы уже были господами Славянъ. Такъ можетъ заключать каждый простой читатель, ибо слово князь, какъ и позднѣйшее баронъ, обозначаетъ извѣстнаго рода власть, родовую или общинную, и должно было появиться у Славянъ въ одно время съ понятіемъ объ этой власти, почему изслѣдователь и называетъ заимствованіе этого слова важнымъ. Пусть сама лингвистика судитъ о достоинствѣ лингвистическихъ доказательствъ въ подобныхъ выводахъ; но такъ какъ эти выводы получаютъ значеніе историческихъ фактовъ, то они по необходимости должны быть провѣрены историческими и даже этнологическими отношеніями, которыя всегда бываютъ несравненно понятнѣе для простаго разумѣнія. Наши лингвисты очень основательно доказываютъ, что слово „кънязь“, хотя и общаго происхожденія съ нѣмецкимъ kuning, однако у Славянъ и Литвы опредѣлилось въ своемъ значеніи самостоятельно [13]. Общее происхожденіе Славянъ и Нѣмцевъ, утверждаемое Шлейхеромъ, больше всего говоритъ и за общее происхожденіе отъ одного роднаго корня подобныхъ словъ.

Слово хлѣбъ, въ смыслѣ испеченой круглой формы, даетъ поводъ нѣмецкимъ ученымъ доказывать, что „искусство хлѣбопеченія перешло къ Славянамъ отъ Нѣмцевъ“. Значитъ Славяне, усердные хлѣбопашцы, принесшіе умѣнье печь хлѣбъ еще отъ арійскаго прародителя, все таки до времени

знакомства съ Нѣмцами, питались киселемъ или блинами, и не знали какую форму дать приготовленному тѣсту. Слово хлѣбъ во всѣхъ германскихъ, въ литовскомъ и во всѣхъ славянскихъ языкахъ имѣетъ однородную форму и большая родня латинскому (libum) и греческому „кливанон.“ Въ Греціи это слово было очень старо, говоритъ Генъ, но попало туда, можетъ быть и изъ Малой Азіи. Изъ Греціи оно, черезъ посредство промежуточныхъ народовъ, Ѳракійцевъ, Паннонцевъ и т. д. перешло къ Нѣмцамъ, которые въ свою очередь передали его *далѣе* Литовцамъ и Славянамъ“. Но Славяне искони жили у Дуная и на Днѣпрѣ, то есть несравненно ближе Нѣмцевъ и къ Грекамъ, и къ Малой Азіи. По какой же необходимости учиться хлѣбопеченію они должны были идти къ Нѣмцамъ, въ средину тогда еще глухой Европы, а не къ южнымъ сосѣдямъ—Грекамъ! Быть можетъ тоже самое должно сказать и о стеклѣ, какъ и о другихъ подобныхъ культурныхъ словахъ.

Любопытно также разсужденіе Гена о плугѣ, первое употребленіе котораго, вопреки Шлейхеру, онъ присвоиваетъ Нѣмцамъ. „Собственный плугъ, говоритъ онъ, въ нѣсколько колѣнъ, съ желѣзнымъ сошникомъ, а въ дальнѣйшемъ развитіи и съ колесами, — сдѣлался впервые потребностью только тогда, когда въ теченіи столѣтій почва мало по малу стала освобождаться отъ корней и каменьевъ, и земледѣліе потеряло свой кочующій, добавочный характеръ. Съ этого времени, когда сѣверовосточные народы частью проникли изъ своихъ лѣсовъ и съ своихъ пастбищъ на югозападъ, частью получили оттуда образовательныя начала всякаго рода, идетъ Германо-Славянское выраженіе Pflug, плугъ. Исторію этого слова можно прослѣдить довольно хорошо. У Плинія (кн. 18, 48) находимъ извѣстіе: „Недавно въ Галльской Реціи изобрѣтено прибавлять къ нему (плугу) два маленькихъ колеса, что называется plaumorati.“ „Хотя чтеніе не надежно и форма слова темна, говоритъ авторъ, но въ этомъ названіи осмѣлимся находить древнѣйшее упоминаніе позднѣйшаго плуга“. Онъ указываетъ, что слово plovum, plobum, плугъ, упоминается уже въ половинѣ седьмаго вѣка въ Лонгобардскихъ законахъ. „Изъ Германіи, продолжаетъ авторъ, это слово перешло потомъ къ Славянамъ, когда и эти послѣдніе—какъ всегда, позади и послѣ

Германцевъ—обратились къ высшимъ формамъ земледѣлія. Наоборотъ, нѣмецкій земледѣльческій языкъ заимствовалъ многія славянскія выраженія въ тѣ юныя времена, когда славянскія племена проникли въ сердце нынѣшней Германіи и должны были, въ качествѣ крестьянъ, работать на своихъ нѣмецкихъ господъ“ [14].

Въ темномъ и ненадежномъ словѣ plaum—orati можно возстановлять цѣлое славянское рѣченіе плоугомъ орати, которое какъ нельзя яснѣе выражаетъ то, что сказалъ Плиній. Намъ неизвѣстно, какъ думаютъ объ этомъ словѣ славянскіе лингвисты; но во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ ихъ вниманія. Галльская Рецiя на сѣверъ граничила съ Винделикіею, находившеюся между верхнимъ Дунаемъ и Инномъ, гдѣ городъ Аугсбургъ. Винделикія, присоединенная къ Римскимъ областямъ императоромъ Августомъ, указываетъ на имя Вендовъ-Славянъ, отъ которыхъ колесный плугъ и могъ перейдти въ Галльскую Рецію. Логически выводя употребленіе плуга отъ того времени, когда лѣсныя нивы уже достаточно были вычищены отъ корней и каменьевъ, или когда нѣмцы вышли изъ лѣсовъ и поселились въ южныхъ поляхъ, авторъ вовсе не имѣетъ въ виду того обстоятельства, что Славяне съ первыхъ же своихъ поселеній въ Европѣ (около Днѣпра) основались въ черноземныхъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ однимъ раломъ или сохою всего сдѣлать было невозможно и гдѣ по необходимости приходилось выдумывать плугъ, который для этого и упалъ Скиѳамъ прямо съ неба, какъ свидѣтельствовали ихъ преданія. Изъ своихъ степей Славяне отнесли его и дальше къ западу въ сердце Германіи. Въ этомъ случаѣ изобрѣтателемъ была, такъ сказать, сама почва, на которой кто жилъ. Долгое время люди могли довольствоваться и первобытными орудіями, но потомъ сама почва заставила пахать и на колесахъ и въ нѣсколько паръ воловъ.

Но вообще всѣ подобные выводы о культурныхъ заимствованіяхъ между древними народами, по справедливому замѣчанію Шлейхера, „могутъ быть рѣшены только обширными и строгими изслѣдованіями, которыя ожидаются еще въ будущемъ“.

Развитіе средневѣковой варварской Европы отличалось у всѣхъ племенъ значительною однородностью и можно ска-

зать общимъ единствомъ въ томъ смыслѣ, какъ и теперешняя образованность Европы при всемъ разноличіи народностей заключаетъ въ себѣ много общаго, однороднаго, единаго. Причинами для этого служили не только однородность происхожденія, но и одинаковыя условія быта, отчего повсюду встрѣчаемъ сходные нравы и обычаи, сходныя преданія и вѣрованія, сходныя формы всякихъ вещей и предметовъ внѣшней обстановки этого быта.

Варварская культура, находившись подъ вліяніемъ Римлянъ на западѣ и Грековъ на востокѣ, стала двигаться замѣтными шагами къ совершенствованію и разнообразію только съ той поры, когда неустроенная политически и почти во всемъ сходная толпа варваровъ стала разчленяться на особыя, отдѣльныя другъ отъ друга, политическія тѣла, называемыя государствами. Съ этой минуты начинается и различіе въ культурѣ западныхъ народностей, передовое движеніе однихъ и отставаніе другихъ, смотря по условіямъ мѣста и историческихъ обстоятельствъ. Съ этой поры и идутъ такъ называемыя культурныя заимствованія низшихъ народовъ, мужиковъ, у высшихъ—господъ. Но такія заимствованія исторія очень хорошо помнитъ и можетъ ихъ перечислить съ полною достовѣрностію. Чтоже касается времени до-государственнаго или до-историческаго въ быту варварской Европы, то здѣсь, какъ мы думаемъ, очень трудно, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно сказать или доказать, кто стоялъ выше по культурѣ: Кельтъ, Галлъ, Германецъ или Вендъ-Славянинъ. Всѣ они были образованы или необразованы одинаково и ихъ культурная высота заключалась только въ осѣдломъ бытѣ, въ виду котораго Римляне и отдѣляли ихъ отъ варваровъ-кочевниковъ, болѣе свирѣпыхъ и болѣе неустроенныхъ. Славяне, занимая средину между осѣдлыми, то есть Германцами, какъ понимали Римляне, и кочевыми, то есть Сарматами, совсѣмъ терялись для исторіи или въ имени Германіи и Германцевъ, или въ имени Сарматіи и Сарматовъ. Оттого ученая исторія и не знаетъ, гдѣ они находились до появленія въ лѣтописяхъ имени Словенинъ и, разсуждая совсѣмъ по дѣтски, признаетъ это появленіе лѣтописныхъ буквъ за появленіе въ исторической жизни самого народа.

Сравнительное языкознаніе, все болѣе и болѣе раскрывая глубокую древность арійскихъ переселеній въ Европу, доказываетъ между прочимъ только одно, что Славянскій родъ долженъ былъ придти въ Европу позднѣе другихъ и если онъ прошелъ сѣвернымъ путемъ, мимо Каспія, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то нѣтъ также сомнѣнія, что древнѣйшимъ и уже постояннымъ мѣстомъ его первыхъ земледѣльческихъ поселеній были плодородныя степи около Днѣпра. Сюда, въ первое время, Славяне должны были скопиться изъ всѣхъ степныхъ обиталищъ съ пройденнаго пути, начиная отъ Каспія и нижней Волги и чрезъ нижній Донъ, ибо въ тѣхъ обиталищахъ повидимому скоро показались кочевники, которые, размножившись въ своихъ азіатскихъ мѣстахъ, быть можетъ погнали Славянъ и изъ самой Азіи.

Въ то время, когда Геродотъ (450 лѣтъ до Р. Х.) описывалъ нашу Скиѳію, Германцы и Славяне давно уже жили на своихъ коренныхъ мѣстахъ и восточная украйна Европы, отъ береговъ Чернаго до береговъ Балтійскаго моря, по направленію Карпатскихъ горъ, необходимо была населена только Славянами. Въ VI-мъ вѣкѣ по Р. Х. они здѣсь живутъ многочисленными и даже безчисленными поселеніями, о чемъ говорятъ Прокопій и Іорнандъ. Съ того времени до нашихъ дней они живутъ на тѣхъ же мѣстахъ почти XIV столѣтій. Очевидно, что восходя отъ VI-го столѣтія вверхъ къ Геродоту (на IX столѣтій) и уменьшая эту многочисленность, мы необходимо должны встрѣтиться съ состояніемъ дѣлъ, какъ ихъ описываетъ Геродотъ. По его словамъ наша южная равнина въ то время была занята отъ Днѣпра на востокъ кочевниками, отъ Днѣпра на западъ—земледѣльцами. И тѣ и другіе у Грековъ носили одно имя Скиѳовъ; но въ своихъ разсказахъ Геродотъ достаточно отличаетъ кочевниковъ отъ земледѣльцевъ. Онъ только мало различаетъ древнія преданія обѣихъ народностей, и не указываетъ, что должно относить къ осѣдлымъ и что къ кочевымъ. Дѣло науки расчленить эти преданія и устранить ученый неосновательный обычай толковать о Скиѳахъ безразлично, какъ объ одной кочевой народности.

Скиѳы говорили Геродоту, что начальное время ихъ жизни у Днѣпра, когда царствовали у нихъ *три брата* и упали

къ нимъ съ неба золотыя земледѣльческія орудія, случилось за 1000 лѣтъ до похода на нихъ Персидскаго Дарія, то есть за 1500 лѣтъ до Р. Х. Это показаніе мы и можемъ принять, какъ ближайшій рубежъ для опредѣленія времени первыхъ заселеній Славянами европейскихъ земель. Объ Адріатическихъ Венетахъ въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. записано Арріаномъ преданіе, что они переселились въ Европу изъ Азіи по случаю тѣсноты и побѣдъ отъ Ассирійцевъ. Это новое показаніе можетъ только подтверждать преданіе Скиѳовъ, ибо славныя завоеванія Ассирійцевъ относятся къ тому же времени, слишкомъ за 1200 лѣтъ до Р. Х.[15] Отыскивать въ числѣ Днѣпровскихъ Скиѳовъ какихъ либо Германцевъ или другой народъ, кромѣ Славянскаго, нѣтъ основаній. Тому очень противорѣчитъ именно сѣдая древность Арійскихъ переселеній и свидѣтельства исторіи отъ временъ Геродота. Мы уже видѣли, что всѣ Арійцы не были кочевниками, но были земледѣльцами; поэтому, заселяя Европу, хотя бы наши южныя степи, они должны прежде всего неизмѣнно оставаться тѣми же земледѣльцами. При Геродотѣ такіе земледѣльцы жили около Днѣпра и дальше на западъ. Между Днѣпромъ и Дономъ жили кочевники. Затѣмъ и послѣ Геродота до самыхъ Татаръ здѣсь живутъ тоже кочевники. О приходѣ съ востока другихъ какихъ либо земледѣльцевъ и притомъ во множествѣ исторія не говоритъ ни слова; она описываетъ только нашествія кочевниковъ. Изъ этого уже видно, что Геродотовскіе Днѣпровскіе земледѣльцы были послѣдними пришельцами отъ Арійскаго востока и если Славяне шли позади всѣхъ другихъ Арійцевъ, то время Геродота застало ихъ уже на Днѣпрѣ, давно перешедшими и Донъ, и Волгу, и Уралъ.

Уже древніе догадывались какимъ способомъ могли происходить подобныя переселенія. Плутархъ въ Маріѣ приводитъ современные ему догадки и толки о движеніи на Римъ за 100 лѣтъ до Р. Х. Кимвровъ (Сербовъ?) и Тевтоновъ. Кимвры и Тевтоны двинулись отъ сѣвера изъ глубины Германіи. Они искали земель для поселенія. Они знали, что такимъ путемъ Кельты заняли лучшую часть Италіи, отнявши земли у Этрурцевъ. Все это показываетъ, что Кимврамъ и Тевтонамъ было тѣсно на своей землѣ и они рѣшились искать новыхъ мѣстъ болѣе теплыхъ, чѣмъ ихъ родина. Все

это показываетъ, что спустя 300 лѣтъ послѣ Геродота въ Германіи чувствовался уже избытокъ населенія, потому что вообще всѣ передвиженія народовъ поднимались не иначе, какъ отъ тѣсноты, отъ недостатка корма, слѣд. вообще отъ размноженія людей нарожденіемъ. По разсказамъ древнихъ, Кимвры и Тевтоны не всѣ вдругъ разомъ и не безпрерывно выходили изъ своихъ земель, но каждый годъ съ наступленіемъ весны все подвигались впередъ и въ нѣсколько лѣтъ пробѣжали войною обширную землю сѣвера Европы. Это значитъ, что каждую весну, занимая новыя мѣста, они устроивали посѣвъ хлѣба, дожидались жатвы и послѣ зимняго отдыха, съ наступленіемъ новой весны, передвигались на новыя мѣста для пашни. За передовыми конечно слѣдовали тѣмъ же порядкомъ задніе. Такъ и не иначе могли переходить съ мѣста на мѣсто народы земледѣльческіе. Они останавливались тамъ, гдѣ находили лучшія земли для жилища, или гдѣ по случаю тѣсноты населенія дальше идти было невозможно. Такъ и Славянскія племена должны были остановится около Днѣпра, который не только сдѣлался ихъ кормильцемъ, но по преданію Скиѳовъ-земледѣльцевъ, онъ сдѣлался ихъ прародителемъ, ибо первый Скиѳъ родился отъ бога и дочери рѣки Днѣпра, въ образѣ которой быть можетъ обоготворялась самая рѣка. Этотъ прекрасный миѳъ, если онъ Славянскій, въ чемъ мы несомнѣваемся, самъ собою уже свидѣтельствуетъ, что коренное жилище древнѣйшихъ Славянъ, на пути изъ Арійской родины въ Европу, основалось прежде всего вокругъ южнаго Днѣпра. Отсюда съ накопленіемъ населенія каждую весну Славяне могли переходить дальше на западъ къ Карпатамъ и Дунаю; дальше на сѣверозападъ вверхъ по самому Днѣпру по Припяти и Березинѣ къ Балтійскому морю; вверхъ по Бугу и Днѣстру—къ Вислѣ и Одеру, текущимъ уже прямо въ Балтійское море. Точно также еще въ глубокой древности ихъ жилища должны были распространиться и въ восточный край по Деснѣ, по Сулѣ и по другимъ притокамъ Днѣпра до Рязанской Оки и до вершинъ Дона, куда направлялась черноземная полоса этихъ земель. При Геродотѣ въ этихъ краяхъ жили Меланхлены—Черные кафтаны. Геродотъ свою *древнюю* земледѣльческую Скиѳію располагаетъ между нижнимъ Днѣпромъ и нижнимъ Дунаемъ. Нашъ

лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь въ IX в. живутъ Славяне, и что страна ихъ у Грековъ называлась *Великою* Скиѳiею, что значитъ тоже древняя, старшая.

Но въ этой древней Скиѳiи при Геродотѣ повидимому жила только восточная, Понтiйская (Русская) вѣтвь Славянскаго рода. О Балтiйской или Вендской вѣтви историкъ не имѣлъ понятiя, потому что не зналъ, кто живетъ на дальнѣйшемъ сѣверѣ отъ его Скиѳiи. Въ восточной вѣтви онъ однако различаетъ уже особыя колѣна: Алазоновъ, жившихъ въ Галицiи и у Карпатъ, Скиѳовъ оратаевъ—нашихъ Полянъ, и Скиѳовъ земледѣльцевъ, Георговъ, обитателей запорожскаго Днѣпра. Въ VII столѣтiи по Р. Х. эти колѣна обозначаются довольно опредѣленно по случаю переселенiя Хорватовъ и Сербовъ съ Карпатскихъ горъ и изъ Червоной или Галицкой Руси, носившей въ то время имя Бѣлой (свободной) Хорватiи, и Болгаръ съ низовьевъ Днѣпра и Буга. Оратаи-Поляне остались на своихъ мѣстахъ. Геродотъ указываетъ мѣсто и Бѣлорусскому племени въ имени Невровъ—Нуровъ, которыхъ южная граница начиналась у источниковъ Днѣстра и Буга. О дальнѣйшемъ распространенiи ихъ къ сѣверу историкъ не говоритъ ничего, но присовокупляетъ далекое преданiе, что еще до похода на Скиѳовъ Персидскаго Дарiя, лѣтъ за 600 до Р. Х., эти Невры, несомнѣнно болѣе сѣверные, переселились на востокъ въ земли Будиновъ[16]. Мы уже говорили (ч. 1. стр. 223), что отъ этого перехода Невровъ на сѣверовостокъ могло въ теченiи вѣковъ развиться и распространиться новое колѣно восточной Славянской вѣтви, такъ называемое Великорусское племя. Несомнѣнныя подтвержденiя этому предположенiю больше всего открываются въ именахъ земли и воды, разнесенныхъ изъ западнаго края по всему Русскому сѣверовостоку. Но, какъ увидимъ, въ образованiи Великорусскаго племени участвовали и другiя Славянскiя отрасли, именно Балтiйскiя.

На Балтiйскомъ побережьи, между Вислою и Одеромъ, Славянское племя, также какъ на Прусскихъ берегахъ и въ устьяхъ Нѣмана Литва, могутъ почитаться древнѣйшими старожилами этихъ мѣстъ.

Литовское слово baltas, balts—бѣлый, уже въ древнѣйшее время, за долго до Р. Х., послужило корнемъ для названiя этого моря и нѣкоего его острова, извѣстнаго по собиранiю

янтаря. Море Балтійское значитъ море Бѣлое, соотвѣтственное Русскому названію сѣвернаго Бѣлаго моря. Точно также извѣстное древнимъ скиѳское имя янтаря, sacrium или satrium, объясняется изъ латышскаго: sihtars, sihters, означающаго янтарь и вообще кристаллъ [17].

„Греки съ незапамятнаго времени, говоритъ Шафарикъ, имѣли преданіе о томъ, что янтарь находится на сѣверѣ, въ землѣ Венедовъ, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверное море". Зналъ объ этомъ и Геродотъ, но быть можетъ изъ купеческихъ видовъ не хотѣлъ ничего разсказывать.

Онъ говорилъ такъ: „о крайнихъ земляхъ Европы ничего не могу сказать достовѣрнаго, и не вѣрю, что будто существуетъ какая то рѣка, называемая варварами Ириданомъ, которая впадаетъ въ Сѣверное море, и изъ которой, какъ говорятъ, достаютъ янтарь. Неизвѣстны мнѣ и острова, откуда привозится олово. Да и самое имя Иридапъ очевидно эллинское, а не варварское и вымышлено какимъ нибудь поэтомъ. Не смотря на всѣ мои старанія, я не слыхалъ ни отъ одного очевидца, чтобы за Европою находилось море. Только знаю, что олово и янтарь приходятъ къ намъ (Грекамъ) доподлинно съ края земли".

Дѣйствительно, трудно предполагать, чтобы Геродотъ, такъ внимательно и точно изучавшій географію и этнографію древнихъ народовъ, не зналъ болѣе никакихъ подробностей, откуда собственно приходитъ янтарь. Быть можетъ изъ за тѣхъ же купеческихъ видовъ онъ не упоминаетъ и самое имя сѣверныхъ Венедовъ и не знаетъ, кто живетъ по верхнему теченію Днѣпра, указывая только, что тамъ дальше живутъ Людоѣды. Изъ такихъ разсказовъ поэтамъ оставалось одно—помѣстить рѣку Эриданъ въ землѣ Венетовъ, извѣстныхъ тогдашнимъ Грекамъ и самому Геродоту, именно у Венетовъ Адріатическихъ. Такъ это и случилось: правдивое сказаніе о неизвѣстномъ Сѣверѣ помѣщено на извѣстномъ Югѣ, гдѣ янтаря не существовало, но куда онъ доходилъ путемъ торга и черезъ руки все тѣхъ же Венетовъ Славянъ.

Раскрывая и доказывая эту истину, Шафарикъ оканчиваетъ свое изслѣдованіе такими словами: „И такъ, вотъ то древнѣйшее свидѣтельство о Венетахъ, праотцахъ послѣдующихъ Славянъ, обитавшихъ за Карпатами и на берегу Бал-

тійскаго моря, свидѣтельство, коего, послѣ тщательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ, къ нему относящихся, никакъ нельзя отнять у насъ и никакимъ утонченнымъ умствованіемъ уничтожить“ [18]. Это говорилось въ виду притязаній Нѣмецкой учености, ни за что не хотѣвшей допускать старожитности Славянъ на Балтійскомъ морѣ, а тѣмъ болѣе на Прусскихъ берегахъ, искони будто бы принадлежавшихъ Германцамъ, которые, конечно, одни только и торговали янтаремъ.

Торговля янтаремъ по всѣмъ видимостямъ положила первыя основанія для промышленнаго развитія нашей равнины, для образованія въ ея разноплеменномъ населеніи извѣстнаго единства интересовъ, а слѣдовательно и извѣстнаго народнаго единства, сначала едва замѣтнаго, а въ послѣдствіи уже достаточно очевиднаго изъ первыхъ показаній нашей лѣтописи. Воспользуемся сужденіями объ этой торговлѣ знаменитаго Риттера [19].

„Особенно торговля янтаремъ, говоритъ онъ, излагая исторію географическихъ открытій, много способствовала дальнѣйшему открытію средней Европы. Подобно многимъ другимъ товарамъ, золоту, олову, соли, мѣхамъ, слоновой кости, пряностямъ, и янтарь играетъ замѣчательную роль въ исторіи открытій земель. Янтарь былъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ по праву можетъ быть названъ единомѣстнымъ произведеніемъ природы, Unicum, такъ какъ нахожденіе его ограничено почти исключительно лишь весьма небольшою мѣстностью на земномъ шарѣ, именно у Балтійскаго моря Греки еще въ древнѣйшія времена посылали своихъ моряковъ и странствующихъ купцовъ изъ Милетскихъ колоній у Понта Эвксинскаго, вверхъ по Борисѳену (Днѣпру), для полученія драгоцѣннаго янтаря отъ гипербореевъ (сѣверныхъ народовъ). Такимъ образомъ *впервые пройдена была по самой серединѣ восточная Европа*, съ юга на сѣверъ, отъ Чернаго моря до береговъ Балтійскаго въ Пруссіи, единственнаго мѣста нахожденія янтаря. Уже Финикіяне, первоначальные торговцы янтаремъ во времена Гомера, добывали его съ Балтійскаго прибрежья, но скрывали свой путь. Да и Греки берегли тайну добыванія товара, равноцѣннаго золоту. Въ Передней Азіи и Архипелагѣ янтарь считался не только драгоцѣннѣйшимъ куреніемъ въ храмахъ боговъ и палатахъ

царей, но и самымъ дорогимъ украшеніемъ наряда. Скоро и на западѣ, и въ Римѣ, во времена императоровъ, электронъ сдѣлался предметомъ значительнаго запроса. Плиній разсказываетъ (H. N. XXXVII, 11), что императоръ Неронъ искалъ большое количество янтаря, чтобы украсить кораллами изъ него сѣти, окружавшія арены амфитеатровъ, во время расточительныхъ звѣриныхъ и гладіаторскихъ боевъ. Для этого посланъ былъ сухимъ путемъ римскій всадникъ, чрезъ Дунай и Паннонію, къ янтарному прибережью, къ мысу Baltica.

„Что Римляне были въ торговыхъ сношеніяхъ съ обитателями янтарнаго прибрежья, доказываютъ многія римскія монеты временъ императоровъ, найденныя въ предѣлахъ Прусской Балтики. Онѣ находимы были преимущественно въ погребальныхъ урнахъ, начиная отъ устья Вислы до Эстляндіи, черезъ Прегель, Нѣманъ и Двину, до Финскаго залива. Отъ Эйлау и Кенигсберга до Риги римскія монеты находимы были въ большомъ количествѣ... Преимущественно найдены были монеты Марка Аврелія и Антониновъ.“

Въ немаломъ количествѣ въ тѣхъ же мѣстахъ были находимы и болѣе древнія монеты Греческія, именно Аѳинскія Ѳазоскія, Сиракузскія, Македонскія и др. [20].

Эти монетные показатели идутъ непрерывно, начинаясь за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и продолжаясь до XII столѣтія по Р. Х. Греческія монеты смѣняются римскими, римскія византійскими, византійскія арабскими, арабскія германскими. Всѣ такія находки съ полною достовѣрностію обнаруживаютъ, что этотъ замѣчательный уголъ Балтійскаго моря, этотъ янтарный берегъ, находился, въ теченіи болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ включительно до призванія нашихъ Варяговъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ не только съ южною Греческою и Римскою Европою или позднѣе съ Германскимъ Западомъ, но и съ Закаспійскими государствами Персовъ и Арабовъ. Римская торговая дорога въ Адріатическое море шла по Вислѣ до Бромберга, потомъ сухопутьемъ по направленію мимо теперешней Вѣны. Греческая дорога въ Черное море, болѣе древняя, шла по Нѣмону, по Вильѣ съ переваломъ въ Березину и въ Днѣпръ. Это былъ кратчайшій и самый удобный путь. Но купцы несомнѣнно ходили и отъ устья Вислы, по Западному Бугу съ переваломъ въ Бугъ Черноморскій. Не даромъ эти рѣки носятъ и одно имя. Дру-

гія дороги по Прегелю и по Припяти въ Днѣпръ, если и существовали, то были очень затруднительны по случаю длиннаго болотистаго перевала отъ Прегеля къ притокамъ Припяти. Географъ II вѣка, Птоломей довольно подробно перечисляетъ даже и малыя племена здѣшнихъ обитателей, что вообще служитъ прямымъ доказательствомъ торговаго значенія этой страны, ибо подобныя свѣдѣнія могли добываться только посредствомъ купеческихъ дорожниковъ, или изъ разсказовъ туземцевъ, привозившихъ къ Грекамъ вмѣстѣ съ товарами и эти свѣдѣнія. Но для насъ всего важнѣе показаніе этого географа, что морской заливъ, въ который впадаютъ Висла съ юга и Нѣмонъ съ востока, называется Венедскимъ, конечно, по той причинѣ, что въ немъ господствовали Венеды, частію своимъ населеніемъ по его берегамъ, а больше всего именно торговымъ мореплаваніемъ. Въ восточномъ углу этого залива, стало быть въ устьяхъ Нѣмона, Птоломей помѣщаетъ Вендскую же отрасль, Вельтовъ, по западному Велетовъ, по нашему Волотовъ или Лютичей, коренное жилище которыхъ находилось въ устьяхъ Одера, а здѣсь слѣдовательно они были колонистами и заслужили упоминанія въ древнѣйшей географіи несомнѣнно по своему торговому значенію.

Мы уже говорили, что въ преданіяхъ античныхъ Грековъ съ торговлею янтаремъ связывалось и имя Венетовъ, Вендовъ. Прямыхъ свѣдѣній объ этихъ промышленныхъ Вендахъ древность не сохранила. Они жили на краю земли и при томъ еще земли неизвѣстной древнему міру. Римляне, по свидѣтельству Страбона, совсѣмъ не знали, что творилось и кто тамъ жилъ дальше за Эльбою на Балтійскомъ побережьи.

Лѣтъ за 50 до Р. Х. нѣкіе Инды, плававшіе на кораблѣ *для торговли*, попали въ теперешнее Нѣмецкое море и были занесены бурею къ берегамъ Германской Батавіи при устьяхъ Рейна. Батавскій князь подарилъ нѣсколько человѣкъ этихъ индѣйцевъ Римскому проконсулу Галліи Метелу, который узналъ отъ нихъ, что увлеченные сильными бурями отъ береговъ Индіи они переплыли всѣ моря и попали на Германскій берегъ. Этотъ случай Римскіе ученые приводили въ доказательство, что море окружаетъ землю со всѣхъ краевъ, и что такимъ образомъ и изъ Индіи восточной могли

приплыть къ Германіи самые Индѣйцы. Шафарикъ очень основательно доказываетъ, что эти Инды суть Винды, Венды—балтійскіе славяне, Виндійское имя которыхъ является вскорѣ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. у Плинія и Тацита, а потомъ какъ видѣли и у Птоломея. И первые двое помѣщаютъ ихъ тоже въ восточныхъ краяхъ Балтики.

Упомянутый случай значителенъ въ томъ отношеніи, что онъ подтверждаетъ истину о мореплавательныхъ способностяхъ Славянъ—Вендовъ, съ такимъ усердіемъ оспариваемую нашими академиками въ пользу однихъ Норманновъ. Онъ же указываетъ и на торговыя сношенія этихъ Вендовъ, ибо въ устьяхъ Рейна, куда они были занесены бурею, въ послѣдующее время, напр. въ VII вѣкѣ, находимъ ихъ поселенія близъ города Утрехта и дальше на Фрисландскомъ поморьѣ, какъ равно и на побережьяхъ Британіи [21].

Болѣе замѣчательная колонія Вендовъ находилась въ сѣверозападной Галліи (Арморикѣ) на Атлантическомъ океанѣ. Здѣсь въ глубинѣ одного изъ заливовъ, именно въ мѣстности, гдѣ находились лучшія пристани, у Венетовъ былъ городъ Венета, Венеція, теперь Ваннь, построенный на возвышеніи, которое по случаю морскихъ приливовъ было недоступно. Ближайшіе острова также назывались Венетскими, изъ нихъ одинъ именовался Vindilis, другой Siata, а портъ на материкѣ—Виндана, одинъ изъ городовъ Plawis.

Объ этихъ Венетахъ впервые узнаемъ отъ Цесаря, который разгромилъ ихъ и почти совсѣмъ истребилъ въ 56 г. до Р. Х. Онъ разсказываетъ, что Венеты пользовались великимъ почтеніемъ у всѣхъ приморскихъ народовъ того края, по той причинѣ, что содержали у себя множество кораблей и были отличные мореплаватели, превосходя въ этомъ искусствѣ всѣхъ своихъ сосѣдей. Они владѣли лучшими пристанями и собирали пошлину за остановку въ этихъ пристаняхъ. Постоянный торгъ они вели съ Британскими островами, куда по этой причинѣ и не желали пропустить Римлянъ Цесаря. Почти всѣ ихъ городки были построены на мысахъ, посреди болотъ и отмелей, въ мѣстахъ неприступныхъ, особенно во время морскаго прилива. Цесарь осаждалъ ихъ посредствомъ плотинъ, но безъ успѣха, и сокрушилъ ихъ только на морскомъ сраженіи. Выборъ мѣста для главнаго города и для малыхъ городковъ явно

показываетъ, что Венеты были люди по преимуществу корабельные и непремѣнно пришельцы между туземнымъ населеніемъ, ибо они одинаково старались защитить себя и съ моря и съ суши. Въ битвѣ съ Цесаремъ они потеряли всѣ свои корабли, всю удалую молодежъ, всѣхъ старѣйшинъ. Остальное населеніе по необходимости отдалось въ руки побѣдителю, который всѣхъ старѣйшинъ казнилъ смертью, а прочихъ распродалъ въ рабство. Съ тѣхъ поръ кажется только имя этой колоніи пользовалось славою старыхъ ея обитателей. Современникъ Цесаря, Страбонъ, предполагалъ, что эти Галльскіе Венеты были предками Венетовъ Адріатическихъ—показаніе важное въ томъ отношеніи, что стало быть между географами того времени ходили достаточныя основанія производить родство и Адріатическихъ Венетовъ съ сѣвера же.

Шафарикъ, очень осторожный во всемъ, что касалось присвоенія Славянству какихъ либо именъ, окрещенныхъ западною ученостью въ германцевъ, въ кельтовъ и т. п. пишетъ о Галльскихъ Венетахъ слѣдующее: „мы не спѣшимъ этихъ Венетовъ объявить Славянами, оставляя, впрочемъ, каждаго изслѣдователя при своемъ мнѣніи и сужденіи объ этомъ предметѣ. Что эти Венеты были племени Виндскаго, не только возможно, но и довольно вѣроятно; но возможность и вѣроятность еще не истина“ [22]. Точно такъ. Но нельзя же забывать, что средневѣковая исторія, относительно очень многихъ народныхъ именъ, несравненно болѣе сомнительныхъ, большою частію построена только на подобныхъ же возможностяхъ и вѣроятностяхъ и никакъ не на истинѣ документальной, такъ сказать, не на росинскахъ въ своей народности самихъ народовъ.

По этимъ причинамъ и Славянскій историкъ имѣетъ полное основаніе въ имени Виндъ-Вендъ прежде всего видѣть Славянина и можетъ отказываться отъ этого заключенія только въ такомъ случаѣ, когда появятся упомянутыя росписки въ иной народности этихъ Виндовъ, то есть, когда появятся показанія, вполнѣ убѣдительныя для всесторонней критики, не только лингвистической, но и этнологической. Суровецкій, которому Шафарикъ обязанъ можно сказать всѣмъ планомъ своего сочиненія, равно какъ Надеждинъ и

Гильфердингъ не сомнѣвались въ родствѣ этихъ далекихъ Венетовъ съ Славянами.

Народное, племенное имя не умираетъ даже и тогда, когда изчезаетъ народъ. Оно остается въ названіи мѣстъ, гдѣ жилъ этотъ народъ. „Гдѣ бы мы ни встрѣтили еще живое названіе Рима, говоритъ Максъ-Мюллеръ, въ Валахіи ли, въ названіи романскихъ языковъ, въ названіи турецкой Румеліи и пр., мы знаемъ, что извѣстныя нити приведутъ насъ назадъ къ Риму Ромула и Рема [23].

На этомъ, такъ сказать, безсмертіи народнаго имени, мы дѣлаемъ свои заключенія и о Вендахъ, гдѣ бы ихъ имя ни встрѣтилось. „Венды (Vinidae) говоритъ тотъ же лингвистъ, одно изъ самыхъ древнихъ и болѣе объемлющихъ названій, подъ которымъ славянскія племена были извѣстны древнимъ историкамъ Европы“. Поэтому въ распредѣленіи арійскихъ племенъ въ Европѣ, онъ пятую ихъ вѣтвь, Славянскую, предпочитаетъ именовать Вендскою. Это имя было по преимуществу западно-европейское, несомнѣнно утвердившееся съ той поры, какъ только Славяне показались западнымъ людямъ, Германцамъ и Кельтамъ. Что касается Вендовъ—Венетовъ моряковъ атлантическаго океана, то исторія Балтійскихъ Вендовъ, отличныхъ моряковъ и усердныхъ торговцевъ съ далекими краями, исторія, положительно извѣстная уже съ VII вѣка и ранѣе, даетъ прочное основаніе къ заключенію, что ихъ атлантическія морскія предпріятія были только отраслью такихъ же предпріятій по Балтійскому побережью. Свои морскія торговыя дѣла они оставили въ наслѣдіе и Нѣмцамъ, ибо знаменитый Ганзейскій союзъ выросъ на почвѣ Вендскаго торга и образовался въ главныхъ силахъ изъ Вендскихъ же городовъ. Еслибъ это были Шведы, для нашихъ академиковъ единственный морской народъ на Балтійскомъ морѣ, извѣстный Тациту подъ именемъ Свіоновъ, то конечно и Гальскіе Венеты, ихъ современники, точно также прозывались бы Свіонами, Свитіодами и т. п.

Отъ превратностей Исторіи, отъ поглощенія сильнѣйшими туземцами, атлантическія и другія далекія колоніи Вендовъ и съ ихъ народностію изчезли, какъ изчезли и Греки, колонисты нашего Черноморья, какъ изчезла славная Ольвія и не менѣе славные Танаисъ, Пантикапея, Фанагорія, какъ изчезли потомъ и сами Славяне на Балтійскихъ побережьяхъ,

оставивъ по себѣ вѣчную память только въ славянскихъ именахъ теперь уже нѣмецкихъ городовъ въ родѣ Висмара, Любека, Ростока, Штетина, Колберга и т. д.

Глубокая древность славянскихъ поселеній на Балтійскомъ морѣ больше всего можетъ подтверждаться Скандинавскими сагами, которыя много разсказываютъ о Ванахъ и Венедахъ, Вильцахъ-Велетахъ, о странѣ Ванагеймъ, куда Норманны посылали своихъ боговъ и славныхъ мужей учиться мудрости. Въ свитѣ бога Одина находились Венды. Богиня Фрея (Славянская Прія—Афродита) называлась Венедскою, потому что была изъ рода Вановъ. Ея отецъ Ніордъ по происхожденію былъ тоже Ванъ. Это племя миѳическихъ Вановъ было прекрасное, разумное, трудолюбивое, потому что было племя земледѣльческое, мирное. Въ такихъ чертахъ скандинавскіе миѳы рисовали балтійскихъ Вендовъ, въ чемъ не сомнѣвались и осторожный Суровецкій, и еще болѣе осторожный Шафарикъ [24].

Въ послѣдствіи героями скандинавскихъ и нѣмецкихъ преданій становятся Гунны съ ихъ царемъ Аттилой. По всѣмъ видимостямъ это была только перемѣна звука въ имени тѣхъ же Вановъ-Вендовъ, ибо Гуналандъ—земля Гунновъ помѣщается точно также на востокѣ Балтики, гдѣ находилось царство Аттилы, содержавшее въ себѣ 12 сильныхъ королевствъ. „Все принадлежало ему отъ моря до моря", какъ говорятъ саги, подтверждая извѣстіе Приска, что Аттила бралъ дань съ острововъ океана, т. е. Балтійскаго моря. Славянство Гунновъ ничѣмъ не можетъ быть лучше подтверждено, какъ именно этими сѣверными сагами.

Многое, о чемъ такъ поэтически разсказываютъ скандинавская миѳологія и нѣмецкія саги, быть можетъ не менѣе поэтически воспѣвалось и балтійскими Славянами; но они не умѣли, или не успѣли записать своихъ сказаній больше всего по той причинѣ, что распространеніе между ними христіанства, а слѣдовательно и грамоты, происходило въ одинъ моментъ съ истребленіемъ не только ихъ политическаго существованія, но и самой ихъ народности.

Для нашей цѣли изъ приведенныхъ свидѣтельствъ выясняется несомнѣнное и существенное одно, что Славяне подъ именемъ Вендовъ, какъ и Литва, сидѣли на Балтійскомъ побережьи съ незапамятныхъ до-историческихъ временъ. Ко-

нечно, изъ всего Славянства, какъ думаютъ и лингвисты, эта Балтійская вѣтвь была самымъ раннимъ передовымъ пришельцемъ въ Европу, предварившимъ остальныхъ, и оставившимъ позади себя восточную или Понтійскую вѣтвь. Не потому ли на Руси, быть можетъ съ незапамятныхъ, первобытныхъ временъ, Балтійскіе Славяне и прозывались Варягами, отъ древняго глагола варяти—предупреждать, упреждать, перегонять, пред—идти, что вообще означало передоваго, а слѣдовательно и скораго, борзаго путника?

Относительно древнихъ связей всего Венедскаго поморья съ Русскою страною намъ остается только вопросить здравый смыслъ. Если Венды, живя въ устьяхъ Вислы и Нѣмона, успѣли распространить свои поселки до предѣловъ Даніи, почти до нижней Эльбы, если ихъ морскія и торговыя предпріятія заходили не только въ Нѣмецкое море, но и въ Атлантическій океанъ, то, живя у самыхъ воротъ нашей равнины, могли ли они оставить безъ вниманія ея природныя богатства, и не попытать счастья въ проложеніи дорогъ по нашимъ рѣкамъ къ далекимъ морямъ Юга и Востока, которыя, въ добавокъ, имъ были хорошо извѣстны и отъ постоянныхъ сношеній съ Греками. Главные наши рѣчные пути по Днѣпру, Дону и Волгѣ были знакомы Грекамъ въ очень давнія времена. Не иныя, а несомнѣнно торговыя сношенія между морями нашей страны были, повидимому, извѣстны еще въ вѣкъ Александра Македонскаго. Самъ Александръ зналъ, что изъ Каспійскаго моря можно проѣхать въ океанъ и имѣлъ даже описаніе этого пути, ч. I. стр. 262. Греческіе поэты его времени заставляли Аргонавтовъ возвращаться домой, въ Грецію, по рѣкамъ и переволокамъ нашей равнины въ Сѣверный океанъ и оттуда вокругъ Европы въ Средиземное море [25]. Вотъ въ какое время былъ знакомъ древнимъ извѣстный нашему лѣтописцу путь изъ Варягъ въ Греки, и по Днѣпру, и по морю до Рима и до Царяграда.

Діодоръ Сицилійскій прямо говоритъ, что „многіе, какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новѣйшихъ писателей (между послѣдними Тимей), объявляютъ, что Аргонавты по взятіи Золотаго Руна, свѣдавъ, что выходъ изъ Понта былъ имъ запертъ, предприняли удивительное дѣло. Они вошли въ Танаисъ (Донъ), доплыли до самыхъ его источниковъ и перетащивъ свой корабль по волоку въ другую рѣку, кото-

рая впадала въ океанъ, свободно туда проплыли, при чемъ отъ сѣвера на западъ такъ поворотили, что матерая земля оставалась у нихъ слѣва; потомъ они вошли въ свое греческое, то есть Средиземное море“ [26]. Извѣстіе Діодора раскрываетъ, что торговый путь по нашей равнинѣ проходилъ и по Дону. Вотъ по какой причинѣ Птоломей во II вѣкѣ знаетъ на верхнемъ Дону какіе-то памятники Александра и Кесаря. Однако донская дорога была вообще меньше извѣстна, чѣмъ днѣпровская, то есть настоящій нашъ Варяжскій путь. Въ нѣкоторомъ смыслѣ этотъ послѣдній путь почитался какъ бы границею между Азіею и Европою и потому Плиній (79 г. по Р. Х.), хотя по невѣдѣнію и не можетъ прочертить его въ подробности, однако въ точности представляетъ его въ своей географіи. Окончивши описаніе островов на Черномъ морѣ и остановившись на послѣднемъ изъ нихъ (вблизи устьевъ Днѣпра), именемъ Росфодусѣ, онъ потомъ переносится, по его словамъ, черезъ Рифейскія горы, то есть вообще черезъ возвышенность нашей страны, прямо на берега Балтійскаго моря и именно въ Венедскій заливъ къ устьямъ Нѣмона, откуда и начинаетъ изчисленіе тамошнихъ народовъ и рѣкъ, идя отъ востока же: Сарматы, Венеды, Скирры, Гирры; рѣки Гутталъ, Висла и пр. Очевидно, что въ этомъ мысленномъ переходѣ съ юга на сѣверъ, отъ Чернаго къ Балтійскому морю и прямо въ заливъ къ Венедамъ, географъ слѣдовалъ давно сложившемуся, живому представленію о существовавшей здѣсь очень проторенной дорогѣ.

Прямое свидѣтельство о янтарной торговлѣ, проходившей именно по этому пути, сохранилось у Діонисія Періэгета, который разсказываетъ, что этотъ драгоцѣнный товаръ, нѣжно сіяющій, какъ блескъ молодой луны, приносится двумя рѣками, спадающими съ Рифейскихъ высотъ въ раздѣльномъ теченіи, на югѣ Пантикапою (рѣка Конка, текущая однимъ русломъ съ Днѣпромъ) и на сѣверѣ Альдескосомъ, при изліяніи котораго, по сосѣдству съ оцѣпенѣлымъ моремъ, и нарождается янтарь. Какая рѣка носила имя Альдескоса, неизвѣстно; или же этимъ словомъ обозначалось вообще оцѣпенѣлая страна льдовъ, трудно сказать. Географія III вѣка (Маркіанъ Гераклейскій) описываетъ, что въ такомъ же направленіи съ Алаунскихъ горъ текутъ Днѣпръ и Рудонъ,

древнѣйшій Эриданъ. Въ точности нельзя опредѣлить на какую рѣку падаетъ и это имя. Древніе знали только, что отъ верховьевъ Днѣпра въ Ледяное море протекала другая рѣка, связывавшая водяной путь изъ южнаго въ сѣверное море [27].

Этихъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ очень достаточно для утвержденія той истины, что путь изъ Варягъ въ Греки, отъ Балтійскихъ Венедовъ къ Черноморскимъ Руссамъ, существовалъ отъ глубокой древности, перебираясь съ теченіемъ вѣковъ все сѣвернѣе: съ Нѣмона на Двину (Рудонъ, какъ объясняютъ), потомъ на Неву и въ Волховъ.

До сихъ поръ одно только сомнительно, и это по милости академическаго ученія о создателяхъ Руси, Норманнахъ,— въ чьихъ рукахъ, находился этотъ путь, по чьей землѣ онъ проходилъ? Обитали ли тутъ наши же Славяне, или вся эта страна принадлежала чужеродцамъ? Для доказательствъ, что здѣсь жили и всѣмъ путемъ владѣли чужеродцы, напр. Готы, Норманны, не требуется ничего, кромѣ доброй воли безпрестанно твердить объ этомъ. Но какъ скоро вы скажете, что здѣсь искони вѣковъ жили тѣже Славяне, предки теперешняго русскаго племени, самые прямые наши предки, хотя и носившіе другія имена, то въ этомъ случаѣ отъ васъ потребуютъ доказательствъ самыхъ осязательныхъ, почти такихъ, которыя могли бы до очевидности показать, что и за 2000 лѣтъ по этому пути существовали губерніи Херсонская, Екатеринославская, Кіевская, Минская и т. д.; существовали селенія теперешнихъ именъ, существовали самые тѣ люди, которые и теперь здѣсь живутъ. Въ этомъ случаѣ и отъ древнихъ писателей требуется свидѣтельствъ самыхъ точныхъ и со всѣхъ сторонъ опредѣленныхъ, которыя прямо бы говорили, что и тогда здѣсь жили Русскіе теперешніе люди,— какъ будто древніе писатели съ отличною точностію говорили обо всемъ, что касалось исторіи другихъ народовъ, особенно Германцевъ, и только не хотѣли ясно и опредѣлительно обозначать одну нашу древность. Они точно также невразумительно и темно говорятъ о Германцахъ, только говорятъ больше, чѣмъ о Славянахъ, потому что смѣшиваютъ и тѣхъ и другихъ въ одно географическое имя Германіи; а говоря собственно о Славянахъ, смѣшиваютъ ихъ съ восточными сосѣдами въ одно географическое имя Сарматіи.

Древнимъ, конечно, еще невозможно было знать Русскихъ людей. Они и о странѣ не имѣли подробныхъ свѣдѣній и знали только имена разныхъ народовъ, мимо которыхъ проходили тогдашніе купцы. Они повидимому только очень хорошо знали, что вдоль и поперегъ страны ходила торговая промышленность, приносившая имъ имена и этихъ далекихъ незнаемыхъ народовъ.

Въ самомъ началѣ эти имена писались погречески и полатыни не совсѣмъ точно; въ теченіи вѣковъ они перемѣнялись отъ историческихъ перемѣнъ въ самой жизни народовъ. Какое либо отдѣльное племя выростало своимъ могуществомъ, побѣждало другія сосѣднія племена, господствовало надъ ними, и распространяло свое имя на всю окрестную страну. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій являлось новое могущество новаго племени и новаго края страны, отчего разносилось по странѣ и новое господствующее имя.

Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Геродотовскіе кочевые Скиѳы были окончательно обезсилены Понтійскимъ царемъ Митридатомъ Великимъ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. вмѣсто Скиѳіи страна именуется уже Сарматіею, причемъ одинъ современникъ этого же столѣтія, Діодоръ Сицил. разсказываетъ, что Сарматы, въ началѣ жившіе при устьяхъ Дона, съ теченіемъ времени до того размножились и усилились, что истребили всѣхъ Скиѳовъ, обратили ихъ землю въ пустыню. Надеждинъ очень основательно толковалъ это сказаніе, что движеніе Сарматовъ шло не съ востока, отъ Дона, но съ запада отъ Карпатъ [28]; а мы прибавимъ, что вѣрнѣе всего оно шло отъ сѣвера, отъ Кіевскаго Днѣпра. Съ того времени, по латинскимъ свидѣтельствамъ, вся наша страна стала прозываться Сарматіею и всѣ народы, въ ней жившіе, особенно южные, сдѣлались Сарматами. Сарматія начиналась уже отъ устьевъ Вислы, что явно обозначаетъ къ какому населенію относилось это имя. Въ то время на востокъ отъ Вислы прежде всего жили одни Славяне, простираясь до Карпатъ и нижняго Дуная. По теченію Дуная начинаются и первыя столкновенія Римлянъ съ Сарматами.

По исторіи извѣстно, что съ перваго вѣка по Р. Х. древнихъ Скиѳовъ смѣнили Сарматы-Роксоланы. Они господствовали въ странѣ отъ устьевъ Дона до устьевъ Дуная. Но Страбонъ почитаетъ ихъ народомъ самымъ

сѣвернымъ, самымъ крайнимъ изъ извѣстныхъ ему народовъ, живущимъ выше Днѣпра, конечно Запорожскаго, слѣдоват. въ мѣстахъ Кіевскихъ. По его словамъ, ниже Роксоланъ по прежнему жили еще Савроматы и Скиѳы, извѣстность которыхъ уже изчезала предъ извѣстностью Роксоланъ.

Толкуя о широтѣ градусовъ, Страбонъ относитъ жилище Роксоланъ къ той линіи, которая почти приближается къ берегамъ Балтійскаго моря. Онъ говоритъ, что они живутъ южнѣе сѣверной земли (Ирландіи), лежащей выше Британіи. Изъ его словъ ясно одно, что это былъ народъ сѣверный, вовсе не южный кочевникъ. Онъ и въ исторіи представляется народомъ не столько воинственнымъ, сколько торговымъ, жившимъ въ союзѣ съ Римлянами, получавшимъ отъ нихъ годовыя субсидіи и подарки.

Извѣстно, что имя Роксоланъ внезапно изчезло со страницъ исторіи при появленіи Унновъ въ концѣ IV столѣтія. Но Унны помѣщаются древними историками на Кіевскомъ же мѣстѣ, на Днѣпрѣ. Въ нѣмецкихъ хроникахъ Кіевская Русь называется Хуннгардомъ, т. е. землею Унновъ. Въ нѣмецкихъ древнихъ народныхъ преданіяхъ и въ Скандинавскихъ сагахъ Хунами называются Балтійскіе Славяне. Весь Балтійскій Востокъ носитъ имя земли Гунновъ, Гуналандъ. Пока не будетъ основательно объяснено это въ высшей степени важное обстоятельство, до тѣхъ поръ мы будемъ вѣрить, что славные Унны пришли не изъ Китая и не отъ Уральскихъ горъ, а съ Балтійскаго моря; что они были не Калмыки и не Венгры, а настоящіе Славяне. Изъ разсказа Готскаго же историка Іорнанда видно, что Гунны, Унны, Ваны явились на помощь Роксоланамъ противъ Готовъ и выпроводили этихъ Готовъ вонъ изъ роксоланской земли дальше за Дунай; преслѣдовали этихъ Готовъ и въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ по Европѣ, что было уже въ V столѣтіи. Дѣйствуя во многихъ случаяхъ за одно съ Германцами и посреди Германцевъ, Аттила остался героемъ древнихъ нѣмецкихъ сказаній. Онъ собиралъ дань на островахъ Океана. Эти отношенія Унновъ къ островамъ океана будутъ весьма понятны, если мы не забудемъ вышеизложенной исторіи торговыхъ связей Венедскаго залива съ Чернымъ моремъ, если сообразимъ, что путь изъ Варягъ въ Греки отъ устьевъ Нѣмона и по Днѣпру, могъ быть большою проѣз-

жею дорогою не только для купцовъ, но и для балтійскихъ военныхъ дружинъ, которыя дружественно или враждебно способны были пройдти между жившими здѣсь племенами. Такъ, по указанію Плинія, нѣкіе Скирры живутъ на Венедскомъ заливѣ; но они же (по одной мраморной Ольвійской надписи I или II в. до Р. Х.) на югѣ входятъ въ союзъ съ Галатами (Галицкая страна у Карпатъ), собираютъ огромную рать съ цѣлью напасть зимою на греческую Ольвію [29]. Точно также дѣйствовали Руги и Герулы (Гирры), одноземцы Скирровъ по Балтійскому морю. Всѣ они дѣйствовали и около Дуная, проходя туда или по Одеру и Вислѣ, или по нашему Нѣмону и Днѣпру. И къ тому же они выступили на сцену вмѣстѣ, въ одно время съ Уннами, что даетъ новое подтвержденіе Балтійскаго происхожденія Унновъ.

Очень естественно, что съ Балтійскаго же берега гораздо раньше могли придти на свои мѣста и Роксоланы, какъ потомъ пришли на Роксоланъ Готы, а послѣ на Готовъ Унны. Тогда въ исторіи происходило общее движеніе сѣверныхъ балтійскихъ дружинъ на богатый греческій и римскій югъ. Балтійскій сѣверъ, накопляя народонаселеніе, необходимо, вѣкъ отъ вѣка, долженъ былъ выдѣлять отъ себя дружины переселенцевъ на югъ въ болѣе плодородныя и болѣе богатыя мѣста. Не мало такихъ дружинъ привлекала и Черноморская торговля; она собственно и прокладывала имъ дорогу.

Очень также естественно, что эти дружины стремились всегда занять наиболѣе выгодныя мѣста для своего обитанія съ особою цѣлью господствовать надъ торговыми городами Черноморья. Оттого мы и встрѣчаемъ ихъ владыками такъ называемыхъ Меотійскихъ болотъ, этого серединнаго мѣста, всегда господствовавшаго варварскою грозою надъ всѣмъ Черноморьемъ и особенно надъ ближайшими торговыми мѣстами въ лиманѣ Днѣпра и его окрестностяхъ (Ольвія, Херсонесъ), на Киммерійскомъ Воспорѣ, въ устьяхъ Дона и пр. Таковы были Герулы, записавшіе свое имя во всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ равно и на Дунаѣ. Таковы были еще прежде Роксоланы, состоявшіе въ связяхъ и въ большомъ знакомствѣ съ Римлянами, что могло происходить не только по Дунаю, но и отъ устьевъ Вислы и Нѣмона. Именно это близкое знакомство съ Римомъ лучше всего объясняетъ, что Роксоланы не были далекими степными кочев-

никамп, а были сосѣдями Римлянъ по торговлѣ и по политическимъ интересамъ Рима [30].

Движенiе Готовъ въ IV вѣкѣ также направлялось къ Меотiйскимъ болотамъ. По всѣмъ видимостямъ Готы въ это время отнимали владычество у Роксоланъ, т. е. въ сущности отнимали свободную дорогу по Днѣпровско-Нѣмонскому торговому пути, для защиты которой и появились Унны, Ваны, Венды, несомнѣнно отъ Венедскаго залива. Борьба Унновъ съ Готами лучше всего объясняется именно противоборствомъ этихъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ отношенiй Венедскаго залива къ новымъ пришлецамъ.

По сказанiю Іорнанда, когда Готы, приплывши изъ Скандинавiи, высадились на южные Балтiйскiе берега, то прежде всего вытѣснили съ своихъ мѣстъ Ульмеруговъ, потомъ овладѣли землею Вандаловъ. Самое мѣсто, гдѣ вышли на берегъ, они прозвали Готисканцiей, что быть можетъ означаетъ городъ Гданскъ, Данцигъ [31]. Но и безъ того ясно, что они высадились въ устьяхъ Вислы, т. е. въ Венедскомъ заливѣ. Вандалы обитали къ западу отъ Вислы, Ульмеруги въ послѣдствiи жили къ востоку, въ устьяхъ Нѣмона, но до пришествiя Готовъ могли обладать и Вислою, т. е. всѣмъ побережьемъ Венедскаго залива. Какой народъ были эти Ульмеруги, неизвѣстно, или извѣстно, что всѣ знатные народы средняго вѣка были Нѣмцы-Германцы, слѣдовательно и Ульмеруги должны быть Германцами, каковыми были и сотрудники Унновъ, Скирры и Гирры, обитавшiе здѣсь же въ устьяхъ Нѣмона.

Народы изчезли, но отъ нихъ всегда остаются слѣды въ именахъ мѣстъ, и чѣмъ какой народъ больше жилъ на какомъ мѣстѣ, тѣмъ больше сохраняется и памяти о немъ въ мѣстныхъ именахъ.

Теперешняя область нижняго Нѣмона принадлежитъ Пруссiи. Имя Пруссiи упоминается уже въ X вѣкѣ [32] и вѣрное толкованiе объясняетъ, что это имя значитъ тоже, что кiевское древнее Поросье, т. е. мѣстность по рѣкѣ Роси, или Полѣсье въ качествѣ сплошнаго лѣса. Здѣсь такъ называлась мѣстность, сплошная Русь, по рѣкѣ Руссу, какъ и досихъ поръ называется нижнiй потокъ Нѣмона, а потокъ получилъ свое имя быть можетъ отъ города Русса (иначе Русня, Руснитъ), стоящаго посреди всѣхъ многочисленныхъ усть-

евъ Нѣмона на главномъ его руслѣ. Такъ по крайней мѣрѣ изображалась эта топографія на древнихъ картахъ.

Изъ этихъ устьевъ по своимъ именамъ, какъ они значутся на тѣхъ же картахъ, особенно примѣчательны: правое отъ главнаго потока, сѣверное, Ulmis, объясняющее Iорнандовыхъ Ульмеруговъ; главный потокъ — Russe sive Holm, т. е. Руссъ или Холмъ, что такимъ же образомъ выясняетъ тоже имя и Хольмгардъ скандинавскихъ сказаній; наконецъ лѣвый потокъ Alt Russe, древній Руссъ, теперь кажется Варусъ. Ближайшій отсюда отдѣльный протокъ Нѣмона назывался тоже Russe. Нѣмонскій уголъ Балтійскаго моря въ древности также назывался моремъ Русскимъ [33].

Очевидно, что названіе всей страны Порусье или Пруссія явилось гораздо послѣ того, какъ утвердилось здѣсь поселеніе Руссъ, слѣдовательно этотъ Руссъ, упоминаемый тоже и въ X вѣкѣ, существовалъ здѣсь раньше этого времени. Вотъ объясненіе показанію Равенскаго географа, которое относятъ къ IX вѣку и которое говоритъ между прочимъ, что „близь океана находится отчизна Роксоланъ, что тамъ протекаютъ двѣ рѣки, Висла и Лутта (конечно Нѣмонъ), что за сею страною по Океану находится островъ Сканза“ и пр. Быть можетъ и Страбонъ тоже самое слышалъ о своихъ Роксоланахъ, но не сообщилъ подробностей. Въ хроникахъ XVI и XVII ст. обитатели этой страны именуются Ульмигерами, Ульмиганами, повидимому съ явною перестановкою звуковъ изъ Ульмеруговъ Iорнанда. Впрочемъ въ мѣстныхъ названіяхъ и доселѣ сохраняется имя древнихъ Гирровъ (Геруловъ), которые по всему вѣроятію тоже означаютъ, что и Руги [34].

Однако всѣ эти имена, извѣстныя только изъ латинскихъ текстовъ, въ IX или X вѣкахъ и позднѣе, оставляютъ послѣ себя одно господствующее имя: Руссъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся украйна нижняго Нѣмона (отъ его устьевъ до впаденія рѣчки Свенты), гдѣ въ древности существовалъ Ругъ, Руссъ, съ 12 в., а быть можетъ и раньше, именуется Славоніею, или по прусскому выговору Шалавоніею [35]. Въ русскомъ переводѣ Космографіи XVII вѣка, приписываемой Меркатору, говорится между прочимъ, что „Русская или Прусская земля отъ князя ихъ Вендуса (по другимъ хроникамъ Видвута [36]) была раздѣлена на двѣнадцать кня-

жествъ или областей, въ числѣ которыхъ находилась и Словонія, и въ этомъ Словонискомъ княжествѣ было 15 городовъ; Рагнета, Тилса, Ренумъ (Руссъ?), Ликовія, Салавно, Салвія и пр. Вотъ почему въ первыхъ вѣкахъ и весь Прусскій заливъ назывался Венедскимъ, какъ говорили въ Европѣ, или Славянскимъ, какъ быть можетъ извѣстно было на мѣстѣ. Отъ Венедовъ осталось матерое имя Славянъ, отъ Руговъ—матерое имя Руссъ.

Любопытно сравнить это показаніе о Вендусѣ съ преданіями объ Аттилѣ, который въ своемъ Гуналандѣ (востокъ Балтики) имѣлъ тоже двѣнадцать королевствъ. Въ тѣхъ же преданіяхъ не рѣдко поминается и Вендское море. Все это даетъ поводъ предполагать, не напоминаетъ ли имя Аттилы и одинъ изъ главныхъ городовъ Славоніи, Тилса, нынѣшній Тильзитъ, называемый на нѣмецкихъ картахъ Славеномъ (Schalauen),— Словенскомъ. Если здѣсь существовало первобытное жилище Унновъ, то становится очень понятнымъ и выраженіе нѣмецкихъ сказаній объ Аттилѣ, что все ему принадлежало „отъ моря до моря“, то-есть весь путь отъ Балтійскаго до Чернаго моря, по которому свободно переходили и Роксоланы, и Скирры, и Герулы. И тамъ и здѣсь эти имена оказываются своеземцами.

Но откуда же могли придти въ Нѣмонскую страну Руссы и Славяне, занявшіе самый важный край на сообщеніи по Нѣмону, именно его устье. Вся эта поморская сторона между Вислою и Двиною была искони заселена Литовскими племенами, которыя крѣпко сидѣли и внутри материка. Сейчасъ за Вислою къ западу, по указанію нашей лѣтописи, находилось Варяжское поморье, гдѣ пониже Гданска (Данцига) стоялъ и славянскій городъ Старограды. Это поморье простиралось до устья Одера. Теперь здѣсь живутъ еще несовсѣмъ онѣмеченные славянскіе остатки Кашубовъ, а въ древности, во II вѣкѣ, здѣсь, по географіи Птоломея, жили Руги, Рутиклы, и на морскомъ берегу при устьѣ Вепри находился городъ Ругіонъ (Ругенвальдъ), вблизи котораго южнѣе и доселѣ существуетъ городъ Словинъ (Словно). Этотъ уголъ Вендской земли, прилегавшій къ Венедскому Заливу, на памяти Исторіи XII—XIII вѣка именуется Славо, Славна, Словена, Словене. Малые остатки здѣшнихъ Сла-

вянъ, особенно по морскому берегу, и теперь прозываютъ себя Словенцами, свой языкъ Словинскимъ, Словенскимъ [37].

Какое же Славно, Нѣмонское или Поморское, населилось прежде и дало другому начало бытія? Гдѣ была матерь населенія, метрополія, и гдѣ была колонія—дочь?

Намъ кажется, что заселеніе Славянами Нѣмона произошло позже, чѣмъ заселеніе ими же всего побережья между Вислою и Одеромъ. Нѣмонское населеніе пришло несомнѣнно съ моря, почему и осталось въ устьѣ. Населеніе поморья шло по Вислѣ и Одеру. Эти двѣ рѣки были прямыми дорогами отъ Карпатскихъ горъ къ морю и нельзя сомнѣваться, что еще въ глубокой древности послужили первыми проводниками Славянъ на Балтійское побережье. Лингвисты думаютъ, что при раздѣленіи Славянства на отдѣльныя племена, Балтійское (Полабское) племя выдѣлилось раньше другихъ.

Въ VIII вѣкѣ впервые упоминается, что въ устьяхъ Одера, гдѣ находится и островъ Ругія, живутъ Велеты-Лютичи, о которыхъ современный писатель Эгингардъ (+ 839) говоритъ, что это былъ самый знатный народъ на всемъ южномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Во II вѣкѣ Птоломей, показывая Руговъ на Варяжскомъ поморьѣ, указываетъ и жилище Велетовъ на восточной сторонѣ Венедскаго Залива, слѣдовательно при устьѣ Нѣмона. Вотъ въ какое время Велеты или Волоты нашихъ народныхъ преданій занимали уже первый ближайшій отъ Славянскаго Поморья входъ въ глубь нашей страны. Очевидно, что, какъ въ VIII, такъ и во II вѣкѣ они одинаково были знатнымъ народомъ, конечно больше всего по своей торговлѣ, для которой непремѣнно они основались и на устьѣ Нѣмона. Однако можно говорить, что Славянское переселеніе къ Нѣмону шло въ обратномъ направленіи, не изъ за моря, а изъ глубины нашей равнины. Такъ предполагаетъ и Шафарикъ [38]. Но его принуждаетъ къ этому выученная у Нѣмцевъ мысль, которую онъ или опасался, или не хотѣлъ разобрать основательно, та мысль, что Балтійское поморье отъ начала принадлежало Германцамъ, которые неизвѣстно какъ и неизвѣстно когда ушли оттуда и на ихъ мѣсто въ V вѣкѣ явились Славяне. Мы уже говорили, что Балтійское Славянство было древнѣйшимъ старожиломъ на своемъ мѣстѣ.

Но утвержденію Шафарика всего болѣе противорѣчитъ то обстоятельство, что Нѣмонскій край и до сихъ поръ остается Литовскимъ. Еслибы потокъ Славянскаго населенія на Балтійское море шелъ изъ нашей страны по Нѣмону, то онъ непремѣнно бы залилъ Славянскою породою всѣ берега древней Пруссіи, точно такъ, какъ онъ залилъ балтійскіе берега отъ Вислы до Травы, до самыхъ Англовъ и Датчанъ. Очень многое насъ убѣждаетъ, что населеніе Нѣмонскаго края Славянами происходило главнымъ образомъ отъ Славянъ Вендовъ, съ Балтійскаго поморья; что вообще Венды были дѣятельными колонизаторами не только древне-литовской Пруссіи, но и всего Сѣвера нашей равнины.

У насъ утвердилось мнѣніе, что напр. Новгородскій край заселенъ съ Кіевскаго Днѣпра. Доказательства тому, довольно слабыя, находятъ даже въ языкѣ. Но кромѣ лингвистики и историческихъ соображеній, въ этихъ вопросахъ необходимѣе всего принимать во вниманіе экономическія причины, отъ которыхъ всегда зависѣло то или другое направленіе народныхъ переселеній.

Въ отношеніи этихъ переселеній, особенно мирныхъ, такъ сказать растительныхъ, необходимо имѣть въ виду, что люди, избирая новыя жилища всегда руководятся какими либо выгодами для своихъ поселеній. Даже въ случаяхъ нашествія иноплеменныхъ, люди въ переполохѣ бѣгутъ во всѣ стороны, но все таки на постоянное жительство выбираютъ земли, наиболѣе подходящія требованіямъ и условіямъ ихъ быта, выбираютъ сторону наиболѣе имъ родную по привычкамъ жизни и хозяйства.

Наши восточные Славяне всѣ были земледѣльцы, но природа страны довольно рѣзко раздѣлила ихъ на двѣ совсѣмъ особыя половины соотвѣтственно особымъ свойствамъ ихъ земледѣльческаго хозяйства. Одни были степняки—Поляне, другіе лѣсовики—Древляне. Это раздѣленіе и начиналось почти у самаго Кіева, между Полянами и Древлянами, но оно въ истинной точности можетъ обозначать и различіе въ характерѣ народнаго быта по всей нашей древней равнинѣ. Всѣ наши племена были, говоря вообще, или Поляне, или Древляне по своему хозяйству.

Съ глубокой древности, еще Геродотовской, область Полянъ на юго-востокъ отъ Кіева принадлежала южно-русскому

(малорусскому) племени, такъ какъ область Древлянъ, Геродотовскихъ Нуровъ, на сѣверо-западъ отъ Кiева, Бѣлорусскому племени. Великорусское сѣверо-восточное племя несомнѣнно образовалось послѣ, хотя и не на памяти нашей исторiи.

Кто знаетъ и теперешнее степное хозяйство, образъ жизни и привычекъ южнаго племени, тотъ конечно едва-ли повѣритъ, чтобы Полянинъ въ какое либо время могъ промѣнять свой порядокъ жизни на порядки жизни лѣснаго обитателя нашихъ сѣверныхъ болотъ.

Уже одна привычка къ ландшафту своей родины, къ чистому полю—широкому раздолью, очень попрепятствуетъ выбору переселенiя въ глухiе лѣса и болота. Скорѣе Древлянинъ перемѣнитъ свой лѣсъ на чистое поле, чѣмъ Полянинъ выбѣжитъ изъ степнаго раздолья въ лѣсную глушь и тѣсноту. Здѣсь, какъ намъ кажется, и скрывались причины, почему юго-восточный, Понтiйскiй отдѣлъ нашего Славянства распространялся по преимуществу только въ поляхъ и для этого отъ нашествiя иноплеменныхъ не бѣжалъ дальше къ сѣверу, а уходилъ только къ Дунаю и за Дунай, или тѣснился у Карпатскихъ горъ, то есть вообще шелъ все къ югу. Такимъ порядкомъ создались народности Хорватовъ, Сербовъ, Булгаръ. Напротивъ того сѣверо-западный, Балтiйскiй отдѣлъ русскаго Славянства, Нуры-Бѣлоруссы, живя въ лѣсахъ и болотахъ, а потому и называясь Древлянами, легко и удобно переселялись все дальше къ сѣверо-востоку. Ихъ образъ жизни и всѣ привычки едвали въ чемъ измѣнялись, если они попадали напр. и въ Ильменскiя или Волжскiя лѣса и болота, гдѣ настоящаго Полянина, странствующимъ и ищущимъ поселенiя нельзя и вообразить. Особаго рода земледѣльческое хозяйство и привычки жизни требовали, чтобы Поляне-степняки шли въ поля, а лѣсовики Древляне—шли въ лѣса. Такъ это и происходило съ незапамятныхъ временъ, когда еще за 600 лѣтъ до Р. Х. Невры передвинулись въ земли Вудиновъ. Самыя свидѣтельства Исторiи подтверждаютъ эту естественную истину и говорятъ больше всего о переселенiяхъ съ сѣвера на югъ, а не на оборотъ.

При первыхъ князьяхъ южные города населяются людьми, т. е. обывателями съ сѣвера. Въ послѣдующее время южане появляются на сѣверѣ не народомъ, обывателями, а только

чиновниками, властителями, каковы были напр. въ Залѣсскомъ Владимірѣ Русскіе „дѣтскіе."

Что касается Новгорода, то въ эту страну кіевскіе Поляне могли переселиться только по крайней необходимости, больше всего въ видахъ торговаго промысла.

Вь самомъ дѣлѣ, какая нужда или выгода заставила бы ихъ, коренныхъ землепашцевъ, такъ далеко углубиться на Финскій сѣверъ, гдѣ посреди глухихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ едва было возможно найдти мѣсто для разведенія пашни, гдѣ вокругъ озера возможно было только одно рыболовство, или въ лѣсахъ одно звѣроловство; а Славянинъ, какъ только запомнитъ его исторія, всегда питался хлѣбомъ, всегда былъ силенъ только своею пашнею. Новгородъ и въ послѣдующіе вѣка постоянно бѣдствовалъ хлѣбомъ и въ этомъ отношеніи всегда зависѣлъ отъ остальной Руси.

Такимъ образомъ трудно предположить, чтобы кіевскій хлѣбопашецъ промѣнялъ свой благодатный югъ на этотъ бѣдный и бѣдственный сѣверъ.

Необходимо допустить, что первое поселеніе на Ильменѣ завелось съ цѣлью торговаго промысла. Одна только торговая промышленность способна поселить человѣка на самомъ бѣдномъ по природѣ мѣстѣ, лишь бы оно было богато торгомъ. Но въ этомъ случаѣ самъ собою возникаетъ вопросъ, какой торговли могъ искать въ ильменскомъ углу нашего сѣвера кіевскій югъ? Ильменская сторона прилегала къ Финскому заливу, слѣдовательно къ торгу на Балтійскомъ морѣ, на которое однако можно было выѣзжать несравненно ближайшею дорогою, по Западной Двинѣ, не говоря о древнѣйшей дорогѣ по Нѣмону. Самые Норманны—Шведы и прочіе, если они ходили по нашей странѣ въ Грецію, должны были предпочитать этотъ Двинской путь, какъ ближайшій и прямой, всякому другому. Пробираться по Финскому Заливу и черезъ Новгородъ было почти вдвое дальше и въ нѣсколько разъ затруднительнѣе: надо было переходить, кромѣ залива, три рѣки, два озера, два-три волока, между тѣмъ какъ изъ Двины въ Березину лежалъ только одинъ переволокъ. Кромѣ того европейскіе товары, на которые Кіевскій югъ у Балтійскаго моря могъ промѣнивать свои Русскіе, приходили въ Кіевъ прямою сухопутною дорогою

черезъ Польскія земли. Польскій лѣтописецъ Галлъ разсказываетъ, что съ X вѣка торговые Европейцы только по пути въ Русь знакомились даже и съ самою Польшею [39], а Баварскіе купцы изъ Регенсбурга, торговавшіе въ Кіевѣ, такъ и прозывались Ruzarii, т. е. Русскими, какъ и наши „гречниками" отъ торговли съ Греціею. Это показываетъ, что торговля Кіева съ европейскимъ западомъ съ незапамятныхъ временъ происходила и независимо отъ рѣчныхъ и морскихъ дорогъ, сухопутьемъ или *„горою"*, какъ выражались наши предки.

Вообще очень трудно предполагать, чтобы древнѣйшіе Кіевскіе или Днѣпровскіе люди могли когда либо отыскивать и пролагать пути къ европейскимъ товарамъ черезъ Ильменскій уголъ. А они необходимо должны были это дѣлать, если стремились заселить и Новгородскій край. Кіевская сторона вовсе не нуждалась въ этой далекой и болотной украйнѣ. Самый важнѣйшій Русскій товаръ, пушные мѣха, шелъ въ Кіевъ отъ верхней Волги и вообще съ сѣверовостока, изъ Ростовской и Муромской земли. Медъ и воскъ добывались по сторонамъ самаго Днѣпра. Все необходимое для Кіева доставлялось главнымъ образомъ съ юга.

Тѣмъ не меньше появленіе Новгорода на своемъ болотистомъ мѣстѣ, какъ и въ послѣдствіи появленіе Петербурга у Финскаго залива, должно показывать, что существовали значительныя внутреннія или внѣшнія причины для развитія на этомъ мѣстѣ новаго поселенія.

Петербургъ выросъ изъ сокровенныхъ потребностей страны владѣть морскимъ берегомъ; онъ явился на своемъ мѣстѣ выразителемъ нашей государственной силы, искавшей свѣта и просвѣщенія на Европейскомъ западѣ и потому придвинувшей даже свою столицу къ самому рубежу этого Запада. Словомъ сказать, Петербургъ своимъ появленіемъ обозначилъ великую нужду Русской страны въ матеріалахъ и началахъ жизни западной, общечеловѣческой.

Не былъ ли Новгородъ выразителемъ какихъ либо внутреннихъ, домашнихъ стремленій Русской страны, указавшей еще въ незапамятные вѣка мѣсто для его поселенія? Вообще былъ ли онъ порожденъ потребностями самой страны, или явился по необходимости служить больше всего потребностямъ чужаго міра?

Намъ кажется, что исторія появленія Новгорода шла совсѣмъ въ противоположномъ направленіи съ исторіею появленія Петербурга. Мы отчасти обозначили отсутствіе внутреннихъ причинъ къ появленію на Ильменскомъ болотѣ такого сильнаго города и потому очень сомнѣваемся, чтобы онъ впервые населенъ былъ Днѣпровскимъ племенемъ. По нашему мнѣнію и самый городъ и его населеніе могли народиться только изъ потребностей Балтійской торговой промышленности, отъ которой развитіе нашего сѣвера вполнѣ зависѣло съ самыхъ древнихъ временъ.

Мы сказали, что въ эти отдаленныя времена Русская южная страна нисколько не нуждалась въ связяхъ съ Балтійскимъ поморьемъ. Все надобное она находила или у себя дома, или на южныхъ своихъ моряхъ. Напротивъ, только Балтійское поморье всегда и очень нуждалось въ промыслахъ и богатствахъ и во всякихъ добыткахъ нашей страны. Извѣстно уже изъ исторіи XII—XVI столѣтій, какъ европейцы неутомимо отыскивали и открывали новые для нихъ пути въ нашу страну все съ одною цѣлью набогащаться нашимъ торгомъ. Такъ европейскія лѣтописи говорятъ, что Бременцы въ половинѣ XII вѣка открыли путь въ Западную Двину. Въ XIII вѣкѣ Венеціане, а за ними Генуэзцы открываютъ устье Дона и другіе углы нашихъ южныхъ береговъ. Въ половинѣ XVI вѣка Англичане открываютъ путь въ Сѣв. Двину. Недавно Шведы открыли путь въ Сибирскія рѣки.

Конечно, это вовсе не значило, что каждый разъ Европейцы открывали Америку. Это значило только, что ихъ монопольныя компаніи открывали лично для себя новые монопольные торги съ нашею страною, ибо по стариннымъ торговымъ обычаямъ, каждый вновь открытый торговый путь или торговый уголъ составлялъ собственность открывателя. Такъ точно промысловые и торговые пути нашихъ древнихъ городовъ, а въ послѣдствіи княжествъ, тоже всегда составляли ихъ земскую собственность.

Но это самое открывательство вообще обнаруживаетъ, что Русская страна, особенно на Ильменскомъ сѣверѣ, никогда не нуждалась, или не была способна, или тѣже Европейцы ей препятствовали разводить съ Европою самостоятельные торги. Намъ кажется, что послѣднее обстоятельство было главнѣйшею причиною нашей неподвижности въ спо-

шеніяхъ съ Европою по крайней мѣрѣ со времени устройства Ганзейскаго союза. До того времени сами Новгородцы хаживали по всему Балтійскому поморью и между прочимъ въ Данію. Но до того времени на Балтійскомъ морѣ господствовали Варяги-Славяне, родные люди этимъ Новгородцамъ.

Итакъ, не нужды Русской страны, а нужды Балтійскаго моря должны были возродить на нашемъ Сѣверѣ не только Новгородъ, но и всѣ другіе города, стоявшіе на торговыхъ перепутьяхъ. Новгородъ выросъ, какъ колонія всего Балтійскаго поторжья, которое главнымъ образомъ сосредоточивалось на южныхъ берегахъ моря, особенно въ юго западномъ его углу, гдѣ и впослѣдствіи процвѣтали Любекъ и Гамбургъ. Новгородъ не могъ быть колоніею Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ, Датчанъ; ихъ торги, взятые въ совокупности никакъ не равнялись торгу изъ нѣмецкихъ земель, то есть съ самаго материка Средней Европы, обширныя и разнообразныя потребности котораго постоянно создавали и развивали балтійскій торгъ, открывали себѣ новые пути, учреждали свои колоніи и на пашемъ далекомъ сѣверѣ. Такою колоніею и самою сильною возродился и нашъ Новгородъ.

До Ганзейскаго союза, когда южно-балтійскій или въ собственномъ смыслѣ Европейскій торгъ находился по преимуществу въ рукахъ Балтійскихъ Славянъ, то и нашъ Новгородъ естественно былъ ихъ же колоніею, какъ и послѣ онъ сталъ главною конторою нѣмецкой Ганзы, принявшей его по наслѣдству отъ Славянъ.

Какъ Петербургъ выросъ на своемъ мѣстѣ изъ внутреннихъ потребностей Русской страны, такъ въ свое время и Новгородъ выросъ изъ торговыхъ потребностей всего Балтійскаго моря, всей Балтійской страны. По этой причинѣ онъ и въ Ганзѣ остался главнымъ средоточіемъ восточно-балтійскаго торга. Онъ упалъ только тогда, когда совсѣмъ измѣнились пути и ходы европейской торговли.

Таково было происхожденіе Новгорода. Мы также знаемъ, что первыми открывателями и заселителями нашего Финскаго сѣвера были люди, называемые Словѣнами, такъ должно заключать по имени Новгородцевъ, издревле называвшихся Словѣнами въ отличіе отъ другихъ Русскихъ племенъ. Но какъ и откуда они принесли это имя, когда по по-

казанію географіи 2 вѣка по Р. Х. оно является старѣйшимъ въ Славянскомъ мірѣ? Могло ли оно народиться въ самомъ Новгородѣ, или принесено изъ Кіевской стороны? Въ этомъ случаѣ имя объясняетъ самую исторію города.

Спустя 300 лѣтъ послѣ Птоломея, мы получаемъ свѣдѣнія, что именемъ Славянъ въ собственномъ значеніи прозывается западное ихъ племя, о чемъ ясно засвидѣтельствовалъ Византіецъ Прокопій, говоря о переселеніи съ юга на сѣверъ Геруловъ чрезъ Славянскія земли.

Можно съ достовѣрностью предполагать, что имя Словенинъ народилось само собою въ одно время съ именемъ нѣмецъ, и въ той именно странѣ, гдѣ Славянское племя жило болѣе или менѣе раздробленно и тѣсно перемѣшивалось съ чужеродцами по преимуществу Германскаго племени, такъ какъ слово Нѣмецъ въ славянскомъ мірѣ осталось навсегда исключительнымъ наименованіемъ Германца. Выраженіе Словый должно было отмѣчать людей, понимающихъ другъ друга, говорящихъ на понятномъ языкѣ, въ отличіе отъ нѣмыхъ, нѣмотствующихъ, иноязычныхъ, которыхъ понимать невозможно. Такъ это имя Словенинъ объясняли еще ученые 16 вѣка и это объясненіе, говоритъ самъ Шафарикъ, основательнѣе и вѣроятнѣе всѣхъ другихъ [39]. По нашему мнѣнію оно вполнѣ достовѣрно. Оно распространилось не изъ одного какого либо мѣста, какъ имя этнографическое или географическое; оно появлялось повсюду, гдѣ Словене пребывали въ смѣшанной средѣ разныхъ чужеродцевъ, гдѣ они селились съ ними въ перемежку. По той же причинѣ и земли съ именемъ Словиній возникали въ одно время въ разныхъ мѣстахъ и обнаруживали только населеніе Словыхъ, словесныхъ людей, какъ понимали это Славяне.

Тамъ, гдѣ существовало сплошное Славянское населеніе рядомъ съ сплошнымъ же населеніемъ инородцевъ того или другаго языка,—въ этомъ имени для различенія народностей не было надобности. Всякій прозывался именемъ племени или именемъ мѣста, страны. Но гдѣ разноплеменные и главное разноязычные люди были перепутаны своими поселками, какъ это случалось на западныхъ окраинахъ Славянскаго міра, посреди Германцевъ, Кельтовъ, Грековъ, Римлянъ и т. д., посреди многихъ нѣмотствующихъ, тамъ и должно

было утвердиться обозначеніе всѣхъ одноязычныхъ именемъ Словый, Словенинъ.

Писатели 6 вѣка, Іорнандъ и Прокопій, уже ясно раздѣляютъ древнихъ Венедовъ на двѣ вѣтви, изъ которыхъ западную именуютъ Славянами, а восточную, Русскую, храбрѣйшую, Антами. О той и о другой вѣтви они говорятъ, что ихъ поселенія занимаютъ къ сѣверу неизмѣримыя пространства, покрытыя болотами и лѣсами. Видимо, что прозваніе Словый гораздо древнѣе этого времени. Оно непремѣнно сокрылось въ германскомъ имени Suevi, у Павла Дьякона въ одномъ мѣстѣ Свовы, какъ и у Птоломея Свовены, которое по латинскому написанію еще въ первомъ вѣкѣ принадлежало сѣверо-восточнымъ Германскимъ племенамъ, въ числѣ которыхъ многія являются потомъ чистыми Славянами. По этой причинѣ и имя Славянъ болѣе употребительнымъ остается между Славянами Балтійскаго поморья. Быть можетъ отсюда по преимуществу и разносилось имя Славянъ въ южныя мѣста, когда вслѣдствіе борьбы съ Германствомъ Славяне переселялись даже и въ Греческія земли. По всему вѣроятію такимъ путемъ утвердилось и мѣстное прозваніе особой земли въ предѣлахъ Македоніи, къ сѣверу отъ Солуня, названной уже въ 7 вѣкѣ Славиніей. Здѣсь впервые появилась и Славянская грамота, распространившая это особое мѣстное имя Славянъ уже на весь Славянскій родъ.

Можно полагать, что Македонскіе Славяне составились вообще изъ Славянскихъ военныхъ и торговыхъ дружинъ, съ незапамятныхъ временъ приходившихъ въ Грецію и отъ Балтійскаго моря и изъ нашихъ сторонъ. Славянское имя осталось за ними несомнѣнно по той причинѣ, что оно уже въ 6 вѣкѣ употребляется на Западѣ, какъ общее для всей западной вѣтви.

Но въ то время, какъ это имя постоянно разносилось въ свидѣтельствахъ 6, 7 и 8 столѣтій о западныхъ и южныхъ Славянахъ, на востокѣ оно совсѣмъ не было извѣстно. Птоломеевы Ставаны-Славяне промелькнули какъ бы падучею звѣздою и тотчасъ скрылись отъ глазъ Исторіи.

Объ этомъ самомъ древнѣйшемъ и самомъ сѣверномъ имени Славянъ можно однако сказать, что Славянское Кіевское племя, встрѣтившись на Ильменѣ съ инородцами, необходимо должно было обозначить себя именемъ Славянъ. Но въ такомъ

случаѣ оно должно было обозначать себя этимъ именемъ и по всѣмъ украйнамъ нашей равнины, повсюду, гдѣ встрѣчало инородцевъ. И во всякомъ случаѣ, такъ прозывать себя между инородцами могли именно тѣ люди, въ сознаніи которыхъ уже глубоко коренилось убѣжденіе о единствѣ ихъ породы и ихъ родоваго имени. Между тѣмъ никто изъ жившихъ у Днѣстра и Днѣпра не прозывался такимъ именемъ если не упоминать о Скиѳахъ Сколотахъ-Слоутахъ, въ которыхъ не хотятъ вѣрить, что они могли быть Славяне, и если не предполагать, что эти Сколоты первые удалились въ Новгородскіе предѣлы. Для Кіевской стороны Славянское имя, такъ было несвойственно, что начальный лѣтописецъ даже и въ 11 столѣтіи почиталъ необходимымъ усердно и настойчиво доказывать, что и древніе Поляне, а теперь зовомая Русь, были такіе же Славяне, какъ и всѣ прочіе.

Эти простодушныя доказательства лучше всего и объясняютъ, что даже и въ 11 или 12 стол., когда составлялась лѣтопись, на Руси еще не установилось сознаніе о всеобщности Славянскаго имени. Лѣтъ двѣсти раньше о такомъ сознаніи едвали помышляли и тѣ самые Славяне, у которыхъ впервые явилась Кирилловская грамота. А эта самая грамота и была тѣмъ роднымъ сокровищемъ для всего Славянскаго міра, которое заставило и нашего лѣтописца распространить Славянское имя на всѣ Славянскія племена и усердно доказывать, что и Русь, какъ Славяне, имѣютъ всѣ права почитать эту грамоту своею. Въ сущности онъ доказывалъ, что Славянскій Востокъ, извѣстный подъ другимъ именемъ, состоитъ въ кровномъ родствѣ съ Славянскимъ Западомъ, гдѣ Славянское имя было общенароднымъ, географическимъ. Въ половинѣ 10 в. Константинъ Багрянородный и нашихъ Кривичей, Дреговичей, Сѣверянъ обозначаетъ общимъ именемъ Славянъ. Но Византійцы стали обобщать это имя несомнѣнно по случаю Славянской же грамоты.

Очень многія указанія заставляютъ предполагать, что наши Ильменскіе Славяне принесли свое имя тоже отъ запада. Древній лѣтописецъ объ этомъ прямо не говоритъ, какъ не говоритъ и того, что Новгородцы пришли отъ Днѣпра, или пришли прямо отъ Дуная. Онъ ограничивается однимъ словомъ: сѣдоша на Ильменѣ. Но онъ присвоиваетъ Новго-

родцамъ Варяжскую породу и отмѣчаетъ, что Радимичи и Вятичи пришли въ нашу страну отъ Ляховъ. Здѣсь дается смутное понятіе, что Ильменское населеніе пришло, хотя и отъ Дуная, наравнѣ со всѣми племенами, но Варяжскимъ путемъ черезъ Балтійское море. Поздніе лѣтописные сборники начала 16 в. ведутъ Новгородскихъ Славянъ прямо съ Дуная, но черезъ Ладожское Озеро и оттуда уже къ Ильменю, что оставляетъ въ своей силѣ коренное представленіе, что они пришли съ Балтійской стороны. Къ тому же въ слѣдъ за повѣстью о разселеніи Славянъ въ Русской странѣ лѣтописецъ тотчасъ описываетъ Варяжскій путь мимо Новгорода и Кіева, вокругъ всей Европы, какъ бы указывая проторенную дорогу, по которой и происходили переселенія къ намъ Славянъ-Варяговъ.

Въ этомъ случаѣ болѣе надежными свидѣтелями могутъ быть не одни прямыя указанія письменности, но также имена земли и воды. Всегда переселенцы въ новой странѣ сохраняютъ свои старыя имена, или родовыя и личныя, или мѣстныя, географическія.

Какъ на западѣ Европы Балтійскіе Славяне повсюду въ своихъ поселкахъ оставляли по себѣ имя Венедовъ, Венетовъ или Виндовъ, такъ и въ нашей равнинѣ они оставили память о своихъ поселеніяхъ въ имени Славно, Словянскъ, Словогощъ и т. п. Первое имя давали имъ Германцы и Кельты, вторымъ сами они стали прозывать себя и тѣмъ обозначали свое западное происхожденіе, свое сосѣдство съ западнымъ Европейскимъ міромъ. Приходя въ нашу страну изъ страны поморской между Вислою и Одеромъ гдѣ, не подалеку отъ Вислы, существовала особая земля Славія, Славно, они необходимо приносили и къ намъ свое земское имя. На нижнемъ Нѣмонѣ Литовцы называли ихъ Шлаунами, Шлаванами, Шалаванами, по латыни Скаловитами. И здѣсь, какъ мы видѣли, у нихъ былъ городокъ Салавно, Славно. И до сихъ поръ по всей Литовской Пруссіи, уже вполнѣ онѣмеченной, еще разсѣяны подобныя имена вмѣстѣ съ другими, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что Венедскій заливъ недаромъ носилъ свое имя, обозначая племя Славянское.

Отъ главнаго города здѣшней Славоніи, Рагнеты, на 40 верстъ къ В., на лѣвомъ притокѣ Нѣмона, Шешупѣ, нахо-

дится селеніе Словики противъ сел. Вцзборинена, а отсюда за Нѣмономъ къ С. верстъ 50 стоитъ очень древній городъ Россіены на правомъ притокѣ Нѣмона, Шешувѣ.

Дальше вверхъ по Нѣмону, встрѣчаемъ Венцлавишки, Богословъ—Богословенство.

Отъ города Ковно Нѣмонская дорога вверхъ по рѣкѣ круто поворачиваетъ и идетъ прямо на югъ до Гродно, огибая великія пущи, по среди которыхъ и начинается упомянутая р. Шешупа. Здѣсь съ лѣвой стороны въ нее впадаетъ р. Рось, а съ правой—р. Давина. Вблизи этого мѣста упоминается въ старыхъ записяхъ р. Слованка [40], а теперь къ западу отъ гор. Пренна и Олиты находится сел. Слованта, иначе Шалаванта у одного озерка, и рядомъ—Шлаванты. Нѣсколько къ с.-з.—Пошлаванцы и Пошлаванты. Эти имена достаточно обнаруживаютъ, что уголокъ былъ Славянскій.

Верстъ 25 къ ю.-в. отъ Словавты находится Мирославъ, а противъ него въ 10 вер. на правомъ берегу Нѣмона — Нѣмонайцы, селеніе достопамятное преданіемъ, что въ этомъ мѣстѣ вождь какихъ-то пришельцевъ изъ за моря, Нѣмонъ, получилъ божескія почести отъ Литовцевъ и основалъ городъ, въ 10 вѣкѣ [41]. Въ 25 вер. къ с. отъ Нѣмонайцевъ—Словенцишка у озера Дауги, а 15 в. къ ю.-в. Руска Весь. Противъ тѣхъ же мѣстъ, на западѣ, на другомъ, лѣвомъ берегу, южнѣе Мирослава—Шлаванты, Русанце. Не ясно ли по именамъ мѣстъ, какіе это были заморскіе пришельцы въ эту Литовскую сторону. „Преданія, говоритъ Нарбутъ, существующія отъ временъ глубочайшей древности надъ нижнимъ Нѣмономъ, безпрестанно толкуютъ о какихъ-то мореходцахъ, прибывшихъ въ сію рѣку изъ странъ далекихъ". Въ устьяхъ Нѣмона была Славонія и Русня, и здѣсь на среднемъ его теченіи тѣ же преданія сопровождаются тѣми же именами.

Дальше, все поднимаясь вверхъ по Нѣмону, находимъ городъ Гродно, отъ котораго нѣмонская верховая дорога поворачиваетъ круто на востокъ. Въ окрестности Гродно, 30 вер. къ ю.-з., обращаетъ на себя вниманіе рѣка Сокольда (не источникъ ли для имени Аскольда?), впадающая въ Супрасль, притокъ Нарева или Нарова, вблизи которой и Нурская сторона и рѣки Нуръ, Нурчикъ, Нурецъ.

Въ 40 верстахъ выше Гродно въ Нѣмонъ впадаетъ слѣва р. Росса, текущая отъ юга къ сѣверу съ возвышенности, съ которой беретъ начало Наревъ къ западу въ Вислу и Яселда, текущая къ ю.-в. въ р. Припеть. На Россѣ замѣтимъ городокъ Россу. Вершина Россы почти совпадаетъ съ вершиною Яселды, слѣд. здѣсь могъ существовать переволокъ изъ Нѣмона въ Днѣпръ по Припети.

Какъ извѣстно, верхъ Нѣмона въ окрестностяхъ Минска приближается къ притокамъ Днѣпровской Березины. Но Нѣмонская дорога къ Днѣпру была очень крива, а потому длинна и обходиста. На переволъ изъ Россы въ Яселду путь тоже былъ очень длиненъ. Несравненно прямѣе была дорога по сѣверному притоку Нѣмона, по рѣкѣ Виліѣ [42], впадающей въ Нѣмонъ у города Ковно. Вилія направляется въ Нѣмонъ почти прямо отъ востока на западъ и при томъ почти отъ верха Березины. Промышленники Венды—Славяне повидимому здѣсь и искали болѣе прямаго пути къ Черному морю. Между верховьями Виліи, Березины и Нѣмона мы находимъ довольно обширный и быть можетъ послѣ Нѣмонскаго самый древнѣйшій поселокъ Славянскаго имени. Здѣсь, къ одной сторонѣ, въ Вилію впадаетъ рѣка Двиноса, а къ другой, въ Березину р. Гайна. На верху Двиносы находится мѣстечко Плещеницы, а отъ него въ 20 вер. на верху р. Гайны стоитъ Логойскъ, древній городъ, теперь тоже мѣстечко. Почти на серединѣ между этими поселками на переволокѣ и доселѣ существуетъ село Словогощъ, явно показывающее, какой народъ переваливалъ здѣсь съ Балтійскаго моря въ Черное. Явственно также, что еще недобираясь до Двиносы, Славяне двигались къ этому Словогощу и сухимъ путемъ, почему на дорогѣ между Виліею и Гайною находимъ два селенія Стайки.

На этой же рѣчной высотѣ, откуда во всѣ стороны протекаютъ небольшія рѣчки и гдѣ находятся города Радошковичи и Минскъ, принимаетъ между прочимъ начало небольшая рѣка Березина, другая, не Днѣпровская, а притокъ Нѣмона, впадающая въ него съ права, отъ сѣвера. На этой Березинѣ стоитъ теперь мѣстечко Словенскъ—древній городъ, окруженный именами мѣстъ, которыя знакомы намъ изъ Новгородскаго землеслова: Неровъ, Неровы, Хол-

хло, Доры, Кіевецъ, Воложинъ, Волма, Витковщизна. Притоки Березины: рр. Воложина, Ислочь, Волма, Война.

Противъ впаденія Березины въ Нѣмонъ, на лѣвой его сторонѣ, замѣтимъ уѣздный городъ Новогрудокъ, нѣкогда столица Литовскихъ князей; а въ 40 вер. къ ю.-з. отъ Новогрудка мѣсто Ишкольдъ (Искольдъ, опять имя равное Аскольду). Это не далѣе 80 вер. къ югу отъ Словенска. На сѣверъ отъ него въ 30 верстахъ находимъ сел. Словиненту (по картѣ Шуберта, Вен-Славененты). Еще выше къ сѣверу на 30 вер. находимъ сел. Славчину, выше которой въ 5 вер. протягивается отъ юга къ сѣверу долгое озеро Свирь.

Отъ города Словянска, на Нѣмонской Березинѣ, почти въ прямомъ направленіи къ западу въ 90 вер. существуетъ, какъ мы упомянули, Словогощъ; отсюда 35 вер. городъ Борисовъ на Днѣпровской Березинѣ, быть можетъ, родоначальникъ имени Борисѳена—Днѣпра. Отъ Борисова 75 вер. прямо на западъ—Словени на верху р. Бобра, Березинскаго притока; дальше къ западу еще 50 вер. Славяня, съ лѣва отъ Днѣпра у Шклова; еще дальше 50 вер. въ томъ же направленіи—Славное, въ верховьяхъ Прони. За тѣмъ слѣдуютъ города Мстиславль, Рославль. Если этими именами могутъ обозначиться, такъ сказать, шаги Словенъ въ ихъ расселеніи по нашему сѣверу, то они же указываютъ и направленіе главной дороги отъ устья Нѣмона, и тѣ мѣстности, гдѣ расселеніе какъ бы останавливалось, сосредоточивалось, утверждалось въ избранной столицѣ на пребываніе болѣе или менѣе продолжительное. По всѣмъ видимостямъ, такою мѣстностью, послѣ Славоніи на нижнемъ Нѣмонѣ, былъ Словянскъ на Нѣмонской Березинѣ, или вообще рѣчная высота около вершинъ Нѣмона, Виліи и Днѣпровской Березины, гдѣ стоитъ, какъ мы упоминали, древній городъ Минскъ, вблизи котораго въ 7 вер. къ востоку есть тоже сел. Словцы. Очень вѣроятно, что Птоломей, указывая своихъ Ставанъ, имѣлъ въ виду этотъ самый Принѣмонскій уголъ Славянскихъ жилищъ, потому что онъ упоминаетъ о Ставанахъ сейчасъ послѣ Галиндовъ и Судиновъ, которые несомнѣнно оставили свои имена въ древне-Прусскихъ областяхъ—Галиндіи и Судавіи, соприкосавшихся съ среднимъ теченіемъ Нѣмона, между Ковно и Гродно [43].

Дальше къ востоку жили Скиѳы-Алауны, знатный народъ всей Сарматіи [44]. Въ то время вѣроятно такъ прозывались наши восточныя Славянскія племена. О другихъ народностяхъ въ этой мѣстности историческая этнографія не оставила никакой памяти. Но указаніе Птоломея, что Ставане жили до Алауновъ, даетъ полное основаніе распространять ихъ жилище отъ верхняго Нѣмона и до самаго Новгорода, гдѣ народное имя Славянъ не стерлось временемъ и гдѣ сохранялось самое могущественное и сравнительно уже позднее сосредоточеніе Славянскаго населенія.

По всему вѣроятію, занятіе Славянами Ильменской стороны произошло изъ того же Нѣмонскаго угла, то-есть внутренними рѣчными дорогами, но не обходомъ по морю. Отъ верха Днѣпровской Березины течетъ въ Двину р. Ула. Въ 25 верстахъ на западъ отъ ея впаденія находимъ, ниже Полоцка 30 вер., сел. Словену при озерѣ. Отъ Улы вверхъ Двины дорога идетъ до Сурожа, гдѣ въ Двину впадаетъ р. Усвячь, текущая изъ озеръ Усвята и Усменья, а отъ этихъ озеръ въ 5 верстахъ протекаетъ Ловать къ гор. Великимъ Лукамъ, мимо погоста Словуя, при озерѣ, на лѣвомъ берегу, и потомъ Купуя, на правомъ. На этомъ самомъ пути въ новое время предполагали провести каналъ. Рѣка Ловать или Волоть, Ловолоть уже прямо напоминаетъ Волотовъ, да и всѣ курганы въ этой сторонѣ именуются волотоуками.

Проплывши по Ловати и по Ильменю до Волхова, Словены и здѣсь отыскали самое выгоднѣйшее мѣсто для поселенія въ Новгородскомъ Славнѣ, которое лежитъ между истокомъ Волхова и впаденіемъ въ Ильмень р. Мсты, открывавшей путь черезъ Вышній Волочокъ въ Тверцу и Волгу, и дальше черезъ Нижній или Ламскій Волокъ въ р. Москву, въ Рязанскую Оку и на верхній Донъ.

Но Словены не миновали и Чудскаго озера. Древній Изборскъ стоялъ на Словенскихъ Ключахъ и самое имя города, которое мы слышали еще на Нѣмонѣ, (Визборинень, Визборъ подъ Россіенами) сходно съ болгарскимъ Изворъ, что значитъ родникъ, источникъ [45].

Затѣмъ, Псковская лѣтопись, выражаясь о Триворѣ, что онъ „сѣде въ Словенскѣ", указываетъ, что и самый Изборскъ именовался нѣкогда Словенскомъ. Теперь о Словенскихъ Ключахъ не помнятъ, но указываютъ вблизи города

поле Словенецъ. Отсюда ясно, что призывавшая князей Чудь была сильна и знатна только потому, что надъ нею сидѣли Словены. Тоже самое должно сказать и о Бѣлозерской Веси.

Отъ Новгорода къ Бѣлу-озеру не было прямой дороги. Въ обходъ по озерамъ Ладожскому и Онѣжскому и рѣками Свирью, Вытегрою и Ковжею былъ путь далекій и при томъ въ началѣ вовсе неизвѣстный. Поэтому первые Словѣни могли попадать на Бѣло-озеро только посредствомъ лѣсныхъ рѣкъ и многихъ переволоковъ. Древнѣйшая, или одна изъ первыхъ дорогъ, повидимому, шла Мстою, до волока Держковскаго, пониже Боровичь; отсюда частію переволоками, частію рѣками въ рѣку Шексну. По прямизнѣ это была самая ближайшая дорога. Но за то названіе волока Держковъ уже показываетъ, сколько было здѣсь затрудненій, остановокъ, задержки. По сторонамъ этого пути, на верху рр. Колпи и Суды находимъ озеро Славное, а въ Боровичскомъ уѣздѣ—Славню на р. Иловенкѣ и двѣ—три Славы.

Другая болѣе удобная дорога проходила внизъ по Волхову Ладожскимъ озеромъ, поворотя въ р. Сясь, потомъ южнѣе теперешняго Тихвинскаго канала р. Воложею и волокомъ Хот-славлемъ къ Смердомлѣ и въ Чагодащу. Въ окрестностяхъ волока у Воложи находимъ сел. Славково, а у рѣки Смердомли—Славню.

Въ Бѣло-озеро надо было плыть вверхъ по Шекснѣ. По всему вѣроятію самое это озеро, какъ узелъ Словѣнской торговли въ предѣлахъ Веси, стало извѣстнымъ и знаменитымъ не само по себѣ, а больше всего потому, что оно находилось въ центрѣ сообщеній ильменской и приволжской стороны съ Заволочскою Чудью, Пермью, Печерою, Югрою и съ Ледовитымъ моремъ.

Здѣсь, между Бѣлымъ и Кубенскимъ озерами, существовалъ небольшой волокъ, легко соединявшій упомянутые водные пути. Этотъ волокъ и запечатлѣнъ именемъ первыхъ его открывателей—Словѣнъ.

Направляясь вверхъ Шексны и не доходя Бѣла-озера, Словѣни поворачивали вверхъ по рѣкѣ Словенкѣ, вытекавшей изъ озера Словинскаго (теперь Никольское). Съ озера къ сѣв. шелъ пятиверстный волокъ въ рѣку Порозовицу, которая течетъ въ озеро Кубенское, а изъ Кубен-

скаго течетъ Сухона, составляющая отъ соединенія съ р. Югомъ Сѣверную Двину. Этотъ самый волокъ и прозывался Словинскимъ Волочкомъ. Какой народъ въ древнее время ходилъ въ Бѣлозерскихъ краяхъ, указываютъ имена тамошнихъ волостей: Даргунъ, Комоневъ, Лупсарь [46].

Не забудемъ, что и сообщеніе съ Финскимъ Заливомъ на нижней Невѣ также обозначено Славянскимъ именемъ, рѣкою Словенскою, Словенкою текущею въ Неву рядомъ съ Ижорою. Послѣдняя по всему вѣроятію родня по имени князю Игорю [47].

Въ южномъ краю отъ Нѣмонскаго пути, въ долинѣ Припети точно также встрѣчаемъ имя Славянъ въ сел. Словискѣ, между озеромъ Споровскимъ, чрезъ которое проходитъ потокъ Яселды, и рѣкою Мухавцемъ, впадающимъ у Бреста, древняго Берестія, въ западный Бугъ. Этотъ Словискъ стоитъ слѣдовательно на перевалѣ, соединяющемъ водные пути Балтійскаго и Чернаго морей, гдѣ, какъ при всѣхъ другихъ Словенскихъ мѣстахъ, проходитъ теперь каналъ (Королевскій).

Это на верху Припети. Внизу ея одинъ изъ значительныхъ лѣвыхъ притоковъ носитъ имя Словечны, въ него впадаетъ рѣчка Словешинка. Отсюда выше къ сѣверу, при впаденіи Березины въ Днѣпръ есть озеро Словенское.

Преданіе о пришедшемъ изъ за моря Турѣ или Турыѣ, сидѣвшемъ на Припети въ Туровѣ, отчего и Туровцы прозвались, какъ говоритъ лѣтопись, по всему вѣроятію преданіе очень древнее. Лѣтопись поминаетъ о немъ мимоходомъ, говоря о Полоцкомъ Рогволодѣ, и объясняетъ, что и тотъ и другой пришли въ нашу страну сами собою, независимо отъ Новгородскаго призванія; но въ какое время, объ этомъ она умалчиваетъ. Имя Туро упоминается Іорнандомъ, при описаніи событій 3 вѣка.

Можно полагать, что имя Словенъ въ долинѣ Припети обозначаетъ переселенія изъ за моря дружинъ этого Тура.

Но примѣчательнѣе всего то обстоятельство, что Словенское имя является повсюду, гдѣ только открывается связь водныхъ сообщеній. Сейчасъ мы упомянули о Словискѣ, возлѣ котораго теперь существуетъ Королевскій каналъ. У Березинскаго канала существуетъ древній Слововгощъ; у

Тихвинскаго канала—Волокъ Хотьславль, Славково, Славня; Бѣлозерскій Словинскій Волочекъ, Словинское озеро и р. Словянка составляютъ каналъ Герцога Виртембергскаго; — предполагавшееся соединеніе Двины съ Ловатью идетъ мимо Словуя.

Все это показываетъ, въ какой степени древніе Славяне были знакомы со всѣми подробностями топографіи на всѣхъ важнѣйшихъ перевалахъ въ водныхъ сообщеніяхъ. Тамъ, гдѣ эти древніе знатоки нашей страны не указали своимъ именемъ возможности легкаго воднаго сообщенія, тамъ и новыя попытки Вѣдомства Путей Сообщенія вполнѣ не удались, какъ напр. случилось съ каналомъ изъ Волги въ Москву рѣку черезъ р. Сестру и Истру.

Всѣ эти поселки съ именемъ Славянскимъ мы относимъ къ давнимъ промысловымъ и торговымъ походамъ по нашей странѣ Прибалтійскихъ Славянъ, отважнѣйшихъ моряковъ своего времени. Ихъ исторія не записана или записана иноземцами уже въ позднее время, когда она совсѣмъ оканчивалась. Немудрено, что объ ихъ связяхъ съ нашею страною нѣтъ прямыхъ документальныхъ свидѣтельствъ. Но совокупность преданій о Волотахъ, о приходѣ заморцевъ, преданій, которыя разсказываются теперь на Нѣмонѣ, разсказывались въ 10-мъ в. на Камской Волгѣ, откуда записаны Арабами (ч. 1. стр. 466), преданій, о которыхъ разсказываетъ и нашъ лѣтописецъ говоря о приходѣ отъ Ляховъ Радимичей и Вятичей и изъ за моря самыхъ Варяговъ, а вмѣстѣ съ преданіями разнесенное по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только находились важнѣйшіе узлы сообщеній, Славянское имя, сопровождаемое именемъ тѣхъ же Волотовъ, — все это развѣ не составляетъ свидѣтельства болѣе цѣннаго, чѣмъ какое либо показаніе стараго писателя, въ родѣ Тацита или Плинія, иногда вовсе не имѣвшаго надлежащихъ свѣдѣній о томъ, о чемъ приходилось ему писать. Здѣсь говоритъ не случайно помянутое имя, не мертвая буква, а живой смыслъ древнѣйшихъ отношеній страны.

Намъ скажутъ, что Славянское имя въ этомъ случаѣ ничего не значитъ, что Славяне, конечно, повсюду прозывали сами себя Славянами. Но мы уже говорили, что по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ исторіи это имя возникло и ста-

ло распространяться только на западной окраинѣ Славянскаго міра.

Если, какъ толковалъ Суровецкій [48], имя Славянской восточной вѣтви Анты тоже значитъ, что Венеты, Венды, и если наши Вятичи есть только Русское произношеніе носоваго Венты, Венды, то этимъ именемъ Анты лучше всего и подтверждается, какое племя въ нашей странѣ въ 6 вѣкѣ было руководителемъ всѣхъ набѣговъ на Византійскихъ Грековъ. Эти Вятичи-Анты, эти Унны-Ваны, эти Роксоланы, Росоланы, Росомоны, а въ концѣ концовъ этотъ Руссъ, Росъ, по преданію тоже пришедшій изъ за моря,—все это имена Балтійскихъ Вендовъ, и всѣ эти показанія и намеки исторіи могутъ утверждать только одно, что въ странѣ, въ теченіи вѣковъ и цѣлаго тысячелѣтія, руководили дѣйствіями жившихъ въ ней народовъ и давали имъ свое имя пришельцы изъ за моря, отъ заморскихъ Славянъ.

Намъ кажется, что особымъ именемъ Словѣнинъ въ Русской странѣ прозывался, хотя и Славянскій по родству, но все-таки иной народъ, отличный отъ туземныхъ племенъ. Иноземное имя, народное, племенное или родовое, какъ и мѣстное, географическое, появляется вообще въ такихъ мѣстахъ, гдѣ пришелецъ по извѣстнымъ причинамъ долженъ отличать себя отъ остальнаго населенія, или гдѣ это самое населеніе неизбѣжно обозначаетъ свойственнымъ именемъ пришедшаго новаго поселенца. Очень трудно объяснить, по какой бы причинѣ Славяне посреди своей Славянской земли стали бы прозывать свои поселки Славянскими. Только смѣшеніе съ инородцами или встрѣча съ ними бокъ о бокъ заставляетъ человѣка опредѣлять своимъ именемъ свой родъ и племя или свою страну, откуда онъ пришелъ. Откуда кто приходитъ оттуда и приноситъ себѣ имя и свой топографическій языкъ. Имена мѣстъ обоихъ материковъ Америки лучше всего разскажутъ откуда, изъ какихъ именно земель, городовъ, городковъ и даже селъ приходили туда новые поселенцы.

Въ нашей равнинѣ имя Словѣнъ больше всего разносится по сѣверо-западному краю именно по тому пути отъ устьевъ Нѣмона до верхней Волги и до Бѣла-озера, съ поворотами направо и налѣво, который мы прослѣдили выше. Здѣсь жили Дреговичи и Кривичи, а ко Пскову, Новгороду и Бѣ-

лоозеру—Чудь, Водь, Весь. У этихъ финскихъ племенъ, какъ и у первобытныхъ Нѣмонцевъ понятно появленіе на мѣстахъ Славянскаго имени, еслибъ Славяне пришли даже и отъ Днѣпра. Но какъ объяснить его появленіе у Древлянъ на Припети, у Дреговичей, у Кривичей на Двинѣ, верхнемъ Днѣпрѣ и верхней Волгѣ, у такихъ же Славянъ по происхожденію? Мы это объясняемъ тѣми же причинами, какія заставляли Нѣмонцевъ и Финновъ называть приходившихъ къ нимъ людей не Полянами, Древлянами или Сѣверянами, не Дреговичами и Кривичами, а именно: Словенами (или Ванами у Чуди), потому что эти Славяне приходили къ нимъ изъ собственной Словенской земли, которая такъ прозывалась по преимуществу только у Славянъ Балтійскихъ.

Говорятъ еще, что топографическій языкъ одинаковъ у всѣхъ Славянъ и повсюду въ Славянскихъ земляхъ можно отыскать сходныя имена, которыя поэтому ничего, никакихъ переселеній доказывать не могутъ.

Дѣйствительно, этотъ языкъ одинаковъ, насколько одинакова славянская рѣчь и славянскій разумъ слова; но если и эта рѣчь распадается на множество нарѣчій, весьма различныхъ, отдѣляемыхъ даже въ особые языки, то естественно, что и топографическій языкъ каждаго славянскаго племени долженъ кромѣ общихъ основъ имѣть свои частности, свой мѣстный обликъ, такъ сказать, свои областныя слова. Свойства мѣстности, иное небо, иная земля, а потому и иной родъ жизни, иная исторія, всегда кладутъ достаточное различіе въ употребленіи тѣхъ или другихъ именъ земли и воды, какъ и именъ личныхъ, всегда тамъ или здѣсь мы встрѣчаемъ особенныя излюбленныя имена, которыя употребляются чаще другихъ и тѣмъ обнаруживаютъ отличіе одного племени отъ другихъ родныхъ же племенъ. Въ Польшѣ и на Руси напр. княжескія имена такъ различны, что одно такое имя (Болеславъ, Казиміръ, Владиміръ, Ярославъ) тотчасъ даетъ понятіе, къ какой народности оно должно принадлежать. Такъ и въ именахъ мѣстъ: Бѣлозерская волость Даргунъ, конечно ближе напоминаетъ Вагорскую область или тоже волость Даргунъ и вообще Оботритскія имена мѣстъ и лицъ, сохраняющія въ себѣ слово Даргъ, чѣмъ такія же имена другихъ Славянскихъ племенъ, произносящихъ это слово какъ Драгъ, или по нашему Доро-

то-бужъ. И въ этомъ словѣ бужъ (богъ) тоже слышится звукъ Балтійскаго Славянства. Подобнымъ образомъ и Новгородскій древній погостъ Прибуже на рѣкѣ Плюсѣ, къ В. отъ города Гдова, скорѣе всего получитъ объясненіе въ западномъ же Славянствѣ.

Новграды встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ земляхъ, но почему въ нашей равнинѣ они встрѣчаются въ особомъ количествѣ и почему одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ нашихъ городовъ носитъ имя Новъ-городъ, а не Старъ-городъ, какъ у Вендовъ, гдѣ напротивъ особое количество встрѣчается именно Старградовъ? [49] Это показываетъ только, что наша славянская, именно сѣверная, Ильменская старина, есть нѣчто новое въ отношеніи старины Вендовъ, у которыхъ исторія уже оканчивалась, когда наша только начиналась.

Это нѣчто новое, ознаменованное постройкою новаго города, заключалось въ новой почвѣ для старыхъ дѣяній той предпріимчивости, наименѣе военной, разбойничей, норманской, и наиболѣе промысловой и торговой—Вендо-Славянской, которая искони выходила къ намъ отъ Балтійскаго Славянства и которая, какъ родовой обликъ, просвѣчиваетъ во всѣхъ лицахъ и событіяхъ начальной нашей исторіи.

Съ именемъ перваго же князя Олега она является уже историческою силою и можно сказать мгновенно создаетъ изъ разрозненныхъ земель и племенъ народное единство. Притомъ она является въ полномъ смыслѣ народною силою и основываетъ свое могущество не на одномъ мечѣ завоевателя, но главнымъ образомъ на торговомъ договорѣ съ Греками. А это лучше всего и обнаруживаетъ, что прямымъ источникомъ ея происхожденія были торговыя потребности страны, но не завоевательныя потребности пришедшей военной дружины. Словомъ сказать, въ самомъ началѣ нашей исторіи, въ самомъ первомъ ея дѣяніи, каково изгнаніе и призваніе Варяговъ, мы встрѣчаемся съ предпріятіями народа, ищущаго хорошаго и выгоднаго для себя устройства не однихъ домашнихъ дѣлъ, но и сношеній съ сосѣдями. Призванная дружина является только орудіемъ для достиженія этихъ основныхъ цѣлей народнаго существованія. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ исторіи чувствуется присутствіе какого-то невидимаго, но сильнаго дѣятеля,

направляющаго ходъ дѣлъ по своему разуму. Этимъ дѣятелемъ и была промысловая община или городъ, какъ новое начало жизни, уже достаточно развитое и могущественное, распространенное по всей землѣ. Въ этомъ то дѣятелѣ и скрывается наша истинная исторія, которая неизмѣнно продолжалась и въ послѣдующіе вѣка также невидимо, закрытая неугомоннымъ, но для страны бѣдственнымъ шумомъ княжескихъ мелкихъ дѣлъ, старательно изображаемыхъ лѣтописью и принимаемыхъ нами за голосъ самой всенародной жизни.

Великимъ и могущественнымъ типомъ промысловаго города въ теченіи всей нашей древней исторіи является Новгородъ. Онъ же былъ и зародышемъ нашей исторической жизни. Мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ полнымъ выразителемъ тѣхъ жизненныхъ бытовыхъ началъ, которыя съ теченіемъ вѣковъ постепенно наростали и развивались отъ вліянія проходившихъ черезъ нашу равнину торговыхъ связей. Онъ былъ славнымъ дѣтищемъ незнаемой, но очень старой исторіи, прожитой Русскою страною безъ всякаго такъ называемаго историческаго шума.

На исторической почвѣ всегда выростаетъ лишь то, что скрывается въ нѣдрахъ Земли-народа. На нашей исторической почвѣ къ самому началу нашихъ историческихъ дѣяній выросло гнѣздо свободнаго промысла. Ясно, что оно могло вырости только изъ тѣхъ же промысловыхъ сѣмянъ, какими съ давнихъ вѣковъ была насѣяна окружная Земля. Другія сѣмяна возраждали другія формы быта. Черноморскія украйны ничего не могли произраждать, кромѣ казачества, кромѣ Запорожской сѣчи или Донскихъ городковъ, составлявшихъ тоже своего рода осѣки, сѣчи. Вообще мы думаемъ, что Новгородъ есть не только потомокъ Вендо-Славянскихъ Балтійскихъ городовъ, но и могучій образъ той Славянской промышленной старины, которая въ свое время была высотою Славянскаго развитія и Славянскаго могущества на Балтійскомъ же морѣ.

Русская Словѣнская область, предѣлы которой хотя и не въ полной точности обозначены лѣтописью, по случаю призванія и прихода Варяговъ, и запечатлѣны Словѣнскими именами земли и воды, должна вообще обозначать господствующее положеніе въ ней древнѣйшихъ пришельцевъ, Бал-

тійскихъ Славянъ. По всѣмъ видимостямъ, они овладѣли страною не военными походами, а настойчивою мирною торговою промышленностью, причемъ конечно входилъ въ дѣло и мечъ, но какъ единственное средство добиться или свободнаго прохода въ какой либо уголъ, или свободнаго поселенія на выгодномъ мѣстѣ, или какъ отмщенье за нанесенныя обиды. Слѣдовъ прямаго военнаго занятія, завоеванія земли и самодержавія надъ землею нигдѣ не примѣчается. Словѣни живутъ, какъ союзники, какъ равные и между собою и съ племенами Чуди, Веси, Мери, Муромы. Завоеваніе необходимо внесло бы начало феодальное, начало личнаго господства и надъ землею, и надъ людьми. Между тѣмъ такого господства, даже и въ призванныхъ Варягахъ нигдѣ не видно. Напротивъ, очень замѣтно отношеніе къ землѣ самое первобытное, какъ къ обширному Божьему міру, въ которомъ мѣсто найдется для каждаго.

Съ другой стороны подобныя, главнымъ образомъ только союзныя отношенія къ странѣ, показываютъ, что первобытная Славянская колонизація распространялась въ нашей странѣ мало по малу, разселяя повсюду только свои промыслы и торги, для которыхъ важнѣе всего другаго было не владѣніе землею по феодальному порядку, а владѣніе путями сообщеній и именно свободою этихъ сообщеній, какъ равно и бойкими рынками, необходимо возникавшими на этихъ путяхъ. Весь смыслъ первобытнаго отношенія къ Землѣ приходившихъ въ нее Словѣнъ—выражается въ имени Слово-гощъ, что значитъ: Словѣнская гостьба-торговля.

Такою торговлею Балтійскіе Славяне могли легко владычествовать надъ туземцами и славянскаго и финскаго племени, какъ необходимые и дорогіе люди, способствовавшіе лучшему устройству жизни, доставляя все надобное, безъ чего нельзя существовать, въ промѣнъ на произведенія страны, которыя можно было добывать въ изобиліи.

Съ этой точки зрѣнія особеннаго вниманія заслуживаютъ имена мѣстъ, составныя съ словомъ гость—гощъ, какихъ въ древней Новгородской области встрѣчается больше, чѣмъ гдѣ-либо [50]. Посему вѣроятію это древнѣйшіе памятники мѣстныхъ торжковъ, которые въ дальнѣйшемъ развитіи усвоивали себѣ уже общее нарицательное имя погоста,

дающее намекъ, что и самое хожденіе гостьбы могло именоваться погостьемъ, какъ другое хожденіе именовалось полюдьемъ.

Славянское имя, разнесенное по столькимъ угламъ нашей страны, раскрываетъ довольно явственно, что повсемѣстною гостьбою съ особою настойчивостью занимались не другія племена, а именно Словѣни. Этотъ родъ занятія принадлежалъ имъ исключительно и составлялъ какъ бы особенную черту ихъ племеннаго характера. Повидимому въ народномъ быту имя Словѣнинъ тоже значило, что теперь у насъ на югѣ значитъ крамарь, а на сѣверѣ варягъ, офень— мелочной бродящій по деревнямъ торговецъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ древности такой торговецъ странствовалъ не одинокимъ, а цѣлою ватагою, артелью, какъ впрочемъ случается и теперь, и какъ напр. въ свое время странствовали скоморохи, однажды взявшіе приступомъ даже цѣлый городъ [51].

Вотъ по какой причинѣ и другое имя пришельцевъ, Варягъ, быть можетъ съ бо̀льшимъ правдоподобіемъ можно толковать, какъ толковалъ Ф. Кругъ, именемъ скораго и борзаго путника, ходока, борзаго пловца, дромита-бѣгуна, какъ понимали и переводили это имя и Греки.

Въ областномъ языкѣ, въ которомъ сохраняется много словъ глубокой древности, Варягъ значитъ мелочной купецъ, разнощикъ (Моск.), кочующій съ мѣста на мѣсто съ своимъ товаромъ, составляющимъ цѣлую лавку; варять значитъ заниматься развозною торговлею (Тамб.); варяжа (Арханг.) значитъ заморецъ, заморье, заморская сторона; Варяги— варяжки (Новгор.) значитъ проворный, ловкій, острый, „можетъ быть памятникъ того понятія, какое въ старину имѣли объ удальцахъ Норманскихъ" говоритъ Хадаковскій, совсѣмъ забывая, что существовали на свѣтѣ и удальцы Балтійскіе Славяне. Въ половинѣ 16 столѣтія въ Новгородѣ, въ числѣ разныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ, проживали также люди, которыхъ обозначали именемъ варежникъ. Вѣроятно это значило тоже, что ходящій, странствующій торговецъ [52]. Такова народная память о значеніи слова Варягъ.

Въ древнемъ языкѣ варяти значило ходить, предупреждая кого, ускорять ходомъ, пред-идти, перегонять, пе-

рестигать, упреждать; въ существенномъ смыслѣ—ходить скоро, борзо. Могла ли отсюда образоваться форма Варягъ, должны рѣшить лингвисты [53].

Тотъ же смыслъ предварителей остается за Варягами и въ древнерусскомъ ратномъ дѣлѣ. У первыхъ князей Варяги всегда занимали передовое мѣсто, всегда составляли чело рати и первые вступали въ бой „варяли переди", предваряли общую битву. Такъ продолжалось слишкомъ сто лѣтъ. Уже это одно передовое военное положеніе Варяговъ даетъ много основаній къ заключенію, что и самое ихъ имя дѣйствительно происходитъ отъ глагола варять—упреждать. Оно нисколько не противорѣчитъ и высказанному нами предположенію, что такъ, отъ глубокой древности, могли прозываться Балтійскіе Славяне въ качествѣ передоваго, самаго крайняго, западнаго племени изъ всего Славянства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что имя Варягъ только на Руси и было извѣстно и изъ Руси перешло уже въ 11 столѣтіи и къ Грекамъ и къ Скандинавамъ [54]. Отсюдаже вѣроятнѣе всего установилось и прозваніе моря Варяжскимъ. Но вмѣстѣ съ обозначеніемъ передоваго племени, въ Русскихъ понятіяхъ, именемъ Варягъ, какъ и именемъ Словѣнинъ обозначался и самый родъ жизни, свойственный этому племени, его неутомимая повсюду ходящая промышленная торговая дѣятельность. Мы видѣли, что варяжничанье или хожденіе по нашей странѣ Балтійскихъ промышленниковъ относится къ глубочайшей древности, начинаясь еще съ торговли янтаремъ. Въ торговомъ дѣлѣ, Варяги были гости-пришельцы, неутомимые ходоки, ходебщики, которые сновали по нашей странѣ изъ конца въ конецъ, первые прокладывали новыя пути—дороги, первые появлялись въ самыхъ удаленныхъ и пустынныхъ углахъ страны, разнося повсюду свой торговый промыселъ, связывая населеніе въ одинъ общій узелъ круговаго гощенья.

По всѣмъ видимостямъ, уже съ древнѣйшаго времени это Словѣно-Варяжское гощеніе въ нашей странѣ должно было представлять немаловажную образовательную силу и именно общественную силу, которая мало по малу связывала всѣ разбросанныя племенныя части страны въ одно живое цѣлое. Уже въ до историческое время эта сила создала для всѣхъ раздѣль-

ныхъ угловъ Русской равнины общіе интересы, общія цѣли и задачи, создала извѣстнаго рода земское единство. Такое единство на сѣверѣ существовало уже до призванія князей и выразило свою крѣпость именно въ этомъ призваніи. Только при помощи этого единства, Олегъ могъ перебраться въ Кіевъ, а потомъ поднимать всю Землю въ походъ на Царьградъ. Призванные князья употребляютъ въ дѣло орудіе, давно созданное самимъ населеніемъ подъ вліяніемъ безпрестанной и съ незапамятныхъ временъ свободной гостьбы Словѣнъ-Варяговъ.

Страна была бѣдна городскимъ развитіемъ, пустынна и очень обширна, поэтому заѣзжій гость-купецъ, особенно на сѣверѣ, всегда бывалъ дорогимъ лицемъ и во многихъ случаяхъ истиннымъ благодѣтелемъ. Что Земля такъ именно цѣнила услуги купцовъ, это подтверждаютъ древнѣйшія ея преданія и уставы. Припомнимъ сказаніе Маврикія (ч. I, 410) о славянскомъ гостепріимствѣ или въ сущности о льготахъ и заботахъ, какими пользовались въ славянскихъ земляхъ заѣзжіе торговые люди—гости.

Маврикій это говоритъ о Славянахъ и Антахъ, то есть и о западной и о восточной вѣтви Славянъ. Анты занимали безмѣрное пространство въ нашей равнинѣ, поэтому ограничивать свидѣтельство Маврикія только одними придунайскими краями, какъ этого иные желаютъ, мы не имѣемъ основаній уже по той причинѣ, что сама древняя географія (Птоломеева), описывающая нашу страну, не иначе могла быть составлена, какъ по указанію купеческихъ дорожниковъ, то-есть бывалыхъ въ странѣ людей.

Припомнимъ уставъ Русской Правды о преимуществахъ заѣзжаго гостя въ полученіи долговъ, первому предъ туземцами наравнѣ съ княземъ, что обнаруживаетъ великую заботливость о выгодахъ, о безопасности гостя, идущую конечно изъ давнихъ временъ.

Припомнимъ заботливость первыхъ князей въ договорахъ съ Греками, чтобы Русскіе гости въ Царьградѣ на цѣлые полгода бывали обезпечены всякимъ продовольствіемъ и даже банею, чтобы и на возвратномъ пути получали надобныя корабельныя снасти и т. п. Въ этомъ случаѣ князья, конечно, требовали лишь такихъ обезпеченій для гостя, какія отъ вѣка почитались обычными и необходимыми и въ

Русской Землѣ. Здѣсь выражались только обычные и обязательные уставы домашняго гощенія. И въ наше время странствующіе торговцы—варяги на время своего пріѣзда всегда получали отъ помѣщиковъ продовольствіе и для коней, и для людей.

Заѣзжій гость, былъ ли то чужеземецъ, или только иноселецъ и иногородецъ, во всякомъ случаѣ являлся человѣкомъ бывалымъ и знающимъ, слѣдовательно необходимо приносилъ въ замкнутый и глухой деревенскій и сельскій кругъ нѣчто просвѣтительное, хотя бы это нѣчто ограничивалось немногими свѣдѣніями о другихъ мѣстахъ и другихъ странахъ, откуда приходилъ гость.

Мы полагаемъ, что этимъ путемъ уже въ историческое время доходили до лѣтописцевъ всѣ извѣстія о случаяхъ и событіяхъ, происходившихъ очень далеко отъ тѣхъ городовъ, гдѣ писались лѣтописи. Эту, можно сказать, образовательную сторону гостьбы, очень хорошо понимали и древніе князья. Мономахъ заповѣдуетъ дѣтямъ: „Больше другихъ чтите гостя, откуда бы къ вамъ не пришелъ, простецъ или знатный, или посолъ, если не можете дарами, то брашномъ и питьемъ, ибо тѣ, мимоходячи, прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, либо добромъ, либо зломъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ говорилъ дѣтямъ не новую заповѣдь, а утверждалъ между ними старый прапрадѣдовскій и общеземскій обычай добраго поведенія съ заѣзжими гостями.

Вотъ это самое распространеніе свѣдѣній о мѣстахъ и людяхъ по всѣмъ землямъ и являлось тѣмъ особымъ и дорогимъ качествомъ древней гостьбы, которое, по всему вѣроятію, очень способствовало развитію въ населеніи сознанія объ однородности его происхожденія и быта, о единствѣ его выгодъ въ сношеніяхъ съ далекими морями, и на Балтійскомъ сѣверѣ, и на Черноморскомъ югѣ, и на Каспійскомъ востокѣ. Только такими связями постоянной гостьбы объясняются и въ послѣдующей исторіи многіе совсѣмъ неразгаданные или непонятные случаи, указывающіе напр. что въ Новгородѣ очень хорошо и всегда во-время знали, что дѣлается не только въ Кіевѣ или Черниговѣ, но и въ далекой Тмуторокани. Географія и этнографія первой лѣтописи, конечно, могла составиться только при помощи

тѣхъ же промышленныхъ связей земли. По многимъ своимъ отмѣткамъ она носитъ слѣды болѣе ранней древности, чѣмъ то время, когда составлялась наша первая лѣтопись [55].

Если въ отдаленной древности эти связи не распространялись такъ далеко, то во всякомъ случаѣ они дѣлали свое дѣло и на небольшомъ пространствѣ. По крайней мѣрѣ передъ призваніемъ Варяговъ они успѣли уже сплотить въ одинъ народный союзъ всѣ окрестныя племена въ Новгородской области.

Исторія Новгорода показываетъ также, что этотъ промышленный нравъ, эта необыкновенная предпріимчивость и горячая бойкая подвижность едва ли могли народиться и воспитаться внутри страны, выйдти, такъ сказать, изъ собственныхъ домашнихъ пеленокъ. Конечно, лѣса и болота Ильменской области вызывали человѣка искать себѣ пропитаніе по сторонамъ, а многочисленныя рѣки и озера доставляли легкіе способы перебираться изъ угла въ уголъ и зарабатывать продовольствіе въ достаточномъ изобиліи. Но здѣсь-то и могъ оканчиваться кругъ промысловой дѣятельности, какъ онъ существуетъ и теперь, и какъ онъ всегда существовалъ во всѣхъ подобныхъ углахъ страны.

Ильменскій Словѣнинъ, напротивъ того, постоянно думаетъ о моряхъ и, живя вблизи Балтійскаго моря, хорошо знаетъ дорогу и въ Черное, такъ что увѣковѣчилъ своими именами даже Днѣпровскіе пороги, по которымъ слѣдовательно плавалъ, какъ по давнишнему проторенному пути. Онъ больше всего думаетъ о Царе-градѣ, о всемірной столицѣ тогдашняго времени; но не меньше думаетъ и о Хозарахъ, гдѣ Арабы сохраняютъ его имя въ названіи главной Славянской рѣки (Волги, а также и Дона), въ названіи даже Черноморской страны Славянскою, при чемъ и Волжскіе Болгары и самые Хозары являются какъ бы на половину Славянами. Такъ широко распространялось Славянское имя и по Каспійскому морю. Вообще должно сказать, что морская предпріимчивость Словѣнъ уже въ 9 в. обнимаетъ такой кругъ торговаго промысла, который и въ послѣдующія столѣтія не былъ обширнѣе, а затѣмъ постепенно даже сокращался. Ясно, что это добро было нажито многими вѣками прежней, незнаемой исторіи.

Возможно ли, чтобы эта обширная мореходная предпріимчивость зародилась сначала только въ предѣлахъ Ильменя-озера и оттуда перешла на ближайшія, а потомъ и на далекія моря, распространившись вмѣстѣ съ тѣмъ и по всей равнинѣ. Намъ кажется, что этотъ морской нравъ Ильменскихъ Словѣнъ, которымъ ознаменованы всѣ начальныя предпріятія Русской земли, зародился непремѣнно гдѣ либо тоже на морскомъ берегу, или по крайней мѣрѣ воспитывался и всегда руководился самыми близкими и постоянными связями съ моремъ. Большое озеро или большая рѣка внутри равнины, каковы были Ильмень для Новгорода и Днѣпръ для Кіева, если и развиваютъ въ людяхъ извѣстную отвагу и предпріимчивость, то все-таки ограничиваютъ кругъ этой предпріимчивости предѣлами своей страны. Все, что могъ выразить Кіевъ въ своемъ положеніи, это—служить только проводникомъ къ морю, что онъ и исполнилъ съ великою доблестію. Но морская жизнь въ ея полномъ существѣ не была ему свойственна, не могла въ немъ развить характеръ истиннаго поморянина. Тоже должно сказать и о Новгородѣ.

Море въ человѣческомъ развитіи есть стихія вызывающая, дающая людямъ особую бодрость, смѣлость, подвижность, особую отвагу и пытливость. На морскомъ берегу человѣкъ не можетъ сидѣть 30 лѣтъ сиднемъ, какъ сидѣлъ въ своей деревнѣ нашъ богатырь Илья Муромецъ. Живя на морскомъ берегу, человѣкъ необходимо бросится въ этотъ міръ безпрестаннаго движенья и самъ превратится въ странствующую волну, не знающую ни опасностей, ни предѣловъ своей подвижности. Только море научаетъ и вызываетъ человѣка странствовать и по безмѣрнымъ пустынямъ внутреннихъ земель, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи, всегда остаются, какъ и самая ихъ природа, неподвижными, спокойными, можно сказать, лѣнивыми въ отношеніи человѣческаго развитія.

Поэтому весьма трудно повѣрить, чтобы Русская морская отвага первыхъ вѣковъ, народилась и развилась изъ собсвенныхъ, такъ сказать, изъ матерпковыхъ аачалъ жизни. Поэтому очень естественнымъ кажется, что первыми водителями Русской жизни были именно Норманны, какъ говорятъ, единственные моряки во всемъ свѣтѣ и во всей

средневѣковой исторіи. Но такъ можно было соображать и думать только по незнанію древней Балтійской исторіи, которая, на ряду съ Норманнами, очень помнитъ другое племя, ни въ чемъ имъ не уступавшее, и даже превосходившее ихъ всѣми качествами не разбойной, но промышленной, торговой и земледѣльческой жизни. У самихъ Норманновъ Ваны, Венеды почитались мудрѣйшими людьми.

Норманское имя очень важно и очень знаменито въ западной исторіи, а потому и мы, хорошо выучивая западные историческіе учебники и вовсе не примѣчая особенныхъ обстоятельствъ своей исторіи, раболѣпно, совсѣмъ по ученически, безъ всякой повѣрки и разбора, повторяемъ это имя, какъ руководящее и въ нашей исторіи.

Между тѣмъ даже и малое знакомство съ Славянскою Балтійскою исторіею, поставленною рядомъ съ начальными дѣлами нашей исторіи, вполнѣ выясняетъ, что, какъ на западѣ были важны Норманны, въ той же степени велики были для востока Варяги-Славяне—обитатели южнаго Балтійскаго побережья.

И тамъ и здѣсь люди моря, отважные мореходы, вносятъ новыя начала жизни. Но только въ этомъ обстоятельствѣ и оказывается видимое сходство историческихъ отношеній. Затѣмъ, во всѣхъ подробностяхъ дѣла идетъ полнѣйшее различіе. Тамъ эти моряки завоевываютъ землю, дѣлятъ ее по феодальному порядку, вносятъ самодержавіе, личное господство и коренное различіе между завоевэтелемъ и завоеваннымъ, образуютъ два разряда людей—господъ и рабовъ, совсѣмъ отдѣляютъ себя отъ городскаго общества и на этихъ основахъ развиваютъ дальнѣйшую исторію, которая даже и въ новыхъ явленіяхъ осязательно раскрываетъ свои начальные корни.

Наши Русскіе Варяги, какъ Славяне, наоборотъ, вовсе не приносятъ къ намъ этихъ благъ Норманскаго завоеванія. Они являются къ намъ съ своимъ Славянскимъ добромъ и благомъ. Какъ отважные моряки, они приносятъ намъ промысловую и торговую подвижность и предпріимчивость, стремленіе проникнуть съ торгомъ во всѣ края нашей равнины. Это добро главнымъ образомъ и служитъ основаніемъ для постройки Русской народности и Русской исторіи. Затѣмъ они приносятъ однородный нравъ и обычай, однород-

ный языкъ, однородный порядокъ всей жизни; никакого дѣленія земли, никакого раздѣленія на господъ и рабовъ, никакой обособленности отъ городской общины и т. д. Все это, какъ однородное и хотя бы по характеру мѣстъ нѣсколько различное сливается въ одинъ общій историческій потокъ и пришельцы совсѣмъ изчезаютъ въ немъ, не оставляя яркихъ слѣдовъ и способствуя только быстротѣ развитія первоначальной Русской славы и исторіи.

ГЛАВА II.

НАЧАЛО РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ.

Новгородское поселеніе. Его зависимость отъ Варяжскаго поморья. Начало Новгородской самобытности. Рюрикъ, какъ политическая идея. Начало самобытности Кіева. Его поселеніе. Его значеніе для Русской страны. Дѣла Аскольда. Переселеніе Новгорода въ Кіевъ и дѣла Олега.

Много было мѣстъ, гдѣ приходящіе Славяне заводили себѣ словогощи, торговые поселки, городки и города; мы упоминали о Словянскѣ на верхнемъ притокѣ Нѣмона, о Словенскѣ — Изборскѣ, о Словискѣ на перевалѣ отъ Нѣмона къ Припети и З. Бугу и др.; но не было выгоднѣе и значительнѣе мѣста, какъ Ильменское Славно. Оно находилось на такомъ узлѣ водяныхъ сообщеній, съ котораго можно было свободнѣе, чѣмъ изъ иныхъ мѣстъ, достигать самыхъ отдаленныхъ краевъ русской равнины. Отсюда водяными дорогами можно было плавать и въ Черное море, и въ Каспійское, и на дальній сѣверъ къ морю Студеному, не говоря о Балтійскомъ поморьѣ, откуда приходили сами Славяне.

Само собою разумѣется, что если Славяне прошли въ нашу страну прежде всего вверхъ по Нѣмону, то Ильменское Славно должно было заселиться уже позднѣе Славна Усть-Нѣмонской Руси-Словоніи или Нѣмоно-Березинскаго Словянска, или вообще позднѣе всѣхъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя Славяне передвигались въ Ильменскую область. Вотъ почему и самое имя Новгородъ должно указывать и на старые города Вендскаго поморья, и на старые Славянскіе города въ нашей Сарматіи, ибо показаніе Птоломея о древнѣйшемъ поселкѣ Ставанъ ближе всего упадаетъ на Нѣмон-

скіе Славянскіе края. Правильныя раскопки кургановъ и городищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ могли бы раскрыть многое въ отношеніи повѣрки этого предположенія.

Какъ бы ни было, но Новый городъ указываетъ на новое городское поселеніе, которое начиналось уже, не отъ родоваго быта, а прямо отъ быта городоваго, не изъ села и деревни, а изъ стараго города. Сюда собрались для поселенія люди, связанные не кровнымъ родствомъ, а цѣлями и задачами промысла и торга, собрались слѣдов. не роды, а дружины, въ смыслѣ промысловыхъ ватагъ и артелей. Вотъ почему зародышъ Новгорода не могъ быть родовымъ; онъ былъ дружинный, общинный, въ собственномъ смыслѣ городовой, то-есть смѣшанный изъ разныхъ людей, не только разно-родныхъ, но отчасти быть можетъ и разноплеменныхъ. Если-бы собрались сюда люди и не изъ города, а изъ селъ и деревень, но разные люди, отъ разныхъ мѣстъ и сторонъ, то и въ этомъ случаѣ ихъ дружина необходимо должна была сложить свой бытъ по городскому, т. е. общинному порядку. А люди сюда пришли дѣйствительно разные, изъ разныхъ мѣстъ и сторонъ.

Несомнѣнно, что древнѣйшимъ поселкомъ Новгорода должно почитать Славно, возвышенную и выдающуюся мысомъ мѣстность на правомъ восточномъ берегу Волхова, у истока Волховскаго рукава, называемаго Малымъ Волховомъ и Волховцемъ. По пути изъ Ильменя-озера въ Волховъ это единственная мѣстность, наиболѣе способная для городскаго поселенія, какъ по удобствамъ пристанища, такъ и по цѣлямъ первоначальной защиты и безопасности. Она господствуетъ надъ широкою поемною долиною, гдѣ проходитъ Волховецъ съ протокомъ Жилотугомъ и гдѣ, дальше къ югу, разливаетъ свои протоки и озера устье рѣки Мсты, впадающей въ Ильмень верстахъ въ 12 южнѣе Новгорода. Въ весеннее время все это пространство покрывается водою, такъ что подгородныя деревни, монастыри, самый Новгородъ съ этой стороны, именно Славно, остаются на островахъ и представляютъ, по замѣчанію Ходаковскаго, видъ подобный архипелагу. Господствуя надъ множествомъ протоковъ и заводей, Славно тѣмъ самымъ обозначаетъ вообще топографическій характеръ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній, которыя повсюду отыскивали себѣ тѣхъ же удобствъ—

скрываться отъ преслѣдованій и нападеній врага или внезапно выходить на него изъ засады и въ тоже время быть близко къ цѣли своихъ промысловъ. Таковъ былъ славянскій поселокъ на устьяхъ Нѣмона, такова была Запорожская Сѣчь, таковъ былъ и русскій Переяславецъ на устьяхъ Дуная (мѣсто Преславъ у Тульчи), таковъ былъ у Лютичей и Воллинъ на устьяхъ Одера. Новгородское Славно помѣщалось на устьяхъ Мсты и Волхова. Припомнимъ и помѣщеніе Венетовъ Галліи и Адріатики. Выбрать для поселенія такое мѣсто могли конечно только люди, вѣчно жившіе на водѣ въ лодкахъ и притомъ люди, пришедшіе въ чужую сторону или окруженные чужеродцами. Славно надъ Волховомъ и надъ всею Мстинскою долиною возвышалось холмомъ и мысомъ, смотрѣвшимъ прямо къ озеру вдоль Волховскаго потока, такъ что этотъ Холмъ красовался еще издалека. На Холму еще въ 1105 г. упоминается уже церковь св. Иліи, что даетъ поводъ предполагать, не здѣсь ли стоялъ новгородскій Перунъ и не это ли мѣсто именовалось въ то время Перынью, откуда сверженъ идолъ, поплывшій подъ мостъ города и бросившій на этотъ мостъ знаменитую палицу, въ наслѣдіе задорнымъ старымъ вѣчникамъ.

Ходаковскій полагалъ, что языческое святилище находилось въ двухъ поприщахъ (въ 3-хъ верстахъ) южнѣе Славенскаго Холма и противъ него, на томъ же берегу Волхова, тоже на небольшомъ островкѣ или холмѣ, который издревле прозывался городищемъ. Это Городище было особымъ жилищемъ князей, такъ какъ здѣсь находился ихъ дворецъ и здѣсь же происходилъ княжескій судъ. Оно могло быть выстроено еще въ глубокой древности съ цѣлью уходить въ него для осады. Въ этомъ смыслѣ оно могло соотвѣтствовать Запорожской Скарбницѣ, существовавшей тоже на островкѣ посреди протоковъ и лѣсовъ. Оно же имѣло значеніе передовой тверди въ войнахъ съ Суздальскою Русью, которая приходила по теченію Мсты.

Подлѣ древняго Славна, по берегу Волхова, дальше къ сѣверу, распространялся Плотницкій конецъ, имѣвшій населеніе такое же Славянское, ибо самые Новгородцы извѣстны были по всей Руси, какъ плотники. Оба конца составляли одну возвышенность въ родѣ острова, въ длину по берегу Волхова версты на двѣ, въ ширину на версту.

Въ Славянскомъ концѣ, на береговой особо возвышенной и выдающейся мысомъ его срединѣ, находился Торгъ, торговище, а подлѣ него Ярославово дворище. Это была Торговая сторона всего города. Вотъ почему здѣсь же мы находимъ и жилище Варяговъ, въ Варяжской (Варецкой) улицѣ, облегающей самое Славно съ сѣвера, и Варяжскую церковь св. Пятницы, стоявшую на Торговищѣ [56]; находимъ ручей Витковъ, улицу Нутную, которая огибая Славно, слѣдуетъ послѣ Варяжской и Бардовой и объясняется Вендскими именами [57]

На планѣ Новгорода 1756 г. еще можно видѣть, что древнѣйшій поселокъ, Славно, направленіемъ самыхъ улицъ выдѣляется особымъ средоточіемъ жизни. Эти улицы Варяжская, Бардова, Нутная идутъ около него по круговой линіи, пересѣкая или упираясь въ главную улицу, которая и называлась Славною и направлялась отъ Ильменскаго мыса къ Торгу по направленію Волхова. Ильменскій мысъ съ храмомъ Ильи Пророка и составлялъ средоточіе или главную высоту всего Славна. Мы уже говорили, что здѣсь въ языческое время могъ стоять истуканъ Перуна.

На другой сторонѣ Волхова противъ Славна и Плотниковъ распространялось смѣшанное населеніе, посреди котораго еще при Рюрикѣ былъ выстроенъ кремль—дѣтинецъ.

Здѣшній древнѣйшій поселокъ, находившійся прямо противъ Плотниковъ, именовался Неревскимъ концомъ, быть можетъ такъ прозваннымъ отъ стороны, гдѣ жила Нерева или Нерова, упоминаемая лѣтописцемъ, между Корсью и Либью, въ одномъ мѣстѣ въ замѣнъ Сѣтьголы, и оставившая свое имя въ теперешней р. Неровѣ, текущей изъ Чудскаго озера въ Финскій заливъ, гдѣ находится и городъ Нарва, древній Ругодивъ.

Но, основываясь на этомъ имени, нельзя утверждать, что населеніе Неревскаго конца было Чудское—Финское. Финское племя, населявшее Новгородскую землю, особенно на западъ отъ Волхова, прозывалось собственно Водью. Имя Нар, Нер, Нор, Нур [58], съ различными приставками встрѣчается по большой части въ средѣ славянскихъ поселеній, а начальный лѣтописецъ самимъ Славянамъ даетъ древнѣйшее имя Норци, какъ колѣну отъ 72 языкъ, разошедшихся по землѣ послѣ столпотворенія. Это имя невольно переноситъ насъ

къ Геродотовскимъ Неврамъ и къ ихъ переселенію въ землю Будиновъ, быть можетъ, въ землю и Новгородской Води.

Подлѣ Неревскаго конца къ югу распространялся конецъ Людинъ, иначе Горнчарскій, противоположный Славну Торговой стороны. Это общее обозначаніе люди, людь, люд-гощь, откуда улица Легоща, показывало, что здѣсь населеніе было смѣшанное, такъ сказать, всенародное.

Дѣйствительно, между обоими концами въ сторонѣ поля находились Пруссы или Прусская улица у Людина конца и поселокъ Чудинецъ, улица Чудинская у Неревскаго конца, а также улица Корельская. Въ этой же мѣстности жили Дегпуницы, обитатели Западной Двины [59].

Но и въ этихъ концахъ, въ улицахъ и переулкахъ, сохранились имена Варяжскія, по сходству ихъ съ Вендскими именами Балтійскаго поморья, каковы: Янева ул., Росткина, Щеркова-Черкова, Куники. На берегу Волхова въ Людиномъ концѣ находимъ Шетиничей, вѣроятныхъ жильцовъ изъ Штетина, у церкви Троицы на Редятиной улицѣ [60]. Замѣтимъ, что и въ Людиномъ концѣ существовало языческое капище Волоса, на мѣстѣ котораго вѣроятно и построена церковь Власія, обозначенная урочищемъ, что на Волосовѣ, и Волосовою улицею. Эта церковь существуетъ доселѣ. Подлѣ Волосовой улицы находилась улица Добрынина.

Вотъ основные четыре конца древняго Новгорода. Пятый конецъ заключалъ въ себѣ населеніе загородное, а потому и назывался Загородскимъ концомъ. Ясно, что онъ возникъ въ то время, когда около посада были выстроены деревянныя стѣны, о которыхъ упоминается уже въ 1165 г. Другіе концы образовались уже послѣ [61].

Намъ скажутъ, что всѣ приведенныя свидѣтельства о смѣшанномъ населеніи Новгорода относятся уже къ 11 и 12 вѣкамъ и потому не могутъ объяснять состояніе города въ древнѣйшее время, напр. во время призванія князей. Но имена мѣстъ живутъ долго, даже и тогда, когда уже вовсе не существуетъ и памяти о людяхъ, отъ которыхъ произошли эти имена. Затѣмъ наши заключенія въ этомъ случаѣ основываются на простомъ логическомъ законѣ народнаго развитія, по которому неизмѣнно выводится, что если гдѣ образовалось людское торжище, то къ этому торжищу тотчасъ пристанутъ именно разные люди, отъ разныхъ сто-

ронъ, племенъ и мѣстъ. Какъ только на Волховѣ поселилось наше Славно, уже по самому выбору мѣста заключавшее въ себѣ смѣсь предпріимчивыхъ промышленниковъ, такъ необходимо около этого поселка нѣсколькихъ промышленныхъ и торговыхъ ватагъ должны были собраться многіе разные люди изъ окрестныхъ и далекихъ мѣстъ, нуждавшіеся въ промѣнѣ товара излишняго на товаръ надобный.

Само собою разумѣется, что иноземныя имена могутъ обозначать и тутошнее населеніе, которое напр., ведя торги съ Пруссами, могло такъ и прозываться Пруссами; но несомнѣнно также, что въ составѣ прусскихъ купцовъ бывали и природные Пруссы, пріѣзжавшіе и жившіе въ городѣ временно въ качествѣ гостей. При самомъ началѣ городскаго заселенія именно пріѣзжіе гости и давали имена тѣмъ городскимъ поселкамъ, гдѣ они останавливались случайно или по выгодамъ мѣстности. Въ самомъ началѣ это бывали только подворья, разроставшіяся потомъ въ особыя слободы и улицы. Тѣмъ же способомъ образовались и другіе иноземные поселки, упомянутые выше, а также и городскія сотни, названныя по тѣмъ украйнамъ Новгородской области, откуда приходили насельники, каковы: Ржевская отъ города Ржева, Бѣжицкая, Водская, Обонѣжская, Лужская отъ р. Луги, Лопьская, Яжелбицкая.

Само собою разумѣется, что если Славянское населеніе въ Новгородѣ и во всѣхъ мѣстахъ у Чуди, Веси, Мери, въ дѣйствительности было пришлымъ съ Балтійскаго поморья, то его зависимость отъ своихъ старыхъ городовъ являлась дѣломъ весьма естественнымъ и обыкновеннымъ. Тамъ, за моремъ, всегда находилась точка опоры и для торговыхъ дѣлъ, и для военныхъ, когда возникали ссоры съ туземцами, когда нужно было отомстить какую либо обиду или вновь проложить запертую дорогу. Такое тяготѣніе къ своей Землѣ—матери, Новгородъ чувствовалъ и послѣ призванія князей въ теченіи первыхъ 200 лѣтъ своей Исторіи. Всѣ важнѣйшія дѣла этого времени: занятіе Кіева, походы на Грековъ, новыя занятія того же Кіева при Владимірѣ и Ярославѣ, совершались при помощи вновь призываемыхъ варяжскихъ дружинъ, а князья въ опасныхъ случаяхъ поспѣ-

шали уходить къ тѣмъ же Варягамъ. Такія отношенія къ Варяжскому заморью уже на памяти исторіи вполнѣ могутъ объяснять, почему и въ доисторическое время никто другой, а тѣже Славянскіе Варяги являются господами нашего Новгородскаго сѣвера и берутъ дань именно съ тѣхъ племенъ, у которыхъ колонистами сидятъ Славяне. Какъ извѣстно, эта дань, хотя быть можетъ въ меньшемъ размѣрѣ, уплачивалась до смерти Ярослава—для мира, т. е. для безопасности и спокойствія со стороны Варяжскаго заморья, какъ равно и въ видахъ ожидаемой отъ него помощи. Она прекратилась не столько потому, что послѣ Ярослава усилилась Русь, стала на свои ноги и находила средства оборонять себя и безъ Варяговъ, но болѣе всего потому, что сами Варяги съ половины 11 ст. въ борьбѣ съ Нѣмцами годъ отъ году теряли свои силы и не были уже способны держать твердо свое вліяніе и могущество въ нашихъ земляхъ. Нельзя сомнѣваться, что начало этой дани уходило въ тѣ далекія времена, когда она выплачивалась старымъ заморскимъ городамъ, какъ своимъ отцамъ, отъ новыхъ и младшихъ ихъ поселковъ посреди нашего Финскаго сѣвера. Вообще варяжская дань показывала, что нашъ Ильменскій сѣверъ съ незапамятныхъ временъ находился въ торговой и промышленной зависимости отъ Балтійскаго поморья, такъ точно, какъ и нашъ Кіевскій югъ всегда находился въ такой же зависимости отъ южныхъ морей.

Вотъ почему, по лѣтописной памяти, первоначальное состояніе нашихъ историческихъ дѣлъ было таково, что на сѣверѣ брали дань Варяги, на югѣ брали дань Хозары. Это былъ видимый для лѣтописца горизонтъ нашей первоначальной исторіи. Что находилось дальше, правдивая лѣтопись уже ничего не могла сказать и не позволила себѣ даже и гадать объ этомъ. Но здѣсь то особенно и обнаруживаются ея высокія литературныя достоинства и правдивыя качества ея преданій. Пользуясь этими преданіями она чертитъ очень вѣрно положеніе нашихъ доисторическихъ дѣлъ. Она ни слова не говоритъ о завоеваніи, о нашествіи Варяговъ на сѣверъ или Хозаръ на югъ. Она прямо начинаетъ выраженіемъ, „имаху (многократно) дань Варязи (приходяще) изъ заморья, на Чуди, на Словѣнехъ, на Мери, на Веси [62], на

Кривичѣхъ, а Хозары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма“.

Отсутствіе свидѣтельства о завоеваніи этими народами нашей земли, должно объяснять или незапамятность, когда началась эта дань, или мирное, такъ сказать промысловое ея начало. Хозаръ мы знаемъ. Они надъ окрестными странами владычествовали больше всего торговлею. Съ 7 вѣка они владѣли всею Азовскою и Крымскою страною, начиная отъ Днѣпра, что все вмѣстѣ и называлось Хозаріею. Поэтому зависимость отъ нихъ днѣпровскихъ Полянъ, донскихъ Сѣверянъ и ихъ верхнихъ сосѣдей, Вятичей, было дѣломъ самымъ естественнымъ. Какъ русскій перекрестный торжекъ, Кіевъ тянулъ своимъ промысломъ именно къ Хозарскимъ мѣстамъ и потому необходимо, и на Каспійскомъ, и на Азовскомъ, и на Черномъ моряхъ, повсюду попадалъ въ руки тѣхъ же Хозаръ. Отъ нихъ вполнѣ зависѣло его торговое существованіе, такъ что и безъ особаго завоевательнаго похода онъ могъ, или, по своей слабости, былъ принужденъ отдаться Хозарамъ по простой необходимости свободно вести съ ними свои торги. Въ сущности онъ платилъ дань близьлежащимъ своимъ морямъ и тѣмъ откупалъ себѣ свободу жить съ этими морями въ торговомъ и промысловомъ союзѣ.

Такъ точно и на Ильменскомъ сѣверѣ, въ Новгородѣ, господствовали Варяги, то есть въ сущности господствовало Балтійское поморье, и вовсе не однимъ мечемъ, а по преимуществу промысломъ и торгомъ. Отъ меча Ильменское населеніе, конечно, разбрелось бы кто куда, лишь бы подальше внутрь страны, а мы, напротивъ, видимъ, что издавно къ этому озерному, болотному и безхлѣбному краю Славянское населеніе тѣснится съ особенною охотою. Ясно, что его влекутъ туда выгоды промысла-торга, который могъ поддерживаться и развиваться только выгодами же Балтійскаго поморья. Какъ Хозары въ отношеніи къ Русской равнинѣ держали въ своихъ рукахъ торгъ Каспійскій и Черноморскій, такъ и Варяги держали въ своихъ рукахъ торгъ Балтійскій. Вотъ по какой причинѣ наша страна и платила дань этимъ двумъ торговымъ и конечно на половину военнымъ силамъ 8 и 9 вѣковъ.

Какіе Варяги господствовали своимъ торгомъ на Балтійскомъ поморьѣ, это лучше всего разъясняетъ послѣдующая исторія, когда Варяговъ смѣняютъ не Скандинавы, а Ганзейскіе Нѣмцы, не сѣверное, а южное, т. е. Славянское побережье Балтійскаго моря. Кореннымъ основаніемъ для Ганзы послужили все тѣже Славянскіе (Вендскіе) поморскіе города, которые развивали Балтійскую торговлю съ древнѣйшаго времени. Нѣмцы основались въ готовыхъ и давно уже насиженныхъ Славянами гнѣздахъ. А Новгородъ и у Нѣмцовъ сталъ главнѣйшимъ торговымъ гнѣздомъ въ сношеніяхъ съ Востокомъ. Однако Нѣмцы и въ Новгородѣ приперли Славянъ къ стѣнѣ, закрывши для нихъ дорогу свободнаго вывоза товаровъ и заставивши ихъ сидѣть съ своими товарами у себя дома, и изъ иноземныхъ товаровъ довольствоваться лишь тѣмъ, что привезутъ Нѣмцы.

Какъ обширный материкъ, богатый произведеніями природы, но слабый политическимъ развитіемъ, русская равнина, именно по случаю этой слабости, всегда находилась въ зависимости отъ своихъ же морскихъ угловъ. Кто въ нихъ становился владыкою, тому по необходимости она и платила дань, или прямою данью, какъ было въ 9 в., или тѣснотою торговли, какъ бывало послѣ. Историческая задача Русской равнины искони вѣковъ заключалась въ томъ, чтобы овладѣть навсегда этими морскими углами, ибо въ нихъ собственно находились самые источники ея развитія, промышленнаго, а слѣдовательно и политическаго. Только эти далекія моря съ незапамятныхъ временъ возбуждали къ дѣлу жизнь равнины, объединяли ея интересы, заставляли населеніе пролагать свои торговые пути по всѣмъ направленіямъ, что главнымъ образомъ и способствовало общенію различныхъ племенъ и соединенію ихъ въ одну русскую народность.

Отъ перемѣщенія морскихъ торговъ, отъ возникновенія торговыхъ городовъ на другихъ мѣстахъ перемѣнялось и направленіе торговыхъ путей внутри равнины, измѣнялось и направленіе ея историческихъ дѣлъ.

Каково было устройство Новгородской жизни до призванія князей, объ этомъ мы можемъ судить уже по первымъ

дѣйствіямъ Новгорода. Онъ начинаетъ свою исторію изгнаніемъ своихъ властителей, то есть начинаетъ дѣяніемъ, которое не иначе могло возникнуть, какъ только по согласію и совѣщанію всенароднаго множества, по согласію и при помощи всѣхъ волостей Земли. Иные скажутъ, что это было народное возстаніе, о которомъ еще нельзя судить, явилось ли оно буйствомъ угнетеннаго сплошнаго рабства, или сознательнымъ дѣломъ населенія, хотя и платившаго заморскую дань, но свободнаго въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Дальнѣйшій ходъ дѣла вполнѣ раскрываетъ, что народъ дѣйствовалъ сознательно, по разуму общаго соглашенія. Изгнавши Варяговъ, онъ сталъ владѣть самъ по себѣ. Но онъ не въ силахъ былъ побороть собственной вражды и усобицы, той неправды сторонъ, которую некому было судить и разбирать, ибо въ усобицахъ, каждая сторона, почитала себя правою. Для правдиваго суда была необходима третья сила, совсѣмъ чуждая не только враждующимъ сторонамъ, но и всему городу, всѣмъ интересамъ тутошнихъ людей. Въ отвѣтъ на эту необходимость третьяго лица раздалось общенародное слово: поищемъ себѣ князя, который судилъ бы по праву и рядилъ бы по ряду.

Призваніе князя произошло въ тотъ же самый годъ, когда изгнаны были Варяги. Это подаетъ поводъ догадываться, что изгнаніе происходило уже съ мыслію о призваніи, какъ всегда такія дѣла устроивались въ городахъ и послѣ. По всему вѣроятію люди уже впередъ знали, кого они позовутъ или могутъ позвать къ себѣ на княженье. Позднѣйшіе лѣтописцы въ поясненіе обстоятельствъ прибавляютъ, что выборъ происходилъ съ великою молвою или разногласіемъ, однимъ хотѣлось того, другимъ другаго; избирали отъ Хозаръ, отъ Полянъ, отъ Дунайцевъ (Болгаръ?) и отъ Варягъ. Наконецъ утвердились и послали къ Варягамъ. Такъ естественно должно было происходить на народномъ совѣщаніи. И эти позднѣйшія сказанія имѣютъ цѣну только, какъ здравомысленное объясненіе голыхъ словъ первой лѣтописи. Но едвали кругъ избранія могъ распространяться въ такой широтѣ. По многимъ причинамъ онъ необходимо ограничивался только Варяжскимъ поморьемъ, ибо если было легко изгнать Варяговъ и разорвать связи съ племенемъ, которое до тѣхъ поръ владычествовало въ странѣ, то возможно ли было

порушить связи вообще съ Поморьемъ, которое съ незапамятнаго времени давало жизнь Новгородскому славянству и хранило въ себѣ матерыя основы его существованія. Варяжскій торгъ и Варяжская храбрая дружина для защиты отъ враговъ Варяговъ и враговъ туземцевъ,—вотъ двѣ жизненныя статьи, безъ которыхъ Ильменскій край не могъ существовать, да не могъ никогда и возродиться. Несомнѣнно, что для этихъ выгодъ онъ откупался данью и въ прежнее время, и платилъ дань за море даже и при князьяхъ.

Естественно предполагать, что призваны были другіе Варяги, не тѣ люди, которыхъ только что выпроводили вонъ изъ страны. Изгнаны были Варяги безъ имени, но призваны Варяги—Русь, русскіе Варяги. Поставляя въ соотношеніе начало нашей исторіи съ исторіею Балтійскаго Славянства, можно съ большою вѣроятностью догадываться, какъ мы уже говорили, ч. 1-я, стр. 197, что изгнаны были Варяги-Оботриты, быть можетъ, самые Вагры, жившіе въ самомъ углу южнаго Балтійскаго поморья, подлѣ Датчанъ, Англовъ, Саксовъ, и которые въ началѣ 9 столѣтія уже теряли свою самостоятельность, служили Карлу Великому и Нѣмцамъ и за то терпѣли раззоренія и даже завоеванія отъ Датчанъ. Такъ было покрайней мѣрѣ въ 808—811 годахъ. Надо сказать, что въ войнѣ Карла Великаго съ Саксами Оботриты всегда были его вѣрными союзниками, всегда стояли на сторонѣ Франковъ, быть можетъ по той особенной причинѣ, что, живя по сосѣдству съ Саксами, много терпѣли отъ нихъ обидъ и тѣсноты. Въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ Оботриты жили и съ Датчанами. Между тѣмъ противъ Карла и на сторонѣ Датчанъ всегда стояли Велеты, Лютичи, постоянно и жестоко враждовавшіе съ Оботритами. Неизвѣстно, что дѣлили между собою эти Славянскія племена, хозяева всего южнаго Балтійскаго побережья, но съ достовѣрностію можно полагать, что въ этой враждѣ не малую долю занимало и соперничество на морѣ, въ торгахъ и промыслахъ. Какъ бы ни было, только эти враждебныя отношенія двухъ Варяжскихъ племенъ могутъ въ извѣстной степени объяснять и начальный ходъ варяжскихъ дѣлъ въ нашей исторіи.

Изгнаніе Варяговъ, поднявшееся со всѣхъ концовъ, могло произойдти не только отъ ихъ варяжскаго насилья, но и

отъ ихъ домашнихъ раздоровъ, даже при пособіи одного изъ соперниковъ. Мы не знаемъ, какъ Варяги распредѣляли свое владычество въ нашей странѣ; не знаемъ изъ какихъ городовъ и отъ какихъ именно племенъ шли въ нашу землю ихъ варяжскіе торги, но по послѣдующей исторіи уже нѣмецкаго Ганзейскаго торговаго союза, можемъ заключать, что торговыя сношенія съ нашею страною находились въ рукахъ и въ древнѣйшее время у тѣхъ же Вендскихъ городовъ, у Любека и Висмара, у Воллина и Штетина, то есть въ рукахъ Оботритовъ и Лютичей. Если старинными владыками нашей страны были Велеты, какъ можно судить по ихъ жительству еще во 2 в. въ устьяхъ Нѣмона, то нѣтъ основаній отвергать, что въ послѣдующее время, вмѣстѣ съ именемъ Варяговъ, распространилось владычество и Оботритовъ. Мы уже говорили, что имя Варяговъ могло обозначать самую крайнюю западную вѣтвь всего Славянства въ смыслѣ ея передоваго поселенія. Именно объ этихъ переднихъ украинцахъ, о Ваграхъ, которые принадлежали къ Оботритскому племени [63], исторія отмѣчаетъ, что они нѣкогда, въ концѣ 8 и въ началѣ 9 вѣка, господствовали надъ многими даже отдаленными Славянскими народами, стало быть вообще господствовали по Балтійскому Славянскому побережью, а потому должны были господствовать и на Ильменскомъ сѣверѣ. Вотъ, по всему вѣроятію, кто могъ приходить изъ заморя и собирать дань на нашемъ сѣверѣ. Здѣсь же скрывается и причина изгнанія этихъ Варяговъ и призванія Ругенцовъ-Велетовъ. Враждуя между собою въ своихъ родныхъ мѣстахъ, Оботриты и Велеты очень естественно должны были враждовать и на далекихъ окраинахъ своего владычества. Не происходило ли въ ихъ отношеніяхъ подобнаго же соперничества, какое въ послѣдующіе вѣка господствовало на Черномъ морѣ между Венеціанцами и Генуэзцами?

Безъ малаго за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ годомъ, въ который нашъ лѣтописецъ полагаетъ изгнаніе Варяговъ, именно въ 844 г., король нѣмецкій Людовикъ извоевалъ Оботритовъ, причемъ въ битвѣ погибъ и ихъ старѣйшій князь Гостомыслъ. Остальные князья сдѣлались подданными Людовика и земля была раздѣлена между ними по

усмотрѣнію завоевателя, т. е. какъ подобало феодаламъ-германцамъ.

Въ позднѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ конца 15 и начала 16 вѣковъ поминается старѣйшина Гостомыслъ, котораго пришедшіе отъ Дуная Славяне, построивъ Новгородъ, посадили у себя старѣйшинствовать. Можно полагать, что этотъ Новгородецъ Гостомыслъ заимствованъ изъ латинскихъ сказаній объ исторіи Балтійскихъ Славянъ. Если же въ какой либо русской древней хартіи поминалось о немъ, какъ о личности дѣйствительно существовавшей во времена призванія Варяговъ, то это обстоятельство можетъ давать намекъ, что Новгородскою волостью въ то время владѣли именно Оботриты, съ ихъ старѣйшиною Гостомысломъ. Въ Новгородской лѣтописи первымъ посадникомъ именуется тоже Гостомыслъ. Очень замѣчательно и то обстоятельство, что съ 839 года почти цѣлое столѣтіе въ западныхъ хроникахъ ни слова не упоминается о Велетахъ, которые очень славились своею борьбою съ Нѣмцами и очень ревниво отстаивали свою независимость [64]. Лѣтописцы замолчали конечно по той причинѣ, что умолкли дѣйствія самихъ Велетовъ. Но не потому ли замолкли Велеты, что ихъ дружинныя силы были отвлечены и направлены на нашу сторону? Въ эту эпоху, во-второй половинѣ 9 и въ началѣ 10 вѣка, Русская страна поднимается, такъ сказать, на ноги именно при помощи Варяжскихъ дружинъ.

Призванные Варяги, какъ мы говорили, были другой народъ, который лѣтопись прямо обозначаетъ Русью и прямо указываетъ въ своей географіи жительство этой Руси на западномъ Славянскомъ балтійскомъ поморьѣ возлѣ Готовъ (Датчанъ) и Англовъ, гдѣ, кромѣ острова Ругіи, другой значительной области съ подобнымъ именемъ не существуетъ. Еслибъ не это показаніе лѣтописи, довольно отчетливое и ясное, то можно было бы съ большою вѣроятностью предполагать, что призванная Русь жила на Прусскомъ берегу, въ устьяхъ Нѣмона [65]. Во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ мы почитаемъ одно, что Русь была призвана не изъ Швеціи, а отъ Славянскаго поморья, съ острова-ли Ругена или отъ устья Нѣмона—это все равно, она была Русь Славянская, родная и во всемъ понятная для призывавшихъ, а потому и не оставившая никакого слѣда

отъ своего небывалаго Норманства. Русь—Ругія Поморская была старѣе Нѣмонской Руси, была извѣстна на своемъ мѣстѣ съ первыхъ вѣковъ Христіанскаго лѣтосчисленія и по всѣмъ вѣроятіямъ еще въ давнее время отдѣлила свою колонію къ устью Нѣмона.

Островъ Ругія лежитъ возлѣ устьевъ Одры у самой средины Велетскаго поморья, гдѣ искони процвѣтало на всѣ стороны широкое торговое движеніе. Если призванная къ намъ Русь была Русь Ругенская, то несомнѣнно, что и тѣ Варяги, о которыхъ такъ часто и неопредѣленно говоритъ нашъ лѣтописецъ, которыхъ постоянно призывали себѣ на помощь наши первые князья, были ея же ближайшіе сосѣди — Велеты, отъ устьевъ Одры, изъ городовъ Воллина (Волыня) и Щетина, гдѣ и въ 11 вѣкѣ уже Русская Русь живала какъ у себя дома. Вотъ объясненіе, почему съ половины 9 вѣка Велеты умолкли на Западѣ: ихъ дружины здѣсь, на востокѣ, сосредоточивались въ Кіевѣ и въ 865 г. нападали на Царьградъ; въ 881 г. завоевывали весь южный Кіевскій край, въ 907 и 941 годахъ ходили опять подъ Царьградъ и въ тоже время справляли свои Каспійскіе походы. Для всѣхъ этихъ дѣлъ требовались не малыя дружины, которыя по всему вѣроятію постоянно и пополнялись изъ своего же роднаго Велетскаго края, не устраняя отъ участія въ своихъ ополченіяхъ и храбрыхъ Норманновъ, жившихъ въ Велетскихъ городахъ тоже, какъ свои люди. Не говоримъ о томъ, что славянская борьба съ Нѣмцами и Датчанами, которые именно въ эти времена стали съ особою силою тѣснить Славянство и припирать его къ морю, эта борьба была едва ли не самою главною причиною для постояннаго выселенія Славяно-варяжскихъ дружинъ на нашъ пустынный, но гостепріимный сѣверъ. Вотъ причина, почему населились Варягами и наши древніе города. Несомнѣнно, что Венды, спасая свое родное язычество, бѣжали, и отъ германскаго меча, и отъ латинскаго креста, и отъ тѣсноты земельной. Съ 9 вѣка Нѣмцы горячо и дружно стали выбивать Славянъ съ ихъ родныхъ земель, отъ Эльбы. Съ теченіемъ лѣтъ все дальше и дальше они тѣснили ихъ къ морю. Кто не желалъ покоряться, тому оставалось одно, броситься въ море, какъ говорилъ уже въ 12 вѣкѣ Вагорскій князь Пребиславъ. „Налоги и невыносимое

рабство, говорилъ онъ, сдѣлали для насъ смерть пріятнѣе жизни... Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ мы могли бы пріютиться и убѣжать отъ враговъ. Остается покинуть землю, броситься въ море и жить съ морскими пучинами“ [66]. Такъ могли говорить и мыслить многія изъ тѣхъ славянскихъ дружинъ, которыя еще въ 9 и 10 вѣкахъ испытывали натискъ Нѣмецкаго нашествія. Покореніе Нѣмцами Оботритовъ въ 844 г. несомнѣнно заставило всѣхъ желавшихъ свободы искать убѣжища гдѣ либо за моремъ и вѣрнѣе всего въ далекихъ странахъ нашего сѣвера.

Нѣтъ прямыхъ и точныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о нашихъ связяхъ съ Балтійскимъ побережьемъ; поэтому изслѣдователи, одержимые нѣмецкими мнѣніями о норманствѣ Руси и знающіе въ средневѣковой исторіи однихъ только Германцевъ, никакъ не желаютъ допустить, что были таковыя связи. Но въ нашей первой лѣтописи нѣтъ свидѣтельствъ и о нашихъ связяхъ съ Каспійскимъ моремъ. Она говоритъ только, что Хозары брали дань, и не появись свидѣтели Арабы, чтобы мы знали о нашихъ Каспійскихъ дѣлахъ? Лербергъ въ свое время никакъ не могъ повѣрить, что Русь когда либо могла торговать и на Каспіѣ, и съ большимъ удивленіемъ приводитъ свидѣтельство одного Испанскаго посла къ Тамерлану, откуда видно, что уже въ началѣ 15 вѣка изъ Россіи въ Самаркандъ привозились кожи, мѣха и холстъ [67]. „Какъ ни одиноко это свѣдѣніе, замѣчаетъ осторожный ученый, но мы должны считать его достовѣрнымъ!“ Таково было вліяніе Шлецеровской буквы во всѣхъ изысканіяхъ. Она тѣснила и истребляла всякое живое пониманіе вещей и историческихъ отношеній, вселяя величайшую осторожность и можно сказать величайшую ревнивость по отношенію къ случаямъ, гдѣ сама собою оказывалась какая либо самобытность Руси, и въ тоже время поощряя всякую смѣлость въ заключеніяхъ о ея норманскомъ происхожденіи. Тотъ же Лербергъ не очень руководился осторожностію въ толкованіи именъ Днѣпровскихъ пороговъ только по Нормански. Очевидно, что при этомъ направленіи ученыхъ изысканій мы и до сихъ поръ не можемъ повѣрить, чтобы существовали когда либо связи Русскихъ Славянъ съ Балтійскими. Это намъ кажется также дико, какъ

Лербергу показалось дикимъ даже несомнѣнное извѣстіе о торговлѣ Руси съ Самаркандомъ.

На призывъ великой и обильной, но безпорядочной Земли избрались три брата, старѣйшій Рюрикъ, другой Синеусъ, младшій Труворъ. Они пришли съ своими родами, забравши съ собою всю Русь, вѣроятно всю свою дружину, какая была способна дѣйствовать мечемъ. Они пришли, какъ ихъ звали, судить и рядить по праву и по ряду, то есть, пришли владѣть и княжить не иначе, какъ по уговору съ Землею, что̀ дѣлать и чего не дѣлать, иначе лѣтописецъ не поставилъ бы здѣсь такихъ словъ, какъ право и рядъ, всегда въ древнемъ языкѣ означавшихъ правду и порядокъ уговора или договора. Это въ полной силѣ подтверждается всею послѣдующею исторіею. Рюрикъ сѣлъ сначала въ Ладогѣ и по смерти братьевъ уже перешелъ въ Новгородъ, а по другимъ свидѣтельствамъ, прямо въ Новгородѣ,—и тамъ, и здѣсь надъ озеромъ; второй братъ сѣлъ у Веси на Бѣломъ озерѣ; третій—въ Изборскѣ у Чудскаго озера. Всѣ размѣстились по озерамъ и собственно по границамъ Словѣнской Ильменской области, и притомъ по старшинству столовъ или мѣстъ, если глядѣть въ лицо опасностямъ съ Балтійскаго поморья: старшій занялъ мѣсто въ срединѣ, въ большомъ полку, средній—въ правой рукѣ, младшій въ лѣвой. Такое размѣщеніе вполнѣ обнаруживаетъ, что Финскія племена особой самостоятельности въ призваніи князей не имѣли, что подъ именемъ призывавшей Чуди должно разумѣть собственно славянскій городъ Изборскъ—Словенскъ, который господствовалъ надъ Чудскою страною; такъ какъ и подъ именемъ Веси, въ Бѣлозерскомъ городѣ, Мери съ ея Ростовомъ и пр. должно разумѣть тоже Славянскіе города, владѣвшіе этими Финскими странами; что слѣдовательно дѣло призванія, какъ и дѣло изгнанія должно принадлежать однимъ Славянамъ и собственно одному Новгороду, который является центромъ и въ размѣщеніи княжескихъ столовъ.

Спустя два года, братья Рюрика померли бездѣтными и притомъ въ одинъ годъ. Очевидно, что все извѣстіе объ этихъ трехъ лицахъ было въ сущности далекимъ преданіемъ, имѣющимъ видъ сказки, хотя повѣсть лѣтописи именно въ

этомъ мѣстѣ не носитъ въ себѣ ничего сказочнаго. Родоначальная троица была общимъ повѣрьемъ у всѣхъ историческихъ народовъ. Кромѣ того въ этомъ преданіи о трехъ братьяхъ можетъ также скрываться и неясная память о трехъ періодахъ славянскаго разселенія по финскимъ мѣстамъ нашего сѣвера, со старшинствомъ поселенія въ Новгородѣ.

По смерти братьевъ Рюрикъ остался единовластцемъ. Тогда онъ изъ Ладоги перешелъ къ озеру Ильменю, срубилъ городокъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ и сѣлъ въ немъ княжить, раздавая своимъ мужамъ волости и города рубить: иному далъ Полоцкъ, иному Ростовъ, другому Бѣлоозеро. Такая рѣчь лѣтописи можетъ указывать, что Рюрикъ какъ бы вообще раздавалъ города своимъ дружинникамъ, вассаламъ, какъ отмѣчаетъ Шлецеръ. Однако лѣтопись упоминаетъ только о тѣхъ, которые съ самаго начала являются уже отдѣленными отъ Новгородской области.

Здѣсь, повидимому, высказывается только древнее преданіе, что упомянутые города нѣкогда составляли одинъ союзъ съ Новгородомъ и находились въ зависимости отъ него, что ко времени призванія князей они были уже независимыми волостями, почему и обозначаются розданными. По всему вѣроятію, это были такія же независимыя особыя варяжскія гнѣзда, какимъ въ тоже время явился и Кіевъ съ своими Аскольдомъ и Диромъ. Изъ послѣдующей исторіи открывается, что въ Полоцкѣ и Туровѣ владѣли особые Варяги, и можно полагать, что Новгородъ первенствовалъ только по той причинѣ, что призванный его владѣтель былъ княжескаго рода. Съ этою мыслью лѣтопись ставитъ его единовластителемъ земли, заставляя братьевъ во̀-время помереть. Подобныя сказанія не могутъ даже называться и преданіемъ, а тѣмъ болѣе легендою, сказкою. Это простыя соображенія, какъ могли идти дѣла съ самаго начала. Они и идутъ даже по землѣ отъ самой границы, отъ Ладоги. Видимо, что лѣтописецъ и самъ идетъ отъ пустаго мѣста, начинаетъ какъ бы съ зародыша, почему призвавшій Варяговъ Новгородъ еще не существуетъ и является впервые въ образѣ Рюриковскаго новопостроеннаго городка.

Какъ бы ни было, но въ лицѣ Рюрика лѣтопись рисуетъ только свои понятія о значеніи для земли князя, о его пра-

вахъ—владѣть землею, о его обязанностяхъ—воевать, городки рубить, сажать въ нихъ своихъ мужей, раздавать волости мужамъ. Такимъ образомъ, первое лицо Исторіи не есть собственно живое лицо; оно и не миѳъ, а одно лишь общее представленіе о княжеской власти.

Собственно личныя дѣла Рюрика, по позднѣйшимъ лѣтописнымъ вставкамъ, заключались въ томъ, что его властью очень оскорбились Новгородцы и возстали противъ него, что онъ убилъ тогда храбраго Вадима и иныхъ многихъ горожанъ, совѣтниковъ Вадима. Это случилось черезъ два года послѣ призванія, въ годъ смерти братьевъ; а черезъ пять лѣтъ, снова оскорбленные Новгородцы, многіе побѣжали въ Кіевъ. Позднія повѣсти вставили между прочимъ извѣстіе, что Рюрикъ въ 866 г. послалъ въ Корелу своего воеводу Валета (Волита), повоевалъ Корелу и дань на нее возложилъ, а затѣмъ даже и умеръ въ Корелѣ, въ войнѣ. Здѣсь преданіе, быть можетъ, очень справедливо возводитъ Новгородскія отношенія къ Корелѣ къ древнимъ временамъ Рюрика.

Итакъ, обрисовывая личность Рюрика, лѣтопись, вмѣсто сказки и легенды, передаетъ только простыя здравыя соображенія о томъ, какъ должны были идти начальныя дѣла перваго времени. Въ сущности она чертитъ портретъ княжеской власти, она говоритъ тоже, что сказалъ бы самъ историкъ-критикъ, самъ Шлецеръ, еслибъ захотѣлъ пояснить голое свѣдѣніе о призваніи князей, о ихъ первыхъ дѣлахъ и мѣстахъ, гдѣ они впервые должны были утвердиться и т. д. Во всемъ разсказѣ качествомъ легенды можетъ быть отмѣчена только братская троица съ ея именами. Однако у насъ нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній относить и эти имена къ позднему вымыслу. Княжескій родъ, который является владѣтелемъ Русской земли—живой фактъ. Игорь живое лицо, имѣвшее своего отца. Лѣтопись 11 в. называетъ его отца Рюрикомъ. Въ этомъ случаѣ она передаетъ или преданіе, или, что еще вѣроятнѣе, древнюю запись, ибо при томъ же Игорѣ Русскіе умѣли уже писать и знали грамоту, и очень могли гдѣ либо вписать имена призванныхъ князей. Самый разсказъ лѣтописи вполнѣ утверждаетъ это предположеніе. Въ немъ основаніемъ служатъ только одни голыя имена, обставленныя, какъ мы сказали,

простыми соображеніями о первыхъ дѣлахъ, но отнюдь не легендами и сказками, не повѣстями о походахъ, завоеваніяхъ и т. д. Эти имена являются и въ древнѣйшемъ писаномъ свидѣтельствѣ, въ „скоромъ" или краткомъ лѣтописцѣ патріарха Никифора (спис. 13 в.), гдѣ призывать Варяговъ идетъ даже сама Русь, наравнѣ съ Славянами, Чудью и пр. Подобные лѣтописцы древнѣйшаго времени сохранили намъ множество короткихъ, отрывочныхъ свидѣтельствъ, входившихъ потомъ въ составъ сборныхъ лѣтописей. Еслибъ это была норманская сага, то ея разсказъ необходимо оставилъ бы свой слѣдъ и въ лѣтописи, которая въ этомъ случаѣ, хотя бы по обычаю и кратко, но непремѣнно сказала бы что нибудь о родословной Рюрика, отъ какихъ великихъ, знатныхъ и храбрыхъ людей онъ происходитъ; лѣтопись, напротивъ того, меньше всего думаетъ о какомъ бы то ни было славномъ и благородномъ происхожденіи и если обозначаетъ Рюрика княземъ, то не въ смыслѣ его происхожденія, а въ смыслѣ его властнаго положенія въ Новгородѣ. Онъ князь потому, что призванъ владѣть Новгородскою землею.

Затѣмъ и миѳическая троица, какъ справедливо замѣтилъ покойный Гедеоновъ, тоже не можетъ вполнѣ отзываться миѳомъ, сказкою, легендою. Эта троичность не разъ повторяется въ живыхъ лицахъ. Послѣ Святослава остаются три сына, послѣ Ярослава тоже землею владѣютъ три его сына, три брата, при которыхъ положено и начало лѣтописи.

Вообще, нѣтъ и малѣйшихъ основаній доказывать вмѣстѣ съ г. Иловайскимъ, что призваніе Рюрика есть легенда, сочиненная будто бы въ честь Рюрика Ростиславича въ концѣ 12 или въ началѣ 13 вѣка. Для этого прежде всего необходимо доказать наклонность и способность нашей древней лѣтописи сочинять подобныя легенды. Эта наклонность дѣйствительно появляется, но уже въ послѣдствіи, когда лѣтопись подверглась литературной обработкѣ по идеямъ самодержавія и подъ вліяніемъ этихъ идей, или вообще идей о русской государственной самобытности и самостоятельности, вставила напр. легенду о происхожденіи князей даже отъ Августа Кесаря [68].

Кстати замѣтить, что подобныя голыя свѣдѣнія о происхожденіи династіи или народа всегда объясняются сообразно понятіямъ и образованности вѣка.

Рисуя въ лицѣ Рюрика общій портретъ княжеской власти, начальная лѣтопись ничего больше и не разумѣла въ этомъ лицѣ, какъ старѣйшину. Послѣдующіе лѣтописцы, стоявшіе ближе къ первоначальнымъ понятіямъ о своей исторіи, прямо и называютъ призванныхъ князей старѣйшинами. „И бысть Рюрикъ старѣйшина въ Новгородѣ, а Синеусъ старѣйшина бысть на Бѣлѣ озерѣ, а Триворъ въ Изборскѣ" [69].

Но по мѣрѣ того, какъ развивались въ жизни государственныя идеи, портретъ Рюрика пріобрѣталъ новыя черты: въ 16 вѣкѣ Рюрикъ происходилъ уже отъ Августа Кесаря, слѣд. усвоилъ себѣ кесарскія черты, и сталъ именоваться государемъ. Въ 18 вѣкѣ нѣмецкіе ученые (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ) разрисовали его полнымъ феодаломъ, „владѣтелемъ неограниченнымъ", основателемъ русской монархіи, который, какъ Норманнъ, ввелъ даже феодальные порядки, раздавши своимъ мужамъ города и области.

Какъ извѣстно, въ первой половинѣ 18 вѣка наши доморощенныя крѣпостныя идеи очень сильно просвѣщались и развивались идеями нѣмецкаго феодализма и потому портретъ Рюрика по необходимости долженъ былъ получить окончательную, даже художественную отдѣлку „перваго Россійскаго самодержца, основателя Россійской монархіи", какъ по указанію Шлецера наименовалъ его Карамзинъ.

Такимъ образомъ въ это время, въ Русскую Исторію или вѣрнѣе сказать, въ политическое сознаніе русскаго общества внесено было понятіе, которое со всѣхъ сторонъ противорѣчило самой природѣ нашего первоначальнаго историческаго и политическаго развитія.

Важнѣйшее противорѣчіе заключалось въ томъ, что неограниченный владѣтель, феодалъ Рюрикъ, былъ призванъ народомъ добровольно, что народъ добровольно поступилъ къ нему въ рабство. На первой же страницѣ Русской исторіи, въ самомъ началѣ этой страницы, помѣстился, какъ говоритъ самъ же Карамзинъ, „удивительный и едвали не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ

мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили само
властіе: въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія граж
данъ.....“

Поставивши этотъ изумительный случай во главу угл
Русской Исторіи, а слѣдовательно и во главу угла Русско
политической философіи, знаменитый историкъ спѣшит
умягчить производимое имъ впечатлѣніе и замѣчаетъ: „ве
ликіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое мла
денчество и не должны его стыдится: отечество наш
слабое (только что изгнавши Варяговъ!), раздѣленное на
малыя области, обязано величіемъ своимъ счастливому вве
денію монархической власти“.

Напрасно думаютъ, что подобныя истины остаются толь
ко въ книгѣ и не проходятъ въ жизнь. Родная исторія в
томъ видѣ, какъ ея изображаютъ историки, всегда воспи
тываетъ политическое сознаніе народа и отдѣльныхъ лицъ
Изумительная идея о добровольномъ призваніи самовла
стія,—и именно самовластія, а не простаго порядка, — на
извѣстной почвѣ принимала большое участіе если не в
развитіи, то въ оправданіи внутреннихъ крѣпостныхъ отно
шеній государства на всѣхъ путяхъ его дѣйствій. Изобра
женное исторіею глупое младенчество народа давало людямъ
почитавшимъ себя возрастными, широкое основаніе, и такъ
сказать, философскую точку опоры поступать съ народомъ
какъ съ младенцемъ, держать его вѣчно въ люлькѣ, то есть
въ границахъ безотвѣтнаго владычества надъ нимъ и вѣчно
водить его на помочахъ. Въ особенной силѣ это ученіе, какъ
мы замѣтили, поддерживалось нѣмецкими феодальными иде
ями, приходившими просвѣщать и преобразовывать нашу
варварскую страну.

Расказавши, какъ въ самомъ началѣ устроилось народное
дѣло въ Новгородѣ, лѣтописецъ тотчасъ переносится въ
Кіевъ и повѣствуетъ слѣдующее: „были у Рюрика два му-
жа, Аскольдъ и Диръ, ни родственники ему, ни бояре“,—
стало быть люди не имѣвшіе права на полученіе волости
въ Новгородскомъ краю. Поздніе списки лѣтописи такъ и
объясняютъ, что, не получивъ отъ Рюрика волости, они

отпросились у него идти дальше, въ Царьгородъ, и съ родомъ своимъ. На Днѣпровскомъ пути они увидѣли городокъ Кіевъ, спросили: „чей это городокъ?“ Кіевляне разсказали, что жили тутъ три брата, которые и построили городокъ, и померли, а теперь „сѣдимъ мы, ихъ родъ, платимъ дань Козарамъ“. Какъ бы въ отвѣтъ на эти рѣчи, Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, скопили въ немъ много Варяговъ и начали владѣть Польскою землею, слѣдовательно освободили ее отъ владычества Хозаръ.

Основная истина этого преданія заключается, конечно, не въ именахъ, которыя, какъ одни голыя слова, могутъ всегда возбуждать безконечные толки и споры. Настоящая истина преданія раскрывается въ томъ существенномъ обстоятельствѣ, что въ былое время въ Кіевѣ оставались на житье люди, проходившіе этою дорогою въ Царьградъ, что въ былое время этимъ способомъ Кіевъ населился сборищемъ Варяговъ и при ихъ силѣ сдѣлался владыкою страны; что Кіевъ, однимъ словомъ, въ свое время, былъ такимъ же гнѣздомъ для проходящихъ, странствующихъ Варяговъ, какъ и сѣверный Новгородъ.

Но и самые Варяги поселялись въ Кіевѣ, конечно, по той причинѣ, что здѣсь мѣсто было вольное, отворявшее двери во всякое время всякому проходящему, что это вообще былъ перекрестокъ или общій станъ для проходившихъ людей отъ всѣхъ окрестныхъ сторонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи ко всѣмъ верхнимъ, сѣвернымъ землямъ, Кіевское мѣсто представляло окраину, рѣчное устье, куда стекались рѣчныя дороги отъ всего населенія по притокамъ кормильца—Днѣпра, изъ которыхъ важнѣйшіе, Припеть отъ запада и Десна отъ востока, вливались почти у самаго Кіева.

Точно также и по отношенію къ низовымъ степнымъ землямъ, Кіевское мѣсто тоже было украйною. Оно вообще лежало на сумежьѣ, посереди рубежей, которые сходились здѣсь отъ разныхъ племенъ. Послѣ Вышгорода, стоявшаго на 15 верстъ выше, Кіевъ былъ самымъ сѣвернымъ поселкомъ племени Полянъ. Вышгородъ отъ того вѣроятно и прозванъ своимъ именемъ, что лежалъ не только выше Кіева, но выше всѣхъ городскихъ поселковъ этого племени.

Лѣтописецъ не обозначилъ племенныхъ границъ Славянскаго разселенія, указывая только главные его города. О Полянахъ онъ сказалъ, что они сидѣли въ поляхъ и средоточіе ихъ указалъ въ Кіевѣ. Но Кіевъ не былъ серединнымъ мѣстомъ Полянскихъ земель. По всему вѣроятію, въ давнія времена ихъ середину занимало теченіе Роси; отъ того же они и прозывались Русью, Росоланами и Роксоланами. Можно полагать, что на югѣ ихъ границами былъ тотъ уголъ, гдѣ въ Днѣпръ съ востока вливалась рѣка Орель или Ерель, которую Русь называла угломъ, и гдѣ съ правой, западной стороны Днѣпра находились источники Ингула и Ингульца, которые тоже означаютъ уголъ. Не потому ли эти рѣки и прозваны Углами, что на самомъ дѣлѣ они составляли углы или границы собственно Русскаго осѣдлаго племени? Можно полагать также, что западная граница Полянъ не переходила дальше верхняго Буга на Ю.-З. и Тетерева на С.-З.; восточною границею былъ Днѣпръ. Отъ Кіева за Вышгородомъ тотчасъ начиналась земля Древлянъ, затѣмъ по Припети—земля Дреговичей, на Деснѣ—земля Сѣверянъ, а нѣсколько выше, по Сожу, жили Радимичи; дальше самое теченіе Днѣпра составляло тоже границу съ Смоленскими Кривичами.

Этимъ пограничнымъ мѣстоположеніемъ Кіева объясняется даже и особая вражда къ нему ближайшихъ его сосѣдей, Древлянъ, которые въ началѣ дѣлали ему большія обиды. Вольный городъ раскидывалъ свое поселеніе въ ихъ землѣ, или очень близко отъ ихъ рубежа, и вражда необходимо возникала отъ тѣсноты, отъ захвата мѣстъ и угодьевъ. Быть можетъ, вся мѣстность Кіева въ древности принадлежала Древлянской области. Имя Полянъ въ коренномъ смыслѣ обозначаетъ земледѣльцевъ — степняковъ, которые съ теченіемъ времени, какъ видно забирались по теченію Днѣпра все выше и выше и прежде всего захватывали конечно вольные берега. Точно также и промышленность сѣвера, спускаясь все ниже по Днѣпру, могла указать выгоднѣйшее мѣсто для поселенія города, хотя и на Древлянской землѣ, но въ области владычества Полянъ, то есть на самомъ теченіи Днѣпра. Все это заставляетъ предполагать, что Кіевъ съ самаго своего зарожденія не былъ городомъ какого-либо одного племени, а напротивъ народился въ

чужой землѣ Древлянской, изъ сборища всякихъ племенъ, изъ прилива вольныхъ промышленниковъ и торговцевъ отъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и земель.

Само собою разумѣется, что по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, находясь на большой дорогѣ и на великомъ сумежьѣ разныхъ племенъ, городъ Кіевъ не могъ сохранять въ своемъ населеніи характеръ племенной однородности и не могъ оставаться чистымъ безъ примѣси поселкомъ однихъ только Полянъ. Онъ, какъ мы сказали, по всему вѣроятію и зародился изъ племенной промышленной смѣси. Мы уже говорили, ч. 1, стр. 509, что самыя имена трехъ братьевъ могутъ указывать на три разнопленные источника, изъ которыхъ составилось его населеніе еще въ незапамятное время [70]. Съ юга отъ Черноморскихъ краевъ сюда приходили люди, которымъ нужны были товары сѣвера, особенно такъ называемая мягкая рухлядь, пушные мѣха, о торговлѣ которыми въ этомъ мѣстѣ еще въ 4 в. прямо упоминаетъ готскій историкъ Іорнандъ; а о древнѣйшей торговлѣ янтаремъ упоминаетъ писатель 2 вѣка Діонисій (см. выше стр. 35). Но, конечно, еще болѣе значительный приливъ разноплеменнаго населенія долженъ былъ идти сюда отъ верхнихъ земель, чему много способствовали свободныя рѣчныя дороги отъ З., С. и В. Кому были необходимѣе сношенія съ богатымъ Черноморьемъ, тотъ, конечно, въ большомъ числѣ приходилъ на это Кіевское распутье, стоявшее въ извѣстномъ смыслѣ у самыхъ Черноморскихъ воротъ. А верхнимъ землямъ несомнѣнно Черноморскій торговый югъ былъ еще необходимѣе, чѣмъ самимъ Полянамъ, которые въ этомъ отношеніи являлись только посредниками сношеній сѣвера и юга.

Первый лѣтописецъ зналъ и еще преданіе или современное ему мнѣніе, гаданіе о первомъ Кіевскомъ человѣкѣ. Нѣкоторые сказывали ему, что Кій былъ перевозникъ, что тутъ нѣкогда былъ перевозъ съ этой стороны Днѣпра на другую, восточную, а потому люди говаривали такъ: „Пойдемъ на перевозъ, на Кіевъ". „Но такъ объясняли дѣло незнающіе, несвѣдущіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что Кій былъ князь въ родѣ своемъ, т. е. старѣйшина, и какъ князь ходилъ даже въ Царьградъ къ какому-то царю, и великую честь принялъ отъ того царя. Какъ все это могло

случиться, еслибы онъ былъ перевозникъ! „заключаетъ лѣтописецъ. Здѣсь коренную идею преданія, или основную общую мысль о значеніи древняго Кіева, лѣтописецъ толкуетъ обстоятельствами самыхъ дѣлъ, и потому не только не находитъ между ними связи, но и указываетъ великую несообразность, чтобы перевозникъ, ходивши въ Царьградъ, получилъ тамъ великую почесть отъ самого царя.

Между тѣмъ, сказаніе о перевозникѣ быть можетъ еще вѣрнѣе обозначаетъ древнѣйшее значеніе Кіева для всей Русской страны. Какъ перевозникъ, Кіевъ былъ посредникомъ сношеній западной стороны Днѣпра съ восточною, то есть съ Дономъ, Волгою и Каспіемъ; но въ тоже время, какъ перевозникъ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ посредникомъ и пособникомъ въ сношеніяхъ далекаго сѣвера съ Черноморскимъ югомъ и, въ качествѣ такого посредника, всегда былъ принимаемъ въ Царьградѣ съ немалою почестью.

Греческій же царь Константинъ Багрянородный подробно описываетъ, что Кіевскіе люди, Русь, въ первой половинѣ 10 вѣка занимались переправленіемъ или перевозомъ большихъ лодочныхъ карававановъ по Днѣпру до самаго Царяграда, что эти люди являлись въ Царьградъ послами и гостями, слѣдовательно были принимаемы и въ царскомъ дворцѣ. Доселѣ говорятъ, основываясь только на одномъ имени Русь, что эту переправу, какъ и плаванье по морю, могли предпринимать не иные люди, какъ только Норманны, что туземцы, т. е. Кіевскіе Славяне, одержимы были водобоязнью и никогда прежде Норманновъ не были способны на морскія предпріятія [71]. Этому по необходимости мы вѣрили, потому что совсѣмъ не знали или совсѣмъ позабывали, что на Балтійскомъ морѣ предпріимчивыми Варягами были не одни Норманны, и что морскіе походы отъ нашего Черноморскаго берега процвѣтали еще въ половинѣ 3 вѣка, что лѣтописцы случайно объ нихъ упоминаютъ и въ слѣдующіе вѣка до призванія Варяговъ. Эти походы становятся очень извѣстными въ 9 и 10 вѣкахъ, конечно, только по причинѣ государственнаго зарожденія самой Руси, которое въ это время выдвинуло на глаза и свою давнишнюю способность и силу. Съ 11 до 13 вѣковъ, какъ и прежде, эти походы продолжаются непрерывно, какъ обычное торговое дѣло, хотя упоминанія объ нихъ, даже въ на-

шихъ лѣтописяхъ, точно также случайны и кратки. Затѣмъ послѣ Татарскаго разгрома морскіе походы переходятъ въ руки казачества, этого прямаго потомка давнихъ мореходовъ 3 вѣка. Не говоримъ о временахъ Геродота. Отецъ исторіи прямо свидѣтельствуетъ, что плаваніе по Запорожскому Днѣпру и по Бугу въ его время было обычнымъ дѣломъ. Самый путь внутрь страны онъ измѣряетъ днями плаванія по рѣкамъ. Другія свидѣтельства о томъ же плаваньѣ показаны нами выше.

Всѣ такія свидѣтельства приводятъ къ одному очень достовѣрному заключенію, что жившія на Днѣпрѣ земледѣльческія племена умѣли плавать и по рѣкѣ, и по морю съ незапамятныхъ временъ, что выучиться такому дѣлу они должны были если не у самой природы, то еще у античныхъ Грековъ, что ихъ морскіе походы вызывались самымъ положеніемъ мѣстности, на которой они жили и, конечно, торговыми связями съ тѣми же Греками, какъ равно и враждебными отношеніями и къ Грекамъ, и къ другимъ приморскимъ сосѣднимъ народамъ; что во всей этой исторіи, тянувшейся болѣе тысячи лѣтъ, Норманнамъ вовсе не остается никакого мѣста. Если въ 9 и 10 вѣкахъ они и плавали по нашимъ рѣкамъ, то все таки при посредничествѣ нашихъ же пловцовъ и въ полной зависимости отъ нашихъ же хозяевъ земли. Притомъ плаваніе на лодкахъ по морю еще нестолько отважно и значительно, какъ переправа съ большимъ караваномъ именно черезъ Днѣпровскіе пороги. Здѣсь была необходима особая школа, которая могла возродиться только вѣками и усиліями цѣлаго ряда поколѣній. Никакая вновь пришедшая дружина Норманновъ и какихъ бы то ни было мореходовъ не могла руководить этою переправою, по простой причинѣ, по незнанію всѣхъ мѣстныхъ подробностей и обстоятельствъ плаванья. Знакомство же съ этими обстоятельствами пріобрѣталось не иначе, какъ опытомъ цѣлой жизни, при помощи всякаго наука отъ старыхъ пловцовъ, при помощи живыхъ преданій отъ поколѣнія къ поколѣнію. Чтобы пройдти безопасно по этимъ каменнымъ грядамъ и теперь, какъ извѣстно, требуется кромѣ смѣлости и отваги большое искусство и главное многолѣтній навыкъ; требуется знать, какъ свои пять пальцевъ, всѣ свойства и направленіе потока на цѣлыя 70 верстъ, требуется знать всякія

примѣты благопріятной или неблагопріятной погоды, свойства и характеръ каждаго угла въ рѣкѣ, каждаго встрѣчнаго камня, каждой полосы теченія и волненія и т. д. Все это каменное протяженіе рѣки почти на 70 верстъ посреди безчисленныхъ скалъ всякаго вида и объема, посреди всякихъ омутовъ и быстринъ, должно знать какъ одну знакомую давно пробитую тропинку. Очень понятно, что хорошо знать эту тропинку могли только люди родившіеся тутъ же, такъ сказать, посреди самыхъ пороговъ. Это же объясняетъ почему, не только каждый порогъ, но и каждая его гряда или лава [72], каждый его камень, какъ теперь, такъ несомнѣнно и въ древности, носили и носятъ свое особое имя, свое прозваніе какой либо существенной ихъ примѣты или, такъ сказать, существенной черты ихъ характера. Видимо, что прежде чѣмъ овладѣть плаваньемъ въ порогахъ, пловецъ долго и настойчиво боролся съ каждымъ препятствіемъ съ каждою опасностію на своемъ пути, боролся съ ними, какъ съ живыми существами, а потому и олицетворялъ ихъ въ своемъ воображеніи мѣткими прозвищами [73]. Эти самыя имена и должны свидѣтельствовать, что прошло много времени и смѣнилось не одно поколѣніе пловцовъ, пока весь порожистый потокъ не заговорилъ, можно сказать, своимъ особымъ языкомъ, очень понятнымъ только очень бывалому и очень опытному вождю каравановъ.

Но кто же другой могъ быть такимъ знающимъ вождемъ въ этой переправѣ, какъ не живущее здѣсь же племя туземцевъ, нѣкогда обожавшихъ самую рѣку, быть можетъ, особенно въ виду ея же грозныхъ пороговъ? „Какой другой мореходный народъ" могъ знать всѣ камни и омуты, и всѣ извилистыя быстрины этого порожистаго потока, какъ не тотъ самый, для котораго переправа черезъ пороги съ незапамятнаго времени составляла задачу существованія, главнымъ образомъ задачу промышленной и торговой жизни?

Въ этомъ смыслѣ преданіе о первомъ человѣкѣ Кіева справедливо разумѣетъ въ немъ перевозника на тотъ берегъ и къ Каспію отъ западныхъ земель, и къ Царьграду отъ нашихъ верхнихъ земель. Въ этомъ смыслѣ, какъ перевозникъ, Кіевъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для древнерусской жизни вообще. Онъ является главнѣйшимъ посредникомъ торговыхъ сношеній сѣвера съ югомъ и запада съ

востокомъ по той особенно причинѣ, что въ своихъ рукахъ держитъ всю работу опасной переправы къ Царьграду, что несетъ на своихъ плечахъ всѣ тягости этой трудной переправы и свободно отворяетъ ворота изъ всей русской земли въ самый Царьградъ. Это не гнѣздо Соловья Разбойника, не дающаго дороги, ни конному, ни пѣшему, это, напротивъ, гнѣздо опытныхъ и знающихъ лоцмановъ-перевозниковъ, пролагавшихъ безопасный путь сквозь всякія преграды, работавшихъ своими веслами на всю страну, которая впервые и сосредоточилась въ Кіевѣ, несомнѣнно благодаря доброй работѣ того же весла.

По всей нашей равнинѣ, по всѣмъ сказаніямъ и намекамъ Исторіи, связи торговыя предшествовали завоеваніямъ меча, а потому и Кіевское весло положило основаніе для этихъ связей несравненно раньше, чѣмъ пришелъ завоевательный мечъ.

Само собою разумѣется, что въ тѣ отдаленные и варварскіе вѣка, точно также какъ и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, свобода и независимость народной жизни добывалась и поддерживалась только мечемъ, а потому тѣ же Кіевскіе лодочники-перевозники необходимо должны были къ своему товариществу весла присоединять и товарищество меча. Работая весломъ, переплывая не только пороги, но и пучины моря, подвергаясь опасностямъ не только отъ бури—непогоды, но быть можетъ еще чаще отъ людскаго хищничества, они по необходимости должны были съ равнымъ искусствомъ владѣть и весломъ, и мечемъ. Вотъ первая причина почему въ Кіевѣ съ развитіемъ походовъ черезъ пороги необходимо должна была возникнуть и военная дружина.

Въ точности мы не знаемъ, когда Кіевъ впервые сталъ заниматься перевозничествомъ черезъ пороги и мореходствомъ по Черному морю. Но вышеизложенная достовѣрная исторія торговыхъ связей нашей страны не оставляетъ сомнѣнія, что это случилось въ незапамятныя времена, покрайней мѣрѣ лѣтъ за тысячу до появленія въ исторіи славныхъ Норманновъ. Сама по себѣ Кіевская сторона могла сноситься съ Черноморьемъ еще раньше, во времена самыхъ Финикіянъ. Но, говоря о Вендахъ, о Варягахъ-Славянахъ, намъ необходимо знать точнѣе, въ какое время они впервые потянулись съ Балтійскаго моря въ Черное.

Выше мы указали слѣды Славянскаго разселенія отъ Нѣмона къ верху Березины и въ самый Днѣпръ. Эти слѣды должно относить, покрайней мѣрѣ, ко времени Птоломея, то есть, ко второму вѣку нашего лѣтосчисленія.

Очень вѣроятно, что еще съ этого времени Славянскіе Варяги заняли на Днѣпрѣ всѣ наиболѣе способныя и выгодныя мѣстности, какъ для поселенія, такъ и для временныхъ остановокъ. Кіевское мѣсто по своей природѣ должно было привлечь поселенцевъ на первыхъ же порахъ. Древность Кіевскаго поселенія недавно подтвердилась случайною находкою Римскихъ монетъ второй половины 3-го и первой половины 4-го вѣковъ, найденныхъ на Кіевскомъ Подолѣ, т. е. на сѣверной окраинѣ города. Но еще прежде, въ 1846 г., при постройкѣ жандармскихъ казармъ, было найдено до 80 римскихъ монетъ и два динарія, одинъ временъ Августа, другой начала 3 вѣка [74]. Ясно, что теперешній Кіевъ былъ занятъ поселеніемъ уже въ 3-мъ вѣкѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, на всемъ Днѣпрѣ не было мѣста привольнѣе и пріютнѣе, особенно для первоначальныхъ дѣйствій торга и промысла. Оно доставляло всѣ способы защиты и засады при нападеніяхъ врага, давало всякія средства во-время уйти отъ опасности и въ тоже время открывало всякіе пути для обезпеченія себя продовольствіемъ. Со стороны Днѣпра оно было защищено, какъ стѣною, высокимъ нагорнымъ берегомъ, который, идя внутрь равнины въ разныхъ направленіяхъ, пересѣкался глубокими оврагами, яругами, долинами, весьма удобными для потаенныхъ проходовъ и выходовъ между горъ и представлявшими въ своихъ развѣтвленіяхъ такой лабиринтъ сообщеній, что въ немъ незнакомому пришельцу очень легко было совсѣмъ потеряться. Къ тому же вся изрытая мѣстность въ древнее время была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ водилось множество всякаго звѣря. Кормилецъ—Днѣпръ изобиловалъ всякою рыбою.

При такихъ выгодахъ и удобствахъ поселенія, здѣшнія жилища еще въ самомъ началѣ должны были раскинуться на нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ поселковъ. Вотъ почему въ Кіевѣ жило преданіе о трехъ братьяхъ, жившихъ на горахъ, и четвертой сестрѣ, обладавшей долиною рѣки Лыбеди. Три горы, Щековица, Хоревица и Кіе-

вица, если такъ можно назвать гору самаго города Кіева, были расположены рядомъ, въ указанномъ порядкѣ, начиная отъ сѣвера. Прямо передъ ними раскидывалась береговая низменность, получившая наименованіе Подола. Въ древности здѣсь было пристанище лодокъ и Торговище. Лѣтописецъ помнилъ, что въ прежнія времена Днѣпръ протекалъ подъ самыми горами и Подолъ еще не былъ заселенъ, что ладьи приставали подъ Боричевымъ взвозомъ, у самой Кіевской горы. Такимъ образомъ топографія древняго Кіева обозначалась двумя существенными чертами: Горою, гдѣ находился городъ—крѣпость, и Подоломъ, гдѣ размѣщался торгъ съ пристанью, которая прозывалась Почайною, потому что находилась въ устьѣ рѣчки Почайны. На Подолѣ, конечно, проживали приходящіе торговцы и промышленники. Здѣсь, надъ какимъ-то ручьемъ, стояла соборная церковь первыхъ христіанъ-Варяговъ во имя св. Ильи, несомнѣнно поставленная на мѣстѣ Перунова капища. Церковь находилась въ концѣ мѣстности, называемой Козарою, что указываетъ на Хозаръ, другой приходящій разрядъ населенія. На Подолѣ же проживали и Новгородцы, въ послѣдствіи имѣвшіе здѣсь свою особую божницу въ церкви св. Михаила. На горѣ въ городѣ упоминаются Жидовскія и Лядскія ворота, обозначающія особые поселки Жидовъ и Ляховъ.

Верстахъ въ двухъ отъ древняго города и Подола, внизъ по теченію Днѣпра, находилось еще, совсѣмъ особое, пристанище для лодокъ у самыхъ горъ, которое быть можетъ потому и называлось Угорскимъ, хотя лѣтописецъ объясняетъ его именемъ Угровъ-Венгровъ, будто бы прошедшихъ въ этомъ мѣстѣ черезъ Кіевъ. Противъ этого мѣста въ Днѣпръ впадаетъ его сердитый протокъ Черторый, который выходитъ отъ самой Десны. По этому протоку можно было проплывать, минуя Кіевъ, почему и Угорское представлялось совсѣмъ независимою мѣстностью отъ горы собственно Кіевской[75].

Судя по тому, что здѣсь выходилъ на берегъ къ Олегу Кіевскій князь Аскольдъ, тутъ же и убитый, можно предполагать, что и самое жилище Аскольда находилось въ этой же мѣстности. Въ половинѣ 12 в. здѣсь дѣйствительно существовалъ княжій дворъ, быть можетъ, на Берестовѣ, люби-

момъ селѣ св. Владиміра, но обозначенный „подъ Угрьскимъ". такъ какъ Берестово находится ниже по теченію Днѣпра.

Отсюда, вдоль берега, въ самыхъ горахъ начиналось особое поселеніе Варяговъ, быть можетъ очень древнее, это варяжскія пещеры, гдѣ въ первое время несомнѣнно скрывались для богослуженія первые христіане Кіева. Въ послѣдствіи здѣсь основался Печерскій монастырь. Извѣстно также, что и въ другихъ береговыхъ горахъ Кіева также находятся пещеры, ибо первобытное его населеніе, особенно мимоходячее, собиравшееся сюда на работу или на промыслъ отъ всѣхъ верхнихъ земель, всегда нуждалось во временномъ пріютѣ, который устроить легче всего было въ береговой пещерѣ.

Таковы существенныя черты Кіевскаго первоначальнаго обиталища.

Выгоды мѣстоположенія должны были очень рано сосредоточить здѣсь тѣ рабочія промышленныя руки, въ какихъ наиболѣе нуждалась вся страна. А вся страна, какъ мы упоминали, очень нуждалась въ безопасномъ и правильномъ сношеніи съ Царемъ-Градомъ. Для ея цѣлей Кіевъ, естественнымъ порядкомъ, сдѣлался перевозникомъ или собственно посредникомъ этихъ сношеній.

По всему вѣроятію, долгое время Кіевское населеніе работало только однимъ весломъ, да и то на половину еще съ сѣверными людьми, чему доказательствомъ могутъ служить особыя Славянскія, то есть, сѣверныя названія пороговъ, такъ какъ несомнѣнно, что Славянскіе Варяги были если не первыми, то сильнѣйшими двигателями торговыхъ сношеній съ югомъ. Можно съ вѣроятностію предполагать, что караваны, собиравшіеся отъ верхнихъ земель въ Кіевѣ, въ начальное время, переправлялись общими усиліями всѣхъ участниковъ Греческаго торга, купцами и мореходами всѣхъ верхнихъ городовъ, которые нуждались въ этомъ торгѣ.

Это могутъ подтверждать походы на Царьградъ Олега и Игоря, въ которыхъ обыкновенно участвовали, кромѣ Варяговъ, Славяне, Кривичи, Чудь, Меря, Весь, Радимичи, Древляне, Сѣверяне,—вся земля. Если эти верховыя племена за одно съ Кіевомъ хаживали на Черное море воевать, то нельзя сомнѣваться, что въ мирное время они туда же

хаживать и торговать. Самый ихъ сборъ для военнаго похода не могъ возникать только по повелѣнію князя, ибо этотъ князь не былъ еще полновластнымъ владыкою всей земли и его повелѣніе для отдаленныхъ и независимыхъ земель еще ничего не значило.

Такой сборъ могъ устроиваться съ особымъ успѣхомъ не иначе, какъ по случаю давняго участія верховыхъ племенъ въ обычныхъ торговыхъ походахъ въ Черное море, о которыхъ имѣемъ достовѣрное и подробное свидѣтельство уже отъ первой половины 10 вѣка. Поэтому сборище верховыхъ племенъ въ военныхъ походахъ Олега и Игоря, можетъ обнаруживать составъ обычныхъ торговыхъ каравановъ, конечно, на случай войны, взамѣнъ купцовъ и пословъ, пополняемыхъ военною дружиною.

Впрочемъ, важнѣйшимъ подтвержденіемъ обычныхъ торговыхъ путешествій въ Царьградъ купцовъ и пословъ изъ всѣхъ главныхъ городовъ русской земли, какъ отъ Кіевскихъ, такъ и отъ верхнихъ, служатъ договоры съ Греками Олега и Игоря, гдѣ торговцы и послы обезпечиваются цареградскимъ кормленьемъ, и гдѣ Олегъ устанавливаетъ даже оброки—уклады на всѣ эти города. Въ это время Кіевъ находился уже подъ рукою великаго князя, принадлежалъ самъ себѣ и все таки выговаривалъ льготы и всѣмъ прочимъ городамъ Руси, да и пословъ посылалъ не только отъ себя, но и ото всѣхъ прочихъ городовъ, общихъ пословъ [76].

Все это показываетъ, что въ прежнее время, когда въ Кіевѣ еще не было общей руководящей власти, города, покрайней мѣрѣ наиболѣе сильные въ сношеніяхъ съ Греками, дѣйствовали сами собою, независимо, и самостоятельно. Такъ напр. могли дѣйствовать Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ.

Служа сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ сѣверныхъ ватагъ, отправлявшихся въ Черное море, Кіевъ на первое время, какъ мы сказали, не могъ принадлежать никакому племени исключительно. Мы говорили, что и въ землѣ Полянъ онъ былъ крайнимъ, почти пограничнымъ мѣстомъ съ другими племенами, а по значенію сборнаго мѣста онъ въ сущности долженъ былъ принадлежать всѣмъ племенамъ, всей Землѣ. Вотъ по какой причинѣ лѣтописецъ отмѣчаетъ, что Кіевляне были обижаемы не только Древлянами, но и ины-

ми окольными племенами, такъ что, по ходу лѣтописной рѣчи, и самое владычество Хозаръ явилось какъ бы на помощь отъ этихъ обидъ. Обиды, конечно, заключались въ томъ, что каждое верховое племя, проходя мимо и оставаясь до времени сбора всѣхъ ватагъ, хозяйничало здѣсь, какъ у себя дома, какъ въ своей землѣ; почитало Кіевское мѣсто, какъ бы общею собственностью. Если такъ было, то становится очень понятнымъ, почему вся Верхняя Земля смотрѣла на Кіевъ, какъ на свое средоточіе, почему она вся собралась съ Олегомъ дабы овладѣть этимъ средоточіемъ и почему, наконецъ, Кіевъ получилъ имя Матери всѣхъ городовъ Русскихъ. Дѣйствительно, онъ былъ воспитателемъ и кормильцемъ промысловой жизни всего сѣвера. Онъ передвигалъ эту жизнь и прямо на югъ въ греческій Царьградъ, и на юго-востокъ къ древнему Танаису—Воспору, и къ берегамъ Каспія, въ страну Хозаръ.

Еслибы это былъ городъ одного племени, то по своему торговому мѣстоположенію онъ необходимо возродился бы въ особое самобытное и самостоятельное княжество еще до прихода Варяжскихъ князей. А его самобытность и владычество надъ Днѣпровскими воротами необходимо держали бы въ извѣстной тѣснотѣ и подчиненности и весь сѣверъ страны. О такомъ положеніи вещей лѣтопись не помнитъ. Владычество Хозаръ тоже едвали касалось свободы сообщеній по Днѣпровскому руслу. Собирая дань съ населенія по восточнымъ берегамъ Днѣпра, Хозары едвали могли владѣть его широкимъ и порожистымъ потокомъ и потому Божья дорога—этотъ потокъ, больше всего находился въ зависимости отъ Верхнихъ Земель. Припомнимъ, сколько усилій въ поздніе вѣка употребляли Турки, чтобы запереть ворота Дона отъ Донскихъ казаковъ, или самый Днѣпръ отъ удалыхъ Запорожцевъ. Быть можетъ въ этихъ самыхъ обстоятельствахъ скрывались причины, почему Кіевское мѣсто должно было находиться во всегдашней зависимости отъ сѣверныхъ людей и возродилось въ полной самобытности только по случаю окончательнаго переселенія этихъ людей въ самый Кіевъ.

Какимъ образомъ изъ простаго перевозника и крѣпкаго узла сношеній сѣвера съ югомъ, или же изъ простаго волостнаго родоваго городка, Кіевъ наконецъ дѣлается господиномъ окрестной страны, на это мы имѣемъ отвѣтъ уже въ показаніяхъ начальнаго лѣтописца.

Мы говорили (ч. I. 564), что значеніе волостнаго городка вполнѣ зависѣло отъ скопленія въ немъ достаточной храброй и отважной дружины. Тогда, изъ оборонителя своей родовой волости онъ легко выросталъ завоевателемъ чужихъ волостей и городковъ, и распространялъ свое владычество, куда было возможно. Такъ несомнѣнно сложились особыя большія волости или области, на которыя распредѣлялось наше славянское населеніе передъ призваніемъ Варяговъ. Мы узнаемъ и изъ послѣдующей исторіи, что отъ тѣхъ же причинъ одни города и области возвышались, другіе упадали, какъ потомъ упалъ и самый Кіевъ, и какъ быть можетъ возвышались и упадали города въ болѣе отдаленную эпоху, о которой не осталось памяти [77].

По лѣтописной памяти, Кіевъ усилился отъ сборища въ немъ Варяговъ. Первый починъ принадлежалъ Варягамъ изъ Новгорода. Затѣмъ Аскольдъ собралъ множество Варяговъ уже независимо отъ Новгорода. Къ нему же собирались и самые Новгородцы, какъ бѣглецы, недовольные Рюрикомъ, или спасавшіеся въ борьбѣ съ нимъ. Стало быть, все Варяжское, ибо Новгородцы были тѣ же Варяги, уходило въ Кіевъ, какъ въ общее пристанище всякаго рода людей, или обиженныхъ и оскорбленныхъ, или искавшихъ болѣе выгоднаго дѣла своему мечу и дарованіямъ, или остававшихся гдѣ-либо совсѣмъ безъ дѣла. Но лѣтописецъ населяетъ Кіевъ главнымъ образомъ изъ Новгорода и тѣмъ даетъ понятіе, что въ сущности теперь это была Новгородская Варяжская колонія.

По какому случаю въ это же время обнаруживается въ Русской странѣ особенное скопленіе Варяговъ, объ этомъ мы уже говорили выше, стр. 87. Замѣтимъ только, что свободный пріемъ Варяжскихъ дружинъ въ главныхъ городахъ и даже въ Кіевѣ, уже показываетъ, что это были люди давно знакомые и родные по обычаю и по языку.

Итакъ, въ половинѣ 9 вѣка, древній родовой городокъ Кіевъ становится Новгородскою колоніей Варяговъ и во-

обще людей пришедшихъ отъ разныхъ сторонъ. Такое население должно было вскорѣ обнаружить задатки совсѣмъ инаго развитія, чѣмъ было прежде въ родовомъ или промысловомъ городкѣ. Скопившаяся дружина, какъ видно, по преимуществу военная, должна была прежде всего добывать себѣ кормленіе. Если накануне для малаго городка оно было достаточно, то съ приливомъ новыхъ людей необходимо было добывать его больше. Вотъ первое, для всѣхъ общее дѣло, которое одно способно соединить и связать въ одинъ узелъ всѣ помышленія и стремленія новыхъ людей, хотя и собравшихся отъ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ племенъ и родовъ, съ различными цѣлями и задачами жизни.

Кормленіе такимъ образомъ становится задачею жизни для этого новаго общества, основною стихіею его быта, коренною силой его дѣятельности.

Для земледѣльца, звѣролова, рыболова и всякаго другаго промышленника, питавшагося отъ матери-земли, такое кормленіе давала сама природа, лишь бы не ослабѣвали руки пользоваться ея дарами. Для военнаго города, который олицетворялъ въ себѣ по преимуществу только работу мечемъ, это кормленіе приходилось добывать именно концемъ меча, не отъ матери-земли, а отъ людскаго міра.

Несомнѣнно, что въ Кіевѣ военная дружина явилась прежде всего на помощь веслу, для охраны торговыхъ каравановъ, спускавшихся къ Корсуню или Цареграду. За эту работу вѣроятно отъ каравановъ же она и получала кормленіе. Но съ умноженіемъ промысла умножались и приходящіе люди, а скопленіе дружины должно было распространять способы кормленія, отыскивать для него новые пути. Ближайшимъ изъ всѣхъ такихъ путей было завоеваніе даней въ окрестныхъ поселкахъ, завоеваніе съ этою цѣлью окрестныхъ земель и цѣлыхъ областей.

Кіевъ, такимъ образомъ, въ своемъ новомъ зернѣ носитъ уже зародышъ того завоевательнаго, военно-дружиннаго начала, которое впослѣдствіи охватило всю Землю и покрыло своею славою прежнія, только союзныя и промысловыя отношенія Земли, какія развивалъ съ давняго времени по преимуществу одинъ Новгородъ. Въ концѣ концовъ изъ этого-то начала и должно было возродиться уже Московское Государство, которое никакъ не могло понять, для какой

цѣли существуетъ Новгородъ, какъ равно и Новгородъ никакъ не могъ взять себѣ въ толкъ, какимъ образомъ древній Великій Князь сдѣлался государемъ и даже самодержцемъ на греческій образецъ.

О дѣяніяхъ Аскольда и Дира древніе списки лѣтописей говорятъ только одно, что они ходили на Царьградъ, и вовсе не упоминаютъ о другихъ какихъ-либо дѣлахъ. Но походъ на Царьградъ такое событіе для зарождавшагося могущества Кіевской страны, которое уже само-собою объясняетъ, что оно составляло такъ сказать увѣнчаніе многихъ другихъ дѣлъ и различныхъ отношеній и къ самому Царьграду, и къ сосѣднимъ племенамъ.

По этой причинѣ получаютъ не малую достовѣрность и тѣ отрывочныя лѣтописныя показанія о дѣлахъ Аскольда, какія внесены уже въ поздніе списки. Эти показанія свидѣтельствуютъ, что Аскольдъ и Диръ начали свое поселеніе въ Кіевѣ войною съ Древлянами и Уличами, быть можетъ заграждавшими свободный путь, одни на верху, другіе на низу Днѣпра. Затѣмъ упоминается, что Аскольдовъ сынъ погибъ отъ Болгаръ, конечно Дунайскихъ. Самое это свѣдѣніе могло попасть въ наши лѣтописи изъ древнихъ болгарскихъ лѣтописцевъ. Потомъ Аскольдъ и Диръ воевали съ Полочанами и много зла имъ сотворили. Это свидѣтельство указываетъ уже на варяжскія отношенія.

Вотъ событія, которыя предшествовали цареградскому походу. Самый походъ краснорѣчиво изображенъ патріархомъ Фотіемъ, который даетъ намекъ, что до похода между Русью и Греками существовалъ союзъ, со стороны Руси именно вспомогательный союзъ, расторгнутый убійствомъ одного Руссина въ Царьградѣ (ч. 1. стр. 429). Фотій разсказываетъ также и о послѣдствіяхъ похода, именно о крещеніи Руси и утвержденіи съ нею союза, договора, что подтверждаетъ Константинъ Багрянородный, говоря, что Русь, не знавшая ни кротости ни уступчивости, была привлечена къ договору богатыми дарами золота, серебра и шелковыхъ одеждъ. Утвержденный союзъ и договоръ несомнѣнно былъ письменный. Но объ этихъ важнѣйшихъ событіяхъ наша древняя лѣтопись ничего не знаетъ. Воспользовавшись только хроникою Амартола, и то въ болгарскомъ переводѣ, она изображаетъ этотъ походъ очень неудачнымъ, къ чему

позднія вставки прибавляютъ, что по возвращеніи Аскольда въ малой дружинѣ, въ Кіевѣ былъ „плачь великій, а потомъ былъ гладъ великій". Однако въ тоже лѣто Аскольдъ и Диръ избили множество Печенѣговъ. Лѣтописныя позднія вставки о Кіевскихъ дѣлахъ заключаются извѣстіемъ, что изъ Новгорода въ Кіевъ отъ Рюрика выбѣжало много новгородскихъ мужей [78].

Всѣ эти свидѣтельства, и домашнія, и византійскія, явно раскрываютъ только одно, что Кіевъ при Аскольдѣ возродился, какъ самостоятельное княжество и достославно началъ русское историческое дѣло, положилъ первое основаніе для русской самобытности. Пользовался ли онъ въ походѣ на Грековъ помощью Новгорода и другихъ верхнихъ земель, объ этомъ лѣтопись ничего не говоритъ. Она, напротивъ, выставляетъ его дѣйствія независимыми отъ Новгорода. Кіевъ въ ея глазахъ, хотя и колонія Варяговъ изъ Новгорода, но земля особая, самостоятельная, какъ Полоцкъ, какъ Туровъ, какъ самый Новгородъ. Вообще положеніе дѣлъ въ Русской странѣ въ половинѣ 9 вѣка изображается лѣтописью такъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ мѣстахъ, во всѣхъ главныхъ городахъ сидятъ пришельцы Варяги, зависимые и независимые отъ Новгорода, о которомъ объ одномъ говорится не безъ мысли, что онъ самъ былъ Варяжскаго рода. Изъ призванныхъ князей старшій поселился въ Новгородѣ, чѣмъ показалъ вообще Новгородское старшинство предъ всѣми другими колоніями Варяговъ. Въ этомъ положеніи дѣлъ очень значительно то обстоятельство, что эти Варяги, хотя бы и пришедшіе особо отъ Рюрика, прежде или послѣ него, отъ разныхъ варяжскихъ мѣстъ, все-таки во имя своего Варяжества связывали всѣ отдѣльныя русскія области и земли въ одно цѣлое, а потому и право на Варяжское наслѣдство, гдѣ бы оно ни оказалось, все-таки принадлежало старшему въ Варяжскомъ родѣ. А старшимъ въ Варяжскомъ родѣ по всѣмъ видимостямъ былъ Рюриковъ родъ; старшимъ гнѣздомъ Варяжества былъ Новгородъ. Изъ этого узла и стала развиваться дальнѣйшая исторія страны.

По разсказу лѣтописи, Рюрикъ передъ кончиною, отдалъ княженье Олегу, своему родственнику; ему же на руки отдалъ и своего очень малолѣтнаго сына Игоря. Три года ничего неслышно о новомъ князѣ. Но въ тишинѣ происходили важныя дѣла. Въ это время весь Сѣверъ готовился идти въ далекій походъ. Олегъ собралъ Варяговъ и Чудь (Изборскъ), Славянъ (Новгородъ), Мерю (Ростовъ), Весь (Бѣлоозеро), Кривичей (Полоцкъ) и выступилъ въ походъ на Кіевъ. По какому поводу, неизвѣстно. Лѣтопись молчитъ, какъ она молчитъ вообще о поводахъ и причинахъ событій. Видимъ только, что поднимается походъ большой, что весь сѣверъ собрался съ цѣлью покорить своей власти южную землю, Кіевъ; и не только покорить, но и поселиться въ ней навсегда. На пути по Днѣпру Олегу отдается Смоленскъ, старшій городъ Кривичей на верхнемъ Днѣпрѣ. Онъ сажаетъ здѣсь своего мужа—посадника. Затѣмъ по Днѣпру же Олегъ беретъ Любечъ, вѣроятно старшій городъ въ землѣ Радимичей, и тоже сажаетъ въ немъ своего мужа—посадника. Онъ очищаетъ такимъ образомъ Днѣпровскій путь до самаго Кіева. Здѣсь вся эта сѣверная сила прячется коварно въ лодкахъ и засадахъ. Самъ Олегъ, съ Игоремъ на рукахъ, выходитъ на берегъ, посылаетъ съ вѣстью къ Аскольду и Диру, что „пришли-молъ гости, идутъ въ Грецію отъ Олега и Игоря-княжича и желаютъ повидаться съ землями-Варягами“. Отчего же не пойти къ землякамъ. Аскольдъ и Диръ пришли къ берегу. Но изъ лодокъ повыскакала дружина и Олегъ сказалъ Кіевскимъ владыкамъ: „Вы владѣете, но вы не князья и не княжаго роду; я есть княжій родъ, а это сынъ Рюрика!“ примолвилъ онъ, вынося впередъ маленькаго Игоря. Аскольдъ и Диръ тутъ же были убиты. Весь Кіевъ молчитъ, представляется пустымъ мѣстомъ, гдѣ, кромѣ Аскольда и Дира, нѣтъ и живущихъ. Такъ обыкновенно разсказываетъ свои повѣсти народная былина, и мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ существенныхъ чертахъ всего событія. Было такъ или иначе, но явно одно, что Новгородская дружина завоевала себѣ Кіевъ и осталась въ немъ; что Кіевъ былъ страшенъ своею силою, и требовалось взять его не иначе какъ обманомъ, хитростью, коварствомъ; а этого тоже невозможно было сдѣлать безъ предательства со стороны Кіевской дружины. Вотъ почему эта Кіевская дружина

и не подаетъ никакого голоса. Она выдаетъ своихъ князей обѣими руками. Такія дѣла позднѣе дѣлывались очень часто. Всего любопытнѣе здѣсь разговоръ о княжемъ родѣ. Словами Олега высказывается какъ бы разумѣніе всей Земли, что владѣть землею потомственно долженъ только княжій родъ, именно родъ, а не лица; что никакой другой человѣкъ, хотя бы и бояринъ, а тѣмъ больше воевода—простецъ, не долженъ имѣть никакихъ правъ на владѣніе страною, кромѣ правъ кормленья, временнаго пользованія своимъ городомъ. Положимъ, что такія идеи присвоены разсужденію Олега уже позднѣйшими лѣтописцами, обнаружившими въ этомъ случаѣ современныя имъ воззрѣнія 11 и 12 вв.; но ничто не противорѣчитъ и тому заключенію, что тѣже воззрѣнія существовали и въ 9 вѣкѣ. Они по своему существу такъ первобытны, что ихъ начало можно относить къ глубокой древности. Они объясняютъ только, что земля, какъ и воздухъ, и лѣсъ, и поле, есть достояніе общее, никому не принадлежащее въ полную собственность; что ею владѣть можетъ только власть самой земли—народа, княжій родъ.

Однако, какіе же могли быть настоящіе поводы къ занятію Кіева. Полагаемъ, что главнѣйшій поводъ заключался въ самомъ положеніи тогдашнихъ дѣлъ. Кіевъ и Новгородъ, два торговыхъ средоточія, стояли по концамъ Греческаго пути. Могли ли они оставаться другъ другу независимыми? Могла ли эта бойкая дорога въ Царьградъ находиться во власти двухъ хозяевъ? Каждый хозяинъ, отдѣльно на сѣверѣ, или отдѣльно на югѣ, становясь сильнымъ, необходимо долженъ былъ владычествовать по всему пути и слѣдовательно, при случаѣ, стѣснять, или и совсѣмъ затворять эту торговую дорогу. Равновѣсія отношеній сѣвера и юга въ варварское время не могло и существовать.

Засѣвшіе въ Кіевѣ Варяги освободили страну отъ Хозарской дани, отъ обиды Древлянъ и Уличей, и скоро распространили владычество на всю окрестность. Образовалось Варяжское гнѣздо, совсѣмъ независимое отъ Варяжскаго старѣйшины—Новгорода. Старѣйшина естественно долженъ былъ воспользоваться всѣми плодами, какіе были достигнуты на югѣ его молодежью, тѣмъ болѣе, что весь сѣверъ, почиталъ Кіевъ или, вѣрнѣе сказать, сообщеніе по Днѣпру, своимъ общимъ убѣжищемъ и пристанищемъ и потому не

одинъ Новгородъ, но весь торговый сѣверъ, какъ одинъ человѣкъ, задумалъ самъ перейдти въ приготовленное уютное гнѣздо въ Кіевѣ, конечно, подъ руководствомъ своего старѣйшины—Новгорода. Прежде всего въ его рукахъ долженъ былъ находиться весь греческій путь, отъ одного конца до другаго. Нехорошо было бы, еслибъ младшее гнѣздо независимо владѣло прямоѣзжею дорогою. Не только старѣйшина—Новгородъ, но и весь сѣверъ необходимо желалъ на этомъ пути полной свободы, прямаго проѣзда, безъ всякихъ зацѣпокъ, какія въ чужомъ владѣньи по обычаю непремѣнно должны были существовать. И вотъ Новгородъ, собравши Варяговъ и военныя дружины подвластныхъ или союзныхъ городовъ Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей, переселился торжественнымъ походомъ на южный конецъ большой дороги, поближе къ тому великому всемірному торжищу, къ которому и былъ проложенъ этотъ завѣтный путь „изъ Варягъ въ Греки".

Коварный поступокъ такой большой рати съ князьями Кіева показываетъ, съ одной стороны, что эти князья, какъ мы говорили, были независимы отъ Новгорода и сильны своими заслугами для Кіевской страны; съ другой—что въ самой Кіевской дружинѣ вѣроятно было много сторонниковъ Новгорода, которые и поспѣшили выдать своихъ князей безъ всякой борьбы. Еще отъ Рюрика много Новгородцевъ убѣжало въ Кіевъ. Затѣмъ, если припомнимъ свидѣтельство Фотія о водвореніи въ Кіевѣ Христовой вѣры еще въ 866 г., то является и другая вѣроятность о Новгородскомъ недовольствѣ новыми Кіевскими порядками. Языческій сѣверъ конечно не могъ совсѣмъ равнодушно смотрѣть на перемѣну вѣры и обычая въ своей же Варяжской колоніи, которая въ этой перемѣнѣ естественно пріобрѣтала еще больше самостоятельности и независимости отъ своего стараго гнѣзда. Здѣсь быть можетъ скрывалась и еще причина для занятія Кіева и убійства его князей, какъ руководителей въ распространеніи новой Вѣры. Въ преданіи они остаются неповинными мучениками. На Аскольдовой могилѣ въ послѣдствіи поставленъ былъ храмъ Св. Николая, чего не могло случиться, еслибъ преданіе почитало эту могилу языческою.

„Это будетъ матерь городамъ русскимъ!" Вотъ первое слово, какое сказалъ Олегъ, сѣвши въ Кіевѣ княжить. Многое,

что лѣтописецъ приписываетъ дѣяніямъ Олега, по всему вѣроятію, принадлежитъ собственно тому воззрѣнію или созерцанію о давней старинѣ, какое еще сохранялось даже и во время составленія первой лѣтописи. Поэтому и вложенное въ уста Олега понятіе о городѣ—матери отзывается еще античною древностію, и быть можетъ составляетъ даже прямое ея наслѣдство для Кіева, какъ древнѣйшаго и первоначальнаго города въ Русской землѣ. Птоломей упоминаетъ о городѣ—матери, Митрополѣ, въ устьѣ Днѣпра, не подалеку отъ Ольвіи. Это городъ загадочный, настоящее мѣсто котораго почти невозможно опредѣлить. Его имя во всякомъ случаѣ служитъ намекомъ, что такой городъ существовалъ гдѣ либо на Днѣпрѣ, а потому и Кіевское преданіе о городѣ-матери, хотя бы и не о самомъ Кіевѣ, а о какомъ либо другомъ городѣ можетъ уходить въ глубокую древность [79]. Кромѣ того понятіе о матери могло относиться къ самому Кормильцу-Днѣпру и связывалось съ миѳами Скиѳовъ, у которыхъ первый человѣкъ рожденъ былъ отъ Зевса и дочери рѣки Днѣпра.

На Балтійскомъ поморьѣ, въ землѣ Лютичей-Велетовъ тоже существовалъ городъ—мать: это Щетина, по всему вѣроятію, древнѣйшій изъ тамошнихъ городовъ. Могло случиться, что Варяги-Славяне принесли и въ Кіевъ свое Балтійское преданіе о городѣ—матери, какъ о начальномъ и главномъ городѣ всей земли; поэтому слова Олега могутъ обозначать, что теперь, съ поселеніемъ здѣсь старшихъ Варяговъ изъ Новгорода, главнымъ и старѣйшимъ ихъ гнѣздомъ будетъ уже не Новгородъ, а Кіевъ, ибо все это старѣйшее гнѣздо, Новгородъ, теперь совсѣмъ переселилось на Кіевское мѣсто.

Идея о городѣ—матери могла возникнуть конечно у тѣхъ людей, у которыхъ существовали города—дѣти, прямо происходившіе отъ извѣстнаго города—матери. Дѣтство Русскихъ городовъ прямо уже обозначается именемъ Новагорода, по понятіямъ 13 вѣка, старѣйшаго города во всей Русской землѣ. Все это роднитъ Русскія старыя идеи съ идеями античныхъ черноморскихъ Грековъ, точно также развивавшихъ свои колоніи, и въ началѣ вполнѣ зависѣвшихъ отъ своихъ митрополей, матерей—городовъ.

Поселившіеся въ матери Русскихъ городовъ, Варяги, Славяне и прочіе, кто ни пришелъ, всѣ стали прозываться Русью. Для безопасности новаго княженья, Олегъ началъ ставить города, вѣроятно по окраинамъ тогдашней Кіевской области. Сюда же въ Кіевъ онъ перевелъ и Новгородскія дани, уставивъ ихъ платить отъ Славянъ, т. е. отъ самаго Новгорода, отъ Кривичей изъ Смоленска и отъ Мери изъ Ростова. О Чуди и Веси Олеговы уставы не упоминаютъ и тѣмъ даютъ понятіе, что дань этихъ областей входила въ составъ Словѣнской или Новгородской дани. Олегъ успокоилъ и заморскихъ Варяговъ, уставивъ платить имъ отъ года до года 300 гривенъ, для мира, которая дань исправно выплачивалась до смерти Ярослава, т. е., до тѣхъ поръ, когда Славяне-Варяги отъ борьбы съ Нѣмцами и сами стали уже безсильны. Быть можетъ это была дань старая, установленная еще по случаю призванія князей. Устроившись такимъ образомъ съ Сѣверомъ, Олегъ началъ воевать съ сосѣдями Кіева, отъ которыхъ Поляне съ давнихъ лѣтъ терпѣли тѣсноту и обиды. Въ первое лѣто Олегъ примучилъ Древлянъ, обложивъ ихъ данью по черной кунѣ (отъ дыма или хозяйства). На второе побѣдилъ Сѣверянъ и возложилъ на нихъ дань легкую, дабы не платили Хозарамъ. „Я, Хозарамъ недругъ, а вамъ, промолвилъ побѣдитель, чего еще (желать)—дань легкая!“ На третье лѣто Олегъ спросилъ Радимичей: „Кому дань даете?“ тѣ отвѣчали: „Хозарамъ“. „Не давайте Хозарамъ, но мнѣ давайте“, порѣшилъ Олегъ. Радимичи стали платить по щлягу, какъ платили Хозарамъ.

Такимъ образомъ Олегово владѣнье или первоначальное Русское владѣнье простиралось отъ Новгорода до Кіева и обнимало больше всего восточную сторону греческаго пути по Днѣпру; на западѣ были покорены только сосѣди Кіева, Древляне. О Дреговичахъ, жившихъ между Припетью и Двиною, лѣтопись не говоритъ ни слова. По ея показанію, тамъ въ Туровѣ, и у западныхъ Кривичей, въ Полоцкѣ, жили особые Варяги, повидимому независимые отъ Олега. Точно также независимыми оставались Уличи, на Нижнемъ Днѣпрѣ, и Тиверцы на нижнемъ Днѣстрѣ. Съ тѣми и другими Олегъ держалъ рать, т. е. воевалъ, добиваясь вѣроятно сво-

боднаго и чистаго пути въ Царьградъ по Днѣпру и по самому морю.

По разсказу Фотія, всѣ эти дѣла, т. е., покореніе Кіеву окрестной страны, должны были случиться еще до 866 года. Очевидно, что лѣтопись, помня существенныя обстоятельства своей старины, приписываетъ времени Олега всѣ дѣянія, какія случились при Аскольдѣ, или вообще при поколѣніи, отъ котораго происходилъ самъ Олегъ. Видимо, что вся слава того поколѣнія, какъ и слава Аскольда, скрылась въ имени одного Олега. Онъ дѣйствительно могъ воспользоваться съ особою мудростію всѣми подвигами своихъ отцовъ и, идя по ихъ направленію, совершилъ свой собственный подвигъ, переселилъ Новгородъ въ Кіевъ, т. е., связалъ оба конца греческаго пути въ одинъ узелъ, установилъ порядокъ въ даняхъ, установилъ правило и порядокъ въ сношеніяхъ съ Греками.

ГЛАВА III.

УСТРОЙСТВО СНОШЕНІЙ СЪ ГРЕКАМИ.

Славный походъ Олега на Царьградъ. Договоры съ Греками. Черты общественнаго и политическаго быта первой Руси. Заслуги Олега.—Дѣла Игоря. Очищеніе Запорожья и Каспійскіе походы. Печенѣги. Злосчастный походъ Игоря на Царьградъ. Новый походъ и договоръ съ Греками. Новый Каспійскій походъ. Погибель Игоря у Древлянъ.

Наша лѣтопись разсказываетъ о большомъ и славномъ походѣ Олега на Царьградъ, о которомъ Византійскія хроники вовсе не упоминаютъ, не даютъ даже и намека о чемъ либо похожемъ на такое предпріятіе со стороны Руси. Былъ, или нѣтъ такой походъ, это лучше всего раскроетъ разсказъ самой лѣтописи.

Въ 25 лѣто своего княженья, собравши множество Варяговъ, Славянъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулебовъ (Волынянъ), Тиверцевъ, собравши все, что прозывалось у Грековъ Великою Скиѳіею, прибавляетъ лѣтопись, Олегъ пошелъ на Царьградъ въ корабляхъ и на коняхъ. Кораблей числомъ было 2,000 въ каждомъ по 40 человѣкъ, всего 80 тысячъ; да по берегу шла конница.

Эти цыфры велики, но не совсѣмъ баснословны, если мы ихъ сравнимъ съ древнѣйшими цыфрами подобныхъ же походовъ. Великій Митридатъ на войну противъ Римлянъ собралъ въ той же Великой Скиѳіи 190 т. пѣхоты и 16 т. конныхъ. Историкъ Зосимъ разсказываетъ, что въ половинѣ 3 вѣка Скиѳы въ окрестностяхъ Днѣстра собрали 6,000 кораблей и посадили въ нихъ 320 тысячъ войска для набѣ-

га на тѣже Византійскія страны, принадлежавшія тогда Римлянамъ.

Вотъ что разсказывали Кіевляне о походѣ Олега спустя лѣтъ полтораста: Онъ подошелъ къ самому Царюграду; Греки затворили городъ желѣзными цѣпями, заперли и городскую пазуху или гавань. Олегъ вылѣзъ на берегъ, повелѣлъ и корабли выволочить на берегъ, и сталъ воевать около города. Многія палаты разбилъ, многія церкви пожегъ, многое убійство сотворилъ Грекамъ, однихъ посѣкалъ, другихъ мучилъ, иныхъ разстрѣливалъ, иныхъ въ море кидалъ, и всякое злодѣйство Русь творила Грекамъ, какъ обыкновенно бываетъ на войнѣ. Выволокши на берегъ корабли, Олегъ велѣлъ поставить ихъ на колеса. Вѣтеръ былъ попутный, съ поля. Подняли паруса и по суху, какъ по морю, поѣхали на корабляхъ, какъ на возахъ, подъ самый городъ. Увидѣвши такую бѣду Греки перепугались и выслали къ Олегу съ покорнымъ словомъ: „не погубляй городъ; дадимъ тебѣ дань, какъ ты пожелаешь." Олегъ остановилъ походъ. Греки по обычаю вынесли ему угощеніе, ѣствы и вино; но мудрый вождь не принялъ угощенья, ибо зналъ, что оно непремѣнно устроено съ отравою. Съ ужасомъ Греки воскликнули: „это не Олегъ, это самъ Св. Димитрій, посланный на насъ отъ Бога!" [80] И заповѣдалъ Олегъ взять съ Грековъ дань на 2,000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ кораблѣ по 40 человѣкъ. Греки соглашались на все и просили только мира. Отступивъ немного отъ города, Олегъ послалъ къ царямъ пословъ творить миръ. Утвердилъ сказанную дань по 12 гривенъ на ключь (на уключину, на каждое весло) и потомъ уставилъ давать уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, также на Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ, и на прочіе города, гдѣ сидѣли князья подъ рукою Олега.

Брать дань было дѣломъ обычнымъ у каждаго побѣдителя и Олегъ не затѣмъ поднимался въ походъ. Главное, что сказали его послы Грекамъ, заключалось въ слѣдующемъ:

„Да приходятъ Русь—послы въ Царьградъ и берутъ посольское (хлѣбное, столовый запасъ) сколько хотятъ; а придутъ которые гости (купцы), пусть берутъ мѣсячину на полгода: хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творятъ имъ мовь (баню) сколько хотятъ. А пойдутъ Русь домой,

пусть берутъ у вашего царя на дорогу брашно (съѣстной запасъ), якори, канаты, паруса, сколько надобно".

Чего же такъ страшились Греки, и чего требуетъ грозный побѣдитель, эта варварская, свирѣпая, кровожадная Русь, какъ обыкновенно называли ее Греки; эта норманская разбойная Русь, какъ ее описывали историки? Она больше ничего не требуетъ, какъ только одного, чтобы въ Царьградѣ принимали ее, какъ добраго гостя. Она проситъ права приходить въ городъ, проситъ при этомъ хорошаго угощенья и именно для купцовъ—гостей по крайней мѣрѣ на цѣлые полгода; проситъ, чтобъ вдоволь можно было париться въ банѣ, ибо для добраго и далекаго гостя это было первое угощенье; наконецъ, проситъ, чтобы, какъ пойдетъ домой, ее отпускали, какъ всякаго добраго гостя, давали бы съѣстное и все, что надобно заѣзжему человѣку на дальній путь. Значитъ, все существенное заключалось только въ томъ, что Русь желала проживать въ Царьградѣ со всѣми правами добраго гостя, какъ понимала эти права по Русскому обычаю. Народныя преданія, хотя и украшаютъ событія небывалыми обстоятельствами, расписываютъ ихъ небывалыми красками, но всегда очень вѣрно изображаютъ основную ихъ идею, такъ сказать, ихъ существо. Такова вообще работа народнаго поэтическаго творчества.

Какъ ни кажутся просты и невинны Русскія желанія въ договорѣ Олега, но исполненіе ихъ для Грековъ повидимому не совсѣмъ было легко. Нѣтъ сомнѣнія, что Русь ходила въ Царьградъ и проживала тамъ съ незапамятныхъ временъ; но тогда она являлась простымъ странникомъ, такъ сказать, простымъ рабочимъ, ищущимъ работы, и по необходимости должна была испытывать въ городѣ всякую тѣсноту. Какъ странникъ, случайно попавшій на это всемірное торжище, она должна была нищенствовать, смотрѣть изъ рукъ каждаго Грека, кланяться, принижаться, или же добывать себѣ даже необходимыя вещи насиліемъ, воровствомъ, разбоемъ, что̀ было опасно и рѣдко сходило съ рукъ. О свободной куплѣ и продажѣ и помышлять было нечего. У грековъ существовало множество зацѣпокъ и прижимокъ для каждаго иностранца и особенно для Скиѳовъ—варваровъ, которыхъ они боялись, какъ огня, и вѣроятно съ

немалымъ трудомъ позволяли имъ не только входить въ городъ, но даже и приближаться къ его воротамъ.

Какъ принимали Греки иностранцевъ и особенно людей сомнительныхъ и подозрительныхъ, даже пословъ отъ сильныхъ государей, пусть объ этомъ разскажетъ самъ испытавшій такой пріемъ, посолъ отъ Германскаго императора Оттона Великаго, Кремонскій епископъ Ліутпрандъ, почти современникъ Олега, ѣздившій въ Константинополь въ 946 и 968 годахъ. Въ этотъ послѣдній годъ онъ пріѣзжалъ съ предложеніемъ мира и съ просьбою выдать падчерицу Греческаго царя, Ѳеоѳану, въ супруги молодому Оттону II, и вотъ что разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Царьградѣ.

„Іюня 1-го мы, прибывъ передъ Константинополь, принуждены были стоять нѣсколько часовъ на сильномъ дождѣ, какъ будто для того, чтобы запачкать и измять платье.... Наконецъ насъ впустили; ввели въ большое зданіе, которое хотя выстроено было изъ мрамора, но находилось въ такомъ худомъ состояніи, что вовсе не предохраняло насъ отъ дождя, зноя и холода. Въ немъ не было даже никакого колодца и мы ни разу не могли достать себѣ за деньги сноснаго питья, а принуждены были утолять жажду соленою водою; вина же въ Константинополѣ невозможно пить, ибо въ него обыкновенно примѣшиваютъ гипсъ и смолу. Мы не получили ни подушекъ, ни сѣна, ни соломы; твердый мраморъ служилъ намъ постелью, камень изголовьемъ. Съ нами обращались, какъ съ плѣнными, чрезвычайно сурово и недопускали насъ ни до какихъ сношеній съ посторонними. Притомъ, человѣкъ, который снабжалъ насъ ежедневными потребностями, былъ такой жестокосердый и такой ненавистный обманщикъ, что въ четырехъ-мѣсячное пребываніе наше въ Константинополѣ не проходило ни одного дня безъ того, чтобы онъ не заставилъ насъ тяжело вздыхать и проливать слезы“ [81]. Это было гостепріимство для большаго посланника. Положимъ, что такой непріязненный пріемъ былъ изготовленъ и по политическимъ или дипломатическимъ цѣлямъ, но во всякомъ случаѣ онъ уже даетъ ясное понятіе, какъ Греки могли обращаться съ простыми Скиѳами—варварами.

Когда Русь платила дань Хозарамъ и была въ ихъ подданствѣ, тогда, конечно, всякія сношенія съ Греками и тор-

говыя дѣла происходили подъ покровительствомъ тѣхъ же Хозаръ и самые Кіевляне могли являться въ Царьградъ тоже подъ именемъ Хозаръ. Извѣстно, что вся наша днѣпровская Украйна вмѣстѣ съ Крымомъ долгое время прозывалась Хозаріею. Освободившись отъ Хозарскаго владычества, Русь стала совсѣмъ чужою и въ Царьградѣ, и должна была пробивать себѣ туда дорогу, дѣйствуя уже отъ своего Русскаго лица. Вотъ объясненіе Аскольдова похода въ 865 г., который необходимо завершился мирнымъ и писанымъ договоромъ съ Греками. Олегъ по всему вѣроятію только подтвердилъ и быть можетъ распространилъ этотъ договоръ, и въ этомъ его истинная заслуга.

Греки согласились на мирныя и невинныя требованія Руси. Но они поставили и свои условія. Цари, посудивши съ боярствомъ, рѣшили: „Пусть приходитъ Русь въ Царьградъ; но если придутъ безъ купли, то мѣсячины не получаютъ. Да запретитъ князь своимъ словомъ, чтобы приходящая Русь не творила пакости въ нашихъ селахъ. Когда приходитъ Русь, пусть живетъ за городомъ, у св. Мамонта. Тамъ напишутъ ихъ имена и по той росписи они будутъ получать свое мѣсячное, первое отъ Кіева, также изъ Чернигова, Переяславля и прочіе города. Въ Царьградъ Русь входитъ только въ одни ворота, съ царевымъ мужемъ, безъ оружія, не больше 50 человѣкъ. И пусть творятъ куплю, какъ имъ надобно, не платя пошлинъ ни въ чемъ". Цари утвердили миръ и цѣловали крестъ, а Олегъ и его мужи, по русскому закону, клялись своимъ оружіемъ, своимъ богомъ Перуномъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ.

Корабли Олега наполнились всякимъ греческимъ товаромъ. Шелковыхъ и другихъ тканей такъ было много, что на возвратномъ пути Олегъ велѣлъ Руси сшить парусы паволочитые (шелковые), а Славянамъ кропійные (ситцевые, бумажные). Какъ подняли эти парусы, случилась бѣда: у Славянъ кропинные разорвалъ вѣтеръ, и сказали Славяне: „останемся при своихъ толстинахъ, не пригодны Славянамъ парусы кропинные".

Отходя отъ Царь-города, Руссы повѣсили на воротахъ свои щиты, показуя побѣду. Пришелъ Олегъ къ Кіеву, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, всякій товаръ, который былъ рѣдокъ и дорогъ въ Русской

сторонѣ. „И люди прозвали Олега вѣщій. Были тѣ люди язычники и невѣжды“, замѣчаетъ лѣтопись.

Такъ повѣствовали въ Кіевѣ о давнихъ дѣлахъ Олега. Ясно, что это была похвальба народныхъ пѣсенъ-былинъ, которыя быть можетъ воспѣвались на веселыхъ пирахъ у князей и дружины, и которыя потомъ въ существенныхъ чертахъ занесены въ лѣтопись, какъ преданія любезной старины. Впрочемъ главнѣйшимъ источникомъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ походѣ, какъ видно, послужили самыя хартіи договоровъ съ Греками, изъ которыхъ одну лѣтописецъ сокращаетъ, а другую приводитъ цѣликомъ. Обычное дѣло въ древней Руси, договоръ, рядъ, миръ, въ смыслѣ точнаго опредѣленія отношеній, устроивался почти всегда послѣ распри и очень часто послѣ военнаго похода. Вообще договоръ являлся окончаніемъ несогласія, ссоры. Люди утверждали миръ и любовь, значитъ и то и другое было ими же нарушено; а утвердить выгодный миръ по общимъ понятіямъ древности, иначе было невозможно, какъ послѣ войны и непремѣнно побѣдоносной. Поэтому поздній лѣтописецъ, прочитавъ Олеговы хартіи, и вовсе не зная былъ ли при этомъ случаѣ какой военный походъ, очень основательно заключалъ, что такой походъ неизмѣнно былъ. Объ этомъ несомнѣнно говорило и преданіе, которое, зная только общій смыслъ всѣхъ дѣлъ Олеговыхъ, точно также не могло иначе мыслить, по поводу его успѣховъ, какъ въ томъ направленіи, что они были добыты по преимуществу военнымъ подвигомъ. И до сей поры въ международныхъ отношеніяхъ никакіе успѣхи не достигаются безъ войны. Славный болгарскій царь Симеонъ, современникъ Олега, собираясь въ походъ на Грековъ и слушая ихъ увѣщанія о мирѣ говорилъ имъ: „Безъ кровопролитія нельзя получить того, чего хочешь, значитъ, достигнуть желаемаго можно только войною“ [82]. И особенно это прилагалось къ надменнымъ Грекамъ, почитавшимъ всякаго варвара за ничтожество до тѣхъ поръ, пока этотъ варваръ не наносилъ имъ крѣпкаго удара. Припомнимъ безъуспѣшные переговоры сыновей Аттилы о свободѣ торга (ч. 1. 360). Русь въ Олеговыхъ договорахъ въ полной мѣрѣ достигла желаемаго. Вотъ не малое доказательство, что походъ былъ. Вѣроятно Греки устрашились и пошли на миръ прежде, чѣмъ Олегъ могъ подсту-

пить къ Царьграду. Гроза собиралась, но прошла стороною. Походъ былъ въ сборѣ, но окончился миромъ, а это самое, при достигнутыхъ выгодахъ безъ войны, должно было еще больше возвысить славу вѣщаго Олега. Если люди съ давнихъ временъ по опыту знали, что у Грековъ ничего не добьешься безъ войны, и если Олегъ успѣлъ все устроить именно не вынимая меча, то развѣ не былъ онъ человѣкъ въ дѣйствительности геніальный, вѣщій, въ простомъ смыслѣ колдунъ. Самое ополченіе Русской страны отъ Бѣлаозера и Финскаго залива до горъ Карпатскихъ и Чернаго моря вполнѣ объясняетъ всеобщую значительность Греческаго договора, котораго повидимому желала, и въ которомъ нуждалась вся Земля, почему вся она и поднялась для устройства такого великаго дѣла. Здѣсь же скрываются и тѣ причины или поводы, почему народное преданіе разукрасило славный подвигъ славными чертами. Оно изобразило славный походъ въ томъ размѣрѣ и по тому облику, какой быть можетъ съ давнихъ временъ воспѣвался въ былинахъ, какъ желанный подвигъ борьбы съ Царемъ-градомъ, какъ богатырское дѣло, которое, хотя бы никогда и не случалось въ дѣйствительности, но всегда рисовалось воображенію предпріимчивыхъ богатырей. Въ разсказѣ лѣтописца нѣтъ ничего сказочнаго, вымышленнаго, сочиненнаго. Лодки на колесахъ перевозились по всѣмъ нашимъ волокамъ, причемъ въ помощь людямъ или лошадямъ въ извѣстныхъ случаяхъ могли быть употребляемы даже и паруса [83]. Затѣмъ остаются обстоятельства, рисующія только общій обликъ славнаго побѣдоноснаго похода и собранныя вѣроятно по памяти о такихъ походахъ въ давніе вѣка не однихъ Руссовъ, но вообще побѣдителей, ходившихъ на Царьградъ еще при Уннахъ и Аварахъ.

Были тѣ люди невѣжды и невѣрующіе въ истиннаго Бога, какъ говоритъ лѣтопись, но хорошо понимали значеніе Олеговыхъ дѣлъ и по своему языческому разумѣнію увѣковѣчили его имя прозваніемъ вѣщій, которое на наши понятія прямо означаетъ геній.

Короткій лѣтописный разсказъ о дѣлахъ Олега несомнѣнно скрываетъ отъ насъ многое, чѣмъ была особенно памятна народу эта великая личность и что вообще послужило поводомъ проименовать его вѣщимъ. Къ тому же, какъ мы

говорили, въ лицѣ Олега народная память могла сосредоточить и всю славу поколѣнія ему предшествовавшаго. Исторія видитъ въ этой личности перваго основателя Русской независимости, а слѣдовательно и свободы; перваго устроителя земскихъ отношеній, внутреннихъ, по уставамъ о даняхъ, и внѣшнихъ, по уставамъ связей на сѣверѣ съ Варягами, на югѣ съ Греками. О Хозарахъ, какъ и вообще о дѣлахъ съ прикаспійскимъ и приазовскимъ краями, лѣтопись не поминаетъ, но по ея же словамъ Олегъ былъ недругъ Хозарамъ и отнялъ у нихъ дани Радимичей и Сѣверянъ, обложивъ послѣднихъ легкою данью. Это освобожденіе отъ чужаго ига и облегченіе въ даняхъ должно было весь лѣвый берегъ Днѣпра окончательно привязать къ Кіеву. Другіе враги Кіева, Древляне, были укрощены и примучены къ тяжелой дани, но именно потому, что они были злодѣи Кіева. Олегъ, стало быть, главнымъ образомъ освобождалъ Кіевъ и работалъ для Кіева. Вотъ по какой причинѣ преданіе о Россѣ—освободителѣ, записанное Византійцами, ближе всего можетъ относиться къ Олегу. Самое это имя, Олегъ, по всѣмъ видимостямъ заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ освободителя, ибо его корень льгъ-кый, лег-кій, льгъ-чити, ольгъ-чити есть русскій корень, означающій, льг-оту, во-лг-оту, въ смыслѣ свободы, об-лег-ченія отъ тягостей жизни податной, покоренной; облегченіе отъ даней, отъ налоговъ, отъ работы.

Теперь намъ это имя кажется норманскимъ, такъ мы далеко ушли отъ русскаго корня нашихъ помысловъ, но въ древней Руси это имя повидимому носило въ себѣ живой смыслъ, было имя очень понятное. Оно объясняется напр. такими отмѣтками лѣтописей: „приде (въ 1225 г.) князь Михаилъ въ Новгородъ, сынъ Всеволожь, внукъ Олговъ, и бысть льгъко по волости Новугороду (въ другомъ спискѣ: по волости и по городу)“. Псковскій лѣтописецъ о временахъ царя Ѳедора Ив. говоритъ между прочимъ: „и дарова ему Богъ державу его мирно и тишину и благоденствіе и умноженіе плодовъ земныхъ и бысть лгота всей Русской землѣ, и не обрѣтеся ни разбойникъ, ни тать, ни грабитель, и бысть радость и веселіе по всей Русской землѣ“... Отъ того же корня происходитъ лга—лзя, легкость, свобода, по-лга, по-льза, вольга—вольные люди, вольница, и быть

можетъ Волга въ смыслѣ вольной, свободной рѣки, по которой можно было плавать, не такъ какъ по Днѣпру, не опасаясь ни какихъ порожистыхъ задержекъ и остановокъ.

Въ Новгородской области по писцовымъ книгамъ много мѣстъ носятъ такія названія: Лза, Лзя, Лзи, Лзена, Лзени, Волзе, Вольжа рѣка, Олзова гора и пр., и въ самомъ Новгородѣ былъ островъ Нелезинъ. Смыслъ этихъ именъ отчасти раскрывается въ лѣтописныхъ выраженіяхъ: „ни сѣна лзѣ добыти, не бяше льзѣ коня напоити". Отсюда образовалось извѣстное намъ нельзя или по древнему не-лга напр. „не-лга (не-льзѣ) вылѣзти".

Подобныя имена встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Припомнимъ Льговъ, городъ Курской губ., Льжу, рѣчку Псковской губ., впадающую въ рѣку Великую возлѣ города Острова. Льгово, Ольгово и Льговка—Рязанскія селенія; Льгина, Льгова, Льговка—Калужскія селенія и мн. др. На югѣ въ Волынской губ. рѣка Льза, текущая между Горынью и Припетью въ 25 верстахъ къ Ю.-З. отъ древняго Турова, въ одномъ мѣстѣ изворачиваетъ свой потокъ очень круто, именно около селенія Олгомли, что явно показываетъ, откуда, или по какому случаю и самое селеніе получило свое имя. Его окружаетъ съ трехъ сторонъ рѣка Льза, оттого оно и прозывается О-лг-омля.

Приставка О къ корню льгъ, Олегъ, даетъ этому имени тотъ же смыслъ, какъ и приставка въ словѣ о-свободитель, о-хранитель и въ безчисленномъ множествѣ другихъ подобныхъ словъ. Тоже должно сказать и объ имени О—лга, Ольга, которое образовалось отъ корня лга также самостоятельно, какъ и имя Олегъ отъ своего корня. Для первобытнаго общества уже одинъ порядокъ въ даняхъ, порядокъ въ сношеніяхъ съ сосѣдями, урядъ между Греческою землею и Русскою, составляли великое пріобрѣтеніе народной свободы и потому герой такихъ дѣлъ необходимо получалъ соотвѣтственное своимъ подвигамъ имя.

Важнѣйшимъ подвигомъ освободительныхъ дѣлъ Олега было конечно облегченіе сношеній съ Царемъ-градомъ, посредствомъ точнаго договора, и главнымъ образомъ, то простое, но по народнымъ понятіямъ и нуждамъ очень великое обстоятельство, что Русь, приходя въ Царьградъ и уходя оттуда, будетъ вполнѣ обезпечена всякимъ продовольстві-

емъ, получить въ этомъ случаѣ всякую вольготу. Мы видѣли, что еще походъ Аскольда заставилъ Грековъ заключить съ Русью мирный договоръ. Но съ того времени прошло 40 лѣтъ: сношенія развивались; несомнѣнно встрѣчались новые случаи, о которыхъ слѣдовало условиться по новому и, быть можетъ, именно вопросъ о продовольствіи составлялъ главнѣйшую заботу Руси. Къ тому же на Византійскомъ престолѣ царствовалъ другой царь и даже не одинъ, отъ которыхъ неизвѣстно, чего можно было ожидать. Сама собою возникала необходимость поновить ветхій миръ. Очень вѣроятно также, что Олегъ пользовался обстоятельствами, и въ то время, какъ весь Царьградъ исполненъ былъ смутъ по случаю незаконнаго четвертаго брака царя Леона, именно въ 907 г., Русскій князь съ угрозою войны постарался вырвать у Грековъ надобный договоръ.

На пятое лѣто послѣ этого перваго уговора, Олегъ снова послалъ къ Грекамъ пословъ „построить миръ и положить ряды". На этотъ разъ лѣтописецъ вноситъ въ свой временникъ всю договорную грамоту цѣликомъ. Но по всѣмъ видимостямъ и первый уговоръ былъ утвержденъ также на письмѣ, откуда лѣтописецъ и сдѣлалъ надобное извлеченіе. Еслибъ этотъ первый договоръ былъ только словеснымъ предварительнымъ соглашеніемъ для той цѣли, что подробности будутъ изложены послѣ, то непонятно зачѣмъ было ждать этихъ подробностей почти цѣлыхъ пять лѣтъ. Несомнѣнно, что оба договора были самостоятельны и одинъ вовсе не служилъ предисловіемъ для другаго и даже не вошелъ въ его составъ.

Новый договоръ былъ устроенъ, вѣроятнѣе всего, по случаю новой перемѣны на византійскомъ престолѣ, гдѣ въ тотъ самый годъ вступилъ на царство Константинъ Багрянородный, еще семилѣтній малютка. Въ такихъ случаяхъ всегда подтверждались старые или устроивались новые ряды и договоры.

Четырнадцать пословъ [84], въ числѣ которыхъ находились и пятеро, устроившихъ первый договоръ, говорили царямъ, что они посланы отъ Олга, великаго князя Русскаго, и отъ всѣхъ подъ его рукою свѣтлыхъ бояръ; отъ всѣхъ изъ

Руси, живущихъ подъ рукою великаго князя; посланы укрѣпить, удостовѣрить и утвердить отъ многихъ лѣтъ бывшую любовь между Греками и Русью; что Русь больше другихъ желаетъ побожески сохранить и укрѣпить такую любовь, не только правымъ словомъ, но писаніемъ и клятвою твердою, поклявшись своимъ оружіемъ; желаетъ удостовѣрить и утвердить эту любовь по вѣрѣ и по закону Русскому.

„Первое слово, сказали послы, да умиримся съ вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ всей души и изволенья, и сколько будетъ нашей воли, не допустимъ случая, чтобы кто изъ живущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ князей учинилъ какое зло или какую вину; но всѣми силами постараемся не превратно и не постыдно во всякое время, во вѣки сохранить любовь съ вами, Греки, утвержденную съ клятвою нашимъ словомъ и написаніемъ. Такъ и вы, Греки, храните таковую же любовь, непоколебимую и непреложную, во всякое время, во всѣ лѣта, къ князьямъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и ко всѣмъ, кто живетъ подъ рукою нашего свѣтлаго князя“.

„Введеніе, слишкомъ похожее на новѣйшее, не возбудитъ ли сомнѣнія о подлинности сего древняго акта?“ замѣчаетъ Шлецеръ, и въ слѣдъ затѣмъ говоритъ, что не видитъ въ актѣ „ни одной настоящей поддѣлки“. Составивъ себѣ понятіе о древнихъ Руссахъ, какъ о краснокожихъ дикаряхъ, славный критикъ, конечно, недоумѣвалъ, встрѣтивши документъ этихъ дикарей, по существу дѣла, весьма мало отличающійся отъ современныхъ намъ подобныхъ же документовъ.

Первый рядъ-уговоръ послы положили о головахъ. Въ русскихъ сношеніяхъ съ Царьградомъ это было первое дѣло, изъ за котораго, какъ знаемъ, поднимался походъ и въ 865 году. Греки смотрѣли на варваровъ съ высоты доставшагося имъ по наслѣдству Римскаго величія и высокомѣрія, и дозволяли себѣ не только притѣсненія, но и обиды, даже уголовныя. Русскіе по всѣмъ видимостямъ не выносили никакихъ обидъ и насилій. Чувство мести, первобытный законъ мести, строго охраняли ихъ варварское достоинство и конечно всѣ неудовольствія и ссоры происходили больше всего отъ столкновеній этихъ греческихъ и русскихъ понятій о собственномъ достоинствѣ. Кромѣ того, при разбира-

тельствѣ подобныхъ дѣлъ, сталкивались обычаи и законы русскіе и греческіе, возникали безконечные споры и препирательства. Греческій законъ былъ законъ писаный, извѣстный, утвержденный. Русскій законъ былъ неписаный, простословесный, неизвѣстный, т. е. законъ крѣпкаго обычая, въ которомъ Греки всегда могли и видѣть и находить только дѣйствія личнаго произвола. Для Грековъ это былъ законъ неутвержденный; Русскіе обычаи имъ не были извѣстны. Дабы устранить всякія недоразумѣнія и споры по этому поводу, было необходимо обнародовать особый уставъ, согласовать Русскій законъ съ Греческимъ и такимъ образомъ устроить любовь, т. е. добрыя отношенія между Греками и Русью. Естественно, что такой уставъ долженъ быть написанъ и отданъ той и другой сторонѣ для руководства; естественно, что онъ долженъ былъ въ написанныхъ же копіяхъ сохраняться и у всѣхъ Русскихъ людей, ходившихъ съ торгомъ въ Грецію. Вотъ причина, почему онъ попалъ въ лѣтопись. Вообще можно сказать, что договоръ Олега является своего рода „Русскою правдою", Русскимъ закономъ для устройства и обезпеченія Русской жизни въ Царьградѣ и во всей греческой странѣ. Онъ и начинается общею статьею о судебныхъ свидѣтельствахъ и уликахъ.

„А о головахъ, если случится такая бѣда, говорили послы, урядимся такъ: Если преступленіе будетъ обнаружено уликами явными, несомнѣнными, то надлежитъ имѣть вѣру къ такимъ уликамъ; а чему не дадутъ вѣры, пусть ищущая сторона клянется въ томъ, чему не даетъ вѣры, и когда клянется кто по вѣрѣ своей ложно, то будетъ наказанье, если окажется такой грѣхъ.

„Если кто убьетъ, Русинъ христіанина или Христіанинъ Русина, да умретъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ сотворилъ убійство.

„Если убѣжитъ убійца и будетъ имовитъ (достаточенъ), то его имѣніе, какое принадлежитъ ему по закону, да возьметъ ближній убіеннаго; но и жена убившаго возьметъ свое, что слѣдуетъ по закону.

„Убѣжитъ убійца неимущій, то тяжба продолжается, доколѣ его найдутъ, дабы казнить смертью.

„Если кто кого ударитъ мечемъ, или бьетъ какимъ орудіемъ, за то удареніе или побои пусть отдастъ 5 литръ серебра, по закону Русскому. Если такъ сотворитъ неимущій

да отдастъ, сколько имѣетъ; пусть сниметъ съ себя и ту самую одежду, въ которой ходитъ; а затѣмъ да клянется по своей вѣрѣ, что нѣтъ у него ничего, и никто ему помочь не можетъ, тогда тяжба оканчивается, взысканіе прекращается.

„Если украдетъ что Русинъ у Христіанина, или Христіанинъ у Русина и будетъ пойманъ въ тотъ часъ и, сопротивляясь, будетъ убитъ, да не взыщется его смерть ни отъ Христіанъ, ни отъ Руси, а хозяинъ возьметъ свое покраденое. Если воръ отдастся въ руки безпрекословно и возвратитъ покраденое, пусть за воровство заплатитъ втрое противъ покраденаго.

„Если кто творятъ обыскъ (покраденаго) съ мученіемъ и явнымъ насиліемъ, или возьметъ что либо, вмѣсто своего, чужое,—да возвратитъ втрое.

„Если греческая ладья будетъ выброшена вѣтромъ великимъ на чужую землю и случится тамъ кто изъ насъ, Русскихъ, то мы, Русскіе, охранимъ ту ладью и съ грузомъ, отправимъ ее въ землю Христіанскую; проводимъ ладью сквозь всякое страшное мѣсто, пока не придетъ въ мѣсто безопасное. Если такая ладья, или отъ бури, или отъ противнаго вѣтра (бороненія) не сможетъ идти въ свои мѣста сама собою, то мы, Русскіе, потрудимся съ гребцами той ладьи и допровадимъ съ товаромъ ихъ по здорову въ свое мѣсто, если то случится близь Греческой земли. Если такая бѣда приключится ладьѣ близь земли Русской, то проводимъ ее въ Русскую землю. И пусть продаютъ товаръ той ладьи, и если чего не могутъ продать, то мы, Русь, отвеземъ имъ, когда пойдемъ въ Грецію, или съ куплею, или посольствомъ; отпустимъ ихъ съ честью и непроданный товаръ ихъ ладьи.

„Если случится кому съ той ладьи быть въ ней убиту, или потерпѣть побои отъ насъ, Русскихъ, или возьмутъ Русскіе что либо, да будутъ повинны наказаніямъ, положеннымъ прежде.

„Что касается плѣнныхъ, то на Руси имъ уставлена торговая и выкупная цѣна 20 золотыхъ. Плѣнныхъ на обѣ стороны, или отъ Руси, или отъ Грековъ, должно продавать въ свою страну. Проданный въ чужую страну, возвращается въ свою съ возвратомъ купившему той цѣны, за какую былъ проданъ, если далъ и больше установленной цѣны челядина. Такимъ же образомъ, если на войнѣ будетъ взятъ кто изъ

Грековъ, да возвратится въ свою страну со взносомъ его выкупной цѣны.

„Когда потребуется вамъ, Грекамъ, на войну идти и будете собирать войско, а наши Русскіе захотятъ изъ почести служить царю вашему, въ какое время сколько бы ихъ къ вамъ не пришло, пусть остаются у царя вашего по своей волѣ.

„Если русскій челядинъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или насильно будетъ проданъ, и начнутъ Русскіе жаловаться и подтвердитъ это самъ челядинъ, тогда да возьмутъ его въ Русь. Равно, если жалуются и гости, потерявшіе челядина, да ищутъ его, отыскавши, да возьмутъ его. Если кто, мѣстный житель, въ этомъ случаѣ не дастъ сдѣлать обыска, тотъ потерялъ правду свою (отдастъ цѣну челядина?).

„Кто изъ Русскихъ работаетъ въ Греціи у Христіанскаго царя и умретъ, не урядивши своего имѣнья (не сдѣлавъ завѣщанія), или изъ своихъ никого при немъ не будетъ, да возвратится то имѣнье его наслѣдникамъ въ Русь. Если сдѣлаетъ завѣщаніе, то кому писалъ наслѣдство, тотъ его и наслѣдуетъ.

„Кто изъ ходящихъ въ Грецію, торгуя на Руси, задолжаетъ, и укрываясь, злодѣй, не воротится въ Русь, то Русь жалуется Христіанскому царству и таковый да будетъ взятъ и возвращенъ въ Русь, еслибы и не хотѣлъ [85]. Это же все да творитъ Русь Грекамъ, если гдѣ таковое случится".

Въ утвержденіе и неподвижность мира договоръ былъ написанъ на двухъ хартіяхъ и подписанъ царемъ греческимъ и своею рукою пословъ, причемъ Русь клялась, какъ Божье созданье, по закону и по покону своего народа, не отступать отъ установленныхъ главъ мира и любви.

Царь Леонъ почтилъ Русскихъ пословъ дарами: золотомъ, паволоками, фофудьями, и велѣлъ показать имъ городъ—„церковную красоту, палаты золотыя, и въ нихъ всякое богатство, многое злато, паволоки и каменье драгое—и особенно Христіанскую святыню: Страсти Господни—вѣнецъ, гвоздье, и хламиду багряную, и мощи Святыхъ, поучая пословъ къ своей вѣрѣ. И такъ отпустилъ ихъ въ свою землю съ честію великою".

„Если договоръ этотъ былъ дѣйствительно, говоритъ Шлецеръ, очень сомнѣвавшійся въ его подлинности, то онъ составляетъ одну изъ величайшихъ достопамятностей всего

средняго вѣка, что-то единственное во всемъ историческомъ мірѣ. Ибо есть-ли у насъ хотя одинъ такой договоръ, такъ подробно написанный и слово въ слово изъ временъ около 912 года?"

Въ настоящее время уже никому не приходитъ въ голову наводить сомнѣніе на подлинность этого единственнаго во всемъ историческомъ мірѣ памятника. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше раскрываетъ свою достовѣрность и свое, такъ сказать, материковое значеніе для познанія древней Русской Исторіи. Не смотря на то, что и до сихъ поръ эта хартія вполнѣ ясно и съ точностію никѣмъ не прочтена, все-таки ея языкъ служитъ первымъ основаніемъ ея достовѣрности. Это языкъ перевода и притомъ русскаго, а не болгарскаго перевода [86], языкъ приспособлявшій себя къ извѣстному, уже не устному, а грамотному, или собственно книжному изложенію, слѣдовательно боровшійся съ извѣстными формами рѣчи и потому оставившій въ себѣ несомнительные слѣды этой борьбы, то-есть крайнюю темноту и видимую нескладицу нѣкоторыхъ выраженій. Можно надѣяться, что общими усиліями ученыхъ эта первая русская хартія со временемъ будетъ прочтена вполнѣ точно и ясно во всѣхъ подробностяхъ.

Впрочемъ для Исторіи очень многое ясно и теперь, по крайней мѣрѣ въ общемъ и существенномъ смыслѣ, который, сколько было нашего умѣнья, мы и старались удержать въ своемъ переложеніи этого памятника.

Очень справедливо заключаютъ, что этотъ несомнѣнный документъ служитъ изобразителемъ умственнаго, нравственнаго и общественнаго состоянія древней Руси. Еще Шлецеръ говорилъ, что „критика дѣлъ на каждую статью договора была бы пріятною работою". Къ сожалѣнію онъ отложилъ эту критику до времени, пока будетъ очищенъ текстъ. А это обстоятельство и было главною причиною, почему мы и до сихъ поръ ведемъ препирательства больше всего только о буквахъ и словахъ. Это же обстоятельство вообще показываетъ, какъ безплодно вести историческія работы, задаваясь какою-либо одностороннею задачею, и не осматривая существа Исторіи во всей его совокупности, по всѣмъ сторонамъ и во всѣхъ направленіяхъ. Вѣдь каждый древній памятникъ, хотя бы лоскутокъ древней хар-

тіи, есть отрывокъ нѣкогда цѣльной жизни. Ограничиваясь критикою словъ и буквъ и не обращая въ тоже время вниманія на критику дѣлъ, невозможно читать и объяснять правильно и самыя слова. И вотъ почему историкъ и доселѣ все-таки не можетъ представить достойной страницы, дабы раскрыть вполнѣ значеніе этого безцѣннаго Русскаго памятника.

Что наговорилъ Шлецеръ и вообще норманисты о великой дикости, грубости, о варварствѣ и разбойничествѣ Русскихъ 9 и 10 вѣковъ, все это, точка за точкою, опровергается тѣмъ же несомнѣннымъ документомъ, современнымъ, оффиціальнымъ документомъ. Хартія вопервыхъ свидѣтельствуетъ, что Руссы, хотя бы и немногіе, уже въ 911 году знали „грамотѣ и писать". Они о томъ и хлопочутъ у Грековъ, чтобы имъ дано было письменное утвержденіе мира или установленнаго ими закона для обоюдныхъ сношеній съ Греками, которое они и скрѣпляютъ написаніемъ своею рукою. Можетъ быть это написанье исполнилъ одинъ изъ пословъ въ качествѣ дьяка или какъ бы статсъ-секретаря. Этимъ дьякомъ повидимому былъ посолъ Стемидъ или Стемиръ, который послѣднимъ является въ обоихъ посольствахъ, и въ числѣ пяти пословъ и въ числѣ четырнадцати. Дьяки-секретари, какъ извѣстно, всегда занимали послѣднее мѣсто между послами. Кромѣ того хартія указываетъ, что Руссы писали духовныя завѣщанія.

Предлагаемый миръ Руссы понимали не иначе, какъ въ образѣ искренней любви „отъ всей души и изволенья". Слово любовь для нихъ яснѣе и точнѣе выражало дѣло, чѣмъ слово миръ (первое употреблено въ договорѣ 7 разъ, второе 4); поэтому, начиная договоръ, они, какъ замѣтилъ Шлецеръ, говорятъ „не только кротко, но даже по христіански". Но въ сущности они говорили только по человѣчески, чистосердечно, искренно, движимые простымъ чувствомъ простой и еще дѣвственной природы своихъ нравовъ. Это чувство дѣйствующей, а не мертвой любви, называемой въ обыкновенныхъ договорахъ миромъ, Руссы подтверждаютъ дѣлами.

Изъ хартіи видно, что на Черномъ морѣ повсюду они были полными хозяевами, какъ у себя дома, поэтому они радушно предлагаютъ Грекамъ свои услуги въ несчастныхъ случаяхъ мореплаванія. Они являются истинными друзьями,

когда ладья потерпитъ крушеніе; они спасаютъ ее, провожаютъ до дому сквозь всякое страшное мѣсто, или въ бурю и при противномъ вѣтрѣ помогаютъ гребцамъ, доставляютъ ладью въ Грецію; или по близости къ Руси, отводятъ до времени въ Русскую землю, съ тѣмъ, чтобы и проданный товаръ съ нея и самую ладью при обычномъ своемъ походѣ въ Царьградъ возвратить во-свояси. И за все за это они не требуютъ никакой платы. Напротивъ за всякую обиду пловцамъ ладьи, или за взятое ихъ имущество, они ставятъ себя подъ отвѣтственность установленнаго наказанія. Читатель можетъ судить, насколько здѣсь обнаруживаются уже достаточно развитыя общественныя и международныя понятія, которыя, конечно, могли возродиться только въ землѣ, съ давнихъ вѣковъ промышлявшей не разбоемъ, а торгомъ и потому искавшей повсюду всякихъ льготъ и охранъ для водворенія дружескихъ миролюбивыхъ сношеній съ сосѣдями. Припомнимъ къ этому о господствѣ на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ такъ называемаго береговаго права, возникшаго, по всему вѣроятію, уже по истребленіи Нѣмцами Балтійскихъ Славянъ и во всякомъ случаѣ господствовавшаго по преимуществу только у Германскихъ народностей, еще въ 13 и даже въ 15 столѣтіи. По этому праву потерпѣвшій крушеніе и съ кораблемъ, и съ грузомъ поступалъ въ собственность владѣльца земли, у берега которой произошло несчастіе. Ясно, что подобнымъ промысломъ могли заниматься только люди, не имѣвшіе никакихъ побужденій жить въ крѣпкомъ союзѣ и съ сосѣдями и съ дальними странами. Что Балтійскіе Славяне, а за ними и Русскіе, не такъ смотрѣли на это дѣло, это отчасти видно изъ замѣтки Адама Бременскаго о Пруссахъ. Онъ говоритъ, что „Пруссы, жившіе при морѣ, подавали помощь мореходцамъ, претерпѣвавшимъ кораблекрушеніе и плавали по морю съ цѣлью защищать ихъ отъ разбойниковъ“. Это было въ половинѣ 11 вѣка, когда только еще разгаралась борьба Нѣмцевъ съ Вендами, а на Прусскомъ берегу, какъ мы уже знаемъ, существовалъ Руссъ въ своей Славоніи въ устьяхъ Нѣмона. Тѣже побужденія и потребности Руссъ заявляетъ и на Черномъ морѣ въ началѣ 10-го вѣка.

Относительно плѣнныхъ, эти Руссы, по договору Олега, учреждаютъ на обѣ стороны выкупъ; во избѣжаніе споровъ и

ссоръ, соглашаются и у себя установить обязательную, Греческую опредѣленную цѣну плѣнника, 20 золотыхъ [87]. Дозволеніе Руссамъ по своей волѣ оставаться въ Греціи въ военной службѣ указываетъ на новую услугу Грекамъ, которая несомнѣнно идетъ изъ давняго времени, по крайней мѣрѣ со временъ Аскольда, ибо въ 902 г., прежде этого договора, тамъ уже служатъ 700 Руссовъ [88]. Съ другой стороны это же обстоятельство открываетъ и ту степень свободы, какою пользовался Русскій у себя дома. „Да будутъ своею волею", говоритъ договоръ, объясняя тѣмъ, что свободному Русину была открыта дорога на всѣ стороны.

Законъ о наслѣдствѣ показываетъ, что въ Царьградѣ жили изъ Русскихъ не только простые работники, въ родѣ Фотіевыхъ молотильщиковъ и провевальщиковъ зерна, но и достаточные люди, объ имѣніи которыхъ стоило хлопотать и даже стоило установить по этому предмету законъ, не говоря о томъ, что такой законъ свидѣтельствуетъ также о крѣпкихъ правомѣрныхъ понятіяхъ относительно имущества вообще.

„Все это, замѣчаетъ Эверсъ по поводу этой статьи, свидѣтельствуетъ о неожиданномъ развитіи купеческой промышленности". Къ тому же кругу крѣпкаго состоянія этой промышленности относится и объясненный нами законъ о скрывающемся злодѣѣ-должникѣ. Неожиданное въ нѣмецкомъ воззрѣніи на древнюю Русь происходитъ отъ того пустаго мѣста, какое было разчищено для норманскихъ дѣяній самими же нѣмецкими учеными. Олеговъ договоръ лучше всего показываетъ, что онъ былъ только увѣнчаніемъ очень древняго равитія купеческой промышленности по всей странѣ и особенно между Балтійскимъ и Чернымъ морями.

Въ обѣихъ хартіяхъ Олега, говоритъ и пишетъ къ Грекамъ Русь. Она является главнымъ дѣятелемъ и устроителемъ договора. Она изъявляетъ и предлагаетъ миръ и любовь отъ всей души и всей воли, на всегдашнія лѣта. Ясно, что въ этой любви и мирѣ больше всего нуждается она, Русь, а не Греки. А какъ она разумѣетъ этотъ миръ и любовь, на это весьма обстоятельно отвѣчаетъ содержаніе договоровъ, которые вообще очень явственно рисуютъ стремленіе первоначальной Руси установить съ Греками добрый

и прочный порядокъ не въ военныхъ, а именно въ гражданскихъ, торговыхъ дѣлахъ.

Въ обѣихъ хартіяхъ Русь представляется какъ бы купцомъ, предлагающимъ свой товаръ, подъ видомъ различныхъ условій; Грекъ стоитъ, слушаетъ, разсматриваетъ и утверждаетъ сдѣлку своимъ согласіемъ исполнить сказанныя условія. Но и онъ выторговалъ себѣ необходимыя ограниченія для свободныхъ дѣйствій Руси, которыя вполнѣ и обличаютъ, какова была Русь съ другой, собственно военной стороны. Онъ потребовалъ, чтобы продовольствія не давать тѣмъ, кто ходитъ въ Царьградъ безъ купли-торговли, слѣдовательно было не мало и такихъ, которые назывались только купцами, но приходили въ Царьградъ съ иными цѣлями. Вотъ почему Греки требовали, чтобы Русь не творила безчинія въ Греческой землѣ, чтобы жила за городомъ, въ одномъ указанномъ мѣстѣ, да и то съ паспортами, и въ городъ за торгомъ ходила бы одними назначенными воротами, подъ охраною царскаго чиновника, безъ оружія, числомъ не больше 50 человѣкъ. Ясно что и купеческая Русь отличалась характеромъ мстителя, который не выносилъ и малѣйшаго оскорбленія и тотчасъ раздѣлывался съ обидчикомъ по русскому обычаю. Въ этомъ характерѣ Руси и заключался ея страшный, разбойный обликъ, который и до сихъ поръ выставляется какъ бы существеннымъ качествомъ ея древняго политическаго бытія. Что въ ея средѣ бывали озорники, воры, злодѣи, объ этомъ нечего и спорить; но именно договоръ Олега вполнѣ и обнаруживаетъ, какъ сама Русь смотрѣла на такихъ злодѣевъ и какъ она хлопочетъ объ уставѣ и законѣ, хорошо понимая, что злодѣйскія дѣла происходили больше всего отъ неправды самихъ же Грековъ.

Русь, судя по договору, имѣетъ весьма отчетливое понятіе о широтѣ и полнотѣ власти греческаго царя, котораго поэтому называетъ не только царемъ, но и великимъ самодержцемъ. Она такимъ образомъ хорошо знаетъ, въ чемъ заключается идея самодержавія, но она вовсе не вѣдаетъ этой идеи въ своемъ политическомъ устройствѣ. Хартіи Олега раскрываютъ, что политическое существо Руси заключалось въ городовомъ дружинномъ бытѣ, что Русская земля составляла союзъ независимыхъ между собою городовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кіевъ. Въ городахъ сидѣли свѣтлые

князья или свѣтлые бояре. Въ Кіевѣ сидѣлъ великій князь, старшій надъ всѣми остальными, у котораго остальные князья находились подъ рукою. Однако эти подручники повидимому были совсѣмъ независимы, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это объясняетъ очень простой титулъ, великаго, старѣйшаго—и только. Вотъ почему, миръ и договоръ съ Греками устроивается „по желанію всѣхъ князей" и въ добавокъ по повелѣнію отъ всей Руси. Послы идутъ отъ Великаго Князя и отъ всѣхъ свѣтлыхъ бояръ-князей, даютъ ручательство отъ всѣхъ князей, требуютъ и отъ Грековъ, чтобы хранили любовь къ князьямъ свѣтлымъ Русскимъ и ко всѣмъ живущимъ подъ рукою Великаго Князя. Такимъ образомъ съ Греками договаривается не одинъ Великій Князь, а вся община князей, все княжье. Князья же, какъ замѣтилъ и договоръ, сидѣли въ своихъ особыхъ городахъ. Отъ каждаго города въ Царьградъ хаживали свои особые послы и свои гости, которые особо по городамъ получали и мѣсячное содержаніе отъ Грековъ, а это, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ, что главнѣйшими дѣятелями въ этихъ сношеніяхъ были собственно города, а не князья, и что князь въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ значилъ тоже, что онъ значилъ въ послѣдствіи въ Новгородѣ. По этой причинѣ и самыя имена князей нисколько не были важны для установленія договора. Договоръ объ нихъ и не упоминаетъ.

Очень любопытно постановленіе Олега давать на русскіе городы уклады. Если такой уставъ вмѣстѣ съ данью на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка можно почитать эпическою похвальбою и прикрасою, то все-таки несомнѣнно, что эти уклады явились въ преданіи не съ вѣтра, а были отголоскомъ дѣйствительно существовавшихъ когда либо греческихъ же даней, распредѣляемыхъ именно по городамъ.

Укладъ въ отношеніи дани значитъ то, что уложено, положено, опредѣлено для постоянной уплаты. Это тоже, что и теперешній подушный окладъ подати или окладъ жалованья. Ежегодныя дани, дары, стипендіи, субсидіи еще Римъ давалъ Роксоланамъ, напр. при императорѣ Адріанѣ 117—138 г. Затѣмъ Унны получали съ Царяграда ежегодную дань сначала въ 350 литръ, а при Аттилѣ въ 750 и даже 2100. Въ шестомъ столѣтіи ежегодную дань получали Унны-Кот-

фигуры. Все это были жители нашей Днѣпровской стороны. Естественно также предполагать, что получаемая дань распредѣлялась между варварами въ мѣру участія разныхъ ихъ племенъ или земель въ общей помощи, въ общихъ походахъ. Несомнѣнно, что дѣлежъ былъ справедливый и каждый получалъ столько, сколько приносилъ своимъ мечемъ пользы общему дѣлу. Если очень многіе никакъ не желаютъ признавать въ Роксоланахъ и Уннахъ нашихъ Славянъ, то всѣ согласны по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ полкахъ Аттилы ходили между прочимъ и Славяне; а если они ходили, то стало-быть непремѣнно участвовали и въ дѣлежѣ ежегодныхъ укладовъ, а потому память, преданіе о такихъ укладахъ по землямъ, по городамъ, могла сохраняться на Руси еще съ Роксоланскихъ временъ и народная былина очень основательно могла присвоить эти уклады побѣдоносному Олегу.

Варвары античнаго и средняго вѣка, при нашествіяхъ на Римскія и Византійскія области, всегда собирали свои дружины отъ разныхъ концовъ своей дикой страны, всегда и вездѣ, въ Галліи, напр. при Цезарѣ, и въ Скиѳіи еще отъ времени Митридата, собирались въ походъ точно также какъ нашъ Олегъ, приглашая на общую добычу или для общей цѣли всѣхъ сосѣдей. Всѣ такъ называемыя полчища Аттилы, подобно полчищамъ Наполеона, состояли изъ множества разнородныхъ дружинъ, которыя по естественнымъ причинамъ должны были получать изъ завоеванныхъ ежегодныхъ даней свои уклады—оклады. Все это необходимо наводитъ на мысль, что Олеговы уклады могутъ служить драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ объ участіи нашихъ сѣверныхъ и Днѣпровскихъ племенъ въ войнахъ Роксоланъ, Готовъ, Унновъ, Аваровъ и т. д.; а уклады именно на города могутъ свидѣтельствовать и о существованіи у насъ городовъ отъ самыхъ древнихъ временъ.

По лѣтописи Олегъ называется вѣщимъ больше всего за мирный договоръ, за то что воротился въ Кіевъ, какъ купецъ, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, то-есть, за то, что доставилъ Кіеву полные способы свободно получать всѣ Греческіе товары. Оттого и народная память о немъ исполнена любви и благодарности. Она

въ лѣтописи отмѣтила, что онъ жилъ, имѣя миръ ко всѣмъ сторонамъ, и что о смерти его плакались по немъ всѣ люди плачемъ великимъ. Такъ народъ почиталъ необходимымъ поминать хорошаго князя. Эти люди провожали въ могилу не только освободителя и перваго строителя Русской Земли, но и перваго ея добраго хозяина, перваго ея великаго промышленника, выразившаго въ своемъ лицѣ, основныя черты общенародныхъ цѣлей и задачъ жизни.

По случаю смерти Олега, лѣтопись разсказываетъ легенду, что онъ умеръ отъ своего любимаго коня. Однажды, еще до Цареградскаго похода Олегъ спросилъ волхвовъ-кудесниковъ, отъ чего приключится ему смерть? Одинъ кудесникъ утвердилъ, что онъ умретъ отъ коня, на которомъ ѣздитъ и котораго больше всѣхъ любитъ. Олегъ повѣрилъ и удалилъ любимаго коня, повелѣвъ его беречь и кормить, но къ себѣ никогда не приводить. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Уже на пятый годъ послѣ славнаго похода онъ вспомнилъ о конѣ и спросилъ конюшаго, гдѣ любимый конь? „Давно умеръ„,—отвѣтилъ конюшій. Олегъ съ укоризною посмѣялся надъ кудесникомъ: „То-то волхвы, все неправду говорятъ, все ложь!—Конь умеръ, а я живъ!“ Онъ захотѣлъ взглянуть хотя на кости своего стараго друга. Велѣлъ осѣдлать коня и поѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали останки. Кости были голы и черепъ голый. Князь подошелъ къ костямъ, двинулъ ногою черепъ и посмѣявшись, примолвилъ: „Отъ сего ли черепа смерть мнѣ взять!“ Въ ту минуту изъ черепа взвилась змѣя и ужалила князя въ ногу. Съ того онъ разболѣлся и померъ.

Не во всемъ, но сходный разсказъ существуетъ и въ позднихъ исландскихъ сагахъ, куда онъ могъ попасть или изъ одного общаго источника съ нашимъ, или прямо изъ Руси, ибо основа его повидимому принадлежитъ еще античной, скиѳской древности и можетъ скрывать въ себѣ иносказаніе или миѳъ о погибели героя отъ любимаго, но коварнаго друга.

Кіевляне погребли Олега на горѣ Щековицѣ. И спустя двѣсти лѣтъ его могила оставалась памятною, потому что была насыпана курганомъ и обозначала какъ бы особое урочище подъ Кіевомъ [89].

Мы уже говорили о томъ, что имя Олега, какъ нерѣдко случается въ исторіи, могло покрыть собою и дѣянія Аскольда. Намъ кажется, что самый договоръ Олега носитъ въ себѣ слѣды того договора, какой могъ быть заключенъ еще при Аскольдѣ.

Первая статья о головахъ, о проказѣ убійства, прямо свидѣтельствуетъ, что поводъ начинать договоръ такою статьею существовалъ именно при Аскольдѣ и подробно изображенъ Фотіемъ (I, стр. 432). Мы увидимъ, что договоры вообще ставили на первомъ мѣстѣ именно тѣ обстоятельства, изъ за которыхъ возникшія затрудненія и ссоры приводили къ договорному соглашенію. Святославъ начинаетъ тѣмъ, что клянется никогда даже и не помышлять о походѣ на Грековъ; Игорь начинаетъ тѣмъ, что обѣщается давать Русскимъ посламъ и гостямъ грамоты съ обозначеніемъ, сколько именно Русскихъ кораблей идетъ въ Грецію. Эти обстоятельства прямо указываютъ конечныя цѣли или существенные поводы для соглашеній. Олегова же первая статья вполнѣ объясняется только разсказомъ Фотія о нагломъ убійствѣ Русскаго въ Царьградѣ. Могло случиться и при Олегѣ такое же событіе, но тѣмъ естественнѣе было повторить и при Олегѣ тѣ ряды, какими установленъ былъ миръ послѣ Аскольдова похода. Весь Олеговъ договоръ развиваетъ главнымъ образомъ уставы для обезпеченія и охраны личности, чего добивалась Русь и въ 865 году. Итакъ, намъ кажется, что основу для договорныхъ сношеній съ Греками впервые положилъ Аскольдъ, или его поколѣніе, и что Олегъ только еще больше утвердилъ и распространилъ положенное основаніе, и по всему вѣроятію безъ кровопролитія, чѣмъ и заслужилъ особую признательность народа. Такимъ образомъ, уже поколѣніе Аскольда своими дѣяніями довольно явственно обозначило зарожденіе Руси въ смыслѣ политическаго тѣла.

Подвигъ Аскольда окончился водвореніемъ правила и порядка въ сношеніяхъ съ Царемъ-градомъ. Послѣ Фотіева разсказа нельзя и сомнѣваться въ томъ, что этотъ подвигъ былъ предпринятъ именно только съ цѣлью обуздать наглое своеволіе Грековъ въ отношеніи хотя бы и къ варварской Руси.

По разсказу Лѣтописи въ одно и тоже время, почти въ одинъ годъ, на сѣверѣ и на югѣ, кто-то дѣйствуетъ одинаково, по одной идеѣ, хотя и изъ особыхъ гнѣздъ, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга. Одинаково, почти въ одинъ годъ, и Новгородъ, и Кіевъ начинаютъ одно всенародное дѣло, именно ищутъ правила и порядка; одинъ ищетъ правильной власти для домашняго употребленія, другой—правильныхъ сношеній съ центромъ всемірнаго торга. Все это дѣлаютъ только одни Норманны, говоритъ Шлецеръ. Только одни Норманны, повторяетъ школа. Но и самъ Шлецеръ и вся его школа постоянно изображаютъ Норманновъ разбойниками, наглыми грабителями, которые только о томъ думаютъ, какъ бы гдѣ что схватить и захватить, почему и самые походы Руси на Царьградъ описываются по преимуществу разбойными дѣлами. А между тѣмъ основной смыслъ этихъ первыхъ движеній Руси вполнѣ наглядно и въ точности обличаетъ только одни самыя мирныя побужденія, обнажавшія мечъ въ крайней необходимости, изъ одного желанія добыть себѣ долгій и благодатный миръ и спокойствіе.

Кто же на самомъ дѣлѣ такъ дѣйствовалъ? Несомнѣнно такъ дѣйствовали люди, для которыхъ цѣлью жизни былъ правильный торговый промыслъ, а вовсе не разбойный норманскій захватъ чужаго добра. Такъ дѣйствовалъ разумъ всего передоваго, наиболѣе дѣятельнаго населенія нашей страны; такъ дѣйствовала вся Земля или та соль Земли, которая держала въ рукахъ торги и промыслы по всѣмъ главнѣйшимъ угламъ страны. Здѣсь опять невольно вспоминается лѣтописное преданіе, что по всѣмъ главнымъ городамъ къ началу нашей исторіи сидѣли пришельцы Варяги, конечно Венды, Балтійскіе Славяне, распространявшіе по Русской землѣ совсѣмъ иные порядки и нравы, чѣмъ тѣ, какіе обыкновенно приписываютъ Варягамъ-Норманнамъ. Поколѣніе, призвавшее въ Новгородъ Рюрика, и въ Кіевѣ давшее мѣсто Аскольду, само собою строило уже основаніе для будущей Русской народности. Оно сосредоточивалось на двухъ окраинахъ торговаго греческаго пути разрозненно, но съ одною цѣлью, чтобы владѣть самостоятельно и независимо морскимъ ходомъ, за море въ Варягамъ и за море къ Грекамъ. Оно образовало два особыя гнѣзда, двѣ

особыя народныя силы, которыя и дальше могли бы идти другъ отъ друга независимо и самостоятельно, еслибъ въ ихъ политическихъ корняхъ лежали начала разнородности. Но они даже и по имени были однородны. Они были созданы однимъ племенемъ Варяговъ-Вендовъ.

Олегъ соединилъ разрозненную силу въ одно мѣсто, далъ ей одно средоточіе, одну волю и тѣмъ, какъ бы слѣдуя закону первобытнаго творчества, основалъ Русскую твердь. Но, повторимъ, Олегъ былъ историческій дѣятель и изъ ничего творить не могъ. Твердь эта готовилась быть твердію съ незапамятныхъ временъ. Она успѣла выработать въ своей жизни самое существенное начало для дальнѣйшаго развитія, это — живую потребность порядка, правила, устава, и стало быть потребность правильной власти. Но все это вырабатывается и создается повсюду у всѣхъ историческихъ народностей не столько историческими дѣятелями сколько самою жизнею народа, многообразными отношеніями народа между собою и къ сосѣдямъ. Историческіе дѣятели въ этихъ случаяхъ являются, по призыву ли, по захвату ли, только выразителями давнишняго народнаго хотѣнья, давнишней назрѣвшей народной потребности.

Русская твердь вмѣстѣ съ тѣмъ еще до призванія князей успѣла выработать и особую форму, особый образъ для своего политическаго существованія. Она выработала городъ, особое земское общество, которое и владѣло всею землею, которое и съ призваніемъ князей не измѣняетъ своихъ дѣлъ и стремленій и ведетъ самого князя къ тѣмъ же старозавѣтнымъ цѣлямъ. По прежнему, хотя и съ новыми силами Русь является только дружиною городовъ, гдѣ были старшіе и младшіе, но еще не рождалось и помышленія о государѣ въ смыслѣ норманскаго феодала или греческаго самодержца. Съ призваніемъ князей только съ большею самостоятельностію отдѣляется военное сословіе и дѣйствуетъ, какъ передовая главная общественная сила подъ именемъ княжей дружины.

По смерти Олега сталъ княжить Игорь, сынъ Рюрика. Но если самъ Рюрикъ только легенда, мечта, то откуда же происходилъ этотъ Игорь, живой человѣкъ, памятный даже и Грекамъ, записанный въ ихъ лѣтописи? На это нѣтъ другаго отвѣта, кромѣ лѣтописнаго сказанья, что онъ дѣйствительно былъ сынъ Рюрика. Олегомъ онъ принесенъ въ Кіевъ малюткою. Олегъ его выростилъ и женилъ на Ольгѣ, приведенной изъ Пскова. Во все время Олегова княженья, онъ оставался совсѣмъ незамѣтнымъ и не помянутъ даже въ договорной греческой грамотѣ. Имя Игорь, какъ увѣряютъ, Скандинавское, написанное по гречески Ингоръ, а у Скандинавовъ былъ Ингваръ. Покойный Гедеоновъ раскрылъ до очевидности, что это имя можетъ быть также и славянскимъ. Но по русски и по смыслу многихъ, очень важныхъ обстоятельствъ его жизни, Игоря можно именовать Горяемъ, какъ прозывали у насъ людей несчастливыхъ, злосчастныхъ. Многое въ жизни ему неудавалось и самая жизнь его окончилась злосчастною погибелью. Иначе такіе люди назывались Гориславичами, Гориславами[90]. Однако первое дѣло Игоря было удачно. Древляне, сидѣвши у Олега долгое время мирно, тотчасъ послѣ его смерти заратились противъ Игоря, или по другому выраженію „затворились" отъ него, отказались платить дань. Игорь побѣдилъ ихъ и наложилъ дань больше Олеговой. Тѣмъ же порядкомъ было усмирено и другое родственное Руси, но совсѣмъ непокорное племя, Уличи. Они жили внизу Днѣпра, по всему вѣроятію въ Запорожскихъ мѣстахъ, въ Геродотовской Илеѣ, въ болотистой и лѣсной землѣ, извѣстной у насъ подъ именемъ Олешья. Въ соотвѣтствіе позднѣйшей Запорожской Сѣчѣ, у нихъ былъ также неприступный городъ Пересѣченъ, какъ видно значившій тоже самое, что и Сѣча, осѣкъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что они по мѣсту своего жительства и по своей независимости и неукротимости могли дѣлать Руси значительную помѣху во время торговыхъ походовъ въ Царьградъ. Чѣмъ больше развивались и устроивались связи съ Греціею, тѣмъ необходимѣе становилось окончательно устроиться и съ Уличами. Вотъ почему лѣтопись, не говоря прямо, въ чемъ было дѣло, указываетъ однако, что войны съ Уличами начались еще при Аскольдѣ, продолжались при Олегѣ, который водилъ Уличей уже на Грековъ, и окончились при

Игорѣ. Былъ у Игоря воевода Свентелдъ, который также, какъ Олегъ Древлянъ, примучилъ и это племя. Игорь возложилъ на нихъ дань и отдалъ ее въ пользованье Свентелду. Долго не поддавался только одинъ городъ Пересѣченъ. Воевода сидѣлъ около него 3 года и едва взялъ. Тогда Уличи совсѣмъ перебрались съ Днѣпра въ землю Геродотовскихъ Алазонъ, между Бугомъ и Днѣстромъ. Да и сами они по всему вѣроятію были потомками тѣхъ же Алазонъ или средневѣковыхъ Днѣпровскихъ Аланъ, Улцинцуровъ, Аульціагровъ. Указаніе лѣтописи, что только одинъ ихъ городъ не сдавался три года, заставляетъ предполагать, что были и другіе города, взятые безъ особыхъ усилій. Дѣйствительно, въ половинѣ 10 вѣка, когда эта Днѣпровская сторона принадлежала уже Печенѣгамъ, Константинъ Багрянородный упоминаетъ о развалинахъ шести городовъ, лежавшихъ по западному берегу Днѣпра, при переправахъ черезъ рѣку. Одинъ изъ городовъ назывался по гречески Бѣлымъ; другіе носили печенѣжскія имена, всѣ съ окончаніемъ кат, что можетъ указывать и на Славянское ката, кота, хата. Между развалинами находились слѣды церквей и каменныхъ крестовъ, почему иные думали, что тамъ нѣкогда жили Греки [91].

Такимъ образомъ Греческій путь отъ Варяговъ до самаго Царьграда былъ вполнѣ прочищенъ и теперь находился уже въ одной рукѣ, которая поэтому и могла твердо подписывать разныя обязательства въ договорахъ съ Греками.

Но отъ Варяговъ по Русской странѣ существовала еще дорога въ иной морской уголъ, отъ котораго страна также во многомъ зависѣла и нуждалась въ немъ. То былъ Симовъ жребій, далекій востокъ, богатое и цвѣтущее въ то время Каспійское поморье.

Объ отношеніяхъ Руси къ этому краю лѣтопись ничего не помнила и не знала и какъ бы ничего не хотѣла знать. Она въ своей географіи не упомянула даже о рѣкѣ Донѣ. Можно полагать, что составителю „повѣсти временныхъ лѣтъ“ не встрѣтился ни одинъ человѣкъ, который что либо зналъ или помнилъ о русскихъ дѣлахъ съ востокомъ. Въ этомъ случаѣ очень замѣтный пробѣлъ нашей лѣтописи значительно пополняютъ ученые Арабы.

Мы уже говорили (1, стр. 444), что по ихъ свидѣтельству еще въ 60—70-хъ годахъ девятаго столѣтія, когда впервые и надъ Царьградомъ пронеслось имя Руси, Русскіе купцы, они же и Славяне, ходили по Волгѣ не только въ Хозарію, но и къ юговосточнымъ берегамъ Каспійскаго моря (Астрабадъ) въ страну Джурджанъ, гдѣ высаживались на любой имъ берегъ, а иногда провозили свои товары по тамошнему порядку на верблюдахъ даже въ Багдадъ. Быть можетъ это были походы Новгородскіе, независимые отъ Кіева. Кіевская Русь освободилась отъ Хозарскаго владычества еще при Аскольдѣ, что вполнѣ согласуется и съ разсказомъ патр. Фотія. При Олегѣ Новгородъ перебрался въ Кіевъ: разрозненная Русь соединилась и теперь уже изъ Кіева стала дѣйствовать еще сильнѣе. Однако освобожденіе отъ Хозарскихъ даней было недостаточно. Теперь повидимому Русь добивалась уже прямой и вполнѣ свободной дороги въ Закаспійскія страны, и кромѣ того очень желала устроить себѣ независимое, безопасное и самостоятельное пребываніе въ тамошнихъ мѣстахъ, подобно тому, какъ она добилась наконецъ того же самаго даже и въ Царьградѣ. Хозары, потерявши свои дани, все-таки не могли жить безъ Русскихъ товаровъ и потому не препятствовали Русской торговлѣ. Они напротивъ, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствовали даже за одно съ Русью.

Немудрено, что ихъ политическія и торговыя выгоды въ сношеніяхъ съ закаспійскою страною въ иныхъ случаяхъ могли съ Русскими попадать на одинъ путь. Для промышленника купца важнѣе всего былъ порядокъ, уставъ, законъ, ограждавшій безопасность его личности и его имущества, дававшій извѣстную свободу дѣйствій. Какіе были порядки на этотъ счетъ въ закаспійскихъ странахъ, намъ неизвѣстно; но несомнѣнно, что и тамъ, какъ и въ Царьградѣ, случались безпорядки, обиды и даже убійства, которыя по Русскимъ понятіямъ всегда требовали отмщенья. Конечно, для безсильной Руси отмщенье было невозможно; но въ это время, явившись народною силою, она уже не могла прощать обидъ, и рано ли, поздно ли, выждавъ случай и время, всегда наносила своему обидчику болѣе или менѣе чувствительный ударъ.

Арабы разсказываютъ, что еще около 880 г. Русскіе приходили въ устье р. Джурджанъ, воевали и были всѣ побиты; что черезъ 30 лѣтъ они снова приходили туда же, въ 16 корабляхъ, успѣли произвести опустошенія, грабежи и убійства и были тоже побиты или взяты въ плѣнъ. Это случилось въ 909—910 г. Вскорѣ послѣ этой второй неудачи, Русь собралась въ такомъ количествѣ и произвела повсюду такое мщенье, о которомъ разсказывали, что это было первое вражеское нашествіе на мирный Каспій, никогда до той поры не испытавшій ничего подобнаго.

Объ этомъ походѣ оставилъ довольно обстоятельный разсказъ арабъ Масуди, почти современникъ происшествія. Время похода относятъ къ 913—914 году, когда были усмирены Древляне и Игорева дружина могла свободно располагать своими силами.

Изъ Кіева къ устьямъ Волги на корабляхъ въ то время чаще всего плавали внизъ по Днѣпру и по Черному морю, оно же и Русское море, говоритъ Масуди, ибо оно принадлежитъ Русскимъ и никто кромѣ ихъ, Руссовъ, не плаваетъ по немъ. На этотъ разъ Русь скопилась въ пятистахъ корабляхъ, въ каждомъ по 100 человѣкъ. Обогнувъ Таврическій полуостровъ, она пришла въ Воспорскій (Керченскій) проливъ, гдѣ Хозарскій царь держалъ сильную стражу и никого не пропускалъ въ свои земли. И теперь еще по всему Таманскому полуострову на видныхъ и высокихъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды старыхъ городковъ, иногда сложенныхъ изъ камней, выбранныхъ отъ древнегреческихъ городищъ и даже надгробныхъ памятниковъ. Несомнѣнно, что съ этихъ вышекъ наблюдали по морю во всѣ стороны и Хозары. Внезапный приходъ Руси въ такомъ множествѣ кораблей надѣлалъ бы конечно большую тревогу и потому естественно предполагать, что этотъ походъ заранѣе, по уговору, былъ уже извѣстенъ Хозарамъ.

Масуди говоритъ, что Руссы, прибывъ въ проливъ, послали просить Хозарскаго царя, чтобы пропустилъ ихъ на грабежъ въ Хозарское море, а они за то отдадутъ ему половину всей добычи. Царь согласился. Руссы прошли Воспоръ и Азовское море, вошли въ устье Дона и поднялись до перевала въ Волгу, вѣроятно до самаго Хозарскаго Саркела, вблизи теперешней Качалинской станицы. Здѣсь они

точно также, какъ Олегъ, должны были перевести свои корабли на колесахъ въ Волгу. Внизъ по рѣкѣ до ея устья или до Хозарской столицы было уже недалеко. Переѣхавъ въ море, корабли распространились отрядами по всѣмъ его богатымъ прикавказскимъ и закавказскимъ берегамъ, отъ Баку или Нефтяной страны и до Астрабада. „Руссы проливали кровь, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили имущество, распускали всадниковъ для нападеній, жгли села и города". Народы обитавшіе около этого моря съ ужасомъ возопили. Съ древнѣйшаго времени не случалось имъ даже и слышать, чтобы врагъ когда либо нападалъ на нихъ въ этихъ мѣстахъ. Приходили сюда только корабли купцовъ да лодки рыболововъ.

Разгромивъ эти мирные и богатые берега, Руссы отошли къ Нефтяной землѣ и поселились на отдыхъ на разбросанныхъ противъ нея островахъ. Тогда, опомнившись отъ удара, жители вооружились, сѣли на корабли и купеческія суда и отправились къ островамъ. Но Руссы не дремали и встрѣтили врага такимъ отпоромъ, что тысяча мусульманъ были изрублены и потоплены. Многіе мѣсяцы Руссы оставались на морѣ полными хозяевами. Никто изъ тамошнихъ народовъ не осмѣливался подступить къ нимъ; всѣ, напротивъ, въ большомъ страхѣ только укрѣпляли береговыя мѣста и ежеминутно сторожили ихъ прихода. Наконецъ, обремененные добычею, они ушли. Приплывъ къ устью Волги, Руссы послали къ Хозарскому царю обѣщанную половину грабежа. Узнали объ ихъ возвращеніи всѣ мусульмане Хозарской столицы, особенно гвардія, и стали говорить царю: „Позволь намъ отмстить, вѣдь этотъ народъ нападалъ на нашихъ братьевъ, мусульманъ, проливалъ ихъ кровь и плѣнилъ ихъ женъ и дѣтей"! Не могъ отговариваться Хозарскій царь и поспѣшилъ только извѣстить Руссовъ, что мусульмане поднимаются на нихъ.

Мусульмане собрались побить Руссовъ при входѣ ихъ въ городъ. Съ мусульманами много было и христіанъ, жившихъ въ Хозарской столицѣ. Всего собралось около 15 тысячъ на коняхъ и въ вооруженіи. Какъ только завидѣли враги другъ друга, Руссы тотчасъ вышли изъ судовъ и началась битва, которая продолжалась три дня. Однако Богъ помогъ мусульманамъ: Руссы были разбиты, кто былъ убитъ, кто утоп-

ленъ. Тысячъ пять изъ нихъ спаслось и убѣжало вверхъ по Волгѣ; но и тамъ Буртасы и Болгары всѣхъ побили. Сосчитано убитыхъ мусульманами по берегу Хозарской рѣки около 30 тысячъ. Сколько воротилось отважныхъ мореплавателей домой, неизвѣстно. Но нѣтъ сомнѣнія, что кто нибудь принесъ же на родину вѣсть о томъ, какими ручьями Русской крови обагрились берега и самый потокъ Волги. А кровь Русская нигдѣ даромъ не пропадала.

Вѣрны или невѣрны указанныя цифры, но они свидѣтельствуютъ одно, что Русь въ этомъ походѣ была очень несчастна и возвратилась домой не только безъ добычи, но быть можетъ дѣйствительно только въ незначительномъ остаткѣ спасшихся бѣгствомъ героевъ.

Вслѣдъ за этимъ несчастнымъ подвигомъ, на Русскую землю впервые пришли Печенѣги. Могло случиться, какъ и дѣйствительно бывало, что эти степняки слышали о несчастномъ концѣ Русскаго похода и приблизились къ Русскимъ землямъ, дабы воспользоваться обстоятельствами. Они въ то время передвигались изъ за Волги по слѣдамъ Венгровъ и подобно всѣмъ кочевникамъ имѣли обычай нападать на непріятеля въ расплохъ, когда не оставалось дома защитниковъ земли. Игорь умирился съ ними и они прошли дальше къ Дунаю въ помощь Грекамъ, призывавшимъ ихъ на Болгаръ.

Если мы припомнимъ (I, стр. 385), какъ были призваны Греками Авары, для укрощенія Днѣпровскихъ же и Дунайскихъ Славянъ, то можемъ заключить, что для тѣхъ же цѣлей были вызваны съ своихъ мѣстъ Венгры, а потомъ и Печенѣги. Очень хитрая, но близорукая политика Византійцевъ, всегда старалась натравливать своихъ враговъ другъ на друга. И особенно она боялась, когда осѣдлое населеніе устроивалось въ независимое государство, когда у варваровъ заводились единство и порядокъ, порождавшіе неминуемое народное могущество. Въ такомъ могуществѣ въ это время находились сосѣди Византійцевъ, Болгары. Изъ опасенія передъ ихъ завоеваніями, Греки и заводили дружбу съ кочевниками, которыхъ вообще нетрудно было привлекать къ переселеніямъ и къ занятію чужихъ земель, тѣмъ больше, что на дальнемъ востокѣ, за Волгою и Ураломъ,

давно уже шла кочевая борьба и кочевники вытѣсняли другъ друга со старыхъ жилищъ.

При владычествѣ Хозаръ въ древнихъ скиѳскихъ степяхъ, отъ нижняго Дона до нижняго Дуная, не было слышно большаго кочеваго народа. Малые остатки прежнихъ кочевыхъ племенъ въ родѣ Торковъ, Берендеевъ и пр. по всему вѣроятію съ давнихъ временъ жили въ подчиненіи и въ услугахъ Руси. Сами Хозары отъ кочевой борьбы приходили въ упадокъ. Все это очень помогло возрожденію Кіевской Руси. Но вотъ появились Венгры, которые мирно прошли мимо Кіева еще при Олегѣ въ 898 г., „ходяще, какъ Половцы“ замѣчаетъ лѣтопись, обозначая ихъ кочевой бытъ. Они прошли мирно, вѣроятно по той причинѣ, что не были сильны и опасались Руси. Теперь по пятамъ Венгровъ, показались Печенѣги. Это былъ народъ сильный, многочисленный, и потому могущественный, который не боялся никакого сосѣда. Мало по малу они заняли всю область Геродотовской Скиѳіи и расположились по сторонамъ нижняго Днѣпра восемью особыми ордами по особности своихъ племенъ. Четыре орды находились между Дономъ и Днѣпромъ, и четыре между Днѣпромъ и Дунаемъ. Вся занятая ими страна простиралась на 60 дней пути, отъ Доростола (Силистріи) на Дунаѣ до Хозарскаго Саркела на Дону у Качалинской станицы [91]. До сихъ поръ одинъ изъ правыхъ притоковъ Дона, р. Чиръ и Станица Чиры по всему вѣроятію сохраняютъ имя самой восточной Печенѣжской орды, которая прозывалась, по написанію Грековъ, Чуръ и Кварчичуръ.

Для новорожденной Руси это пришествіе сильныхъ кочевниковъ было великимъ несчастіемъ. Только что съ большими трудами былъ совсѣмъ очищенъ и по граждански устроенъ договорами прямой путь къ Царьграду и, слѣдовательно, вообще къ странамъ высшаго развитія,—какъ поперегъ этого самаго пути растянулось идолище поганое и залегло всѣ дороги, охватило всѣ движенія Руси на Югъ. На первыхъ же порахъ у Русскаго птенца подрѣзаны были крылья. Для Грековъ это было хорошо. Греки боялись Руси, боялись Болгаръ и Венгровъ, и потому Печенѣжское могущество для нихъ являлось самымъ желаннымъ оплотомъ противъ сѣверныхъ безпокойныхъ сосѣдей. Они очень здраво и дальновидно разсуждали, что съ Печенѣгами надо всегда

обходиться очень дружелюбно, вступать въ союзы, каждый годъ посылать къ нимъ пословъ съ дарами, а ихъ пословъ или заложниковъ принимать и содержать въ Цареградѣ со всякими услугами и почестями. Первое дѣло—они живутъ вблизи Херсона, на который могутъ нападать, а главное—они граничатъ съ Русью и могутъ ей вредить самымъ чувствительнымъ образомъ. Теперь Руссы вполнѣ дол жны зависѣть отъ того, въ дружбѣ или во враждѣ они съ Печенѣгами; теперь безъ союза съ Печенѣгами имъ нельзя ни съ кѣмъ воевать, потому что какъ скоро они уйдутъ въ поле, Печенѣги тотчасъ явятся въ ихъ землю и станутъ ее опустошать; теперь Руссы безъ пропуска Печенѣговъ не могутъ свободно проходить и въ Царьградъ, ни для войны, ни для торговли; теперь союзомъ, письмами, дарами Греку всегда можно подвинуть Печенѣга на эту кровожадную Русь, также на Венгровъ и Болгаръ. Такъ описывалъ новыя обстоятельства Руси самъ Греческій императоръ, современникъ Игоря, Константинъ Багрянородный.

Онъ разсказываетъ и о порядкѣ, въ какомъ происходили сношенія Грековъ съ этимъ варварскимъ народомъ. Византійскій посолъ пріѣзжалъ прежде въ Херсонъ и посылалъ къ Печенѣгамъ, требуя проводниковъ и заложниковъ. Съ проводниками отправлялся въ путь, а заложниковъ оставлялъ въ Херсонской крѣпости подъ охраною. При этомъ Печенѣги, ненасытные и жадные, безстыдно выпрашивали и даже требовали у посла много подарковъ, проводники за свой трудъ и за лошадей, заложники на себя, по случаю сидѣнья въ Херсонѣ, и на своихъ женъ, остававшихся дома, въ разлукѣ съ ними. Пріѣзжалъ посолъ въ ихъ землю, они требовали уже не посольскихъ, а императорскихъ подарковъ, а проводники опять требовали даровъ для своихъ женъ и родственниковъ, которыхъ оставили дома. При возвращеніи въ Херсонъ проводники снова выпрашивали плату за трудъ и лошадей. Когда посолъ приплывалъ въ корабляхъ къ той ордѣ, которая занимала Русскій берегъ моря, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, то онъ, вѣроятно изъ боязни, не выходилъ изъ судна на берегъ, но черезъ посланнаго давалъ знать о своемъ прибытіи, требовалъ заложниковъ, которыхъ помѣщалъ у себя на корабляхъ, и давалъ заложниковъ съ своей стороны. Потомъ на корабляхъ же

исполнялъ посольство, приводилъ союзниковъ къ клятвѣ и раздавалъ имъ императорскіе дары.

Особенно Печенѣговъ боялись Венгры. Однажды Греческіе послы предложили Венграмъ изгнать Печенѣговъ и занять ихъ земли, принадлежавшія прежде Венграмъ же. Тогда всѣ Венгерскіе князья закричали въ одинъ голосъ: „Какъ это возможно! Это народъ безчисленный и кровожадный, никакихъ силъ не станетъ побѣдить его. Не говорите намъ такихъ рѣчей. Узнаютъ объ этомъ Печенѣги — бѣда намъ!“ Венгры много разъ были побѣждаемы и разбиваемы Печенѣгами наижесточайшимъ образомъ, почему и жили въ большомъ страхѣ отъ нихъ.

Русскіе не боялись, но иногда войною, иногда миромъ заставляли варваровъ уважать Русское имя. Однако во всякомъ случаѣ Печенѣжская дружба доставалась Кіеву не дешево. Вѣроятно Игорь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ не мало заплатилъ и за то, чтобы на первыхъ порахъ умириться съ новымъ врагомъ. Спустя пять лѣтъ послѣ этого мира онъ уже воевалъ съ новыми друзьями.

Поселившись въ степяхъ Нижняго Днѣпра, Печенѣги скоро поняли выгоды своего мѣстожительства между Русью и Корсунемъ и стали заниматься торгомъ, т. е. въ сущности стали провожать торговые караваны Корсунцевъ въ Русь (къ Кіеву), въ Хозарію, къ Устью Волги и въ Цихію, какъ тогда называлась вообще сторона Киммерійскаго Воспора на Кавказскомъ его берегу. Такъ вѣроятно и прежніе степняки Днѣпровской мѣстности, начиная отъ Скиѳовъ, служили за хорошее вознагражденіе проводниками, охранителями въ торговыхъ путешествіяхъ Грековъ.

Это былъ народъ великорослый, длиннобородый, усатый, на видъ свирѣпый, отличный наѣздникъ на конѣ, изумительный стрѣлокъ изъ лука. Одѣвались они въ короткіе кафтаны до колѣнъ; при вооруженіи носили кольчуги и шлемы. Подобно древнимъ Скиѳамъ, ихъ главнѣйшее оружіе составляли колчанъ, наполненный стрѣлами, и кривой лукъ въ налучѣ, висѣвшіе съ боку, за спиною, на поясѣ. Носили также обоюдоострый трехгранный мечъ—кинжалъ. Кромѣ того употребляли копья, простыя и длинныя, и короткія метательныя. На копьяхъ же носили прапоры или знамена. Употребляли въ дѣло арканъ или желѣзный крюкъ. Начи-

нали битву ужаснымъ крикомъ и тучею стрѣлъ. Наводили ужасъ своими конными атаками.

По отеческому обычаю они сначала стремительно бросались на противника, осыпали его тучею стрѣлъ, ударяли въ копья. Но проходило немного времени и они съ такимъ же стремленіемъ обращались въ бѣгство, заманивая врага въ погоню за собою. Если это удавалось и непріятель бросался вслѣдъ за ними, они, выждавъ минуту, внезапно поворачивались къ нему лицемъ и снова начинали бой, каждый разъ съ новымъ мужествомъ и съ новою отвагою, съ новымъ беззавѣтнымъ натискомъ. Такую хитрость они повторяли до тѣхъ поръ, пока значительно утомляли непріятеля. Тогда, обнаживъ мечи, они также внезапно съ страшнымъ воинственнымъ крикомъ, быстрѣе мысли, бросались въ рукопашную и начинали косить безъ разбора, на право и на лѣво, и нападающихъ и бѣгущихъ. Когда имъ приходилось обращаться въ дѣйствительное бѣгство, они точно также отступали быстро, всегда „стрѣляя назадъ и въ тоже время не забывая бѣжать впередъ“. Если преслѣдованіе достигало наконецъ ихъ коша или кочеваго стана, состоявшаго изъ крытыхъ кожами повозокъ, тогда съ обычнымъ проворствомъ и быстротою, среди открытаго поля, изъ тѣхъ же повозокъ они устроивали своего рода крѣпость; они ставили и связывали повозки одну къ другой въ видѣ круглаго городка и сражались изъ за нихъ, какъ изъ за вала. Внутри, изъ повозокъ же строили косые проходы, куда скрывались въ случаѣ опасности или уходили для отдыха. Это были кочевничьи крѣпкія стѣны, которыя приходилось брать, какъ настоящее укрѣпленіе. Надо при этомъ замѣтить, что въ повозкахъ всегда находились ихъ жены и дѣти и все имущество. По русски эти повозки назывались вежами. Судя по позднѣйшимъ изображеніямъ Половецкихъ вежъ, они состояли изъ четыреугольнаго ящика, поставленнаго на двухъ колесахъ и крытаго шатромъ, сшитымъ изъ кожи или изъ толстаго холста. Не потому ли Анна Комнина даетъ имъ сравненіе съ башнями, говоря, что „Печенѣги ограждали свое войско крытыми повозками, будто башнями“. Въ Днѣпровскихъ степяхъ у чабановъ или пастуховъ еще и теперь встрѣчаются повозки, устроенныя подобнымъ же образомъ—ящикомъ на двухъ колесахъ, только съ инакою

покрышкою. Вежи—повозки составляли главное сокровище варваровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ защиту, а потому употреблялись во всѣхъ случахъ, гдѣ требовалось постоять за себя. Распредѣляя полки отрядами, они ставили между ними и ряды повозокъ, такъ что каждый отрядъ долженъ былъ драться еще съ большимъ ожесточеніемъ въ виду своихъ домовъ, своихъ семей. Повозки вообще служили въ ихъ дѣйствіяхъ точкою опоры, и конечно всегда ставились въ наиболѣе выгодныхъ и безопасныхъ мѣстахъ.

Для засады Печенѣги пользовались каждою ложбиною, каждою балкою, откуда появлялись внезапно, выростали точно изъ земли. Въ случаяхъ переправы черезъ рѣку, они устроивались такимъ образомъ: вмѣсто лодки спускали на воду мѣшокъ, плотно сшитый изъ воловьей кожи и набитый соломою или тростникомъ; садились на него верхомъ, складывали на него же сѣдло, оружіе и все походное имущество; привязывали мѣшокъ къ хвосту лошади и пускали ее плыть впередъ.

По сказанію Арабовъ, Печенѣги питались однимъ просомъ. Западные писатели увѣряли, что они пили звѣриную кровь и ѣли сырое лошадиное, лисичье, волчье и кошачье мясо. Греки разсказывали, что они пили лошадиную кровь, отворяя нарочно извѣстную жилу у коня. Когда кто нибудь изъ нихъ умиралъ естественною смертью или на войнѣ, говоритъ Никита Хоніатъ, писатель 13 вѣка, то съ мертвецами вмѣстѣ закапывали ихъ боевыхъ коней, ихъ луки съ тетивами (и колчаны со стрѣлами), ихъ обоюдуострые мечи, и въ ту же могилу зарывали живыми и плѣнниковъ. Такъ долго сохранялись въ нашихъ степяхъ Скиѳскіе обычаи.

Печенѣги сдѣлались страшными врагами Руси уже при Владимірѣ, особенно послѣ всенароднаго крещенія Руси. Быть можетъ этому очень способствовала перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Грекамъ, а въ слѣдствіе того и Грековъ къ Печенѣгамъ. До того времени, за исключеніемъ одной войны при Игорѣ и нападенія на Кіевъ при Святославѣ, по наукУ Грековъ, Печенѣги жили съ Русью мирно. Вѣроятно миръ держался обоюдными интересами торговли съ Корсунемъ и Царьградомъ, съ Каспійскимъ и Азовскимъ краями, причемъ, какъ мы говорили, Печенѣги служили оберегателями торговыхъ каравановъ, получая за это доста-

точную плату. А на Днѣпровскихъ порогахъ они вѣроятно получали дань уже за то только, что не нападали на проѣзжающихъ Руссовъ.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей подъ 921 приставлено извѣстіе, что Игорь пристроилъ многое войско и безчисленно кораблей. Это было на другой годъ послѣ войны съ Печенѣгами. Куда онъ собирался, лѣтопись не упоминаетъ; но сборъ кораблей можетъ указывать только на походъ въ Царьградъ или же въ Каспійское море. Между тѣмъ, Русь повидимому жила съ Греками въ мирѣ. Въ 935 г. въ Греческомъ флотѣ, отправленномъ въ Италію, находилось 7 русскихъ кораблей и на нихъ 415 чел. Руссовъ. Только въ 28-е лѣто Игорева княженія случилось что-то такое, чего Русь не могла простить и поднялась на Царьградъ великою силою. Это было въ 941 году.

Болгары, завидя на морѣ Русскія суда, тотчасъ послали извѣстить Грековъ, потому что въ это время ихъ царь Петръ былъ въ мирѣ и даже въ родствѣ съ Греческимъ царемъ. Они разсказывали, что 10 тысячъ кораблей плывутъ къ Царьграду. Иные Византійцы прибавляютъ до 15 тысячъ. Вѣрнѣе всѣхъ свидѣтельствуетъ западный писатель Ліутпрандъ, который говоритъ только о тысячѣ корабляхъ слишкомъ [92]. Корабли названы скедіями. Это имя быть можетъ съ-родни Новгородскимъ и Псковскимъ скуямъ и ушкуямъ, и Волжскимъ ушкаламъ. Въ то время, какъ Греки готовились встрѣтить врага, онъ уже опустошалъ все побережье Цареградскаго пролива по обѣимъ сторонамъ, производя по всюду обычныя тому времени ратныя дѣла, сожигая селы, церкви и монастыри, и безъ пощады убивая жителей. Иныхъ, поставя вмѣсто цѣли, пронзали стрѣлами, иныхъ распинали на крестѣ, сажали на колъ; священникамъ и монахамъ связывали назадъ руки и въ голову вбивали желѣзные гвозди. Впрочемъ, всѣмъ этимъ словамъ вполнѣ довѣрять нельзя. Это фразы обычной греческой риторики, которая почти слово въ слово повторяется при всѣхъ случаяхъ, когда риторъ желалъ изобразить особенное бѣдствіе.

Но вотъ показался и Греческій флотъ, вооруженный аргументомъ, т. е. трубами, въ родѣ пушекъ, изъ которыхъ пускали на враговъ знаменитый греческій огонь. Теперь эти трубы были уставлены не только на кормѣ, но и на носу, и сверхъ того по обоимъ бортамъ каждаго корабля. Флотъ встрѣтилъ Русскихъ у Искреста, какъ по русски назывался свѣтильникъ или маякъ, стоявшій на скалѣ при выходѣ изъ пролива въ Черное море. Вѣроятно Русь сама выманила Грековъ въ открытое море, гдѣ надѣялась съ полнымъ успѣхомъ не только разбить, но и захватить своихъ враговъ живьемъ. О такомъ намѣреніи Игоря прямо говоритъ современникъ событія западный писатель Ліутпрандъ [93]. Руссамъ къ тому же очень благопріятствовала наставшая тишина на морѣ. Но именно это самое обстоятельство больше всего помогло Грекамъ, потому что только въ тихую погоду „аргументъ греческаго огня" могъ дѣйствовать съ настоящею силою и безъ всякой помѣхи. Въ вѣтеръ онъ въ рѣдкихъ случаяхъ достигалъ цѣли. Какъ только приблизились другъ къ другу корабли, огонь былъ пущенъ во всѣ стороны. Главнымъ его составомъ была нефть, которая горѣла даже и на водѣ. Облитые корабли и люди и вся поклажа мгновенно воспламенялись и производили пожаръ со всѣхъ сторонъ. Спасаясь отъ огня, Руссы стали бросаться въ море, желая лучше утонуть, чѣмъ сгорѣть. Иные, обремененные латами и шишаками, тотчасъ шли ко дну; иные, плывя, горѣли въ самыхъ волнахъ морскихъ. Ушли отъ погибели только тѣ, которые успѣли отплыть къ азіатскому низменному берегу, въ мелководье, куда вѣроятно въ подобныхъ случаяхъ всегда спасались Руссы и куда греческія огненосныя суда не могли пройдти, по своей величинѣ.

Оставшіеся Руссы были еще очень многочисленны и потому распространили свой набѣгъ на все близълежащее азіатское поморье въ Виѳиніи, высаживаясь на берегъ и углубляясь въ страну для всякой добычи. Когда съ сухаго пути ихъ выбивали собравшіеся сухопутные греческіе полки, конные и пѣшіе, тогда Руссы держались въ своихъ малыхъ корабляхъ на мелководьѣ и не безъ успѣха продолжали неравную борьбу въ теченіи всего лѣта. Мелкая вода была для нихъ своего рода крѣпостью, такъ что во все это время они жили и ночевали въ своихъ лодкахъ. На-

конецъ насталъ Сентябрь мѣсяцъ. Запасы съѣстнаго истощались и добывать ихъ было уже труднѣе. Руссы порѣшили возвратиться домой. Но путь былъ отрѣзанъ. На морѣ все время стоялъ греческій флотъ и зорко сторожилъ за всѣми движеніями Русскихъ однодеревокъ. Надо было уйдти такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Въ сентябрьскую темную ночь Русская флотилія тронулась и направилась къ Европейскому берегу, конечно для того, чтобы плыть домой по обычной дорогѣ вдоль береговъ. Греки не дремали, покрайней мѣрѣ днемъ, настигли отважныхъ бѣглецовъ и началось второе морское сраженіе, на которомъ многіе Русскіе корабли были потоплены, иные взяты въ плѣнъ, и только снова наступившая ночь спасла оставшихся, въ какомъ количествѣ, неизвѣстно. По разсказамъ Грековъ возвратились въ цѣлости очень немногіе. Въ Царьградѣ Русскимъ плѣннымъ, всѣмъ, торжественно, въ присутствіи иноземныхъ пословъ, отрубили головы. ~~Достаточно было этого одного похода, чтобы прозвать Игоря Горяемъ~~.

Возвратившаяся Русь съ ужасомъ разсказывала, каждый своимъ, объ этомъ олядномъ огнѣ, то есть объ огнѣ греческихъ хеландій: „какъ есть молонья, что на небесахъ“, говорили они. „Эту молонью Греки и пущали въ насъ и пожигали. Оттого намъ и нельзя было одолѣть“. Оправданіе очень любопытное: оно намекаетъ на существовавшее общее и всегдашнее сознаніе Руси, что, идя въ походъ, въ какой бы ни было борьбѣ, она непремѣнно должна одолѣть. Поэтому несчастный походъ, вмѣсто унынія, возбудилъ только всеобщую злобу и жажду отмщенія.

Возвратясь домой, Игорь тотчасъ же началъ собирать многое войско и послалъ за море приманивать Варяговъ, какъ можно больше. Сборы продолжались три года, что было естественно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Чтобы собрать многое войско, требовалось и много времени. Земля не находилась еще въ одной рукѣ и была раздѣлена на самостоятельныя независимыя области, съ которыми надо было уговориться черезъ пословъ. Точно также и за моремъ многіе Варяги не могли собраться въ одинъ годъ.

Въ это самое время, когда по всей странѣ и даже за моремъ разносился военный кличъ, у Игоря родился сынъ Святославъ, въ 942 году, будущій мститель за всѣ отцов-

скія неудачи, родившійся именно посреди возбужденныхъ мыслей и чувствъ пылающаго отмщенья и, какъ увидимъ, начавшій первый свой подвигъ тоже мщеніемъ за смерть отца.

Пришли Варяги, собралась Русь (Кіевъ), Поляне, Словѣни (Новгородцы), Кривичи съ верхняго Днѣпра, Тиверцы съ нижняго Днѣстра. Небыло только Чуди, Мери, Веси. Но вѣроятно они сокрыты въ одномъ имени Словѣнъ, какъ вѣроятно сокрыты Радимичи и Сѣверяне въ имени Полянъ. Игорь приманилъ и Печенѣговъ и для укрѣпленія взялъ у нихъ заложниковъ. Войско двинулось въ ладьяхъ и на коняхъ. Корсунцы первые узнали объ этомъ походѣ и послали въ Царьградъ сказать, что „идутъ Русскіе — кораблей нѣтъ числа, покрыли все море кораблями“! Болгары съ своей стороны тоже дали вѣсть, что „идутъ Русскіе, наняли себѣ и Печенѣговъ“. Царь Романъ поспѣшилъ послать на встрѣчу не войско, а пословъ, лучшихъ бояръ, съ словами къ Игорю: „Не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. И къ Печенѣгамъ послалъ много паволокъ и золота, разумѣется, подкупая ихъ отстать отъ Руси. Игорь въ то время дошелъ уже до Дуная. Онъ созвалъ дружину и начали думать. Дружина рѣшила: „Если царь говоритъ о мирѣ и даетъ дань, еще и съ прибавкою, то чего же и желать больше: безъ битвы возьмемъ злато, сребро, паволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы, или они? Али съ моремъ—кто въ совѣтѣ? Вѣдь не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской—всѣмъ общая смерть“.

Совѣтъ былъ очень разсудителенъ и разуменъ, особенно въ виду памяти о греческомъ огнѣ. Игорь послушался дружины, взялъ у Грековъ золото и паволоки на все войско и воротился домой, а Печенѣгамъ велѣлъ воевать Болгарскую землю.

На другое лѣто Греческіе цари прислали въ Кіевъ пословъ, снова построить первый, то-есть древній, начальный миръ. Все это показываетъ, что Игоревъ походъ въ дѣйствительности явился грозою для Грековъ и они, окупивъ мщеніе дарами, поспѣшили возстановить прежнія мирныя отношенія. Ясно также, что въ нарушеніи мира были виноваты они сами. Въ противномъ случаѣ высокомѣрные новые Римляне, еслибъ не нуждались, не поѣхали бы къ

варварамъ въ Кіевъ. Несомнѣнно, что такія же отношенія возбудили и походы Аскольда и Олега.

Поговоря съ послами о мирѣ, Игорь потомъ отправилъ въ Царьградъ для точныхъ переговоровъ свое посольство, отъ себя и отъ всего Русскаго княжья. Повидимому участіе этого княжья было необходимо. Каждый смотрѣлъ за своей выгодой и каждый долженъ былъ отвѣчать за себя. Поэтому, посольство состояло изъ представителей двухъ основныхъ силъ тогдашней Руси: изъ пословъ отъ всякаго княжья, отъ военной силы, и пословъ—гостей отъ торговой силы каждаго города, которая несомнѣнно посылала своихъ избранныхъ. По неясности въ написаніи именъ очень трудно въ точности опредѣлить, сколько всего было послано княжескихъ пословъ. Приблизительно можно считать около 27, и столько же купцовъ—гостей. Можно полагать, что отъ каждаго города ходило по два посла, княжій и гостиный, почему и всѣхъ главныхъ мѣстъ или главныхъ городовъ тогдашней Руси можно считать также около 27 [94].

Пришли Русскіе послы въ палаты къ царю Роману. Велѣлъ царь имъ говорить съ боярами и велѣлъ писать рѣчи тѣхъ и другихъ на харатьѣ. Вотъ причина почему договоръ Игоревъ, какъ и договоръ Олеговъ, носятъ въ себѣ явные слѣды, такъ сказать, совѣщательнаго говоренья и походятъ больше всего на протоколы. Отъ той же причины зависитъ и безпорядочное расположеніе статей, которыя записывались живьемъ, какъ шло само совѣщаніе.

Эту драгоцѣнную хартію лѣтописецъ опять помѣщаетъ въ лѣтопись цѣликомъ. Списокъ съ нея, конечно, онъ могъ достать не только въ княжескомъ книгохранилищѣ, но еще ближе, у кого либо изъ старыхъ бояръ, а особенно у старыхъ гостей, для которыхъ этотъ документъ былъ еще дороже и надобнѣе. Странствуя каждый годъ въ Царьградъ и проживая тамъ долгое время, гости—купцы на этой хартіи основывали не только свое пребываніе, но и всѣ свои сношенія съ Греками. Должно полагать, что списокъ хартіи находился у каждаго большаго и богатаго гостя.

Послы говорили, что они посланы отъ Игоря, великаго князя Русскаго и отъ всей княжьи, и ото всѣхъ людей Русской Земли; отъ тѣхъ всѣхъ имъ и заповѣдано обновить ветхій (древній) миръ, утвердить любовь между Греками и

Русью, а ненависть и вражду разорить, при чемъ крещеная Русь напомнила о дьяволѣ. Самодержавіе Греческаго царства Русь понимала по своему, не въ одномъ лицѣ царя-самодержца, а въ составѣ всего народа. Истиннымъ самодержцемъ-государемъ она, повидимому, признавала только всенародное общество, всѣхъ людей Русской Земли, отъ лица которыхъ и шло повелѣніе заключать договоръ; такъ точно и къ греческому Самодержавію она обращается, какъ къ лицу всенародному, состоящему изъ всѣхъ греческихъ людей. Всё это понятія первобытныя, въ существенномъ смыслѣ—славянскія, почему они довольно отчетливо рисуютъ вообще союзныя отношенія всѣхъ раздѣльныхъ земель древней Руси, отношенія всеобщаго равенства при устройствѣ сношеній съ Греками.—„Послали насъ, говорили послы, къ вамъ великимъ царямъ Греческимъ, сотворить любовь съ вами самими царями, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми Греческими людьми, на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ. И кто помыслитъ отъ Русской страны разрушить такую любовь, и сколько ихъ крещенье приняли, да примутъ месть отъ Бога Вседержителя—осужденье на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій, и сколько ихъ есть некрещеныхъ, да не имѣютъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся своими щитами, и да посѣчены будутъ мечами своими, да погибнутъ отъ стрѣлъ и отъ иного своего оружія, да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій“.

Какъ въ Олеговомъ договорѣ, такъ и здѣсь, Русь говоритъ первое слово объ утвержденьи любви и даетъ клятву на вѣчную любовь. Затѣмъ, передовая рѣчь идетъ уже не о головахъ, какъ при Олегѣ, а о корабляхъ. Русь настаиваетъ, чтобы великій князь и его бояре свободны были посылать въ Грецію кораблей, сколько хотятъ, съ послами и съ гостями, какъ имъ уставлено (по прежнимъ договорамъ). „Пусть посылаютъ“, отвѣчали Греки. „Но теперь надо установить такъ: прежде ваши послы носили печати золотыя, а гости серебряныя, тѣмъ и распознавались отъ подозрительныхъ людей [95]. Теперь надо, чтобы они приносили грамату отъ вашего князя, въ которой пусть онъ пишетъ, что послалъ столько-то кораблей, съ послами и гостями, мы и будемъ знать, что пришли съ миромъ. Если придутъ безъ грамоты, то должны безъ задору отдаться

намъ въ руки; мы будемъ держать и охранять ихъ, пока возвѣстимъ объ нихъ вашему князю; если придутъ безъ грамоты и въ руки недадуться и станутъ сопротивляться, такіе сопротивники да будутъ убиты, и да не взыщется ихъ смерть отъ вашего князя. Если кто изъ нихъ, убѣжавши, уйдетъ въ Русь, то объ этомъ мы напишемъ къ вашему князю, пусть онъ ихъ накажетъ: какъ ему любо, такъ съ ними пусть и сотворитъ".

Эта статья договора, стоящая во главѣ всѣхъ другихъ статей, должна обнаруживать и причину Игорева перваго похода. Какой нибудь Русскій корабль, пришедшій не по правилу, вѣроятно былъ захваченъ Греками и сопротивлявшіеся люди побиты, чего Русь не прощала ни въ какихъ случаяхъ.

Затѣмъ идутъ статьи, повторяющія договоръ Олеговъ, касательно пребыванія Русскихъ въ Царьградѣ, причемъ поясняется обязанность царева мужа, сопровождавшаго Русь на торгъ для купли. Этотъ мужъ долженъ былъ охранять Русскихъ и кто въ сношеніяхъ, Русинъ или Грекъ, сдѣлаетъ криво, онъ оправлялъ, т. е. разбиралъ споры и судилъ. Въ новомъ договорѣ появляется ограниченіе купли паволокъ. Русскіе теперь могли покупать паволоки не дороже 50 золотыхъ, и притомъ съ наложеніемъ на каждую купленную (свинцовой) печати царева мужа. Этотъ новый уставъ распространялся впрочемъ на всѣхъ иностранцевъ. Особенно великолѣпныя и дорогія пурпуровыя паволоки составляли заповѣдный товаръ Византіи, котораго къ тому же нигдѣ нельзя было достать. Отнимая въ 968 г. у Ліутпранда купленныя имъ пять лучшихъ пурпуровыхъ одеждъ, Греки объяснили ему, что никто, и всѣ народы земные, кромѣ Грековъ, недостойны носить такой одежды.

„Отходящая Русь, продолжали Греки, пусть беретъ отъ насъ на дорогу, что ей нужно, съѣстное и что надо ладьямъ, по прежнему уставу; но пусть возвращаются въ свою страну всѣ приходящіе и не остаются зимовать у св. Мамы". Новое ограниченіе, о которомъ при Олегѣ не было сказано ни слова. Вѣроятно въ Олегово время Греки не предполагали, что Русь, пользуясь жилецкимъ правомъ, будетъ оставаться и на зиму. Вѣроятно также, что эти зимніе жильцы приносили городу не мало безпокойства, именно своимъ

самоуправствомъ въ спорныхъ и сомнительныхъ случаяхъ, иные, быть можетъ, буйствомъ, пьянствомъ, воровствомъ и грабежомъ. Повидимому, очень много споровъ выходило изъ за бѣглыхъ челядинцевъ, которыхъ сманивали Греки у Руси и сманивали Русскіе у Грековъ. Но, замѣтно, что въ этихъ случаяхъ, больше жаловались Русскіе, и потому, по прежнему уставу, назначено было платить за неотысканнаго бѣглаго 2 паволоки, что равнялось прежнимъ 20 золотымъ, такъ какъ ходячая цѣна паволоки была 10 золотыхъ.

„Убѣжитъ рабъ отъ Грековъ и принесетъ что съ собою, да будетъ возвращенъ, а за принесенное, если оно сохранится въ цѣлости, Русскій беретъ 2 золотыхъ“.

„За воровство Русскій и Грекъ, воръ, будетъ показненъ по уставу и по закону Русскому и по закону Греческому, а за покраденое заплатитъ вдвое, то-есть возвратитъ, что покралъ, и уплатитъ цѣну покражи“. При Олегѣ въ такомъ случаѣ взыскивалось втрое. „Если найдется, что украденое продано, то продавшій отдаетъ цѣну его вдвое“.

„Если Русь приведетъ плѣнныхъ Грековъ, то за юношу или добрую дѣвицу выкупъ 10 золотыхъ, за средовича 8, за стараго и дѣтища 5 зол. Если найдутся въ работѣ у Грековъ Русскіе плѣнники, то Русь можетъ выкупать по 10 зол. за человѣка. Если Грекъ купилъ дороже, то пусть дастъ присягу, утверждаетъ крестнымъ цѣлованьемъ, сколько заплатилъ, и тогда получитъ свою цѣну“.

„Случится отъ Грековъ какая проказа, то Русь не должна казнить виновнаго своею властью самоуправно; виновный да будетъ наказанъ по закону Греческому“.

„Убійца да будетъ убіенъ, а убѣжитъ и будетъ богатъ, да возмутъ его имѣнье ближніе убитаго; если убѣжитъ неимущій, то ищутъ его и когда найдутъ, да будетъ убитъ“.

„Кто кого ударитъ мечемъ или копьемъ или другимъ какимъ оружіемъ—да заплатитъ серебра 5 литръ по закону Русскому. Если будетъ неимущій, то сколько можетъ, во столько и проданъ будетъ. Пусть сниметъ и одежду, въ которой ходитъ, и затѣмъ дастъ клятву по своей вѣрѣ, что ничего не имѣетъ, и тогда будетъ отпущенъ“.

„О Корсунской странѣ, сколько тамъ ни есть городовъ, Греки заповѣдали, чтобы Русскій князь не владѣлъ тамъ ни однимъ городомъ. Если же будетъ воевать въ другихъ

мѣстахъ и не покоряется какая страна, тогда, если попроситъ у Грековъ войска, Греки помогутъ, дадутъ ему войска, сколько потребуетъ".

Можно полагать, что эта статья, не говорящая прямо, съ кѣмъ придется Русскому князю воевать, относится главнымъ образомъ къ Печенѣгамъ, сосѣдямъ Корсунской страны. Говорить по имени въ виду этихъ варваровъ, ни Грекамъ, ни Руси не слѣдовало.

Кромѣ того Русь обязывалась не дѣлать никакой обиды Корсунцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпра, а также не зимовать въ этомъ устьѣ, ни въ Бѣлобережьѣ, ни у св. Ельферья (островъ Березань). Какъ придетъ осень, Русскіе съ своего же моря должны были идти въ свои домы, въ Русь. „А что касается Черныхъ (Дунайскихъ) Болгаръ, которые приходятъ воевать въ странѣ Корсунской, прибавляли Греки, то князь Русскій да не пускаетъ ихъ пакостить въ странѣ той" [96].

По прежнему Русь обязывалась не обижать Греческаго судна, потерпѣвшаго гдѣ либо крушеніе. Въ этомъ случаѣ по закону Русскому и Греческому она отвѣчала за грабежъ судна, за убійство или порабощеніе людей, но уже не предлагала услугъ для дальнѣйшихъ проводовъ судна, какъ было при Олегѣ, быть можетъ, по случаю запрещенія зимовки по Черноморскимъ берегамъ.

Въ послѣдней статьѣ договора обоюдная дружба и любовь закрѣплялись уставомъ давать Грекамъ отъ Руси вспомогательное войско, сколько пожелаютъ. „Тогда узнаютъ и иныя страны, говорили Греки, въ какой любви живутъ Грецiя съ Русью". Мы видѣли, что и Греки обѣщали помогать Руси въ войнахъ съ иными странами.

Договоръ, какъ и прежде, написанъ на двухъ хартіяхъ; на одной былъ писанъ крестъ и имена Царей, на другой Русскіе послы и гости. Онъ былъ утвержденъ клятвою самихъ Царей и Русскихъ пословъ—христіанъ, которые клялись соборною церковью Св. Ильи, предлежащимъ честнымъ крестомъ и хартіею договора; клялись не только за себя крещеныхъ, но и за всѣхъ некрещеныхъ.

По договору, въ Кіевъ должны были отправиться и Греческіе послы, чтобы взять клятву отъ Игоря и отъ всей Руси въ самомъ ея гнѣздѣ.

„Говорите, что сказалъ вашъ царь“?—вопросилъ Игорь, когда Греческіе послы явились предъ его лицемъ. „Нашъ царь радъ миру, отвѣчали Греки; миръ и любовь хочетъ имѣть съ Княземъ Русскимъ. Твои послы водили нашего царя къ клятвѣ, и нашъ царь послалъ водить къ клятвѣ тебя и твоихъ мужей“.—„Хорошо“, сказалъ Игорь. Утромъ, на другой день съ послами онъ вышелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ. Тамъ Русь положила передъ истуканомъ свое оружіе: щиты, мечи и прочее, и золото (обручи и съ шеи ожерелья—гривны). И клялся Игорь и всѣ люди, сколько ихъ было некрещеныхъ; а христіанская Русь клялась въ своей соборной церкви Св. Иліи. Много было христіанъ Варяговъ. Сущность клятвы, и у христіанъ, и у язычниковъ выражалась одинаково: да не имѣютъ помощи отъ Бога, чтобы защитить себя; да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій; да погибнутъ отъ своего оружія. Утвердивъ миръ, Игорь на отпускѣ одарилъ греческихъ пословъ Русскими товарами: дорогими мѣхами, челядью, воскомъ.

Составилось мнѣніе, по толкованію Эверса, что Игоревъ договоръ, вынужденный будто бы плохими обстоятельствами Руси, не былъ для нея выгоденъ; что въ немъ содержатся постановленія „исключительно относящіяся къ пользѣ Грековъ; что говорящими, требующими, предлагающими и предписывающими миръ являются одни только Греки“, между тѣмъ какъ въ Олеговомъ договорѣ говорящимъ лицомъ является Русь, именно потому будто бы, что Олегъ былъ побѣдителемъ, а Игорь побѣжденнымъ. Это не совсѣмъ такъ. Намъ кажется, что существенный смыслъ и того и другаго договора ставитъ обстоятельства совсѣмъ иначе, на оборотъ. Намъ кажется, что по этому смыслу выходитъ только одно, что при Олегѣ Русь просила мира, а при Игорѣ того же просили именно Греки. По этой причинѣ и говорящими лицами являются именно тѣ, которые нуждались въ правильномъ устройствѣ отношеній.

Эверсъ доказывалъ также, что Игоревъ договоръ въ сущности есть какъ бы дополнительная статья, какъ бы только прибавленіе къ Олегову; такъ онъ не полонъ и односторонен. Но конечно всякій новый договоръ, развивающій одни и тѣ же отношенія, всегда будетъ какъ бы дополненіемъ стараго. Въ Игоревомъ договорѣ, послѣ 30 лѣтъ мира,

мы действительно находимъ новое подтвержденіе идополненіе прежнихъ договорныхъ статей, на которыя прямо и ссылается договоръ, выражаясь, „какъ уставлено прежде". Всѣ новыя условія явились по необходимости отъ развитія отношеній. Греки выговаривали себѣ безопасность отъ безпаспортныхъ кораблей и людей, отъ того, чтобы Русь не зимовала въ Царьградѣ, отъ того, чтобы Русь не поступала самоуправно съ виноватыми Греками. Все это по опыту обнаруживало, что Русь вообще была народъ безпокойный и неуступчивый въ своихъ правахъ. Ей сказано было, чтобы жить въ Царьградѣ у Св. Мамы, но не было опредѣлено, когда уѣзжать; она оставалась жить на зиму, тѣмъ больше, что и съѣстные припасы установлено было выдавать ей въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Если Руссы пріѣзжали въ Іюнѣ, то по уставу же могли оставаться чуть не до Декабря, а въ Декабрѣ по Черному морю въ ладьяхъ возвратъ домой былъ совсѣмъ невозможенъ. Ясно, что необходимо было зимовать. Тогда выдача съѣстнаго прекращалась и Русь добывала пропитаніе уже собственнымъ промысломъ. Вотъ этотъ собственный промыслъ вѣроятно и безпокоилъ Грековъ. Теперь они съ честью выпроваживали Русь на зиму домой. Это была тѣснота только для запоздавшихъ. На подобныя требованія, кто хотѣлъ жить въ мирѣ, нельзя было не согласиться. Но запоздавшіе въ Царьградѣ, могли запоздать и на самомъ морѣ, могли застать зиму въ родномъ Днѣпрѣ. Въ такомъ случаѣ они поселялись на зиму гдѣ либо въ устьяхъ Днѣстра, Буга и Днѣпра, и между прочимъ на островѣ Березани. Теперь Греки и здѣсь не позволяли зимовать. Повидимому, это запрещеніе явилось больше всего для охраны Корсунцевъ, потому что въ указанныхъ зимовникахъ главнымъ образомъ скрывались вѣроятно разбойныя Русскія ладьи.

Важнѣйшее постановленіе Игорева договора заключалось именно въ охраненіи отъ Русскаго господства и владычества Корсунской страны, которую Русскій князь обязался защищать и отъ западныхъ ея сосѣдей, отъ Дунайскихъ Болгаръ, и отъ восточныхъ, т. е. отъ Печенѣговъ, имени которыхъ хитрые дипломаты-Греки прямо не упомянули, потому что боялись ихъ и вели съ ними уговоръ и дружбу, даже противъ Руси. Но на случай, они и съ Русью заклю-

чали договоръ, обѣщаясь Игорю помогать противъ враговъ войскомъ, сколько ни потребуетъ.

Соглашаясь не зимовать по берегамъ своего роднаго моря, гдѣ, по всему вѣроятію, зимовали больше всего только разбойныя ладьи, Русь тѣмъ самымъ показывала, что ея цѣли были инаго свойства, что она всѣми силами добивалась только правильнаго и безопаснаго торга съ Царемъ-градомъ, что для выгодъ торговли она соглашалась оберегать и Корсунцевъ. Всѣми предложенными статьями Греки стремились отдѣлить отъ торговаго промысла Руси ея разбойные промыслы, желали чтобы разбойнаго дѣла не было совсѣмъ. Того желала и соглашалась на всѣ подобныя статьи и Кіевская Русь, ибо и для торговой Руси, какъ и для Грековъ, разбойники опасны были одинаково. Недаромъ и Шлецеръ замѣчаетъ о договорѣ Игоря, что „въ нѣкоторыхъ его статьяхъ видѣнъ настоящій умъ негоціатора и законодателя".

Но именно при помощи Шлецеровскаго же воззрѣнія на древнюю Русь, какъ на разбойное норманское гнѣздо, составилось мнѣніе, что всѣ первые походы Руси на Царьградъ были только разбойными набѣгами для грабежа, въ родѣ Печенѣжскихъ или Половецкихъ набѣговъ на Русь, и что мирныя отношенія и связи съ Византіею были уже послѣдствіемъ этихъ набѣговъ [97]. Эверсъ прямо говоритъ, что Игоревъ набѣгъ былъ предпринятъ единственно для грабежа, какъ и Олеговъ," только съ тою цѣлію, чтобы обогатить себя добычею и взять дань". Такъ необходимо должно выходить, если допустимъ, что руководителями этихъ набѣговъ были Норманны, истые разбойники, какъ ихъ описываетъ Байеръ, Шлецеръ и ихъ многочисленные ученики. Между тѣмъ, всмотрѣвшись ближе во всѣ обстоятельства, т. е. не въ одни слова, а въ самыя дѣла, видимъ, что вообще Русскіе походы на Царьградъ были предпріятіями вынужденными, которыя требовали большихъ заботъ и хлопотъ по части собранія войска и кораблей или морскихъ лодокъ, и руководились единственно только мирными, гражданскими, т. е. торговыми цѣлями всей Земли и конечно воинственнымъ желаніемъ возстановить свои права и отмстить свои обиды. Главное, чего добивалась Русь отъ Царьграда, и что очень явственно высказывается въ ея договорахъ — это главное былъ Цареградскій торгъ, куда

Греки не совсѣмъ радушно допускали иноземцевъ, особенно варваровъ. Здѣсь скрывался узелъ всѣхъ Русскихъ отношеній къ Грекамъ и всѣхъ ея набѣговъ, которыхъ въ добавокъ на 80 лѣтъ случилось всего четыре, да и то одинъ изъ нихъ, именно Олеговъ, говорятъ, сомнителенъ, а другой, Игоревъ, не состоялся по случаю мирнаго разрѣшенія ссоры. При этомъ сомнительный Олеговъ послѣ Аскольдова случился спустя слишкомъ 40 лѣтъ (865 — 907), а несчастный Игоревъ спустя еще 35 лѣтъ (941). Въ такомъ продолжительномъ мирѣ очень рѣдко уживаются и теперешнія христіанскія, просвѣщенныя и высокообразованныя государства, вовсе не похожія на нашу древнюю варварскую и, по рисунку норманистовъ, грабительскую Русь. Уже это одно показываетъ, сколько эта грабительская Русь дорожила своими связями съ Греціею и какъ заботливо охраняла себя отъ враждебныхъ столкновеній съ богатымъ и очень полезнымъ ей народомъ. О грабежѣ и неистовствѣ ратныхъ надо припомнить только одно, что въ то время это былъ обычный способъ войны не у однихъ варваровъ, но и у христіанъ—Грековъ, какъ и у всѣхъ христіанъ западной Европы съ Карломъ Великимъ во главѣ. Однако способъ войны не есть характеръ народности, и норманисты внесли великую ложь въ начальную Русскую Исторію, заставивши изслѣдователей безпрестанно повторять заученныя фразы о разбойномъ характерѣ первыхъ Руссовъ, и главное о томъ, что будто бы и государство основано разбойными дѣлами. Такъ дѣйствительно основывали государства Норманны и вообще Германское племя, но не совсѣмъ такъ его основывали Славяне и въ особенности наши Руссы—Венды. Въ теченіи 80 лѣтъ они сдѣлали два похода на Царьградъ, вынужденные, конечно, греческими обидами и за это прославлены Исторіею кровожадными разбойниками! Такъ ложная точка отправленія всегда превращаетъ и всякую истину въ ложь, почему и вопросъ о происхожденіи Руси очень важенъ именно въ томъ отношеніи, что его норманское или собственно нѣмецкое рѣшеніе во многомъ совсѣмъ исказило первоначальный образъ Русской Исторіи.

Игоревъ договоръ съ довольною ясностію вообще раскрываетъ, что послѣ 30 лѣтъ мира съ Греками, Русь стала сильнѣе прежняго; покрайней мѣрѣ такъ смотрятъ на

нее сами Греки. Изъ опасенья къ ней, они держатъ дружбу съ Печенѣгами, именно по тому поводу, что Печенѣги могутъ во всякое время вредить Кіевскому гнѣзду. Однако и при Печенѣгахъ Русь все-таки распространяетъ свое владычество надъ Корсунскою страной, о чемъ прямо говорятъ Греки и выговариваютъ у Русскаго князя даже охраненіе этой страны. Они теперь останавливаютъ это естественное, такъ сказать, стихійное теченіе Русской силы на Таврическій полуостровъ. Затѣмъ, еще примѣта явной Русской силы:—при Олегѣ сама Русь очень хлопочетъ, чтобы въ Царьградѣ не было съ нею самоуправства, а теперь Греки выговариваютъ, чтобъ Русь въ Греціи же не поступала самоуправно съ виноватыми Греками.

Такимъ образомъ, если Игорь вообще не былъ счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, за то его княженіе неизмѣнно продолжало дѣло отцовъ и къ концу укрѣпилось съ Греками отцовскими же постановленіями. Онъ съ честью обновилъ ветхій—древній и устарѣвшій миръ, допустивъ неизбѣжныя дополненія и измѣненія въ условіяхъ, какія сами собою наросли въ теченіи мирныхъ 30 лѣтъ.

Ко времени остановленнаго похода въ Грецію, по арабскимъ свидѣтельствамъ, относится Русскій походъ на Каспійское море. Очень естественно предполагать, что по заключеніи мира съ Греками, оставшись безъ дѣла, нѣкоторыя дружины Руссовъ вспомнили о Каспійскомъ погромѣ и пошли мстить и конечно грабить тамошніе богатые края. Одинъ Армянскій писатель, почти современникъ событія, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее[98]: „Въ то время (944 г.) съ сѣвера грянулъ народъ дикій и чуждый, Рузики. Они подобно вихрю распространились по всему Каспійскому морю.... Не было возможности сопротивляться имъ. Они предали городъ Бердаа лезвію меча и завладѣли всѣмъ имуществомъ жителей. Туземный воевода осадилъ ихъ въ городѣ, но не могъ нанесть имъ никакого вреда, ибо они были непобѣдимы силою. Женщины города, прибѣгнувъ къ коварству, стали отравлять Рузовъ; но тѣ, узнавъ объ этой измѣнѣ, безжалостно истребили женщинъ и дѣтей ихъ и пробывъ въ городѣ 6-ть мѣсяцевъ, совершенно опусто-

шили его. Остальные, подобно трусамъ (!), отправились въ страну свою съ несмѣтною добычею."

Арабы разсказываютъ подробнѣе объ этомъ событіи: „Въ это время въ Хозарскомъ морѣ появились Руссы. Одна ихъ ватага поднявшись вверхъ по рѣкѣ Куру, внезапно напала на городъ Бердаа. Въ одинъ часъ они разбили выступившее имъ на встрѣчу туземное войско въ числѣ 5,000 чел. Жители метались изъ города, спасаясь, кто куда. Но вступивъ въ городъ, Руссы объявили всѣмъ помилованіе и поступали съ жителями хорошо. Народъ однако очень враждовалъ и безпокоилъ пришельцевъ. Тогда побѣдители послали по городу вѣстника съ объявленіемъ, чтобы всѣ выходили вонъ изъ города, и дали сроку три дня. Одни успѣли выбраться, другіе не успѣли. Оставшихся, Руссы, иныхъ умертвили, иныхъ забрали въ плѣнъ (будто бы 10,000 чел.). Всѣхъ достаточныхъ, отъ которыхъ надѣялись получить выкупъ, заперли въ мечеть. Тутъ вступился за несчастныхъ одинъ христіанинъ и сторговался о цѣнѣ выкупа. Рѣшено было брать 20-ть диргемовъ за голову. Большая часть отказалась платить выкупъ. Руссы всѣхъ до послѣдняго умертвили. Послѣ того они разграбили городъ, взяли въ рабство дѣтей и отобрали себѣ женщинъ самыхъ красавицъ" [99].

По всей странѣ разнеслись слухи о бѣдствіи города и мусульмане поднялись всеобщимъ ополченіемъ; собралось больше 30-ти тысячъ войска. Сражались и утромъ, и вечеромъ; но Руссы разбили ополченіе и, собравшись въ тамошній кремль, расположились повидимому зимовать въ городѣ. Только одинъ врагъ могъ выжить непрошенныхъ гостей,—это чрезвычайное изобиліе въ странѣ всякаго рода садовыхъ плодовъ, отъ употребленія которыхъ между Руссами распространилась повальная болѣзнь, еще больше усилившаяся, когда они заперлись въ крѣпости. Смерть опустошала ихъ ряды; они хоронили покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и другимъ имуществомъ. Послѣ ихъ ухода мусульмане добыли много вещей изъ ихъ могилъ. Между тѣмъ выпалъ уже снѣгъ. Живя все-таки въ осадѣ со стороны туземцевъ и видя неминуемую погибель отъ повальной болѣзни, Руссы порѣшили уйдти домой. Ночью они перебрались съ захваченною добычею на свои корабли и

удалились безъ всякаго преслѣдованія. Такъ Аллахъ очистилъ отъ нихъ страну. Насчитывали убитыми въ это время до 20-ти тысячъ. Но для Русскихъ походъ все-таки не былъ особенно благополученъ.

Въ Кіевѣ тоже готовилось общее горе. Наступала осень. По обычаю слѣдовало идти за сборомъ дани. Игорь почему-то съ особымъ рѣшеніемъ остановился на Древлянахъ и задумалъ промыслить на нихъ еще бо́льшую дань. Въ то время собралась къ нему дружина и стала говорить: „Ты Свѣнтельду отдалъ Древлянскую дань. Ты ему же отдалъ дань Уличей. Ты отдалъ одному много, а другимъ мало. Свѣнтельдовы люди довольны всѣмъ, изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы у тебя наги. Пойди, княже, въ дань, а мы съ тобою; и ты, господине, добудешь, и мы“. Здѣсь въ лѣтописи въ первый разъ дружина заговорила своимъ обычнымъ языкомъ и въ первый разъ высказала свои обычныя стремленія и цѣли.

Непослушать этого голоса храбрыхъ и сильныхъ людей было невозможно. Князь жилъ дружиною, ею былъ силенъ и великъ. Безъ дружины онъ и самъ не значилъ ничего. Игорь принялъ совѣтъ и отправился въ Дерева. Какъ сказано, онъ промышлялъ къ установленной первой дани еще бо́льшую, конечно, употребляя всякія вымогательства и насиліе. Бояре по своимъ мѣстамъ дѣлали тоже. Вотъ уже земля была выхожена вдоль и поперегъ, дань была собрана и всѣ возвращались домой. Но князь, поразмысливъ, сказалъ боярамъ: „Вы идите домой, въ Кіевъ, а я останусь и еще похожу“,—и направился съ небольшимъ отрядомъ къ городу Искоростеню. Услыхавши, что Игорь опять поворотилъ, Древляне стали думать-гадать съ своимъ княземъ, какъ быть? Они узнали, что Русскій князь идетъ въ малой дружинѣ, на легкѣ, и порѣшили такъ: „Повадится волкъ въ овцы, то выноситъ все стадо. Такъ и волкъ—Русскій князь, всѣхъ насъ погубитъ, если не убьемъ его“. Однако прежде всего они послали сказать Игорю: „Почто опять идешь? Вѣдь ты собралъ всю дань, еще и больше своего урока“? Игорь не слушалъ и шелъ своею дорогою; но Древляне предупредили его, выбѣжали изъ города и напали на волчье стадо. Князь былъ убитъ и вся дружина перебита до одного. У Грековъ разсказывали, что Древляне совершили надъ княземъ убій-

ство позорное. Они привязали его къ двумъ нагнутымъ деревьямъ и заживо растерзали пополамъ, распустивши связанныя деревья.

„Есть его могила у города Искоростеня и до сего дня", прибавляетъ лѣтописецъ [100]. Не безъ особой мысли онъ разсказываетъ подробности о злосчастномъ походѣ Игоря къ Древлянамъ. По видимому, народная память сохраняла ихъ, какъ любезный примѣръ того возмездія, какое всегда ожидало недобраго князя въ его отношеніяхъ къ земству.

Князь Горяй окончилъ свою жизнь бѣдою, по той причинѣ, что много слушался дружины, слушался ея безъ разума и подчинялся ея алчнымъ совѣтамъ во вредъ Землѣ. Какъ видно, совѣты дружины воспитали въ немъ лютаго волка. По волчьи онъ тѣснилъ Древлянъ, по волчьи онъ совсѣмъ отогналъ съ своихъ мѣстъ Уличей. И самый сборъ даней между дружинниками онъ дѣлилъ также по волчьи, съ обидою, отдавалъ одному много, другимъ мало. Наконецъ у Древлянъ онъ самъ явился послѣднимъ изъ дружинниковъ, самъ, какъ жадный и ненасытный слуга дружины, побѣжалъ отнимать у народа послѣднее, что можно было еще отнять. Все это народъ очень хорошо помнилъ долгое время и на память самимъ же князьямъ занесъ въ лѣтопись исторію княжескаго хищничества съ ея поучительнымъ концомъ.

Однако въ этихъ самыхъ злосчастныхъ дѣлахъ и неудачахъ Игорева княженія завязаны были многіе узлы, которыхъ молодая Русь не могла оставить безъ развязки. Таковы были отношенія къ Поволжью, Булгарскому и Буртасскому, и къ самымъ Хозарамъ, гдѣ совершился бѣдственный возвратъ Руси съ Каспійскаго моря. Этого горя, этой обиды невозможно было забыть [101]. Еще тяжеле была кровавая обида отъ Древлянъ. Накопившаяся обида возбуждала чувство мести и должна была, рано или поздно, породить свои особыя дѣла. Съ Древлянами расправа произошла очень скоро.

ГЛАВА IV.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Ольгино мщеніе за смерть мужа. Земская мудрость Ольги. Ея походъ въ Царьградъ. Русская княгиня во дворцѣ царей. Царскія палаты и пріемныя торжества. Пріемы Ольги. Особая ей почесть. Составъ ея свиты. Значеніе похода.

Въ то время, какъ Игорь погибалъ у Древлянскаго Искоростеня, въ Кіевѣ оставалась его княгиня Ольга съ маленькимъ сыномъ Святославомъ. Княгиню и городъ и всю землю вмѣсто князя оберегалъ воевода Свѣнтельдъ, а Святослава хранилъ его кормилецъ или дядька Асмудъ, иначе Асмолдъ [102]. Такое событіе, какъ убійство князя подвластнымъ племенемъ, и притомъ племенемъ издавна враждебнымъ Кіеву, должно было произвести сильное возбужденіе во всемъ городѣ. Лѣтописецъ объ этомъ умалчиваетъ и передаетъ только народную повѣсть о томъ, какъ совершилось Русское мщеніе надъ всею Древлянскою землею.

Первую вѣсть о смерти Игоря принесли Ольгѣ Древлянскіе же послы. Убивши Русскаго князя, Древляне задумали совсѣмъ упразднить княжій родъ въ Кіевѣ и разсудили такъ: „Русскаго князя мы убили; возмемъ его княгиню Ольгу въ жены нашему князю; а Святослава тоже возмемъ и сотворимъ съ нимъ, какъ захочемъ“. Въ этомъ по виду сказочномъ Древлянскомъ рѣшеніи можетъ скрываться дѣйствительное обстоятельство, по которому Древляне, какъ побѣдители, намѣревались вообще завладѣть Кіевскимъ княженьемъ. Борьба съ Кіевомъ, продолжавшаяся со временъ Аскольда почти сто лѣтъ и окончившаяся теперь такою удачею, давала естественный поводъ возстановить Древлянское

могущество именно присоединеніемъ Кіевскаго княженья къ Древлянской землѣ. Естественно также, что Древляне прежде всего желали привести въ исполненіе свой замыселъ мирнымъ путемъ, именно сватовствомъ. Видимо, что теперь они дѣйствуютъ не какъ данники и рабы Кіева, но какъ Земля самостоятельная и независимая, передъ которою Кіевъ, потерявши своего князя, представляется вполнѣ безсильнымъ, и по народнымъ понятіямъ, въ образѣ своей княгини, получаетъ значеніе невѣсты для Древлянскаго князя. Порѣшивши на этой мысли, Древляне послали къ Ольгѣ пословъ или сватовъ, 20 человѣкъ лучшихъ мужей, старѣйшихъ бояръ. Послы приплыли къ Кіеву въ ладьяхъ, потому что сообщеніе съ Древлянскою Землею шло по рѣкамъ. Древляне сидѣли между рѣками Тетеревомъ и Припетью, которыя обѣ впадали въ Днѣпръ выше Кіева. Середина ихъ поселенія, повидимому, была расположена по р. Ушъ, впадающей въ Припеть. Городъ Искоростень стоялъ на Ушѣ, въ которую съ лѣва впадаетъ притокъ Деревъ (Дзеревъ, Жеревъ), сохраняющій самое имя Древлянъ, и пониже другой притокъ, Норынъ, на которомъ стоялъ главный городъ Земли, Овручь.

Вотъ сказали Ольгѣ, что приплыли подъ Кіевъ Древлянскіе послы. Княгиня позвала ихъ къ себѣ. „Добрые гости пришли“? спросила княгиня.—„Добрые пришли, княгиня“, отвѣтили послы. Этотъ вопросъ Ольги, какъ и отвѣтъ пословъ—сватовъ переноситъ насъ въ кругъ свадебныхъ обрядовъ, когда сваты обыкновенно являются, какъ совсѣмъ незнаемые и неизвѣстные люди и объясняютъ только, что они пришли люди добрые. Очевидно, что народная повѣсть начинаетъ именно свадебнымъ обрядомъ и рисуетъ въ своемъ разсказѣ сочетаніе свадебнаго замысла со стороны Древлянъ съ замысломъ Ольги—исполнить свою месть и совершить не простое наказаніе убійцамъ, но торжественныя похороны мужа по обрядамъ язычества. Во всей повѣсти разыгрывается въ одно и тоже время свадьба и похороны, ожидаемое веселье и горькій плачъ.

„Говорите, съ какимъ дѣломъ сюда пришли?“ вопрошаетъ Ольга.—„Послала насъ Древлянская Земля, отвѣчаютъ послы, а велѣла тебѣ сказать: мужа твоего убили! А за то, что былъ твой мужъ, аки волкъ, хищникъ неправедный и

грабитель. А у насъ князья добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, какъ добрые пастухи. Пойди замужъ за нашего князя". Былъ ихъ князь именемъ Малъ.

„Любо мнѣ слушать вашу рѣчь, сказала Ольга. Уже мнѣ своего Игоря не воскресить! Теперь идите въ свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу васъ почтить великою почестью передъ своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугамъ: не ѣдемъ на коняхъ, не ѣдемъ и на возахъ, не хотимъ идти и пѣшкомъ,—несите насъ въ ладьяхъ! И взнесутъ васъ въ городъ въ ладьяхъ. Такова будетъ вамъ почесть. Таково я люблю вашего князя и васъ!"

Послы обрадовались и пошли къ своимъ ладьямъ пьяны—веселы, воздѣвая руками и восклицая; „Знаешь ли ты, нашъ князь, какъ мы здѣсь тебѣ все уладили!"

А Ольга тѣмъ временемъ велѣла выкопать на своемъ загородномъ теремномъ дворѣ, вблизи самаго терема, великую и глубокую яму, въ которую былъ насыпанъ горящій дубовый уголь. На утро она сѣла въ теремѣ и послала звать къ себѣ гостей. „Зоветъ васъ Ольга на любовь!" сказали посламъ пришедшіе Кіевляне. Послы все исполнили, какъ было сказано. Усѣлись въ ладьяхъ, развалившись и величаясь, и потребовали отъ Кіевлянъ, чтобы несли ихъ прямо въ ладьяхъ. „Мы люди подневольные, отвѣтили Кіявляне, князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ замужъ за вашего князя"! Подняли ладьи и торжественно понесли пословъ—сватовъ къ княгинину терему. Сидя въ ладьяхъ Древлянскіе послы гордились и величались. Ихъ принесли во дворъ княгини и побросали въ горящую яму вмѣстѣ съ ладьями. „Хороша ли вамъ честь!" воскликнула Ольга, приникши къ ямѣ.—„Пуще намъ Игоревой смерти", застонали послы. Ольга велѣла засыпать ихъ землею живыхъ.

Потомъ она послала къ Древлянамъ сказать такъ: „Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще пословъ, самыхъ честнѣйшихъ, чтобы могла идти отсюда съ великою почестью, а безъ той почести люди Кіевскіе не пустятъ меня". Древляне избрали въ новое посольство самыхъ нàбольшихъ мужей, державцевъ, что держатъ Древлянскую землю.

А Древлянскій князь, въ ожиданіи невѣсты, устроивалъ веселіе къ браку и часто видѣлъ сны: вотъ приходитъ къ нему Ольга и даритъ ему многоцѣнныя одежды, червленыя, всѣ унизаны жемчугомъ, и одѣяла червленыя съ зелеными узорами, и ладьи осмоленыя, въ которыхъ понесутъ на свадьбу жениха и невѣсту.

Какъ пришли новые послы, Ольга велѣла ихъ угощать, велѣла истопить имъ баню, избу мовную. Это было старозавѣтное угощеніе для всякаго добраго и дорогаго гостя. Влѣзли Древляне въ истопку и начали мыться. Двери за ними затворили и заперли, и тутъ же отъ дверей зажгли истопку; тамъ они всѣ и сгорѣли.

Послѣ того Ольга посылаетъ къ Древлянамъ съ вѣстью: „Пристроивайте—варите меды! Вотъ уже иду къ вамъ! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу надъ его гробомъ; для людей сотворю ему тризну, чтобъ видѣлъ мой сынъ и Кіевляне, чтобъ не осудили меня“! Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась изъ Кіева на легкѣ съ малою дружиною. Придя къ гробу мужа, стала плакать, а, поплакавши, велѣла людямъ сыпать могилу великую. Когда могила была ссыпана въ большой курганъ, княгиня велѣла творить тризну (поминки). Послѣ того Древляне, лучшіе люди и вельможи, сѣли пить. Ольга велѣла отрокамъ (слугамъ) угощать и поить ихъ вдоволь. Развеселившись, Древляне вспомнили о своихъ послахъ. „А гдѣ же наша дружина, наши мужи, которыхъ послали за тобою?“ спросили они у Ольги.—„А идутъ за мною съ дружиною моего мужа, приставлены беречь скарбъ,“ отвѣтила княгиня. Вотъ уже Древляне упились, какъ слѣдовало. Княгиня велѣла отрокамъ пить на нихъ, что̀ значило пить чашу пополамъ за братство и любовь, и за здоровье другъ друга, отчего отказываться было невозможно; таковъ былъ обычай. Это называлось также перепивать другъ друга. Сама княгиня поспѣшила уйдти съ пира. Въ-конецъ опьянѣвшіе Древляне были всѣ посѣчены, какъ трава. Тутъ ихъ погибло пять тысячъ. Княгиня возвратилась въ Кіевъ и стала готовить войско, чтобы истребить Древлянскую силу до остатка.

Окончились торжественныя похороны Игоря; окончилась троекратная месть вдовы за кровь своего мужа: погребеніе

живыхъ въ землѣ, въ горящей ямѣ; погребеніе живыхъ въ огнѣ—сожженіемъ; закланіе ихъ жертвами надъ самою могилою убитаго [103]. Теперь поднималась месть сына.

На другое лѣто Ольга привела въ Древлянскую Землю многое и храброе войско подъ предводительствомъ маленькаго Святослава съ воеводою Свѣнтельдомъ и съ дядькою малютки Асмолдомъ. Древляне тоже собрались и вышли противъ. Полки сошлись лицомъ къ лицу и первымъ началъ битву малютка Святославъ. Онъ первый сунулъ копье на Древлянъ. Копье полетѣло между ушей коня и упало коню въ ноги. Княжее дѣло было исполнено. „Князь уже началъ! воскликнули воевода и дядька. „Потягнемъ, дружина, по князѣ!“ Поле битвы осталось за Кіевлянами. Древляне разбѣжались по городамъ и заперлись въ осаду. Ольга съ сыномъ пошла прямо къ Искоростеню, гдѣ былъ убитъ Игорь. Этотъ городъ зналъ, что ему пощады не будетъ, и потому боролся крѣпко.

Стоитъ Ольга подъ городомъ все лѣто, а взять его не можетъ. Княгиня наконецъ умыслила такъ: послала въ городъ и говоритъ: „Чего вы хочете досидѣть? Всѣ ваши города отдались мнѣ, всѣ люди ваши взялись платить дань; теперь спокойно дѣлаютъ свои нивы, пашутъ землю, а вы хочете видно помереть голодомъ, что не идете въ дань.“

„Рады и мы платить дань, отвѣчали горожане, да ты хочешь мстить на насъ смерть мужа.“

„А я уже мстила обиду мужа, отвѣчала Ольга. „Первое, когда пришли ваши первые послы въ Кіевъ творить свадьбу; потомъ второе, со вторыми послами, и потомъ третье, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, въ Кіевъ. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться съ вами. Буду собирать отъ васъ дань легкую.“—„Бери, княгиня, чего желаешь, отвѣчали Древляне. „Рады давать медомъ и дорогими мѣхами.“—„Вы изнемогли въ осадѣ, говоритъ Ольга. Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни мѣховъ. Хочу взять отъ васъ дань на жертву богамъ, а мнѣ на изцѣленіе головной болѣзни,—дайте отъ двора по три голубя и по три воробья. Тѣ птицы у васъ есть, а по другимъ мѣстамъ я повсюду собирала, да нѣтъ ихъ! И то вамъ будетъ дань изъ рода въ родъ!“

Горожане были рады и скоро исполнили желаніе княгини, прислали птицъ съ поклономъ. Ольга повѣстила, чтобъ жили теперь спокойно, а на утро она отступитъ отъ города и пойдетъ въ Кіевъ. Услышавши такую вѣсть, горожане возрадовались еще больше и разошлись по дворамъ спать спокойно. Голубей и воробьевъ Ольга раздала ратнымъ, велѣла къ каждой птицѣ привязать горючую сѣру съ трутомъ, обернувши въ лоскутъ и завертѣвши ниткою, и какъ станетъ смеркаться, выпустить всѣхъ птицъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда, голуби въ голубятни, а воробьи подъ застрѣхи. Городъ въ одинъ часъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ, загорѣлись голубятни, клѣти, вежи, одрины, всѣ дворы, такъ что и гасить было невозможно [104]. Люди повыбѣжали изъ города; но тутъ и началась съ ними расправа: однихъ убивали, другихъ забирали въ рабство; старѣйшинъ всѣхъ забрали и сожгли. Такъ совершилось Русское мщеніе за смерть Русскаго князя. Все это были жертвы душѣ убитаго. Сожженъ цѣлый городъ съ его старѣйшинами. Самое его имя Искоростень, повсему вѣроятію, означаетъ костеръ зажженный, ибо искрестомъ назывался, какъ мы упоминали, и Цареградскій маякъ.

Совершивъ мщеніе, Ольга положила на Древлянъ тяжкую дань: по 2 черныхъ куны, по 2 веверицы, кромѣ мѣховъ и меда [105]. Двѣ части этой дани шли на Кіевъ, а третья на Вышгородъ, самой Ольгѣ, потому что это былъ ея особый городъ, Вользинъ градъ. Для устройства дани Ольга и съ сыномъ и съ дружиною прошла по всей Древлянской землѣ, вдоль и поперегъ, уставляя уставы и уроки. Ея тамошнія становища и ловища оставались памятны долгое время.

Весь этотъ разсказъ о смерти Игоря и о мщеніи Ольги очевидно записанъ лѣтописцемъ со словъ народнаго преданія, которое красками эпическаго созерцанія рисуетъ однако дѣйствительное событіе и отнюдь не сказку—складку. Всѣ обстоятельства разсказа и даже всѣ ихъ подробности очень просты и очень согласны съ дѣйствительною правдою. Повѣсть особенно заботится только выставить на видъ остроуміе или собственно хитрость ума Ольги остроумной, какъ называетъ ее Переяславскій лѣтописецъ начала 13-го вѣка. Оттого и Древляне, затѣявши точно также остроум-

но овладѣть Кіевомъ, являются предъ хитростью Русской княгини сущими простаками. Впрочемъ они ведутъ себя добродушно и довѣрчиво, какъ подобаетъ простымъ и добрымъ людямъ, вполнѣ увѣреннымъ, что они устроиваютъ очень выгодную свадьбу своему князю. Преданіе вовсе не ставитъ ихъ людьми глупыми. Напротивъ, при всякомъ случаѣ, оно рисуетъ ихъ людьми разсудительными, поступающими весьма осторожно. Они, какъ лѣсные обитатели, представляются только простѣе, добродушнѣе промышленныхъ Кіевлянъ, этихъ ловкихъ людей съ большой Днѣпровской дороги, руководимыхъ къ тому же и местью за смерть князя, и своею княгинею, умнѣйшею отъ человѣкъ. Самая дань городскими птицами объясняется разсудительно и согласно съ настоящею правдою, ибо Ольга требуетъ птицъ на жертву богамъ, что въ глазахъ язычника не могло казаться чѣмъ либо необычайнымъ и нелѣпымъ, а тѣмъ болѣе, что древняя дань распространялась на всевозможные предметы, какіе только могли идти въ потребленіе. Лѣтописецъ видимо желалъ показать, что и разумные, и разсудительные люди все-таки не устояли предъ остроуміемъ Ольги.

Для язычника, который имѣлъ свои понятія о нравственномъ законѣ, хитрость ума, въ какомъ бы видѣ она не являлась, представляла высокое нравственное качество, всегда приводившее его въ восторгъ и восхищенье, и всегда имѣвшее для него значеніе вѣщей силы. Поэтому прикладывать наши теперешнія нравственныя понятія о хитрости въ оцѣнкѣ хитрыхъ дѣяній первыхъ людей, и въ томъ числѣ дѣяній Ольги, значитъ совсѣмъ не понимать задачъ и требованій исторической да и вообще жизненной правды.

Въ древнихъ понятіяхъ хитрость, даже обманная, означала собственно искусство побѣждать остротою ума и враговъ, и всякія препятствія, стоявшія на пути къ достиженію цѣли. Это въ кругу нравственныхъ дѣяній. Въ кругу всякихъ другихъ дѣлъ, хитрость прямо значила искусство, художество; хитрецъ, хитрокъ—художникъ, творецъ, отчего и Творецъ всѣхъ вещей именуется Всехитрецомъ, Добрумомъ Хитрецомъ.

Тонкимъ искусникомъ и хитрецомъ обрисовывается и Ольга въ своей мести за смерть мужа и за смерть Русскаго

князя. Прямой нравственный долгъ княгини, матерой вдовы, за малолѣтствомъ сына, державшей Русское княженіе, требовалъ отъ нея безпощадной мести старымъ врагамъ Древлянамъ. Въ этомъ заключался высокій нравственный законъ языческаго общества. Месть могла подняться общимъ походомъ на Древлянъ, но сами же Древляне дали поводъ исполнить ее безъ особыхъ потерь. Они завели сватовство своего князя съ Русскою княгинею, главною цѣлью котораго было совсѣмъ присоединить Кіевскую область къ своей Древлянской Землѣ. Въ этой мысли нѣтъ ничего необычайнаго, сказочнаго или глупаго, какъ насъ увѣряютъ [106]. Напротивъ, Древляне здѣсь дѣйствуютъ столько же умно, какъ дѣйствовала и Ольга. Посредствомъ княжескихъ браковъ соединялись въ одно цѣлое и не такія Земли. Вспомнимъ соединеніе Литвы съ Польшею. Ольга воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и притворилась желающей выйдти за мужъ за князя Мала. Отсюда и начинается ея искусство вести дѣло. Она совершаетъ упомянутые три порядка мести въ честь убитаго мужа и приноситъ въ жертву его душѣ честнѣйшихъ людей Древлянской Земли. Во всѣхъ случаяхъ гибнутъ избранные лучшіе люди, старѣйшины, державцы, защитники и управители. Выясняется извѣстная политика умныхъ князей-завоевателей—вынимать душу Земли, какъ говорили о Москвѣ Новгородцы и Псковичи; истреблять или выводить ея верхній, дѣйствующій, руководящій, богатый и знатный слой. Безъ того нельзя было покорить, какъ слѣдуетъ, ни одной Земли. Это была ходячая и въ своихъ цѣляхъ мудрая и дальновидная житейская практика при распространеніи владычества надъ странами. Судить и осуждать ее можетъ только Исторія.

Въ числѣ бытовыхъ порядковъ, сопровождавшихъ разныя обстоятельства этого событія, обращаетъ вниманіе ношеніе дорогихъ гостей въ лодкахъ. Мы не думаемъ, чтобы эти ладьи являлись здѣсь только сказочною прикрасою. Видимо, что они употреблялись, какъ и сани, въ качествѣ почетныхъ носилокъ, когда требовалось дѣйствительно оказать комулибо высокую почесть. Могло случаться, что, при особомъ торжествѣ, въ лодкахъ вносились прямо съ берега въ городъ любимые люди и особенно любимые князья. Лодками дарила Ольга князя Мала, какъ онъ видѣлъ во снѣ, и именно для

того, чтобы въ нихъ нести его съ невѣстою на бракъ. Изъ этой отмѣтки видно, что лодка и въ свадебномъ обрядѣ занимала свое мѣсто. У людей проводившихъ большую часть жизни на водѣ, жившихъ постоянно въ лодкѣ, каковы были первые Руссы, лодка очень естественно въ необходимыхъ случаяхъ могла замѣнять сухопутную колесницу или носимый чертогъ и потому могла получить обрядовое значеніе. Въ лодкѣ же язычники Руссы хоронили (сожигали) своихъ покойниковъ, какъ видѣлъ арабъ Ибнъ-Фоцланъ [107]. Можно полагать, что память о языческихъ обрядахъ погребенія заставила уже въ христіанское время покрыть убитаго и брошеннаго между двумя колодами князя Глѣба тоже лодкою, что соотвѣтствовало какъ бы исполненному погребенію.

Изображая такую языческую старину о порядкахъ княжескаго мщенія и погребенія, народная повѣсть рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя воззрѣнія на значеніе личности князя въ тогдашнемъ обществѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ князь является сыномъ Земли. Не самъ князь, а вся Древлянская Земля, какъ родная мать, устроиваетъ его бракъ съ Ольгою. Во всѣхъ дѣйствіяхъ личность князя стоитъ позади и ничего личнаго не предпринимаетъ. Князь вообще не представляетъ въ себѣ ничего господарскаго, самодержавнаго или феодальнаго; онъ и послѣ именуется только господиномъ, что имѣетъ большое различіе съ именемъ государь, господарь, обозначавшимъ вообще владѣльца-собственника Земли. Стало быть кругъ понятій о значеніи князя для Земли не заключалъ въ себѣ представленія о самодержавномъ собственникѣ, но ограничивался больше всего представленіями о пастырѣ-водителѣ, какъ и разумѣютъ Древляне своихъ князей, выражаясь, что они распасли Деревскую Землю. Первая и главнѣйшая обязанность князя выставляется въ дѣйствіи малютки Святослава, починать сраженіе, битву. Все это самородныя бытовыя черты, отзывающіяся глубокою древностію.

Кровь Игоря была жестоко отомщена. Она пала на головы цѣлаго племени, изстари враждебнаго Кіеву, и которое теперь было укрощено и обезсилено навсегда. Но эта самая кровь заставила и кіевскую дружину опомниться и

устроить свои отношенія къ Землѣ не на волчьихъ порядкахъ, а на правильныхъ уставахъ и урокахъ, на уговорахъ и договорахъ. Промышленный путь Игоря къ Древлянамъ, какъ видѣли, не руководствовался никакимъ правиломъ и никакимъ уставомъ и основывался лишь на правѣ сильнаго грабителя, на правѣ волка, почитавшаго своею добычею все, что ни попадалось подъ руку. Нѣтъ сомнѣнія, что точно также въ первое время дѣйствовали очень многіе дружинники, сидѣвшіе по городамъ въ покоренныхъ земляхъ. Самое слово дань въ первоначальномъ смыслѣ должно было обозначать только одно даяніе, вынужденное силою и ничѣмъ не опредѣленное. Первый собиратель даней естественно еще смотрѣлъ на эти поборы глазами простаго промышленника за звѣремъ и птицею, и добывалъ все, что можно было добывать, нисколько не заботясь о томъ, что будетъ дальше. Онъ ловилъ звѣря и птицу въ томъ количествѣ, въ какомъ они попадались въ его ловецкія снасти; точно также и самую дань онъ ловилъ въ томъ количествѣ, въ какомъ она представлялась его глазамъ. Но людское дѣло не звѣриное; оно тотчасъ требуетъ устава и порядка, а въ противномъ случаѣ готовитъ гибель тому же собирателю дани. Очень памятная для народа мудрость Олега состояла въ томъ, что у однихъ племенъ, платившихъ дань Хозарамъ, онъ оставилъ дани въ старомъ порядкѣ, а Сѣверянамъ даже облегчилъ дани, лишь бы не платили Хозарамъ. Другимъ племенамъ, на сѣверѣ и у Древлянъ, онъ далъ уставы, то-есть поставилъ правило, какъ, когда и сколько платить; значитъ вообще дѣйствовалъ по-людски, разсудительно и разумно. Дружина, конечно, никогда не могла оставаться въ границахъ, ибо всегда нуждаясь и всегда желая большаго, она по необходимости и должна была разносить по землѣ насилье и обиду. При Игорѣ она вывела на свой путь и самого князя; и онъ жестоко поплатился за то, что забывъ княжескія, земскія выгоды, сталъ служить только выгодамъ дружины. Но княжеская мудрость Олега была возстановлена Ольгою, которая не даромъ прозывалась его же именемъ. Вся княжеская дѣятельность Ольги тѣмъ особенно и прославляется, что она уставила хозяйственный порядокъ по всей Русской Землѣ. На другой же годъ послѣ древлянскаго погрома, она ходила въ Новгородъ и уставила тамъ

погосты, дани и оброки, по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ, то-есть на право и на лѣво по всей Новгородской области. И во Псковѣ оставались ея сани очень долгое время, спустя слишкомъ сто лѣтъ; и по Днѣпру, и по Деснѣ извѣстны были ея перевѣсища, на ловлю звѣрей; и по всей Землѣ существовали ея ловища и знаменья, и мѣста и погосты. Одно село такъ и называлось Ольжичи, замѣчаетъ лѣтописецъ; но и теперь много селъ носятъ это святое имя.

Очень короткія слова лѣтописца вообще могутъ служить достаточнымъ показаніемъ, что княгиня-хозяйка объѣздила самолично всю землю вдоль и поперегъ, уставляя повсюду правило и порядокъ въ самомъ существенномъ дѣлѣ земскихъ отношеній. Видимо, что она не только опредѣлила количество дани, извѣстные сроки для сбора, но и указала мѣста, куда эта дань должна была сосредоточиваться изъ ближайшихъ окрестныхъ поселковъ. Все это было памятно Русскимъ людямъ, спустя лѣтъ полтораста и больше, въ 11 и въ 12 вѣкахъ, когда лѣтописецъ началъ описывать временныя лѣта и прибавлялъ, что все это есть и до сего дня! И все это было памятно конечно по той причинѣ, что глубоко касалось земскихъ выгодъ, земскихъ порядковъ и касалось доброю, хозяйскою стороною, гдѣ княжеская власть являлась добрымъ пастухомъ и зоркимъ охранителемъ земледѣльческой и всякой промышленной жизни.

„Все на этомъ свѣтѣ остроумная Ольга искала мудростью", говоритъ лѣтописецъ, и естественно, что къ концу своего пути она обрѣла истинный источникъ мудрости—Христово ученіе. Такъ по всему вѣроятію доходили до этого источника многіе изъ тогдашней Руси. Изыскивая и испытывая, что творилось во всей Русской землѣ, чѣмъ и какъ жила эта Земля, объѣхавши всю эту Землю изъ конца въ конецъ, Ольга, слѣдуя естественному влеченію своей пытливости должна была рано ли, поздно ли побывать и въ Царьградѣ, ибо все лучшее и дорогое въ жизни, все, чѣмъ украшалась Русская жизнь въ тотъ вѣкъ приходило изъ Царьграда и тамъ сосредоточивалось. Царьградъ для русскихъ людей 10-го вѣка былъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ для нихъ Парижъ со

второй половины 18-го вѣка. Теперь представлялся къ этому самый святой поводъ. По разсказу лѣтописи, Ольга пожелала принять св. крещеніе отъ рукъ самого патріарха, что очень вѣроятно, хотя греческія свидѣтельства и не упоминаютъ объ этомъ. Она могла креститься въ Кіевѣ, могла для этого ѣхать въ Корсунь; но ея мысль необходимо уносилась въ славный Царьградъ. Тамъ было средоточіе христіанской жизни, тамъ хранились святые памятники Христіанства отъ первыхъ вѣковъ, тамъ только возможно было созерцать неизъяснимое для язычника величіе христіанскаго обряда и красоту церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ для кого же изъ тогдашней Руси не былъ любопытенъ этотъ Греческій всемірный торгъ, этотъ городъ, изумительный по своей красотѣ и богатству. Кто не желалъ видѣть своими глазами это „золото, серебро и паволоки“, которыми въ русскомъ воображеніи такъ коротко, но точно обрисовывался весь греческій бытъ.

Самая поѣздка въ Царьградъ для тогдашней Руси была такимъ же обычнымъ дѣломъ, какъ и поѣздка въ Корсунь. Каждое лѣто Днѣпровскія лодки ходили и возвращались по знакомой дорогѣ. Ольга присоединилась къ этому обычному посольскому и гостиному каравану, взявши съ собой большую свиту изъ знатныхъ боярынь, своихъ родственницъ, и изъ своихъ придворныхъ женщинъ. Первыхъ было 16-ть, вторыхъ 18-ть, и безъ сомнѣнія еще больше находилось въ этой свитѣ меньшихъ прислужницъ. Такимъ образомъ Ольгинъ походъ на Царьградъ былъ походомъ русскихъ женщинъ, представлявшихъ главу всего каравана и ѣхавшихъ смотрѣть греческую красоту и искать у Грековъ мудрости.

Нельзя сомнѣваться, что если Ольга отправлялась въ Царьградъ съ прямымъ намѣреніемъ принять тамъ св. крещеніе, то выборъ сопровождавшихъ ее женщинъ, какъ и мужчинъ, во всемъ долженъ былъ согласоваться съ ея главною цѣлью. Не могла она окружить себя крѣпкими язычниками и потому естественно она взяла съ собою только тѣхъ, которые во всемъ слѣдовали за своею княгинею и были готовы къ принятію новой Вѣры столько же, сколько и сама княгиня. Въ числѣ ихъ могли быть и сомнѣвающіеся, но во всякомъ случаѣ способные тоже ей послѣдовать. Тоже мож-

но сказать о боярахъ-послахъ и гостяхъ. По всему вѣроятію, иные изъ нихъ давно уже были христіанами, иные склонялись уже на истинный путь или же были совсѣмъ равнодушны къ перемѣнѣ вѣры. Вообще составъ Ольгиной дружины необходимо долженъ былъ во всемъ отвѣчать ея мыслямъ и намѣреніямъ. Въ противномъ случаѣ и самое путешествіе не было бы безопасно отъ вражды язычниковъ.

Очень также вѣроятно, что Греческій путь былъ дѣломъ привычнымъ не для однихъ русскихъ мужчинъ, но и для женщинъ, для многихъ женъ этихъ отважныхъ мореходовъ—лодочниковъ. Теперь въ лодкахъ черезъ далекое море отправлялись въ Царьградъ не одни рабочія жены, а лучшія, по-крайней мѣрѣ, знатныя женщины всего Кіева. Проѣхать описаннымъ путемъ Днѣпровскіе пороги, хотя бы пройдти ихъ въ виду Печенѣговъ по берегу, пѣшкомъ или при помощи повозокъ, все таки это для знатныхъ женщинъ было дѣломъ до крайности мужественнымъ и отважнымъ. А дальше, волновалось безконечное море, гдѣ надобно были иное мужество и иная отвага. И все это не казалось чѣмъ либо необыкновеннымъ для тогдашнихъ людей; ни одинъ лѣтописецъ не замѣтилъ никакой особенности въ извѣстіи, что „иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду“. Достопамятный походъ обозначенъ въ лѣтописи такими же короткими словами, „иде въ Греки“, какими обозначены и военные походы Олега и Игоря.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ольга, какъ мы замѣтили, приплыла къ Царюграду съ обычнымъ торговымъ русскимъ караваномъ въ обычное время, вѣроятно въ іюнѣ или іюлѣ. Но принята была царями только 9 сентября. До тѣхъ поръ она стояла безъ дѣла въ гавани. Почему такъ случилось, объ этомъ зналъ Византійскій дворъ, который подобные пріемы всегда до мелкихъ точностей соразмѣрялъ съ честью приходящихъ, т. е. съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ вѣсомъ ихъ политическаго значенія для Греческой имперіи, и особенно съ честью своихъ придворныхъ порядковъ. Какъ бы ни было, но повидимому Ольга была не совсѣмъ довольна этою задержкою, а быть можетъ и всѣмъ пріемомъ. По разсказу лѣтописи, по возвращеніи ея въ Кіевъ, Греческій царь прислалъ къ ней пословъ, сказывая, что онъ много дарилъ ее и что она обѣщала, когда воротится домой, взаимно послать и ему

русскіе дары, челядь, воскъ, мѣха и въ помощь войско. Ольга отвѣчала такъ: „Скажите царю: если онъ постоитъ у меня въ Почайнѣ, такъ же, какъ я стояла у него въ гавани, то послѣ того и дамъ ему обѣщанные дары". Съ этою рѣчью она и отпустила пословъ.

Быть можетъ вообще долгое стоянье въ Цареградской гавани принадлежало къ обычнымъ, такъ сказать, полицейскимъ стѣсненіямъ для приходящей Руси и лѣтописецъ, описывая Ольгинъ походъ, припомнилъ только общую черту русскаго пребыванія въ Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, уже договоры показываютъ, что Грекамъ надо было достовѣрно узнать и переписать, кто пріѣхалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, привезъ ли грамоты на пропускъ и т. д. Все это и въ обыкновенное время тянулось вѣроятно цѣлыя недѣли. А тутъ пріѣхала сама Русская княгиня. Такой пріѣздъ могъ потребовать еще бо́льшей проволочки, по случаю многихъ недоразумѣній о небывалости событія.

Но вотъ, послѣ долгаго ожиданія, Русская княгиня была позвана въ императорскій дворецъ. Обрядъ ея пріема по своимъ почестямъ не превышалъ однако обычнаго византійскаго обряда, который наблюдался вообще при пріемѣ иноземныхъ пословъ. Ее приняли точно такъ, какъ не задолго передъ тѣмъ принимали пословъ Тарсійскаго Эмира, и Шлецеръ на свой взглядъ очень справедливо восклицаетъ по этому поводу: „Какова наглость Византійскаго двора! тамъ послы своихъ государей, а здѣсь является лично сама владѣтельная особа и несмотря на то, ее отъ нихъ не отличаютъ!" По этому же поводу, быть можетъ, и происходили долгіе переговоры, въ которыхъ Ольга могла настоять лишь на незначительныхъ какихъ либо отличіяхъ, но во всякомъ случаѣ мѣра почестей, оказанныхъ Ольгѣ, обнаруживаетъ и то значеніе Руси, какое эта Русь имѣла въ глазахъ Грековъ. А притомъ Греки и не ожидали со стороны Руси ничего грознаго, какъ со стороны Тарсійскаго Эмира; не боялись миролюбивой Руси, какъ боялись Эмира.

Надобно сказать, что Ольга была принята въ императорскомъ дворцѣ въ то время, когда этотъ дворецъ, созидаемый въ теченіи шести вѣковъ, еще со временъ Константина Великаго, находился по своему устройству въ такомъ блескѣ

и великолѣпіи, какого онъ уже никогда болѣе не имѣлъ. Съ этой поры, въ исходѣ 10-го вѣка, онъ сталъ упадать.

Какъ ни скупился нашъ лѣтописецъ на разсказы о томъ, что такое былъ въ 10 вѣкѣ славный греческій Царьгородъ, и самъ по себѣ и особенно для тогдашней Руси, но, приведя цѣликомъ договорныя грамоты Олега и Игоря, онъ, вовсе не думая о томъ, раскрылъ передъ нами истину, что великій городъ тогдашняго міра, царь городовъ во всемъ свѣтѣ, былъ и для Руси царемъ и повелителемъ ея зарождавшейся жизни. Онъ привлекалъ ее къ себѣ по многимъ причинамъ. Конечно, первою существенною приманкою была торговля, потребности матеріальныя, хлѣбныя; о торговлѣ только и рѣчь идетъ въ договорахъ; но нельзя же представлять русскихъ купцовъ совсѣмъ безчувственными къ красотамъ города и къ обольщеніямъ его блистательной, роскошной жизни. Они оцѣнивали эти обольщенія по своему и тянули ихъ на свой нравъ, и потому въ договорѣ же выпросили право свободно париться, сколько хотятъ, въ знаменитыхъ цареградскихъ баняхъ. Они добились права свободно жить, хотя бы въ предмѣстіи города, свободно входить въ городъ, хотя бы и въ одни только ворота, не зная никакихъ другихъ. Они выпросили себѣ кормленье на 6 мѣсяцевъ—хлѣбъ, вино, овощи, цареградскіе стручки и всякія лакомства. Они заживались въ городѣ круглый годъ, такъ что Греки потомъ уже не позволяли имъ по крайней мѣрѣ зимовать. Подъ видомъ посла, подъ видомъ купца, каждый годъ Русь пріѣзжала въ этотъ славный городъ и дивилась чудеснымъ его зданіямъ, несказанному украшенію, недомысленному богатству.

„Какъ подъѣзжать къ Царьгороду отъ Чернаго моря (такъ могли они разсказывать), входишь сначала въ морскую проливу,—точная слобода—улица, длинная, по обѣ стороны видны берега. Въ концѣ улицы, направо другая улица—заливъ морской, называемый Золотой Рогъ, потому что онъ какъ бы воловьимъ рогомъ удаляется внутрь земли. Высокій береговой уголъ между этими двумя морскими потоками и есть мѣсто Царя городовъ. Онъ тутъ и распространился по самымъ берегамъ моря, выдавшись всею шириною на востокъ и острымъ мысомъ къ сѣверу. Стоитъ онъ на три угла, какъ на острову, подобно тому, какъ ставились и

русскіе городки. Съ трехъ сторонъ вода морская его облила, а съ одной стороны, западной, пришло поле. Тотъ мысъ весь каменный; отъ него внутрь страны пошелъ холмъ, какъ гребень, и тотъ гребень перещепывается (перемежается) долинами и такимъ образомъ раздѣляется на семь холмовъ. На этихъ семи холмахъ и стоитъ городъ. Дворъ царевъ начался на самомъ мысу съ берега отъ моря, и пошелъ все выше и выше въ гору. Палаты царскія стоятъ на самомъ холмѣ, и Св. Софія стоитъ на холмѣ. Кругомъ города у самой воды поставлены каменныя стѣны съ четыреугольными башнями. Стѣны тянутся далеко по заливу, такъ что можно обойдти городъ на лодкѣ до самаго конца". Тамъ въ концѣ, уже въ полѣ, за городскими стѣнами, за какою-то рѣчкою, находилось предмѣстье съ достопамятною церковью Св. Мамы (Мамонта), у которой только и позволялось жить Русскимъ. Проплыть надо было по заливу до того мѣста версты двѣ-три. По этой дорогѣ можно было налюбоваться городомъ вдоволь. Изъ-за стѣнъ ближе всего на холмѣ и на самомъ мысу виднѣлись золотыя царскія палаты; подлѣ нихъ золотой пятиглавый дворцовый соборъ, а дальше тоже палаты и церкви, церкви и палаты, и надъ ними величественный храмъ Софіи съ громаднымъ куполомъ, какъ вѣнецъ всего города.

Дворецъ царей находился на береговомъ холмѣ, который округляли проливъ Воспора и его заливъ Золотой Рогъ. Зданія дворца были расположены по линіи отъ З. къ В. и при томъ, въ главной своей части, въ такомъ порядкѣ, что напоминали расположеніе святилища, почему это отдѣленіе и называлось священнымъ, богохранимымъ дворцомъ. Во главѣ этого отдѣленія по берегу на востокъ стояла Золотая Палата, гдѣ первое мѣсто къ восточной же сторонѣ занималъ императорскій тронъ. Палата была круглая, какъ алтарь, устроенная изъ восьми округлостей въ родѣ нашихъ алтарныхъ выступовъ. Въ восточной округлости или впадинѣ и находился императорскій тронъ—Золотое царское мѣсто. Этимъ именемъ называлась и самая палата. Здѣсь въ пріемные дни торжественно возсѣдалъ императоръ.

Чтобы достигнуть этого святилища царской власти, необходимо было пройдти много такихъ же большихъ палатъ и переходовъ. Прежде всего входили на обширный дворъ

шаговъ 250 въ длину и слишкомъ 200 шаговъ въ ширину. Этотъ дворъ назывался Августеонъ и находился между храмомъ Св. Софіи и царскими палатами. Вокругъ двора со всѣхъ сторонъ тянулись ряды мраморныхъ колоннъ съ перекинутыми на нихъ кружалами или арками, что вмѣстѣ составляло отдѣлъ дворцовыхъ наружныхъ галлерей, гдѣ можно было скрываться отъ солнца и непогоды. Въ сѣверо-восточномъ углу двора видѣлось громадное и чудное зданіе Св. Софіи съ необъятнымъ куполомъ и безчисленными рядами колоннъ. По срединѣ двора стоялъ высокій путевой столбъ, четыреугольный и сквозной, устроенный въ родѣ храма изъ колоннъ и арокъ. Отсюда считалось разстояніе по всѣмъ направленіямъ и во всѣ концы имперіи. На немъ возвышался большой крестъ съ предстоящими царемъ Константиномъ и матерью его Еленою, взиравшими къ Востоку.

Точно такое же изображеніе креста возвышалось на особо стоявшей колоннѣ съ запада отъ этого путеваго столба, а въ противуположной сторонѣ къ востоку стояла другая колонна изъ порфира, которую называли Константиномъ, потому что на верху у ней находилась его статуя въ видѣ Аполлона, съ изображеніемъ сіянія вокругъ головы, о которомъ говорили, что оно сдѣлано изъ гвоздей, коими былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель. Тутъ же на дворѣ, вблизи храма Св. Софіи, противъ его угла къ Ю.-З. стояла огромная конная статуя Юстиніана, изъ бронзы, въ образѣ Ахиллеса, лицемъ къ Востоку. Одно ея подножіе было вышиною въ 40 аршинъ. Въ лѣвой рукѣ императоръ держалъ шаръ, а правую протягивалъ на Востокъ.

Такимъ образомъ на этомъ дворѣ приходящій видѣлъ все, чѣмъ было сильно и славно Греческое царство. Сильно оно было крѣпкою вѣрою въ заступленіе Богоматери, Софійскій храмъ которой выдвигался на самую площадь съ особою крестильницею для всѣхъ ищущихъ Св. Вѣры. Сильно, славно и побѣдоносно это царство было Св. Крестомъ, котораго изображенія господствовали надъ площадью. Славно оно было и первымъ царемъ-христіаниномъ, Св. Константиномъ, и царемъ законодателемъ и строителемъ Софійскаго храма, Юстиніаномъ.

Въ югозападномъ углу двора находились ворота и возлѣ нихъ главное крыльцо, которымъ входили въ обширныя

сѣни, называемыя Мѣдными, отъ мѣдныхъ дверей. На сводахъ и стѣнахъ эти сѣни были изукрашены мозаическими картинами, изображавшими славныя побѣды Велисарія, побѣдоносное его возвращеніе въ Царьградъ съ плѣнными царями, представленіе этихъ царей императору Юстиніану и Ѳеодорѣ, взятые города, покоренныя земли въ лицахъ. Тутъ же были поставлены императорскія статуи, въ томъ числѣ статуя Пульхеріи, внучки Ѳеодосія Великаго. Вообще въ этомъ входѣ были представлены царственныя дѣла императоровъ и ихъ лики; иначе сказать, вся слава имперіи. Въ комнаты дворца вели большія бронзовыя двери, на которыхъ былъ изображенъ ликъ Спасителя. За дверями начинался длинный рядъ обширныхъ палатъ, сѣней и переходовъ или галлерей, соединявшихъ палаты. Здѣсь находились особыя дворцовыя церкви, особая дворцовая крестильня, тронныя залы, пріемныя залы, судилище, столовыя и залы для военной стражи или дворцовой гвардіи; находилось даже особое коннористалище для дворцовыхъ чиновъ, и между прочимъ великолѣпныя бани.

Съ южной стороны вдоль всего дворца тянулась слишкомъ на 400 шаговъ длинная галлерея Юстиніана. Стѣны ея были покрыты мозаикою съ изображеніями по золотому полю главныхъ подвижниковъ Восточной Церкви. Полъ былъ вымощенъ драгоцѣнными мраморами. Тутъ же изъ этой галлереи входили въ палату трофеевъ (Скилу), гдѣ были выставлены всякія добычи, знамена, доспѣхи и пр. взятые на бояхъ у варваровъ.

И вообще всѣ палаты, сѣни и переходы точно также были изукрашены цвѣтною мозаикою или расписаны красками съ изображеніемъ разныхъ ликовъ или исторій, а также травъ, цвѣтовъ, деревьевъ и различныхъ узоровъ. Припомнимъ, что въ то время особая красота подобныхъ изображеній заключалась именно въ яркости красокъ, между которыми больше всего свѣтились цвѣта: синій, зеленый, красный-пурпуровый и червчатый, желтый, голубой-лазоревый. Всѣ древнія краски были вообще крѣпки, сильны и блестящи. Двери въ палатахъ были желѣзныя, расписанныя золотомъ, или бронзовыя, рѣзныя и литыя или убранныя серебромъ, золотомъ, слоновою костью съ различными изображеніями.

Пройдя разными палатами, сѣнями и корридорами, приближались наконецъ къ священному дворцу, передъ которымъ сначала открывались обширныя сѣни или передняя палата, шаговъ 60 въ длину. Во входной части она выдвигалась полукругомъ; изъ нея въ слѣдующую палату вели двѣ мраморныя лѣстницы, начинаясь отъ стѣнъ, съ права и съ лѣва, и восходя къ верху тоже по полукругу. По срединѣ палаты стоялъ водоемъ; его чаша была мѣдная, края покрыты серебромъ; въ немъ же была устроена золотая чаша въ видѣ раковины, которая наполнялась разными плодами, смотря по времени года. Отсюда по лѣстницамъ, какъ сказано, поднимались въ другую палату, называемую Сигмой, потому что въ своемъ расположенiи она состояла изъ двухъ боковыхъ округлостей, представлявшихъ каждое какъ бы букву сигму—С. Палата была мраморная, куполъ ея поддерживался 15 колоннами изъ фригiйскаго мрамора. Посрединѣ ее стоялъ особый теремъ или сѣнь (киворiй) на четырехъ колоннахъ изъ зеленаго мрамора, а въ немъ царское мѣсто, тронъ, гдѣ садился императоръ во время игръ и церемонiй, происходившихъ въ передней палатѣ. Здѣсь также находился фонтанъ, состоявшiй изъ двухъ бронзовыхъ львовъ, изъ пасти которыхъ вода лилась въ особую большую чашу.

Три двери, одна серебряная посрединѣ и двѣ бронзовыя по сторонамъ, вводили въ слѣдующую палату, которая называлась Три раковины (Триконха), потому что составляла въ передней своей части полукружiе съ тремя глубокими круглыми впадинами и сводами, въ видѣ раковинъ. Стѣны были изукрашены разноцвѣтнымъ мраморомъ, а раковины сводовъ сплошь вызолочены.

Далѣе слѣдовали сѣни, и еще палата (Лавзiакъ), а затѣмъ вступали въ сѣни Золотой палаты, въ которыхъ находились хитро устроенные часы. Здѣсь же стояли четыре органа, два золотыхъ, которые назывались царскими и два серебряныхъ. Эти органы гудѣли, когда хоръ пѣвчихъ воспѣвалъ похвалы царю, и потому палата занимала мѣсто какъ бы клироса въ соборѣ.

Изъ сѣней въ Золотую палату вводили большiя серебряныя двери. Золотая палата была круглая, состоявшая изъ 8 округлыхъ впадинъ, расположенныхъ звѣздою, и походив-

шая въ самомъ дѣлѣ на какое-то святилище или храмъ божества. Главный входъ въ нее былъ съ запада, но кромѣ того она имѣла два боковыхъ входа, съ сѣвера и юга, совсѣмъ по подобію православнаго храма. Въ восточной ея впадинѣ стоялъ царскій престолъ, а надъ нимъ въ сводѣ сіяло мозаическое изображеніе Спаса Вседержителя, сидящаго на престолѣ. Сводъ палаты возвышался обширнымъ куполомъ или главою съ 16 окнами, посредствомъ которыхъ палата освѣщалась внутри. Въ сводѣ противъ трона висѣло большое паникадило. Всѣ стѣны и своды были украшены мозаикою, различными изображеніями по золотому полю. Полъ также былъ выстланъ мозаикою изъ мрамора и порфира различныхъ цвѣтовъ, гдѣ переплетались разные узоры и травы, съ круглою порфировою плитою посрединѣ и съ серебряными каймами въ родѣ рамы по краямъ. Вверху палаты ниже купола были устроены палати или хоры, съ которыхъ царицы и вообще придворный женскій полъ смотрѣли на церемоніи.

Въ этой Золотой палатѣ совершались большіе царскіе пріемы всего Двора, а также и иноземныхъ посланниковъ. Въ иныхъ случаяхъ здѣсь происходили торжественные обѣды, за золотымъ столомъ. По случаю особыхъ пріемовъ палата убиралась еще съ большимъ великолѣпіемъ. Въ восьми ея сводахъ развѣшивались золотые вѣнцы и различныя произведенія изъ финифти или эмали, также богатѣйшія царскія одежды, мантіи, порфиры царей и царицъ. На перилахъ верхнихъ галлерей (палатей), ставились большія серебряныя вазы и чаши высокой чеканной работы; въ 16 окнахъ также помѣщались поддонники или блюда отъ этихъ вазъ и чашъ. Только надъ царскимъ престоломъ не помѣщали никакихъ вещей. Тамъ висѣли золотые царскіе вѣнцы. Въ 8 сводахъ висѣли большія серебряныя паникадила, а въ палатѣ были разставлены 62 большихъ серебряныхъ подсвѣчника.

Черезъ сѣни отъ Золотой палаты находилась еще пріемная палата, называемая Кенургій, построенная Василіемъ Македоняниномъ. Ея сводъ поддерживался 16 колоннами, изъ которыхъ половина была изъ зеленаго мрамора, а половина изъ оникса. Колонны были покрыты обронною рѣзь-

бою, представлявшею виноградныя лозы, а въ лозахъ играющихъ животныхъ разныхъ породъ.

Своды палаты были покрыты превосходной мозаикой, изображавшею на сплошномъ золотомъ полѣ самого строителя палаты сидящимъ на тронѣ, съ предстоящими полководцами, которые приносили ему изображенія взятыхъ ими городовъ. Остальныя украшенія мозаики, тоже по золотому полю, изображали дѣянія императора, военныя и гражданскія.

Возлѣ палаты находилась царская спальня, священная, какъ ее называли. Въ нее проходили тоже черезъ сѣни, небольшія, посреди которыхъ стоялъ порфировый фонтанъ на мраморныхъ колоннахъ, изображавшій орла, чеканеннаго изъ серебра и сжимавшаго въ когтяхъ змѣю. Въ спальнѣ полъ былъ мозаичный. По самойрединѣ изображенъ былъ павлинъ, въ кругу, составленномъ изъ лучей изъ карійскаго мрамора. Затѣмъ изъ зеленаго мрамора составлены были какъ бы волнистые потоки, направлявшіеся въ углы комнаты. Между потоками изображены орлы такъ живо, что казалось сейчасъ готовы улетѣть. Стѣны въ нижней части были покрыты дощечками изъ разноцвѣтнаго стекла, изображавшими различные цвѣты. Въ верхнемъ отдѣлѣ до потолка по золотому полю мозаика изображала самого царя, сидящимъ на тронѣ, и царицу въ царской одеждѣ. Кругомъ по стѣнамъ также были изображены ихъ дѣти въ царскихъ же одеждахъ. Царевичи держали въ рукахъ книги, въ знакъ того, что книжное образованіе составляло главный предметъ въ ихъ воспитаніи. Потолокъ весь сіялъ золотомъ: посреди былъ изображенъ изъ зеленаго стекла крестъ и вокругъ блистающія звѣзды; въ предстояніи у креста были изображены опять царь, царица и ихъ дѣти съ простертыми руками къ символу христіанской побѣды и спасенія.

Въ другомъ отдѣленіи дворца, возлѣ Софійскаго храма, находилась палата, построенная еще Константиномъ Великимъ, и не меньше богатая, называемая Магнауромъ, вѣроятно отъ magnus—великій, большой и aurum—золото, что значило бы большая Золотая. Она также имѣла видъ церкви и была расположена отъ запада къ востоку. Передъ нею съ западной стороны находились обширныя сѣни, въ которыхъ во время пріемовъ собирались знатные придворные

люди, начальники, патриціи, сенаторы. Входъ въ палату закрывался дорогими занавѣсами. Самая палата была четыреугольная продолговатая, длиною шаговъ 60, шириною шаговъ 30. По сторонамъ высились мраморныя колонны (столпы), по шести на каждой. Надъ ними были сведены своды (арки) или кружала по семи на каждой сторонѣ. За колоннами находились боковыя галлереи. Въ промежуткахъ колоннъ, по всей палатѣ висѣли на посеребреныхъ цѣпяхъ большія серебряныя люстры. Восточная часть палаты была устроена, какъ алтарь, особою округлостью, и на нѣсколько ступеней выше передъ всею палатою, такъ что туда поднимались по ступенямъ изъ зеленаго мрамора. Это царское возвышеніе отдѣлялось отъ палаты 4 колоннами, по двѣ со стороны, надъ которыми возвышалась обширная арка. Между колоннами ниспадали дорогіе занавѣсы, закрывавшіе въ обыкновенное время это царское святилище.

Возлѣ этого мѣста стоялъ огромный золотой органъ, блиставшій дорогими каменьями и финифтью и называемый „царскимъ.“ Въ другихъ мѣстахъ палаты стояли еще два органа, серебряные. Въ глубинѣ этого алтаря стоялъ царскій престолъ, золотой тронъ, весь усыпанный драгоцѣнными камнями и называемый „Соломоновымъ престоломъ“, по той причинѣ, что онъ былъ устроенъ по образцу библейскаго престола царя Соломона. У престола были ступени, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежали золотые львы. Это были чудные львы: „въ извѣстную минуту они поднимались на лапы и издавали ревъ и рыканіе, какъ живые“. Сверху у трона сидѣли двѣ большія золотыя птицы, которыя тоже, какъ живыя, пѣли.

Но еще чуднѣе представлялось стоявшее неподалеку отъ трона Золотое дерево, тополь или яворъ, на которомъ сидѣло множество золотыхъ же птицъ разной породы, изукрашенныхъ цвѣтною эмалью, которыя точно также въ извѣстную минуту всѣ воспѣвали сладкогласно, точно живыя.

Возлѣ престола возвышался, какъ знаменіе Побѣды огромный золотой крестъ (Константиновъ, назыв. Побѣда), покрытый драгоцѣнными каменьями. Пониже престола помѣщались золотыя сѣдалища для членовъ царскаго дома. Во время пріемовъ по стѣнамъ были развѣшиваемы царскія золотыя порфиры и вѣнцы [108].

Царскіе пріемы въ этой палатѣ и въ другихъ тронныхъ палатахъ происходили слѣдующимъ образомъ:

Появленіе царя предъ глазами приходящихъ сопровождалось нѣкотораго рода священнодѣйствіемъ. Въ палатахъ, гдѣ помѣщался царскій престолъ, всегда въ вышинѣ свода находилось изображеніе Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ. Когда царю слѣдовало возсѣсть на свой престолъ, онъ, одѣтый великолѣпно, въ богатѣйшемъ царскомъ нарядѣ, съ молитвою повергался на землю передъ этимъ изображеніемъ и потомъ торжественно садился. Въ то время входъ въ палату былъ закрытъ богатыми занавѣсами. Когда все было готово для царскаго лицезрѣнія, тогда занавѣсы поднимались и придверники, съ золотыми жезлами въ рукахъ пропускали входившихъ бояръ и всѣхъ другихъ главныхъ чиновниковъ Двора по порядку и по разрядамъ. Каждый разрядъ чиновниковъ входилъ особо. А тамъ вдали по всѣмъ заламъ дворца, на право и на лѣво, стояли меньшіе придворные и разные другіе чины и военныя дружины въ богатыхъ одеждахъ. Въ ихъ числѣ находились и служившіе у греческихъ царей крещеные Россы съ топорами (сѣкирами) и щитами.

Напослѣдокъ вводили иноземныхъ пословъ съ ихъ свитою, которые, увидя царя, должны были воздать ему почесть, упасть ницъ, поклониться въ землю, что значило по русски ударить челомъ. Въ туже минуту игралъ органъ, играли трубы. Вставши, посолъ подходилъ ближе къ царскому престолу и останавливался на указанномъ мѣстѣ. Въ ту минуту игралъ другой органъ, ударяли въ литавры. За посломъ слѣдовали знатнѣйшіе члены посольства, точно также ударявшіе челомъ императору. Они останавливались у входной ограды. Канцлеръ, логофетъ, торжественно вопрошалъ пришедшаго, вѣроятно о здоровьѣ и о предметѣ посольства. Въ ту минуту золотые львы у трона начинали ревѣть, золотыя птицы на тронѣ и на золотыхъ деревьяхъ начинали сладкогласно воспѣвать; звѣри на нижнихъ ступеняхъ поднимались изъ своихъ логовищъ и становились на заднія лапы. Пока все это происходило, протонатаріусъ подносилъ царю посольскіе подарки. Вслѣдъ затѣмъ снова ударяли въ литавры и все успокоивалось: львы переставали ревѣть, птицы умолкали, а звѣри опускались въ логовища. При отпускѣ пословъ снова

играли органы, ревѣли львы, воспѣвали птицы и дикіе звѣри спускались со ступеней трона, что продолжалось до того времени, какъ посолъ уходилъ за ограду, тогда игра на литаврахъ снова давала знакъ и все умолкало и приходило въ прежній порядокъ. По выходѣ посольства, препозитъ громко возглашалъ придворнымъ: „Ежели вамъ будетъ угодно!" что значило, не угодно ли вамъ тоже выходить. Это возглашеніе дѣлалось нѣсколько разъ, особо каждому чиновному отдѣлу придворныхъ. Всѣ выходили въ томъ порядкѣ, какъ входили, по чинамъ, младшіе впередъ, при этомъ всѣ провозглашали царю многолѣтіе, которое тотчасъ принималось хоромъ пѣвчихъ, а пѣвчимъ вторили всѣ три органа, всѣ птицы, львы и дикіе звѣри, исполняя каждый свою ноту въ этомъ общемъ торжественномъ хорѣ и производя оглушительный, но все-таки, какъ говорятъ, стройный гамъ и шумъ.

Константинъ Багрянородный самъ описываетъ пріемъ Русской княгини и говоритъ, что этотъ пріемъ происходилъ во всемъ сходно съ предъидущими, именно съ пріемомъ Тарсійскихъ или Сарацинскихъ пословъ. Изъ его словъ обнаруживается, что Русская княгиня, какъ мы говорили, была принята только какъ главный посолъ Русскаго князя, но не такъ, какъ независимая государыня, владѣтельница Русской земли [109].

Это можно объяснять различными обстоятельствами. Съ одной стороны Византійскій дворъ, согласно договорамъ, зналъ на Руси только Русскаго князя и потому его вдову, Русскую княгиню, не могъ признать владѣтельною государынею и не захотѣлъ воздавать ей почести государскія. Съ другой стороны и по русскимъ понятіямъ матерая вдова, хотя и оставалась владѣющею княжескимъ столомъ, но все-таки владѣла не сама по себѣ, а именемъ своего сына; въ это время Святославу было по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ возрастъ по тому времени вполнѣ достаточный для княжескаго совершеннолѣтія. Нельзя предполагать, чтобы и въ понятіяхъ самой Ольги являлись какія либо особыя притязанія на значеніе, такъ сказать, вѣнчанной государыни. Быть можетъ, какъ мать Русскаго князя, она и добивалась

соотвѣтственнаго пріема и потому стояла такъ долго въ гавани Царяграда; но порядки византійскаго двора ничего не уступили ей въ главномъ, въ томъ понятіи, что она только большой посолъ отъ Русской земли и воздавая ей лишь одно посольское, возвеличили ее, какъ сейчасъ увидимъ, отмѣною только нѣкоторыхъ обрядовъ, несвойственныхъ ея лицу, какъ женщинѣ и Русской княгинѣ.

Пріемъ совершился въ большой Золотой палатѣ, въ Магнаурѣ, по описанному порядку. Пройдя многими палатами, Ольга сама вошла въ этотъ Магнауръ. Въ этомъ заключалась первая отмѣна въ обрядахъ посольскаго пріема, потому что, какъ видѣли, посла обыкновенно вводили въ залу подъ-руки. Она вошла въ сопровожденіи своихъ родственницъ, т. е. женщинъ княжескаго рода, и боярынь, быть можетъ, женъ пословъ, а также и ея придворныхъ. Она шествовала впереди, а за нею, вѣроятно по порядку старшинства, слѣдовали одна за другою княгини и боярыни, числомъ первыхъ 6, вторыхъ 18. Она остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Логофетъ (государственный канцлеръ, по московски думный дьякъ) обыкновенно вопрошалъ посла о здоровьѣ. Здѣсь произошла вторая отмѣна обрядовъ. Послы, узрѣвъ царское величество, должны были падать ницъ, бить челомъ. Русская княгиня на этомъ мѣстѣ только остановилась. Вслѣдъ за княгинею и ея женскою свитою вошли русскіе послы и гости и другія лица посольства. Въ числѣ пословъ находился племянникъ княгини и 8 ея бояръ, а самыхъ пословъ было 20 чел.; гостей было 43 человѣка. Кромѣ того тутъ же находились: переводчикъ княгини и ея священникъ Григорій, 2 переводчика посольскихъ, Святославова дружина (въ какакомъ числѣ, неизвѣстно) и 6 посольскихъ служителей.

Вся эта мужская свита остановилась у перегряды, гдѣ стояли греческіе придворные чины [110]. Было ли при этомъ случаѣ исполнено и русское удареніе челомъ византійскому императору, какъ слѣдовало по обряднику, неизвѣстно, но судя по независимому характеру древнихъ Руссовъ, отъ которыхъ Греки всячески старались себя оградить даже особыми статьями въ договорахъ, едвали можно было ожидать отъ нихъ указаннаго челобитья. Несомнѣнно, что византійскій обрядникъ относительно такого челобитья вообще хвастаетъ, если не имѣетъ въ виду только очень покорныхъ пословъ,

изъ странъ завоеванныхъ и покоренныхъ, собственно подданныхъ, необходимо соглашавшихся на всякія униженія передъ высокомѣрнымъ Грекомъ.

Въ остальныхъ дѣйствіяхъ пріема все происходило такъ, какъ повелѣвалъ обрядникъ, т. е. игралъ органъ, когда Ольга вошла и стала на своемъ мѣстѣ; затѣмъ, когда Логофетъ вопросилъ ее о здоровьѣ, два золотые льва Соломонова трона вдругъ заревѣли, птицы на тронѣ и на деревьяхъ засвистали разными голосами, звѣри на ступеняхъ трона поднялись на заднія лапы. Несомнѣнно, что въ это же время были поднесены императору и русскіе дары—дорогіе собольи мѣха и т. п.

Когда княгиня, поговоривши съ царемъ, стала выходить изъ палаты, то снова заиграли органы, заревѣли львы, засвистали птицы и звѣри также двигались со ступеней трона. Выйдя изъ Магнаура, княгиня прошла черезъ комнатный садъ, потомъ черезъ нѣсколько палатъ и въ пятой изъ нихъ, которая именовалась Золотой Рукой (портикъ Августеона), сѣла отдыхать. Въ это время ей готовился другой пріемъ, у императрицы, что̀ также принадлежало къ особенностямъ общаго посольскаго пріема и сдѣлано было въ особую честь Русской княгинѣ.

Въ великолѣпной Юстиніановой палатѣ возвышался особый рундукъ или помостъ, покрытый пурпуровыми коврами. На немъ стоялъ большой престолъ императора Ѳеофила, а съ боку возлѣ—золотое царское кресло. По сторонамъ, между двухъ перегорадъ изъ занавѣсей, стояли два серебряные органа, а за перегородами стояли духовые органы.

На престолѣ сидѣла сама императрица, а въ креслѣ—ея невѣстка. Предъ престоломъ съ обѣихъ сторонъ въ палатѣ собрались придворныя женщины и стояли чинно, рядами, по степенямъ. Всего ихъ было семь чиновъ или семь степеней. Церемоніею ихъ входа въ палату и указаніемъ имъ своихъ мѣстъ распоряжался препозитъ—церемоніймейстеръ, и придверники-камергеры.

Когда всѣ чины боярынь вошли и стали по мѣстамъ, препозитъ съ камергерами отправился звать Русскую княгиню. Изъ Золотой руки она прошла черезъ другіе портики, и между прочимъ, черезъ дворцовый ипподромъ, и осталась въ Скилахъ—такъ называлась царская оружей-

ная палата. Вѣроятно, отсюда она могла видѣть всю церемонію, какъ входили въ пріемную палату греческія придворныя боярыни, тѣмъ и объясняется ея остановка въ царской оружейной, которая находилась въ одной линіи съ Юстиніановою пріемною палатою. Княгиня вступила въ эту палату, сопровождаемая по сторонамъ тѣмъ же препозитомъ и камергерами. За нею по прежнему слѣдовала ея свита въ томъ же порядкѣ, какъ и на первомъ пріемѣ. Препозитъ именемъ императрицы вопрошалъ княгиню о здоровьѣ. Послѣ церемоніи, именемъ же царицы, онъ сказалъ ей нѣчто шепотомъ и княгиня немедленно пошла вонъ изъ залы и сѣла по прежнему въ Скилахъ. Тѣмъ временемъ царица тоже встала съ трона и, пройдя разныя палаты, удалилась въ свою священную спальню. По уходѣ царицы и княгиня перешла изъ Скилъ въ Кенургій, пройдя Юстиніанову залу, палату Лавзіакъ и Трипетонъ или сѣни съ хитрыми часами. Въ Кенургіи она тоже сѣла въ ожиданіи зова.

Между тѣмъ къ царицѣ въ Спальню пришелъ и царь. Они сѣли на свои мѣста съ царицею и съ порфирородными своими дѣтьми. Тогда была приглашена къ нимъ и Русская княгиня. Занявши предложенное ей царемъ сѣдалище, она разговаривала съ нимъ, о чемъ ей было угодно.

Здѣсь была оказана величайшая почесть Русской княгинѣ. Въ этомъ случаѣ царь несомнѣнно принималъ ее, какъ христіанку, и, быть можетъ, именно по случаю ея крещенія въ Царьградѣ. Византіецъ Кедринъ прямо говоритъ, что „крестясь (въ Царьградѣ), показавъ ревность къ православной вѣрѣ, Ольга достойно была за то почтена". Тоже повторяютъ и другіе греческіе лѣтописцы [111].

Бесѣда съ царскимъ семействомъ, по домашнему, въ „Священной ихъ спальнѣ", показывала, что Греческій царь относился къ новообращенной съ особымъ благоволеніемъ, ибо едвали кто изъ иностранныхъ удостоивался такой чести, и едвали былъ другой поводъ къ этому, какъ укрѣпленіе въ истинахъ новой Вѣры и желаніе указать владѣтельной княгинѣ, какъ живутъ христіанскіе цари у себя дома. Несомнѣнно также, что царь и царица очень желали поговорить съ Русскою княгинею запросто о разныхъ предметахъ, касавшихся Русской страны и самой княгини, о

чемъ нельзя было говорить на церемоніальныхъ пріемахъ. Вообще этотъ самый пріемъ не оставляетъ сомнѣнія, что Ольга, если не была уже и прежде христіанкою, то именно въ это время крестилась въ Царьградѣ.

Въ тотъ же день, послѣ этой домашней бесѣды Русской княгини съ царскою семьею, ей данъ былъ обѣдъ у царицы въ Юстиніановой палатѣ. На томъ же царскомъ мѣстѣ или тронѣ, сидѣла тамъ царица и особо, въ золотомъ креслѣ, ея невѣстка. Русская княгиня сначала стояла въ сторонѣ у особаго стола, пока входили къ столу царицыны родственницы и знатныя боярыни, покланяясь царицѣ до земли и занимая мѣста по указанію главнаго стольника.

Когда окончилась эта церемонія, Русская княгиня, „слегка наклонивъ голову предъ царицею", сѣла за тѣмъ же столомъ, гдѣ стояла, вмѣстѣ съ первостепенными придворными боярынями. Этотъ столъ былъ расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ царскаго.

Во время обѣда два хора соборныхъ пѣвчихъ отъ церкви св. Апостолъ и отъ св. Софіи воспѣвали гимны въ честь императорской фамиліи и тутъ же разыгрывались разныя театральныя представленія, состоявшія изъ плясокъ и другихъ игръ. Это происходило такимъ образомъ: какъ только царь и всѣ прочіе садились за столъ, въ палату вступали дружины актеровъ и танцовщиковъ съ своими распорядителями. Дѣйствіе открывалось гимномъ: „Нынѣ давши власть въ руки твои, Богъ поставилъ тебя самодержцемъ и владыкою! Великій Архистратигъ, сошедъ съ неба, отверзъ предъ лицемъ твоимъ врата царства! Міръ, поверженный подъ скипетръ десницы твоей, благодаритъ Господа, благоизволившаго о тебѣ, Государь! Онъ чтитъ тебя, благочестиваго императора, владыку и правителя!"

Послѣ этой пѣсни, префектъ стола, дворецкій, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на подобіе лучей, то сжимая ихъ. Начиналась пляска и трижды обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отдѣленію стола, гдѣ и становились въ своемъ порядкѣ. Тогда начинали пѣвцы: „Господи, утверди царство сіе!" За ними хоръ повторялъ этотъ воспѣвъ трижды. Опять пѣвцы: „Жизнь государей ради нашей жизни!" Тоже самое воспѣ-

валъ хоръ трижды. Пѣвцы: „Многая, многая, многая!“ Хоръ: Многая лѣта, многая лѣта!“

Затѣмъ воспѣвался гимнъ приличный пляскѣ: „Сіяютъ цари, веселится міръ! Сіяютъ царицы, веселится міръ! Сіяютъ порфирородныя дѣти, веселится міръ! Торжествуетъ синклитъ и вся палата, веселится міръ! Торжествуетъ городъ и вся Романія (Византія), веселится міръ! Августы наше богатство и наша радость! Господи, пошли имъ долгія лѣта!“ Пѣвцы: „Императорамъ!“ Хоръ: „Многія лѣта!“ Пѣвцы: „Счастливые годы императорамъ!“ Хоръ: „Господи пошли имъ многіе и счастливые годы!“ Пѣвцы: „И августамъ (царицамъ)!“ Хоръ: „Многія лѣта!“ Пѣвцы: „Счастливые годы!“ Хоръ: „Даждь имъ Господи многіе и счастливые годы!“ Пѣвцы: „Дѣтямъ ихъ порфиророднымъ!“ Хоръ: „Многія лѣта!“ Пѣвцы: „Счастливые имъ годы!“ Хоръ: „Подай имъ, Господи, многіе и счастливые годы!“

Съ такими пѣснями и представленіями продолжалась церемонія столоваго кушанья до конца. Каждая перемѣна кушанья сопровождалась новою пляскою или новою пѣснію. Распорядители актеровъ и танцовщиковъ были одѣты въ цвѣтное платье, зеленое, красное, съ бѣлыми коротенькими рукавами, которое перемѣняли при каждомъ новомъ дѣйствіи. Главное ихъ украшеніе, которое не перемѣнялось, составляли золотыя, искусно вычеканенныя ожерелья. Сапоги на нихъ были красножелтые. Перемѣна платья придворными во время всякихъ церемоній и торжествъ принадлежала вообще къ обычнымъ порядкамъ византійскаго двора.

Что касается ѣствъ, то Ліутпрандъ, посолъ Германскаго императора Оттона, бывшій въ Царьградѣ лѣтъ 10 спустя послѣ Ольги, въ 968 г., пишетъ, что онъ весьма неохотно ѣлъ царскія ѣствы, ибо они были приготовлены съ деревяннымъ масломъ или съ рыбьимъ разсоломъ. Однажды царь прислалъ ему самое лучшее лакомство отъ своего стола, даже собственное блюдо: жирнаго козла, туго начиненнаго чеснокомъ съ лукомъ и облитаго рыбьимъ разсоломъ [112]. Очевидно, что кушанья приготовлялись для восточныхъ вкусовъ, на которыхъ воспитаны были и русскіе, несомнѣнно находившіе всѣ подобныя блюда очень вкусными.

Въ тоже время происходилъ другой столъ въ Золотой Палатѣ, гдѣ обѣдали цари и съ ними Русскіе послы и гости и прочая свита Русской княгини.

По окончаніи стола у царицы приготовленъ былъ десертъ въ особой комнатѣ, на небольшомъ золотомъ столикѣ въ золотыхъ тарелкахъ и блюдахъ, осыпанныхъ дорогими камнями. Здѣсь сидѣли по своимъ мѣстамъ царь Константинъ Багрянородный и другой царь, его сынъ Романъ, царскія дѣти, невѣстка царя, и русская княгиня. Угощеніе такимъ образомъ происходило за семейнымъ царскимъ столомъ. Послѣ того княгинѣ поднесенъ подарокъ: 500 миліарезій на золотомъ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями блюдѣ [113]. Затѣмъ одарили ея свиту; шести ея родственницамъ подано по 20 миліарезій каждой, 18 боярынямъ подано каждой по 8 миліарезій. Такіе же дары розданы были и за царскимъ столомъ, посламъ и гостямъ, при чемъ племянникъ княгини получилъ 30 миліарезій, 8 бояръ, каждый по 20; двадцать пословъ, каждый по 12; 43 гостя, каждый тоже по 12, священникъ Григорій 8, два переводчика, каждый по 12; Святославова дружина, какъ вѣроятно обозначены нѣсколько отроковъ—дѣтей бояръ, каждый по 5; шесть посольскихъ служителей, каждый по 3, и наконецъ переводчикъ княгини—15 миліарезій.

Спустя слишкомъ мѣсяцъ, въ воскресенье 18 октября 957 года былъ второй, собственно отпускной столъ для Русской княгини и всего посольства. Царь угощалъ пословъ и гостей, вѣроятно, въ той же Золотой столовой, а Царица съ дѣтьми и невѣсткою угощала княгиню въ палатѣ Св. Павла. Послѣ стола княгиня и вся ея свита получили такіе же подарки, только въ меньшемъ количествѣ. Княгинѣ поднесено 200 миліарезій, ея племяннику 20, священнику 8; шестнадцати родственницамъ княгини, по 12 каждой; 18 боярынямъ, каждой по 6; двадцати двумъ посламъ, каждому по 12; сорока четыремъ гостямъ, каждому по 6; двумъ переводчикамъ по 6. Святославовой дружины и дворовыхъ служителей въ это время не было.

Въ обоихъ случаяхъ свита Русской княгини состояла слишкомъ изо ста человѣкъ. Въ первомъ пріемѣ при ней находилось 24 женщины и 82 мужчины. На отпускѣ 34 женщины и 70 мужчинъ. Любопытно количество пословъ и гостей.

На отпускѣ ихъ было: пословъ 22, гостей 44, слѣдовательно каждаго посла сопровождали два гостя. Въ Игоревомъ посольствѣ гостей при послахъ было по одному. Несомнѣнно, что и послы и гости приходили въ Царьградъ, каждый посолъ съ гостемъ отъ своего города или отъ своего князя, который сидѣлъ въ томъ городѣ, см. выше стр. 157.

Русская княгиня съ своею многочисленною свитою княгинь, боярынь, бояръ, пословъ и гостей, два раза была принята торжественно съ выполненіемъ всякихъ обрядовъ Византійскаго двора и съ показаніемъ всей Цареградской красоты, всего богатства и всякаго блеска. Нельзя сомнѣваться, что проживши четыре мѣсяца, если не въ стѣнахъ, то у стѣнъ Царьграда, въ его гавани, какъ послѣ жаловалась Ольга, что долго стояла тамъ, или же проживши въ обычномъ пристанищѣ Руссовъ у св. Мамонта, Русскіе люди, кромѣ двухъ церемоніальныхъ пріемовъ, конечно, нерѣдко бывали для простаго любопытства и въ царскихъ палатахъ и въ разныхъ мѣстахъ великаго города, въ его многочисленныхъ храмахъ, на знаменитомъ ипподромѣ, въ роскошныхъ баняхъ, на торжищахъ и т. д., не говоря уже именно о торжищахъ, для которыхъ собственно они и переплывали Черное море. Греки еще Олеговымъ посламъ радушно, и не безъ намѣренія показывали все достойное удивленія варваровъ и язычниковъ, конечно, съ тою цѣлью, дабы обратить ихъ къ христіанству. Въ настоящемъ случаѣ Ольга пришла въ Царьградъ искать именно христіанской мудрости и принять св. Вѣру въ самомъ ея средоточіи. Естественно, что теперь Греки еще съ большимъ радушіемъ открывали Русскимъ всѣ двери, гдѣ возможно было научить ихъ вѣрѣ или обнаружить великое могущество царства и со стороны всякаго богатства, и со стороны всякихъ порядковъ ихъ просвѣщенной и мудрой жизни. Мы не сомнѣваемся также, что многіе изъ женщинъ, сопровождавшихъ княгиню, крестились вмѣстѣ съ нею. Намекомъ на это обстоятельство служитъ присутствіе этихъ женщинъ за царскимъ семейнымъ угощеніемъ Русской княгини разными сластями послѣ перваго пріемнаго стола, гдѣ вмѣстѣ съ княгинею эти женщины получили обычные подарки. Общее впечатлѣніе всего ви-

дѣннаго и узнаннаго должно было сильно возбудить простыя чувства и умы нашихъ путешественницъ. Великій Царьградъ долженъ былъ оставить въ ихъ воображеніи столько новыхъ представленій, а въ умѣ столько новыхъ понятій, что это пріобрѣтенное богатство не могло остаться безъ пользы и безъ вліянія и въ родномъ Кіевѣ.

Русскія прабабы возвратились на родимый Днѣпръ, конечно, обогатившись всякими обновами: дорогими паволоками и другими рѣдкими тканями для своихъ нарядовъ, дорогими вещицами убора изъ золота и серебра, въ родѣ серегъ, колецъ, перстней, обручей (браслетъ), ожерелій и т. п., не исключая отсюда ни грецкаго мыла, ни грецкой губки для умыванья, даже ни румянъ, ни бѣлилъ для украшенья лица,—все это были обыкновенные предметы женскаго быта, извѣстные и въ то время богатымъ и знатнымъ людямъ съ давнихъ вѣковъ;—но главное богатство, какое вывезли наши прабабы изъ славнаго Цареграда, заключалось именно въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыхъ простому человѣку, видѣвшему Царьградъ, невозможно было никогда изгладить, особенно посреди сельской и деревенской простоты языческаго Кіева.

Прабабы видѣли Христову вѣру и христіанскую жизнь, въ такой чудной, недомысленной обстановкѣ и посреди такого чуднаго узорочья и блеска, что возвратившись домой, развѣ могли они разсказывать объ этомъ иначе, какъ только словами неизъяснимаго изумленія и удивленія. „Повели насъ Греки, гдѣ служатъ Богу своему,—могли они говорить, какъ говорили послѣ Владиміровы послы,—и не вѣдаемъ, на небесахъ мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого чуда, такой красоты!.. Не умѣемъ и разсказать! Только одно знаемъ, что самъ Богъ тамъ пребываетъ... Не можемъ забыть той красоты!"

А красота самаго города и особенно царскаго дворца, развѣ и она не дѣйствовала на языческія и притомъ женскія понятія, вообще болѣе пристрастныя ко всякой красотѣ, развѣ и она не производила смягчающаго вліянія вообще на суровыя и загрубѣлыя понятія язычника?

Какъ бы ни было, но съ возвращеніемъ изъ Цареграда Русскихъ женщинъ по городу Кіеву не скоро должны были умолкнуть бесѣды о чудесахъ христіанскаго царства, о святы-

няхъ христіанскаго поклоненія. Распространяясь изъ устъ женщины, у домашняго очага, въ той средѣ, гдѣ женщина и была главнымъ дѣятелемъ и домодержцемъ по преимуществу, эти бесѣды, особенно для дѣтей и вообще для молодаго поколѣнія несомнѣнно имѣли воспитательное значеніе. Объ этомъ говоритъ и лѣтописецъ. По его словамъ, Ольга, придя въ Кіевъ и живя съ сыномъ Святославомъ, стала учить и часто говорить ему, чтобы крестился. Онъ и въ уши не принималъ этого ученья, но не возбранялъ тѣмъ, кто хотѣлъ крещенья и только ругался тому—позорилъ и смѣялся. „Какъ это я приму новую вѣру одинъ, отвѣчалъ онъ матери, а дружина вѣдь этому смѣяться будетъ!“ Иногда увѣщанія матери вызывали только гнѣвъ со стороны сына. Въ этихъ разговорахъ вполнѣ и выразились отношенія домашняго очага къ обществу. Въ лицѣ русскихъ передовыхъ женщинъ Русскій домашній бытъ освѣтился новымъ свѣтомъ. Хотя бы на первыхъ порахъ такихъ женщинъ и не было много, но во главѣ ихъ стояла сама княгиня, мудрѣйшая отъ человѣкъ, успѣвшая прославить свою мудрость по всей Русской землѣ [114]; за нею слѣдовалъ, конечно, ею же избранный и по мыслямъ ей родственный, кружекъ женской доброты ума и нрава,—всего этого было очень достаточно для того, чтобы освѣтить новымъ свѣтомъ всѣ наиболѣе способные къ водворенію христіанства домашніе углы древняго Кіева, и все это необходимо должно было воспитать поколѣніе новыхъ людей, для которыхъ предстоялъ уже одинъ шагъ—отворить двери своей храмины и высказать рѣшительно и всенародно, на улицахъ, на торгахъ и площадяхъ, что есть на свѣтѣ вѣра и есть жизнь выше и лучше языческаго древняго закона. Современное Ольгѣ возрастное общество, отцы, эта дружина, о которой говорилъ Святославъ, еще не были способны для такого рѣшительнаго подвига. Въ ихъ средѣ язычество еще могло постоять за себя съ особою силою, какъ и случилось; но дѣти послужили уже готовою почвою для христіанскихъ идей и ожидали только, какъ всегда бываетъ, одного слова, одного святаго вождя на святое дѣло.

ГЛАВА V.

РАЗЦВѢТЪ РУССКАГО МОГУЩЕСТВА.

Святославъ—воспитанникъ дружины. Его обычаи. Его побѣдоносный походъ въ низовое Поволжье на Камскихъ Болгаръ, Буртасовъ и Хозаръ, и къ устьямъ Дона и Кубани на Ясовъ и Касоговъ. Греческое золото и походы на Дунайскихъ Болгаръ. Война съ Греками. Великія битвы. Недостатокъ дружины. Миръ и свиданіе Святослава съ греческимъ царемъ. Погибель Святослава. Значеніе его Дунайскихъ походовъ. Владычество дружины при дѣтяхъ Святослава. Торжество Владиміра и его первыя дѣла. Торжество язычества.

Святославъ, какъ и отецъ его Игорь, еще въ малыхъ лѣтахъ начинаетъ княжить, т. е. дѣлаетъ княжеское дѣло. Тотъ на рукахъ Олега пріѣхалъ доискиваться своихъ правъ на Кіевъ, но не былъ поставленъ на прямое дѣло, а спрятанный тайкомъ въ лодку, достигъ цѣли посредствомъ коварнаго убійства. Первымъ дѣломъ его жизни былъ кровавый путь насилія. На томъ же пути и въ концѣ поприща онъ безчестно сложилъ свою голову. Маленькій Святославъ на рукахъ дядьки Асмуда, посаженный на коня, храбро выѣхалъ на Древлянъ мстить смерть отца, и первый бросилъ въ нихъ копье. Первое дѣло его жизни было открытое, прямое, отважное и, по языческому обычаю, даже дѣло святой правды.

Дѣйствуютъ ли такія обстоятельства на умы и понятія малыхъ дѣтей? Мы думаемъ, что дѣйствуютъ, какъ и всегда дѣйствовали, если не въ самое малолѣтство, то послѣ, посредствомъ разсказовъ отъ мамокъ и дядекъ о тѣхъ случаяхъ и событіяхъ, какіе сопровождали младенчество героя. Подобныя событія дѣтской жизни рѣшаютъ судьбу людей.

Вся жизнь Святослава была отважнымъ военнымъ походомъ, въ которомъ прямая открытая битва ставилась выше всего. Такую битву онъ почиталъ святымъ или свѣтлымъ дѣломъ. Вѣроятно у нашихъ язычниковъ все честное, благородное, прямое выражалось въ одномъ словѣ святой, или свѣтый, отчего герой такихъ нравственныхъ качествъ и получилъ имя Святослава. Онъ и покончилъ свои боевые дни съ тою же прямотою, отвагою и честью. И первые, и послѣдніе жизненные подвиги отца и сына рисуютъ ихъ характеры одинаково, хотя и очень различными чертами. Одинъ погибъ, искавши насилія людямъ, другой погибъ, искавши отваги и мужества, и высокой чести вождя не покидать на произволъ судьбы дружину.

Святославъ остался послѣ отца по четвертому году, и былъ уже переданъ съ рукъ матери изъ женскихъ теремовъ на руки дядьки, а собственно на руки дружины. Тогда водилось, что въ это время ребенку дѣлались съ большимъ торжествомъ постриги, торжественное стриженіе первыхъ волосъ, которое, вѣроятно, какъ обычай шло изъ отдаленной древности и могло заключаться въ томъ, что голову кругомъ стригли подъ гребенку, оставляя завѣтный запорожскій чубъ напереди, на лбу, съ которымъ ходилъ и Святославъ. Тутъ же ребенка сажали впервые на коня и справляли веселымъ пиромъ общую радость всей дружины. У Всеволода Суздальскаго въ 1196 г. постриги его сына Владиміра справлялись пирами больше мѣсяца. Дружина и заѣзжіе гости, которые созывались на торжество, получали при этомъ богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мѣхами, паволоками, одеждами и особенно конями. Это было торжество попреимуществу дружинное; это было дружинное посвященіе ребенка въ князья, въ ратники. Вотъ почему маленькій Святославъ выѣхалъ на Древлянъ на конѣ: онъ былъ уже въ постригахъ, въ посвященіи. Само собою разумѣется, что при жизни отца онъ еще не скоро бы выбрался изъ подъ опеки матери: но теперь онъ сталъ княземъ вполнѣ. Онъ одинъ былъ князь во всей Русской землѣ и потому долженъ былъ тотчасъ перейдти на руки дружины, которая теперь стала для него роднымъ отцомъ, воспитателемъ и кормильцемъ. Хотя лѣтопись и отмѣчаетъ, что Ольга сама кормила сына до мужества его

и до возраста его, но это свидѣтельство принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ лѣтописнаго разсужденія, которое раскрываетъ здѣсь лишь обычныя отношеніи матери къ сыну. Напротивъ того, Константинъ Багрянородный, описывая около 950 г. торговые походы Руссовъ, говоритъ, что Святославъ жилъ въ Новгородѣ, что Новгородъ былъ его столицею. Ольга на другой же годъ послѣ Древлянскаго погрома ходила въ Новгородъ и въ дѣйствительности могла оставить тамъ сына на княженіи, тѣмъ болѣе, что Новгородцы очень не любили жить безъ князя и самому Святославу потомъ говорили, когда взяли къ себѣ маленькаго же Владиміра, что если не дастъ имъ князя, то они найдутъ себѣ и другаго. Такимъ образомъ свидѣтельство Греческаго императора, что маленькій Святославъ жилъ въ Новгородѣ, можетъ почитаться несомнѣннымъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно одно, что Святославъ былъ истинный воспитанникъ дружины, былъ прямой ея сынъ. Поэтому онъ не поддался на сторону матери, когда она его учила принять христіанскій законъ. Онъ прямо отвѣтилъ, что дружина будетъ смѣяться и тѣмъ обнаружилъ, что дружина была для него дороже, роднѣе самой матери. Живя только на рукахъ матери, не такъ бы онъ мыслилъ, не такъ бы и говорилъ. Его личность въ полной мѣрѣ изображаетъ намъ ту первозданную силу Русской Земли, которая отважно наметила далекія границы будущаго государства, честно усѣявши ихъ своими костями, честно поливши ихъ своею кровью. Русская кровь, разнесенная по странамъ, стала потомъ Русскою Землею.

Воспитанникъ дружины, Святославъ, въ свой чередъ самъ же первый изъ князей былъ ея создателемъ. При Олегѣ, при Игорѣ войско собиралось отъ всѣхъ союзныхъ и покоренныхъ племенъ и заключало въ себѣ отдѣльныя дружины Варяговъ, Славянъ, Чуди, Веси, Радимичей, Сѣверянъ, Полянъ и пр. Святославъ собралъ около себя единую Русскую, т. е. Кіевскую дружину, которая безсомнѣнія составилась отъ всѣхъ племенъ, но въ которой собранные богатыри уже забывали свою племенную родину и становились сынами всей Русской земли, а главное друзьями своего князя. Очень вѣроятно, что эта дружина набиралась еще въ отроческія лѣта Святослава, подобно тому, какъ другой Святославъ, Великій Петръ, составилъ себѣ изъ своихъ же ма-

лолѣтныхъ потѣшныхъ сверстниковъ цѣлые полки. Мы видѣли, что въ Царьградѣ съ Ольгою находилась также и Святославова дружина, которая даже обѣдала за царскимъ столомъ и получила по пяти червонцевъ на человѣка въ подарокъ; очень вѣроятно, что это были дѣтскіе, сверстники Святослава, т. е. дѣти тѣхъ бояръ, которые тутъ же находились въ свитѣ Ольги. Стало быть, какъ Петръ, такъ и Святославъ росли вмѣстѣ съ дружиною; съ ними за одно, на одномъ хлѣбѣ, выростала и ихъ дружина, совсѣмъ новое, особенное колѣно людей, совершившее небывалые подвиги. Подобно тому, какъ Петръ, такъ и Святославъ жилъ съ дружиною душа въ душу, ничѣмъ не хотѣлъ себя отличать отъ дружины, за одно съ нею переносилъ всѣ труды и походныя нужды. Въ походѣ онъ не возилъ за собою повозокъ съ разнымъ добромъ, чтобы утѣшаться на роздыхѣ сладкою пищею, хорошимъ питьемъ или мягкою постелью. Онъ не бралъ съ собою даже и котла и не варилъ мяса, а по тонку изрѣзавши конину, звѣрину или говядину, жарилъ прямо на угляхъ, быть можетъ, на копьѣ или на мечѣ, и такъ и ѣлъ. Онъ не возилъ съ собою и шатра, чтобы укрыться на время отдыха, но разстилалъ на землѣ подсѣдельный войлокъ, въ головы клалъ сѣдло и отлично спалъ подъ открытымъ небомъ [115]. Такъ жила и вся его дружина. Вотъ почему, ведя многія войны, онъ съ тою дружиною стремительно и легко, какъ барсъ, прядалъ изъ страны въ другую страну, а потому безъ боязни посылалъ врагамъ напередъ сказать: „Хочу на васъ идти".

Возросши и возмужавши, и собравши много храбрыхъ, Святославъ первый свой походъ направилъ на Волгу. Тамъ оставались еще старые счеты его отца, при которомъ на Волгѣ у Хозаръ, у Буртасовъ и Болгаръ погибла Русская рать, возвращаясь изъ Каспійскаго похода въ 914 г. Русь, по языческому закону, не могла оставлять старыхъ обидъ безъ отмщенья и помнила ихъ покрайней мѣрѣ до колѣна внуковъ, а теперь собрались именно дѣти и внуки мстить смерть дѣдовъ и отцовъ. Кромѣ того обиды, какъ видно, еще продолжались и на Волгѣ; вѣроятно испытывалась тѣснота для Русскихъ торговъ, особенно для Новгорода. Святославъ вышелъ стало быть съ намѣреніемъ очистить какъ слѣдуетъ Волжскій путь и съ этою цѣлью, быть можетъ, со-

биралъ такъ много храбрыхъ. Изъ Кіева онъ плылъ въ лодкахъ по Деснѣ и по Окѣ. По Деснѣ жили свои люди, Сѣверяне, а на Окѣ сидѣло племя Вятичей, еще независимое отъ Кіева. „Кому дань даете“? вопросилъ ихъ Святославъ. „Козарамъ дань платимъ, даемъ по щлягу отъ рала“, отвѣчали Вятичи. Должно полагать, что Святославъ очень хорошо зналъ объ этомъ и прежде, но лѣтописецъ, вѣрный своей мысли, начинать всякую исторію съ пустаго мѣста, только объяснилъ этимъ переговоромъ независимость Вятичей отъ Кіева. Святославъ промолчалъ и поплылъ дальше. Ясно, что въ это время его цѣли не простирались еще на Вятичей. Если онъ думалъ о Волжскихъ Болгарахъ и Хозарахъ, то съ Вятичами въ это время воевать не слѣдовало, ибо они, хотя бы и побѣжденные, все таки остались бы въ тылу Русской рати, шедшей повидимому прежде всего на Камскихъ Болгаръ, гдѣ Богъ вѣсть что могло случиться. На возвратномъ пути, при бѣдственномъ окончаніи похода, Вятичи могли быть очень страшными. Русская лѣтопись тоже ничего ни сказала о Волжскихъ дѣлахъ Святослава, а прямо говоритъ о войнѣ съ Хозарами. Но если походъ шелъ по Волгѣ, то чтобы добраться до Хозаръ, т. е. до самаго моря, надо было сначала перевѣдаться съ Болгарами и Буртасами. Арабскій писатель Ибнъ-Хаукаль и говоритъ, что теперь (976 г.) не осталось и слѣда ни отъ Булгара, ни отъ Буртаса, ни отъ Хозара. Руссы, говоритъ онъ, истребили ихъ всѣхъ, отняли у нихъ всѣ ихъ области и присвоили себѣ [116]. Тѣ, которые спаслись отъ ихъ рукъ, всѣ разбѣжались по ближнимъ мѣстамъ, все еще желая остаться на своей родинѣ и надѣясь условиться съ Руссами о мирѣ и покориться имъ. „Руссы разрушили все, овладѣли всѣмъ, что было по рѣкѣ Волгѣ Булгарскаго, Буртаскаго, Хозарскаго“, прибавляетъ Хаукаль и указываетъ годъ этого подвига 969-й.—По Русской лѣтописи Святославъ пошелъ на Волгу въ 964 г., на Хозаръ, въ 965 г. и можно полагать, что онъ очищалъ тамошній путь въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрушилъ Хозарскій городъ Саркелъ на Дону и добрался даже до Ясовъ и Касоговъ, которыхъ тоже побѣдилъ и такимъ образомъ занесъ Русскую границу на самую Кубань, т. е. до Киммерійскаго

Воспора, гдѣ потомъ является наше Русское Тмутораканское княжество.

Однако Вятичи не устрашились такого погрома и не смотря на то, что ихъ властители Хозары были разсѣяны Святославомъ, они все таки не поддавались и Святославъ принужденъ былъ идти на нихъ особымъ походомъ, побѣдилъ ихъ и возложилъ дань.

Само собою разумѣется, что отъ этихъ славныхъ походовъ была привезена въ Кіевъ славная добыча. И княжеская казна, и хоромы дружинниковъ наполнились всякимъ азіатскимъ добромъ, добытымъ въ Булгарскихъ и Хозарскихъ городахъ, а Буртасы вѣроятно поплатились дорогими мѣхами; не говоримъ о плѣнныхъ, которые всегда составляли одну изъ главныхъ добычь на войнѣ.

Но это было только начало подвиговъ и славное начало! Русскимъ мечемъ были прочищены всѣ пути на дальній Востокъ. Славянская или Русская рѣка Волга, какъ ее прозывали арабскіе писатели, на самомъ дѣлѣ вполнѣ стала Русскою, а съ нею вмѣстѣ освободились и стали тоже русскими Донъ съ Азовскимъ моремъ и проливомъ, въ который прежде, не болѣе 25 лѣтъ назадъ, такъ трудно было пробраться Русскимъ ладьямъ. Русь близко придвинулась къ магометанскому міру и естественно, что и сама открыла двери его вліянію даже въ своемъ средоточіи, въ Кіевѣ. Лѣтъ чрезъ 20 магометанство уже хлопочетъ о водвореніи въ Кіевѣ своей вѣры.

Въ то время какъ Святославъ барсомъ скакалъ по этимъ мѣстамъ, разнося по всюду славу и страхъ Русскаго имени и собирая въ Кіевъ добытыя богатства, однажды, въ Кіевъ же къ нему прибылъ посолъ отъ Греческаго царя, знатный вельможа и сынъ Корсунскаго градоправителя, именемъ Калокиръ. Онъ привезъ тоже много золота и пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы подвинуть Святослава на войну противъ Славянскихъ Болгаръ, которые издавна очень тѣснили Грековъ. Съ давнихъ временъ Болгары наносили Грекамъ постоянныя безпокойства своими набѣгами и войнами, раззоряя и опустошая Греческія области изъ конца въ конецъ. Въ Царьградѣ сложилась даже пословица, которая всякій случай какого либо раззоренія и опустошенія именовала добычею Мизянъ—такъ назывались у Грековъ Бол-

тары по имени старой области, гдѣ они поселились на жительство. Это значило тоже, что наше присловье: какъ Мамай воевалъ. Несмотря на то, что Болгары были уже цѣлые сто лѣтъ христіанами, ихъ ссоры съ Греками не прекращались. Главными поводами къ войнамъ бывали со стороны же Грековъ торговыя стѣсненія и разныя другія Греческія неправды. При Олегѣ, славный Болгарскій царь Симеонъ не разъ приводилъ въ страхъ и трепетъ самый Царьградъ. Для Грековъ не было никакой возможности укротить такого врага, по той причинѣ, что Болгары жили въ лѣсистой и гористой странѣ, гдѣ всюду опасность висѣла на опасности; за горнымъ и лѣснымъ мѣстомъ слѣдовало утесистое и наполненное оврагами, а тамъ болота и топи,— нельзя пройдти, а если пройдешь, нельзя выйдти. Въ этой землѣ Греческія войска очень часто погибали безъ остатка. Много гибло тамъ знатныхъ полководцевъ, а Греческіе цари очень хорошо помнили, какъ въ началѣ 9-го вѣка (811 г.) одинъ изъ нихъ, Никифоръ, зашедшій въ Болгарскую землю пропалъ тамъ и со всѣмъ войскомъ; какъ царская его голова, взоткнутая на колъ, выставлялась долгое время всѣмъ на показъ, а потомъ, по скиѳскому обычаю, черепъ его былъ оправленъ въ золото и служилъ братиною на веселыхъ попойкахъ у Болгарской дружины.

Съ того времени воевать съ Болгарами въ ихъ землѣ Греки почитали безразсуднымъ. Теперь, съ 963 г., царствовалъ другой Никифоръ, называемый Фока, начавшій свое царствованіе блестящими побѣдами надъ Сарацинами въ Азіи. Однажды, именно въ то самое время, какъ онъ праздновалъ первую свою побѣду надъ Сарацинами, къ нему пришли Болгары за полученіемъ положенной дани. Царемъ въ Болгаріи былъ въ это время Петръ, сынъ славнаго Симеона, но самъ человѣкъ не очень мудрый. Никифоръ Фока взбѣсился. Какъ побѣдитель надъ болѣе сильными врагами, теперь онъ не могъ снести такого униженія. Пословъ онъ принялъ, но на самомъ праздникѣ въ торжественномъ собраніи всего двора, сказавши громкую рѣчь о томъ униженіи, какое Греки должны испытывать, какъ рабы, платя дань этому бѣдному и гнусному скиѳскому народу, царь въ ярости повелѣлъ бить по щекамъ этихъ пословъ и приговаривалъ: „Подите и скажите вашему князю, этому дикарю, одѣтому въ шкуру, ко-

торый и питается только сырыми шкурами,—скажите ему, что самодержавный, сильный и великій Греческій царь скоро самъ придетъ въ его страну съ полною данью и научитъ, какъ должно обращаться къ греческимъ повелителямъ". Конечно не одна гордыня побѣдоносца заставила царя подняться на Болгаръ. Были и другія причины. Никифоръ просилъ у Болгаръ помощи на Венгровъ и не получилъ, узнавъ при этомъ, что они заключили даже союзъ съ его врагами. Нисколько не медля, Никифоръ вышелъ на Болгаръ съ великимъ ополченіемъ; скоро овладѣлъ всѣми ихъ пограничными городами, но дальше идти не посмѣлъ, опасаясь, какъ бы не пожертвовать свой черепъ для болгарской братины.

Онъ придумалъ другое средство наказать Болгаръ. Еще по договору Игоря, Русь обязывалась помогать Грекамъ, когда потребуется, поэтому ея корабли съ греческимъ флотомъ хаживали къ острову Криту и самъ Никифоръ велъ свои побѣды тоже при помощи Руссовъ. Въ 962—63 годахъ онъ съ ними же совсѣмъ отвоевалъ островъ Критъ. Все это показываетъ, что онъ долженъ былъ очень хорошо знать нашу Кіевскую Русь, особенно ея славнаго вождя. Въ этихъ отношеніяхъ по всему вѣроятію и скрывается объясненіе, почему царь рѣшился призвать на Болгаръ Святослава. Онъ поручилъ устроить это дѣло упомянутому Калокиру, а для того, чтобы дѣйствовать успѣшно, отправилъ съ нимъ цѣлые возы греческаго золота, 1500 литръ, т. е. слишкомъ 26—27 пудовъ, которое и велѣлъ раздать князю и дружинѣ [117]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Калокиръ былъ пожалованъ въ санъ Патрикія или въ бояре. Это былъ человѣкъ отважный и пылкій; онъ очень хорошо зналъ, что съ помощію Русскихъ все можно совершить. Онъ хорошо зналъ также, что отважный и смѣлый человѣкъ легко можетъ и самъ возсѣсть на царскій греческій престолъ. Какъ ни былъ высокъ и величественъ этотъ славный престолъ, а онъ весьма часто попадалъ въ руки первому хитрецу и смѣльчаку. И вотъ Калокиръ обдумалъ дѣло совсѣмъ по другому, нежели какъ приказывалъ ему царь Никифоръ. Онъ вознамѣрился самъ замѣстить этого царя и овладѣть царствомъ. Смѣлое, отважное и великое предпріятіе было по душѣ нашему Святославу, а разсыпанное золото изумило и обольстило глаза дружины; купцы, вѣроятно, тоже смекали, что на свободномъ

Дунаѣ и по ближе къ Царюграду торги будутъ прибыльнѣе. Говорили же тогда Греки, правду или нѣтъ, что Русскій народъ до чрезвычайности корыстолюбивъ, жаденъ къ подаркамъ и даже любитъ самыя обѣщанія. Калокиръ, кромѣ золотыхъ подарковъ, употребилъ еще больше самыхъ заманчивыхъ обѣщаній. Онъ предложилъ Святославу завоевать Болгарію и удержать ее себѣ въ собственность, а ему помочь только овладѣть Греческимъ царствомъ, за что сулилъ, какъ будетъ царемъ, вознаградить еще безчисленными сокровищами изъ государственной казны. Вообще этотъ Грекъ такъ очаровалъ простодушнаго и храбраго князя своими планами и обѣщаніями, а больше всего своею пылкою отвагою, что Святославъ полюбилъ его, какъ роднаго брата.

„Восхищенный надеждою получить богатство, говоритъ современникъ этихъ событій, византіецъ Левъ Дьяконъ, мечтая о завоеваніи Болгарской страны и самъ человѣкъ пылкій, отважный, сильный и дѣятельный, Святославъ возбудилъ все русское юношество къ этому походу“. Собравъ дружину въ 60,000 храбрыхъ [118], кромѣ обозныхъ отрядовъ, онъ отправился вмѣстѣ съ Калокиромъ обычнымъ русскимъ путемъ по Днѣпру и въ море на лодкахъ. Это было въ августѣ 967 г. Болгары узнали объ опасности въ то время, когда Руссы приблизились уже къ Дунаю и готовились высадиться на берегъ. Болгары выступили противъ врага съ 30 тысячами войска. Руссы быстро сошли съ своихъ судовъ, простерли передъ собою щиты, извлекли мечи и начали поражать сопротивника безъ всякой пощады. Болгары не выдержали, побѣжали и заперлись въ Дористолѣ (Силистріи). Болгарскій царь Петръ такъ огорчился этимъ неожиданнымъ бѣгствомъ своей рати, что былъ пораженъ параличнымъ ударомъ. Руссы прошли по Дунаю, какъ и по Волгѣ, страшною грозою и возвратились на зиму домой съ неизчислимою добычею. На другой годъ (968) они снова явились и окончили начатое, произведя еще бо́льшія опустошенія. По нашей лѣтописи они забрали 80 городовъ, т. е. вѣроятно овладѣли всѣми населенными мѣстами по Дунаю. Святославъ сѣлъ княжить въ Переяславцѣ, въ устьѣ Дуная [119]. Калокиръ не покидалъ храбраго князя, тоже остался въ Переяславцѣ и оттуда дѣлалъ свои цареградскія дѣла.

Начало общаго замысла было исполнено блистательно. Не политическое ослабленіе Болгаріи и не смуты ея бояръ, какъ иные говорятъ [120], помогли Святославу такъ легко и скоро овладѣть Дунайскимъ побережьемъ этой страны,—Святославу всюду помогала его беззавѣтная отвага и неукротимая быстрота нападенія. Не даромъ же лѣтописецъ сравниваетъ его походы съ поскоками легкаго барса: „легко ходя, аки пардусъ".

Однако царь Никифоръ скоро прозрѣлъ и узналъ, въ чемъ дѣло и что замышляетъ хитрый Калокиръ вмѣстѣ съ Святославомъ. Поселеніе русскаго князя въ Переяславцѣ обнаруживало, что вмѣсто ослабѣвшей, какъ бы устарѣвшей и распущенной теперь Болгаріи, на Дунаѣ можетъ возродиться новая народность, столько же, если еще не больше опасная, чѣмъ была сама Болгарія въ знаменитый вѣкъ Симеоновъ. При томъ эта новая народность была язычница, почему ладить съ нею было еще труднѣе. Никифоръ ясно увидалъ, что онъ призвалъ Русь на свою же голову, не только для погибели собственной, но и на погибель всего Греческаго царства. Быть можетъ это самое обстоятельство послужило однимъ изъ сильныхъ поводовъ къ возмущеніямъ противъ царя, а потомъ и къ его погибели.

Теперь Никифоръ принужденъ былъ перемѣнить свою политику съ Болгарами. Забывъ прежнею гордыню самодержца, онъ самъ же первый отправилъ къ нимъ пословъ, напоминая, что по единовѣрію Болгары братья съ Греками и должны жить по братски. Въ утвержденіе дружбы, онъ просилъ у нихъ невѣстъ царскаго рода для сыновей бывшаго императора Романа, и при этомъ обѣщалъ полную защиту отъ Русскаго князя. Болгары, конечно, приняли это предложеніе съ величайшею радостію и неотступно просили о защитѣ противъ Руси. По всему видно, что первымъ дѣйствіемъ этого союза Грековъ и Болгаръ противъ общаго врага былъ подкупъ Печенѣговъ напасть на Кіевъ и тѣмъ вызвать изъ Переяславца и самого Святослава. Такъ и случилось.

Лѣтомъ 968 г. Печенѣги подкрались въ расплохъ и обступили городъ въ безчисленномъ множествѣ. Въ городѣ затворилась Ольга съ тремя малолѣтными внуками. Дружина по какому-то случаю находилась на той сторонѣ Днѣпра и да-

же не вѣдала объ опасности. Люди уже стали изнемогать отъ голода и жажды, ибо добыть воды изъ Днѣпра не было возможности. Нельзя было увѣдомить и дружину. Однако выискался одинъ молодецъ и пробравшись обманомъ сквозь станъ Печенѣговъ, переплылъ рѣку и далъ знать воеводѣ Прѣтичу, что если не поможетъ, то городъ отворитъ ворота и отдастся врагамъ.

„Спасемъ хотя княгиню съ княжатами, умчимъ ихъ на эту сторону, иначе погубитъ насъ Святославъ!"—рѣшилъ воевода, и на утро, чѣмъ свѣтъ, посадилъ дружину въ лодки и поплылъ къ городу, а чтобы навести страхъ на враговъ, люди затрубили походъ что есть мочи, во всѣ трубы. Услыхавъ трубы, горожане, что есть мочи, кликнули радостный кличъ. Печенѣги дрогнули, думая, что самъ князь пришелъ и побѣжали отъ города въ разныя стороны. Ольга со внуками поспѣшила выйдти на берегъ; высыпали на берегъ и всѣ граждане. Печенѣжскій князь потребовалъ свиданія съ Прѣтичемъ, все думая, что пришелъ самъ Святославъ. „Нѣтъ, я мужъ его,"—отвѣтилъ воевода. „Я пришелъ съ сторожевымъ полкомъ, а князь идетъ слѣдомъ за мною съ полкомъ, безъ числа множество!"—прибавилъ воевода, грозя Печенѣгамъ. Вѣроятно тутъ же была заключена мировая, потому что преданіе объ этомъ событіи, ничего не объясняя, вдругъ разсказываетъ, что Печенѣжскій князь предложилъ Прѣтичу свою дружбу; они подали другъ другу руки и Печенѣгъ подарилъ ему коня, саблю и стрѣлы, а Прѣтичъ отдарилъ его бронею, щитомъ и мечемъ. Пѣшій воинъ отдалъ пѣшій русскій нарядъ, конный кочевникъ отдалъ свой кочевой уборъ. Печенѣги отступили, но не совсѣмъ: на Лыбеди, за городомъ, нельзя было коня напоить — все стояли враги. Но все-таки одного имени Русскаго князя было достаточно, чтобы устрашить враговъ. Кіевляне тотчасъ послали къ Святославу такую рѣчь: „Ты, княже, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а свою совсѣмъ обросилъ. Чуть было насъ не взяли Печенѣги, и матерь твою, и дѣтей твоихъ! Если не придешь и не оборонишь насъ, опять насъ возьмутъ. Или тебѣ не жаль своей отчины, своей старой матери и дѣтей своихъ!" Услышавъ эти вѣсти, Святославъ барсомъ перескочилъ съ Дуная въ Кіевъ, разцѣловалъ свою мать и дѣтей, пожалѣлъ о случившемся и прогналъ Пече-

нѣговъ въ поле, какъ говоритъ лѣтопись, а вѣрнѣе посредствомъ подарковъ и обѣщаній устроилъ съ ними миръ, потому что они были ему очень надобны.

И посреди кіевскихъ дѣлъ онъ помышлялъ все о Болгаріи. Тамошнее дѣло еще только начиналось, а здѣсь, въ Кіевѣ, теперь не оставалось никакого дѣла. Тамъ свивалось новое гнѣздо Руси, тамъ ожидали князя славныя и великія дѣла.

„Не любо мнѣ жить въ Кіевѣ!“ сказалъ Святославъ матери и всѣмъ боярамъ. „Хочу жить на Дунаѣ, въ Переяславцѣ. Тотъ городъ есть середа въ моей землѣ. Туда сходится все добро: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, овощи разноличныя; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и кони; изъ Руси мѣха, воскъ, медъ, челядь“.

Эти рѣчи показывали, что Кіевскій князь хочетъ совсѣмъ оставить Кіевъ. Кіевскій князь, быть можетъ, повторяетъ рѣчи Новгородскаго князя Олега, точно также не полюбившаго Новгородъ и переселившагося въ среду Русской земли, въ Кіевъ. Внуки повторяютъ рѣчи дѣдовъ. Новгородъ переселился въ Кіевъ, теперь Новгородъ хочетъ переселиться на Дунай въ среду земли своей. Чья это мысль. Одного ли Святослава или общая мысль Руси, искавшей лучшаго гнѣзда для торговъ? Повидимому здѣсь высказывается старозавѣтная задача Русской жизни— идти туда, гдѣ сильнѣе торгъ и промыслъ. И потому еще не извѣстно, былъ ли Святославъ завоевателемъ ради завоеванія, или онъ былъ орудіемъ другихъ идей, распространявшихъ себѣ поле дѣйствія сначала на Днѣпрѣ, потомъ на Каспіѣ, на Киммерійскомъ Воспорѣ, и наконецъ на устьяхъ Дуная, которыя оказываются даже середою чьей-то земли? Какъ эта мысль связываетъ исторію 10-го вѣка съ исторіею древнихъ Роксоланъ, у которыхъ устья Дуная дѣйствительно были середою ихъ земли (см. ч. I, стр. 293); и какъ вообще эта мысль выражаетъ больше всего интересы всей Русской страны, чѣмъ интересы одного, единоличнаго Русскаго князя, хотя бы и завоевателя. Вотъ почему ликъ Святослава отчасти напоминаетъ ликъ Великаго Петра, избравшаго свою среду на Финскомъ сѣверѣ, но въ началѣ пытавшаго помѣститься и на Азовскомъ морѣ. Вообще намъ кажется, что завоеватель Святославъ не былъ такимъ пустымъ завоевателемъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ.

Рѣшеніе Святослава происходило въ 969 г. весною. А Ольга въ это время при старости изнемогала болѣзнью.—„Видишь я больна, куда ты хочешь отъ меня идти?“ отвѣтила она сыну. „Ты похорони меня, а тамъ и иди куда желаешь!“ Спустя нѣсколько дней она скончалась. Плакали по ней сынъ и внуки, плакали всѣ люди великимъ плачемъ. Она заповѣдала не справлять надъ нею языческой тризны, а похоронить по христіанскому обряду, что и совершилъ ея пресвитеръ.

Плакали по ней христіане, теряя въ ней твердую опору для своей жизни въ Кіевѣ; плакали и язычники, теряя въ ней мудрѣйшую устроительницу Русской земли, которая теперь оставалась въ полномъ смыслѣ сиротою, ибо славный ея князь покидалъ ее совсѣмъ, оставлялъ сиротами и своихъ малыхъ дѣтей. Онъ посадилъ въ Кіевѣ на княженье старшаго сына Ярополка, которому было лѣтъ 9, а другаго, Олега, посадилъ у Древлянъ, слѣдовательно раздѣлилъ землю на двое. Лѣтописецъ ни слова не говоритъ о поступленіи въ этотъ раздѣлъ остальныхъ волостей или племенъ, покоренныхъ Олегомъ. Имѣемъ ли мы основаніе заключать, что такое поступленіе подразумѣвается уже само собою [121], что прямое владѣніе Кіевскаго князя распространялось на всю Землю, которая собиралась въ походы съ Олегомъ и Игоремъ? Намъ кажется, что такъ заключать возможно только съ точки зрѣнія понятій о созданномъ въ Кіевѣ государствѣ, о государственномъ владѣніи Землею, чего однако нигдѣ не примѣчается въ надлежащей ясности. Договоры Олега и Игоря съ Греками указываютъ только на союзъ волостей и княженій подъ рукою Кіева. Но рука Кіева была ли владыкою полновластнымъ, или ея власть ограничивалась только сборомъ даней, а во всемъ остальномъ раздѣльныя земли и волости жили сами собою, управлялись собственными князьями или старѣйшинами, хотя бы и посадниками отъ Кіева, но все таки независимо, какъ вообще управлялся Новгородъ въ теченіи всей своей исторіи, всегда призывая къ себѣ и князя? Намъ кажется, что послѣдующія отношенія Новгорода къ Великимъ князьямъ могутъ въ полной мѣрѣ объяснять и древнѣйшія отношенія подданическихъ волостей къ Кіеву. Всѣ они были настолько независимы отъ Кіева, насколько Новгородъ до его паденія былъ независимъ отъ великихъ князей. Древляне были мучимы Олегомъ и Иго-

ремъ, а всетаки имѣли своего князя до ихъ окончательнаго порабощенія Ольгою. Это послѣднее обстоятельство и было причиною, почему Древлянская земля поступила не въ удѣлъ, а въ надѣлъ одному изъ Кіевскихъ князей. Всѣ остальные: Радимичи, Вятичи, Сѣверяне, такъ какъ и въ Новгородской странѣ Полочане, Кривичи, Чудь, Весь, Меря платили только дань, но управлялись независимо своими старѣйшинами и даже князьями, которыхъ они, подобно Новгороду, вѣроятно могли призывать и могли изгонять. Новгородская форма политической жизни была самая древняя форма. Въ Полоцкѣ и Туровѣ даже при Владимірѣ существуютъ свои особые князья. Свидѣтельство лѣтописца, что каждое племя имѣло свое княженіе, въ Деревахъ свое, Дреговичи свое, Словѣни свое и т. д. вполнѣ ясно обозначаетъ состояніе первобытныхъ дѣлъ Русской страны. Мы полагаемъ, что при Святославѣ этотъ строй земскихъ отношеній былъ еще въ полной силѣ. Насколько и въ какомъ направленіи онъ измѣнился въ послѣдствіи, увидимъ. Но согласно съ показаніемъ лѣтописца мы должны отдѣлить для перваго Русскаго или собственно Кіевскаго княжества только землю Кіевскую и Древлянскую. Святославъ ничего не подумалъ даже о Новгородѣ, гдѣ онъ въ малолѣтствѣ самъ былъ княземъ; не подумалъ потому, что не сознавалъ своихъ правъ распоряжаться этою областью, какъ своимъ имуществомъ. Онъ сбирался уже отправиться въ свой любимый Дунайскій Переяславль, какъ пришли люди Новгородскіе. Они прослышали, что на Руси строится дѣло неладное, что князь совсѣмъ уходитъ, оставляя землю малолѣтнымъ дѣтямъ, стало быть, во власть дружины. Новгородскіе люди пришли къ Святославу просить себѣ князя: „А если не пойдете къ намъ, примолвили они, такъ мы на сторонѣ отыщемъ себѣ князя.“ „Только бы кто пошелъ къ вамъ!“ отвѣтилъ Святославъ, и объявилъ Новгородскую просьбу сыновьямъ, то есть на самомъ дѣлѣ ихъ дружинамъ. Очень понятно, что и Ярополкъ и Олегъ не захотѣли въ Новгородъ; ихъ дружинамъ было бы очень тѣсно въ независимой области. Добрыня, посадникъ Новгородскій, поддакнулъ Новгородцамъ: „Просите Владиміра!“ Владиміръ былъ сынъ Святослава отъ Ольгиной ключницы Малуши. Добрыня былъ братъ Малуши и стало быть дядя Владиміру. Отецъ у нихъ былъ Любеча-

нинъ Малко.—„Отдай намъ Владиміра!"—рѣшили Новгородцы, вѣроятно еще прежде обдумавшіе это дѣло по уговору съ Добрынею.—„Вотъ онъ вамъ!"—сказалъ Святославъ, отдавая малютку съ рукъ на руки и вѣроятно очень радуясь, что и это дѣло окончилось хорошо и скоро. Онъ спѣшилъ на Дунай.

И пошелъ Владиміръ съ Добрынею въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Намъ кажется, что этотъ Новгородскій выборъ княжича Владиміра лучше всего объясняетъ въ какой зависимости отъ Кіева находились всѣ самостоятельныя племена и земли. Они платили дань, но князей могли выбирать отовсюду, потому что князь для нихъ былъ только воевода и судья, зависимый отъ вѣча, но не феодалъ-самовластитель въ норманскомъ смыслѣ. Само собою разумѣется, что выборъ прежде всего падалъ на княжій родъ, наиболѣе сильный и могущественный, способный всегда защитить своихъ данниковъ отъ всякаго врага. Но и сильный княжій родъ Рюриковъ распространился и утвердился по всей землѣ едва-ли не потому, что при Владимірѣ онъ явился распространителемъ Христовой вѣры.

Святославъ особенно спѣшилъ въ свой любезный Переяславецъ, вѣроятно уже хорошо зная, что тамошнія дѣла пошли совсѣмъ другимъ путемъ. Дѣйствительно, по Дунаю тянулъ уже другой вѣтеръ, вовсе не попутный Русскимъ ладьямъ.

Болгары, подружившись съ Греками, охрабрились, и въ отсутствіе Святослава успѣли завладѣть не только всею потерянною страною, но и самымъ Переяславцемъ. Святославу пришлось начинать дѣло съизнова. Когда появились Русскія ладьи, Болгары вышли изъ города и началась отчаянная битва. Болгары такъ одолѣвали, что потребовалось послѣднее отчаянное усиліе. „Здѣсь намъ погибнуть! Потягнемъ же мужески братья и дружино!" воскликнулъ Святославъ и къ вечеру одолѣлъ, взявши городъ съ копья, приступомъ. Быстрымъ походомъ онъ вскорѣ снова забралъ всѣ города между Дунаемъ и Балканами, взялъ и самую столицу, Великую Прѣславу, а въ ней самого царя Бориса

со всею семьею и дворомъ. Послѣ того, разузнавши, что виною всему были Греки и возбуждаемый другомъ Калокиромъ, Святославъ поднялся на Грековъ и послалъ имъ сказать: „Хочу на васъ идти, хочу взять вашъ городъ, какъ этотъ, Болгарскій Переславль."

Царь Никифоръ готовился встрѣтить врага и на всякій случай укрѣплялъ самый Царьградъ. Онъ протянулъ даже черезъ проливъ тяжелую желѣзную цѣпь, предупреждая и съ этой стороны нападеніе Руссовъ. Онъ собирался уже выступить въ походъ, какъ получена была нерадостная вѣсть, что Арабы взяли Антіохію, а дома, во дворцѣ, получены были такія свѣдѣнія, которыя должны были остановить всякія приготовленія къ войнѣ съ далекими врагами. Во дворцѣ таился заговоръ на жизнь царя, въ которомъ главными руководителями были: сама царица и воевода Иванъ Цимисхій. Въ Декабрѣ 969 г. Никифоръ, подобно многимъ византійскимъ императорамъ, былъ коварно умерщвленъ и на престолъ вступилъ его же убійца — Цимисхій.

По происхожденію это былъ Армянинъ и имя Цимисхій по армянски значило маленькій. Маленькій царь обладалъ однако большими воинскими способностями и даже чрезвычайною физическою силою. Онъ вступилъ на престолъ на 45 году, какъ говоритъ Левъ Дьяконъ, который оставилъ намъ и портретъ этого героя. „Видомъ онъ былъ таковъ: лицо бѣлое и красивое, волосы на головѣ русые и на лбу рѣдкіе; глаза острые, голубые; носъ тонкій, надлежащей величины; борода рыжая, со сторонъ сжатая, но красивая; ростомъ былъ малъ, но имѣлъ широкую грудь; сила у него была исполинская и въ рукахъ чрезвычайная гибкость и непреодолимая крѣпость. Онъ не страшился нападать одинъ на цѣлую непріятельскую фалангу и, побивши множество враговъ, съ быстротою, невредимъ, отступалъ къ своему войску. Въ прыганьи, въ игрѣ мячемъ, въ метаніи копій, въ натягиваніи луковъ и стрѣльбѣ онъ превосходилъ всѣхъ людей того времени. Говорятъ, что онъ, поставивъ рядомъ четырехъ коней, прыгалъ, какъ птица, и садился на самаго послѣдняго. Онъ такъ мѣтко умѣлъ стрѣлять въ цѣль, что могъ попадать въ отверзтіе кольца. Былъ очень ласковъ въ обхожденіи; былъ очень щедръ и благотворителенъ; но слишкомъ любилъ ве-

селые пиры, напитки и чувственныя удовольствія, въ чемъ и заключалась его слабость".

Таковъ былъ герой, съ которымъ приходилось помѣряться нашему Святославу. Взойдя на престолъ безъ всякой помѣхи, посредствомъ злодѣйскаго убійства, онъ, однако, въ первое время находился въ величайшемъ затрудненіи и не зналъ, что начать. По всему царству свирѣпствовалъ голодъ уже третій годъ; съ сѣвера Русскіе угрожали превеликимъ бѣдствіемъ, съ юга Арабы не давали царству покоя. Противъ Арабовъ онъ выслалъ войско, но съ Святославомъ рѣшился искать мира.

Вѣрный своему слову взять самый Царьградъ, Святославъ весною 970 года перешелъ Балканы и тотчасъ овладѣлъ Филиппополемъ, гдѣ, по разсказамъ Грековъ, чтобы навести страхъ на возставшихъ Болгаръ, посадилъ ихъ 20 тысячъ на колъ. Мы не скажемъ, что это преувеличеніе и не скажемъ, что это ложь. 20 тысячъ есть только пустая риторская фраза, въ родѣ сильнаго присловья, когда требовалось обозначить вообще какой либо ужасъ. И теперь часто употребляютъ выраженія: тысячу разъ, тысячекратно, желая выразить понятіе особаго множества. Святославъ, конечно, былъ сынъ вѣка, былъ варваръ, не меньше другихъ изъ своихъ современниковъ и особенно не меньше самихъ Грековъ, занимавшихся по преимуществу предъ другими народами сажаніемъ людей на колъ. Это былъ обычай въ особенномъ смыслѣ—южный, едвали столько извѣстный на сѣверѣ, и если сѣверные люди употребляли такую казнь въ войнахъ съ Греками, такъ они старались только казнить ихъ ихъ же собственнымъ орудіемъ. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что это свидѣтельство важно, въ томъ смыслѣ, что знакомитъ насъ со способомъ веденія войны Святославомъ [122]. Но способъ войны Святослава, если по обычаямъ войны и заключался въ распространеніи между врагами ужаса, то главнымъ образомъ онъ заключался въ быстротѣ нападенія. Такому воителю-барсу нѣкогда было заниматься копотливою операціею сажанія на колъ. Невозможно было отвлекать для этого и своей дружины. Онъ могъ дѣлать одно,—это безъ пощады умерщвлять сопротивниковъ тѣми же мечами, которыми начиналъ и самую битву. Для сажанія на колъ необходимы были новыя орудія, на изготовленіе которыхъ

требовалось время и матеріалъ и для самой операціи множество людей.

Святославъ спѣшилъ къ Царьграду. Онъ сказалъ, что теперь идетъ на Грековъ. Очень естественно, что теперь и Болгары становились на его же сторону вмѣстѣ съ Венграми и Печенѣгами, которые тоже соглашались помогать ему. Богатый, коварный Грекъ всегда бывалъ общею добычею для всѣхъ варваровъ. Въ этомъ случаѣ не для чего было устрашать и Болгаръ.

По Русскому преданію Греки, ведя переговоры, только обманывали Русь; они говорили, что не въ силахъ бороться, предлагали дань на всю дружину, по числу головъ, прося только сказать, сколько счетомъ всего войска. Греки обманывали и Святославъ ихъ обманулъ, сказавши, что всей Руси 20 тысячъ. Онъ прибавилъ 10 т., потому что Руси было только 10 тысячъ. Вотъ по какой причинѣ она и не могла пересажать на колъ 20 тысячъ Болгаръ. Узнавши число Руси, Греки вывели 100 тысячъ войска и не дали дани. Полки сошлись у Адріанополя. Русь струсила, увидавши такое множество Грековъ. Не струсилъ одинъ Святославъ и сталъ говорить дружинѣ. „Уже намъ некуда дѣться; волею или неволею должно стать противъ... Не посрамимъ Русской земли, ляжемъ тутъ костями. Мертвымъ нѣтъ срама. Если побѣжимъ,—осрамимъ себя, но убѣжать не можемъ. Станемъ же крѣпко, а я передъ вами пойду. Если моя голова ляжетъ, то промыслите сами о себѣ.“—„Гдѣ упадетъ твоя голова, тутъ и свои головы сложимъ!“ отвѣтила дружина. Русь исполчилась. Сѣча была великая. Одолѣлъ Святославъ, Греки побѣжали. Святославъ пошелъ къ Царьграду, воюя и города разбивая—стоятъ и теперь пусты, прибавляетъ лѣтопись.

Вотъ онъ уже мало что не дошелъ до самаго Царьграда. Царь созвалъ бояръ въ Палату и сталъ думать думу: —„Какъ намъ быть, что намъ дѣлать?“ говорилъ онъ—„нельзя намъ бороться съ Святославомъ!“—„Пошли къ нему дары,—сказали бояре,—испытаемъ его, любитъ ли онъ золото, али паволоки?“ Тогда послали золото и паволоки и мудрѣйшаго мужа, чтобы глядѣлъ для испытанія.—„Какъ увидишь Святослава, гляди его взора, его лица, его смысла,“ говорили бояре.—„Вотъ Греки съ поклономъ пришли!“

сказали люди Святославу, когда прибылъ въ его станъ мудрый посолъ.—„Введите ихъ сюда,"—отвѣтилъ князь. Вошелъ посолъ и поклонился и разложилъ передъ нимъ золото и паволоки. „Раздайте отрокамъ (слугамъ)!"—молвилъ Святославъ своимъ приближеннымъ, а самъ и не взглянулъ на дары и ни слова не сказалъ посламъ, такъ ихъ и отпустилъ. Когда возвратился посолъ съ отвѣтомъ и разсказалъ, какъ было дѣло, царь опять созвалъ бояръ и рѣшили еще попытать Русскаго князя,—послали ему въ даръ мечъ и другое оружіе. Какъ только принесли эти дары, Святославъ обрадовался имъ какъ ребенокъ, сталъ хвалить дары, любовался ими, цѣловалъ ихъ, говорилъ, что цѣлуетъ за это царя. Все это въ точности было передано царю. Подумавши и посудивши, бояре сказали такъ: „Золото презираетъ, оружію радуется; это будетъ лютый человѣкъ. Лучше взять съ нимъ миръ и выплатить дань." И послалъ царь сказать Святославу: „Не ходи къ городу, возьми дань, какъ ты хочешь." И отдали ему дань. Онъ бралъ и за убитыхъ, говоря, что родичи ихъ возьмутъ. Взялъ и дары многіе и возвратился въ Переславецъ съ похвалою великою.

Можно-ли сказать, что въ этомъ преданіи заключается особое русское хвастовство и неправда, какъ увѣрялъ Шлецеръ, говоря, что Русскій Временникъ въ этой „глупой сказкѣ, только лжетъ и ребячится." Строгій и суровый критикъ изучалъ простодушный разсказъ нашего преданія рядомъ съ цвѣтистыми риторскими повѣстями византійскихъ писателей, которые, какъ Левъ Дьяконъ, высоко восхваляя подвиги своихъ царей, описали эту войну пріятно и подробно, отчего, конечно, нашъ разсказъ, сохранившій только русское воспоминаніе о событіяхъ, потерялъ для критика всякое значеніе [123]. Но ближайшая повѣрка этого разсказа съ дѣйствительными событіями и обстоятельствами войны [124], напротивъ того, раскрываетъ великую правдивость не только русской лѣтописи, но и русской народной памяти, которая вообще очень мало предавалась самолюбивому хвастовству и въ этомъ отношеніи никогда не могла идти въ состязаніе съ напыщеннымъ риторскимъ хвастовствомъ Грековъ, отчего ихъ исторіи и описанія особенно и пріятны и подробны. Левъ Дьяконъ говоритъ, что къ русскому вождю были отправлены послы съ требованіемъ,

чтобы онъ возвратился теперь во-свояси, и оставилъ бы Болгарію, такъ какъ обѣщанная прежнимъ царемъ за этотъ болгарскій походъ награда (по русски дань) выплачена ему сполна. Здѣсь византіецъ противорѣчитъ самъ себѣ. Когда ищутъ мира, то не требуютъ, а просятъ, обходятся мягко и любовно, покрайней мѣрѣ относятся другъ къ другу съ привѣтомъ, а по тогдашнимъ посольскимъ обычаямъ, непремѣнно съ дарами. Вознося своего героя и притомъ царя, Грекъ, конечно, не могъ сказать иначе. Точно также, какъ и Русскій, говоря настоящую правду, не могъ сказать ничего другаго, какъ только то, что Греки приходили къ Святославу съ поклономъ и съ дарами, съ обѣщаніемъ дани, все льстя, обманывая и испытывая его силу. Левъ Дьяконъ продолжаетъ: „Святославъ, надмѣнный одержанными побѣдами, исполненный варварской своей гордости, устрашившій и изумившій Болгаръ своею свирѣпостью, ибо, сказываютъ, что при взятіи города Филиппополя, жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ, для одного страха, онъ посажалъ на колъ 20 тысячъ человѣкъ плѣнныхъ и тѣмъ заставилъ Болгаръ себѣ покориться,—этотъ Святославъ отвѣтилъ греческимъ посламъ, что онъ не выйдетъ изъ Болгаріи, если не дадутъ ему великой суммы денегъ, если не выкупятъ завоеванныхъ городовъ и плѣнныхъ.—Если же Греки, говорилъ онъ, не захотятъ столько заплатить, то пусть убираются вовсе изъ Европы, которая имъ не принадлежитъ; пусть идутъ въ Азію, и пусть не мечтаютъ, что Русь помирится съ ними даромъ.“ — Выслушавъ эти гордыя рѣчи, царь Иванъ вторично отправилъ пословъ къ Святославу. „Мы, Греки, посылалъ онъ сказать, исполняя христіанскіе законы, не должны сами разрывать миръ, непоколебимо до насъ дошедшій отъ нашихъ предковъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ; а потому совѣтуемъ вамъ, какъ друзьямъ, немедленно и безъ всякихъ отговорокъ идти домой, оставить землю, вамъ не принадлежащую. Не послушаете нашего совѣта, то не мы, а вы сами разорвете нашъ союзъ и за то,—въ этомъ мы надѣямся на Христа Господа,—будете изгнаны изъ страны противъ вашей воли. Я думаю, прибавлялъ царь, что ты Святославъ, еще не забылъ бѣдствіе своего отца Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ на 10,000 судахъ,

подступилъ къ царствующему граду Византіи и едва только успѣлъ съ 10-ю ладьями убѣжать въ Воспоръ Киммерійскій съ извѣстіемъ о собственномъ бѣдствіи. Я не упоминаю объ его несчастной смерти, когда плѣненный на войнѣ съ Древлянами, онъ привязанъ былъ къ двумъ деревамъ и разорванъ на двѣ части. Не думаю, чтобы и ты могъ здорово возвратиться въ свое отечество, если заставишь насъ выступить противъ тебя со всѣмъ Греческимъ войскомъ. Тогда со всею ратью ты погибнешь въ этой странѣ и ни одна лодка не придетъ въ Скиѳію, чтобы извѣстить о твоей жестокой погибели!"

Раздраженный этими словами, увлеченный своею яростію и безуміемъ, Святославъ далъ посламъ такой отвѣтъ: „Какая необходимость идти царю къ намъ съ своимъ войскомъ? Пусть не трудится напрасно! Мы скоро сами поставимъ свои шатры передъ воротами Царьграда; завалимъ городъ крѣпкимъ валомъ, и если царь попытается выступить, то покажемъ ему на самомъ дѣлѣ, что значитъ Русь. Мы не бѣдные какіе ремесленники, ищущіе поденной работы. Русь—храбрая дружина, побѣждающая враговъ оружіемъ. Невѣжда, вашъ царь, этого еще не знаетъ. Онъ почитаетъ Русскихъ слабыми женщинами и запугиваетъ угрозами, какъ пугаютъ малыхъ дѣтей разными чучелами!"

Цимисхій однако очень хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и пока шли переговоры, неутомимо готовился къ войнѣ, „чтобы упредить приходъ врага и преградить приступъ къ Царьграду." Онъ поспѣшно вызвалъ свои полки съ Востока, гдѣ они воевали съ Арабами. Для охраненія собственной особы набралъ себѣ опричный полкъ отчаянныхъ храбрецовъ, назвавши ихъ и самый полкъ безсмертными.

Святославъ тоже не дремалъ. Къ Русской дружинѣ онъ присовокупилъ покоренныхъ Болгаръ, призвалъ на помощь Печенѣговъ и Венгровъ и пошелъ прямою дорогою на Царьградъ, производя повсюду страшныя опустошенія. Онъ стоялъ уже у Адріанополя, слѣдовательно въ дѣйствительности за малымъ не дошелъ до Царьграда, какъ свидѣтельствуетъ Русское преданіе. Греки говорятъ, что въ это время у него было 300 и даже 308 тысячъ войска. У страха глаза велики и цифра войска здѣсь можетъ показывать только мѣру опасности и страха, въ какомъ Греки тогда нахо-

дились. Защищать Адріанополь пришелъ воевода Варда Жестокій, человѣкъ храбрый, дѣятельный, пламенный духомъ и силою, вызванный нарочно съ полками изъ Азіи. Съ нимъ было только 12 тысячъ. Онъ сѣлъ въ городѣ и притворился, что не смѣетъ, боится идти на прямое дѣло, а самъ между прочимъ употреблялъ всякія хитрости, чтобы узнать, въ какой силѣ находится Русь, въ какомъ количествѣ пришла, гдѣ стоитъ и что замышляетъ? Объ этихъ-то самыхъ хитростяхъ и разсказываетъ Русское преданіе, прибавляя, что Русь тоже обманула врага, показавши цифру своего войска вдвое, то есть, въ 20 тысячъ, когда у ней было всего только 10 тысячъ. Варда хитрыми путями посредствомъ засадъ и въ разбивку сталъ поражать будто бы Русскіе полки и сначала разбилъ Печенѣговъ. Затѣмъ сошелся и съ главною силою. Нѣсколько времени битва продолжалась съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ, но въ пользу Грековъ ее рѣшили слѣдующіе подвиги: одинъ Руссъ необыкновенной величины и храбрости, замѣтивъ Варду, разъѣзжавшаго передъ войскомъ для охрабренія людей, устремился на него и нанесъ ему ударъ по головѣ; однако крѣпкій шлемъ спасъ полководца. Варда въ свою очередь ударилъ Русса и разрубилъ его пополамъ. Между тѣмъ братъ Варды, патрицій Константинъ, имѣвшій еще только пушекъ на подбородкѣ, сцѣпился съ другимъ Руссомъ, который бросился было своему на помощь. „Онъ нанесъ было ему страшный ударъ по головѣ, но Руссъ уклонился и ударъ попалъ по коню, у котораго разомъ была отрублена голова. Руссъ упалъ на землю. Константинъ слезъ съ коня и закололъ врага.“ Этихъ богатырскихъ подвиговъ Русскіе такъ испугались, что потеряли всякую храбрость и со срамомъ въ безпорядкѣ побѣжали. Греки погнались за ними, побивая направо и налѣво, и устилая путь трупами. Однако больше всего взято въ плѣнъ. Еслибъ не наступившая ночь, то никто бы не спасся.

Впрочемъ, Греки разсказываютъ и такъ, что первымъ дѣломъ былъ подвигъ Константина, отрубившаго мечемъ голову коня у того Русса, который ударилъ было Варду; а вторымъ и рѣшительнымъ дѣломъ было вотъ что: самъ Варда, увидавъ знатнаго Русса, отличавшагося великимъ ростомъ и блескомъ доспѣховъ, который ходилъ передъ

рядами своей дружины и поощрялъ на битву,—самъ Варда Жестокій подскакалъ къ этому Руссу и „ударилъ его мечемъ по головѣ съ такою силою, что разрубилъ пополамъ; ни шлемъ не защитилъ его, ни броня не выдержала силы удара. Греки, увидѣвши его разрубленнаго на двѣ части и поверженнаго на землю, закричали отъ радости и съ храбростью устремились впередъ; а Руссы, устрашенные симъ новымъ и удивительнымъ пораженіемъ, съ воплемъ разорвали свои ряды и обратились въ бѣгство. Греки гнались за ними до самой ночи и безъ пощады убивали.—У насъ, продолжаютъ Греки, въ этой битвѣ, кромѣ многихъ раненыхъ, было убито 55 человѣкъ, а всего больше пало коней; но у Русскихъ погибло больше 20,000 человѣкъ"! Другіе утверждали, что Русскихъ вообще уцѣлѣло очень немного, а Грековъ пало въ сраженіи только 25 человѣкъ, но за то всѣ были ранены [125].

Не ясно ли, что все это сказки, разсказанныя въ похвалу себѣ самимъ Вардою или его ласкателями. Послѣ этой битвы дальнѣйшій походъ Руси къ Царьграду былъ остановленъ, а Варда былъ внезапно отозванъ въ Азію воевать съ заговорщиками императора. Тамъ другой Варда, именемъ Фока, провозгласилъ себя императоромъ и шелъ на смѣну Цимисхію. Требовалось скорѣе утушить этотъ мятежъ. Варда Жестокій и тамъ сталъ дѣйствовать обманомъ, какъ онъ непремѣнно дѣйствовалъ и съ Святославомъ. По наставленію самого Цимисхія, подкупая и обѣщая великіе дары, онъ разрушилъ союзъ мятежниковъ, такъ что Варда-Фока остался одинъ одинехонекъ и опасность миновала. Очень вѣроятно, что въ этомъ возстаніи принималъ участіе и нашъ Калокиръ.

Какъ бы ни было, но Варда Жестокій не могъ удалиться почти съ мѣста битвы, не успокоивши чѣмъ либо Русскую рать. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ помогло самое время года, наступившая зима. Но вѣроятнѣе всего, Святослава остановила какая-либо хитрая греческая уловка, въ родѣ рѣшительныхъ переговоровъ о мирѣ съ посылкою богатыхъ даровъ и обѣщаніями уплачивать вѣрную дань. Вѣдь смѣялись же Греки, что Русь до того жадна, что любитъ даже и самыя обѣщанія.

О подобныхъ обманныхъ дѣлахъ византійскіе лѣтописцы всегда молчатъ, но описываютъ дѣянія, которыя ихъ же обличаютъ. И здѣсь они разсказываютъ, что когда раннею весною самъ царь выступилъ въ походъ, то къ нему приходили Русскіе послы, очень шумѣли и жаловались на какія-то обиды. Какъ можно жаловаться на обиды, если вражда не была замирена и если не было уговоровъ и обѣщаній, изъ нарушенія которыхъ, конечно, и возникли жалобы? Сами же Греки прямо говорятъ, что Варда выигралъ свою побѣду обманомъ, хитростію, коварствомъ. Онъ успѣлъ также разстроить и союзъ Руси съ Печенѣгами и Венграми [126]. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Цимисхій во время Адріанопольскаго дѣла, когда онъ принужденъ былъ отозвать оттуда самого Варду,—ему иначе нельзя было остановить Святослава, какъ дарами и какимъ-либо окупомъ, а главное обѣщаніями и переговорами. Вотъ почему Русское преданіе правильно могло говорить, что дань взята и за убитыхъ, и что Святославъ возвратился въ Переяславецъ съ великою похвалою. Но нѣтъ сомнѣнія, что обманъ Грековъ Руссы почувствовали тотчасъ, какъ только удалились отъ Адріанополя. Они и въ зимнее время продолжали опустошать Македонію и по словамъ Грековъ сдѣлались еще надменнѣе оттого будто бы, что воевода, заступившій мѣсто Варды, былъ человѣкъ лѣнивый, неопытный, неискусный и преданный пьянству.

Описаніе несчастной Святославовой войны въ существенныхъ чертахъ очень правдиво и у Грековъ, но оно по греческому обычаю представлено въ видѣ похвальнаго слова, и полководцу Вардѣ, и особенно самому царю, и потому, для полноты надлежащаго впечатлѣнія, о многихъ не подходящихъ подъ похвалу вещахъ скромно умалчиваетъ. Во всемъ повѣствованіи у Кедрина и Льва Дьякона видно какое-то особое стараніе представить Грековъ постоянными побѣдителями даже въ мелкихъ дѣлахъ.

Изъ этого самаго описанія всякій можетъ видѣть, что до Адріанополя Руссы шли побѣдоносно и неукротимо, а тутъ все дѣло покончили со стороны Грековъ богатырскія разсѣченія коня и богатыря, а главнымъ образомъ наставшая ночь, во тьмѣ которой Руссы изчезли совсѣмъ и больше не возвращались. А между тѣмъ императоръ, „не могши болѣе

сносить высокомѣрной ихъ дерзости и явнаго къ себѣ презрѣнія, рѣшился самъ вести съ ними войну и всю зиму готовился къ этому походу, обучая сухопутное и морское войско, производя смотры огненоснымъ судамъ, устроивая полкъ безсмертныхъ, заготовляя и перевозя къ Адріанополю запасы и т. д.".

Все это онъ могъ спокойно дѣлать, обольстивъ и усыпивъ враговъ заключеннымъ миромъ, дарами, данью. Въ это время онъ даже женился и очень весело справлялъ свою свадьбу праздниками, торжественными играми, щедрою раздачею милостыни бѣднымъ и особенно наградъ всѣмъ чиновникамъ.

„Какъ скоро зимняя мрачность перемѣнилась въ весеннюю ясность, государь, поднявши Крестное Знаменіе, изготовился въ походъ противъ Руссовъ". Прямо изъ дворца пошелъ онъ прежде всего молиться въ храмъ Христа Спасителя, оттуда въ славную церковь Софію, просить у Бога себѣ Ангела путеводителя и предшественника войску и затѣмъ въ храмъ Богоматери Влахернской, избавительницы Царяграда отъ нападенія той же Руси. Уже эти выходы хорошо объясняютъ, какой опасности ожидалъ себѣ Цимисхій.

Изъ Влахернскаго дворца онъ любовался на собранныя въ заливѣ огненосныя суда, числомъ 300, смотрѣлъ искусное и стройное ихъ плаванье и примѣрное сраженіе и, наградивъ гребцовъ и воиновъ деньгами, повелѣлъ имъ идти въ рѣку Истръ (Дунай), чтобы запереть Руссамъ возвращеніе домой. Корабли поднимались къ Дунаю, а императоръ тѣмъ временемъ дошелъ до Адріанополя. Здѣсь онъ съ радостію узналъ, что о Русскихъ нигдѣ не было слышно, что тѣсные и опасные горные проходы къ Болгаріи, называемые мѣшками, оставались безъ защиты. Онъ поспѣшилъ пройдти эти ущелья и первый пустился въ путь съ полкомъ своихъ „безсмертныхъ". За нимъ слѣдовало 15 тысячъ пѣхоты и 13 тысячъ конницы. Прочее войско съ обозами и осадными орудіями шло позади, не спѣша.

Скоро и совсѣмъ неожиданно для Русскихъ онъ явился у самой Прѣславы или Переяславца Балканскаго. Онъ подходилъ къ городу съ великимъ торжествомъ: громъ бубенъ отзывался въ тамошнихъ горахъ, стучали кимвалы (тарелки), громко трубили трубы, доспѣхи брядали, кони ржали, рат-

ные крикомъ возвѣщали побѣду. Все это приводило Руссовъ въ изумленіе и ужасъ, восклицаетъ риторъ и продолжаетъ: „Но не смотря на то, они немедленно схватили оружіе, подняли щиты на рамена (щиты у нихъ были крѣпкіе и длинные до самыхъ ногъ), стали въ сильный боевой порядокъ и какъ рыкающіе дикіе звѣри, съ ужаснымъ и страшнымъ воплемъ выступили противъ Грековъ на ровное поле передъ городомъ". Битва съ обѣихъ сторонъ была ровная, пока царь не пустилъ своихъ „безсмертныхъ" на лѣвое крыло Руси. Это была отчаянная конница, а Русь не имѣла обычая сражаться на коняхъ и никогда тому не училась. Здѣсь конечно разумѣется та Русь, которая приплывала на Дунай и въ Грецію на лодкахъ. Однако у Руси искони вѣковъ бывало и конное войско, хотя и не особенно многочисленное и сильное. Главную ея силу въ далекихъ морскихъ походахъ конечно всегда составляла пѣшая рать, они же пловцы и гребцы. „Безсмертные" смяли эту рать; она побѣжала и заперлась въ городѣ. Тутъ Греки побили 8500 человѣкъ.

Въ Переяславцѣ сидѣлъ извѣстный намъ Грекъ Калокиръ. Онъ скоро увидалъ, что съ войсками пришелъ самъ императоръ. И нельзя было этого не увидать, потому что золотые царскіе знаки издавали чрезвычайный блескъ и сіяніе. Калокиръ тайно, въ самую глухую ночь, ускакалъ къ Святославу въ Дористолъ. Въ городѣ остался воевода Сфенкелъ, занимавшій третье мѣсто послѣ Святослава.

На другой день, это было въ великую пятницу, Цимисхій пошелъ на осаду. Послѣ упорнаго боя, городъ былъ взятъ. Кедринъ говоритъ, что ворота были отворены какъ-то тайно, измѣною. Левъ Дьяконъ увѣряетъ, что они были сломаны Греками; но есть свидѣтельство, что ворота отворены самими Болгарами, которые, по обычаю, встрѣтили Цимисхія съ дарами. При этомъ плѣненный Русью болгарскій государь Борисъ съ женою и двумя дѣтьми былъ снова взятъ въ плѣнъ Греками. Цимисхій принялъ его великодушно, объявивъ, что Греки пришли отмстить Русскимъ и защитить отъ нихъ Болгаръ. Между Болгарами такая рѣчь конечно подѣйствовала сильно и послѣ того царь во многихъ случаяхъ могъ разсчитывать на нихъ, какъ на своихъ союзниковъ. Но Русь не ушла изъ города, а вся собралась въ царскомъ дворцѣ, обнесенномъ оградою. Это вѣроятно былъ кремль, дѣтинецъ.

Въ немъ хранилась болгарская казна. Овладѣть Русью въ этомъ ея убѣжищѣ не было никакой возможности. Самъ императоръ пускался на приступъ, но безъ успѣха; Греки падали у стѣнъ крѣпости, какъ снопы. Видя, что приступомъ ничего хорошаго сдѣлать нельзя, царь велѣлъ со всѣхъ сторонъ бросать черезъ стѣны огонь. Кремль запылалъ. Русскіе, числомъ болѣе 7 тысячъ вышли на открытое поле, построились, но тотчасъ были окружены храбрыми полками Варды и Болгарами, сражавшимися теперь за Грековъ. Они отбивались до послѣдняго, ни одинъ не подавался назадъ, всѣ полегли честно на томъ же полѣ, гдѣ стояли. Только воевода Сфенкелъ съ немногою дружиною пробилъ себѣ дорогу и ушелъ къ Святославу.

Овладѣвъ Прѣславою, императоръ радостно праздновалъ въ ней день Св. Пасхи. Къ Святославу онъ отправилъ русскихъ плѣнныхъ разсказать, что случилось, и объявить русскому князю, чтобы немедленно выбиралъ одно изъ двухъ, или съ покорностію положилъ бы оружіе и испросивъ прощеніе въ дерзости, тотчасъ удалился бы изъ Болгаріи; или готовился бы защищаться и принять конечную погибель.

Святославъ, услышавъ эти вѣсти, печалился и досадовалъ, но „побуждаемый скиѳскимъ своимъ безуміемъ и надменный побѣдою надъ Болгарами, надѣялся скоро побѣдить и Грековъ и потому съ готовностью собирался встрѣтить императора у Дористола". Дористолъ было то мѣсто, гдѣ царь Константинъ, послѣ одержанной побѣды надъ Скиѳами, увидѣлъ на небѣ крестное знаменье и слышалъ гласъ съ неба: „Симъ побѣдиши!" Въ память этого чуда онъ и основалъ здѣсь городъ.

Цимисхій, спустя нѣсколько дней, двинулся къ Дористолу и на пути побралъ много болгарскихъ городовъ, которые, отложившись отъ Руси, сдавались ему безпрекословно. Въ этомъ случаѣ, чтобы пріостановить измѣну болгарскаго населенія, Святославъ захватилъ всѣхъ знатныхъ родомъ и богатыхъ Болгаръ, числомъ до 300 человѣкъ, и всѣмъ велѣлъ отрубить головы, а прочихъ въ оковахъ заперъ въ темницы. Такихъ было конечно 20 тысячъ, какъ увѣряетъ Кедринъ, но мы уже знаемъ, что означало это присловье.

На борьбу съ царемъ Святославъ вывелъ всю свою дружину числомъ до 60 тысячъ человѣкъ [127]. Сомкнувъ щиты

и копья, на подобіе стѣны, Русскіе встрѣтили Грековъ, дѣйствительно, какъ несокрушимая стѣна. Началась сильная битва и долго стояла съ обѣихъ сторонъ въ равновѣсіи. Сраженіе колебалось и побѣда до самаго вечера казалась неизвѣстною. Двѣнадцать разъ та и другая рать обращались въ бѣгство. Греческая конница, предводимая самимъ императоромъ, который самъ бросилъ первое копье, и здѣсь рѣшила дѣло. Руссы не выдержали, разсыпались по полю, побѣжали и затворились въ городѣ. Греки пѣли побѣдныя пѣсни, восхваляли императора, а онъ раздавалъ имъ чины, угощалъ пирами и тѣмъ возбуждалъ ихъ воинственность.

Императоръ сталъ подъ городомъ, укрѣпивши свой лагерь рвами и валами. Онъ все-таки очень боялся Руси. Сдѣлавши одинъ безуспѣшный приступъ, онъ боялся начать осаду и поджидалъ огненосныхъ кораблей. Какъ скоро эти страшные корабли показались на Дунаѣ, Греки подняли радостный крикъ. Русскіе были объяты ужасомъ—они пуще всего боялись этого мидійскаго огня. Въ этой боязни Русскіе поспѣшили убрать свои ладьи поближе къ стѣнамъ города. На другой день, съ длинными до самыхъ ногъ щитами, въ кольчужныхъ броняхъ, они снова вышли въ поле перевѣдаться съ Греками. Опять такая же отчаянная битва и равенство силъ. Попеременно то та, то другая сторона преодолѣвала, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ Грековъ не поразилъ копьемъ храбраго великана Сфенкела. Потерявши воеводу, Руссы отступили. Тутъ одинъ греческій богатырь, Ѳедоръ Лалаконъ, побилъ ихъ множество своею желѣзною булавою, размахивая во всѣ стороны, онъ раздроблялъ ею и шлемы и головы.

Съ прибытіемъ огненныхъ лодокъ, запиравшихъ выходъ по Дунаю, Святославъ увидѣлъ, что надо сѣсть въ крѣпкую осаду и потому въ ту же ночь укрѣпилъ городъ глубокимъ рвомъ. Но у него не доставало главнаго—съѣстныхъ припасовъ. Добывать ихъ приходилось какимъ либо отчаяннымъ средствомъ. И вотъ, въ одну темную ночь, когда лилъ съ неба пресильный дождь, блистала страшная молнія и гремѣли ужасные громы, двѣ тысячи Руссовъ садятся въ свои утлыя однодеревки и отправляются отыскивать хлѣба. Они успѣли обшарить всѣ добрыя мѣста далеко по берегамъ

рѣки и возвращались уже домой. Въ то время замѣтили они на одномъ берегу греческій обозный станъ,—людей поившихъ коней, собиравшихъ дрова и сѣно. Въ одну минуту они высадились изъ лодокъ, обошли Грековъ черезъ лѣсъ, внезапно разгромили ихъ до послѣдняго и съ довольною добычею воротились въ крѣпость. Вѣсть объ этомъ походѣ сильно поразила царя. Онъ объявилъ своимъ воеводамъ, особенно корабельнымъ, смертную казнь, если впередъ случится что либо подобное. Съ той поры Руссы еще тѣснѣе были окружены въ своемъ городѣ. Повсюду выкопаны были рвы, поставлена стража и по берегу, и по рѣкѣ, чтобы окончательно сморить осажденныхъ голодомъ. Это было одно средство, воевать съ Русью, потому что она вовсе не думала прятаться отъ врага и наносила ему страшныя безпокойства своими вылазками. На одной вылазкѣ, когда Руссы очень старались истребить греческія осадныя орудія, выѣхалъ на нихъ самъ воевода, близкій родственникъ царю, Иванъ Куркуй. Онъ былъ во-хмѣлю и потому скоро слетѣлъ съ лошади. Превосходные доспѣхи, блистающая золочеными бляхами конская сбруя навели Русскихъ на мысль, что это самъ государь. Они бросились на него и мечами и сѣкирами изрубили его въ мелкія части, вмѣстѣ и съ доспѣхами. Отрубленную голову вздернули на копье и поставили на башнѣ, потѣшаясь, что закололи самого царя. Лѣтописцы замѣчаютъ, что воевода Иванъ Куркуй потерпѣлъ достойное наказаніе за безумныя преступленія противъ священныхъ храмовъ. Онъ, говорятъ, ограбилъ многія церкви въ Болгаріи; ризы и св. сосуды передѣлалъ въ собственныя вещи.

Ободренная этимъ дѣломъ Русь, на другой день снова вышла въ поле и построилась къ битвѣ. Греки двинулись на нее густою фалангою. Русскій воевода, первый мужъ послѣ Святослава, именемъ Икморъ, съ яростію врѣзался съ своимъ отрядомъ въ эту фалангу и безъ пощады побивалъ Грековъ направо и налѣво. Тогда одинъ изъ греческихъ богатырей, Анема, извлекъ свой мечь и, сильно разгорячивъ коня, бросился на исполина и поразилъ его такъ, что отрубленная вмѣстѣ съ правою рукою голова отлетѣла далеко на землю. Руссы въ изумленіи подняли ужасный крикъ и вопль. Съ крикомъ радости, тѣмъ поспѣшнѣе, бросились на нихъ

Греки. Руссы дрогнули. Закинувъ щиты на спину, они начали отступать къ городу. Греки преслѣдовали ихъ и побивали. Послѣ этой битвы, Греки, обдирая трупы убитыхъ для добычи, находили и женщинъ, которыя въ мужской одеждѣ сражались, какъ храбрые мужчины.

Здѣсь Левъ Дьяконъ разсказываетъ, что „какъ только наступила ночь и явилась на небѣ полная луна, Руссы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ городской стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву они погрузили въ струи Дуная живыми младенцевъ и пѣтуховъ. Они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія, потому что уважали еллинскія таинства, которымъ научились или отъ своихъ философовъ, Анахарсиса и Замолксиса, прибавляетъ риторъ, или отъ товарищей Ахилла. Ахиллъ вѣдь тоже былъ родомъ Скиѳъ, чему яснымъ доказательствомъ служатъ: покрой его плаща съ пряжкою, навыкъ сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, голубые глаза, безумная отважность, вспыльчивость и жестокость, за что порицаетъ его Агамемнонъ въ сихъ словахъ: „Тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы!“ Тавроскиѳы (Руссы) еще и нынѣ обыкновенно рѣшаютъ свои распри убійствомъ и кровію. Нечего говорить о томъ, что Русскій народъ отваженъ до безумія, храбръ, силенъ, что нападаетъ на всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе, прибавляетъ Л. Дьяконъ, и даже божественный Іезекіилъ объ этомъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Се азъ навожу на тя Гога и Магога, князя Россъ“.

Разсужденія Византійскаго ритора очень любопытны. Они показываютъ, какъ наша Русь своими подвигами дѣйствовала на воображеніе тогдашнихъ Грековъ, и какъ греческая литература того времени успѣла связать съ Русскимъ именемъ всѣ лучшія преданія о Скиѳахъ, не забывая въ томъ числѣ и Ахилла Пелеева сына, и Гога и Магога. Въ этомъ отношеніи очень примѣчателенъ и портретъ Ахилла. Въ воображеніи Льва Дьякона, онъ вполнѣ точно обрисовывалъ портретъ Святославовой Руси, а потому и для насъ долженъ служить первымъ достовѣрнѣйшимъ изображеніемъ такъ сказать живаго лица древней Руси.

Насталъ день послѣ этихъ обрядовъ и кровавыхъ жертвъ. Святославъ сталъ думать съ дружиною, какъ быть и что предпринимать дальше? Одни совѣтовали, тихо, въ глухую ночь, сѣсть на суда и спасаться бѣгствомъ. Другіе говорили, что лучше взять миръ съ Греками и такимъ образомъ сохранить по крайней мѣрѣ остатокъ войска, ибо уплыть тайно невозможно: „огненные корабли съ обѣихъ сторонъ стоятъ у береговъ и зорко стерегутъ насъ!" Всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали прекратить войну. Тогда Святославъ, вздохнувъ отъ глубины сердца, сказалъ дружинѣ: „Если мы теперь постыдно уступимъ Грекамъ, то гдѣ же слава Русскаго меча, безъ труда побѣждавшаго враговъ; гдѣ слава Русскаго имени, безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны! До этой поры Русская сила была непобѣдима! Дѣды и отцы наши завѣщали намъ храбрыя дѣла! Станемъ крѣпко. Нѣтъ у насъ обычая спасать себя постыднымъ бѣгствомъ. Или останемся живы и побѣдимъ, или умремъ со славою! Мертвые срама не знаютъ, а убѣжавши отъ битвы, какъ покажемся людямъ на глаза?" Такъ говорилъ Святославъ.

Левъ Дьяконъ замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: говорятъ, что побѣжденные Руссы никогда живые не сдаются непріятелямъ, но вонзая въ чрево мечи, убиваютъ себя. Они это дѣлаютъ въ томъ вѣрованіи, что убитые въ сраженіи на томъ свѣтѣ поступаютъ въ рабство къ своимъ убійцамъ.

Дружина не могла устоять противъ этой рѣчи и всѣ восторженно рѣшили лечь костьми за славу Русскаго имени.

24 іюля 971 г., рано на зарѣ, всѣ Руссы подъ предводительствомъ князя вышли изъ города и дабы никто въ него не возвратился, крѣпко заперли всѣ городскія ворота. Настала битва жестокая. Къ полудню Греки, палимые солнечнымъ зноемъ, томимые жаждою, почувствовали изнеможеніе и начали отступать. Руссы, конечно, еще больше горѣли отъ зноя и жажды, но тѣснили Грековъ жестоко. Опять является на помощь императоръ, воодушевляетъ Грековъ, повелѣваетъ принести вина и воды. Утоливъ жажду, Греки снова вступаютъ въ бой; но сраженіе идетъ равносильно, не подается ни та, ни другая сторона. Вотъ Греки лукаво побѣжали. Руссы бросились за ними. Но это была только хитрая уловка вызвать Русь въ далекое поле. Произошла еще бо-

лѣе ожесточенная схватка. Здѣсь Греческій воевода Ѳедоръ Мисѳіанинъ упалъ съ убитаго коня. Обѣ рати бросились къ нему, одни хотѣли изрубить его, другіе хотѣли его спасти. Воевода успѣлъ самъ себя защитить. Онъ; схвативъ за поясъ одного Русса и размахивая имъ туда и сюда, на подобіе легкаго щитика, отражалъ удары копій и мечей. Греки вскорѣ спасли своего героя, и оба воинства, не уступивъ другъ другу, прекратили битву.

Испытавши такой натискъ, видя, что съ Русью вообще трудно бороться, не ожидая и конца этой борьбѣ, царь Иванъ задумалъ рѣшить брань единоборствомъ и послалъ къ Святославу вызовъ на поединокъ. „Лучше смертью одного прекратить борьбу, чѣмъ по малу губить и истреблять народъ", говорилъ онъ. „Изъ насъ двоихъ, кто побѣдитъ, тотъ пусть и останется обладателемъ всего!" Святославъ не принялъ вызова. Быть можетъ, хорошо зная, что здѣсь могла скрываться какая либо хитрость льстиваго Грека, онъ съ презрѣніемъ отвѣтилъ царю: „Я лучше своего врага знаю, что мнѣ полезно. Если царю жизнь наскучила, то на свѣтѣ есть безчисленное множество другихъ путей, приводящихъ къ смерти. Пусть онъ избираетъ, какой ему угодно!" По всему видно, что этотъ вызовъ былъ только хитрою проволочкою дѣла съ цѣлью пріостановить битву и собраться съ силами. Императоръ въ это время успѣлъ отрѣзать Руссамъ возвращеніе въ крѣпость, что, конечно, возбудило еще больше ихъ стойкость и неустрашимость. Съ новою яростію возстало кровопролитное побоище. Обѣ стороны боролись отчаянно. Долгое время не было видно, кто останется побѣдителемъ. Греческій богатырь Анема, поразившій наканунѣ Икмора, напалъ теперь на самого Святослава, который съ бѣшенствомъ и яростію руководилъ своими полками. Разгорячивъ коня нѣсколькими скачками въ разныя стороны (причемъ всегда побивалъ великое множество непріятелей), Анема поскакалъ прямо на Русскаго князя, поразилъ его въ плечо и повергнулъ на землю. Только кольчужная броня и щитъ спасли Святослава отъ смерти. За то богатырь тутъ же погибъ и съ конемъ подъ ударами русскихъ копій и мечей. Кедринъ говоритъ, что ударъ былъ „нанесенъ мечемъ посреди головы", и что только шлемъ спасъ поверженнаго князя. Въ ярости съ громкимъ и дикимъ крикомъ

Руссы бросились на греческіе полки, которые, наконецъ, не выдержали необыкновеннаго стремленія и стали отступать. Тогда самъ императоръ, съ копьемъ въ рукѣ, храбро выѣхалъ съ своимъ отрядомъ на встрѣчу и остановилъ отступленіе. Загремѣли бубны, зазвучали трубы; Греки вслѣдъ за царемъ оборотили коней и быстро пустились на непріятеля. Тутъ внезапно приблизилась съ юга свирѣпая буря, поднялась пыль, полилъ дождь прямо въ глаза Русской рати и говорятъ, кто-то на бѣломъ конѣ явился впереди греческихъ полковъ, ободрялъ ихъ идти на врага и чудеснымъ образомъ разсѣкалъ и разстроивалъ ряды Руссовъ. Никто въ станѣ не видывалъ этого воина, ни прежде, ни послѣ битвы. Его долго и напрасно искали и послѣ, когда царь хотѣлъ достойно его наградить. Въ послѣдствіи распространилось мнѣніе, что это былъ великій мученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ, котораго царь молилъ о защитѣ и помощи. Да и случилось, что эта самая битва происходила въ день празднованія св. Ѳедору Стратилату. Сказывали еще, что и въ Царьградѣ, въ ночь, наканунѣ этой битвы, нѣкая дѣвица, посвятившая себя Богу, видѣла во снѣ Богородицу, говорящую огненнымъ воинамъ, ее сопровождавшимъ: „Призовите ко мнѣ мученика Ѳеодора!“ Воины тотчасъ привели храбраго вооруженнаго юношу. Тогда Богоматерь сказала ему: „Ѳеодоръ! твой Іоаннъ (царь), воюющій со Скиѳами, въ крайнихъ обстоятельствахъ; поспѣши къ нему на помощь. Если опоздаешь, то онъ подвергнется опасности“. Воинъ повиновался и тотчасъ ушелъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ изчезъ и сонъ дѣвы.

Предводимые вѣрою въ святое заступничество, Греки одолѣли Русскихъ и гнали ихъ, побивая безъ пощады, до самой стѣны города. А ворота въ городѣ уже успѣлъ затворить Варда Жестокій.

Самъ Святославъ, израненный и истекавшій кровью, не остался бы живъ, еслибъ не спасла его наступившая ночь. Говорятъ, въ этой битвѣ у Руссовъ было побито 15 тысячъ человѣкъ, взято 20 тысячъ щитовъ и множество мечей; а у Грековъ убитыхъ сосчитали только 350 человѣкъ и множество раненыхъ. Въ такихъ случаяхъ мѣра хвастовства всегда опредѣляетъ мѣру испытаннаго страха и опасности.

Святославъ всю ночь печалился о побіеніи своей рати, досадовалъ и пылалъ гнѣвомъ, говоритъ Левъ Дьяконъ. Но чувствуя, что все уже потеряно, и желая сохранить остатокъ дружины онъ сталъ хлопотать о мирѣ. На другой день утромъ онъ послалъ къ царю мирныя условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: Русскіе отдадутъ Грекамъ Дористолъ и возвратятъ плѣнныхъ; совсѣмъ оставятъ Болгарію и возвратятся на своихъ судахъ домой; для чего Греки должны безопасно пропустить ихъ суда, не нападая на нихъ съ огненными кораблями. Затѣмъ, Греки позволяютъ свободно привозить къ нимъ изъ Руси хлѣбъ и посылаемыхъ изъ Руси въ Царьградъ купцовъ считаютъ по старому обычаю друзьями.

Цимисхій весьма охотно принялъ предложеніе мира, утвердилъ условія и далъ на каждаго изъ Русской рати по двѣ мѣры хлѣба. Тогда получавшихъ хлѣбъ было насчитано 22 тысячи. Столько осталось отъ 60 тысячъ; прочіе 38 тысячъ пали отъ греческаго меча.

Русское преданіе, ничего не говоритъ о борьбѣ Святослава съ самимъ царемъ при Дерестрѣ и прямо оканчиваетъ свою повѣсть послѣднимъ рѣшеніемъ Святослава взять у Грековъ миръ. Но въ этомъ мѣстѣ въ лѣтописи существуетъ видимый пропускъ [128]. Отъ славной побѣды у Адріанополя сказаніе вдругъ переносится къ послѣднимъ переговорамъ о мирѣ. Святославъ думаетъ сначала самъ про себя: „Дружины мало, многіе въ полку погибли... Что если какою хитростью Греки избіютъ остальную мою дружину и меня? Пойду лучше въ Русь и приведу больше дружины“. Съ этой мыслью онъ посылаетъ сказать царю: „Хочу имѣть съ тобою миръ твердый и любовь“. Царь обрадовался и прислалъ дары больше первыхъ. Принявши дары, Святославъ сталъ разсуждать съ дружиною: „Если не устроимъ мира съ царемъ, а онъ узнаетъ, что насъ мало, и придетъ и обступитъ насъ въ городѣ,—что̀ тогда? Русская земля далече, Печенѣги съ нами воюютъ, кто намъ поможетъ? Возьмемъ лучше миръ съ царемъ, благо онъ взялся давать дань. И того будетъ довольно намъ. А не исправитъ дани, тогда соберемъ войска больше прежняго и вновь изъ Руси пойдемъ къ Царюграду“. Эта мысль полюбилась всѣмъ. Тотчасъ отправили къ царю пословъ съ рѣшеніемъ:

„Такъ говоритъ нашъ князь: хочу имѣть любовь съ Греческимъ царемъ, совершенную на всѣ лѣта“.

Лѣтописецъ опять списываетъ документъ подлинникомъ. Изъ словъ документа видно, что на основаніи уже бывшаго совѣщанья или договора, при Святославѣ и при Свѣнальдѣ, теперь написана особая хартія при послѣ царя, Ѳеофилѣ, въ Дерестрѣ, гдѣ стало быть Русь оставалась до окончательнаго заключенія мира.

По своему существу эта хартія есть только утвердительная клятвенная запись, которую Греки потребовали вѣроятно для большаго увѣренія въ исполненіи сдѣланнаго уговора. Святославъ, бояре и вся Русь поклялись имѣть миръ и любовь со всѣми (и будущими) греческими царями; никакъ и никогда не помышлять и никого другаго не приводить на Греческую страну, и на Корсунскую съ ея городами, и на Болгарскую; если и другой кто помыслитъ, то воевать и бороться съ нимъ за Грековъ. Клялись опять Перуномъ и Волосомъ.

Шлецеръ, прочтя пріятно и подробно описанную исторію этой войны у Византійцевъ, напалъ съ свойственнымъ ему ожесточеніемъ на нашего лѣтописца, упрекая его въ нестерпимо глупомъ, самомъ смѣшномъ хвастовствѣ и очевидномъ противорѣчіи самому себѣ, не только византійцамъ. „Русскій временникъ, говоритъ онъ, въ семъ отдѣленіи подвергается опасности потерять къ себѣ всякое довѣріе и лишиться всякой чести.“ Критикъ, однако, утѣшаетъ себя надеждою, что „найдутся быть можетъ списки, въ которыхъ все это разсказывается иначе....“ „Когда Руссы теряютъ сраженіе за сраженіемъ, городъ за городомъ, продолжаетъ критикъ, тутъ именно побитые Руссы получаютъ отъ побѣдителей большіе дары, кои они называютъ данью и проч. Глупый человѣкъ, лгавшій такъ безразсудно, вѣрно думалъ, что патріотъ непремѣнно долженъ лгать!“ „Напротивъ того византійскимъ временникамъ я вѣрю во всемъ,“—утверждаетъ критикъ и употребляетъ стараніе дѣйствительно во всемъ ихъ оправдать [129], даже и въ несообразности чиселъ побитаго Русскаго войска, прибавляя, что „съ тѣмъ и разсуждать нечего, кто прямо говоритъ, что Византійцы лгутъ, а одинъ Несторъ только говоритъ правду.“

Здѣсь увлеченіе знаменитаго критика именно своею критикою, направленною только на Нестора, высказалось въ полной силѣ. Къ сожалѣнію, онъ задался одною мыслью, что если конецъ Святославовой войны былъ несчастливъ, то слѣдовательно и ея начало, и все ея продолженіе тоже не могло быть счастливо. Византійцы насказали, что съ самаго начала Святославъ терпѣлъ постоянныя пораженія; но они же при описаніи каждой битвы отмѣчаютъ, что дѣло на обѣ стороны происходило равно-успѣшно и что только ночь и всегда одна ночь мѣшала совсѣмъ истребить Русское войско; что если греческіе герои проигрывали и падали, то по большей части отъ того, что бывали во-хмѣлю. Русское преданіе ставитъ одну битву самую начальную и говоритъ, какъ бы дѣлая общую оцѣнку и всѣхъ другихъ побоищъ, что она была трудна, что Русь испугалась множества войска и что Святославъ едва одолѣлъ. Затѣмъ онъ воюетъ дальше и грады разбиваетъ до самаго Адріанополя, о чемъ утверждаютъ и Византійцы. Русское преданіе вообще выставляетъ на видъ, что борьба шла съ великимъ трудомъ и опасностями и что, главное дѣло, у Святослава не было достаточно войска. Русскій герой почти на каждомъ шагу старается обмануть Грековъ количествомъ своего войска и постоянно заботится о томъ, какъбы не погибла вся дружина.

Скромное хвастовство (а вѣрнѣе всего пропускъ) русскаго преданія заключается лишь въ томъ, что оно позабыло или вовсе не хотѣло упоминать о трудныхъ и все-таки достославныхъ для Руси битвахъ у Дористола, которыя продолжались цѣлыхъ три мѣсяца и нисколько не укрощали Святослава. Онъ при всякомъ случаѣ постоянно и свободно вылѣзалъ изъ города и наносилъ врагу ударъ за ударомъ, такъ что Цимисхій принужденъ былъ звать его лучше на единоборство.

Шлецеръ, прочитавши Льва Дьякона, пріятно и подробно написавшаго похвальное слово Цимисхію, до того сдѣлался пристрастенъ къ этому герою, что прямо уже говоритъ, вопреки самому панегиристу, что Дористолъ былъ взятъ, только неизвѣстно **какъ**?

Дористолъ былъ оставленъ по договору о мирѣ самимъ Святославомъ, запросившимъ мира, по благоразумному раз-

сужденію всей дружины, что въ голодѣ и безъ всякой помощи со стороны, воевать дальше невозможно. Объ этомъ подробнѣе другихъ разсказываетъ Кедринъ. „Всѣ обстоятельства брани стекались къ утѣсненію Россіянъ, говоритъ онъ. Имъ не оставалось надежды получить отъ другихъ себѣ помощь; единоплеменники ихъ находились далече, а сосѣди, Венгры, Печенѣги, боясь Грековъ, отреклись отъ всякаго вспомоществованія. Болгарская земля (не вѣдая своего настоящаго врага) городъ за городомъ отдавалась въ руки Грекамъ. Что оставалось дѣлать? Бѣдствовали Руссы въ припасахъ, ибо ни откуда ихъ нельзя было достать; греческіе корабли на Дунаѣ тщательно за этимъ наблюдали. Между тѣмъ къ Грекамъ повседневно притекало обиліе всѣхъ благъ, и прибавлялись силы, конныя и пѣшія...“ [130]. Вотъ что говоритъ Кедринъ.

И все-таки честь русскаго меча нисколько не была оскорблена. Этотъ мечъ не вырвали изъ рукъ у Руси и не принудили положить его послѣ кроваваго дѣла. Напротивъ, его страшились до послѣдней минуты. Послѣднюю побѣду надъ Русью, какъ видѣли, одержала собственно буря, отчего Византійцы и приписывали свой успѣхъ чудесному заступленію св. Ѳеодора. Цимисхій такъ былъ радъ и такъ благословлялъ благополучный для него конецъ этой войны, что 1) выстроилъ великолѣпный храмъ надъ мощами св. Ѳеодора и на его содержаніе опредѣлилъ великіе доходы. Самый городъ, гдѣ почивали мощи, вмѣсто Евханіи, проименовалъ Ѳеодорополемъ; 2) выстроилъ во дворцѣ новый храмъ Спасителю, не пощадивъ никакихъ издержекъ на великолѣпное его украшеніе; 3) отложилъ обременительную народную подать съ домовъ; 4) повелѣлъ на монетахъ изображать образъ Спасителя и на обѣихъ сторонахъ начертывать слова: „Іисусъ Христосъ, Царь царей,“ чего прежде не бывало, и что соблюдали и послѣ бывшіе императоры. Все это показываетъ, въ какой степени была опасна и тяжела для Грековъ борьба съ Русью. Все это служитъ также свидѣтельствомъ, что русское преданіе безъ всякаго хвастовства разсказываетъ одну полную правду и излагаетъ дѣло вполнѣ исторически, то-есть въ его существенныхъ чертахъ. Оно рисуетъ достовѣрнѣйшій общій очеркъ всего событія, всѣхъ битвъ, всѣхъ переговоровъ, всѣхъ обстоя-

тельствъ войны и всѣхъ отношеній къ Грекамъ. Это общій приговоръ народной памяти надъ совершившимся народнымъ дѣломъ. Все русское патріотическое хвастовство, которое такъ смутило Шлецера, высказывается лишь въ одномъ обстоятельствѣ, что Святославу Греки давали дары и соглашались платить дань. Они это непремѣнно и исполнили, чтобы удалить его отъ Адріанополя, гдѣ по всѣмъ видимостямъ заключенъ былъ миръ, усыпившій Святослава въ его Переяславцѣ—до того, что Цимисхій коварнымъ образомъ могъ свободно и спокойно перебраться черезъ Балканы. Выдача Цимисхіемъ хлѣба на каждаго ратника въ глазахъ Русскихъ была тоже данью; иначе этой помощи и назвать было нельзя, потому что въ простомъ разсужденіи данью называлось все то, что̀ давали. О дарахъ Ольгѣ въ царскомъ дворцѣ паломникъ Антонія выражается также, какъ о дани: „когда взяла дань, ходивши къ Царю-граду.“ Понятіе о дани, конечно, выражало народную гордость, но въ настоящемъ случаѣ оно имѣло большія основанія выражаться такъ, а не иначе. Эту черту народной гордости лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись, какъ обычное присловье въ разсказѣ о послѣдствіяхъ войны. Но онъ тутъ же занесъ въ лѣтопись и свою исповѣдь о томъ тяжеломъ затрудненіи, въ какомъ находилась Русь, и привелъ самый документъ, нарисовавшій въ полной истинѣ русскую неудачу.

Святославъ, до того времени никогда не побѣждаемый, вовсе не знавшій, что значитъ уступать въ чемъ бы ни было врагу, конечно очень желалъ поглядѣть на этого богатыря, съ которымъ онъ не успѣлъ сладить, у котораго принужденъ былъ просить не пощады, что было страшное слово, несбыточное дѣло, а просить мира и прежней любви. „По утвержденіи мира, говоритъ свидѣтель событія, Святославъ просилъ позволенія у Греческаго царя—придти къ нему для личныхъ переговоровъ. Цимисхій вѣроятно и самъ очень желалъ посмотрѣть на этого Святослава и потому согласился на свиданіе.—Въ позлащенномъ вооруженіи, на конѣ пріѣхалъ онъ къ берегу Дуная, сопровождаемый великимъ отрядомъ всадниковъ въ блистающихъ доспѣхахъ“. Въ это время, „Святославъ переѣзжалъ черезъ рѣку въ нѣкоторой скиѳской ладьѣ и сидя за весломъ, работалъ наравнѣ съ прочими, безъ всякаго различія. Видомъ онъ

былъ таковъ: средняго роста, не слишкомъ высокъ, не слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ (т. е. обыкновеннымъ) носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными усами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и дикимъ. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ посрединѣ. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ кромѣ чистоты отъ другихъ неотличная (слѣдовательно простая сорочка). Поговоривъ немного съ императоромъ о мирѣ, сидя въ ладьѣ на лавкѣ, онъ переправился обратно".

Картина достопамятная! На берегу Дуная съѣхались посмотрѣть другъ на друга двѣ власти, руководительницы двухъ различныхъ земель. Одна уже создавшая и державшая громадное и богатѣйшее государство, раззолоченная и обремененная ласкательствомъ и поклоненіемъ, аки Богу, вѣчно колеблющаяся, вѣчно трепещущая отъ заговоровъ и предательства, изхитренная до послѣдней мысли, вполнѣ зависимая отъ своихъ милостивцевъ, робкая, но кровожадная, никогда не разбирающая никакихъ злодѣйскихъ средствъ къ своему достиженію. Другая — еще только искавшая землю для созданія государства и потому съ Ильменя озера перескочившая на Днѣпръ, а теперь овладѣвшая было Дунаемъ; еще бѣдная, неодѣтая, въ одной сорочкѣ, но безъ обмана, прямая и твердая, вполнѣ зависимая отъ той мысли, что она у своего народа только передовой работникъ, для котораго мечъ, какъ и весло—свойское дѣло, лишь бы достигнута была народная цѣль; власть, ничѣмъ себя не отличающая отъ народа, не имѣющая и понятія о божественномъ себѣ поклоненіи, простодушная, какъ послѣдній селянинъ ея земли, жившая въ братскомъ довѣріи къ дружинѣ и ко всей Землѣ.

Побѣдивъ Русскихъ и захвативъ Болгарію, какъ завоеваніе, разомъ совершивъ два подвига, Цимисхій съ великимъ торжествомъ возвращался въ Царьградъ. Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, всѣ вельможи и граждане, у стѣнъ города, встрѣтили его похвальными и побѣдными пѣснями, вручивъ ему знаки торжествующаго побѣдителя, драгоцѣн-

ные скиптры и златые вѣнцы [131]. Для торжественнаго въѣзда въ городъ ему изготовили великолѣпную колесницу, обитую золотомъ и запряженную четверкою бѣлыхъ коней. Вѣнцы и скиптры императоръ принялъ, но сѣсть въ колесницу отказался. Онъ являлъ смиреніе и скромность. Онъ поставилъ въ колесницу взятую въ Болгаріи икону Богородицы, а на златой бесѣдкѣ колесницы, какъ трофеи, расположилъ багряныя одѣянія и вѣнцы Болгарскаго царя. Самъ же на быстромъ конѣ, увѣнчанный діадимою, слѣдовалъ позади, держа въ рукахъ знаки побѣды—вѣнцы и скиптры. Весь городъ былъ убранъ, какъ брачный теремъ. Повсюду были развѣшены багряныя одежды, золотыя паволоки, лавровыя вѣтви. Окончивъ шествіе, царь вступилъ въ храмъ св. Софіи и совершивъ благодарственныя моленія, посвятилъ Богу великолѣпный царскій вѣнецъ Болгаріи, какъ первую и главную корысть побѣды. Послѣ того, онъ шествовалъ во дворецъ въ сопровожденіи болгарскаго царя Бориса, гдѣ торжественно повелѣлъ бѣдному царю сложить съ себя царскіе знаки—шапку, обложенную пурпуромъ, вышитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ, багряную одежду и красныя сандаліи. Въ замѣнъ царскаго достоинства онъ возвелъ его въ достоинство магистра императорскаго дворца, что равнялось званію первостепеннаго боярина.

Въ то самое время, какъ Цимисхій съ такими побѣдоносными ликованіями и торжествами на златыхъ колесницахъ и золотомъ убранныхъ коняхъ, вступалъ въ Царьградъ, Святославъ плылъ по морю домой въ своихъ однодеревкахъ. Онъ хотѣлъ пройдти въ Кіевъ обычнымъ торговымъ путемъ, черезъ Пороги. Старый Свѣнтельдъ, [132] соображая вѣрнѣе обстоятельства, совѣтовалъ идти въ обходъ на коняхъ затѣмъ, что въ Порогахъ слѣдовало непремѣнно ожидать Печенѣжской засады. Византійскіе лѣтописцы невинно объясняютъ, что Цимисхій, по просьбѣ самого Святослава, послалъ къ Печенѣгамъ просить союза и дружбы для Грековъ, а для Руси свободнаго пропуска черезъ ихъ земли; что Печенѣги согласились на все и отказали только въ этомъ пропускѣ. Но Греки по обычаю коварствуютъ въ этихъ словахъ. Всегдашняя политика Грековъ относительно своихъ враговъ поступала иначе. Къ Печенѣгамъ они навѣрное поспѣшили послать именно затѣмъ, что нельзя ли

совсѣмъ избавиться отъ Святослава и совсѣмъ истребить его полки. Посольское дѣло, не иначе, какъ въ такомъ смыслѣ, исполнилъ Ѳеофилъ, архіерей Евхаитскій, который, какъ видѣли, находился и при составленіи клятвенной записи Святослава [133]. Надо полагать, что еслибъ Святославъ пошелъ и на коняхъ, случилось бы все тоже. Послѣ Греческаго посольства, онъ могъ пройдти въ Кіевъ только утайкой, кривой дорогой, или же проложить себѣ прямой путь мечемъ.

Но онъ надѣялся на греческую правду, вѣрилъ слову царя, что Печенѣги не тронутъ, ибо послано даже посольство съ просьбою объ этомъ. „Не ходи, князь, къ Порогамъ, стоятъ тамъ Печенѣги," говорилъ Свѣнтельдъ. Святославъ не послушалъ и пошелъ въ ладьяхъ. Онъ не послушалъ и по той причинѣ, что князю нельзя же было покинуть на произволъ судьбы свою дружину. Это поставлялось въ великую и благороднѣйшую обязанность каждому вождю. Возможно-ли было оставить лодочный караванъ, главную силу Руси, безъ вождя и защитника. Не говоримъ о томъ, что въ лодкахъ навѣрное сохранялось много болгарскаго и греческаго добра, всякой военной добычи.

„А Переяславцы, говоритъ и наша лѣтопись, послали къ Печенѣгамъ, сказывая: „Вотъ идетъ вамъ Святославъ въ Русь, въ малой дружинѣ, взявши у Грековъ многое богатство, и полонъ безчисленный!" Печенѣги обступили пороги. Святославъ, увидѣвши, что пройдти нельзя, спустился назадъ и сталъ зимовать въ Бѣлобережьѣ. Тутъ у Руси не хватило хлѣба, насталъ великій голодъ, за лошадей платили за голову по полугривнѣ и питались, конечно, одною рыбою. Съ наступленіемъ весны и новаго года, 972-го, Святославъ все-таки пошелъ въ Пороги. Печенѣжскій князь Куря ожидалъ въ засадѣ, напалъ на него и убилъ, побивши на мѣстѣ и всю дружину. Только одинъ Свѣнтельдъ спасся на коняхъ и воротился въ Кіевъ. Изъ черепа, по обычаю скиѳской земли, Печенѣжскій князь сдѣлалъ себѣ чашу-братину и пилъ изъ нея въ память своей побѣды надъ Русскимъ княземъ.

Черезъ четыре года послѣ того, другой герой нашей брани, Цимисхій, опоенъ былъ ядомъ и померъ мучительною смертью, какъ умирали многіе изъ Греческихъ царей.

Третій герой, заводчикъ всей этой брани, Калокиръ (вѣроятно онъ, прозываемый уже Дельфиномъ), погибъ въ 989 году., подступивъ къ Цареграду съ той стороны пролива воеводою отъ Варды Фоки, все еще искавшаго царскаго престола. Царь Василій, противъ котораго онъ пришелъ воевать, выслалъ въ карабляхъ тѣхъ же Руссовъ, присланныхъ уже св. Владиміромъ и тотчасъ покончившихъ дѣло. Калокира захватили и на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ его шатеръ, вздернули на дерево, а Левъ Дьяконъ говоритъ, что царь посадилъ его живаго на колъ [134].

Звѣзда Святослава закатилась прежде, чѣмъ онъ могъ выразить и высказать вполнѣ все то, что таилось въ его замыслахъ и намѣреніяхъ; прежде, чѣмъ онъ могъ показать себя, былъ ли онъ достойнымъ сыномъ Ольги не только на бранномъ полѣ, но и въ устройствѣ народномъ. Видимо только, что онъ хорошо понялъ значеніе Переяславца, т.-е. значеніе срединнаго города на Дунаѣ, не въ военномъ, а именно въ торговомъ, въ промышленномъ отношеніи. Онъ былъ еще въ молодой порѣ, когда говорилъ, что Переяславецъ ему любезенъ, потому что туда сходятся вся благая, стало быть ему любезна была не одна война, но и жизнь посреди всякихъ благъ торговаго быта. Вся жизнь его была однимъ безпрерывнымъ походомъ, но напрасно думаютъ, что это былъ искатель приключеній, задорный вояка, въ родѣ какаго нибудь славнаго разбойника по норманскому образцу. Его войны были исполнены великаго значенія для Русской земли. Онъ воевалъ для утвержденія русской силы, для распространенія русскаго могущества, именно, на торговыхъ путяхъ. Онъ прочищалъ торговыя дороги, широко отворялъ ворота русскому промыслу. Въ самой Болгаріи ему особенно полюбилось только устье Дуная, гдѣ находились торговые ворота отъ богатыхъ прикаспійскихъ и придунайскихъ земель. Онъ не хотѣлъ забираться внутрь болгарской страны, чего не оставилъ бы безъ вниманія простой, такъ сказать, рядовой завоеватель. Ему главнымъ образомъ надобенъ былъ берегъ моря, хорошая, безопасная, скрытая отъ враговъ пристань. А таковъ и былъ Дунайскій Переяславецъ. Послѣдняя мечта

Святослава заключалась именно въ томъ, чтобы имѣть мирное княженіе въ Дунайскомъ, а не въ Балканскомъ Переяславцѣ и притомъ въ крѣпкомъ союзѣ съ будущимъ греческимъ царемъ Калокиромъ. Онъ въ этомъ не успѣлъ, его мечты не сбылись, но все-таки онъ оставилъ Русь больше сильною и страшною для сосѣдей, чѣмъ она была при Игорѣ и Олегѣ.

Самая побѣда надъ нимъ Грековъ вовсе не была пораженіемъ, отъ котораго Русская народность потеряла бы бодрость и силу. Эта побѣда, напротивъ, только въ бо̀льшей степени раскрыла несокрушимую стойкость и неодолимую крѣпость русскаго бойца, по словамъ Грековъ, неумѣвшаго подобно кочевнику ѣздить лихо на конѣ, но умѣвшаго стоять такою неколебимою стѣною, которую пошатнуть могли только одни физическія бѣдствія, въ родѣ бури или голода, но отнюдь не сила и натискъ врага. Для Руси Святославовъ походъ былъ простою неудачею. Здѣсь не исполнилось только сокровенное побужденіе ея внутреннихъ силъ выдвинуть свою жизнь за пороги Днѣпра; здѣсь обнаружился только еще очень молодой, слишкомъ ранній помыслъ Русской народности выйдти изъ своихъ пустынныхъ лѣсовъ и полей на просторъ дѣйствій всемірно-историческихъ.

Новгородская дружина завоевываетъ Кіевъ. И она стало быть говоритъ: „Не хочу жить въ Новгородѣ, а хочу жить въ Кіевѣ; тамъ середа моей земли, тамъ сходятся вся блатая!“ Обиженный природою, холодный и болотный сѣверъ нуждался въ рынкѣ болѣе близкомъ къ теплой во всѣхъ смыслахъ Византіи и взялъ его. Не проходитъ и ста лѣтъ, какъ тотъ же голосъ раздается въ самомъ Кіевѣ и кто-то устами Святослава говоритъ: „Не хочу жить въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, а хочу жить на Дунаѣ въ Переяславцѣ; тамъ середа моей земли, тамъ сходятся вся благая!“ Кто же отыскиваетъ эту середу своей земли? Можно было бы приписывать это только мечтамъ Святослава, еслибъ передъ нимъ впередъ не прошелъ по тому же направленію Олегъ. Мы думаемъ, что эта мысль отыскать середу для своей земли на самомъ выгодномъ торговомъ перекресткѣ принадлежитъ самому народу, той его предпріимчивой долѣ, которая стояла впереди и смотрѣла съ Кіевскихъ горъ дальше, чѣмъ смотрѣли другіе. Дунайская середа приближалась къ само-

му средоточію тогдашней всемірной торговли, къ Византіи; слѣдовательно она не въ мечтѣ, а на самомъ дѣлѣ была бы истиннымъ средоточіемъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ Руси. Кому нужны были торговые договоры съ Греками, тѣмъ же людямъ необходимы были не только чистые пути во всѣ стороны, но и выгоднѣйшіе перекрестки или средоточія этихъ путей. Въ этомъ случаѣ Святославъ вовсе не былъ рядовымъ завоевателемъ, какъ мы упоминали, но былъ только достойнымъ выразителемъ далекихъ стремленій и смѣлыхъ побужденій самой Земли. Вотъ по какой причинѣ и преждевременная погибель Святослава не произвела въ положеніи Русскихъ дѣлъ ни малѣйшаго помѣшательства и никакой существенной перемѣны. Все пошло своимъ старымъ путемъ по направленію, которое сама себѣ указывала уже совсѣмъ окрѣпшая русская жизнь.

Грекъ отбилъ неумѣстное и очень опасное варварское сосѣдство Руси и Русская Исторія по прежнему должна была уйдти въ свои глухіе лѣса и степи. Конечно, прежде всего она должна была побороть этихъ двухъ богатырей, рожденныхъ самою природою и налегавшихъ всѣми силами на молодую народность со всѣхъ сторонъ.

По свидѣтельству Льва Дьякона съ Святославомъ пошла на Болгарію вся русская молодежь. Въ такіе далекіе и отважные походы и послѣ всегда собирались по преимуществу только молодые люди, новая молодая дружина, конечно подъ предводительствомъ мужей, т. е. бывалыхъ и опытныхъ бойцовъ, руководившихъ полками. Новая дружина съ ними добывала себѣ честь и славу и боевую опытность, и въ свою очередь становилась потомъ старшею дружиною. Дѣти старыхъ бойцовъ—бояръ становились въ ряды у молодаго князя и открывали съ нимъ за одно свой путь чести и славы. Для молодыхъ людей это было прямое и неминуемое дѣло жизни, прямое и неминуемое поприще начать жизненный трудъ и добыть себѣ значеніе мужа. Молодь, Молодьшая дружина представляла въ древней Руси особую, самобытную стихію общества, особый потокъ жизни, которымъ воспитывалось каждое новое поколѣніе, развивая

въ себѣ особыя качества, неизвѣстныя въ другихъ кругахъ жизни. Вотъ почему самая похвала человѣку выразилась и до сихъ поръ выражается словомъ молодецъ, а извѣстная доблесть, беззавѣтная и удалая, свойственная только молодости, стала прозываться молодечествомъ. Мы видѣли, какъ собралъ свою дружину молодой Святославъ. Несомнѣнно, что такъ собиралась дружина у каждаго молодаго князя. Нѣтъ также сомнѣнія, что у каждаго князя молодая дружина собиралась сама собою еще съ дѣтскихъ лѣтъ, съ дѣтскихъ игръ. Товарищи дѣтства становились друзьями молодости; и потому дружинники правильно говаривали: „Мы сами себѣ вскормили князя!" Эти бытовыя отношенія яснѣе всего раскрываются въ былинѣ или „богатырскомъ словѣ" про Волха Всеславьевича, которое по всѣмъ видимостямъ и самымъ именемъ героя рисуетъ дѣла княжескія.

«А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ....
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хорабрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ....»

И такъ Святославъ повелъ въ Болгарію попреимуществу молодые полки, для которыхъ конечно въ числѣ различныхъ добычь, какими всегда обогащались ратные люди, не послѣднее мѣсто занимали и добрыя дѣвицы, красавицы-невѣсты (ср. выше стр. 167), тѣмъ болѣе, что и по домашнимъ обычаямъ невѣсты обыкновенно добывались умыканіемъ, кражею, плѣномъ. Плѣненіе людей было кореннымъ закономъ тогдашней войны. Это была первая и очень важная добыча. Изъ договоровъ съ Греками мы видѣли, что плѣнные составляли рядовой товаръ, имѣвшій даже опредѣленную ходячую цѣну, какъ калачь.

Во всѣхъ тогдашнихъ войнахъ больше всего подвергались плѣну женщины и дѣти, ибо мущины и въ плѣну были опасны, а потому въ затруднительныхъ случаяхъ, когда невозможно было ихъ сторожить, они чаще всего избивались, какъ опасная сила. Мы видѣли также, что выше дру-

гихъ цѣнились добрые юноши и дѣвицы, меньше цѣнились средовичи, а старики и дѣти въ половину противъ юношей. При многочисленномъ плѣненіи, конечно, самымъ дешевымъ товаромъ оставались все таки женщины, о чемъ всегда съ усмѣшкою поговариваютъ и наши былины, прибавляя, что добрыхъ молодцовъ полонили станицами, красныхъ дѣвушекъ пленицами, добрыхъ коней табунами. Пленицею называлось связка плотовъ, вообще плетеница, сплетенье, какъ, вѣроятно, и водили связанныхъ плѣнныхъ. Таже былина о Волхѣ знакомитъ насъ и съ прямою мыслью молодой дружины при выборѣ плѣнныхъ. Волхъ съ дружиною вторгнулся въ славное царство Индѣйское.

А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
«Гой еси вы, дружина хорабрая!
Ходите по царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало семь тысячей,
Душечки красны дѣвицы....
И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну;
А и та его дружина хорабрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.

Святославъ совершилъ два опустошительные похода въ Болгарію и въ оба похода возвращался въ Кіевъ съ безчисленною добычею. Побѣжденный, онъ возвращался домой тоже съ безчисленнымъ полономъ, какъ увѣдомляли Печенѣговъ Болгары, которые на этотъ разъ быть можетъ и преувеличивали свое показаніе, но тѣмъ самымъ свидѣтельствовали вообще, что Русь безъ полона домой не возвращалась. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностію полагать, что русская молодая дружина добыла себѣ въ этихъ походахъ, не только невѣстъ, но и простыхъ рабынь и привела съ собою не малое число и другихъ плѣнниковъ. Самъ Святославъ привелъ сыну Ярополку въ жены красавицу—черничку. Сынъ былъ еще малый отрокъ, но вѣроятно и черничка-болгарыня была еще отроковица.

Болгары уже цѣлые сто лѣтъ были христіанами, а потому завоеваніе Болгаріи въ нѣкоторомъ отношеніи было завоеваніемъ христіанскихъ понятій, христіанскихъ порядковъ жизни, христіанскихъ нравовъ и обычаевъ, которые привезены были въ Кіевъ именно вмѣстѣ съ плѣнниками и распространились по городамъ и всюду, куда разошлись по домамъ храбрые дружинники. Извѣстно изъ Исторіи, какія услуги оказаны распространенію христіанства между варварами-язычниками, преимущественно женщинами, посредствомъ царственныхъ браковъ, а болѣе всего путемъ браковъ отъ плѣна.

Съ другой стороны сама дружина, ходившая по Болгаріи, жившая тамъ почти четыре года, желавшая совсѣмъ тамъ остаться,—сама дружина отъ безпрестанныхъ домашнихъ и общественныхъ сношеній съ христіанами, должна была во многомъ поколебать свои языческіе понятія и нравы и тѣмъ вполнѣ подготовить себя къ великому событію, совершившемуся спустя только 20-ть лѣтъ послѣ ея возвращенія въ Кіевъ, хотя бы и въ незначительномъ остаткѣ. Какъ бы ни было, но жизнь въ Болгаріи не могла пройдти безслѣдно для переработки русскаго дружиннаго общества. Если объ этомъ ни слова не говорятъ лѣтописныя извѣстія, то громко говорятъ послѣдующія событія Русской исторіи и главнымъ образомъ водвореніе христіанства, совершенное съ такимъ спокойствіемъ, какое возможно только при достаточной и очень давней подготовкѣ умовъ, понятій и самыхъ нравовъ народа.

Намъ уже извѣстно, что Святославъ, уходя совсѣмъ въ Болгарію, оставилъ Русскую землю тремъ своимъ сыновьямъ, по возрасту еще отрокамъ, которые конечно не могли сами владѣть и держать въ своихъ дѣтскихъ рукахъ розданныхъ имъ княженій: Кіевское, Древлянское и Новгородское. Примѣрно старшему изъ нихъ, Ярополку, было теперь не болѣе 12—15-ти лѣтъ.

Предержащая власть, такимъ образомъ, и во время отсутствія Святослава, и теперь, послѣ его смерти, оставалась въ каждомъ княжествѣ въ рукахъ старшихъ людей дружи-

ны. О самомъ малолѣтнемъ княжичѣ, Владимірѣ, лѣтопись прямо говоритъ, что онъ находился на рукахъ дяди Добрыни, который и подговорилъ Новгородцевъ взять его себѣ княземъ. Онъ должно быть зналъ впередъ, что можетъ случиться. Къ Ярополку воротился отцовскій воевода Свѣнтельдъ. Объ Олеговомъ воеводѣ не сохранилось извѣстія. Одно вѣрно, что теперь Русскою землею владѣла и управляла дружина, раздѣленная на три доли и разобщенная особыми выгодами трехъ отдѣльныхъ волостей. Еще при Игорѣ, Древлянскою данью пользовался Свѣнтельдъ. Теперь ею владѣлъ княжичъ Олегъ съ своею дружиною. Не далѣе какъ черезъ два года случилось, что сынъ Свѣнтельда, именемъ Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту и гоняя за звѣремъ, вѣроятно по старому данничьему пути своего отца, забрался въ Древлянскіе лѣса. Тамъ увидѣлъ его Олегъ, который тоже творилъ ловы, гонялъ звѣря; спросилъ, что это за человѣкъ и узнавъ, что это Свѣнтельдичъ объѣхалъ его и убилъ, какъ звѣря. Быть можетъ, правъ былъ Олегъ, убивши заѣхавшаго въ чужую волость ловца звѣрей, но по уставу кровавой мести правъ былъ и Свѣнтельдъ, не забывая такой обиды. Съ той поры встала ненависть Ярополка на Олега. Отецъ убитаго, неизмѣнно обязанный мстить за сына, неотступно сталъ говорить Ярополку: „Пойди на брата и возьми его волость". Есть прямое свидѣтельство[135], что Свѣнтельдъ поссорилъ ихъ именно за звѣриныя ловища.—Однако только еще черезъ два года представился поводъ къ походу. Полки сошлись. Олеговъ полкъ не выдержалъ и быстро побѣжалъ съ своимъ княземъ въ городъ Овручъ, гдѣ у самыхъ воротъ на городскомъ мосту, отъ тѣсноты и давки, Олегъ упалъ подъ мостъ въ дебрь—болото и былъ задавленъ падавшими туда же людьми и конями. Трупъ его полдня искали подъ грудами погибшихъ: онъ былъ на самомъ днѣ; наконецъ нашли, вынесли на верхъ и положили на коврѣ. Ярополкъ горько заплакалъ надъ братомъ и вымолвилъ Свѣнтельду. „Гляди! вотъ чего ты хотѣлъ!" Олега похоронили у города Овруча. Есть и теперь тамъ могила его, прибавляетъ лѣтописецъ.

Ярополкъ завладѣлъ Древлянскою землею, т.-е. завладѣла ею Ярополкова или Кіевская дружина съ Свѣнтельдомъ во главѣ.

Устрашился этого дѣла и Владиміръ въ Новгородѣ, опять по причинѣ того же кроваваго устава мести. Вѣдь онъ оставался единственнымъ мстителемъ за кровь брата. Ярополкъ долженъ былъ ожидать отъ него расправы каждую минуту. Въ такихъ обстоятельствахъ заводчики крови сами впередъ поспѣшали раздѣлаться съ своими мстителями и старались спасти себя поголовнымъ ихъ истребленіемъ. Владиміръ въ страхѣ побѣжалъ за море къ Варягамъ. Такъ скоро разносились вѣсти по днѣпровскому пути изъ Варягъ въ Греки. Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ. Кіевская дружина поборола всѣхъ, и Ярополкъ остался единовластцемъ всей Руси, какъ былъ его отецъ и дѣдъ, и къ чему всегда стремилась дружина всякаго сильнаго города, находя въ этомъ свои прямыя выгоды.

Владиміръ убѣжалъ къ Варягамъ, потому что былъ слабъ потому что на самомъ дѣлѣ оставаться было опасно. Но онъ не думалъ спасаться только бѣгствомъ. Онъ побѣжалъ собирать у Варяговъ войско съ тѣмъ, чтобы придти и отмстить смерть брата.

Между тѣмъ кіевская дружина, именуемая Ярополкъ, дѣлала свое дѣло. У ней стояла на очереди месть за погибель Ярополкова отца, Святослава, за погибель отцовъ и братьевъ, потерявшихъ свои головы въ порогахъ у Печенѣговъ.

На другой годъ послѣ смерти Олега, Ярополкъ ходилъ на Печенѣговъ, побѣдилъ ихъ и возложилъ на нихъ дань. Это такъ подѣйствовало на кочевниковъ, что одинъ печенѣжскій князь, Илдея, конечно, съ цѣлымъ своимъ полкомъ или родомъ пришелъ бить челомъ Ярополку и просился въ службу. Ярополкъ принялъ его, далъ ему въ кормленье города и волости и сталъ держать его въ великой чести. Быть можетъ, Печенѣги въ это время враждовали между собою и каждый, особенно изъ слабыхъ, искалъ себѣ добраго пріюта гдѣ либо по сосѣдству. Объ нихъ за это время ничего не слышно и въ греческомъ лѣтописаньи. Въ тотъ же годъ къ Ярополку присылалъ пословъ и новый греческій царь, Василій, возобновилъ съ нимъ миръ и любовь, подтвердивъ и уплату обычной дани, какъ было при отцѣ и дѣдѣ кіевскаго князя. Возобновлять старые договоры, когда владыкою царства въ Греціи или великаго княжества на Руси являлось новое лицо—было дѣломъ неотложнаго обычая и первою потреб-

ностью въ международныхъ отношеніяхъ, ибо каждый изъ владыкъ могъ отвѣчать только за себя. Поэтому греческое посольство къ Ярополку при новомъ царѣ показываетъ только, что въ мирѣ и любви больше Руси нуждались Греки. Въ самомъ дѣлѣ царь Василій въ первые 10 лѣтъ своего царствованія претерпѣвалъ величайшія безпокойства, и отъ внутреннихъ смутъ, и отъ войны съ Болгарами, и естественно могъ искать дружбы у далекой Руси. Договоры Игоря и Святослава обязывали Русь помогать Грекамъ военною силою и если они были возобновлены и подтверждены, то необходимо были возобновлены и тѣ стипендіи, субсидіи, уклады, для сбора войска, которые Русь называла данью. Впрочемъ греческое посольство могло имѣть и другія цѣли. Въ Кіевѣ въ это время замѣтно усиливалось христіанство. Самъ Ярополкъ, воспитанникъ христіанки Ольги, женатый на гречанкѣ—черницѣ, своими поступками обнаруживалъ большую наклонность къ христіанскимъ кроткимъ нравамъ. По свидѣтельству Ольгина Житія, онъ съ братьями не былъ крещенъ только изъ боязни, чего бы не сотворилъ непокорный Святославъ, слѣдовательно по воспитанію онъ былъ уже христіанинъ. А городъ Кіевъ уже болѣе ста лѣтъ со временъ Аскольда наполнялся христіанами, и послѣ болгарскихъ походовъ долженъ былъ во многомъ измѣнить свой языческій обликъ. Вотъ достаточныя причины, почему въ это время въ Кіевъ явилось не только греческое посольство, но съ какимъ-то замысломъ приходили послы и изъ Рима, отъ Папы. Естественно, что Русь больше всего тянула къ Царьграду, а не къ Риму. Въ Римѣ у ней не было никакихъ дѣлъ, а въ Царьградѣ гнѣздилась ея торговля, постоянно живали ея родные и знакомые. Очень вѣроятно, что и греческіе, и римскіе послы приходили къ Ярополку за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, стараясь склонить готовую Христову паству къ своей сторонѣ; и конечно Греки должны были успѣть въ этомъ скорѣе Римлянъ.

Но пока шли переговоры и толки о перемѣнѣ вѣры, пока мысли Кіевлянъ колебались, язычество, по естественному ходу вещей, должно было постоять за себя. Горячимъ его покровителемъ явился Владиміръ или его близкая дружина съ Добрынею во главѣ. Онъ былъ тоже внукъ Ольги, но остался послѣ нея малюткою. О вліяніи Ольги на младенца сказать ничего нель-

зя, но святая рука, носившая этого младенца должна была совершить свой подвигъ и на немъ. Малюткою онъ былъ увезенъ въ Новгородъ, гдѣ язычество господствовало въ полной силѣ, гдѣ оно съ горячностью поддерживалось сношеніями съ языческимъ Варяжскимъ заморьемъ. Если въ Кіевѣ отъ частыхъ сношеній съ христіанами-Греками трудно было уклониться отъ вліянія христіанскихъ понятій, то въ Новгородѣ отъ постоянныхъ сношеній и связей съ язычниками Варягами, точно также было трудно устоять противъ обольщеній крѣпкаго язычества. Эти двѣ украйны первоначальной Русской земли представляли двѣ особыя и разнородныя силы для внутренняго развитія Руси. Есть много признаковъ, что между ними время отъ времени поднималась темная борьба, о которой лѣтописецъ не намекаетъ ни словомъ, но которая становится очевидною изъ хода событій. Мы упоминали, что завоеваніе Кіева Олегомъ могло быть предпринято съ цѣлью не дать особой воли возникшему тамъ христіанству; вообще съ цѣлью отнять у христіанства всенародное владычество. Тоже самое мы можемъ усматривать и въ первыхъ подвигахъ Владиміра. У Варяговъ-Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ подобныя же отношенія существовали между Рутенами или Русскими (Ругенцами) и Штетинцами. Когда въ началѣ 12 вѣка въ Штетинѣ была принята Христова Вѣра безъ совѣта съ Ругенцами, то между послѣдними это произвело такую ненависть и вражду къ Штетинѣ, что они тотчасъ же прервали съ нею всякія торговыя и другія сношенія, отогнали отъ своихъ береговъ ея корабли, наносили ей частыя обиды и наконецъ вторгнулись войною въ ея землю [136].

По лѣтописи, Владиміръ слишкомъ два года жилъ у Варяговъ за-моремъ, собирая рать на Ярополка. Мы не сомнѣваемся, что онъ жилъ не у Шведовъ, а у Славянскихъ поморянъ, быть можетъ на самомъ островѣ Ругенѣ, у тамошнихъ Руссовъ, или въ Штетинѣ, или собственно у Славянъ въ Славоніи ближе къ устью Вислы. Въ 10 вѣкѣ все это были ярые язычники.

Въ 980 г. онъ пришелъ съ Варягами въ Новгородъ, захватилъ его, конечно, безъ всякаго труда и сказалъ посадникамъ Ярополка: „Идите къ брату и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя, пристроивайся на битву". Такъ гова-

ривалъ его отецъ Святославъ, всегда вѣровавшій въ свою силу и отвагу; такъ говорилъ теперь Владиміръ, вѣроятно потому, что вполнѣ надѣялся на свою варяжскую силу и на хитрые замыслы дружины. У Ярополка въ это время уже не было стараго Свѣнтельда, перваго заводчика крови. Его мѣсто, то-есть мѣсто перваго и старшаго дружинника занималъ воевода, именемъ Блудъ. Какъ только подошелъ Владиміръ къ Кіеву, этотъ воевода потянулъ на его сторону и сталъ руководить Ярополкомъ сообразно своимъ замысламъ. Конечно, такое поведеніе воеводы вполнѣ подтверждаетъ ту истину, что онъ давно уже сносился съ новгородскою дружиною и давно готовился предать своего князя. „Былъ онъ прельщенъ Владиміромъ", говоритъ лѣтопись, но могло быть, что въ этихъ обстоятельствахъ онъ только защищалъ свою сторону, стоялъ за язычество, не хотѣлъ его покинуть и предупреждалъ готовившуюся опасность, видя въ Ярополкѣ и въ кіевской дружинѣ большую податливость къ принятію христіанства [137].

Выслушавъ гордыя рѣчи Владиміра, Ярополкъ смутился и сталъ было собирать войско, да и самъ былъ храбръ не мало, замѣчаетъ лѣтопись и тѣмъ объясняетъ, что старшій князь способенъ былъ побороть меньшаго брата. Въ этомъ смыслѣ говорилъ и воевода Блудъ. „Не можетъ случиться, говорилъ онъ Ярополку, чтобы Владиміръ пошелъ на тебя воевать. Это все равно, какъ бы синица пошла воевать на орла. Чего намъ бояться и не зачѣмъ собирать войско. Напрасный будетъ трудъ и для тебя и для ратныхъ!"

Между тѣмъ Владиміръ уже подступилъ къ Кіеву. Ярополкъ, не собравши войско, не могъ его встрѣтить въ полѣ и затворился въ городѣ. Владиміръ тоже не совсѣмъ надѣялся на свои силы и укрѣпилъ свой станъ окопомъ [138]. Отсюда онъ повелъ разговоры съ Блудомъ, какъ способнѣе достигнуть общей цѣли. Лаская и приманивая къ себѣ воеводу, онъ обѣщалъ ему, вѣроятно еще изъ Новгорода, что если погубитъ брата, то поставитъ ему честь какъ отцу родному, будетъ его чтить вмѣсто отца, будетъ онъ первымъ у него человѣкомъ. „Не я вѣдь началъ побивать братью, говорилъ Владиміръ, но Ярополкъ, а я, побоявшись себѣ смерти, теперь пришелъ на него". Эти слова лучше всего объясняютъ тогдашнюю практику жизни, по которой

убійца, боясь мести, долженъ былъ истреблять и мстителей; а мстители, зная впередъ это жизненное правило и спасая себя, точно также, по естественной необходимости, должны были волею-неволею нападать на убійцу. Да и вообще въ древнее время защищать себя значило первому же и нападать на врага. Владиміръ прямо говоритъ, что пришелъ изъ боязни, ожидая себѣ того же убійства, и говоритъ это себѣ въ оправданіе, какъ бы утверждая, что его призываетъ нравственный законъ жизни. Точно такія же дѣла между князьями-братьями дѣлывались и въ другихъ Славянскихъ земляхъ.

Воевода Блудъ часто посылалъ къ Владиміру, а Владиміръ къ нему: все разсуждали, какъ бы покончить съ Ярополкомъ. Сначала они рѣшили убить его на приступѣ, для чего Владиміръ долженъ былъ напасть на городъ. Но раскрылось, что граждане Кіевляне хотятъ постоять за своего князя. Тогда Блудъ придумалъ лучшее: онъ сталъ клеветать на Кіевлянъ, говоря, что они ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его: „Приступай къ городу, мы Ярополка выдадимъ!“ Совѣтовалъ ему не вылѣзать изъ города на битву, а лучше тайкомъ убѣжать въ другой городъ. Въ виду такой опасности, Ярополкъ послушался и перебрался въ Родню, на устье Рси, поближе къ Печенѣгамъ. Владиміръ свободно занялъ Кіевъ и осадилъ брата въ Роднѣ.

Предатель Блудъ такъ устроилъ, что въ Роднѣ запасовъ не хватило. Ярополкъ въ осадѣ испытывалъ страшный голодъ, такъ что послѣ осталась пословица на Руси: „Безъ хлѣба, аки въ Роднѣ“, или „Бѣда, аки въ Роднѣ“. Теперь Блудъ совѣтовалъ князю идти на миръ. „Видишь говорилъ онъ, сколько войска у брата. Намъ ихъ не перебороть. Мирись лучше съ братомъ. Иди къ нему, покорись, скажи ему: „Что̀ дашь мнѣ (изъ волостей), то и возму!“ „Будь по твоему“— отвѣтилъ Ярополкъ. А Блудъ тѣмъ временемъ послалъ къ Владиміру съ вѣстью: „Сбылась твоя мысль! Я приведу къ тебѣ Ярополка, устроивай, какъ его убить.“

Владиміръ сѣлъ съ дружиною въ отцовскомъ теремномъ дворѣ, будто желая принять своего брата съ честью и любовью. Ярополкъ вовсе не помышлялъ о засадѣ, шелъ прямо и не послушалъ даже своего вѣрнаго дружинника, по прозванію, Варяжка, который хорошо понималъ, что̀ мо-

жетъ случиться и говорилъ князю: „Не ходи князь, убьютъ тебя. Побѣжимъ лучше къ Печенѣгамъ и приведемъ войско.“ Какъ только Ярополкъ полѣзъ въ двери терема, два Варяга, стоявшіе по сторонамъ, мгновенно подняли его мечами подъ пазухи, а Блудъ тотчасъ притворилъ двери, дабы не вошелъ кто изъ дружинниковъ несчастнаго князя. Такъ былъ убитъ Ярополкъ. Вѣрный его дружинникъ, Варяжко отъ дверей терема побѣжалъ прямо въ степь къ Печенѣгамъ. Надо полагать, что съ нимъ побѣжали и другіе Ярополковы дружинники, не ожидавшіе себѣ добра отъ Владиміра. Съ той поры у Владиміра была безпрестанная рать съ Печенѣгами. Варяжко страшно отомстилъ убійцѣ своего князя, не давая Кіеву покоя многіе годы. Владиміръ едва могъ умирить его, давши клятву не мстить и никакой бѣды ему не сдѣлать.

Эти двѣ личности, Блудъ—предатель, запазушная змѣя, какъ называлъ его Варяжко, и этотъ Варяжко, достославный выразитель высокой дружинной чести и преданности своему князю, мстившій за своего князя до послѣднихъ силъ, на первыхъ же страницахъ нашей исторіи вполнѣ обрисовываютъ и худое и хорошее въ старинныхъ дружинныхъ нравахъ.

Если къ этимъ лицамъ присоединимъ Свѣнтельда, перваго заводчика теперешнихъ кровавыхъ событій, запятнавшаго христіанскій нравъ Ярополка кровавымъ злодѣйствомъ, и дружину Игоря, вынуждающую князя беззавѣтно грабить народъ, собирая съ него чрезвычайныя дани, то получимъ довольно полный обликъ тѣхъ дружинныхъ нравовъ, отъ которыхъ столько терпѣла Русская земля въ теченіи многихъ столѣтій и которые до конца оставались одни и тѣже.

Наговоръ, наушничество и предательство заводили кровь, а месть и дружинная честь разливали ее по всей Землѣ безконечными потоками. Сами князья, стоящіе посреди этихъ потоковъ, являлись только знаменами, орудіями и не болѣе какъ выразителями дружинныхъ пронырствъ во имя чести и мести.

Наше чувство отвращается отъ предателя Блуда и естественно влечется къ честному храбрецу Вяряжко; но отъ его благороднаго и честнаго подвига больно досталось Землѣ, которую онъ своими Печенѣжскими набѣгами, какъ увидимъ, отбивалъ отъ родныхъ полей и загонялъ все ближе къ одному

Кіеву, заставивши Владиміра сильно укрѣпить границу городами и валами по Роси, по Сулѣ, по Стугнѣ. Его благородная месть вмѣшала Печенѣговъ въ русскія отношенія, разманила ихъ на добычу, указавши имъ, что они народъ надобный для русскихъ кровавыхъ дѣлъ.

Описывая княженіе Ярополка, когда, послѣ убійства Олега, онъ сдѣлался единовластителемъ, лѣтописецъ прежде всего поминаетъ, что была у него жена Грекиня-черница, за красоту лица приведенная ему въ жены отцомъ Святославомъ. Точно также, доведя свой разсказъ до того времени, когда и Владиміръ послѣ убійства брата сталъ единовластцемъ, лѣтописецъ опять прежде всего вспоминаетъ, что Владиміръ взялъ себѣ въ жены эту Грекиню-черницу. Намѣреніе лѣтописца, повидимому, заключалось въ томъ, что бы указать, что отъ черницы произошелъ новый братоубійца Святополкъ еще больше ненавистный, такъ какъ онъ былъ уже христіанинъ; что вообще это былъ сынъ великаго грѣха: вопервыхъ рожденъ черницею, вовторыхъ рожденъ отъ двухъ отцовъ, отъ двухъ братьевъ.

Неповинная и забытая именемъ черница для исторіи имѣетъ свое значеніе. Если нравы Ярополка, по разсказу того же лѣтописца, были достаточно проникнуты христіанскимъ чувствомъ, то исторія можетъ это объяснять не только вліяніемъ матери Ольги, при которой Ярополкъ былъ еще малолѣтенъ, но еще болѣе вліяніемъ красавицы жены, которая, по всему вѣроятію, какъ черница, была старше его, по крайней мѣрѣ на столько, что могла съ перваго же времени руководить его мыслями по христіанскому закону. Когда язычникъ Владиміръ сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ Кіевѣ, то первымъ его дѣломъ по тогдашнему обычаю было завладѣть красавицею-женою брата. Лѣтописецъ обозначаетъ этотъ захватъ прелюбодѣяніемъ, но онъ смотритъ на это со стороны христіанскаго закона, котораго Владиміръ еще не понималъ, не признавалъ и почиталъ закономъ языческое многоженство. Черница стала женою Владиміра и конечно принесла съ собою не только покорность жены, но и свой христіанскій нравъ, христіанскія понятія и мысли, которыя необходимо, хотя бы въ малой мѣрѣ, но постоянно должны были дѣйствовать на сознаніе

мужа, какъ должна была дѣйствовать на него и вся Кіевская среда, значительно уже колебавшаяся въ вѣрѣ отцовъ. Однако и онъ, и пришедшіе съ нимъ Варяги не затѣмъ еще пришли въ Кіевъ, чтобы измѣнять вѣрѣ отцовъ; напротивъ они явились защитниками и возстановителями язычества.

Второе послѣ Олега завоеваніе Кіева, совершенное при помощи Варяговъ, конечно, давало имъ передовое мѣсто въ городѣ и въ княжеской дружинѣ. При Олегѣ они и стояли впереди Русскихъ. Теперь времена были другія. Видимо, что усилилась Русская дружина, способная повести съ ними иной разговоръ.

„Это городъ нашъ, мы его взяли!“—сказали Варяги Владиміру, — „потому хочемъ брать окупъ на людяхъ, по двѣ гривны съ человѣка.“ — „Пождите, отвѣчалъ имъ Владиміръ, повремените съ мѣсяцъ, доколѣ соберутъ вамъ куны (деньги)“. Ждали они мѣсяцъ и ничего не дождались. „Обманулъ ты насъ, покажи намъ лучше путь къ Грекамъ“.— „А идите!“ рѣшилъ Владиміръ. Показать путь, вѣроятно, значило дать имъ пропускной листъ къ Царюграду, какъ Русь обязывалась по старымъ договорамъ. Однако Варяги ни въ какомъ случаѣ не дали бы провести себя такимъ обманомъ, еслибъ Владиміръ не переманилъ къ себѣ лучшую ихъ дружину, всѣхъ мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ, которымъ роздалъ города въ кормленье и тѣмъ привязалъ ихъ къ Руси навсегда. Они, какъ при Олегѣ, сдѣлались Варягами-Русью. Остальные по неволѣ должны были идти въ Царьградъ отыскивать новой службы и новой добычи своему мечу. Сохраняя святость договоровъ съ Греками, Владиміръ послалъ къ царю впередъ пословъ съ вѣстью: „Вотъ идутъ къ тебѣ Варяги; не держи ихъ въ городѣ, сотворятъ тебѣ зло, какъ и здѣсь; разведи ихъ разно, а сюда въ Русь не пускай ни единаго“. Что они натворили въ Кіевѣ, лѣтописецъ не припомнилъ, но вѣрно нравъ сильнаго народа былъ очень тяжелъ. Не указывалъ ли Владиміръ этими словами на погибель Ярополка и на весь коварный ходъ дѣлъ при завладѣніи Кіевомъ?

Какъ бы ни было, но съ Владимірова времени завелись Варяги и въ Греческой Землѣ и, что важнѣе всего, они тамъ не отличаются отъ Руси. Варяги и Русь для Грековъ

составляютъ одну народность, которая служитъ въ Греческомъ войскѣ особымъ корпусомъ [139].

Освободившись отъ храбрыхъ, но опасныхъ своею силою пришельцевъ, Владиміръ сталъ княжить въ Кіевѣ одинъ. Онъ былъ сынъ Святослава и „Новгородское дитя", поэтому дѣла Руси въ его рукахъ немедленно приняли тоже направленіе, какое давалъ имъ такъ рано погибшій его отецъ.

Святославъ ходилъ по востоку и зарубалъ мечемъ Русское знаменье на нижней Волгѣ, на нижнемъ Дону и даже у предгорій Кавказа. Теперь Владиміръ, какъ только устроился въ Кіевѣ, уже воюетъ у предгорій Карпатовъ съ Ляхами и отнимаетъ у нихъ такъ называемые Червенскіе города, Червень и Перемышль. Это была земля Хорватовъ, она же Червоная Русь и Галиція. Хорваты участвовали въ походѣ Олега на Царьградъ, слѣдовательно или были имъ покорены, или были съ нимъ въ союзѣ, вмѣстѣ съ своими сосѣдами Днѣстровскими Тиверцами и Дулѣбами-Бужанами. Затѣмъ Хорваты участвовали и въ Игоревомъ походѣ. Намъ кажется, что связь всей этой прикарпатской стороны съ Кіевскою Русью, совсѣмъ необъясненная лѣтописью, должна объясняться еще Роксоланскими связями, такъ что и самое имя Червоной или Галицкой Руси, тоже, по всему вѣроятію, есть наслѣдство Роксоланское, идущее вмѣстѣ съ Кіевскою Русью изъ одного источника. Видимо, что Владиміръ отвоевалъ у Ляховъ обратно свою же старую Русскую Землю, которая Ляхами могла быть пріобрѣтена въ смутное время Кіевскаго междоусобія.

Въ тотъ же годъ, 981, Владиміръ побѣдилъ Вятичей, возложивъ на нихъ дань, не больше отцовской, какъ дѣлалъ Игорь, а только отцовскую, по щлягу отъ плуга. Это показываетъ, что и Вятичи, пользуясь смутой братьевъ, отложились отъ Кіева и перестали платить дань. Подобно Древлянамъ, они крѣпко отстаивали свою независимость отъ Кіева. На другое же лѣто Владиміръ долженъ былъ снова идти къ нимъ, и побѣдилъ ихъ во второй разъ.

На третье лѣто своего княженья онъ предпринялъ походъ на Ятвяговъ, жившихъ въ области Западнаго Буга и Нарева до Прусскихъ озеръ, на сѣверовостокъ отъ теперешней Варшавы. Владиміръ побѣдилъ Ятвяговъ и овладѣлъ ихъ землею.

Такимъ образомъ Владиміровы походы на западъ отъ Кіева служили какъ бы продолженіемъ завоеваній Святослава на востокѣ, и распространили границы Руси до самыхъ Ляховъ, Пруссовъ и Литвы.

Ни преждевременная смерть побѣдоноснаго Святослава, ни бѣдственная смута его сыновей не произвели въ силахъ молодой Руси ни малѣйшаго колебанія. Видимо, что ея могущество разросталось не столько отъ предпріимчивости и талантовъ ея вождей, сколько отъ возраста самой Земли-народа, безъ особаго труда, однимъ своимъ именемъ, какъ говорилъ Святославъ, подчинявшей себѣ окрестныя страны и сосѣднія племена.

Владиміръ, хотя былъ и язычникъ, но душа теплая и живая, для которой дѣло вѣры не было дѣломъ чужимъ и стороннимъ. Въ вѣрѣ онъ искалъ истины, и какая истина досталась ему въ наслѣдіе отъ дѣдовъ и отцовъ, онъ хотѣлъ возстановить ее неколебимо въ полной силѣ и красотѣ. Такъ съ нимъ мыслили и всѣ русскіе люди, которые почитали наслѣдіе дѣдовъ и отцовъ за самую истину. Въ виду наставшихъ въ Кіевѣ размышленій и разсужденій, дѣйствительно ли это наслѣдіе есть лучшая истинная вѣра, язычество поднималось со всею горячностію и силою и хотѣло явить себя въ полномъ блескѣ.

Владиміръ, завладѣвшій Кіевскимъ княженіемъ, благодарный за успѣхъ своего предпріятія, началъ тѣмъ, что украсилъ священный холмъ возлѣ дѣдовскаго теремнаго двора новыми кумирами Русскихъ боговъ. Поставилъ онъ на томъ холму Перуна, вырѣзаннаго изъ дерева, съ головою изъ чистаго серебра и съ золотыми усами; поставилъ Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Сима и Регла, и Мокошь, которые, вѣроятно, также были деревянные, украшенные серебромъ и золотомъ. И жертвовали имъ люди, называя ихъ богами, приводя имъ на закланіе своихъ сыновей и дочерей. И оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровями Земля Русская и этотъ холмъ, отмѣчаетъ съ горемъ христіанинъ-лѣтописецъ.

Владиміровъ дядя Добрыня, котораго онъ посадилъ посадникомъ въ Новгородѣ, поставилъ и тамъ Перуна надъ Волховомъ, и жертвовали ему Новгородскіе люди, какъ богу. Обрисовывая языческій нравъ Владиміра густыми красками и конечно съ тою мыслью, чтобы сильнѣе освѣтить его личность свѣтомъ Христовой вѣры, лѣтописецъ говоритъ, что подобно библейскому Соломону, Владиміръ былъ ненасытный женолюбецъ и имѣлъ не только многихъ женъ, но еще больше наложницъ, 300 въ Вышегородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ и 200 въ селѣ Берестовѣ. Цифры конечно увеличены и съ тою именно цѣлью, чтобы уравнять грѣхъ нашего князя съ грѣхомъ Соломона, который имѣлъ 700 женъ и 300 наложницъ, и чтобы сказать вслѣдъ затѣмъ: „А вѣдь Соломонъ-то былъ мудръ, и въ концѣ концовъ погибъ; этотъ же, Владиміръ, былъ невѣжда, но подъ конецъ обрѣлъ спасеніе.“

Языческій законъ Руси не воспрещалъ многоженства и даже не зналъ никакихъ границъ въ этомъ отношеніи. Не одинъ Владиміръ, но и отцы и дѣды, безсомнѣнія, имѣли тоже многихъ женъ и многихъ наложницъ, которыхъ больше всего добывали плѣномъ. Самъ онъ родился отъ Ольгиной ключницы. Поэтому женолюбіе Владиміра принадлежало обычаю вѣка, и лѣтописецъ для своей мысли увеличилъ только его черты до библейскихъ размѣровъ [140].

Торжество язычества при Владимірѣ было торжествомъ Русской силы и могущества, и именно торжествомъ кровавыхъ дѣлъ меча, распространившаго свое владычество, какъ мы говорили, отъ Кавказа до Карпатскихъ горъ и дальше на западъ до земли Ляховъ, утвердившаго кровавымъ дѣломъ и самого князя въ Кіевѣ. Естественно, что во всемъ этомъ торжествовалъ собственно языческій нравъ, торжествовала языческая мысль, которые необходимо должны были высказать свои впечатлѣнія и на Холмѣ, у подножія своихъ боговъ. Во всемъ этомъ чувствовался высокій подъемъ именно языческой жизни, поэтому и на Перуновомъ Холмѣ она потребовала жертвы самой великой и самой возвышенной, до какой только могло подняться ея же языческое сознаніе. При Владимірѣ язычество ознаменовало себя жертвою, которая, хотя и удовлетворила толпу, но по всему вѣроятію имѣла очень важное и рѣшительное вліяніе на общественные умы.

Въ 983 г. Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ ихъ, овладѣлъ ихъ землею. Возвратившись въ Кіевъ, по обычаю, въ благодарность за побѣдоносный походъ, онъ со всѣми людьми сталъ творить потребу кумирамъ. Старцы и бояре кинули жребій на отрока и дѣвицу, на кого падетъ, того и зарѣжутъ въ жертву богамъ. Жребій упалъ на одного отрока Варяга, прекраснаго лицемъ и душею, и притомъ христіанина, каковая жертва во мнѣніи народа казалась еще угоднѣе богамъ. Отрокъ Варягъ жилъ съ отцомъ, который пришелъ въ Кіевъ изъ Греціи и тайно держалъ христіанскую вѣру. Къ нему во дворъ собрались люди, посланные съ требища и объявили, что жребій упалъ на его сына, что боги изволяютъ его сына себѣ на потребу. „То не боги,— провозгласилъ Варягъ,—но дерево; нынче стоятъ, а завтра сгніютъ. Не ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, а руками сдѣланы изъ дерева, сѣкирою и ножемъ обрублены и оскоблены. Вышній Богъ единъ есть, которому покланяются и служатъ Греки, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка; далъ человѣку жизнь на землѣ. А тѣ боги что́ сотворили и что̀ сдѣлали? Самихъ ихъ сдѣлали люди! Не отдамъ сына своего бѣсамъ!“

Посланные воротились на требище и разсказали толпѣ рѣчи Варяга. Толпа въ ярости прибѣжала къ двору поругателя святыни и разнесла его ограду по бревнамъ. Варягъ съ сыномъ едва успѣли найдти убѣжище на сѣняхъ, то есть, въ верхней горницѣ своего дома. — „Давай сына на жертву богамъ!“ кричала толпа.—„Если это боги, говорилъ Варягъ, то пусть пошлютъ одного отъ себя бога и пусть возьмутъ моего сына, а вы для чего препятствуете имъ!“—Толпа воскликнула великимъ крикомъ, подсѣкла хоромы и въ ярости изрубила Варяговъ, такъ что никто и послѣ не узналъ, гдѣ подѣвались ихъ останки. Церковь сохранила имя Варяга отца, онъ назывался Іоанномъ.

Г. Костомаровъ увѣряетъ, что все это событіе есть вымыслъ позднѣйшаго книжника и что кровавыхъ человѣческихъ жертвъ не существовало въ Русскомъ язычествѣ. Но тѣ доказательства, какія приводятся по этому случаю, такъ слабы и натянуты, что не могутъ поколебать истины событія, которое заключается конечно въ одномъ голомъ показаніи, что нѣкогда въ Кіевѣ два христіанина погибли,

воспротивившись пойдти по требованію толпы на жертву языческимъ богамъ. Этотъ случай, болѣе чѣмъ всякій другой, долженъ былъ сохранить о себѣ память именно въ церковныхъ записяхъ первыхъ христіанъ Кіева. Вотъ почему и лѣтописецъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, отмѣчаетъ, что неизвѣстно куда дѣвались останки мучениковъ. Самыя обстоятельства событія, разсказанныя лѣтописцемъ, не обнаруживаютъ никакой задней мысли и по своей простотѣ тоже могутъ служить довольно вѣрнымъ отголоскомъ народной памяти объ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Остается вымысломъ лѣтописца одно только его христіанское размышленіе, которымъ онъ оканчиваетъ свой разсказъ. „Были тогда люди невѣжды и язычники, говоритъ онъ, и дьяволъ тому радовался, не вѣдая, что близко шла ему погибель. Такими дѣлами онъ старался погубить родъ христіанскій, однако и въ здѣшнихъ, въ нашихъ Русскихъ странахъ, тоже былъ прогнанъ честнымъ крестомъ.—„Здѣсь мое жилище, думалъ онъ, здѣсь апостолы не учили, пророки не пророчествовали!"— Но если не были здѣсь апостолы, то ихъ ученье, какъ трубы гласитъ по всей вселенной. Тѣмъ ученьемъ и здѣсь побѣждаемъ врага, попираемъ его подъ ноги, какъ попрали его и эти о т е ч н и к и, отцы Русскаго христіанства, первые на Руси принявшіе небесный вѣнецъ со св. мучениками и праведниками!" Въ этомъ размышленіи лѣтописецъ прямо свидѣтельствуетъ, что мученичество Варяговъ на самомъ дѣлѣ послужило основнымъ камнемъ для всенароднаго распространенія Христовой вѣры.

Что касается кровавыхъ жертвъ, свойственныхъ вообще древнему язычеству, а слѣдовательно и Русскому, то объ этомъ весьма положительно свидѣтельствуютъ современники и самовидцы, писатели Византійскіе и особенно Арабы. О томъ же прямо говоритъ и первый митрополитъ Русинъ, Иларіонъ [141].

Вообще этотъ языческій случай долженъ былъ подѣйствовать очень сильно на Кіевскую всенародную толпу. Отроки и дѣвицы язычники, на которыхъ упадалъ жребій кровавой жертвы, исполнены бывали языческаго сознанія не только въ законности, но даже и въ святости такой жертвы. Они шли къ богамъ по требованію самихъ боговъ. Ихъ насильная смерть оправдывалась всѣми обычаями и порядками ихъ

же языческаго быта. Но мученичество христіанъ, провозгласившихъ во всеуслышаніе неправду и безсмысленность такой жертвы, нигдѣ и никогда не оставалось безъ особаго впечатлѣнія. Христіанская кровь неизмѣнно вызывала и утверждала распространеніе св. Истины. Если не тѣми словами, какія предъ толпою проповѣдывалъ Варягъ—отецъ, то тѣми самыми мыслями языческіе боги были уже окончательно осуждены предъ здравымъ смысломъ всего народа. Самъ Владиміръ очень памятовалъ это событіе и когда принялъ Христіанство, то на мѣстѣ разнесеннаго варяжскаго двора, выстроилъ первую же и великую церковь въ честь Богородицы, которая именовалась потомъ Десятинною, отъ десятины назначенныхъ ей княжескихъ доходовъ [142].

ГЛАВА VI.

ЯЗЫЧЕСКОЕ ВѢРОВАНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Мысль и чувство язычника. Основы его воззрѣній и вѣрованій. Его миѳы и боги. Основное божество язычника—сама жизнь. Боги Кіевскаго Холма. Годовой кругъ поклоненія божествамъ жизни. Нравъ и нравственность язычника.

Принесенное Славянами на европейскую почву арійское наслѣдство, какъ мы видѣли, заключалось въ земледѣльческомъ бытѣ со всею его обстановкою, какая создалась изъ самаго его корня. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что вмѣстѣ съ земледѣліемъ они принесли изъ своей прародины и первыя основы вѣрованій, первыя миѳическія созерцанія. Какія это были основы и какъ обширенъ былъ кругъ этого первобытнаго міросозерцанія, наука въ полной точности еще не опредѣлила; но она съ достаточною ясностію уже раскрыла, такъ сказать, самую почву, на которой выростали и создавались человѣческія вѣрованія и всякіе миѳы [143]. Этою почвою служило всеобъемлющее и творящее чувство природы, которымъ всего сильнѣе былъ исполненъ первобытный человѣкъ; этою почвою была сама поэзія въ ея первозданномъ источникѣ безпредѣльнаго удивленія и поклоненія матери-Природѣ.

Основы древнѣйшихъ вѣрованій у Арійцевъ во многомъ зависѣли отъ самыхъ началъ и свойствъ ихъ быта. Они были земледѣльцы и потому жили въ непрестанной и самой тѣсной связи съ природою. Конечно, и звѣроловъ, и кочевникъ точно также живутъ въ тѣсной связи съ природою. Но земледѣлецъ пашетъ землю, развергаетъ ея нѣдра съ тѣмъ, чтобы положить туда зерно будущаго урожая. Въ

этомъ, повидимому простомъ дѣлѣ и заключаются всѣ высокія свойства его быта и вся обширность и глубина его отношеній къ природѣ. Звѣроловъ и кочевникъ, можно сказать, только гоняются за природою, больше всего воинствуютъ съ нею, не знаютъ своего мѣста, и оттого не могутъ въ такой же степени, какъ земледѣлецъ, сосредоточивать свое чувство и мысль на безчисленныхъ благодѣяніяхъ общей матери, на всѣхъ ея заботахъ и попеченіяхъ о своемъ родномъ дѣтищѣ. Въ звѣроловной и кочевой жизни по преимуществу господствуетъ произволъ случая, который въ своемъ направленіи воспитываетъ и сознаніе человѣка. Здѣшняя мысль ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ совсѣмъ иными, не слишкомъ широкими задачами и потребностями жизни. Ея пытливости не предстоитъ большаго дѣла. Напротивъ того, земледѣлецъ въ самыхъ задачахъ и потребностяхъ своего быта на каждомъ шагу долженъ допытываться отъ природы смысла и значенія всѣхъ ея явленій. Отдавая ей свое зерно на соблюденіе и на возрожденіе, онъ уже тѣмъ самымъ входитъ съ природою такъ сказать въ разумную бесѣду; поэтому его тѣсная связь съ природою не ограничивается дѣйствіями благопріятнаго или неблагопріятнаго случая, какъ въ быту звѣролова и кочевника, но восходитъ до созерцанія непреложныхъ законовъ и заставляетъ земледѣльца именно подмѣчать и изучать эти законы, эти сущности живаго міра. Отличіе земледѣльца отъ звѣролова и кочевника въ томъ и состоитъ, что онъ ведетъ съ природою безпрестанную разумную и разсудительную бесѣду о непреложности и постоянствѣ ея законовъ. Здѣсь и скрываются первыя основы человѣческихъ испытаній и человѣческихъ познаній окружающаго естества. Вообще миѳологія или язычество каждаго народа въ сущности есть образъ первобытнаго познанія природы или образъ первобытной науки. У земледѣльца кругъ этой науки полнѣе, обширнѣе; совокупность понятій и представленій сложнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ у звѣролова и кочевника. Но и тотъ и другой, находясь еще такъ сказать въ нѣдрахъ самой матери природы, испытываютъ и понимаютъ ея законы одинаково по дѣтски, т. е. путемъ олицетворенія своихъ понятій и представленій въ живые образы и живыя существа. И потому это дѣтство въ сущности есть возрастъ

безграничнаго творчества человѣческой мысли, возрастъ поэтическаго вдохновенія и художественнаго воплощенія всякой мысли и всякаго понятія въ живое существо.

Порядокъ или путь, по которому язычникъ восходитъ до созданія своихъ миѳовъ, такой же, какой существуетъ для всякихъ художественныхъ созданій, какой существуетъ и въ самой наукѣ.

Всякое вѣрованіе по своему происхожденію есть плодъ впечатлѣній и соображеній о такомъ явленіи, или о томъ предметѣ, котораго ни свойствъ, ни силъ наблюдатель еще не понимаетъ. Вѣрованіе есть первичная, младенческая ступень познанія; оно на половину знаніе, на половину гаданіе, предугадываніе, которое руководитъ человѣческимъ умомъ повсюду, гдѣ знаніе недостаточно, неполно, или очень скудно и смутно. Вотъ почему на первыхъ порахъ человѣческаго развитія знающіе, въ нашемъ смыслѣ ученые и въ языческомъ смыслѣ вѣщіе люди, бываютъ только вдохновенные поэты. Тѣмъ не меньше всякое вѣрованіе, какъ и научный выводъ или ученое открытіе, создается простымъ путемъ накопленія опытовъ, наблюденій, размышленій, и стремленіемъ свести весь этотъ запасъ перваго познанія къ одному концу, найдти въ немъ одинъ смыслъ, одинъ законъ, какъ говоритъ мыслитель,—одно божество, какъ представлялъ себѣ вѣрующій язычникъ. Различіе здѣсь заключается только въ томъ, что мыслитель—ученый, открывая въ своихъ изслѣдованіяхъ и опытахъ верховное единство, останавливается на отвлеченномъ понятіи объ управляющемъ законѣ, а художникъ-поэтъ, открывая въ средѣ своихъ впечатлѣній такое же верховное единство, даетъ ему обликъ живаго существа или обликъ живущаго момента. Такимъ образомъ язычество, какъ сама поэзія, есть познаніе и пониманіе всего существующаго въ живыхъ ликахъ поэтическаго (собственно религіознаго) творчества, подобно тому какъ и наука есть познаніе и пониманіе всего существующаго въ отвлеченныхъ идеяхъ ученой изыскательности.

Очень естественно, что въ первую пору человѣческаго развитія и самый языкъ исполненъ былъ непосредственнаго поэтическаго творчества. Тогда каждое слово отзывалось миѳомъ, потому что каждое слово заключало въ себѣ худо-

жественный образъ того или другаго понятія, такъ сказать, художественный разсказъ, повѣствованіе объ этомъ понятіи, что вполнѣ вѣрно и обозначается словомъ миѳъ, такъ какъ это слово значитъ собственно повѣствованіе, разсказъ. Сущность первобытнаго языка очень вѣрно и образно опредѣляетъ Максъ Мюллеръ, говоря, что языкъ есть „ископаемая поэзія". Вотъ почему и язычество народа, такъ называемое идолопоклонство, прежде всего есть первобытная поэзія народа, безграничная область всенароднаго поэтическаго творчества, гдѣ всѣ боги и вѣрованія суть только поэтическія художественныя олицетворенія и воплощенія тѣхъ понятій и впечатлѣній, какія возникаютъ въ человѣкѣ при созерцаніи Божьяго міра. Язычникъ не былъ и не могъ быть строгимъ и холоднымъ мыслителемъ или разсудительнымъ изыскателемъ причинъ и слѣдствій. Для этого у него не доставало болѣе зрѣлаго возраста. Въ сущности, какъ мы упомянули, онъ былъ еще младенецъ и жилъ больше всего творчествомъ чувства, но не творчествомъ мысли, а потому въ своемъ познаніи окружающаго міра каждое существо: солнце, зарю, луну, огонь, рѣку, озеро, лѣсъ и т. д., онъ сознавалъ, какъ живую личность, надѣленную тѣми же чувствами, нравами, мыслями и стремленіями, какими обладалъ самъ человѣкъ; въ каждомъ отношеніи этихъ существъ къ человѣку онъ видѣлъ ихъ живые намѣренія и помыслы, живыя дѣла и дѣйствія, живые шаги и поступки.

Въ основѣ языческаго созерцанія и пониманія Божьяго міра лежало глубокое всеобъемлющее чувство природы. Язычникъ, какъ новорожденное дитя, пребывалъ еще на рукахъ, въ объятіяхъ матери природы. Онъ чувствовалъ ея грозу и ласку, чувствовалъ, что эта вѣчная матерь наблюдаетъ за нимъ непрестанно, что каждое его дѣйствіе, помыслъ, намѣреніе и всякое дѣло и дѣяніе находятся не только въ ея власти, но и отражаются въ ея чувствѣ. Безотчетное и безграничное чувство любви и страха,—вотъ чѣмъ былъ исполненъ этотъ ребенокъ, живя на рукахъ матери природы. Отсюда, какъ изъ первороднаго источника происходили и происходятъ всѣ его миѳы, то-есть, всѣ олицетворенія его впечатлѣній, понятій и помышленій о живомъ образѣ матери природы. Для ребенка и теперь всѣ его игрушки—жи-

выя существа, съ которымп онъ ведетъ живую бесѣду, вовсе не помышляя, что это безотвѣтныя куклы. Ребенокъ и теперь вѣритъ, что столъ или стулъ—живое существо, которое можетъ самовольно ушибить и которое за это самое можно наказывать.

Вотъ почему миѳическое или собственно поэтическое, а въ историческомъ смыслѣ младенческое пониманіе всего окружающаго есть не только періодъ древнѣйшаго развитія человѣческой исторіи, но также и неминуемый періодъ нашего возраста, который въ свое время переживается каждымъ изъ насъ болѣе или менѣе полно и впечатлительно. Это тотъ кругъ помысловъ и представленій, гдѣ поэтическіе образы въ словѣ принимаются за живую дѣйствительность, гдѣ сказка, исполненная фантастическихъ чудесъ, принимается за истинную исторію, гдѣ всякое свѣдѣніе принимается вѣрою, но не повѣркою и разсужденіемъ, гдѣ всякая мысль не иначе можетъ быть передана и постигнута, какъ только въ образѣ живаго дѣйствія или живаго существа, гдѣ воображеніе, воплощеніе составляютъ корень обыкновеннаго повседневнаго мышленія и всякаго философствованія. Въ этомъ кругѣ первобытнаго мышленія язычникъ конечно былъ истиннымъ всеобъемлющимъ художникомъ и потому его миѳологія всегда хранится и глубоко скрывается только въ его поэзіи.

Язычникъ яснѣе всего постигалъ и понималъ одну великую истину, что жизнь есть основа всего міра, что она разлита повсюду и чувствуется на каждомъ шагу, въ каждой былинкѣ. Но его дѣтство въ пониманіи этой истины всею полнотою выразилось въ томъ созерцаніи, что во всемъ живомъ мірѣ господствуетъ и повсюду является такое же человѣческое существо, какъ онъ самъ. Онъ сознавалъ, что весь видимый міръ отъ былинки до небеснаго свѣтила одухотворенъ тою же человѣческою душею, ея мыслью, ея чувствомъ, ея волею. Вотъ почему въ его умонастроеніи не только животныя, звѣри, птицы, гады; не только растенія, деревья, травы, цвѣты, но и самые камни мыслили, чувствовали, говорили такимъ же понятнымъ человѣческимъ языкомъ. Вотъ почему, наблюдая разнородныя и разнообразныя дѣйствія и явленія природы, онъ непрестанно творилъ, создавалъ живые

лики, сосредоточивая въ нихъ мудрость своихъ помысловъ и мудрость своихъ гаданій о тайнахъ Естества.

Въ существенномъ смыслѣ повсюду онъ обожалъ одну только жизнь, не стихіи, какъ обыкновенно говорятъ, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія, но самую жизнь, то-есть всѣ живыя проявленія и живые образы Естества. Онъ изумлялся, удивлялся, поклонялся жизни вездѣ, гдѣ чувствовалъ или воображалъ ея присутствіе; благоговѣлъ предъ нею или страшился ея вездѣ, гдѣ чувствовалъ ея любовь или встрѣчалъ ея вражду. Исполненный всеобъемлющимъ чувствомъ жизни, отрицая смерть, какъ единую вражду этого міра, онъ самую эту смерть не могъ иначе понять, какъ въ образѣ живаго существа. Онъ совсѣмъ не постигалъ смерти въ смыслѣ совершеннаго уничтоженія всего живущаго. Онъ искренно вѣровалъ, что и умершіе его предки, родители, все еще живутъ въ другихъ только образахъ, все еще заботятся о его дѣлахъ, о его домашней жизни, о его хозяйствѣ. Онъ вѣровалъ, что не только умершій, но и живой, мудрый, вѣщій, вдохновенный человѣкъ можетъ принять на себя любой образъ окружающей природы, можетъ оборачиваться во всякое существо.

Эта животворная идея о всеобщей жизни и послужила основаніемъ для развитія идей о всеобщемъ духѣ и о всѣхъ частныхъ одухотвореніяхъ природы.

Въ природѣ и теперь, при всѣхъ успѣхахъ ученаго знанія и изслѣдованія, очень многое остается тайною и загадкою. Но для язычника-ребенка все существующее было тайна и загадка, все естество являлось ему чудомъ; и именно потому, что во всякомъ естественномъ явленіи и естественномъ произведеніи природы, онъ видѣлъ живое существо, совсѣмъ подобное живому существу самого человѣка. Въ глубинѣ этого простодушнаго дѣтскаго, но поэтическаго воззрѣнія на природу и скрывался неизсякаемый источникъ всякихъ тайнъ и всяческихъ чудесъ и загадокъ. Въ глазахъ язычника Духъ-Образъ жизни носился повсюду и вселялся во всякій предметъ, на которомъ только бы остановилась мысль этого пытливаго ребенка. И конечно всякій предметъ особеннаго свойства, особеннаго склада, или совсѣмъ выходящій изъ ряда всего обыкновеннаго, или въ обыкновенномъ выражавшій нѣчто образное, самобытное и могущественное;

всякій такой предметъ скорѣе другихъ становился средоточіемъ языческаго изумленія, вниманія, поклоненія.

Въ глухомъ лѣсу ростетъ необыкновенной величины дерево, многовѣковой дубъ, какъ бы ровесникъ самой Землѣ. Съ какимъ чувствомъ язычникъ взиралъ на это чудо природы, если и теперешніе люди, совсѣмъ удаленные отъ матери Природы, охлажденные въ своемъ чувствѣ всяческимъ знаніемъ, исполненные всевозможныхъ отвлеченныхъ мыслей и понятій, если и теперешніе люди—все-таки идутъ съ любопытствомъ посмотрѣть лѣснаго старца и посчитать, сколько вѣковъ онъ могъ прожить въ своей лѣсной семьѣ. Язычникъ вовсе не любопытствовалъ: онъ изумлялся и поклонялся. Его чувство природы было религіозное чувство. Онъ искренно вѣровалъ, что въ этомъ чудномъ образѣ лѣснаго Царства необходимо жило само божество, ибо величавый могущественный образъ въ природѣ конечно могъ принадлежать только божеству. Такія деревья на языкѣ церковной проповѣди именовались дуплинами. Отъ старости по большой части они и на самомъ дѣлѣ бывали дуплистыя и это обстоятельство давало новые поводы населять дупло живою жизнью. Въ дуплѣ жили ночныя хищныя птицы и вотъ достаточная основа для миѳа о дивѣ, „кличущемъ въ верху древа", конечно не на добро, ибо всякое пустое мѣсто уже само по себѣ всегда представлялось для язычника враждою. Въ пустынѣ жили духи вражды. Еще по сказанію Іорнанда Скифская пустыня была населена вѣдьмами. Оттуда выходили даже и всѣ враждебные народы, каковы были Торкмены, Печенѣги, Торки, Половцы.

Могущественный и самобытный образъ растительной природы въ старомъ деревѣ необходимо распространялъ особое поклоненіе и тому лѣсу или рощенію, гдѣ онъ господствовалъ своею красотою. Поэтому старая роща или отъемный старый лѣсъ уже только въ силу своей древности и сохранности необходимо становились обиталищами божества, мѣстами священными, гдѣ срубить дерево значило оскорбить самое божество.

Кіевскіе Руссы въ походѣ черезъ пороги, какъ увидимъ, поклонялись огромному дубу на островѣ Хортицѣ. На Балтійскомъ поморьѣ, въ Штетинѣ, по сказанію біографовъ ев.

Оттона, росъ вѣтвистый огромный дубъ и подъ нимъ находился источникъ; народъ поклонялся дубу съ великимъ усердіемъ, почитая его священнымъ по жилищу въ немъ какого-то божества.

Въ землѣ Вагировъ, по свидѣтельству Гельмольда, между Старградомъ (Ольденбургомъ) и Любекомъ находилась единственная въ той странѣ, священная древняя роща, въ которой росли заповѣдные дубы, посвященные богу Перуну. Это было соборное святилище всей Вагирской Земли. Въ одинъ изъ праздниковъ здѣсь собиралось Вѣче съ верховнымъ жрецомъ и княземъ во главѣ держать судъ.

Въ языческомъ пониманіи каждый могущественный образъ природы, какъ предметъ удивленія, изумленія, всегда неминуемо возводилъ мысль къ божеству и одухотворялся даже присутствіемъ самого божества.

Среди чистаго поля, или гдѣ въ глухомъ оврагѣ, какъ бываетъ въ нашихъ равнинныхъ мѣстахъ, лежитъ каменная глыба, допотопный огромный валунъ—явленіе не совсѣмъ обыкновенное и на наши глаза; явленіе, которое и въ простомъ человѣкѣ необходимо возбуждаетъ мысль о чудесномъ происхожденіи камня,—но въ человѣкѣ исполненномъ религіознаго чувства къ природѣ оно уже прямо безъ всякихъ размышленій служитъ олицетвореніемъ божественной силы и воли и необходимо почитается жилищемъ этой силы.

Житіе прп. Иринарха-затворника разсказываетъ, что въ градѣ Переяславлѣ (Залѣсскомъ), за церковью Бориса и Глѣба, въ буеракѣ лежалъ великій камень; въ немъ жилъ демонъ, творилъ мечты, привлекалъ къ себѣ изъ города мужей, женъ и дѣтей, особенно на Петровъ день, когда совершались языческія празднества лѣтнему солнцестоянію. Изъ года въ годъ собиралось у камня сонмище, творили ему почесть. По благословенію Иринарха его переяславскій другъ, дьяконъ Онуфрій свалилъ этотъ камень въ яму и засыпалъ землею. Тогда весь городъ возсталъ на исказителя народной святыни; городскіе попы и даже родственники дьякона возненавидѣли его, стали наводить на него всякій посмѣхъ, неподобныя рѣчи, продажу и убытки, болѣзни и скорби. Дьяконъ заболѣлъ лихорадкою и былъ спасенъ только помощью

прп. Иринарха, давшаго ему для изцѣленія усмагъ (ломоть) хлѣба [144].

Такъ были живы народныя вѣрованія еще въ 17 столѣтіи и болѣе всего по той причинѣ, что ихъ почва ничѣмъ существенно не колебалась даже и въ христіанское время, ибо не просвѣщенный знаніемъ, а только вѣрующій язычникъ съ равнымъ чувствомъ смотрѣлъ и на священную въ его понятіяхъ каменную глыбу и на святыню ломтя хлѣба, благословеннаго уже христіанскою молитвою.

Сквозь почву бьетъ живымъ ключемъ родникъ всегда свѣжей и чистой, сладкой воды—даръ природы, передъ которымъ религіозное чувство язычника возбуждалось еще сильнѣе въ мѣстностяхъ или совсѣмъ безводныхъ или бѣдныхъ хорошею водою. Но и посреди рѣкъ и озеръ, при широкомъ достаткѣ хорошей воды это явленіе природы, какъ новый образъ ея живыхъ дѣйствующихъ силъ, должно было производить на простаго человѣка глубокое впечатлѣніе.

Чья сила и чья воля совершала это непостижимое движеніе воды? Объяснить и понять это простому человѣку и теперь не совсѣмъ легко и потому, не только древній, но и теперешній селянинъ, не размышляя много, благоговѣйно преклоняется предъ чуднымъ и благодатнымъ явленіемъ природы, ставитъ надъ источникомъ икону, крестъ, строитъ часовню, и ища себѣ здравія, изцѣленія, приноситъ полотенца, холсты, опускаетъ въ родникъ деньги, какъ дары милостивому дару самой природы. И до сихъ поръ, уже подъ благословеніемъ Церкви простой умъ остается въ этихъ случаяхъ выразителемъ того религіознаго чувства къ природѣ, которое у язычника составляло основу его вѣрованій и съ полною ясностію изображало ему, что происхожденіе родника не могло возникнуть безъ особой воли и намѣренія самого божества, что это только новый образъ всеобщаго духа жизни, всеобщаго творца всякихъ непостижимостей, именуемаго Матерью-Природою, который избралъ себѣ обиталище и въ этомъ родникѣ; что здѣсь присутствуетъ его живая сила и воля, которую можно призывать въ надобныхъ случаяхъ, какъ помощника и благодѣтеля въ средѣ людскихъ желаній и потребностей.

Совсѣмъ не понимая такъ называемыхъ силъ Природы, очень понятныхъ только отвлеченной наукѣ, язычникъ всегда представлялъ себѣ эти силы не иначе, какъ въ образѣ живой воли, то-есть живаго человѣческаго произвола и потому въ каждой видимой и такъ-сказать осязаемой силѣ всегда предполагалъ и ея живаго творца. Всякое мѣсто, пріобрѣтавшее въ его представленіяхъ по своему характеру особый образъ, онъ необходимо населялъ живою силою и волею. Оврагъ, болото, озеро, какъ и старое дерево, роща, камень и т. п., все это были въ извѣстномъ смыслѣ особыя существа, обиталища особой жизни.

Но, конечно, ничто въ такой степени не останавливало на себѣ вниманіе язычника, какъ образъ могущественной и величественной рѣки. Это было на самомъ дѣлѣ живое существо, свѣтлое, ласковое, милостивое и мрачное, грозное, бушующее, безъ конца текущее въ какую-то неизвѣстную даль.

Поклоненіе рѣкѣ тѣмъ болѣе сосредоточивало языческую мысль, если рѣка вмѣстѣ съ тѣмъ составляла, такъ сказать, самую основу хозяйственнаго быта язычниковъ, если она была истинною матерью-кормилицей. Вотъ по какой причинѣ и первый человѣкъ Скиѳовъ происходилъ отъ дочери рѣки Днѣпра и стало-быть почиталъ этотъ Днѣпръ не только своимъ кормильцемъ, но и дѣдомъ въ божественномъ смыслѣ.

Чтобы яснѣе видѣть, какъ язычникъ разумѣлъ вообще природу и какъ онъ относился ко всѣмъ ея дарамъ и образамъ, мы воспользуемся сказаніями древнихъ чародѣевъ о собираніи разныхъ премудрыхъ травъ и цвѣтовъ. Эти сказанія записаны уже въ позднія времена, но они вполнѣ сохраняютъ въ себѣ такъ сказать языческій типъ этого дѣла.

Подобно тому, какъ могучій дубъ, могучій камень, грозный оврагъ, таинственное болото и т. п., представляли собою въ глазахъ язычника какія-то самобытныя существа, особые живые типы природы, такъ и полевой или лѣсной цвѣтокъ или травка, полная особенныхъ лечебныхъ свойствъ, въ языческомъ созерцаніи необходимо являлись тоже образами и типами живаго и таинственнаго Естества. Уже одинъ образъ цвѣта-свѣта или особой краски и пестроты красокъ на каждомъ цвѣткѣ возводилъ языческую мысль къ нераз-

гаданнымъ тайнамъ природы и тѣмъ самымъ открывалъ ей богатую почву для возсозданія всяческихъ тайнъ собственнаго измышленія. Здѣсь чувство поэзіи или чувство природы, это религіозное чувство язычника, пріобрѣтало самое обширное поприще для творческихъ олицетвореній. Язычнику каждый цвѣтокъ казался живымъ существомъ. Живыми чертами онъ описываетъ и его наружность, употребляя даже выраженія рисующія живое лице.

„Есть трава Хленовникъ, а ростетъ подлѣ рѣкъ, а собою смугла, а ростомъ въ стрѣлу, кустиками, а духъ вельми тяжекъ.—Есть трава Узикъ, собою листочки долги, что стрѣльныя желѣзца, а кинулися по сторонамъ, а верхушечка мохната, ростомъ въ пядь и выше.—Есть трава Царскія очи, а собою вельми мала и только въ иглу, желта, яко злато, цвѣтъ багровъ, а какъ посмотришь противъ солнца—кажутся всякіе узоры; а листвія на ней нѣтъ, а ростетъ кустиками.—Трава Уликъ, а сама она красновишневая, глава у ней кувшинцами, а ротъ цвѣтетъ, то аки желтый шелкъ, а листвіе лапками... Трава Быліе, а ростетъ она на горахъ подъ дубьемъ; образъ ея человѣческою тварію, а у корени имѣетъ два яйца, едино сухо, а другое сыро.—Есть трава Иванъ, собою ростетъ въ стрѣлу, на ней два цвѣта, одинъ синь, другой красенъ“...

Употребляя это выраженіе, собою трава смугла, синя, мала и т. п., языческое вѣрованіе безсознательно высказываетъ, что его представленія о растительномъ царствѣ въ этомъ случаѣ управляются одною общею идеею язычества, претворявшаго каждый образъ природы въ существо животное.

Эти представленія идутъ далѣе. Нѣкоторые цвѣты и травы обладаютъ животною способностью самовольно переходить съ мѣста на мѣсто, или внезапно изчезать, перемѣнять свой видъ и даже подавать голосъ.

„Очень премудро выростаетъ цвѣтокъ Петровъ Крестъ,—кому кажется, а иному нѣтъ. Ростетъ онъ по лугамъ при буграхъ и горахъ, на новыхъ мѣстахъ. Цвѣтъ у него желтъ, отцвѣтетъ—будутъ стручки, а въ нихъ сѣмя; листъ что гороховой, крестомъ; корень дологъ, на самомъ концѣ подобно просфирѣ и крестъ. Трава премудрая. Если ее найдешь нечаянно, то верхушку заломи, а ее очерти и оставь, и по-

томъ въ другое уреченное время, на Ивановъ или на Петровъ день, вырой. Если не заломишь ее, то она перейдетъ на иное мѣсто, на полверсты, а старое мѣсто пусто оставитъ...“

„Трава Царь или Царемъ Царь, всѣмъ травамъ и древамъ глава, видомъ ни трава, ни древо; постасіемъ много походитъ на древо березу; цвѣтетъ около Петрова дня, а издали кажетъ, будто огонь горитъ. Не всякому ищущему кажется, а кто ее нечаянно найдетъ, хотя и замѣтитъ, но въ другой разъ уже найдти не можетъ, скроется“.

„Трава Левъ ростетъ невелика, а видомъ какъ левъ кажется. Въ день ее не увидишь, а сіяетъ она по ночамъ. На ней два цвѣта, одинъ желтый, а другой какъ свѣча горитъ. Около ея поблизку травы нѣтъ никакой, а которая трава и есть, и та приложилась къ ней“.

„Трава Ревяка по утреннимъ и вечернимъ зарямъ стонетъ и реветъ, а кинешь ее на воду, дугой противъ воды пойдетъ. И сорванная, она реветъ. — Трава Зимаргъ очень бѣла, сорви ее и брось на воду, то она противъ воды поплыветъ.—Трава Киноворотъ, хотя какая буря, она кланяется на востокъ всѣми стволами вдругъ, хотя и вѣтру нѣтъ“.

„Трава Кликунъ кличетъ гласомъ по зарямъ по дважды: „ухъ! ухъ!“ Близъ себя человѣка недопускаетъ и сѣмя съ себя долой скидаетъ, не даетъ человѣку взять... А находить ее, на коемъ мѣстѣ она стоитъ, тутъ кругъ около ея на сажень и больше, а она поклонилась стоитъ въ серединѣ. А корень той травы, яко человѣкъ, глава, руки, ноги и все по подобію человѣка. А силу она имѣетъ, къ чему хочешь, къ тому и годна“.

Очевидно, что обладая даже и животными силами, травы, какъ живыя существа, должны были имѣть каждая свой нравъ и обычай, свой характеръ, смотря по существу или свойству ея чарующихъ силъ. Каждая трава, поэтому, требовала особаго обхожденія съ нею при случаѣ ея срыванія или выкапыванія ея корня. Здѣсь оживотвореніе растительнаго царства раскрывалось еще выразительнѣе и нагляднѣе.

Надо было знать не только день, но и самую минуту, когда трава разцвѣтала. По большой части травы собирались во время Купалья, въ ночь на Ивановъ день; но нѣкоторыя рвали и на Петровъ день, а также въ апрѣлѣ и

въ маѣ, и на Успеньевъ день. Трава Бѣлоярь цвѣла только въ полночь на Успенье Богородицы и отцвѣтала однимъ часомъ. Трава Авбетъ цвѣла и на Успеньевъ день и на Ивановъ день, между обѣдни и заутрени. Ночныя травы цвѣли огнемъ. Таковы были Черная Папарать, Царецарь, Левъ, Грабулька, Голубь, и др. Иной цвѣтъ какъ огонь горитъ или пылаетъ, иной — какъ многой огонь или молнія бѣгаетъ. Такое цвѣтенье необходимо было сторожить съ особымъ вниманіемъ. И вообще собирать цвѣтъ и копать корень слѣдовало не просто, а съ извѣстнымъ обрядомъ, съ извѣстнымъ приговоромъ или заговоромъ и съ употребленіемъ различныхъ вещей и предметовъ, необходимыхъ, такъ сказать, для почести той или другой травы.

Иныя травы требовалось рвать, очертя мѣсто вокругъ нея золотомъ и серебромъ, что называлось пронимать сквозь сребро или злато. Это дѣлалось такъ: клали на землѣ около травы съ четырехъ сторонъ серебро (въ монетѣ), сколько кому было можно, или раскидывали вокругъ серебряную или золотую гривну (цѣпочку). Такъ пронимали Адамову Голову малую, Архалинъ, Одоленъ, Папарать Безсердешную, Метлику.

Траву Рострѣлъ, которая иначе называлась Вербою Святою, слѣдовало копать въ Ивановъ день воскресный, то-есть, когда этотъ день приходитъ въ воскресенье, рано до солнечнаго восхода и самому быть въ великой чистотѣ. Три дня передъ тѣмъ необходимо быть чистымъ, не во гнѣвѣ и ко всякому требующему податливымъ. Копать надо было безъ дерева и безъ желѣза, одними руками, держа золото или серебро въ монетѣ или волоченое, которымъ шьютъ, и копаючи, говорить псаломъ 50. Окопавъ, вынуть растеніе съ корнемъ тремя перстами правой руки и однимъ большимъ перстомъ лѣвой. Вынувши, надо перекрестить свое лице корнемъ и травою трижды и трижды траву перекрестить и говорить заговоръ, потомъ обвить корень шелкомъ и обернуть шелковымъ скорлатнымъ (краснымъ) лоскутомъ или золотымъ аксамитнымъ, или бархатнымъ, атласнымъ, камчатнымъ, но непремѣнно шелковымъ.

Чтобы взять траву Полотая Нива, надобно кинуть ей золотую или серебряную деньгу, „а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣ-

но да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ, хватать траву, обвертѣть ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую“.

Траву Петровъ Крестъ рвали на Петровъ день, по утру или подъ вечеръ непремѣнно съ хлѣбомъ. Трава Растъ цвѣла почти изъ подъ снѣга раннею весною. Ее рвали 25 апрѣля, при чемъ въ то мѣсто, гдѣ росла, слѣдовало положить великоденское яйцо.

„Трава Разрывъ, иначе Муравеицъ и Муравей, ростетъ по старымъ селищамъ и въ тайныхъ и темныхъ лугахъ и мѣстахъ. Изъ земли сія трава не выростаетъ, но въ землѣ пребываетъ. Если на ту траву скованая лошадь найдетъ—желѣза спадутъ; если подкованная наступитъ—подковъ вырветъ изъ копыта; а коса набѣжитъ, то вывернется или изломится; а узелъ отъ нея всякій развязывается. А рвать ее такъ: Если гдѣ соха вывернулась или лошадь расковалась, то по зарямъ выстилай на томъ мѣстѣ сукно, или кавтанъ, или епанчу, или что нибудь, лишь бы чистое,—и она выдетъ насквозь и ты возьми шелкомъ лишь надпеси, и она къ шелку пристанетъ и прильнетъ. А класть ее въ скляницу или въ воскъ, и скляницу залепляй воскомъ, а окромѣ ни въ чемъ не удержишь, уйдетъ и пропадетъ. Или шубу вверхъ мездрами наслать и она на нихъ упадетъ, то ее возмешь, а бери шелкомъ щипанымъ; а если на землю упадетъ, то пропадетъ и не сыщешь“.

„Трава Сириндарх-Херусъ растетъ прекрасна со всякими цвѣты, аки древо кудревато. Если найдешь, должно призаменить (замѣтить) мѣсто, потомъ купить всякихъ напитковъ въ малые сосуды и не дошедъ травы, положить три земныхъ поклона; не дошедъ еще за двѣ сажени, еще положить три поклона, а пришедъ опять поклониться трижды и поставить питья подъ траву и говорить: „Ача Маріамъ (ave Maria?)“ 5 разъ; и вѣтви всѣ оной травы во всѣ питія вникнутъ, и сронитъ она, трава, съ себя только три цвѣты, и тѣ цвѣты возьми и також кланяйся, какъ пойдешь прочь; и цвѣтъ носи въ чистомъ воску при себѣ и вездѣ честенъ будеши, а носи въ чистотѣ“.

Не смотря на то, что въ этихъ сказаніяхъ присутствуютъ христіанскія имена, или вообще черты, рисующія христіанскія понятія, они все-таки по своей основѣ принадлежатъ глубокой древности и наглядно изображаютъ тотъ кругъ

идей и представленій, въ которомъ вращалось язычество съ первобытныхъ временъ. Наслоеніе новаго въ этой глубокой старинѣ всегда обнаруживается само собою. Перемѣняются имена, слова, но никогда не перемѣняется ихъ живой и живущій смыслъ; приходятъ иноземныя имена и сказанія, но тотчасъ претворяются въ плоть и кровь своей народности.

Въ этомъ поклоненіи травамъ и цвѣтамъ сохранилась только малая часть всеобщаго языческаго поклоненія природѣ и сохранилась случайно, по той причинѣ, что травы въ сущности были лечебными средствами, удовлетворяли потребностямъ повседневной жизни, а потому и были донесены къ намъ, хотя и не вполнѣ, но съ обстановкою языческихъ вѣрованій. А эта обстановка и даетъ намъ хотя приблизительное понятіе о томъ, какъ могли происходить чествованія боговъ высокихъ и великихъ. Видимо, что хлѣбъ, яйцо, сребро и злато, въ деньгахъ или въ тканяхъ, серебряная или золотая гривна, съ которыми необходимо было рвать траву или цвѣтокъ, въ сущности были умилостивительными жертвами или тѣми надобностями, безъ которыхъ не было возможно обхожденіе съ божествомъ. Припомнимъ, что и передъ Перуномъ и Волосомъ древніе язычники покладали во время клятвы золото, серебро, обручи, гривны, несомнѣнно съ тою же цѣлью, что такъ, а не иначе слѣдовало приходить къ божеству.

Приведенныя записи составлялись для потребностей жизни вещественныхъ. Они описываютъ практическіе, дѣловые способы и средства добывать себѣ полезное изъ царства растеній. Но описанныя здѣсь дѣла языческаго созерцанія, по своему существу, нисколько не отличаются отъ тѣхъ словъ или пѣсенъ, изъ которыхъ образуется эпическая поэзія народа и созидается такъ называемый миѳологическій эпосъ.

Царство травъ и цвѣтовъ привлекало и возвышало языческую мысль наиболѣе всего совершенствомъ формы, устроенной премудро, хотя и нерукодѣльно. Уже это одно возводило образъ цвѣтка въ особое божество, или въ особую сущность божества. Совершенство и премудрость формы не только удивляли и изумляли язычника, но и заставляли его вѣровать, что премудрая форма должна заключать въ себѣ и премудрую силу, а потому чѣмъ больше эта форма напоми-

нала какой-либо животный или загадочный образъ, или какое либо положеніе, служившее признакомъ живой воли и какъ бы живаго смысла, тѣмъ больше язычникъ на ней и останавливалъ свою пытливость. Достаточно было подмѣтить, что иная трава (Папарать-безсердешная) ростетъ лицемъ на востокъ и къ тому же не имѣетъ сердца (сердцевины), чтобы тутъ же придти къ заключенію, что помощь этой травы очень велика. „Носи ее съ собою, гдѣ поѣдешь или пойдешь, на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и великій недругъ, и тотъ зла не мыслитъ“.

Эту траву, какъ упомянуто, выкапывали на Ивановъ день сквозь серебро, положивши его около травы съ четырехъ сторонъ, при чемъ произносился слѣдующій заговоръ: „Господи благослови сею доброю травою, еже не имѣетъ сердца своего въ себѣ и такъ бы не имѣли недруги мои на меня, раба Божія, сердца. И какъ люди радостны бываютъ о сребрѣ, и такъ бы радостны (были) всякъ человѣкъ ко мнѣ сердцемъ. Сердце чисто созижди въ нихъ Боже и духъ правъ ко мнѣ!“ Изъ этого образца можемъ видѣть, какимъ путемъ языческая мысль, въ своихъ наблюденіяхъ надъ предметами и свойствами естества воспроизводила свои миѳы.

Кругъ всѣхъ подобныхъ сказаній и преданій, которыхъ въ народной памяти сохраняется достаточно не только о травахъ, но и о многихъ другихъ предметахъ языческаго естествознанія, заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ дѣянія или творчество познающей мысли, пытавшейся проникнуть въ тайны Естества и потому спѣшившей каждое и мелкое свѣдѣніе въ ряду своихъ пытаній претворять въ законченныя откровенія самой Природы. Здѣсь сосредоточивалось языческое Вѣданіе, Вѣдовство, Знахарство, Знатная Премудрость или по древнему Вѣщьство [145].

Главную силу этого Вѣщьства или Вѣдовства составляло не собственное знаніе, а тѣмъ менѣе изученіе природныхъ вещей въ смыслѣ простаго изслѣдованія хотя бы одной ихъ полезности въ быту человѣка, нѣтъ—языческое Вѣдовство укоренялось въ одной руководящей мысли, что познаніе Природы пріобрѣтается не иначе какъ только посредствомъ ея же вѣщихъ откровеній, что эти самыя откровенія и составляютъ человѣческое знаніе, которое поэтому въ полной точности и съ полною глубиною смысла выражалось въ свой-

ственномъ ему наименованіи Вѣщьства. Это знаніе по преимуществу только вѣщаетъ, и меньше всего даетъ истину въ ея простомъ видѣ, какъ это дѣлаетъ теперешняя наука.

Всякій опытъ и добытое свѣдѣніе въ кругу языческихъ наблюденій Естества открывались вѣщимъ смысломъ, то-есть были вдохновенными откровеніями. Вотъ почему язычникъ вполнѣ логически и очень послѣдовательно въ замѣнъ или вмѣсто дѣйствительнаго опыта поставлялъ одно только вдохновенное или простое пытливое сказаніе своей мысли. А это самое сказаніе или повѣствованіе мысли и составляло зародышъ самаго миѳа. Изъ такихъ-то сказаній или изъ такихъ зародышей миѳа возсоздавалось языческое Знаніе, Вѣщьство, Вѣдовство. Это была совокупность откровеній мысли, незнавшей предѣловъ для своихъ стремленій пробиться къ тайнамъ Естества. И какъ не наивны по-дѣтски, какъ не фантастичны такія дѣйствія мыслей язычника, но и въ нихъ съ особенною ясностью выступаетъ благороднѣйшее свойство человѣческой природы, это—неутолимая жажда познанія. И въ дѣтскомъ лепетѣ языческаго мышленія постоянно и неизмѣнно слышится тотъ же вѣщій голосъ: я хочу все знать, все видѣть, вездѣ существовать.

Въ числѣ многихъ вѣщихъ травъ были и такія, которыя должны были удовлетворять этимъ запросамъ язычника во всей полнотѣ.

„Трава Бѣлъ Талѣнцъ, настаивать ее и пить съ прочими такими же травами или же и одну,—узнаешь всякія травы и на что надобны; если куда пойдешь, то травы и всякія вещи съ тобой говорить будутъ и скажутся, на что надобны; при томъ же и прочихъ животныхъ, гадовъ и звѣрей гласи спознаешь, что они говорятъ между собой, и все премудрое знать будешь“.

„Траву Муравеицъ кто при себѣ держитъ—птичье разглагольствіе знать будетъ. Трава Балъ очень добра, кто хощетъ быти мудръ и знати всякіе языки всякихъ звѣрей, птицъ, гадовъ и прочихъ,—топить тое траву и пить и на себѣ носить, тотъ доподлинно будетъ мудръ и весьма хитръ и всякіе языки знать будетъ, что кто кричитъ. Да и травы всѣ знать будетъ, которая трава на что надобна и къ чему и какъ, или лѣсъ шумитъ для какого случаю; и о водахъ и о рыбахъ и обо всемъ совершенно узнаешь и не ложно“.

„Трава Перенос,—добро ея сѣмя, положъ въ ротъ да поди въ воду, вода разступится, хошь спи въ водѣ или что хошь дѣлай, не затопитъ.—Трава Железа добра, когда хочешь себя претворить птицей или звѣремъ, то съ нею переметнуться. Или (хочешь) не видимъ быть, положъ въ ротъ за правую щеку и поди куда хошь, никто не увидитъ, хошь што ни дѣлай“.

Въ особомъ почитаніи у язычниковъ находился Чеснокъ. Мы увидимъ, что за трапезою въ Колядскій праздникъ рожденія Свѣта-Огня головку чесноку клали на столъ передъ каждымъ участникомъ празднованія, для отогнанія всѣхъ болѣзней. „И чесновитокъ богомъ же творятъ, говоритъ древнее обличительное слово: егда будетъ у кого пиръ (особенно на свадьбахъ), тогда кладутъ въ ведра и въ чаши и пьютъ, веселяся о своихъ идолахъ“. Въ этомъ случаѣ чеснокъ употреблялся, какъ необходимая принадлежность въ таинствахъ поклоненія Діонису-Вакху, нашему Яруну. Можно полагать, что самое имя чеснокъ, чесновитъ лукъ, чесновитокъ, чесновитецъ, носитъ въ себѣ миѳическое значеніе. Корень этого слова съ родни персидскому çashn, жаръ. Припомнимъ, что у Сербовъ прѣсный пшеничный хлѣбъ изготовляемый къ колядской же трапезѣ съ запеченною въ немъ серебряною или золотою монетою, называется чесницею. Поклоненіе чесноку по всему вѣроятію возникло за особыя его горячія свойства и сильный острый запахъ. Это было миѳическое зелье въ собственномъ смыслѣ. Уже Геродотъ отмѣтилъ, что Скиѳы Алазоны, жившіе между Бугомъ и Днѣпромъ, какъ земледѣльцы, употребляли въ пищу лукъ и чеснокъ. Миѳическій чеснокъ надо было выростить особымъ образомъ, посадивши его въ землю въ сыромъ освященномъ яйцѣ. Онъ разцвѣталъ все-таки въ самую полночь около Иванова или Петрова дня. Обладавшій этимъ растеніемъ могъ творить чудеса главнымъ образомъ съ нечистою силою и всякими чародѣями, могъ даже, какъ на конѣ, ѣздить на вѣдьмѣ, хотя бы и въ иное государство. Видимо, что понятіе о чеснокѣ сливалось съ понятіемъ о миѳическомъ очищеніи отъ всякаго очарованія и демонской порчи. Между прочимъ о его чудесахъ разсказывается слѣдующее:

„Въ тотъ день, когда дѣвки пойдутъ на батчины вѣнки завивать, а ты его съ собой возми и поди за ними на̀зер-

комъ (не упуская изъ вида); и когда онѣ вѣнки повьютъ и на себя повздѣваютъ, и ты вѣнокъ свей, а чеснокъ ввей въ него и надѣнь на себя и ходи за ними нàдаль; тогда съ ними увидишь діавола въ образѣ дороднаго молодца въ веселіи съ ними и радости; а какъ дѣвки пойдутъ домой, а ты не ходи, останься на ихъ мѣстѣ; а тотъ мнимый молодецъ пойдетъ провожать ихъ и паки воротится и станетъ одинъ веселиться, гдѣ онѣ веселились. Тогда ты подойди къ нему и говори о гульбахъ и забавахъ, якъ съ человѣкомъ, и между разговоры надѣнь скоро на него тотъ вѣнокъ и онъ будетъ отъ того вѣнка связанъ и непоколебимъ никуды, и что хошь, то дѣлай надъ нимъ; и если захочешь богатства или чину или славы, то дастъ онъ же тебѣ напередъ и скажетъ, что хощешь отъ меня, а вѣнокъ сойми, и я дамъ тебѣ. Тогда обяжи его клятвой и отпусти, то онъ исполнитъ...“ [146]

Входилъ ли язычникъ въ размышленія о томъ, что все это сверхъестественно, что все это чудеса? Нѣтъ, онъ еще не могъ возносится до такихъ отвлеченій. Понятія о сверхъестественномъ являются въ то время, когда достаточно развито представленіе о естественномъ, для чего требуется уже умъ философскій, испытанный многимъ размышленіемъ, богатый силою разбора и критики. Язычникъ не обладалъ такимъ умомъ. Онъ, наоборотъ, до крайности былъ богатъ силою олицетворенія, силою фантазіи, безпрестанно созидавшей живые образы и типы. Творчество своей мысли онъ почиталъ за самую дѣйствительность и потому ни сколько не думалъ, что его вдохновенныя олицетворенія въ чемъ либо противорѣчатъ естественному порядку вещей. Онъ зналъ одно, что природа есть жизнь, что жизнь есть тайна, загадка, которую постигать и узнавать возможно было только посредствомъ откровеній самой же природы, а источникъ этихъ откровеній находился не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а въ немъ самомъ, въ глубинѣ того чувства природы, которое одно и лежало въ основѣ всѣхъ его вѣрованій.

На этой основѣ онъ строилъ и весь кругъ своихъ наблюденій и познаній Естества. Его вѣщее разумѣніе природы, раскрывая въ иныхъ случаяхъ естественныя свойства и силы вещества, всегда поставляло свои открытія въ среду различныхъ миѳическихъ откровеній и таинствъ, безъ по-

средства которыхъ и самое вещество не было способно проявлять хотя бы и прирожденную ему творческую силу; напротивъ, всякая и ни къ чему не способная вещь или какой предметъ получали обликъ животворной силы, только дѣйствіемъ миѳическаго обряда, заклинанія, заговора.

Надѣляя каждый образъ природы могуществомъ живой силы и воли, язычникъ естественно долженъ былъ надѣлить тѣмъ же могуществомъ и свое слово. Поэтому его жертвенная пѣсня, его слава божеству, взываніе, величаніе, мольба, какъ скоро были произносимы, необходимо получали чарующій смыслъ, обаятельную силу. Они и на самомъ дѣлѣ были вдохновенными глаголами поэтическаго религіознаго чувства, которые сами собою нарождались, какъ скоро язычникъ вступалъ въ задушевную бесѣду съ матерью—природою. Съ нею онъ говорилъ не простымъ словомъ ежедневнаго быта, но высокимъ и горячимъ словомъ жертвы и моленья. Самое слово молить въ доисторическое время значило колоть, рѣзать, приносить жертву, давать обѣтъ. Оттого этотъ глаголъ употребляется съ дательнымъ падежемъ: молиться кому, молить себя, жертвовать себя кому [147]. Вѣщее слово не останавливалось на одномъ взываніи, величаніи, мольбѣ,—въ извѣстныхъ случаяхъ съ тою же мольбою и взываніемъ оно являлось заклятіемъ и заговоромъ, то-есть возвышало свое могущество мыслью о неизмѣнномъ и ненарушимомъ опредѣленіи произносимаго завѣта.

И здѣсь, какъ повсюду въ воззрѣніяхъ язычника, вдохновенное вѣщее слово пріобрѣтало образъ какого-то миѳическаго существа, живая воля котораго дѣйствовала одинаково, какъ у всѣхъ подобныхъ существъ.

Въ этомъ направленіи языческихъ идей и все въ природѣ, обладавшее рѣченіемъ, вѣщаніемъ представлялось отголоскомъ того-же вѣщаго человѣческаго слова. Естественно, что птичій грай явственнѣе всего приближался къ выразительности такого слова и потому птица вообще почиталось вѣщуномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не одинъ голосъ живаго существа, но и всякій звукъ производилъ такое же впечатлѣніе миѳическаго вѣщанія, ибо въ немъ всегда предполагалось дѣяніе и дѣйствіе живаго существа. Ухозвонъ, стѣностукъ, бучаніе огня и т. п. всегда служили поводомъ или основаніемъ для возсозданія вѣщающаго живаго образа.

Вся природа, во всѣхъ ея образахъ и видахъ чувствовала и мыслила какъ самъ человѣкъ, все о томъ, чего желалъ, о чемъ мечталъ и заботился, къ чему стремился, на что уповалъ, чего страшился самъ язычникъ. Все на свѣтѣ откликалось на его призывъ и все отвѣчало на его вопросъ. Всякое его помышленіе и чувствованіе превращались въ живыя существа, облекались въ живое тѣло, олицетворялись живымъ ликомъ. Всякій предметъ, всякая вещь, всякій случай въ повседневныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ жизни необходимо вѣщали человѣку, давали ему свое живое указаніе и предвѣстіе ожидаемаго добра, или ожидаемой вражды и гибели. Отсюда разростался еще новый отдѣлъ языческаго вѣщьства или знанія, отдѣлъ безчисленныхъ примѣтъ, служившихъ или толкованіемъ разнородныхъ миѳовъ, или объясненіемъ живой связи человѣка съ окружающимъ міромъ.

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многоразличіе его божествъ вполнѣ зависѣло отъ многоразличія явленій самой жизни. А онъ, исполненный чувства жизни, встрѣчалъ ея обликъ повсюду, даже и въ камняхъ, и творилъ живымъ существомъ каждое свое помышленіе и гаданіе о дѣйствіяхъ и соотношеніяхъ той же жизни. Самъ живой, какъ говорится въ присловьѣ, онъ живое и думалъ, и не было предмета въ окружающемъ мірѣ, который бы не свѣтился ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрывались источники языческаго удивленія, изумленія и поклоненія матери-природѣ, источники такъ называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго пониманія и испытанія всѣхъ вещей, а слѣдовательно и коренное различіе языческаго міросозерцанія отъ истиннаго богопознанія и отъ воззрѣній науки. Тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія. Тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, поэзію, онъ видѣлъ самое божество.

Его небо, его солнце съ своей недосягаемой высоты, глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви

и заботились обо всемъ, чего только желалъ этотъ робкій, но очень внимательный ихъ сынъ. Ихъ случайный гнѣвъ, былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтищу были безпредѣльны. Свѣтлыя звѣзды наблюдали самый часъ рожденія этого дѣтища и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемый разговоръ, или призывая на свои поля и въ свою храмину ея благодать и всякое добро, или отгоняя отъ себя ея вражду и ненависть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые образы поэтическаго религіознаго чувства, язычникъ въ своей миѳологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдающій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его миѳы, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны и той природы, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественнаго, и политическаго во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ. Оно есть зеркало языческой души, воздѣланной самою природою той страны, гдѣ эта душа живетъ и дѣйствуетъ. Чего не существуетъ въ странѣ и въ быту язычника, того не существуетъ и на его Олимпѣ, въ святилищѣ его боговъ, въ кругу его миѳическихъ созерцаній. Его Олимпъ всегда бѣденъ или богатъ своимъ поэтическимъ содержаніемъ, смотря по тому, какъ поэтически бѣдна или поэтически богата та страна, гдѣ создается такой Олимпъ.

На Европейской почвѣ особенное поэтическое богатство миѳологіи выразилось въ двухъ мѣстахъ: на Греческомъ югѣ и на Скандинавскомъ сѣверѣ; и тамъ, и здѣсь на средиземныхъ моряхъ. Выразилось оно въ равной мѣрѣ сильно по той несомнѣнной причинѣ, что и тамъ, и здѣсь чело-

вѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинакія условія мѣстности и жизни. Полу-островная и много-островная приморская страна, очень богатая просторомъ мореходства и передвиженія во всѣ окружающія мѣста, и тамъ, и здѣсь уносила человѣка и самымъ дѣломъ и еще больше воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Отсюда, конечно, самъ собою нарождался и поэтическій просторъ для міросозерцанія и для могущества народной фантазіи. Однако природа той и другой страны наложила неизгладимую печать на миѳическое творчество человѣка и рѣзко обозначила предѣлы и характеръ суроваго и мрачнаго сѣвера Скандинавіи и свѣтлаго и любовнаго юга Греціи. Принесенные изъ далекой прародины первичные миѳы этихъ Европейцевъ и на сѣверѣ и на югѣ были воздѣланы въ томъ особомъ характерѣ, какой давала сама природа каждой страны.

Точно такъ и пришедшіе въ наши мѣста Славяне, живя въ этой равнинѣ, подъ этимъ небомъ, должны были воздѣлать свое принесенное первородное міросозерцаніе въ томъ особомъ характерѣ, какимъ отличалась сама здѣшняя природа.

Русская природа не изумляла человѣка своими дивами. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманіе она не представляла ни для мысли, ни для чувства. Прежде всего въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду однообразное раздолье на югъ дикаго чистаго поля, на сѣверъ дикаго и дремучаго лѣса и болота. И тамъ и здѣсь пытливая мысль нигдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то развѣ одна безмѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, убѣгая въ этотъ широкій, однообразный, неподвижный просторъ совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолствуютъ, какъ сама пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо растилается какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ той красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятъ его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль міроваго пространства.

Для поэтическаго созерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ недоставало того, что художники называютъ въ картинѣ переднимъ планомъ, то-есть недоставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе миѳическаго творчества. Море вообще есть великая сила, которая воспитываетъ и самого человѣка во всѣхъ его бытовыхъ отношеніяхъ такою же великою силою, возбуждая, изощряя въ немъ и умъ и чувство до возможныхъ предѣловъ высокаго помысла и великаго подвига. Свободно открывая пути въ невѣдомыя далекія и потому всегда чудесныя страны, оно тѣмъ самымъ открываетъ и воображенію широкое поприще создавать уже собственныя свои страны и населять ихъ своими особыми обитателями. Точно такъ и горы уже по той одной причинѣ, что это высоты, всегда сосредоточиваютъ на себѣ особое вниманіе язычника, какъ жилище его боговъ, этихъ высокихъ и великихъ существъ его фантазіи. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые боги должны были отличаться тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны. Вѣдь ландшафтъ страны всегда имѣетъ глубокое, неотразимое вліяніе и на мысль и на поэтическое чувство народа и всегда воздѣлываетъ и мысль и чувство въ томъ характерѣ, въ томъ направленіи и въ той перспективѣ, какими самъ отличается.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которыя охватываютъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвизанія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы изчезаютъ тутъ же посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть во-первыхъ наши рѣки, отчасти озера, малыя или великія—это все равно—ихъ высокіе крутые берега суть наши величественныя горы, выше которыхъ мы не видимъ ничего. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, сту-

деный колодезь, родникъ, орошающій наше поле; глубокій поросшій лѣсомъ оврагъ или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ либо спокойно лежащая посреди чистаго поля,—вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и въ даль, къ тѣмъ чрезвычайнымъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отчего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера; солнце наше не горитъ египетскимъ или индѣйскимъ огнемъ и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Сиріуса. Ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами.

Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка—была гроза, громовая туча, сверкающая молніями.

Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ было первою причиною, которая заставила почувствовать небесное божество существомъ вполнѣ живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозный всемогущій образъ. Повсюду человѣкъ его понялъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы и потому явленіе грозы тамъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ казалось господиномъ неба и земли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и миѳъ и имя Перуна Славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдѣлившись отъ своихъ азіатскихъ родичей вѣроятно еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ, или господствующимъ выразителемъ небеснаго божества[143].

Оттуда они принесли и имя Сварога, который означалъ небо, свѣтъ небесный; означалъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ,—потому что небесный сводъ, какъ пространство, невозможно было по-

знать и понять иначе, какъ отвлеченною мыслью; невозможно было представить его въ опредѣленныхъ и законченныхъ чертахъ какого либо живаго образа. Это былъ богъ—Небо, богъ—Свѣтъ, какъ обнаруживается и по корнямъ Сварогова имени. Это былъ прабогъ, великій (старѣйшій) богъ, небесное естество, Богъ въ собственномъ смыслѣ. Можно полагать, что другіе боги неба, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особые образы того же Сварога—неба, были только особыми выразителями различныхъ явленій и качествъ этого общаго верховнаго божества, были только Сварожичами, дѣтьми Сварога, почему въ представленіяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцемъ. Вотъ почему и византіецъ Прокопій еще въ половинѣ 6-го вѣка могъ весьма справедливо замѣтить, что Славяне поклонялись единому Богу, единому владыкѣ вселенной, творцу молніи [149]. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ воззрѣніи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и доселѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Поэтому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, небесная высота, и небесное естество, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе, какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога. Это, какъ говоритъ гимнъ или молитва на случай грома, „высокій богови, великій, страшный, ходящій въ грому, обладающій молніями, возводящій облаки и вѣтры отъ своихъ сокровищъ, отъ послѣднихъ краевъ земли, призывающій воду морскую, отверзающій хляби небесныя, сотворяющій молнію въ дождь, повелѣвающій облакамъ одождити дождь на лице всей земли, да изведетъ намъ хлѣбъ въ снѣдь и траву скотамъ“ [150].

Очевидно, что въ миѳѣ Перуна язычникъ поэтически олицетворилъ жизнь неба, т. е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представленія о жизни земли, какъ эта жизнь проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожде-

нія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производитъ на землѣ дѣйствительныя чудеса и если въ единичныхъ случаяхъ грозитъ и поражаетъ, за то въ общемъ своемъ дѣяніи разноситъ и разливаетъ по всей землѣ явную благодать плодорожденія и всякаго земнаго обилія.

Только въ этомъ живомъ образѣ небеснаго божества язычникъ явственно могъ подмѣтить благое плодородящее снисхожденіе неба на землю и потому обоготворилъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совсѣмъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно проходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо—звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна; это какъ бы зависимое, подчиненное ему свѣтило, которое очевидно сынъ Сварога, Дажь-Богъ, какъ именуетъ его лѣтопись и поэтическое слово объ Игорѣ. Дажь происходитъ отъ санскритскаго dag, горѣть, жечь и родственно съ готскимъ dags, Tag—день, и съ Славянскимъ (Хорутанскимъ) Дъжница—ранняя заря, слѣд. это Богъ—Свѣтъ—День [151].

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Кирос, Коросъ, Куросъ; еврейское Корешъ, Хорешъ, Хересъ;—новоперсидское Хоръ или Хуръ [152], —имя вообще указывающее на тѣсныя связи и сношенія восточныхъ Славянъ съ древнеперсидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Въ книжныхъ сказаніяхъ толкуется, что громъ происходитъ отъ двухъ ангеловъ громныхъ, молніеносныхъ, изъ которыхъ одинъ еллинскій старецъ Перунъ, другой Хорсъ—жидовинъ [153]. Это подаетъ намекъ на самое мѣсто, гдѣ существовало поклоненіе Хорсу, именно у Хозаръ, перешедшихъ потомъ въ Моѵсеевъ законъ и оттого извѣстныхъ больше подъ именемъ жидовъ Хозарскихъ.

Но въ славянскомъ миѳическомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имени и по корнямъ и по смыслу. Это Кърть—огонь, свѣтъ, солнце; а также слово Крѣсъ,

означающее пламя, огонь. Въ одномъ письменномъ памятникѣ солнечнымъ крѣсомъ прямо названъ возвратъ солнца на лѣто, а крѣсинами—прибывающіе дни. Точно также Крѣсомъ у Славянъ называется и другой поворотъ солнца на зиму, Ивановъ день—Купалье, а равно и купальскій огонь, возжигаемый въ это время [154]. Съ миѳическимъ именемъ Хорса связаны слова хороводъ или короводъ и даже прилагательное хорошій.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичь—Огонь, въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое миѳическое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно [155]. Къ тому же, какъ мы говорили, именемъ Сварожича, повидимому, обозначались всѣ боги, какъ дѣти Прабога—Сварога, то есть, всѣ виды или всѣ существа этого главнаго божества.

Поклоненіе огню обозначаютъ и два имени боговъ, совсѣмъ чуждыхъ Славянству, но не чуждыхъ Руси по ея давнимъ и близкимъ связямъ съ обитателями Киммерійскаго Воспора и южнаго Черноморья. Это имена Сима и Регла, извѣстныя и по древней греческой надписи Понтійской царицы Комосаріи (2-го или 3-го вѣка до Р. Х.), открытой въ мѣстахъ нашей древней Тмуторокани, на Таманскомъ полуостровѣ. Въ нашей лѣтописи они чаще всего пишутся слитно: Симарьгла, Сѣмарьгла. Такъ они написаны и въ греческой надписи: Sanerges. Ученый Бекъ доказалъ, что здѣсь слито два имени. Нашъ Прейсъ подтвердилъ это, указавши на библейскія имена Ергель и Асимаѳъ, принадлежавшія богамъ двухъ Ассирійскихъ народовъ, переселенныхъ въ Палестину въ концѣ 7-го вѣка предъ Р. Х. [156].

Присутствіе этихъ боговъ на Русскомъ Олимпѣ очень примѣчательно въ томъ отношеніи, что они, какъ боги ассирійскіе, усвоены Русью въ очень древнее время, конечно, посредствомъ долгихъ и постоянныхъ сношеній съ народами, у которыхъ эти божества были своеземными. Упомянутая греческая надпись съ полною достовѣрностію раскрываетъ, что ближайшею къ Руси страною, гдѣ поклонялись этимъ богамъ, былъ Киммерійскій Воспоръ и именно Таманскій полуостровъ, въ послѣдствіи наше Тмутороканское княжество, знакомое Руси, конечно, не со времени призванія Варяжскихъ князей.

Любознательный читатель можетъ также спросить, почему въ сонмъ Русскихъ вѣрованій проникали даже божества ассирійскаго поклоненія, но нѣтъ и помину о божествахъ Скандинавскихъ, нѣтъ и признаковъ, что имена скандинавскихъ боговъ были когда либо извѣстны нашимъ Руссамъ,—Норманнамъ, какъ увѣряютъ? Отвѣтъ ясенъ: Эти Руссы были такіе Норманны, которые вовсе не знали скандинавскихъ боговъ, поклоняясь только своимъ Славянскимъ богамъ и даже древнѣйшимъ божествамъ Тмутороканскимъ, то есть Ассирійскимъ.

Въ сонмѣ Русскихъ миѳовъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ-Дажь-богъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ Греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ подлѣ Перуна Волоса или, какъ у Западныхъ Славянъ, Велеса, скотьяго Бога.

По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ Солнце, то-есть новое имя того же Хорса-Дажь-бога. Подобно Апполону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно также игравшій на гусляхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусляръ, именуется внукомъ Велеса [157]. Какъ скотій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ Русской Земли состоялъ изъ дорогихъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ. Быть можетъ здѣсь скрывается объясненіе тому обстоятельству, почему Руссы, при совершеніи договоровъ съ Греками, клялись Перуномъ и Волосомъ. Какъ извѣстно, ихъ посольство всегда состояло на половину изъ купцовъ, вѣроятно почитавшихъ Волоса ближайшимъ своимъ покровителемъ, и на половину изъ пословъ, дружинниковъ княжескихъ, которые какъ передовые люди и воины почитали особымъ своимъ покровителемъ Перуна.

Въ ряду этихъ боговъ, въ начальной лѣтописи стоитъ и женское имя неизвѣстнаго божества,—Мокошь. Нѣкоторые книжные памятники, разсуждая о поклоненіи Роду и Роженицамъ, приводятъ имя Мокоши на ряду съ Перуномъ и Хорсомъ и упоминаютъ въ слѣдъ за нею о поклоненіи Виламъ: „И теперь, говорятъ они, по украйнамъ молятся про-

клятому Перуну, и Хорсу, и Макоши, и Виламъ, и то дѣлаютъ тайно. Начавши въ поганствѣ, и до сихъ поръ не могутъ оставить проклятое ставленіе второй трапезы, т. е. послѣобѣденной, нареченной Роду и Рожаницамъ". Не соотвѣтствуетъ ли въ этомъ случаѣ имя Родъ въ значеніи рожденія, рожанія—Мокоши, а имя Рожаницъ—Виламъ?

Духовное поученіе сильно возставало противъ этой беззаконной трапезы Роду и Роженицамъ, по той особенно причинѣ, что этотъ языческій обрядъ, идущій отъ глубокой древности, еще отъ преданій античнаго міра, былъ совершаемъ въ честь и на похвалу Пресв. Богородицы, при чемъ возглашался даже и тропарь Рождеству Богородицы.

Есть извѣстіе, что эту рожаничную трапезу научилъ совершать еретикъ Несторій, мнившій Богородицу человѣкородицею, Рожаницею. Ставили трапезу съ крупичатыми хлѣбами и сырами, наполняли черпала виномъ (или медомъ) благоуханнымъ, пѣли тропарь Рождеству и, подавая другъ другу хлѣбъ и вино, пили и ѣли, думая, что хвалу воздаютъ Богородицѣ (Роженицѣ) въ честь Рождества, то есть Рода или рожденія человѣковъ.

На Руси, по свидѣтельству поучительныхъ словъ въ спискахъ 14-го вѣка, идоломольцы бабы, не токмо худые люди, но и богатыхъ мужей жены, молились и ставили трапезу Виламъ (роженицамъ) и Мокошѣ [158].

Сопоставленіе въ духовныхъ поученіяхъ, направленныхъ противъ идолопоклонства, Мокоши рядомъ съ Гекатою (луною) и рядомъ съ Вилами, и названіе Рода Артемидомъ, а Роженицы (въ единственномъ числѣ) Артемидою, заставляетъ предполагать, что именемъ Мокоши обозначалось въ дѣйствительности поклоненіе Діанѣ—Артемидѣ—Лунѣ, Астартѣ, какъ заключалъ Прейсъ, покровительницѣ женъ—родильницъ, бабкѣ повитухѣ и кормилицѣ, божеству родовъ, судьбы и счастья, какъ понималъ ее античный міръ. Очень примѣчательно, говоритъ Прейсъ, что въ начальной лѣтописи имя Мокоши поставлено тотчасъ послѣ Симарьгла, какъ и на памятникѣ царицы Комосаріи Астарта стоитъ послѣ Санерга. Оба божества стоятъ рядомъ не безъ причины, и эта постановка больше всего указываетъ на тождество нашей Мокоши съ Астартою. Луна отъ глубокой древности почиталась божествомъ женщинъ. Одна связь

луннаго теченія съ періодическими очищеніями женской природы, заставляла уже предполагать божественную миѳическую силу этого свѣтила ночи, такъ какъ и мѣсячныя рожденія луны необходимо связывались съ понятіемъ о рожденіи человѣческомъ, о судьбѣ и счастьи родившихся. Вотъ почему съ поклоненіемъ Лунѣ естественно связывалось и поклоненіе Виламъ, тоже дѣвамъ жизни, судьбы и счастья, иначе звѣздамъ-роженицамъ, Паркамъ, предвѣщавшимъ и предопредѣлявшимъ судьбу и счастье новорожденнаго, которыя были властны при рожденіи дать человѣку или добро или зло. Слово роженицы въ новыхъ переводахъ замѣняется словомъ счастіе. Отсюда самое гаданіе по звѣздамъ—роженицамъ называлось Родо-словіемъ, т. е. гаданіемъ о томъ, что будетъ на роду написано, гаданіемъ о счастіи. Можно предполагать, что часто упоминаемая въ древнихъ письменныхъ памятникахъ трапеза Роду и Роженицамъ составляла принадлежность поклоненія Мокоши и была собственно моленіемъ о счастіи и благополучіи. Въ прямомъ смыслѣ родъ означалъ счастіе, какъ и роженицы означали дѣвъ жизни и судьбы-счастія. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово Родъ, повидимому, имѣло тотъ же смыслъ, какой заключается въ пословицѣ-примѣтѣ: „Пришелъ Ѳедотъ (18 мая) берется земля за свой родъ“,—урожай, произрожденіе. Въ словѣ св. Григорія поклоненіе Роду и Роженицамъ проводится изъ Египта, отъ поклоненія роженію Осирида, откуда это поклоненіе Халдѣи возстановили у себя въ лицѣ своихъ боговъ Рода и Роженицы. Отъ Халдѣевъ взяли Эллины—Греки, покланяясь Атремиду, рекше Роду, и Артемидѣ—Роженицѣ. Такъ и до Словѣнъ дошло, и они стали требы класть Роду и Роженицамъ, а прежде того клали требу упиремъ и берегинямъ (виламъ). Исторія такимъ образомъ сводится къ перенесенію Халдѣйскихъ божествъ къ Славянамъ. И если Мокошь была Астартою, какъ находилъ Прейсъ, то и почитаніе Рода и Роженицы, по всему вѣроятію, составляло ея же миѳическій обликъ [159]. Повидимому, въ имени Родъ, (Артемидъ), какъ и въ имени Роженица (Артемида) разумѣли вообще силу родящую, силу произрожденія, которая полнѣе олицетворялась въ Египетской Изидѣ, матери—природѣ, матери—кормилицѣ всего живущаго, называемой также Мотой, матерью. У насъ въ областномъ языкѣ суще-

ствуетъ слово матика, матуша, матушь, что значитъ мать, бабушка, старшая въ семьѣ, зрѣлая дѣва, а также самка-свинья, слѣдовательно вообще матка. Словарь Памвы Берынды прямо толкуетъ Роженицу: матица, породѣля, пороженица, т. е. рожающая, порождающая. Все это приводитъ къ предположенію, не значитъ ли имя Мокошь тоже, что областное Матушь?

Въ народной памяти сохраняются еще понятія о Мокушѣ, какъ о пряхѣ. Она прядетъ по ночамъ или стукаетъ веретеномъ. Это Роженица—Артемида—Діана, которая и у Грековъ являлась доброй пряхой, въ смыслѣ Парки, державшей въ своихъ рукахъ нити жизни человѣческой [160]. Это богиня судьбы и вмѣстѣ родовъ, покровительница женъ и родильницъ, бабка и кормилица.

Въ христіанское время, какъ упомянуто, обрядъ поклоненія Мокоши, заключавшійся въ безкровной трапезѣ изъ хлѣба, сыра и вина, былъ пріуроченъ къ Рождеству Богородицы, причемъ чреву-работающіе попы уставили на этой рожаничной трапезѣ пѣть даже тропарь Рождества Богородицы.

Припомнимъ, что до поздняго времени за царскими столами, равно какъ и за столами царицъ, совершался освященный церковью монастырскій обрядъ панагіи, что значитъ „пресвятая", на которомъ освящали и вкушали хлѣбецъ Богородицынъ и пили Богородицыну чашу [161]. Кромѣ того извѣстно, что на женской половинѣ великокняжескаго и потомъ царскаго дворца въ Москвѣ существовалъ соборъ Рождества Богородицы.

Подобно тому, какъ языческое поклоненіе Перуну, Хорсу—солнцу, Волосу, очищаясь отъ миѳическихъ воззрѣній, сосредоточилось на праздновании Свв. Ильѣ Пророку, Іоанну Предтечи, Георгію Побѣдоносцу, Власію и т. п., такъ и поклоненіе Мокошѣ—Лунѣ было пріурочено къ празднованію Рождества Богородицы, отчего и начальная недѣля сентября до 8 числа получила названіе бабьяго лѣта.

Слово Родъ значило также духъ, призракъ, привидѣніе [162]. Въ этомъ смыслѣ оно сближается съ словомъ упырь, вампиръ, оборотень, ибо по сказанію упомянутаго поученія Св. Григорія, Славяне прежде (при Перунѣ?) поклонялись и клали требы (жертвы) упырямъ и берегинямъ, т. е. де-

монамъ, геніямъ въ греческомъ смыслѣ, или вообще невидимымъ духамъ, а потомъ уже стали класть требы Роду и Роженицамъ, стало быть Родъ соотвѣтствовалъ упырю, а Роженицы—берегинямъ, виламъ, иначе русалкамъ.

Въ Лѣтописи, въ Словѣ о Полку Игоревомъ и въ Словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства упоминается еще божество Стри-богъ, существо котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками, слѣдовательно и самъ дѣдушка былъ Вѣтеръ. Конечно въ этомъ миѳѣ соединялось много свойственныхъ ему качествъ, о которыхъ не осталось памяти. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Касторскій догадывался, что имя Стри-богъ было только особымъ прозванiемъ самого Перуна, ибо въ Игоревомъ Словѣ внуки Стри-бога, вѣтры, вѣютъ съ моря стрѣлами, а Перунъ представлялся метателемъ стрѣлъ, которыя такъ и назывались Перуновымъ камнемъ [163].

Само собою разумѣется, что этими именами не изчерпывалось все богатство языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, миѳическое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ ихъ уже трудно объяснить. Возлѣ Перуна, Хорса, Велеса, иногда впереди ихъ, поставляется Троянъ, а также Дый и Дивія. Возлѣ Мокошьи стоитъ Дива, по всему вѣроятію, Геката—„еже есть Луна, сію же дѣву творятъ", какъ объясняется въ томъ же свидѣтельствѣ, поставляющемъ и Гекату рядомъ съ Мокошью. Быть можетъ, этотъ Дый и Дива—имена книжныя, употребленныя книжниками для объясненія русскихъ же миѳовъ, носившихъ имена своеземныя. Однако о Троянѣ нѣсколько разъ поминаетъ Слово о Полку Игоря и упоминаетъ въ такомъ смыслѣ, что миѳическое свойство этого имени не подлежитъ сомнѣнію. Въ первой части своего труда, стр. 521, мы высказали свои предположенія объ этомъ миѳѣ [164].

Въ памятникахъ 14 вѣка упоминается вѣрованіе въ Переплута—„иже вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ (въ турьихъ рогахъ)", причемъ это божество ставится въ ряду съ Стри-богомъ и Дажь-богомъ и вообще въ сонмѣ славянскихъ божествъ русскаго поклоненія. Въ 17 вѣкѣ царскими грамотами воспрещалось въ навечеріе Рождества Христова,

Васильева дня (1 января) и Богоявленія Господня „кличкы бѣсовскія кликать, Коледу и Таусень и Плуту (по другимъ спискамъ Плугу) [165]. Если въ этой Плутѣ нѣтъ описки, то она въ своемъ имени быть можетъ сохраняетъ слѣды поклоненія Переплуту.

И въ устахъ народа точно также и доселѣ сохраняются миѳическія имена съ явными признаками особаго поклоненія тому или другому миѳическому существу, обозначенному такимъ именемъ. Но еще больше именъ миѳическаго смысла можно встрѣтить въ именахъ земли и воды, въ именахъ селеній, пустошей, урочищъ, рѣкъ, озеръ, родниковъ, и т. д. Собранный Ходаковскимъ Словарь урочищъ представляетъ только малую долю того, что еще можно собрать въ этой очень обширной области памятниковъ языческаго вѣрованія и поклоненія. Здѣсь открываются не только подтвержденія тому, что говоритъ письменность, относительно именъ общихъ и такъ сказать верховныхъ миѳовъ, но могутъ открыться и указанія на миѳы мѣстные, племенные, какъ бы провинціальные. На каждомъ мѣстѣ создавался образъ, хотя на общей основѣ, но съ мѣстными особенностями, съ предпочтеніемъ тѣхъ или другихъ особенныхъ качествъ и свойствъ божества, почему и получалъ свое областное имя. Отсюда различіе въ именахъ и въ почитаніи даже и верховныхъ или какъ бы основныхъ боговъ. Особое свойство основнаго божества возсоздавало особый миѳъ, особое существо, получавшее свое имя. „Всѣхъ языческихъ боговъ нельзя и перечислить, говоритъ древнее учительное слово,— каждый человѣкъ своего бога имѣлъ!“ [166]

Мысль язычника, какъ мы говорили, обоготворяла повсюду лишь одни явленія жизни, подмѣчаемыя, наблюдаемыя, изучаемыя имъ въ самой природѣ, а еще болѣе въ собственномъ понятіи и созерцаніи о томъ, что весь міръ наполненъ живою жизнью.

Чтобы яснѣе себѣ представить живой обликъ каждаго миѳа, т. е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или въ другой миѳическій образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ въ сущности только единое существо,—онъ обожалъ жизнь во всѣхъ

ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлялъ себѣ въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ, мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если вникнемъ въ смыслъ миѳовъ еще доселѣ живущихъ подъ именами домоваго, водянаго, лѣшаго, полеваго, русалки и т. п. Всѣ они представители или выразители языческихъ и болѣе всего поэтическихъ понятій и представленій о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ въ образѣ Домоваго олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій возлѣ домашняго очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отъ чего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего поднимается во дворѣ невѣдомый трескъ, невѣдомый и неожиданный переполохъ между тою же скотиною или домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ не сохраняй и что ни дѣлай. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Какъ естественно простому уму возвести всѣ эти примѣты и признаки въ одинъ живой образъ невѣдомаго духа, который постоянно живетъ у него за плечами и точно также, какъ самъ человѣкъ, порою бываетъ добръ и милостивъ, порою сердитъ, золъ и мстителенъ! Съ другой стороны въ образѣ домоваго олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и всяческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Извѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляютъ какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согрѣвающая во время холода, изготовляющая всякую снѣдь, способная претворять всякое вещество на пользу или на удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Отсюда ясно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу, язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ изъ старой печи въ новую съ привѣтомъ: „Милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!"

Обыкновенно домовой живетъ за печкою или подъ печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Его вообще покармливаютъ, какъ человѣка, хлѣбомъ, кашею, яичницею, пирогами, лепешками; оставляютъ ему на ночь накрытый ужинъ. Но самая важнѣйшая для него жертва, это пѣтухъ. Чѣмъ либо раздраженнаго, эта жертва вполнѣ его умилостивляетъ. Тогда, въ полночь, колдунъ рѣжетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ и голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ приличными заклятіями. Какъ житель печки, домовой не боится мороза. Въ какой хороминѣ ставилась печка, очагъ, тамъ непремѣнно и жилъ домовой. Поэтому его жильемъ была также баня, овинъ. Но надо замѣтить, что въ глубокой древности жилая изба исправляла должность и бани и овина; въ печи парились, а на печи сушили зерно, какъ дѣлаютъ и до сихъ поръ.

Домовой очень добрый и самый заботливый хозяинъ во дворѣ. Вновь купленая скотина, лошадь, корова, отдавалась ему на руки съ привѣтомъ: „полюби, пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай и дѣтей унимай!“ Веревку, на которой приводили животное на дворъ, вѣшали у печки.

Домовой любитъ только свой домъ, свой дворъ, такъ что иной разъ таскаетъ даже изъ чужихъ сѣноваловъ и закормовъ кормъ для своей животины. Въ сущности это идеалъ хорошаго хозяина. Онъ „словно вылитъ въ хозяина дома“—такъ на него похожъ. Онъ носитъ даже и хозяйскую одежду, но всякій разъ успѣваетъ положить ее на мѣсто, какъ скоро она понадобится. „Онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и на готовѣ,—здѣсь подсобитъ, тамъ поправитъ промахъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопаетъ за разными подѣлками, ему пріятенъ приплодъ домашней птицы и скотины.... Если жилье придется ему по душѣ, то онъ служитъ домочадцамъ и ихъ старѣйшинѣ, точно какъ въ кабалу пошелъ: смотритъ за всѣмъ домомъ и дворомъ пуще хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ пуще заботливаго мужика; охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней; смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ,

конюшнею, хлѣвами, анбарами. Когда водяному приносятъ гуся въ жертву, то гусиную голову приносятъ домой и вѣшаютъ на дворѣ для того, чтобы домовой не узналъ въ гусяхъ убыли и не разсердился." По всѣмъ этимъ качествамъ домовой иначе называется доможилъ, хозяинъ, жировикъ, что уже прямо означаетъ привольную жизнь. Его также называютъ сусѣдко, батанушка, отъ батя—отецъ, дѣдушка.

Очевидно, весь этотъ образъ домашняго духа есть въ сущности олицетвореніе домашняго счастія, домашней благодати. Онъ хранитель дома. По этой мысли и осязательный образъ домоваго представляется обросшимъ густою мохнатою шерстью и мягкимъ пушкомъ. Даже ступни и ладони у него тоже покрыты волосами. По ночамъ, сонныхъ обитателей дома онъ гладитъ ладонью, если тепла и мягка къ счастью и богатству; холодна и щетиниста—не къ добру. По ночамъ онъ душитъ显 соннаго, но ради шутки. Такъ точно и во дворѣ, по ночамъ, онъ возится, стучитъ, проказитъ—все только тѣшится, безъ злобы. Домовой лихъ только до чужихъ дворовъ и большое зло дѣлаютъ только чужіе домовые. Отъ лихаго домоваго при переходѣ въ новый дворъ вѣшаютъ въ конюшнѣ медвѣжій черепъ.

Если домовой былъ олицетвореніемъ домашней заботы и работы, домашняго счастья, богатства, всякой благодати, то, по естественному родству понятій, въ немъ же почитался и духъ умершихъ родителей—предковъ, ибо кто же больше можетъ желать счастья жильцамъ дома, какъ не умершіе родители или самые близкіе родные. Отъ этого домовой называется дѣдушка, не только какъ владѣющій духъ, но какъ родной, настоящій дѣдъ—предокъ. Быть можетъ на этомъ основаніи домовой принималъ иногда человѣческій образъ и казался иногда мальчикомъ, иногда старикомъ. По тѣмъ же мыслямъ вѣрятъ, что домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье, въ хлѣву, и что на Ивана Лѣствичника, 30 марта, т. е. съ пробужденіемъ весны, онъ бѣсится. Но увидать домоваго нечаянно, значитъ къ бѣдѣ, къ смерти.

Такимъ образомъ въ понятіяхъ о домовомъ сосредоточивались представленія о жизни дома и двора съ его прошедшимъ и будущимъ, съ его счастіемъ и невзгодами, и всѣми

заботами и работами его хозяйства, со всѣми пожеланіями и стремленіями живущей въ немъ среды. Это была сама жизнь людей въ границахъ дома и двора.

Тѣмъ же самымъ путемъ создавался и образъ Лѣшаго.

Лѣшій въ существѣ своихъ качествъ олицетворялъ жизнь лѣса, совокупность явленій, предъ которыми человѣкъ терялся и не могъ ихъ постигнуть. Лѣшій осенью пропадалъ и появлялся весною, стало быть это не былъ лѣсъ только стоячій, деревянный,—это былъ лѣсъ живой, одѣтый живою зеленью лѣта, пѣвшій весеннею птицею, рыскавшій всякимъ звѣремъ, свиставшій зловѣщимъ свистомъ незнаемаго существа—дива. Лѣшій былъ такъ высокъ, какъ самое высокое дерево и такъ малъ, какъ самая малая травка. Какой чудный поэтическій образъ, до точности объясняющій, что разумѣлъ язычникъ въ имени лѣшаго! Это самъ лѣсъ, не въ смыслѣ количества деревьевъ, а въ живой полнотѣ того понятія о лѣсномъ царствѣ, какое неизмѣнно воплощалось въ представленіяхъ язычника цѣльнымъ единымъ существомъ. Волоса у него на головѣ и бородѣ длинные, косматые, зеленые. Онъ остроголовый, мохнатый. Онъ любитъ вѣшаться, качаться на вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ, или на качеляхъ. Онъ свищетъ, хохочетъ, такъ что на 40 верстъ кругомъ слышно; хлопаетъ въ ладоши, ржетъ какъ лошадь, мычитъ какъ корова, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкою, плачетъ ребенкомъ, стонетъ умирающимъ, шумитъ рѣчнымъ потокомъ. Всякій лѣсной звѣрь и всякая лѣсная птица находятся въ его покровительствѣ; особенно жалуетъ онъ медвѣдя и зайцевъ. По временамъ онъ перегоняетъ звѣрей съ мѣста на мѣсто. Лѣшій иногда заводитъ путника въ непроходимыя трущобы и болота, и потѣшается надъ нимъ, перепутывая его дорожныя примѣты: станетъ передъ нимъ тѣмъ самымъ деревомъ, тѣмъ пнемъ, тою тропою, куда слѣдовало по примѣтѣ идти, и непремѣнно собьетъ съ дороги, заливаясь самъ громкимъ хохотомъ. Иногда обращается въ волка, въ филина. Иногда въ образѣ старика, такого же путника, въ звѣриной шкурѣ, или въ образѣ мужика съ котомкою, самъ выходитъ на встрѣчу, заводитъ разговоръ, проситъ пирога, проситъ подвезти въ деревню, садится, ѣдетъ, глядь, а его ужь нѣтъ, а путникъ съ возомъ уже въ болотѣ, въ оврагѣ, или на крутомъ обрывѣ. Обошедши по-

добнымъ образомъ путника, онъ принимается его щекотать и можетъ защекотать на смерть. Онъ уноситъ ребятъ, которые приходятъ домой иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Лѣшій большой охотникъ до женскаго пола. Все это рисуетъ извѣстныя обстоятельства, когда мальчики и дѣвушки или женщины, ходя въ лѣсъ за ягодами и грибами, теряютъ дорогу и заблудившись пропадаютъ на нѣсколько дней, а иногда и совсѣмъ. Чтобы избавиться отъ такого несчастья, обыкновенно передѣваютъ все платье на изнанку.

Однако это духъ добрый и благодарный, если его задобрить жертвою. Пастухъ, начиная пасти стадо, долженъ пожертвовать ему корову,—тогда онъ самъ съ охотою пасетъ стадо. Охотники всегда приносятъ ему на поклонъ краюху хлѣба съ солью, блинъ, пирогъ, и кладутъ эту жертву на пень. Другіе жертвуютъ первый уловъ птицы или звѣря и т. д. На Ерофея, 4 октября, лѣшій пропадаетъ. Въ то время онъ бѣсится, ломаетъ деревья, гоняетъ звѣрей и проваливается. Жизнь лѣса умираетъ на всю осень и на зиму.

Точно также и въ образѣ Водянаго олицетворилась жизнь воды, жизнь рѣки, озера, болота, то-есть та совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ, но живыхъ явленій этой стихіи, въ ея мѣстныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ человѣкъ не могъ подмѣтить истинной причины, и одухотворяя своимъ чувствомъ весь міръ, находилъ и здѣсь такую же живую волю и силу, какими обладалъ самъ.

Водяной живетъ въ омутахъ, въ вырахъ, водовертяхъ и особенно у мельницы, у этой мудреной постройки, которая и человѣка мельника непремѣнно дѣлала колдуномъ и другомъ Водянаго.

Водяной нагой старикъ съ большимъ и одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ—образъ утопленика. Волоса на головѣ и бородѣ длинные зеленые. Онъ является иногда весь въ тинѣ, въ высокой шапкѣ изъ водорослей, подпоясанъ поясомъ тоже изъ травы. Всякая водяная трава—это его одежда, его кожа. Но онъ является иногда и въ образѣ обыкновеннаго смертнаго мужика. Тогда его легко узнать; полы его платья всегда мокры; съ лѣвой полы всегда каплетъ вода; гдѣ сядетъ,—то мѣсто всегда оказывается мокрымъ. Въ омутахъ онъ живетъ богато, у него есть каменныя па-

латы, стада лошадей, коровъ, овецъ, свиней, (утопленики). Женится онъ на русалкѣ, (утопленицѣ). У него много дѣтей (утоплениковъ). Онъ можетъ загонять въ рыболовныя сѣти множество рыбы. Ѣздитъ онъ на сомѣ и очень его жалуетъ. Днемъ водяной сидитъ въ глубинѣ омута. Съ закатомъ солнца начинается его жизнь; тогда и купаться очень опасно; и даже дома опасно ночью пить воду—можно схватить болѣзнь водянку. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью. Вдругъ гдѣ завертится и заклубится и запѣнится вода—это Водяной. Онъ бодрствуетъ только лѣтомъ, а зимою спитъ. Онъ просыпается отъ зимней спячки на Никитинъ день, 3 апрѣля. Ломится и претъ по руслу весенній ледъ, бурлитъ и волнуется рѣка—значитъ просыпается дѣдушка Водяной, рѣка оживаетъ. Тогда приносятъ ему въ жертву лошадь и онъ успокоивается. Рыбаки возливаютъ ему масло, мясники приносятъ черную откормленную свинью. На прощанье, когда жизнь рѣки приходила къ концу, Водяному приносили въ жертву гуся, поэтому и до сихъ поръ съ Никитина осенняго дня, сентября 15, настаетъ лучшее время для употребленія въ пищу гусей [167].

Очерченные здѣсь народною фантазіею типы несуществующихъ существъ, по всѣмъ ихъ признакамъ, суть поэтическія возсозданія въ одно живое цѣлое тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, наблюденій и примѣтъ, какія на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной средѣ, сами собою возникали въ чувствѣ и въ мысли язычника, жившаго съ природою душа въ душу и воплощавшаго ея явленія по образу собственнаго существа. Нѣтъ сомнѣнія, что и верховныя существа Перуна, Хорса, Дажь-бога, Волоса, Стрибога и т. д. въ свое время въ понятіяхъ язычника рисовались такими же живыми чертами въ обликѣ тѣхъ естественныхъ явленій, которыя составляли особый кругъ живыхъ дѣлъ каждаго божества, почему такой кругъ и пріобрѣталъ особое миѳическое имя, то есть имя самаго божества. Если солнце именовалось Дажь-богомъ, Хорсомъ, Волосомъ, то здѣсь каждое имя должно было изображать особую область земныхъ дѣлъ этого свѣтила, особую среду его вліянія на Божій міръ, особое качество его дѣйствій. По этой причинѣ и самое имя божества на первое время является въ формѣ прилагательнаго, каковы домовой, лѣшій, дажь отъ даг — по санскр.

горѣть—день, свѣтъ, или у балтійскихъ Славянъ свѣтовитый—Свѣтовитъ, яровитый—Яровитъ, какъ очень правильно объяснялъ эти имена Касторскій. Особыя свойства явленій жизни, къ которымъ язычникъ причислялъ всѣ и всяческія явленія природы, необходимо обозначались и свойственнымъ именемъ. Сама природа учила язычника поклоненію. Она сама повсюду открывала ему неизчерпаемый источникъ поэтическихъ созерцаній и вѣрованій и потому она сама же, единая и многообразная во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и отражалась въ религіи язычника.

Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы говорили, онъ боготворилъ существенное одно—онъ боготворилъ жизнь во всѣхъ ея образахъ и видахъ, даже и тамъ, гдѣ жизнью являлась только одна его мечта. Яснѣе всего раскрывалось это боготвореніе жизни, поклоненіе ея силамъ и существамъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ, въ этомъ чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и свѣта. Этотъ чередъ возрожденія и угасанія жизни быть можетъ и служилъ прямымъ и непосредственнымъ источникомъ для воспитанія и развитія языческихъ созерцаній о жизни, какъ единомъ существѣ всего міра [168].

Какъ извѣстно языческое рождество жизни, ея годовое зарожденіе совпадало съ христіанскимъ празднествомъ Рождества Христова. Передъ этимъ временемъ совершается поворотъ солнца на лѣто, то-есть постепенное коротаніе дней прекращается и они начинаютъ прибывать. Язычникъ хорошо запримѣтилъ это время и назвалъ его Корочюномъ, именемъ, которое можно толковать и въ смыслѣ коротая, самаго короткаго дня, какой бываетъ около 12 декабря, и въ смыслѣ Кърта, означавшаго того же Хорса, божество Солнца. Съ этого дня огонь, свѣтъ солнца какъ бы зарождался вновь, а съ нимъ вновь зарождалась и жизнь природы.

Восточная Славянская вѣтвь, Сербы, Черногорцы, Болгары зажигаютъ въ это время на своихъ очагахъ баднякъ, свѣжее дубовое полѣно, которое должно было неугасимо горѣть въ продолженіи всѣхъ Святокъ до самаго Крещенья. Въ иныхъ мѣстахъ, погасивши повсюду старый огонь, добывали новый,

божій или святой, вытирая его самовозгораніе изъ сухаго дерева, что дѣлается и на Руси только уже наканунѣ Симеона Лѣтопроводца, 1 сентября, когда въ старину бывалъ новый годъ. По всему вѣроятію зимній обрядъ перенесенъ на этотъ день уже въ послѣдствіи.

Возжиганіе дубоваго бадняка сопровождалось обрядами, въ которыхъ нельзя не примѣтить языческаго поклоненія. Въ Черногоріи по закатѣ солнца баднякъ, обвитый лавровыми вѣтками, вносятъ въ избу, посыпаютъ пшеницею съ привѣтомъ: „Я тебя (осыпаю) пшеницею, а ты меня (осыпай) нарожденіемъ потомства, скотины, хлѣба и всякимъ счастьемъ!“ Послѣ того старѣйшина съ домочадцами кладетъ баднякъ на очагъ и зажигаетъ его съ обоихъ концовъ и когда полѣно разгорится, льетъ на него вино и масло, бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени затепливаетъ восковыя свѣчи и лампаду передъ иконами, творитъ молитву о благоденствіи семьи и всѣхъ православныхъ христіанъ, затѣмъ беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему, который передаетъ ее слѣдующему родичу, и такъ далѣе, пока круговая чаша по старшинству не обойдетъ всѣхъ домашнихъ, мужчинъ и женщинъ, причемъ каждый, взявши чашу, прежде чѣмъ отпить изъ нея, плещетъ виномъ на баднякъ съ привѣтомъ: будь здравъ бадняче-веселяче и пр. Послѣ того начинается вечерняя трапеза, причемъ столъ бываетъ постланъ соломою, а посреди стола кладутся стопкою, одинъ на другомъ три хлѣба; верхній изъ нихъ украшается лавровою вѣткою и яблокомъ или другимъ плодомъ. Предъ каждымъ мущиною кромѣ того кладется испеченное изъ хлѣба изображеніе лука со стрѣлою. Полѣно, какъ сказано, горитъ всѣ Святки; во все это время остается и накрытый столъ съ ѣствами на угощеніе приходящихъ друзей, знакомыхъ и странниковъ. Каждый гость, приходя въ избу, подвигаетъ головню въ задъ печи, выбивая искры, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: сколько выпадаетъ искръ, столько да будетъ у хозяина дѣтей, коровъ, лошадей, овецъ, ульевъ пчелъ, денегъ и т. д., потомъ разгребаетъ золу и бросаетъ туда деньги.

Основная мысль и существо обряда одинаковы и въ Сербіи и въ Болгаріи; различіе замѣчается только въ олицетво-

реніяхъ существенной мысли. Въ Сербіи полѣно не только посыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ, но и обмазываютъ по концамъ медомъ. Въ Сербіи и Болгаріи на разведенномъ огнѣ пекутъ прѣсный хлѣбъ, запекая внутри его золотую или серебряную монету — боговицу, какъ говорятъ Болгары. Къ этому хлѣбу, который у Сербовъ назывался чесницею, для трапезы необходимъ былъ еще и медъ, и вообще трапеза исполнялась различными сластями изъ сушеныхъ плодовъ, орѣховъ и т. п. Баднякъ, сгарая, пріобрѣталъ цѣлительную и плодородящую силу; уголья и зола становились лѣкарствомъ для домашняго скота; головней окуривали улья, для плодородія пчелъ; золу разсыпали по нивамъ и садамъ, все съ тою же мыслью о хорошемъ урожаѣ.

Въ Болгаріи люди, заботливо сохраняющіе завѣты старины, на Рождественскую ночь не спятъ, наблюдая, чтобы не погасъ священный огонь.

Очень ясно, что во всѣхъ этихъ обрядахъ воспроизводилось поклоненіе небесному огню, зарождавшемуся солнцу. По всему вѣроятію сюда и относится выраженіе обличительныхъ поученій: „Огневи моляться, зовутъ его Сварожичемъ". По всему вѣроятію этотъ дубовый баднякъ и представлялъ горящій образъ Сварожича. Сербы день Рождества называютъ Божичемъ. На Руси, подъ вліяніемъ церковныхъ запрещеній, обрядъ истребился, но память о немъ все-таки сохраняется въ зажиганіи костровъ на Рождество, на Новый годъ и на Крещенье, а также въ ночь на Спиридона-Поворота, 12 декабря. Зажигалась также на Васильевъ вечеръ и первая лучина, какъ можно судить по тому обстоятельству, что для добыванія чудодѣйственнаго цвѣта Черной Папарати требовался угарокъ этой лучины, обожженный съ обоихъ концовъ. Наконецъ подблюдныя пѣсни на хороненіе золота, когда въ чашу кладутъ вмѣстѣ съ углемъ, хлѣбомъ и солью золотой перстень, находятся въ большой родственной связи съ Сербскимъ и Болгарскимъ хлѣбомъ, въ который запекали золотую или серебряную монету. Такъ этотъ миѳъ Сварожича разсыпался по землѣ искрами—обломками и остатками древняго поклоненія, несомнѣнно идущаго еще отъ Скиѳскаго горящаго золота, упавшаго съ неба, которому Скиѳы точно также въ извѣстное время празд-

новали и заботливо его охраняли и сторожили, чтобы оно не изчезло, см. ч. I, стр. 239.

Поклоненіе Солнцу, небесному огню, Дажь-богу, и поклоненіе Перуну, „сотворяющему (претворяющему) молнію въ дождь", какъ выражается миѳическое моленіе, то-есть производящему изъ огня дождь, выражалось прежде всего поклоненіемъ урожаю, земному плодородію, тому божеству, которое подавало хлѣбъ людямъ и траву скотамъ. Съ этой точки зрѣнія язычникъ смотрѣлъ и на всѣ явленія природы и чутко и заботливо слѣдилъ за перемѣнами годовыхъ временъ, торжествуя каждый моментъ ея возрожденія особыми обрядами и празднествами.

Поворотъ солнца на лѣто у насъ на Украйнѣ праздновался такимъ образомъ. Съ 12 декабря варили пиво и каждый день откладывали по полѣну. Накоплялось 12 дней и 12 полѣнъ къ вечеру на Рождество Христово, когда и затапливалась этими полѣньями печь „на святой вечеръ". Вечеръ начинался съ восхода на небѣ звѣзды, несомнѣнно Сиріуса при созвѣздіи великолѣпнаго Оріона, которое къ тому же представлялось нашему селянину плугомъ.

„Какъ только загорится на небѣ вечерняя звѣзда, селянинъ приноситъ въ хату охабку соломы или сѣна и въ переднемъ углу подъ образами на лавкѣ устроиваетъ мѣсто: раскладываетъ солому и постилаетъ ее чистою скатертью. Затѣмъ съ благоговѣніемъ приноситъ большой необмолоченный снопъ хлѣба, какой случится, ржаной, пшеничный, овсяный, ячменный, и ставитъ его подъ образа на приготовленное мѣсто. Этотъ снопъ называли дѣдомъ, имя, которое прямо указываетъ, что снопъ въ этомъ случаѣ получалъ значеніе божества. У Карпатской Руси онъ называется также Крачуномъ. Возлѣ снопа ставили кутью—кашица изъ вареной пшеницы, разведенной на медовой сытѣ, и взваръ—сваренные сушеные плоды—яблоки, груши, сливы, вишни, изюмъ. Горшки съ этими припасами накрывались пшеничными хлѣбами. Семейный столъ тоже покрывался сѣномъ и по сѣну чистою скатертью. Помолившись богу семья садилась за столъ по старшинству мѣстъ и вечеряла-ужинала. Передъ каждымъ участникомъ трапезы кладутъ головку чесноку, для отогнанія злыхъ духовъ и болѣзней. Кутья и взваръ подавались послѣ всѣхъ другихъ ѣствъ. Часть

кутьи отдѣляли и для куръ, чтобы хорошо неслись. Въ тоже время гадали о будущемъ урожаѣ, выдергивая изъ снопа соломину или со стола былинку сѣна: съ полнымъ колосомъ соломина—урожай, съ пустымъ—неурожай, длинна былинка сѣна—таковъ длиненъ уродится ленъ и т. п. Черезъ недѣлю, уже на новый годъ, этотъ дѣдъ-снопъ обмолачивали, соломою кормили домашнюю скотину, а зерно раздавали мальчикамъ-посыпальщикамъ, которые ходили по дворамъ и войдя въ избу посыпали хлѣбнымъ зерномъ по всѣмъ угламъ, приговаривая: „На счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу!“ Посыпальщика чѣмъ либо дарятъ, а зерна собираютъ и хранятъ до посѣва яровыхъ, когда ихъ смѣшиваютъ съ посѣвными сѣменами. По тѣмъ же зернамъ опять гадаютъ о будущемъ урожаѣ, сколько какихъ зеренъ соберутъ, таковъ будетъ и урожай тѣхъ хлѣбовъ. Кормятъ ими куръ и тоже гадаютъ, какъ клюютъ куры какое зерно.

Вечеръ на новый годъ, называемый щедрымъ, богатымъ, сопровождается еще слѣдующимъ обрядомъ: хозяйка къ этому вечеру напекаетъ много пироговъ и хлѣбовъ, или печетъ одинъ самый большой пирогъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы устроить на столѣ большую кучу этого печенья. Приготовивъ столъ такимъ образомъ, она проситъ мужа „исполнить законъ.“ Хозяинъ, помолившись Богу, садится за столъ въ переднемъ углу подъ образами. Входятъ дѣти и домочадцы и будто не видя отца спрашиваютъ: „Гдѣжъ нашъ батько?“—„Или вы меня не видите?“ спрашиваетъ отецъ.—„Не видимъ, тятя!“ говорятъ домочадцы.—„Дай Боже, чтобъ и на тотъ годъ не видѣли“, оканчиваетъ отецъ, выражая въ этомъ пожеланіе, чтобы и на будущій годъ было такое изобиліе въ пирогахъ и во всякомъ хлѣбѣ. Затѣмъ семья садится за столъ и отецъ одѣляетъ всѣхъ пирогами. Въ Герцоговинѣ у Сербовъ хлѣбъ, за который точно также скрывается хозяинъ и вопрошаетъ, называется чесницею. Точно такой обрядъ въ 12-мъ столѣтіи совершался у балтійскихъ Славянъ, у Рутеновъ или Ругіянъ, на островѣ Ругенѣ, въ Арконѣ, въ храмѣ Свѣтовита, только на праздникѣ послѣ жатвы. Тамъ къ этому времени изготовлялся огромный медовый круглый пирогъ-пряникъ вышиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ прятался за этотъ пирогъ и спраши-

валъ народъ: видятъ ли его? Получивъ отвѣтъ, что видятъ, онъ говорилъ пожеланіе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а пирогъ полнѣе, чтобы за пирогомъ и самого жреца совсѣмъ не было видно.

Вѣроятно подобный обрядъ существовалъ повсюду въ Славянскихъ земляхъ. На сѣверѣ Россіи, отчасти и на югѣ его слѣды остаются въ обычаѣ приготовлять къ этому дню печенье изъ пшеничнаго тѣста въ видѣ разныхъ животныхъ, овецъ, коровъ, быковъ, коней, также разныхъ птицъ и пастуховъ. Этимъ печеньемъ красились столы и окна въ избахъ и домахъ; его посылали въ подарокъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, раздавали дѣтямъ-коледовщикамъ. Въ древнихъ обличительныхъ поученіяхъ, по спискамъ 14 вѣка, упоминается, что „въ тѣстѣ мосты дѣлали и колодези,“ что, конечно, составляло принадлежность какого либо миѳическаго обряда. Мостокъ, по которому идти тремъ братцамъ, Рождеству Христову—коровъ стадо гонитъ, Крещенью—коней стадо гонитъ, Василью Щедрѣ—свиней стадо гонитъ, воспѣвается въ колядкахъ. Несомнѣнно, что отъ языческихъ же обрядовъ и празднествъ идутъ разнообразныя формы всякихъ деревенскихъ пряниковъ.

Обряды съ дѣдомъ-снопомъ и дѣдомъ-пирогомъ происходили въ храмахъ, въ домахъ, въ избахъ, въ хатахъ, у домашняго очага. На улицахъ въ это время толпы дѣтей, а въ древности вѣроятно и взрослыхъ, воспѣвали, кликали Коледу, какъ называется этотъ рождественскій праздникъ и до нынѣ. Повидимому это слово не Славянское и пришедшее къ Славянамъ быть можетъ уже въ христіанское время отъ Римскихъ календъ и византійской коланды, ибо этимъ именемъ греческое церковное поученіе обозначало и Славянскія языческія празднества на Рождество Христово. Въ иныхъ великорусскихъ мѣстахъ Коледа замѣняется словомъ Усень, Овсень, Говсень, Таусень, идущій, какъ доказываютъ, отъ одного корня съ ясный и весна, что вообще обозначаетъ загоравшійся свѣтъ, разсвѣтъ, зарю, утро. По имени празднества и воспѣваемыя пѣсни называются Колядками. Мы видѣли, что дѣти высылались на улицу съ хлѣбнымъ зерномъ, чтобы посыпать, обсѣвать счастьемъ и благодатью всѣ дворы. Оттого они назывались посыпальщиками. Несомнѣнно, что это и было главнымъ

или существеннымъ ихъ дѣломъ, а пѣсни-колядки составляли уже необходимое слово для прославленія этого дѣла.

Всѣ колядскія и другія пѣсни этого праздества воспѣвали въ разныхъ видахъ и въ различныхъ оттѣнкахъ главнымъ образомъ урожай, прославляли и призывали въ домы всякую благодать земледѣльческаго быта, все то, что высказывалось въ одномъ словѣ жизнь, обилье, изобилье, богатство, ибо въ древнемъ смыслѣ слово жизнь прямо означаетъ обилье въ скотѣ и хлѣбѣ и во всякой земледѣльческой благодати. И такъ какъ основою жизни былъ хлѣбъ, то во всѣхъ пѣсняхъ, какъ и во всемъ Рождественскомъ обрядѣ, онъ и стоитъ на первомъ мѣстѣ, является божествомъ—ему пѣсню поютъ, ему честь воздаютъ, какъ говоритъ великорусская подблюдная пѣсня. Одна колядка въ Галицкой Руси воспѣваетъ пожеланіе урожая такими словами:

Ой въ полѣ, въ полѣ, въ чистомъ полѣ
Тамъ оретъ золотой плужекъ;
А за тѣмъ плужкомъ ходитъ самъ Господь,
Ему погоняетъ да святый Петръ,
Матерь Божія сѣмена носитъ,
Сѣменаноситъ пана-Бога проситъ;
Зароди, боженька, яру пшеничку,
Яру пшеничку и ярое жито:
Будутъ тамъ стебли—самыя трости,
Будутъ колоски, какъ былинки,
Будутъ копны (часты), какъ звѣзды,
Будутъ стоги, какъ горы,
Соберутся возы какъ черныя тучи...

Золотой плужокъ, по другой колядкѣ, съ четырмя волами, которые въ золотѣ горѣли, несомнѣнно сохраняетъ память о золотомъ горящемъ плугѣ и ярмѣ днѣпровскихъ геродотовскихъ Скиѳовъ. Само собою разумѣется, что въ отдаленной древности эти пѣсни носили въ себѣ иныя краски быта, рисовали иные образы, иныя представленія и созерцанія, въ которыхъ языческое и миѳическое высказывалось съ большею полнотою и опредѣленностію. Извѣстна золотая сошка и у нашего миѳическаго пахаря-богатыря Микулы Селяниновича, „которая также, какъ и у Скиѳовъ, говоритъ г. Буслаевъ, пала съ поднебесья и глубоко засѣла въ землю.“ Богатырская былина о Микулѣ—Селянинѣ, конечно, есть только случайно уцѣлѣвшій отрывокъ обшир-

наго миѳическаго пѣснопѣнія, какое нѣкогда существовало и у Русскаго народа.

Возвратъ солнца на лѣто, возрожденіе небеснаго свѣта-огня, дававшее мысль о пробужденіи природы къ силамъ своего плодородія, или къ силамъ своего разнообразнаго творчества, порождало въ человѣкѣ естественныя надежды и пожеланія, чтобы домъ и дворъ его въ этомъ свѣтломъ будущемъ былъ полонъ всякимъ земнымъ добромъ, чтобы его житейскія отношенія и дѣла были полны счастія и благополучія. Но желаніе сердца неизмѣнно приводитъ и мысль къ гаданію о томъ, въ какомъ видѣ и въ какомъ объемѣ предстанетъ это ожидаемое будущее, въ какой степени желанное сбудется. Въ умѣ земледѣльца хлѣбное зерно, которымъ онъ олицетворялъ свое пожеланіе всякаго блага, разсыпая его, какъ самую благодать, на счастье и здоровье всякому дому, это зерно, какъ зародышъ урожая, уже само по себѣ вызывало мысль ко всякому гаданью. Въ зернѣ—зародышѣ существовала только возможность счастливаго урожая, а потому оно и увлекало мысль къ мечтамъ о полнотѣ этого счастья. Такъ точно и въ самомъ зародышѣ свѣта-огня, въ этомъ зернѣ будущаго творчества природы заключалось такъ сказать только обѣщаніе жизни, почему и здѣсь съ первыми явственными признаками прибывающаго дня, когда небесный свѣтъ все больше и больше загорался огнемъ жизни, языческая мысль невольно отдавалась тому же гаданію о будущемъ счастьѣ, какое кому наиболѣе желалось. Зародыши жизни невольно возбуждали мечты о томъ, какъ эта жизнь явится въ своей полнотѣ, что она дастъ, что пошлетъ и чего не пошлетъ съ своей высоты.

Естественно, что время зимнихъ Святокъ само собою становилось источникомъ всяческихъ гаданій и особенно въ томъ возрастѣ и въ той средѣ, гдѣ возбуждалось больше желаній. Все это празднество во всѣхъ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ и поклоненіяхъ въ существенномъ смыслѣ было только моленіемъ и гаданіемъ о жизни, и въ смыслѣ всякаго земледѣльческаго обилія, и въ смыслѣ ея радостнаго и счастливаго теченія.

Созерцая въ солнечномъ поворотѣ явственное воскресеніе Божьяго свѣта, или воскресеніе природы отъ зимняго мрачнаго сна и вмѣстѣ съ тѣмъ понимая весь видимый міръ жи-

вымъ существомъ, язычникъ, по естественной связи этихъ воззрѣній, долженъ былъ мыслить живое и объ умершемъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что и посреди умершихъ въ это время совершается такой же возвратъ къ свѣту и къ жизни, что и умершіе точно также празднуютъ общее торжество живыхъ. Вотъ по какой причинѣ святочныя ночи въ воображеніи язычника населялись незримыми духами, торжествовавшими свое пробужденіе. Это была нѐжить, которая по народнымъ представленіямъ своего обличья не имѣетъ и потому ходитъ въ личинахъ. Очевидно, что ряженье во время Святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ, переодѣтыхъ въ мущинъ и мущинъ, переодѣтыхъ въ женщинъ, особенно страшилищъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п. являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалію-русалью, воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе. Довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней находимъ и въ старой письменности, которая къ тому же относитъ эти языческія представленія въ область чарованія и гаданія. Она упоминаетъ о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ звѣриныхъ и птичьихъ, „се есть первое: тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.“ Въ христіанское время все это стало дѣломъ бѣсовскимъ и воспроизводимый ряженьемъ помершій міръ сталъ міромъ демоновъ-чертей. Но такъ ли думалъ объ этомъ язычникъ? Онъ конечно чувствовалъ, что это міръ смерти, этой существенной вражды для всего живаго, что это міръ глухой ночи, вообще, наводящей страхъ и ужасъ, какъ скоро въ ея мертвой тишинѣ огласится какой либо шелестъ и звукъ жизни. Однако въ сонмѣ ряженыхъ, язычникъ изъ самой смерти воспроизводилъ живое, а потому едва ли вѣрилъ только въ одну вражду этого міра. И ночью онъ страшился не мертвой тишины, не смерти, а именно призраковъ жизни, которая потому и казалась страшною, что появлялась въ необычное время. Суженаго-ряженаго онъ призывалъ въ своихъ гаданьяхъ, какъ живое существо. Надо полагать, что понятій о демонской нечисти у

язычника еще не существовало и онъ взиралъ на умершій міръ, какъ на все живое, способное и на добро, и на зло, смотря по отношеніямъ и обстоятельствамъ. Въ языческихъ представленіяхъ Славянства незамѣтно слѣдовъ такъ называемаго дуализма или раздѣленія міра между двумя началами добра и зла. До такой философской высоты Славяне еще не успѣли, да и не могли дойдти въ своемъ простомъ воззрѣніи на природу, какъ на единство всеобщей жизни.

Послѣ празднества солнечному повороту, вниманіе язычника естественно останавливалось на весеннемъ равноденствіи, которое довольно явственно отдѣляло время зимней стужи отъ теплыхъ дней весны. Это новое языческое празднество теперь разрушено въ своемъ составѣ переходящими днями христіанскаго празднованія Пасхи и Великаго поста, но и здѣсь во все это время существенною чертою языческаго обряда являлось поклоненіе воскресающей жизни. Подъ вліяніемъ этой главной мысли празднованія, язычникъ прежде всего сожигалъ или собственно хоронилъ Зиму—Смерть въ образѣ соломенной куклы, наряженной бабою, которую или сожигали, или бросали въ рѣку, что значило одно и тоже—похороны. Поэтому масляница являлась какъ бы временемъ тризны или языческаго справленія поминокъ по умершей зимѣ и стужѣ. Однако и посреди этихъ похоронъ все-таки видно, что праздновалось собственно воскресеніе жизни. Масляничная тризна совершалась съ радостію и съ обрядами и даже вакханаліями, во многомъ сходными съ празднованіемъ зарожденію свѣта и огня жизни въ зимнія Святки. Вакханаліи на масляницѣ точно также сопровождались ряженьемъ. Даже лошадей, которыя возили колесницу ряженаго, тоже наряжали въ разныхъ другихъ животныхъ. Въ иныхъ мѣстахъ дѣвушки рядились бабами, надѣвая на голову повойники и кички; въ другихъ мужчины надѣвали соломенные колпаки, которые потомъ сожигали. Иные передѣвали платье на выворотъ, расписывали лице сажею и т. д. Нельзя сомнѣваться, что и въ этомъ масляничномъ переряживаніи олицетворялось таже основная мысль о пробужденіи умершихъ, которая устроивала и святочныя вакханаліи. Въ сущности это былъ обрядъ призыванія умершихъ.

„Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ, говоритъ Касторскій, сохранилъ Косма Пражскій, повѣствуя, что князь чешскій Брячиславъ (1092 г.) запретилъ сценическія представленія, совершаемыя на распутіяхъ, для удержанія душъ, и языческія игры, которыя отправлялъ народъ съ плясками и надѣвши маски, чтобъ вызвать тощія души усопшихъ.“

На масляницѣ первый испеченный блинъ оставлялся на слуховомъ окнѣ для родителей, которые невидимо приносились и съѣдали его. Вотъ о комъ вспоминалъ язычникъ при первомъ дуновеніи весенняго тепла. Въ его разумѣніи самое это тепло происходило отъ пробужденія мертвыхъ. Еще въ зимніе морозы, когда вдругъ случалась оттепель, онъ говаривалъ: родители вздохнули! Вотъ по какой причинѣ, въ великій страстной четвергъ рано утромъ палили солому и кликали мертвыхъ, какъ свидѣтельствуетъ церковное запрещеніе 16 вѣка. Это были похороны зимѣ или сожженіе снѣговъ и призываніе живой жизни изъ самыхъ гробовъ. Свои понятія, быть можетъ еще миѳическія, о весеннемъ таяніи снѣговъ народъ выразилъ въ присловьѣ о первомъ днѣ апрѣля, когда церковь празднуетъ Маріи Египетской — Марьи-Зажги снѣга. Самый снѣгъ, идущій въ мартѣ, пріобрѣталъ особое миѳическое свойство и особую силу.

Кличь умершихъ, „встаньте, пробудитесь, выгляньте на насъ, на своихъ дѣтушекъ“, который исполняли старыя женщины сливался съ кличемъ или закликаніемъ самой весны, который исполняли молодыя и дѣти, если не въ одни и тѣ же дни, то въ одно это время появленія весенняго тепла. Для этой цѣли изъ пшеничнаго тѣста пеклись жаворонки; съ ними женщины, дѣвицы, дѣти выходили на проталинки, на высокія мѣста, гдѣ снѣгъ уже стаялъ, на холмы и пригорки, дѣти взлезали на кровли амбаровъ и воспѣвали:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью,
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбомъ обильнымъ!

Само собою разумѣется, что въ одинъ изъ тѣхъ же дней язычникъ кликалъ и солнце, когда оно играло, что теперь совершается рано утромъ въ первый день Пасхи. Смотрѣть это играющее солнце выходили на пригорки, взлѣзали на кровли, и дѣти воспѣвали кличь:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ
Пить, ѣсть просятъ...
Солнышко покажись,
Красное снарядись!

Такимъ образомъ кличъ, обращенный къ родителямъ былъ въ сущности кличъ къ весеннему дуновенію. Это дуновеніе тепла въ языческихъ мысляхъ представлялось какъ бы душею умершихъ. Радость воскресенія новой жизни переносилась отъ живыхъ и въ умершій міръ. Когда наставало полное тепло и показывалась первая трава, живые давали умершимъ святой покормъ, который назывался Радуницею. Теперь по переходящимъ днямъ Пасхи это приходится во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ и не всегда совпадаетъ съ настоящимъ природнымъ днемъ полнаго весенняго тепла. По повѣрью народа, на Радуницу родители изъ могилъ тепломъ дохнутъ. Въ бѣлоруссіи Радуница прямо и называется дѣдами. Въ это время живые приходятъ на могилы дѣдовъ-родителей, приносятъ кушанья (закуски) и напитки и вмѣстѣ съ умершими совершаютъ трапезу, но въ собственномъ смыслѣ угощаютъ только умершихъ, причемъ кладутъ или катаютъ на могилахъ великоденскія яица, даже зарываютъ яйцо въ могилу, льютъ на могилы медъ и вино.

Надо замѣтить, что въ языческое время родители хоронились обыкновенно на высокихъ горнихъ мѣстахъ, или на горахъ; относительно живущаго поселенія въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ выраженіе идти на горы, значитъ идти на кладбище; на такія же горы язычникъ выходилъ и закликать весну; на горахъ онъ встрѣчалъ играющее солнце; на горахъ и на могильныхъ холмахъ или курганахъ, какіе язычникъ ссыпалъ надъ умершими, послѣ таянія снѣговъ, показывалась первая проталина и затѣмъ первая травка. Время появленія этой первой зелени и получи-

ло наименованіе Красной, т. е. прекрасной Горки, какъ извѣстной высоты весенняго тепла. Родительскій покормъ Радуницы совершался на первой зелени и потому совпадалъ съ временемъ Красной Горки.

Духъ весенняго тепла приносился изъ могилъ родителей; ихъ души оживали и носились между живыми. Но весеннее тепло приносили и прилетавшія птицы. Вотъ не малое основаніе для заключеній языческой мысли, что прилетающія птицы есть эти самыя живыя души родителей, т. е. вообще умершихъ. Они прилетаютъ изъ Ирья, изъ невѣдомой теплой страны, которая соотвѣтствуетъ христіанскому раю.

И не одни птицы, но и насѣкомыя, особенно порода жуковъ, пріобрѣтали значеніе живыхъ душъ, способныхъ какъ и птицы о многомъ вѣщать и разсказывать живому человѣку.

Весною вся природа населялась живыми существами и по разумѣнію язычника все это были такія же вѣщія души, какую онъ чувствовалъ и въ собственномъ существѣ.

Весенній разливъ рѣки возстановлялъ въ глазахъ язычника величавый образъ жизни въ водяномъ царствѣ, и какъ скоро рѣка, послѣ зимняго оцѣпенѣнія, становилась живымъ существомъ, то и въ ней возраждались живыя души—русалки или берегини. Они появлялись на Божій свѣтъ съ первою зеленью на деревьяхъ и пропадали глубокою осенью, когда пропадала и одежда лѣса. Это были существа земноводныя. Онѣ жили и въ рѣкахъ, и въ лѣсахъ на деревьяхъ. По многимъ признакамъ язычникъ и въ этихъ образахъ своего миѳическаго созерцанія почиталъ души умершихъ. Самая одежда русалокъ—бѣлыя полотняныя, развѣвающіяся сорочки безъ пояса и зеленыя вѣтви и листья, какъ среда ихъ весенней жизни, уже рисуетъ образъ покойника. Онѣ ходятъ также и нагія, но просятъ у живыхъ себѣ одежды. По этой причинѣ имъ жертвуютъ полотно или холстъ на рубашки, также полотенца и цѣлыя сорочки, развѣшивая ихъ на вѣтвяхъ дуба и на другихъ деревьяхъ. По бѣлорусскому повѣрью на Троицкой недѣлѣ ходятъ по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (русалки), которымъ при встрѣчѣ, для избѣжанія преждевременной смерти, необходимо бросить платокъ или хотя-бы лоскутъ, оторвавши отъ своей одежды. Недѣля передъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ называлась Русальною,

а четвергъ этой недѣли именуемый Семикомъ въ Вологодской губерніи прямо называется Русалкою. Въ малороссіи этотъ день называется Великимъ днемъ Русалокъ, т. е. ихъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ; онъ же назывался Навьскимъ Великимъ днемъ, отъ Навь—мертвецъ.

Русальная недѣля со днями Троицынымъ и Духовымъ носятъ также имя Зеленыхъ Святокъ, въ отличіе отъ Святокъ рождественскихъ. Дѣйствительно въ существенныхъ чертахъ оба празднества сходны. То были Святки по случаю возрожденія небеснаго огня—свѣта; теперь наставали Святки по случаю возрожденія живой природы, распускавшейся зеленымъ листомъ деревьевъ и разцвѣтавшей полевыми цвѣтами. Тамъ во всѣхъ обрядахъ зарожденіе жизни чествовалось осыпаніемъ, обсѣвомъ хлѣбными сѣменами. Здѣсь тоже значеніе имѣло яйцо, обыкновенно крашеное, желтое, иногда красное, съ которымъ выходили закликать весну, которое приносили на могилы родителей, кумились имъ, т. е. подавали яйцо сквозь вѣнокъ и цѣловались, что означало союзъ любви и дружбы; пекли съ яицами пироги, лепешки, драчоны, короваи; приготовляли яичницу, съ которою въ Семикъ, въ день русалокъ и на Троицу ходили въ лѣсъ завивать вѣнки. Яишница въ эти дни вообще представлялась какимъ-то необходимымъ, какъ бы жертвеннымъ блюдомъ. Яйцо вѣдь заключало въ себѣ сѣмя жизни уже не растительной, а прямо живой или животной.

Вмѣсто снопа, которымъ олицетворялось божество плодородія, и которому поклонялись въ Рождественскія Святки, теперь, въ Зеленыя Святки, такое же почетное мѣсто занимала одѣтая листвою кудрявая березка, пестро разукрашенная лоскутками и лентами, какъ знаками разцвѣтшихъ цвѣтовъ. Въ зимнія Святки соломою или сѣномъ постилали обрядовый столъ, соломою устилали мѣсто и путь снопу, ею же постилали полъ въ избѣ; теперь вмѣсто соломы на тѣже надобности употреблялись зеленыя вѣтви, цвѣты и трава. Тогда обрядъ празднества находился въ рукахъ старшихъ, теперь праздновала молодежь.

Русалки были дѣвы. Онѣ въ Зеленыя Святки выходили изъ рѣкъ, озеръ, колодезей (криницъ, родниковъ) на сушу, въ луга и лѣса и шумными гульбищами справляли свое возрожденіе. Онѣ плескались въ водѣ, хлопали въ ладоши,

хохотали, аукались, водили хороводы, плясали, пѣли пѣсни. И для живыхъ русальная недѣля была праздникомъ дѣвичьимъ. Какъ въ Зимнія Святки дѣвицы хоронили по рукамъ золото съ своими мечтами о будущемъ счастьи, такъ и теперь они завивали свои мечты о счастьи въ зеленыя вѣнки и гадали о томъ же суженомъ, о своей судьбѣ, о дѣвичьей долѣ. Завиваніе вѣнковъ, справляемое обыкновенно въ Семикъ, въ иныхъ мѣстахъ такъ и называется встрѣчею русалокъ. Въ коренномъ значеніи вѣнъ, вѣнокъ отъ глагола вить, обозначалъ связь, союзъ любви. Иначе онъ назывался вьюнокъ, вьюнъ, отчего и весь обрядъ вѣнковъ носилъ имя Вьюнецъ. Въ послѣдствіи вѣномъ назывался брачный договоръ и вѣнокъ, вѣнецъ освятился церковью, какъ символъ бракосочетанія. Въ языческое время, вѣнокъ, свитый изъ первой березовой листвы и опѣтый первою весеннею пѣснію, конечно, пріобрѣталъ очаровательную силу. Эти-то вѣнки съ пѣснями дѣвицы несли въ лѣсъ и бросали русалкамъ, или бросали ихъ въ рѣку, отдавая тѣмъ же русалкамъ, все съ тѣми же мыслями и вопросами о будущемъ счастьи.

Къ кому же обращались эти гаданія и эти вопросы? Язычникъ по своимъ созерцаніямъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ говорить съ пустымъ мѣстомъ, съ какою либо стихіею или отвлеченностью, какую можетъ представлять себѣ только отвлеченная ученость. Онъ говорилъ непремѣнно живому существу, а такимъ живымъ существомъ онъ могъ представлять себѣ только живую душу, такихъ же людей, какъ онъ самъ, правда, измѣнявшихъ свой ликъ переходомъ въ другое существованіе, но по его разумѣнію никогда не изчезавшихъ изъ живаго міра. Повсюду въ природѣ язычникъ видѣлъ одно существо—собственную душу. Въ его глазахъ это и была та самая жизнь, которую онъ боготворилъ вездѣ, во всякой былинкѣ. Существомъ собственной души онъ и населялъ весь міръ. Кто могъ отвѣчать на какой бы ни было человѣческій вопросъ, какъ не то же существо человѣка, мыслившее и чувствовавшее одинаково съ живыми людьми? Поэтому всякое гаданіе, особенно на Святкахъ во время рожденія свѣта и на Святкахъ во время рожденія зеленой природы, было въ сущности бесѣдою, переговоромъ съ невидимымъ міромъ особой человѣче-

ской же жизни. Живому человѣку—язычнику, прирожденному поэту по своимъ воззрѣніямъ, такъ свойственно было обращаться въ этотъ міръ и спрашивать о томъ, что думаютъ о немъ милые предки-родители и какъ желаютъ устроить его судьбу?

Вотъ почему и въ старой письменности вѣрованіе въ мертвецовъ — оборотней входило въ составъ особыхъ гадательныхъ книгъ, которыхъ было четыре: „Острологъ, Острономіа, Землемѣріа, Чаровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ", о которыхъ свидѣтельство мы привели выше.

Вотъ почему и на Русальной недѣлѣ, какъ и въ Зимнія Святки, совершалась шумная вакханалія съ переряживаніемъ. Да и всякое подобное игрище въ старой письменности носило имя Русальи. Быть можетъ въ этомъ имени и лежитъ коренное понятіе о ряженыхъ игрищахъ, какъ о сходбищахъ, олицетворявшихъ сонмъ вызванныхъ къ жизни умершихъ, вообще сонмъ воскресающей жизни во всей природѣ.

Поклоненіе умершимъ не было поклоненіемъ какому-либо божеству смерти. Здѣсь о смерти не было и помышленія. Язычникъ чествовалъ своими обрядами живую жизнь и въ самыхъ могилахъ. Онъ поклонялся ожившему духу жизни, который являлся ему въ весеннемъ теплѣ, въ весеннемъ запахѣ первой зелени и первыхъ цвѣтовъ. Онъ чувствовалъ, что съ наступленіемъ весны одухотвореніе разливалось во всей природѣ. Кровное родство идей и самыхъ словъ о духѣ, воздухѣ и душѣ неизбѣжно влекло языческую мысль къ олицетворенію воскресшаго духа природы и въ образѣ человѣческаго духовнаго существа, теперь изъ самыхъ могилъ дохнувшаго тепломъ. Язычникъ вспоминалъ объ умершемъ именно въ тотъ моментъ, когда въ природѣ повсюду замѣчалъ пробужденіе жизни, и чѣмъ это пробужденіе было ощутительнѣе, тѣмъ сильнѣе становилось и его желаніе вызвать на Божій свѣтъ этотъ родной и любезный міръ, съ которымъ въ свое время онъ также радостно встрѣчалъ весеннее возрожденіе той же жизни-природы.

Въ сущности здѣсь и въ самомъ человѣкѣ воскресало и возраждалось, можно сказать, застывавшее въ зимній холодъ чувство природы, въ собственномъ смыслѣ чувство жизни,

которое неотразимо дѣйствуетъ на каждое живое существо. Весна въ самомъ человѣкѣ раскрываетъ какія-то невѣдомыя стремленія, какую-то невѣдомую тревогу и тоску, неизъяснимыя желанія и исканія... По языческимъ понятіямъ весною (30 марта) даже и домовой бываетъ очень неспокоенъ. Весеннее чувство исполняло каждое существо особою потребностью жизни. Эта потребность въ разныхъ возрастахъ различно и выражалась.

Старые и пожилые съ любовью вспоминали старую жизнь и взывали къ ней на могилахъ умершихъ родителей. Они ихъ окликали такими рѣчами: „Родненькіе наши батюшки! Не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежите очей горючей слезой. Али вамъ родненькимъ не стало хлѣба-соли, не достало цвѣтна-платья? Али вамъ, родненькимъ, встосковалось по отцу съ матерьей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горе мычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ. Безъ васъ то, наши родненькіе, опустѣлъ высокъ теремъ, заглохъ широкъ дворъ; безъ васъ-то, родимые, не цвѣтно цвѣтутъ въ широкомъ полѣ цвѣты лазоревы, не красно ростутъ дубы въ дубровушкахъ. Ужь вы, наши родненькіе, выгляньте на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ!“

„Родимые наши батюшки и матушки! Чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужь ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй со полуночи, ты принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися, что по нихъ ли всѣ дѣтушки изныли во кручинуш-

кѣ, что по нихъ ли всѣ невѣстушки съ гореваньица надсадилися!"

Это была пѣсня старой жизни. Молодое колѣно съ любовью искало жизни молодой, искало самой любви и съ этой мыслью уходило въ луга и лѣса завивать вѣнки, гадать о будущемъ счастьѣ и воспѣвать это счастье, то-есть самую любовь, которая, конечно, являлась божествомъ и носила любовное имя Лады или Лада, откуда извѣстныя слова: ладить, ладно, ладъ, означающія союзъ, дружбу, любовь. Какъ зимнія Святки открывали время свадьбамъ, почему Рождественскій мясоѣдъ и прозывался свадебницами, такъ и первая трава—Красная Горка тоже была законнымъ временемъ свадебъ; съ Красной Горки начинались хороводы, пѣсни и всякія игрища „между селы", какъ говоритъ лѣтопись. „Браковъ у язычниковъ не бывало, но были игрища между селъ. Сходились на игрища, на плясанье, и на всякія бѣсовскія игрища и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто совѣщался; имѣли по двѣ и по три жены".

Къ числу такихъ игрищъ несомнѣнно принадлежали извѣстныя и теперь горѣлки, въ которыхъ горѣть значитъ оставаться одинокимъ въ то время, какъ всѣ стоятъ парами, и затѣмъ бѣгать и разбивать пару, догонять и умыкать себѣ дѣвицу. Въ извѣстномъ смыслѣ, это былъ жребій добыванія себѣ дѣвицъ.

Имя весны, какъ мы упоминали, родственно слову ясный, а ясный одного корня съ ярый, почему у западныхъ Славянъ весна носила имя яро. У насъ ярь, яровое называется жито, посѣваемое весною, каковъ и овесъ, идущій отъ одного корня съ весною; яроводье весенній разливъ рѣки, ярина — лѣтняя шерсть на овцахъ, ярка — молодая овца и т. п. Другіе виды корня яръ суть жаръ, пылъ; зар-я зар-ница, зр-ѣть. Ярый вообще значитъ свѣтлый, чистый, бѣлый (напр. ярый воскъ, медъ), блестящій, яркій. Это были понятія о естествѣ весенняго времени, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ переносились и на естество нравственное, гдѣ ярый, яростный значило сильный, буйный, неукротимый, горячій, кипучій, пылкій, вспыльчивый, пламенный, страстный, отчего гнѣвъ царевъ, ярость царева назывались опалою. Всѣ эти черты возсоздавали поклоненіе особому божеству весны, Яровиту, какъ оно называлось у запад-

ныхъ Славянъ, или Яруну иЯрилѣ, какъ оно обозначается у насъ на Руси. Жрецъ Яровита, высчитывая его качества, отъ его же имени произносилъ такія слова: „Я богъ твой; я тотъ, который одѣваетъ поля муравою и листвіемъ лѣса; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и все, что служитъ на пользу человѣка: все это даю чтущимъ меня и отнимаю у отвергающихъ меня". Эта рѣчь можетъ отчасти раскрывать смыслъ поклоненія и нашему Яруну. Въ его имени язычникъ обожалъ ярость самой жизни, ея плодотворящую силу, огонь и жаръ ея весенняго творчества.

Празднованіе Яровиту, начинавшееся съ Красной Горки, по всему вѣроятію, продолжалось въ теченіи всего весенняго времени до самаго Купалья, или до того момента, когда растительное царство восходило къ полной своей красотѣ и зрѣлости, что приходилось къ концу іюня. Видимо также, что это празднованіе выражалось въ обычныхъ хороводахъ, пѣсняхъ и игрищахъ между селы, которые не переставали и не умолкали до самаго Купалья. Проводы весны или похороны самого Ярилы, Яруна въ образѣ особой куклы, которую хоронили въ землѣ, сопровождались, какъ и другіе проводы праздничныхъ дней, шумною вакханаліею. Въ иныхъ мѣстахъ куклу дѣлаютъ изъ соломы, наряжаютъ въ бабій нарядъ, убираютъ цвѣтами, кладутъ въ корыто и съ пѣснями несутъ къ рѣкѣ, или озеру, вообще къ водѣ; тамъ, по окончаніи обряда, срываютъ нарядъ, топчутъ чучело ногами и бросаютъ въ воду.

Должно вообще замѣтить, что всякіе проводы языческихъ празднествъ или особыхъ временъ года всегда сопровождались похоронами особой соломенной или другой куклы, которую обыкновенно сожигали, а теперь съ окончаніемъ дней Ярилы, топили въ воду, что означало тѣже похороны, совершаемыя только во время Купалья.

Это вещественное олицетвореніе божества или самаго празднества, естественно возникавшее въ умѣ язычника изъ всѣхъ основаній его вѣрованія, служило поводомъ и для воздѣлки такъ называемыхъ идоловъ, кумировъ, болвановъ. Отъ соломы переходили къ дереву, отъ снопа къ образу человѣка и вытесывали надобную фигуру, а въ маломъ видѣ лѣпили ее изъ глины и даже выливали изъ металла, какъ

можно судить по нѣкоторымъ находкамъ подобныхъ изображеній. Такіе болваны, которымъ поклонялись Руссы даже и на походѣ, въ чужой землѣ, описываетъ арабъ Ибнъ-Фадланъ, см. ч. I, стр. 458.

Красная горка или первая зеленая трава, какъ мы говорили, составляла высоту перваго весенняго времени. Въ средней Россіи это приходилось къ Юрьеву весеннему дню (23 апрѣля) или вообще къ концу апрѣля. Съ перваго оклика весны до этихъ дней проходило около восьми недѣль. Столько же времени проходило отъ Красной Горки до Купалья, особаго празднества въ честь лѣтняго солнцестоянія или солнечнаго поворота къ зимѣ, когда теплое время восходило къ своей макушкѣ и начинались лѣтніе жары. Какъ въ зимнія Святки языческое празднество свѣту-огню сосредоточивалось у христіанскаго праздника Рождества Христова, такъ и языческое купалье сосредоточивалось у христіанскаго праздника рождества св. Іоанна Крестителя, 24 іюня. Такимъ образомъ отъ перваго зарожденія свѣта-солнца до его высшаго торжества проходило цѣлое полугодіе, исполненное явственныхъ признаковъ быстро и сильно развивавшейся жизни во всей природѣ. Каждую ступень этого развитія язычникъ переживалъ полнымъ чувствомъ радости, удивленія, изумленія, поклоненія, окликая и закликая пѣснею каждый новый даръ Божіей милости, олицетворяя дѣйствіе этого дара въ особомъ обрядѣ или въ особомъ игрищѣ, творя ему жертвы за домашнимъ столомъ, изготовляя на жертву особые виды хлѣбнаго печенья, особыя кушанья. Первый свѣтлый и теплый лучъ солнца, первое дуновеніе весенняго тепла, первое движеніе весеннихъ водъ, первая зелень луга, первая зелень дерева, первый цвѣтокъ, первый дождь, первый громъ,—все это одно за другимъ принималось, какъ низпосылаемый Божьею милостью даръ, восхвалялось пѣснею, чествовалось поклоненіемъ, и какъ Божья святыня, получало цѣлебныя свойства и силы, употреблялось, какъ напр. умовеніе весеннею водою, или первою росою и первымъ дождемъ, или дождемъ послѣ перваго грома, на здоровье, на очищенье, или на красоту живому человѣку. Свѣтъ-огонь жизни, восходя къ своей полнотѣ, наконецъ разгорался чудодѣйственною силою. Это бывало въ ночь на Ивана Купалу. Растительная природа въ это

время исполнялась чудесами. Цвѣты и травы пріобрѣтали именно въ эту ночь такія волшебныя силы и свойства, какихъ въ другое время въ нихъ не существовало. Теперь-то и необходимо было сторожить минуту, когда эти волшебныя существа давались въ руки. Весь лѣсъ горѣлъ особою жизнію; деревья переходили съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговаривали между собою; „дубы расходились и составляли свою бесѣду". Самая рѣка въ эту ночь бываетъ подернута какимъ то особымъ серебристымъ блескомъ. Во всемъ воздухѣ носится очарованіе, волшебство, особый (поэтическій) страхъ, оттого, что тутъ же носятся невидимые и невѣдомые духи, способные натворить всякихъ бѣдъ. Словомъ сказать, язычникъ въ эту ночь во всей природѣ созерцалъ, чувствовалъ горящій и палящій огонь жизни. Конечно, это былъ праздникъ огню-солнцу, почему въ это время и зажигались пожары или костры огнемъ животворнымъ, добытымъ отъ тренія дерева. Огни зажигались на горахъ, при рѣкахъ и источникахъ, въ рощахъ и лѣсахъ. Вокругъ огня собирались толпою мужчины и женщины, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, въ поясахъ изъ травъ, пѣли пѣсни, водили хороводъ, плясали и перепрыгивали черезъ костеръ, на очищеніе и на здоровье. Въ иныхъ мѣстахъ сожигали на кострѣ бѣлаго пѣтуха. Все это происходило до самой утренней росы, когда толпа поспѣшно умывалась росою или уходила къ рѣкѣ, къ озеру, къ источнику, вообще къ водѣ и также умывалась и купалась, на очищеніе отъ очарованій и болѣзней и на здоровье. Таковъ былъ существенный смыслъ употребленія въ это время огня и воды. Въ понятіяхъ язычника это было Купалье, крещенье-обновленье, и очищенье водою и огнемъ, такъ какъ и самое слово Купалье, Купало лингвисты сближаютъ съ словомъ кипѣть, кипень. Въ своемъ коренномъ значеніи это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ слову Ярый, почему Ярило и Купало въ коренномъ смыслѣ однозначительны. Они сливаются и въ языческомъ поклоненіи [169].

Повидимому какъ на купальскомъ праздникѣ, такъ и при всѣхъ другихъ годовыхъ обрядахъ, сожигаемый огонь представлялъ видимый образъ того невидимаго, но ощущаемаго духа, который возводилъ весну и лѣто, творилъ созрѣваніе жита и всякой растительности, давалъ спорынью, плодородіе, который и въ существѣ самого человѣка обнару-

живалъ свои дѣйствія особымъ буйствомъ и яростію жизни, что, конечно, всегда и сопровождалось обычными вакханаліями и игрищами. Въ 1505 г. одинъ игуменъ такъ описывалъ купальскую вакханалію въ городѣ Псковѣ: „Когда приходитъ этотъ великій праздникъ, день Рождества Предтечева, и въ ту святую ночь мало не весь городъ возмятется и взбѣсится... Вступитъ городъ сей и возгремятъ въ немъ люди... стучатъ бубны, голосятъ сопѣли, гудутъ струны; женамъ и дѣвамъ плесканіе (плескъ въ ладоши) и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ кличь и вопль, всескверныя пѣсни, хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ сканіе и топтаніе; тутъ мужамъ и отрокамъ (парнямъ) великое прельщеніе и паденіе; женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе"... По свидѣтельству Стоглава, люди, возвращавшіеся домой съ этихъ вакханалій, падали, аки мертвые, отъ того великаго хлохотанія. „Тѣже Псковичи, прибавляетъ игуменъ, въ тотъ святый день выходятъ, обавники, мужчины и женщины, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ, въ пути и въ дубравы, ищутъ смертной травы и привѣта, чревоотравнаго зелія, на пагубу человѣчеству и скотамъ, тутъ же и дивія копаютъ коренья на потвореніе и на безуміе мужамъ; это все творятъ съ приговоры сатанинскими"... Мы видѣли, что вѣщія травы собирались и на Петровъ день 29 іюня. Точно также на другой день послѣ этого праздника, то-есть съ наступленіемъ мясоѣда, происходятъ особыя вакханаліи, которыя несомнѣнно были тѣже купальскія или Яруновы вакханаліи, перенесенныя на мясоѣдъ вѣроятно въ слѣдствіе церковныхъ запрещеній веселиться въ постные дни.

Такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго полугодія, въ промежуткѣ солнцевыхъ поворотовъ отъ зимы на лѣто и отъ лѣта на зиму, язычникъ праздновалъ постепенное восхожденіе природы отъ холоднаго мертваго сна къ цвѣтущей и огненной порѣ лѣта. Онъ внимательно и чутко слѣдилъ за каждымъ дуновеніемъ весенняго тепла, этого радостнаго и милостиваго духа, пѣлъ ему пѣсни, водилъ хороводы, завивая и развивая вѣнки, гадая о счастьѣ и любви, и живя самъ радостною жизнью всеобщаго возрожденія, искренно вѣровалъ, что тою же жизнью должны веселиться и умершіе (каковы Русалки), что они, за одно со всею природою, участвуютъ

въ ея возрожденіи и дышутъ тѣмъ же тепломъ жизни и веселья. По пословицѣ: живой живое и думаетъ, язычникъ не могъ иначе и понять состояніе земныхъ дѣлъ во время оживленія всей природы.

Съ окончаніемъ купальскихъ празднествъ наставала по народному выраженію Макушка лѣта, начиналась Страда—горячая пора полевыхъ работъ, слѣдовавшихъ одна за другою безъ устали и безъ отдыха. Пѣсни, хороводы, игрища притихали. „Плясала бы баба плясала, да Макушка лѣта настала“, говоритъ народъ объ этой страдной порѣ. „Всѣмъ лѣто пригоже, да Макушка тяжела!“

Работы начинались сѣнокосомъ, потомъ слѣдовало жнитво. Созрѣвшій хлѣбъ, конечно, возводилъ мысль язычника къ „Растителю класовъ“, къ божеству хлѣбнаго плодородія, которымъ повидимому у насъ почитался Волосъ или Велесъ. Самый праздникъ жатвы называется Волотками. На югѣ Россіи въ началѣ жатвы завиваютъ Волосу бороду. Это дѣлаетъ одна изъ жницъ: захвативъ въ руку кустъ колосьевъ она свиваетъ ихъ на корню, какъ косу, потомъ заламываетъ и въ такомъ видѣ оставляетъ. Этотъ кустъ-завитокъ пріобрѣтаетъ святое значеніе; къ нему опасаются и прикоснуться изъ боязни, что отъ прикосновенія того человѣка изогнетъ и скорчитъ въ такой же завитокъ. Въ Костромскихъ мѣстахъ въ началѣ жатвы оставляютъ на нивѣ волотку на бородку—кустъ несжатыхъ колосьевъ. На сѣверѣ (Архан. губ.) подобный обрядъ дѣлается въ концѣ жатвы: послѣдніе несжатые колосья связываютъ на корню снопомъ и украшаютъ этотъ снопъ цвѣтами. Тамъ употребляются даже выраженія: хлѣбная борода завить—значитъ окончить жатву и убрать хлѣбъ; сѣнная борода завить—окончить сѣнокосъ и убрать сѣно. Въ Новгород. губ. при завивкѣ Волосу бороды жница воспѣваетъ:

Благослови-ка меня, Господи,
Да бороду вертѣть:
А пахарю-то сила,
А сѣвцу-то коровай,
А коню-то голова,
А Микулѣ—борода.

Если это имя Микула должно обозначать извѣстнаго миѳическаго пахаря русскихъ былинъ, Микулу Селяниновича,

то здѣсь онъ прямо сближается съ Волосомъ, который слѣдовательно не только былъ пастухъ, скотій Богъ, но и селянинъ-пахарь. Мы уже замѣтили, что онъ точно также, какъ Скиѳскій третій братъ обладалъ золотою сошкою [170].

Въ иныхъ мѣстахъ подобную бороду завязываютъ Ильѣ Пророку, изъ овса, также чуд. Николѣ или самому Христу— явное вліяніе уже христіанскихъ понятій.

Конечно, нива, растущій хлѣбъ, вызывали въ чувствѣ язычника особое благоговеніе и особое вниманіе ко всѣмъ перемѣнамъ, происходившимъ тамъ съ развитіемъ растительности. Съ радостью язычникъ встрѣчалъ первый колосъ и освящалъ его появленіе особымъ обрядомъ. И теперь во Владимірской губерн. молодежь собирается на краю села, становится въ два ряда лицомъ другъ къ другу, схватывается другъ съ другомъ обѣими руками и такимъ образомъ устроиваетъ между рядами какъ бы мостъ, по которому проходитъ малютка—дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, какъ только дѣвочка уходитъ дальше, перебѣгаетъ впередъ и снова устроиваетъ изъ рукъ мостъ для шествія малютки. Такимъ образомъ съ перебѣгами доходятъ до самой нивы. Это значитъ водить колосокъ. У нивы дѣвочку спускаютъ на земь; она срываетъ нѣсколько колосьевъ, бѣжитъ съ ними въ село прямо къ церкви, гдѣ и бросаетъ ихъ. При обрядѣ поютъ пѣсни:

Пошелъ колосъ на ниву
На бѣлую пшеницу...
Или: Ходитъ колосъ по яри
По бѣлой пшеницѣ;
Гдѣ царица шла—
Тамъ рожь густа:
Изъ колоса осьмина,
Изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пирогъ.
Родися, родися
Рожь съ овсомъ;
Живите богато
Сынъ съ отцомъ.

Первый сжатый снопъ, какъ и Рождественскій дѣдъ, пріобрѣталъ значеніе священное и цѣлебное. Его приносили въ избу и ставили въ переднемъ углу. Его сѣмена теперь носятъ въ церковь для освященія, мѣшаютъ ихъ съ посѣвны-

ми сѣменами, а часть берегутъ на всякую надобность, какъ цѣлебное средство.

Такое же значенiе прiобрѣталъ и послѣднiй снопъ, который въ добавокъ наряжали куклою, въ женскiй или мужской уборъ и съ пѣснями несли его во дворъ и ставили въ избѣ въ передний уголъ. Этотъ снопъ также прозывался дѣдомъ и по языческимъ понятiямъ действительно представлялъ самого житнаго дѣда, обитателя нивы. Какъ въ домѣ Домовой, въ лѣсу Лѣшiй, въ водѣ Водяной, такъ и въ нивѣ живетъ ея живой духъ, дѣдъ Полевой или Полевикъ, ростомъ равный высотѣ хлѣба, а послѣ жатвы—каждому оставшемуся срѣзанному стеблю. Въ полѣ живутъ также и полудницы-русалки, которыя въ лѣтнюю пору сидятъ во ржи и хватаютъ малыхъ дѣтей. Въ Галицiи Житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длиннобородыми головами и съ тремя огненными языками. Не это ли образъ Триглава Штетинскаго, которому поклонялись Балтiйскiе Славяне.

Все это остатки и отрывки поклоненiя паханой нивѣ, созрѣвшему хлѣбу; все это выраженiя поэтическаго чувства и поэтической мысли, которыя ни на минуту не покидали язычника во всѣхъ его отношенiяхъ къ матери-природѣ.

Въ одно время съ жатвою, по замѣчанiю поселянъ уже съ Ильина дня, когда настаютъ холодные утренники, приходитъ осень. Дѣйствительно, отъ самаго поворота солнца на зиму, а лѣта на жары, природа мало по малу уноситъ куда-то свои живыя и веселыя силы. Съ этого времени умолкаютъ пѣвчiя птицы; живой лѣсъ и поле становятся молчаливыми; птицы потомъ совсѣмъ улетаютъ въ невѣдомыя страны, въ невѣдомый Ирiй или Вырай, т. е. Рай. Ласточки собираются вереницами, ложатся въ озера и колодцы, изъ которыхъ, какъ сказано выше, весною появлялись русалки—явное дѣло, что здѣсь разумѣлись души помершихъ людей. Въ первые дни октября въ лѣсу самъ лѣшiй куда-то пропадалъ и лѣсъ оставался пустымъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ остается пустыннымъ, молчаливымъ и голымъ, безъ листа. Водяной, окованный первымъ льдомъ, тоже засыпалъ на всю зиму. Ясно, что съ осенью изчезала жизнь природы, изчезали мало по малу и духи-образы этой жизни. Ясно, что всякiй духъ, жившiй въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ полѣ, на вѣтвяхъ дерева, какъ русалка, и т. п. былъ сама жизнь, которую и

понять и представить себѣ язычникъ иначе не могъ, какъ въ образѣ духа. Въ этотъ образъ живаго духа онъ облекалъ и все умершее, не вѣря отъ полноты созерцаній жизни, что въ мірѣ что либо умираетъ на вѣки.

Язычникъ боготворилъ природу со всѣхъ сторонъ, поклонялся и вѣровалъ ей на всякомъ мѣстѣ, при всякомъ случаѣ. Чтобы онъ ни дѣлалъ, религіозное чувство къ природѣ не оставляло его ни на минуту. Начало и конецъ всякаго дѣла онъ освящалъ моленіемъ—поклоненіемъ и жертвою въ различныхъ видахъ, по различію дѣлъ, но всегда съ глубокимъ чувствомъ сыновней дѣтской любви и зависимости. Въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ явленіямъ природы онъ былъ истинный ребенокъ, истинный ея внукъ, какъ онъ называлъ самъ себя, упоминая о своихъ дѣдахъ — богахъ. Его чувства къ ней были исполнены любви и страха. И это были два неизсякаемые источника, изъ которыхъ били неистощимымъ ключемъ всѣ его миѳы, всѣ его вѣрованія, все его разумѣніе природы, до самыхъ мелкихъ подробностей. Здѣсь же заключалась и та основа его воззрѣній на дѣла внутренняго и внѣшняго міра, по которой онъ не могъ рѣзко отдѣлять другъ отъ друга добро и зло. Гдѣ нынче былъ страхъ, тамъ завтра все освѣщалось чувствомъ пріязни и любви; гдѣ нынче устрашала видимая или невидимая вражда природы, тамъ завтра все покрывалось отношеніями полной дружбы и родства. Какъ ребенокъ, онъ вѣровалъ въ природу, какъ въ одно живое цѣльное нераздѣлимое существо и не понималъ еще того философскаго отдѣленія свѣта отъ тьмы, добра отъ зла, которое, появляется въ язычествѣ уже при философской обработкѣ его началъ помощію мудрыхъ размышленій и глубокомысленныхъ отвлеченій.

Представленія о зломъ мірѣ, исполненномъ неугасимой вражды къ человѣку, которыя теперь существуютъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и причисляются къ древнему язычеству, несомнѣнно появились уже въ позднее время, когда водворилась истинная Вѣра и ученіе о грѣхопаденіи. Нашъ язычникъ не понималъ еще, что такое грѣхъ и откуда онъ идетъ, а потому и не могъ себѣ создать точнаго и яснаго представленія о началахъ добра и зла, нравственнаго свѣта и нравственной тьмы. Всѣ его боги и духи не даютъ ни-

какихъ опредѣленныхъ намековъ на такое пониманіе ихъ природы. Никакимъ враждебнымъ силамъ нашъ язычникъ не поклонялся. Онъ ихъ не зналъ. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ эти враждебныя силы въ помершемъ мірѣ, въ тѣхъ духахъ жизни, которые возставали въ зимнія Святки или носились въ купальскую ночь и появлялись и въ другое время повсюду, гдѣ ихъ видѣла языческая мысль. Но это были только страшныя силы, способныя и на добро и на зло, страшныя по той причинѣ, что онѣ являлись живущими тамъ, гдѣ истиннаго живаго существа не было видно, или въ такое время, въ полночь, когда весь живущій міръ спалъ крѣпкимъ сномъ и на улицу не выходилъ, а между тѣмъ звукъ и шелестъ жизни не умолкалъ и въ пониманіи язычника непремѣнно облекался въ живое существо. Домовой, Водяной, Лѣшій, Полевой, враждовали въ то лишь время, когда къ тому ихъ побуждала сама жизнь природы, восходящая къ своему весеннему разцвѣту или уходящая къ зимнему сну. Въ сущности всѣ созданія языческаго воображенія, всѣ божества язычника были добрые его сосѣди, съ которыми надо было только знать, какъ поступать и какъ устроивать ихъ сосѣдство себѣ на пользу, для чего существовали умилостивленія и жертвы и очень помогали даже чудныя силы нѣкоторыхъ травъ и другихъ вѣщихъ веществъ и предметовъ; помогала сила заклятій или заговоровъ, разныхъ миѳическихъ дѣйствій и обрядовъ и т. п.

Изслѣдователи, вникавшіе въ существо славянскаго язычества и въ особенности русскаго, единогласно обозначаютъ его вѣрою природною, естественною, то есть, надо полагать, такою вѣрою, которая создалась сама собою, какъ бы выросла изъ самой земли, какъ бы народилась вмѣстѣ съ самимъ народомъ. Она дѣйствительно есть произведеніе нашей страны и представляетъ образъ пониманія и созерцанія природы простымъ умомъ и чувствомъ простаго селянина. Такъ по крайней мѣрѣ мы должны судить о нашемъ язычествѣ по тѣмъ остаткамъ и обломкамъ, какіе уцѣлѣли отъ его міросозерцанія въ народномъ быту и въ показаніяхъ старой церковной письменности. Мы видимъ однако, что въ народныхъ вѣрованіяхъ уцѣлѣли больше всего, такъ сказать, только психическія основы язычества, то есть про-

стое чувство природы съ его поэтическими олицетвореніями во всѣхъ видахъ, и простое дѣтски-слѣпое вѣрованіе человѣка во все, что ни разсказываютъ ему его чувство и воображеніе. Мы знаемъ, что на этихъ естественныхъ и прирожденныхъ человѣку основахъ народъ устроивалъ свое міросозерцаніе и подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и христіанскихъ идей, воспринимая эти идеи тоже въ живыхъ образахъ путемъ олицетворенія, такъ какъ иначе онъ не могъ ихъ и постигнуть.

Какъ извѣстно, народный умъ нигдѣ и никогда не бываетъ богатъ отвлеченнымъ мышленіемъ. Онъ легче всего понимаетъ только то, что можетъ вообразить. Воображеніе больше всего и управляетъ его мышленіемъ. Такимъ образомъ эта сторона народныхъ вѣрованій, въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа и язычествомъ. Она простое дѣтство народнаго ума и чувства, равное по своему существу настоящему дѣтству каждаго человѣка. Во всякое время, и въ язычествѣ, и въ христіанствѣ, это дѣтство постоянно создавало и постоянно создаетъ себѣ живые образы своего разумѣнія вещей и идей. Это простое, прирожденное человѣку творчество его поэтической мысли и чувства.

Но можемъ ли мы основательно говорить, что иного язычества у насъ и не было, что наше язычество осталось на первой порѣ своего развитія, то есть, какъ мы упомянули, на простыхъ естественныхъ основахъ простаго дѣтскаго творчества народной фантазіи, что оставленныя намъ лѣтописью и церковною письменностію имена языческихъ боговъ и въ языческое время оставались одними голыми именами? И здѣсь опять мы встрѣчаемся съ извѣстнымъ заключеніемъ худо понятой Шлецеровской критики, что чего мы не знаемъ, о чемъ не сохранилось свидѣтельствъ, того не могло существовать и въ живой дѣйствительности. Остались отъ языческихъ боговъ одни имена, потому что ихъ капища и миѳы были разрушены Христіанствомъ, а христіанская, одна лишь церковная грамотность въ теченіи вѣковъ рѣдко позволяла себѣ даже упоминать эти проклятыя имена, а тѣмъ меньше описывать подробности языческаго поклоненія; мірской свѣтской грамотности, какъ и свѣтской школы, у насъ вовсе не существовало и по церковнымъ запрещеніямъ не должно было существовать,—вотъ достаточная причина,

почему поэтическіе разсказы древняго язычества ни кѣмъ не были записаны и изчезли изъ памяти. Въ устахъ народа они несомнѣнно хранились многіе вѣка, воспѣвались въ пѣсняхъ-былинахъ, въ которыхъ и до сихъ поръ все еще явно ощущается присутствіе миѳическихъ образовъ высшаго порядка, такъ называемыхъ теперь старшихъ богатырей. Случайно уцѣлѣвшее еще отъ 12 вѣка Слово о полку Игоревомъ вводитъ насъ въ такой міръ живыхъ миѳическихъ воззрѣній и созерцаній, который отстраняетъ и малѣйшее сомнѣніе въ существованіи цѣлаго и полнаго круга русскихъ миѳовъ, носившихся живою жизнію даже надъ сознаніемъ, воспитаннымъ уже христіанскими идеями. Суемудріе нѣкоторыхъ новѣйшихъ филологовъ доказывающихъ, что наше Слово въ сущности есть книжная и стало быть мертвая компиляція и въ мысляхъ и въ словахъ, собранная изъ какого-то невѣдомаго и самимъ филологамъ болгарскаго источника, по меньшей мѣрѣ обнаруживаетъ только недостаточное знакомство, не съ одною буквою, а больше всего со смысломъ и духомъ тѣхъ старыхъ словесъ этой пѣсни, которыя составляли нѣкогда поэтическій языкъ древнихъ Бояновъ и разсыпаны не въ одномъ Словѣ про Игоря, но и въ другихъ памятникахъ русской древней письменности [171].

Это Слово, какъ давно уже отмѣчено, есть произведеніе литературное. Оно не былина народнаго пѣснопѣнья, но твореніе грамотное и однакожъ вовсе не книжное, не подражаніе книжнымъ словесамъ, то есть книжной церковной рѣчи, а подражаніе старымъ словесамъ поэтическаго творчества пѣвцовъ—бояновъ, откуда эти словеса, какъ ходячія пословья, общія мѣста, цѣликомъ вошли въ составъ Слова. Въ отношеніи языка, основою Слова служатъ только эти старыя словеса. Это былъ въ собственномъ смыслѣ литературный языкъ древней Руси. Нѣкоторыя его выраженія могутъ идти отъ глубокой древности, потому что общія мѣста, ходячія пословья, всегда очень любимы народомъ и всегда долго удерживаются въ народной памяти. Такимъ-же путемъ образовался и церковный поучительный языкъ, заключающій въ себѣ множество любимыхъ или привычныхъ выраженій, которыя въ теченіи многихъ столѣтій удерживаются во всѣхъ произведеніяхъ собственнаго русскаго написанія. Вотъ причина, почему въ старыхъ словесахъ Иго-

рева пѣвца находимъ выраженія, проникнутыя полнымъ миѳическимъ сознаніемъ. Слово о полку Игоревѣ вполнѣ удостовѣряетъ, что въ нашей старой письменности существовали и другія ему подобныя и также записанныя пѣсни, въ числѣ которыхъ могли быть и такія, гдѣ русскіе миѳы и русское язычество были изображены въ желанной полнотѣ или покрайней мѣрѣ съ желанными подробностями.

Изъ предъидущаго обзора языческихъ вѣрованій и самыхъ основаній языческаго умонастроенія и умоначертанія уже можно видѣть, что самый нравъ язычника долженъ былъ носить въ себѣ тѣже черты горячаго непреодолимаго чувства, какимъ былъ исполненъ и весь кругъ его пониманія природы. Какъ извѣстно теперешніе люди много размышляютъ; размышленіе ихъ сила и слабость, потому что во многихъ случаяхъ оно охлаждаетъ даже и высокіе порывы чувства; язычникъ наоборотъ все понималъ только чувствомъ. Въ подвижности и стремительности его чувства была его сила, которая конечно чаще всего приводила его къ погибели, но за то приводила и къ полному торжеству.

Въ этомъ отношеніи объ язычникѣ можно говорить, что онъ былъ „натура цѣльная", не раздвоенная и не половинчатая, отнюдь не разъѣдаемая въ своихъ поступкахъ многообъемлющимъ отвлеченіемъ и размышленіемъ. То качество, которое лежало въ основѣ языческаго нрава можно пожалуй назвать донъ-кихотствомъ, самодурствомъ и тому подобными обозначеніями его сильной, полной и цѣльной воли, которая, разъ почувствовавши прямизну своего направленія, уже неизмѣнно и непреодолимо стремилась выполнить себя во всѣхъ обстоятельствахъ и со всѣми подробностями.

Можно сказать, что языческій нравъ вообще былъ сильнѣе чѣмъ теперешній; язычникъ, какъ мы говорили, жилъ наиболѣе чувствомъ, однимъ чувствомъ на высотѣ своихъ идеаловъ и чувственностью на низу своихъ матеріальныхъ потребностей. По этой причинѣ и весь его нравъ состоялъ изъ полноты чувства. Это была стихія его нравственнаго существованія. Его страсти были стремительнѣе и непреодолимѣе, пожалуй можно сказать, животнѣе. Союзъ любви,

родства и дружбы онъ чувствовалъ живѣе, крѣпче, искреннѣе, сердечнѣе, но за то съ такою же живостью и силою онъ отдавался злобѣ и ненависти.

Естественно, что во всѣхъ поступкахъ онъ больше всего уважалъ ту же самую силу чувства, поэтому мужество и храбрость во всѣхъ случаяхъ составляли вершину или вѣнецъ его нравственныхъ дѣяній. Византіецъ Кедринъ разсказываетъ въ своей Исторіи одинъ случай (1034 г.) о Русскихъ Варягахъ, служившихъ въ Греческомъ войскѣ наемниками. „Одинъ изъ Варанговъ, говоритъ онъ, разсѣянныхъ въ области Ѳракисійской(въ Малой Азіи, на Армянской границѣ) для зимовки, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ туземную женщину, сдѣлалъ покушеніе на ея цѣломудріе. Не успѣвъ склонить ее убѣжденіемъ, онъ прибѣгъ къ насилію; но женщина, выхвативъ (изъ ноженъ) мечъ этого человѣка, поразила варвара въ сердце и убила его на мѣстѣ. Когда ея поступокъ сдѣлался извѣстнымъ въ окружности, Варанги, собравшись вмѣстѣ, воздали честь (буквально увѣнчали) этой женщинѣ, отдавъ ей и все имущество насильника, а его бросили безъ погребенія, согласно съ закономъ о самоубійцахъ“ [172].

Нѣмецкіе ученые, присвоивающіе имя Варягъ только одному Германскому племени, принимаютъ и этотъ случай, какъ доказательство германства Варяговъ, именно потому, что здѣсь обнаруживается во всемъ блескѣ германское уваженіе къ женской чести и вообще германская высота нравственности.

Г. Васильевскій, сторонникъ Норманства Руси, въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи о Варяго-Русской дружинѣ въ Константинополѣ, очень основательно доказываетъ что въ этомъ случаѣ имя Варягъ принадлежитъ Русской Руси. Намъ кажется, что и толковать здѣсь о нравственности по нашимъ теперешнимъ понятіямъ едвали находится поводъ. Здѣсь простые люди были приведены въ восхищеніе мужественнымъ дѣломъ женщины и воздали ей справедливую почесть. Не говоримъ о томъ, что подобной справедливости, быть можетъ требовали и Варяжскія обязательства предъ Греками, какъ вести себя посреди чужаго населенія. Смѣлый и мужественный подвигъ и уставъ отношеній къ туземцамъ, все это вмѣстѣ послужило основаніемъ для возста-

новленія и торжества житейской правды. По греческимъ законамъ все имѣніе такого насильника дѣйствительно отдавалось обиженной.

Сводъ нравственныхъ законовъ, который существуетъ у теперешнихъ людей, язычнику былъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Первородное дитя природы, онъ въ своихъ понятіяхъ о нравственности не могъ еще выйдти изъ круга, такъ сказать, стихійныхъ началъ нравственнаго міра. Онъ еще самъ былъ стихійная природа, какъ можно назвать ту связь побужденій и стремленій, руководимыхъ наиболѣе чувствомъ и наименѣе разумомъ, которая и составляла нравственную почву язычника.

Нравственность человѣка возрождается и развивается изъ понятій о человѣческомъ достоинствѣ. Чувствовалъ ли, и могъ ли понимать такое достоинство язычникъ, взирая на самого себя и относясь къ другимъ? Неразвитая высшимъ сознаніемъ природа, онъ смотрѣлъ на весь міръ только какъ на почву для собственнаго существованія, гдѣ торжествуетъ и поглощаетъ все другое только природная же сила, въ какихъ бы видахъ она не выразилась. Съ этой точки зрѣнія язычникъ смотрѣлъ и на человѣческій міръ, едва различая звѣря отъ человѣка, и въ случаяхъ ссоры и вражды охотясь за порабощеніемъ людей, въ равной степени, какъ и за истребленіемъ звѣрей. Какъ мы видѣли, рабы отличались отъ всякаго другаго товара лишь тѣмъ, что были товаръ живой, что обладали способностью уходить отъ владѣльца, почему съ особою заботливостью о сохранности такого товара и толкуютъ договоры съ Греками. Въ этомъ случаѣ достоинство человѣка подобно всякому товару было оцѣнено на вѣсъ золота.

Какъ извѣстно, таково было убѣжденіе всего древняго міра. Первичныя понятія о нравственной цѣнности людей, должны были народиться только въ предѣлахъ человѣческаго гнѣзда, которое именовалось родомъ, и что конечно обнаруживало, такъ сказать, природное происхожденіе этихъ понятій, т. е. ихъ происхожденіе изъ самаго естества животной жизни. Родичъ была личность, имѣвшая въ глазахъ рода, такъ сказать, гнѣздовое нравственное значеніе, какъ единица родовой крови. Понятія о родичѣ составляютъ уже почву для выработки понятій о человѣческомъ достоинствѣ.

Однако родичъ былъ только родная кровь. Достоинство его лица терялось въ сплетеніяхъ родства. Только одно колѣно братьевъ пробуждало идею о равенствѣ личныхъ правъ, о равномъ достоинствѣ каждаго брата и слѣдовательно каждаго лица. Поэтому и переходъ понятій къ идеямъ о равномъ достоинствѣ всѣхъ людей, всѣхъ лицъ, переходъ отъ родоваго корня къ корню общины естественно былъ отмѣченъ родовымъ же именемъ брата. И въ общинномъ быту братъ является уже со всѣми признаками того личнаго достоинства, какое потомъ распространилось въ понятіяхъ о достоинствѣ человѣка вообще. Но выработка новыхъ отношеній между людьми и новыхъ понятій о достоинствѣ человѣка шла очень медленно, съ растительною постепенностью и вполнѣ зависѣла отъ хода самой исторіи во всей странѣ. Языческій бытъ уже и въ христіанское время все еще руководился, какъ мы сказали, только первобытными стихійными началами нравственности.

Охраняя и защищая свое родовое гнѣздо и своихъ птенцовъ-родичей, этотъ бытъ съ особою силою развивалъ стихійное же нравственное чувство—месть. Конечно, это была единственная и самородная управа въ защиту личной и родовой жизни; но она же ввергала эту жизнь въ безконечную вражду и служила главнѣйшею причиною для взаимнаго истребленія охранявшихъ себя родовъ и цѣлыхъ племенъ.

Месть вообще являлась самымъ сильнымъ двигателемъ и устроителемъ языческой нравственности. Это былъ священный долгъ и святое право, которое исполнялось безъ разсужденія и разбора, какія средства были нравственны или безнравственны, лишь бы они доводили до желанной цѣли. Высшее нравственное понятіе заключалось уже въ самой мести.

Мы видѣли, какъ дѣйствовала мстительница Ольга и мститель Владиміръ. Несомнѣнно, что месть же воспитала и Святославову дружину въ ея подвигахъ въ Хозарской области, ибо и отецъ его Игорь три года собиралъ войско на месть Грекамъ. Мы видѣли, что самое начало русскихъ подвиговъ въ Аскольдовомъ походѣ на Грековъ тоже было вызвано чувствомъ мести за убійство въ Царьградѣ, по словамъ Фотія, какихъ-то провѣвальщиковъ зерна. А этотъ случай въ полной мѣрѣ объясняется другимъ подобнымъ событіемъ,

описаннымъ армянскимъ историкомъ конца 10 в., Асохикомъ. Въ то время у греческихъ царей находился на службѣ отдѣльный полкъ Русскихъ, которые даже и на народномъ языкѣ Грековъ назывались также и Варягами. Около 1000 года царь Василій, тотъ самый, при которомъ св. Владиміръ крестился, ходилъ въ Арменію въ сопровожденіи русскаго отряда. Въ одно время этотъ отрядъ стоялъ лагеремъ въ мѣстности между теперешнимъ Діарбекиромъ и Эрзерумомъ. Въ той же мѣстности стояли и грузинскіе полки. Войны не было. Царь Василій приходилъ въ Арменію съ миромъ и дѣлалъ дружелюбные пріемы властителямъ Грузіи и Кавказа. Случилось, „что изъ пѣхотнаго отряда Рузовъ (такъ Армянинъ пишетъ имя Руси) какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Грузинъ и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь Рузу другой Рузъ. Грузинъ кликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой. Ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами. Тѣхъ Рузовъ выпросилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа. Всѣ князья и вассалы грузинскіе выступили противъ нихъ и были побѣждены...“ Другой армянскій историкъ говоритъ, что „30 человѣкъ самыхъ знатныхъ умерли на томъ мѣстѣ. Въ этотъ день не ускользнулъ ни одинъ благородный Грузинъ, всѣ заплатили немедленною смертью за свое преступленіе“ [173].

Вотъ по какой причинѣ имя Руси было страшно всѣмъ врагамъ и разносило побѣду по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Однако и въ этомъ случаѣ Русь дѣйствовала справедливо и законно. Еще въ договорахъ Олега и Игоря убійца долженъ былъ умереть на мѣстѣ убійства. Сопротивленіе Грузинъ увеличило только число жертвъ. Никакой обиды, а тѣмъ болѣе убійства Русь не прощала никогда и рано ли, поздно ли наносила вѣрное отмщеніе. Неудовлетворенная месть горѣла и не потухала многіе годы и исторія Русскихъ войнъ съ сосѣдями, а равно и домашнихъ междоусобій, конечно, главнымъ образомъ всегда была исполнена счетами мести за нанесенныя обиды. Месть была въ то время единствен-

нымъ основаніямъ людской правды; на возмездіи основывалась и всякая справедливость.

Но если месть почиталась единственною правдою и, такъ сказать, самымъ существомъ правды, то понятно, что при ея исполненіи всякія средства казались не только позволенными, но даже и необходимыми. Да и вообще въ глазахъ язычника всякая цѣль его стремленій и чувствованій становилась правдою для его нравственныхъ поступковъ, тѣмъ болѣе, что кругъ его нравственныхъ уставовъ не очень былъ обширенъ.

Изъ чувства и права мести сама собою выростала новая стихія людскихъ отношеній, это—самоуправство. Сильный стремительностью чувства, язычникъ поступалъ самоуправно вездѣ, гдѣ своя воля бывала сильнѣе чужой воли.

Если въ понятіяхъ язычника цѣль его стремленій и чувствованій оправдывала всякія средства и не была, такъ сказать, заставлена различными соображеніями о нравственности или безнравственности поступка, то мы напрасно будемъ разсуждать, что поступки Олега, Ольги, Владиміра были коварны, низки, недостойны правдиваго, а тѣмъ болѣе мудраго человѣка. Коварство, какъ доля или свойство хитрости, у язычника почиталось высшею способностью ума и употреблялось только тамъ, гдѣ недоставало прямой силы. Самъ лѣтописецъ, уже христіанинъ, изображая дѣла Олега при занятіи Кіева, дѣла Ольги по случаю мести Древлянской, вовсе и не помышляетъ, что это поступки только коварные. Онъ напротивъ выставляетъ ихъ какъ дѣла мудрыя, хитрыя, ибо самое слово хитрость и хитрецъ означало въ то время способность творческую, вдохновенную, вѣщую. Хитрецъ и хитрокъ значило просто—художникъ своего дѣла. Хитрые поступки и дѣла, въ какомъ бы видѣ они не обнаруживались, приводили язычника въ восхищеніе и восторгъ, какъ высокія качества ума. Нравственный разборъ въ этихъ случаяхъ появился уже въ христіанское время, когда возстановились уже другіе жизненные идеалы, и нѣтъ ничего ошибочнѣе судить и осуждать языческую нравственность съ точки зрѣнія современныхъ нравственныхъ понятій, къ тому же и существующихъ больше всего только въ поученіи, въ теоріи, на словахъ и на бумагѣ, больше всего въ хвастовствѣ современными успѣхами развитія. Языч-

никъ, поступая по язычески, былъ со всѣхъ сторонъ правъ, потому что таково было его воззрѣніе на жизнь и нравственность. Правы ли современные люди, поступающіе все еще по язычески, проповѣдающіе даже такую языческую истину, что все, что̀ тебѣ мѣшаетъ и сопротивляется на твоемъ пути, должно быть всячески истребляемо, должно погибать, ибо таковъ законъ борьбы за существованіе, правы ли эти люди, вмѣстѣ съ тѣмъ твердо знающіе и высшій идеалъ, и высшій законъ нравственныхъ поступковъ?

Въ понятіяхъ о нравственности, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ воззрѣніяхъ, язычникъ былъ сама природа, простая, вполнѣ чувственная природа, неразвитая сознательною мыслію. Поэтому его совѣсть допускала очень многое, чего мы уже не прощаемъ и почитаемъ за великій грѣхъ. Онъ, напр., бывалъ часто безстыденъ въ отношеніяхъ къ другому полу, о чемъ говорятъ въ 10 вѣкѣ арабы, видѣвшіе Руссовъ на Волгѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и нашъ лѣтописецъ, описывая древній, а быть можетъ еще и современный ему бытъ Древлянъ, Сѣверянъ, Вятичей и т. д. Лѣтописецъ же разсказываетъ былину про язычника Владиміра, какъ онъ безстыдно отомстилъ Полоцкой Рогнѣдѣ за то, что назвала его робичичемъ, сыномъ рабы, и не захотѣла пойдти за него замужъ. Однако все это рисуетъ не развратъ нрава, какъ было у Римлянъ въ послѣднія столѣтія ихъ жизни, не паденіе общества, а одно малолѣтное дѣтство этого общества, по нравственнымъ понятіямъ еще не отдѣлившагося отъ неразумной животной природы и не вѣдавшаго вины въ подобныхъ поступкахъ. Изъ той же близости къ животной природѣ выростали и всѣ другія качества языческихъ нравовъ, недобрыя и добрыя.

Мы сказали, что хитрость и коварство, какъ ловкія орудія ума, безъ которыхъ напр. не возможно было поймать ни одного звѣря, ни одной птицы, въ людскихъ отношеніяхъ употреблялись, однако, только тамъ, гдѣ не доставало прямой силы. Какъ скоро язычникъ сознавалъ свою силу и могущество, онъ дѣйствовалъ всегда прямо, открыто, честно. Святославъ всегда впередъ посылалъ сказать сосѣднимъ странамъ, съ которыми хотѣлъ воевать,—иду на васъ! Святославъ говорилъ такъ, конечно, отъ лица всей своей дружины, отъ лица всей Руси, что вполнѣ соотвѣтство-

вало положенію тогдашнихъ русскихъ дѣлъ. Но каждый изъ храбрыхъ, каждый его дружинникъ, воспитанный съ нимъ вмѣстѣ въ сознаніи русскаго могущества, былъ такой же Святославъ въ своихъ нравахъ и поступкахъ. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ и лѣтописецъ, говоря, что съ Святославомъ вся его дружина жила одинаково. Сознаніе своей силы и могущества есть уже качество богатырское и потому идеалъ нравственнаго человѣка, по языческимъ понятіямъ, долженъ былъ выразиться по преимуществу въ лицѣ богатыря, какъ онъ изображается въ народныхъ пѣсняхъ-былинахъ. Храбрые Святославовой дружины дѣйствительно были богатыри, почему и византійская риторика въ описаніи Святославовыхъ битвъ, какъ мы видѣли, очень походитъ на пѣсню-былину. Въ ней, какъ и въ нашихъ пѣсняхъ-былинахъ, богатырь-воевода, стр. 234, хватаетъ врага за поясъ и помахиваетъ имъ, защищаясь, какъ щитомъ или палицею; и въ ней богатыри разсѣкаютъ пополамъ и людей и лошадей, стр. 224. Борьба съ богатырями заставила и греческаго ритора сказать богатырское слово (такъ въ древности именовалась пѣсня-былина) въ честь великихъ и истинно богатырскихъ подвиговъ этой борьбы.

Какъ образъ не простой, а такъ сказать стихійной силы, буйной и ярой, какъ сама природа, богатырь,—этотъ буй-туръ и яръ-туръ древнихъ пѣсенъ, конечно не зналъ нравственныхъ слабостей или пороковъ безсилія, каковы коварство, вѣроломство, криводушіе, малодушіе, трусость и т. п. Самая жестокость и свирѣпость, до которыхъ въ иныхъ случаяхъ доходилъ въ своихъ подвигахъ и богатырь, являлись только выраженіемъ простой стихійности его богатырской силы и богатырскаго нрава. Если христіанская нравственность требуетъ именно обузданія страстей, то языческая нравственность тѣмъ и отличалась, что въ ней всякое движеніе чувства получало стремительность и горячность самой стихіи. Война, месть врагу, истребленіе врага являлись не простымъ отношеніемъ вражды, но стихіею чувства злобы и ненависти. Вотъ почему и благодушный, добрѣйшій по своей природѣ, Илья Муромецъ становился дикимъ звѣремъ, когда сокрушалъ врага.

Богатырское дѣло было дѣло дружинное. Въ немъ и нравственность необходимо должна была носить черты дружин-

наго быта и особенно дорожить тѣми качествами, какія создавали высоту дружиннаго идеала.

Различная бытовая среда необходимо воспитывала и различные нравы и различныя нравственныя понятія. Нравъ звѣролова, конечно, не во всемъ походилъ на нравъ земледѣльца, какъ и нравъ богатыря-воина не во всемъ походилъ на нравъ промышленника-торговца. Въ каждой средѣ создавались свои идеалы нравственныхъ людей, и надо замѣтить, что язычникъ очень вѣрно опредѣлялъ достоинство самаго корня нравственныхъ поступковъ въ каждой отдѣльной средѣ быта. Звѣриный и птичій промышленникъ почиталъ неприкосновенною святынею чужую добычу, хотя бы она встрѣчалась ему въ самомъ глухомъ пустынномъ мѣстѣ Купецъ почиталъ выше всего правое, т. е. вѣрное слово, честность въ исполненіи обязательствъ и сдѣлокъ. И промышленникъ-охотникъ и промышленникъ-купецъ на самихъ себѣ очень хорошо испытывали великую тяжесть всѣхъ трудовъ, съ какими доставались промысловыя добычи, и потому, сколько берегли свою собственность, столько же уважали и неприкосновенность чужихъ добытковъ труда. Мы видѣли, съ какою заботою Руссы оберегали на Черномъ морѣ во время крушенія чужія ладьи и товары, и знаемъ также, какъ они преслѣдовали злодѣевъ-должниковъ.

Вообще должно замѣтить, что нравственныя понятія въ языческой жизни нарождались сами собою отъ вліянія самыхъ дѣлъ и условій языческаго быта. Такъ извѣстныя обстоятельства нѣмой торговли безъ словъ, о которой скажемъ ниже и которая, какъ древнѣйшій неизбѣжный способъ сдѣлокъ между чужими племенами и между людьми, неразумѣвшими языка другъ у друга, въ древнихъ торговыхъ сношеніяхъ случалась нерѣдко; самыя свойства такого образа сношеній заключали уже въ себѣ плодовитое зерно для развитія самыхъ прямыхъ и въ высокой степени твердыхъ и честныхъ отношеній и къ собственному слову, и къ чужому имуществу. Добрыя нравственныя качества человѣка въ этихъ обстоятельствахъ являлись вовсе не отъ добраго поученія, а какъ неизбѣжное послѣдствіе его бытовыхъ порядковъ; они нарождались и воспитывались самымъ дѣломъ повседневной жизни, потому что во многихъ случаяхъ, при тогдашнемъ состояніи общества, быть честнымъ, держать

крѣпко правое слово, язычнику было выгоднѣе, ибо хитрый обманъ въ повседневныхъ сдѣлкахъ долженъ былъ разрушать самую основу сношеній, которыя въ то время вообще достигались съ немалымъ трудомъ. Такимъ образомъ можно сказать, что вся нравственность язычника, и въ добрыхъ, и въ худыхъ своихъ стремленіяхъ, была естественнымъ произведеніемъ самой природы тогдашняго быта.

ГЛАВА VII.

КРУГОВОРОТЪ ЖИЗНИ ВЪ ЯЗЫЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Руководящее общество. Его основной трудъ. Промысловой торговый кругъ жизни. Промысловыя торговыя связи страны. Иностранная монета, какъ свидѣтель глубокой древности этихъ связей. Товары. Состоянiе жизни по свидѣтельствамъ древнихъ могилъ. Образованность первороднаго общества древней Руси и слѣды иноземныхъ влiянiй.

Мы видѣли, что историческое движенiе Русской жизни въ половинѣ 9-го вѣка ознаменовало себя двумя событiями: призванiемъ изъ-за моря Варяговъ въ Новгородѣ и походомъ за море на Грековъ въ Кiевѣ. Становится также яснымъ, что и то и другое событiе направляются къ одной цѣли, именно къ устройству порядка въ отношенiяхъ домашнихъ и въ сношенiяхъ съ чужими людьми. Кто же былъ главнымъ дѣятелемъ этихъ въ полномъ смыслѣ всенародныхъ и историческихъ подвиговъ? Нельзя отрицать очевидной истины, что въ этихъ великихъ дѣлахъ присутствуетъ сознанiе общихъ выгодъ и общихъ интересовъ. Такое сознанiе не могло вырости внезапно или случайно, какъ грибъ. Оно не могло быть занесено и пришельцами въ родѣ пресловутыхъ Норманновъ. Оно должно было накопиться въ теченiи долгихъ вѣковъ, ибо мы хорошо знаемъ, что и теперь, на высотѣ всякаго прогресса, понятiя объ общихъ цѣляхъ и задачахъ жизни проходятъ въ жизнь и распространяются очень медленно и съ великимъ трудомъ. Сознанiе общихъ выгодъ, обнявшее своею мыслiю весь Русскiй край отъ Балтiйскаго до Чернаго моря, не могло также народиться въ сельской и деревенской глуши. Оно впрочемъ и дѣйствуетъ вдоль большой дороги „изъ Варягъ въ Греки". Оно стало быть народилось и воспитывалось между людьми, хорошо знавшими

оба конца этой дороги и стремившимися устроить на этомъ пути такой порядокъ, который былъ бы выгоденъ и полезенъ каждому концу въ отдѣльности. Очевидное дѣло, что здѣсь дѣйствовало цѣлое общество, то-есть совокупность людей, которые если и жили по разнымъ мѣстамъ, но мыслили одно; если и не знали другъ друга, но сходились, какъ друзья, на одной мысли. Этою мыслью или самымъ надобнымъ дѣломъ для каждаго изъ обитателей всей упомянутой дороги несомнѣнно былъ торговый промыслъ. О древности торговыхъ сношенiй по этому пути мы говорили достаточно, см. стр. 34 и слѣд. Въ селахъ, въ деревняхъ, особенно въ городахъ, лежавшихъ на самомъ пути и по его сторонамъ, необходимо жили люди, для которыхъ торговый промыслъ, въ какомъ бы маломъ видѣ онъ не производился, представлялъ общую связь, гдѣ отношенiя одного конца дороги переплетались съ отношенiями другаго конца. Каждый, заботясь только о себѣ, преслѣдуя только собственныя выгоды, попадалъ однако на тотъ же единственный для всѣхъ общiй путь торга между двумя и даже тремя морями. Свободный или несвободный проходъ къ греческому или варяжскому торгу отзывался своими послѣдствiями даже и въ глухихъ деревняхъ, а тѣмъ больше въ глухихъ городахъ, поэтому живой интересъ о томъ, какъ идутъ дѣла съ Варягами или Греками чувствовался далеко и призывалъ людей къ единству дѣйствiй. Явные слѣды такого единства мы уже видѣли въ полкахъ Олега и Игоря, въ Цареградскихъ походахъ. Не говоримъ о призванiи самыхъ князей и о первомъ Цареградскомъ походѣ Аскольда. Все это дѣла нѣкоего особаго существа древней Руси, которое по справедливости мы можемъ называть обществомъ, и при томъ руководящимъ обществомъ. Выразителями этого общества, его дѣйствующими лицами въ сношенiяхъ съ греками оказываются послы и купцы. Мы полагаемъ, что послованiе и гостьба гораздо древнѣе греческихъ договоровъ, гдѣ они случайно обозначаются въ первый разъ. Это были самые древнiе и обычные способы мирныхъ и собственно торговыхъ сношенiй между близкими и далекими странами. Можно полагать, что послы были водителями купеческихъ каравановъ и что безъ посла по многимъ отношенiямъ древности не былъ возможенъ или безо-

пасенъ и самый торговый походъ. У насъ послы и гости, какъ видѣли, приходили въ Царьградъ отъ каждаго города, а это служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ каждомъ городѣ находилась община людей, малая или большая, интересы которой распространялись дальше предѣловъ своей волости и доходили даже до самаго Царяграда. Глухой Ростовъ, лежавшій далеко отъ варяжскаго пути, посреди дикихъ лѣсовъ и болотъ, и тотъ однако посредствомъ пословаиья и гостьбы сносится съ тѣмъ же Цареградомъ. Если всѣ эти города были Варяжскими колоніями отъ Балтійскаго Славянства, основанными въ незапамятное время задолго до призванія князей, то уже по одному своему происхожденію, какъ колоніи, они должны были состоять изъ промысловыхъ торговыхъ общинъ, которыя въ извѣстномъ смыслѣ, какъ въ послѣдствіи обозначаетъ и лѣтопись, составляли душу каждаго города. Примѣрно мы можемъ числить хотя десять городовъ, существовавшихъ у насъ до 9 вѣка. И этого очень достаточно для образованія изъ общинъ всѣхъ десяти городовъ одной силы, если всѣ города сходились въ своихъ интересахъ къ одной цѣли. Эту-то силу и можемъ называть древнѣйшимъ обществомъ Руси. Единою цѣлью и единою задачею этого общества по всѣмъ видимостямъ былъ свободный торгъ съ Царемъ-градомъ, ибо всѣ дѣла и дѣянія языческаго вѣка служатъ только какъ бы настойчивымъ и непреклоннымъ рѣшеніемъ этой задачи.

Такъ или иначе, но государство всегда основывается обществомъ, то-есть извѣстнымъ союзомъ людей и идей, союзомъ общихъ цѣлей и задачъ жизни. Завоеватель, какой бы ни былъ, вѣдь тоже приводитъ съ собою цѣлое общество, однородно воспитанное и однородно мыслящее, понимающее свои цѣли одинаково. Наше государство основали не завоеватели и не призванные князья, но конечно тѣ люди, которые призвали князей, а эти люди были туземцы, свои люди; они составляли союзъ городскихъ общинъ, составляли перворожденное русское общество.

Мы говоримъ о туземномъ обществѣ, о городахъ; но какъ это согласить съ Академическимъ ученіемъ о Норманствѣ Руси, о скандинавскомъ, то-есть собственно военномъ или дружинномъ происхожденіи русскаго государства, съ тѣмъ ученіемъ, которое заставило насъ, внимательныхъ и по-

слушливыхъ учениковъ нѣмецкой учености, искренно вѣровать, что до призванія князей Русская страна представляла совсѣмъ пустое мѣсто. Это ученіе допуститъ и общество, но только Норманскую дружину, допуститъ и существованіе городовъ, но выстроенныхъ или созданныхъ только по приказанію Норманна Рюрика. Какихъ либо самобытныхъ силъ древней Руси оно ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ. Подъ вліяніемъ этого ученія и желая чѣмъ либо выяснить себѣ Русское пустое мѣсто, мы съ охотою толкуемъ о младенчествѣ, въ какомъ будто бы находилась Русская страна до призванія князей, придаемъ съ излишкомъ много значенія родовому быту, конечно, какъ живой картинѣ этого самаго младенчества.

Между прочимъ, младенчествомъ объясняютъ напр. первоначальную зависимость Русской страны отъ чужихъ людей, отъ Варяговъ и Хозаръ, которые собирали съ нея дани. Но почему же не объясняютъ этого простымъ недостаткомъ въ странѣ военныхъ силъ, ибо въ древнее время, когда являлась въ ней военная сила, она сама получала дани, при Роксоланахъ даже съ Рима, при Уннахъ съ Царьграда, что бывало и при Кіевской Руси. Нѣтъ надобности доказывать, что основы земледѣльческаго быта, на которыхъ главнымъ образомъ устроивался Русскій бытъ, вообще не благопріятствуютъ развитію въ народѣ военной силы и военныхъ инстинктовъ. Земледѣльческій бытъ всегда отличается прирожденнымъ ему миролюбіемъ, и при встрѣчѣ съ воинствующими хищными племенами, всегда болѣе или менѣе оказывается слабымъ и обыкновенно порабощается. Но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ заключеніе нѣкоторыхъ историковъ, что если „въ концѣ первой половины 9 вѣка надъ осѣдлымъ населеніемъ Русской равнины господствовали кочевники, то стало быть осѣдлое населеніе было слабо или отъ дряхлости или отъ младенчества“, т. е. конечно отъ младенчества.

Младенчествомъ здѣсь, какъ видно, объясняютъ отсутствіе извѣстной государственной формы, отсутствіе владѣющей единоличной власти, вообще отсутствіе государства. Но и въ такомъ случаѣ сказанное толкованіе отношеній кочеваго и осѣдлаго быта будетъ вѣрно только отчасти, ибо пересиливать кочевника способно не собственно государство, а

военная сила, слѣдовательно государство, развитое именно военною силою. У народа можетъ существовать и хорошо развитая государственная форма и даже высшая образованность и все-таки этотъ народъ, слабый въ военномъ развитіи, необходимо подпадетъ подъ власть дикихъ кочевниковъ. Примѣры этому въ исторіи, особенно въ древней, когда кочевники составляли, такъ сказать, стихійную силу, безчисленны. Вотъ почему военная слабость народа-земледѣльца ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться младенчествомъ его развитія. Народъ не бываетъ совсѣмъ младенцемъ и тогда, когда повидимому у него не существуетъ и государства. Говоря о младенчествѣ народа, намъ необходимо помнить, что государственная форма его жизни, какая бы она ни была, есть уже возрастная степень его развитія и потому ея начало никакъ не можетъ совпадать съ минутою зарожденія разныхъ другихъ порядковъ народнаго быта. Государство является плодомъ долгой жизни и долгаго развитія этихъ другихъ порядковъ, которые и составляютъ переходъ отъ младенчества къ дѣтству, къ отрочеству и т. д. При этомъ самъ собою возникаетъ также вопросъ, что должны мы разумѣть подъ словомъ государство, государственная форма жизни, когда говоримъ о младенчествѣ народа и почитаемъ эту форму самымъ существеннымъ шагомъ въ его развитіи? Если будемъ разумѣть здѣсь самодержавную, феодальную власть, то такой власти нашъ народъ, и призвавши князей, все-таки не имѣлъ до половины 16 вѣка, то-есть жилъ по прежнему разрозненно особыми волостями и княжествами въ теченіи цѣлыхъ 700 лѣтъ. А по сказаніямъ древности, онъ точно также жилъ и въ 6 вѣкѣ; каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своемъ мѣстѣ, у каждаго племени было княженіе свое. Но мы знаемъ, что въ той же древности существовала политическая форма быта, которую въ извѣстномъ смыслѣ можемъ также именовать государственною. Это была форма городской общины или городской республики, въ которой жили всѣ черноморскіе и другіе колонисты, античные греки, и которая отъ государства въ принятомъ смыслѣ отличается только тѣмъ, что происходитъ не изъ военнаго, а изъ гражданскаго источника людскихъ отношеній, ведетъ свой родъ непосредственно отъ промысла и торга. Въ такую форму складывалась жизнь торговаго промыс-

ла повсюду, во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка, однородно, какъ у образованныхъ, такъ и у варваровъ, лишь бы эти варвары также занимались торгомъ и промысломъ. Образованные развивали эту форму лучше, возвышеннѣе; варвары жили проще, первобытнѣе, но точно также въ извѣстномъ гражданскомъ порядкѣ, свойственномъ этой городской, гражданской формѣ. Мы полагаемъ, что въ подобномъ же, хотя бы и не очень развитомъ устройствѣ, долгіе вѣка существовали и наши русскіе промышленные и торговые люди въ своихъ городахъ и городкахъ, и что древній Новгородъ съ своими порядками есть именно та античная русская форма бытоваго развитія, которая до призванія Варяговъ господствовала у насъ по всей странѣ. Она не составляла государства въ нѣмецкомъ, шлецеровскомъ смыслѣ, но она составляла достаточно крѣпкую городскую связь людей въ древне-греческомъ смыслѣ. Въ ней не было государственной нѣмецкой, то-есть феодальной, самодержавной власти, но все-таки по необходимости существовала власть вѣча, власть общей сходки, на первое время весьма достаточная для водворенія надобнаго порядка.

Однако ученіе о Русскомъ пустомъ мѣстѣ и здѣсь увѣряетъ насъ, что въ первой половинѣ 9-го вѣка, до призванія князей, Русское Славянство все еще жило младенцемъ, что тогда оно жило еще въ первичныхъ формахъ родоваго быта (вста родъ на родъ), и что поворотъ къ измѣненію этихъ формъ въ гражданскія и государственныя сталъ происходить только съ минуты призванія княжеской власти; что вобще до этого призванія Русская страна представляла пустыню въ отношеніи народнаго развитія. Въ такомъ пустынномъ видѣ еще со школьной скамьи мы привыкаемъ представлять себѣ первое время Русской исторіи.

Но здѣсь по всѣмъ видимостямъ скрываются нѣкоторыя недоразумѣнія, поддерживаемыя больше всего вѣрованіемъ въ Русское пустое мѣсто. Родовой бытъ, изображеніемъ котораго необходимо начинать нашу исторію, вліяніе котораго чувствуется въ ней на каждомъ шагу, въ сущности есть только стихія жизни и притомъ стихія жизни частной, домашней, жизни въ отдѣльномъ дворѣ или въ нѣсколькихъ дворахъ—въ деревнѣ. Состояніе жизни у домашняго очага въ общемъ обликѣ въ начальное время дѣйствительно было

исполнено порядками первичныхъ родовыхъ отношеній и связей. Частный бытъ и до сихъ поръ еще руководится такими порядками. Но такъ ли было на высотѣ сознанія народомъ общихъ цѣлей и задачъ жизни, въ дѣяніяхъ и движеніяхъ жизни общей, посреди общихъ стремленій и интересовъ, какими собственно и начинается наша исторія? Былъ ли напр. способенъ родовой бытъ связать въ одно цѣлое цѣлую волость, цѣлую Землю, хотя бы и одного племени? Могъ ли онъ выработать особую политическую форму быта, какую необходимо предполагать, если народъ жилъ раздѣльными, но самостоятельными и независимыми другъ отъ друга волостями и Землями? Скажутъ, что это были отдѣльныя племена, народившіяся и жившія на своемъ мѣстѣ, владѣвшія родомъ своимъ. Но какая же форма связывала отдѣльное племя въ одну общую и самостоятельную жизнь? Въ частномъ быту такою формою былъ родъ, во главѣ котораго стоялъ старшій, или самъ родоначальникъ, или старшій въ родѣ. Но большое или малое племя составляло уже новую ступень родоваго быта. Въ какой же формѣ обнаруживала свои дѣянія и дѣйствія эта новая ступень родоваго развитія, что̀ служило ей главою и ея средоточіемъ; въ чьихъ рукахъ находилась власть и владѣнье всего племени? На это очень ясно отвѣчаетъ самъ начальный лѣтописецъ. Указывая на жизнь родомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ о городкѣ, въ уменьшительномъ видѣ, какъ о зародышѣ городскаго быта; но затѣмъ называетъ даже нѣсколько городовъ, Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ, гдѣ первыми насельниками, по его словамъ были туземныя племена, даже и финскія, а находниками, пришельцами, колонистами были Варяги. Онъ такимъ образомъ не только не отрицаетъ существованія городовъ въ древней Русской землѣ, но прямо называетъ имена такихъ городовъ. По его разумѣнію, это были основныя средоточія племенныхъ волостей или областей, имъ же называемыхъ княженіями: свое въ Поляхъ у кіевскихъ Полянъ, свое въ Деревляхъ, свое Дреговичи, свое въ Новгородѣ у Славянъ, свое на Полотѣ у Полочанъ и т. д. Основываясь на показаніи лѣтописца, мы можемъ такое отдѣльное, свое княженіе признать первородною политическою формою древняго русскаго быта, которая народилась хотя

изъ родовой стихіи, но посредствомъ общинныхъ союзовъ, и именно развитіемъ города, потому что и самое княженіе по разумѣнію нашей древности не могло существовать безъ города. Въ существенномъ смыслѣ, княженіемъ назывался самый городъ съ его волостью, слѣдовательно и политическою формою быта являлся собственно городъ, какъ и слѣдовало по естественному ходу дѣлъ въ развитіи земледѣльческаго быта вообще. Во всѣхъ странахъ этотъ бытъ необходимо приводилъ къ развитію и образованію связей торговыхъ, промышленныхъ, ремесленныхъ и т. п., которыя сами собою сосредоточивались на выгодныхъ и бойкихъ мѣстахъ и по необходимости основывали городъ, т. е. развивали жизнь городомъ, общиною и обществомъ. Городскія стѣны являлись уже какъ защита и оболочка этой новой жизненной формы. Зарожденіе такихъ городовъ принадлежитъ глубокой древности. И въ нашей странѣ такіе города должны были появиться очень рано уже по той одной причинѣ, что черезъ нее проходили торги между морями.

Напрасно увѣряютъ, что города у насъ строила пришедшая дружина, военное сословіе. Она строила крѣпости для защиты опасныхъ мѣстъ, но создать городъ, какъ связь промысловой и торговой жизни, могло только время и самъ народъ. Дружина въ такомъ городѣ и сама явилась, какъ пособіе, какъ потребность для защиты, съ какою цѣлью и была призвана даже изъ-за моря.

Итакъ, если до призванія князей, по точному свидѣтельству начальной лѣтописи, у насъ существовали племенныя княженія и самые города, безъ которыхъ княженія не могли и существовать, то какое же мѣсто въ этихъ княженіяхъ мы дадимъ родовому быту? Городъ, какъ форма народной жизни, не есть родовая форма. Это уже община и притомъ община весьма разнороднаго состава, населенная разными людьми не только отъ разныхъ родовъ, но и отъ разныхъ племенъ, столько же и отъ инородцевъ. Такимъ образомъ, городъ мы должны почитать новымъ основаніемъ для развитія страны, тѣмъ основаніемъ, на которомъ построилось не только призваніе князей, но и само государство. Поэтому и родовой бытъ мы должны удалить на извѣстное или неизвѣстное разстояніе отъ начала нашей исторіи и начинать ее не родовымъ, а городовымъ бытомъ.

Родовой бытъ, какъ мы сказали, былъ основною стихіею нашей жизни. Онъ и остался такою стихіею на долгіе вѣка, но только у домашняго очага, въ кругу частныхъ личныхъ связей и отношеній. Связи и отношенія общаго, то-есть политическаго свойства, общія цѣли и задачи руководились уже другимъ дѣятелемъ, который выросъ конечно не изъ родовыхъ, а изъ общинныхъ началъ жизни. Городъ былъ новою ступенью въ развитіи народа. Только при особомъ развитіи городоваго быта сдѣлался возможнымъ и необходимымъ и переходъ къ призванію владѣющей власти, то-есть переходъ къ зародышу государства. Прямо отъ первичныхъ формъ родоваго быта такой переходъ былъ невозможенъ, потому что это было не естественно, не согласно съ природою вещей. Посаженный въ почву первичныхъ формъ родоваго быта такой зародышъ тотчасъ бы заглохъ и изчезъ бы безъ слѣда. Для него требовалась почва развитая политически, общественно, что могло возродиться только въ городѣ, въ городской общинѣ, а не въ родовомъ союзѣ деревни.

Вообще, начиная русскую исторію и говоря о первичныхъ формахъ родоваго быта, намъ необходимо столько же, если еще не больше говорить и о первичной формѣ нашего городоваго быта, о самомъ городѣ, какъ матери русскаго государства или русскаго государственнаго быта. Мы вообще должны признать ту истину, что наше развитіе шло естественнымъ путемъ не военнаго, а растительнаго, гражданскаго творчества, что въ его нѣдрахъ изъ первоначальныхъ родовыхъ порядковъ прямымъ естественнымъ путемъ прежде всего сама собою народилась община, сначала родовая, но по своему существу необходимо приводившая къ созданію городка и города, а слѣдовательно и городоваго быта; что не иначе, какъ только въ городѣ могъ образоваться и зародышъ государственный, то-есть потребность порядка и правильной власти; что такимъ образомъ между родовымъ бытомъ и началомъ государства, въ срединѣ ихъ, стоитъ городъ, городовой бытъ, а стало быть не только община, но и общество, какъ сознательная сила самой общины.

Правда, что отъ 9 стол. намъ не осталось достаточныхъ свидѣтельствъ о древне-русскомъ городѣ. Но достаточны ли первичныя свидѣтельства и о родовомъ бытѣ, особенно въ

томъ смыслѣ, если имъ же будемъ объяснять и политическую форму народнаго быта? Нѣкоторые порядки и законы родоваго быта наукѣ пришлось выслѣдить уже по сказаніямъ послѣдующихъ вѣковъ, доходя даже до 16 и 17-го. Если въ этомъ случаѣ позднія свидѣтельства вполнѣ разъясняли и даже изображали древнѣйшее до-историческое время, то прилагая тотъ же способъ изслѣдованія къ разъясненію древнѣйшаго городоваго быта, мы точно также можемъ воскресить хотя нѣкоторыя черты и первоначальной жизни города. Это тѣмъ легче, что указанныя формы родоваго быта несравненно древнѣе самаго города и что поэтому свидѣтельства о городовомъ бытѣ 10—12 вв. вполнѣ могутъ изображать время 9, 8 и другихъ раннихъ вѣковъ. „Но какъ это можно,—говорятъ обыкновенно строгіе охранители въ исторіи пустаго Русскаго мѣста,—вѣдь о тѣхъ далекихъ вѣкахъ у насъ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ? А безъ этихъ свидѣтельствъ мы будемъ имѣть все только одни вѣроятія, произвольныя фантазіи, мечты. Вѣрить можно только ясному и точному писаному свидѣтельству". Что касается письменныхъ показаній, то необходимо замѣтить, что они вообще случайны и случайны въ равной степени съ находками монетъ и другихъ вещей, а потому ихъ отсутствіе при наличности вещественныхъ памятниковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ, что о чемъ письменность не упоминаетъ, того будто бы никогда и не существовало. Первоначальныя свѣдѣнія о нашей странѣ мы собираемъ частію отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, частію отъ средневѣковыхъ писателей и больше всего отъ Византійцевъ. Извѣстно, какъ случайны, отрывочны и скудны эти извѣстія. Наши собственныя лѣтописи начинаются поздно и не описываютъ предъидущіе вѣка даже и отрывочно. Значитъ ли это, что въ тѣ вѣка въ нашей странѣ ничего не происходило достойнаго описанія, что въ тѣ вѣка даже и вовсе не существовало Русское Славянство (въ чемъ многіе убѣждены), а если и существовало, то конечно въ младенческихъ пеленкахъ самаго первоначальнаго быта? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ младенческія пеленки скрываютъ только трудность ученой задачи, которую за предположенною скудостью извѣстій иначе рѣшить невозможно. Здѣсь-то и лежатъ основанія тому

историческому заключенію, по которому выходитъ, что если кочевники господствуютъ надъ осѣдлыми, то значитъ осѣдлые—младенцы въ своемъ быту. Утверждаютъ, что такъ именно было въ концѣ первой половины 9 вѣка. Тогда наши „осѣдлые жили въ первичныхъ формахъ быта, жили разрозненно, не успѣвъ выработать порядка и государственной связи“. Такое заключеніе держится твердо только по отсутствію письменныхъ свидѣтельствъ объ иномъ порядкѣ вещей, но это самое отсутствіе свидѣтельствъ—обоюду острый мечъ, оно даетъ вѣдь равныя основанія и для мнѣній совсѣмъ противоположныхъ.

Что́ вообще значатъ иныя письменныя свидѣтельства, вотъ тому примѣръ. Отъ первой половины 9 вѣка до первой половины 13 вѣка прошло 400 лѣтъ. Явились новые кочевники, Татары, овладѣли Русскою страною и стали въ ней господствовать. Византіецъ 14 в., Никифоръ Григора, описалъ это событіе точь въ точь также, какъ описывали нашествія кочевниковъ Византійцы 5 и 6 вѣковъ. Точно также онъ не знаетъ настоящаго имени Татаръ и по византійскимъ литературнымъ преданіямъ называетъ ихъ Скиѳами; описываетъ ихъ нравъ и бытъ заученными риторическими фразами прежнихъ историковъ. Завоеванныя Татарами мѣстности онъ точно также обозначаетъ заученными именами Массагетовъ и Савроматовъ, Меотиды и Танаиса. На поморьѣ Понта у него по прежнему живутъ Амаксовіи, Тавроскиѳы, Борисѳеняне; на устьѣ Дуная Гунны,—словомъ сказать, у писателя первой половины 14 вѣка мы встрѣчаемъ тѣже самыя и даже меньшія географическія и этнографическія познанія и свѣдѣнія о нашемъ сѣверѣ, какія за 1000 лѣтъ до него были въ ходу въ 3, 4, 5 вѣкахъ. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что не только съ 9 вѣка, но и со временъ Геродота здѣшнія дѣла остаются въ одномъ положеніи. Верхнія внутреннія земли надъ поморьемъ Понта по старому занимаютъ, какъ говоритъ Григора „осколки и остатки древнихъ Скиѳовъ, раздѣляясь на осѣдлыхъ и кочевыхъ“, какъ напр. говорилъ и Страбонъ о Язығахъ за 1500 лѣтъ до этого времени [114].

Хорошо, что́ изъ собственныхъ лѣтописей мы знаемъ, какіе это были осколки и остатки. Но было время, когда населеніе нашей равнины было безграмотно, не имѣло литера-

турнаго образованія и не описывало ни своихъ подвиговъ, ни своего быта. Можно ли судить на этомъ основаніи, что этотъ бытъ находился въ младенческомъ состояніи, переживалъ еще первичныя формы? Еслибъ до первой половины 13 вѣка мы также не имѣли собственныхъ лѣтописныхъ извѣстій, какъ не имѣемъ ихъ до первой половины 9 вѣка, то сказаніе Византійца Григоры представило бы ту же самую картинку, какую мы обыкновенно ставимъ въ начало нашей Исторіи. Опять кочевники господствуютъ надъ осѣдлымъ народонаселеніемъ, опять стало быть это народонаселеніе слабо, какъ младенецъ, и живетъ въ первичныхъ формахъ быта, живетъ разрозненно, не успѣвъ выработать порядка и государственной связи. Всѣ эти слова дѣйствительно и съ большою правдой можно сказать о Руси во время Татарскаго нашествія, но только по отношенію къ развитію государственной идеи и формы, которая на самомъ дѣлѣ была тогда слаба и малолѣтна. И ни одного изъ этихъ словъ нельзя сказать по отношенію къ развитію народнаго быта, къ порядкамъ и учрежденіямъ жизни общественной и частной. Степень этого развитія, не смотря на Христіанство, была еще недостаточна, содержала въ себѣ многое варварство, но сравнительно съ первичными формами быта, она стояла уже на большой высотѣ. Между тѣмъ въ существенныхъ основахъ, за исключеніемъ христіанства и грамотности, она едва ли многимъ отличалась отъ той степени народнаго развитія, на которой послѣдовало призваніе Варяговъ. Земля тогда жила раздѣльными племенными областями въ городахъ, какъ теперь живетъ раздѣльными княжествами тоже въ городахъ; и тогда, какъ и теперь, она то изгоняетъ, то призываетъ себѣ князей. Точно также и по тѣмъ же путямъ она ведетъ свои промыслы и торги; точно также враждуетъ между собою и бьется съ пограничными сосѣдями и кочевниками; точно также не имѣетъ надъ собою единой государственной власти и т. д. Теперь посреди инородцевъ ее связываетъ въ одно цѣлое только одно Русское имя, а больше всего христіанство посреди поганства. До призванія Варяговъ такихъ связей не существовало. Но по всему видимо, что подобною связью въ то время служилъ промысловой торговый путь по Днѣпру изъ Варягъ въ Греки, именно торгъ съ Греками. По сто-

ронамъ этого пути послѣдовала и первичная государственная связь.

Греческій торгъ, мы будемъ говорить только о немъ, хотя торги Каспійскій и Балтійскій были не менѣе важны, уже одинъ Греческій торгъ съ давнихъ временъ долженъ былъ возбуждать въ нашей равнинѣ то промысловое и торговое движеніе, которое создало не только большіе и малые торговые города, но и способствовало объединенію общихъ выгодъ по всѣмъ угламъ равнины. Это единство общихъ выгодъ очень замѣтно выступаетъ и дѣйствуетъ во всѣхъ событіяхъ при самомъ началѣ Русской Исторіи. Оно-то и вызвало къ жизни эту Исторію, дало ей основаніе въ союзѣ сѣверныхъ областей, призвавшихъ княжескую власть съ цѣлью укрѣпить единство же и порядокъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Событія языческаго вѣка съ достаточною ясностію показываютъ также, что основанное государство носило въ себѣ типъ болѣе всего промышленный, городской или гражданскій, но не военный или феодальный, завоевательный, хищническій, норманскій, какъ это представляется на первый взглядъ, благодаря норманской разрисовкѣ всѣхъ первыхъ лицъ и первыхъ событій. Государство основано не морскими разбойниками, Норманнами-грабителями, но мирными промышленниками своеземцами, которые только о томъ и хлопочатъ, какъ бы устроить выгодный для промысла миръ со всѣми землями, и главнѣе всего съ Греками, не прощая разумѣется, для выгодъ же своего мирнаго промысла, никакой обиды и никакого стѣсненія въ торговыхъ дѣлахъ.

Эти промышленники, собравшіеся при Олегѣ изъ Новгорода и другихъ городовъ и переселившіеся въ Кіевъ поближе къ Греческому торгу, и составляли то руководящее общество древней Руси, о которомъ мы говоримъ и которое не слышно и невидимо, но настойчиво дѣйствуетъ во всякомъ событіи языческаго вѣка.

Собственная наша лѣтопись не даетъ никакихъ опредѣленныхъ и ясныхъ свѣдѣній объ этомъ особомъ существѣ древнерусскаго развитія, быть можетъ по той причинѣ, что лѣтописная память смотрѣла на промысловой и торговый бытъ своей земли, какъ на дѣло повседневное, обычное, всѣмъ извѣстное, о которомъ нечего было говорить. Ни со-

бытій, ни подвиговъ, достойныхъ особой памяти, здѣсь не случалось. Изъ года въ годъ, изо дня въ день здѣсь происходило все одно и тоже. Къ счастію объ этихъ повседневныхъ русскихъ дѣлахъ разсказываютъ чужеземцы, современники новорожденной Руси. Арабы пишутъ о Волгѣ и Каспійскомъ торгѣ, Византійцы о Днѣпрѣ и Черноморскомъ торгѣ. Самое важное свидѣтельство принадлежитъ Византійскому императору Константину Багрянородному, который писалъ около 950 г. и при томъ пользовался свѣдѣніями отъ самихъ Русскихъ же людей изъ далекаго Новгорода, какъ это вполнѣ выясняется изъ его разсказа. Сами русскіе люди въ короткихъ словахъ изобразили ему, такъ сказать, жизненное круговращеніе тогдашняго промысла и торга, который въ извѣстное время каждый годъ постоянно отливалъ во всѣ стороны изъ своего сердца, Кіева, и постоянно приливалъ къ нему съ новыми силами. „Какъ скоро наступитъ ноябрь мѣсяцъ, говоритъ Багрянородный, то Росскіе князья со всѣми Россами выходятъ изъ Кіева и отправляются въ полюдье въ Славянскія земли, къ Древлянамъ, Дреговичамъ, Кривичамъ, Сѣверянамъ и къ другимъ Славянскимъ племенамъ—данникамъ Россовъ. Тамъ Россы—Кіевляне проводятъ зиму, а весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда вскрывается Днѣпръ, по полой водѣ, отъѣзжаютъ обратно въ Кіевъ.“ Это былъ обычный походъ не только за сборомъ дани, но несомнѣнно и для торговли, который продолжался почти цѣлые полгода. Другая, лѣтняя половина года уходила на путешествіе въ Царьградъ и въ другія Черноморскія страны. Какъ только Россы возвращались въ Кіевъ, тотчасъ же начинались и приготовленія къ этому новому походу.

Суда, на которыхъ Россы приходили къ Царьграду, говоритъ Константинъ Багрянородный, были изъ Новгорода, а также изъ Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышеграда. Погречески эти имена нѣсколько переиначены обычною перестановкою звуковъ и написаны: Немогарда, Милиниска, Теліюца, Тцернигога, Вусеградъ.

Отъ этихъ городовъ сперва они приплывали на рѣку Днѣпръ и потомъ собирались у Кіева, который (не отъ того ли?) прозывался Самватасъ, имя доселѣ хорошо необъясненное, но встрѣчаемое въ мраморныхъ надписяхъ Танаиса въ 3 вѣкѣ по Р. Х., (см. Ч. 1, стр. 364) .Изготовленіе

судовъ происходило такимъ образомъ: Славяне, данники Россовъ, именно Кривичи (верхъ Волги, Двины и Днѣпра), Лензанины, вѣроятно Смолняне или вообще племена лѣсныя, рубили зимою у себя на горахъ (въ верхнихъ земляхъ) лѣсъ, выдалбливали и строили суда, а весною, какъ снѣга начинали таять, немедленно сплавляли ихъ въ поближнія озера и рѣки и потомъ дальше въ Днѣпръ и по Днѣпру въ Кіевъ, гдѣ вытаскивали ихъ на берегъ и продавали Россамъ. До сихъ поръ суда плавающія по Днѣпру строятся въ Любечѣ, Гомелѣ, Брянскѣ, т. е. въ верхнихъ мѣстахъ Днѣпровскаго пути. Кіевляне покупали только самыя ладьи, а весла, уключины и другія снасти дѣлали изъ старыхъ ладей сами, потому вѣроятно, что лучше другихъ знали и умѣли, какъ приладить судно къ морскому ходу и особенно къ ходу черезъ пороги.

Снарядивъ ладьи и совсѣмъ изготовившись въ путь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, слѣд. когда весеннія воды Днѣпра уже достаточно спадали, Россы спускались по Днѣпру до Витичева, какъ называлось одно крѣпкое мѣсто, лежавшее на Днѣпрѣ, которое Россамъ платило дань. Здѣсь ладьи останавливались дня на два и на три въ ожиданіи пока соберутся всѣ. Здѣсь слѣдовательно находилось особое сборное мѣсто, собственно для морскаго каравана. До сихъ поръ пониже Витичева Холма существуетъ селеніе Стайки, явно указывающее своимъ именемъ на общее пристанище древнихъ плавателей. Стояніе у крѣпкаго мѣста, ожиданіе, пока соберутся всѣ, указываетъ также, что дальнѣйшій путь по Днѣпру особенно въ первыя времена былъ не безопасенъ и требовалъ плаванія всею громадою. Отъ Витичева это плаваніе безпрепятственно продолжалось до самыхъ пороговъ, вблизи которыхъ по каравану тотчасъ раздавалось лоцманское восклицаніе: Не спи! т. е. не зѣвай, бодрствуй, ибо близится опасность. Отъ этой обычной лоцманской команды вѣроятно получилъ свое прозваніе и первый порогъ Днѣпра. Лоцманы и теперь, какъ и всегда, и вездѣ, больше всего употребляютъ короткія и повелительныя выраженія, составляющія особый языкъ ихъ команды. Изъ этого языка происходитъ и имя порога Неспи. Не говоримъ о томъ, что Русскія прозвища даже и въ личныхъ именахъ очень нерѣдко употребляютъ тѣ же повелительныя наклоненія:

каковы напр. Коснятинъ Положи шило (13 в.), Өедоръ Умойся Грязью (17 в.), и т. п.

Несмотря на то, что Константинъ Багрянородный, написавшій имя порога нѣсколько иначе: Ессупи, Нессупи, все таки прямо и положительно утверждаетъ, что оно на Русскомъ и Славянскомъ языкѣ значило: не спать; не смотря такимъ образомъ на полнѣйшую очевидность и осязаемость всего дѣла, норманисты и до сихъ поръ подвергаютъ это простое и коренное славянское слово величайшимъ истязаніямъ и пыткамъ, всячески допрашивая его на всѣхъ скандинавскихъ языкахъ, не скажетъ ли оно, что Россы непремѣнно были Норманны, Скандинавы. Конечно, подъ страшными муками слово выговариваетъ то, что нужно истязателямъ, и на что наука потомъ будетъ указывать, какъ на курьезные образчики своенравной учености.

Приближаясь къ первому порогу плаватели встрѣчали торчавшіе изъ воды три камня, которые и доселѣ именуются Троянами и въ древности несомнѣнно были облечены какимъ-либо миөическимъ значеніемъ. Ширина русла на этомъ порогѣ была очень незначительна, всего 155 саж.; такъ что Константинъ Багрянородный, вѣроятно по указанію бывалаго Славянина изъ Руси, сравниваетъ ее съ шириною одной изъ потѣшныхъ Цареградскихъ площадокъ, гдѣ цари съ боярами верхомъ на коняхъ игрывали въ мячъ. По срединѣ рѣчнаго русла въ этомъ порогѣ торчали высокіе и крутые острые камни, которые издали походили на острова. Быть можетъ, Багрянородный говоритъ это, разумѣя упомянутые камни Трояны. Другихъ камней въ самомъ порогѣ теперь не существуетъ, ибо ихъ взорвали при устройствѣ болѣе удобнаго прохода въ порогахъ. Вода ударялась въ эти камни съ великимъ стремленіемъ и низвергалась съ ужаснымъ шумомъ, отъ чего Россы не осмѣливались проходить порогъ прямою дорогою. Они вблизи порога, не выгружая судовъ, высаживались, кому слѣдовало, на берегъ и направляли ладьи возлѣ самаго берега въ уголъ, т. е. къ одной сторонѣ порога, гдѣ возможно было пройдти бродомъ.

По всему вѣроятію эта высадка происходила за камнями Троянами, расположенными въ рѣкѣ у лѣваго берега. По тому же берегу устроивали и проводъ судовъ: иные, раз-

дѣвшись донага, входили въ рѣку, чтобы ощупать босыми ногами направленіе русла между каменьями, другіе въ тоже время, сидя въ ладьяхъ, осторожно подвигали судно по найденному руслу, всѣми мѣрами сопротивляясь быстринѣ, упираясь и работая веслами съ носовой части, съ средины и съ кормы. Такимъ образомъ съ великимъ трудомъ и съ величайшею осторожностью, почти переволакивая суда на себѣ, Россы проходили этотъ первый порогъ.

На вольномъ мѣстѣ, работавшіе въ водѣ снова усаживались въ ладьи и всѣ плыли (7 верстъ) ко второму порогу, который по русски именовался Улворси, а по славянски Островуни прахъ, что значило Островный порогъ, несомнѣнно потому, что этотъ порогъ, называемый теперь Сурскимъ, образуетъ сначала длинный въ 2 версты островъ, у нижней оконечности котораго и находится самый порогъ. Онъ теперь не опасенъ, но въ древности здѣсь происходила точно такая же переправа судовъ, почти волокомъ, какъ и на первомъ порогѣ. Для объясненія имени Улворси, слѣдуетъ припомнить русское областное (Арх.) слово Улова— водоворотъ у береговаго мыса.

Тѣмъ же порядкомъ Россы проходили и третій порогъ Геландри, что пославянски означало шумъ, звонъ. Есть областное (Нижегород.) слово Гундра, сумятица, хаосъ, которое можетъ служить указаніемъ на существованіе подобнаго же областнаго слова съ значеніемъ имени Геландри. Существуетъ и теперь порогъ съ именемъ Звонецъ, четвертый по счету, но онъ не на столько опасенъ, какъ идущій передъ нимъ третій, называемый Лаханнымъ. Быть можетъ оба эти порога въ древности обозначались однимъ именемъ, указывающимъ на особую примѣту здѣшняго плаванія въ особомъ звенячемъ или гремячемъ шумѣ воды, слышномъ и теперь изъ далека. Какъ бы ни было, только порогъ Звонецъ, на самомъ дѣлѣ не столько опасный, какъ Лоханный, не упомянутъ въ описаніи Константина Багрянороднаго.

Четвертымъ порогомъ онъ именуетъ самый большой и самый опасный, Неясытецъ или Ненасытецъ, сохраняющій свое имя и до сихъ дней. Багрянородный говоритъ, что порогъ такъ назывался пославянски по той причинѣ, что въ немъ на камняхъ гнѣздились пеликаны. По русски онъ назывался Айфаръ, Ейфаръ, что сходно съ литовскимъ име-

немъ пеликана и какой то мифической птицы Айтваросъ, какъ называется литовцами и домовой. Означало ли имя Айфаръ то же пеликана, Багрянородный не объясняетъ, какъ и вообще не даетъ никакого намека, чтобы Русскія имена пороговъ всегда значили тоже самое, что и славянскія, которыя одни только онъ и толкуетъ или переводитъ.

Въ этомъ порогѣ первымъ дѣломъ Россовъ было скорѣе высадить на берегъ храбрую дружину для сторожи и защиты отъ нападенія Печенѣговъ, которые всегда поджидали здѣсь Днѣпровскій караванъ. Затѣмъ выгружались на берегъ товары и переносились сухимъ путемъ. Живой товаръ, невольники, скованные, также отправлялись по берегу пѣшкомъ. Лодки тащили волокомъ или несли на плечахъ. Этотъ сухопутный обходъ порога простирался на 6000 шаговъ, что равняется почти двумъ верстамъ. И теперь каменныя гряды въ порогѣ дѣйствительно занимаютъ пространство въ длину почти на полторы версты. Пройдя такимъ образомъ опасное мѣсто, лодки снова спускались на воду, снова нагружались товаромъ и отправлялись дальше (13 верстъ).

Мы видимъ, что въ этомъ порогѣ главная и единственная опасность заключалась не въ переправѣ по стремленію рѣки, ибо его проходили пѣшкомъ, а именно въ нападеніи со стороны хищныхъ Печенѣговъ. Можно догадываться, что объ этой опасности говоритъ и самое имя порога. На немъ гнѣздились будто бы Неясыти,—это объясненіе не есть ли только иносказаніе, что здѣсь гнѣздились прожорливые степные хищники, которыхъ Россы могли прозывать Неясытями, ибо въ древнее время въ народномъ быту каждый народъ носилъ какое-либо особое прозвище, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ одинъ славянскій памятникъ относимый Шафарикомъ къ 1200 году, въ которомъ называются: Аламанинъ—орелъ, Индіанинъ—голубь, Команинъ (Половчинъ)—пардосъ—барсъ, Роусинъ—видра, Литвинъ—туръ, Болгаринъ—быкъ, Сербинъ—волкъ, Грекъ—лисица, и т. д.

У пятаго порога лодки проходили тѣмъ же способомъ какъ у перваго и втораго порога, то есть по руслу между каменьями, въ углу порога, возлѣ самаго берега. Этотъ порогъ порусски назывался Варуфоросъ, а пославянски

Вулниправъ отъ того, что здѣсь онъ образуетъ великое озеро, какъ толкуетъ Багрянородный.

Теперь порогъ называется Волнѣгъ или Вовнигъ, что вмѣстѣ съ древнимъ названіемъ скорѣе указываетъ на волненіе, чѣмъ на признакъ обширнаго озера. Русское имя Варуфоросъ, если толковать по русски, точно также заключаетъ въ себѣ указаніе на особенное волненіе порога. Въ древнемъ языкѣ варъ значитъ сильное волненіе. „Варъ бысть и шумъ многъ моря", говорится въ древнемъ житіи Іоанна Богослова, по языку относящемся быть можетъ къ 12 или 13 в. Вторая половина имени форосъ, по всему вѣроятію, есть измѣненіе и смягченіе полногласной русской формы—порогъ, Варъ-порогъ. Качество волненнаго порога не исключаетъ понятія и объ озерѣ, ибо чрезвычайное волненіе не могло иначе происходить, какъ на обширномъ пространствѣ теченія. Ниже порога русло рѣки въ дѣйствительности расширяется, „и на ней постоянно ходятъ большія волны." Ниже этого одного порога, говорятъ очевидцы, замѣтно особенное волненіе во всякую погоду. Кромѣ того въ порогѣ и доселѣ существуетъ опасный водоворотъ.

Миновавши пятый порогъ, Россы достигали шестаго, который по русски назывался Леанти, а по славянски Веручи, иначе пишется Веруци и Веронци, что значило ключъ, кипѣніе воды.

Такъ какъ слѣдуемый за Вовнигомъ теперешній порогъ Гудило считается наименѣе опаснымъ, а за нимъ новый порогъ Личный, Лишній тоже „не представляетъ большихъ затрудненій для судоходства", то шестымъ порогомъ Константина Багрянороднаго мы должны признать 9-й по теперешнему счету порогъ Вильный или Гадючій (гадюкъ значитъ змѣя), который по всему вѣроятію такъ названъ по особому качеству его русла или фарватера. Это русло нѣсколько разъ круто поворачиваетъ то къ лѣвому, то къ правому берегу, такъ сказать, безпрестанно извивается и вертится змѣею, отъ чего быть можетъ произошло и древнѣйшее славянское названіе порога Веручи, Верчій, Вертчій, при чемъ естественно существовало и ключевое кипѣніе воды.

Въ вершинѣ порога находится также островъ Лантуховъ, иначе Виноградный въ три версты длиною, очень напоминающій Русское прозваніе, написанное погречески—Леанти.

И въ этомъ порогѣ Россы проводили суда точно также, какъ въ первомъ, возлѣ берега.

Все плаванiе въ малыхъ ладьяхъ, нагруженныхъ товаромъ, совершалось, какъ и слѣдовало ожидать, не прямо через пороги, а въ проходахъ между порогами и берегомъ, у Неясытца даже съ выгрузкою и пѣшимъ путемъ. Стало быть плаватели вообще старались обойдти гряды камней по ихъ сторонамъ и какъ видно преимущественно по лѣвому берегу, который въ этомъ случаѣ представлялъ несравненно больше удобствъ, чѣмъ правый.

Значительные и очень опасные пороги здѣсь оканчивались. Теперешнiй Вильный былъ послѣднiй изъ нихъ. Впрочемъ за нимъ существуетъ небольшая забора, называемая иными Явленнымъ порогомъ, которую тоже необходимо миновать съ надлежащею осторожностью. И Багрянородный упоминаетъ еще порогъ, седьмой по его счету и послѣднiй, который по русски именовался Струвунъ, что можетъ значить островъ. Упомянутая забора дѣйствительно находится вблизи небольшихъ островов, за которыми въ одной верстѣ протягивается и одинъ значительный островъ, называемый Большой Дубовъ. Это имя можетъ также обозначать древнюю страву, покормъ, такъ какъ отсюда большiя опасности плаванья уже совсѣмъ прекращались, и можно было хлопотать объ отдохновенiи и покормѣ. По свидѣтельству Боплана, въ 17 ст., Дубовъ островъ Запорожцами прозывался Кашеварницею, „какъ будто для выраженiя радости о благополучномъ проходѣ через пороги. Тамъ казаки веселятся и угащиваютъ другъ друга обыкновеннымъ своимъ походнымъ кушаньемъ—кашею“, замѣчаетъ авторъ. Это вполнѣ можетъ объяснить почему малый порогъ у Руссовъ именовался Стравунъ, покормный. И въ настоящее время, на баркахъ, пройдя благополучно всѣ пороги, всѣ плаватели начинаютъ съ большимъ усердiемъ молиться и благодарить Господа, что миновали опасныя и страшныя мѣста.

Багрянородный говоритъ дальше, что пославянски этотъ самый порогъ назывался Напрези, что значило малый порогъ. Въ такомъ случаѣ было бы правильнѣе: Мал—прези; въ греческомъ написанiи могла легко произойти незначительная порча звука. Но, сохраняя это написанiе, можно

толковать, что здѣсь обозначено цѣлое выраженіе: на порогѣ, или, какъ говорятъ малоруссы, настоящіе древніе Руссы, на порозѣ—т. е. дома, на привольи, послѣ труднаго и опаснаго пути.

По незначительности этого порога и Багрянородный ничего не говоритъ о томъ, что переправа по немъ была чѣмъ либо затруднительна. Отъ этого мѣста караванъ скоро доплывалъ до извѣстнаго перевоза Кичкасъ, названнаго у Константина Крарійскимъ, гдѣ обыкновенно переправлялись Корсуняне, возвращаясь изъ Руси сухопутьемъ, и Печенѣги отправлявшіеся въ Корсунь. Этотъ перевозъ лежалъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ Днѣпра и равнялся шириною Цареградскому ипподрому, который простирался на версту. Здѣсь лѣвый берегъ рѣки очень высокъ и состоитъ изъ отвѣсныхъ скалъ до 35 саж. вышины. Разстояніе съ высоты скалистаго лѣваго берега до мѣста переправы на правомъ низменномъ берегу легко было перестрѣлить стрѣлою, почему и здѣсь Русскій караванъ подвергался нападенію Печенѣговъ, которые вѣроятно и за самый перевозъ собирали хорошую пошлину, ибо окрестныя степи по обоимъ берегамъ рѣки составляли ихъ собственность и привольное ихъ кочевье.

Пройдя это мѣсто, въ мирное время несомнѣнно съ выкупомъ, а въ военное съ оружіемъ въ рукахъ и съ готовностью отбить нападеніе, Россы вскорѣ приставали къ острову Хортицѣ, который у Константина носитъ имя Св. Григорія.

Въ виду пройденныхъ трудовъ и опасностей этотъ островъ въ глазахъ плавателей несомнѣнно почитался священнымъ и очень правдива догадка, что въ его имени можетъ скрываться имя самого Хорса—Дажь Бога. Россы здѣсь именно и совершали поклоненіе божеству у стараго великаго дуба, принося въ жертву живыхъ птицъ, куръ и пѣтуховъ, хлѣбъ, мясо и что̀ у кого было. Для жертвы они устроивали на землѣ кругъ изъ воткнутыхъ стрѣлъ. О птицахъ бросали жребій и гадали, колоть ли имъ птицъ и ѣсть, или оставить въ живыхъ? По всему вѣроятію это гаданіе относилось къ дальнѣйшему пути и къ тѣмъ выгодамъ, которыя ожидали плавателей въ Царьградѣ.

Поднявшись съ острова Хортицы, Россы уже не опасались нападенія Печенѣговъ. Отсюда начиналось плаваніе

привольное и просторное. Рѣка становится шире, распадается на многіе рукава и течетъ въ широкихъ долинахъ, которыя распространяются отъ берега верстъ на 6, на 10, а въ иномъ мѣстѣ и на 20. Эти низменныя болотистыя долины побольшой части и теперь покрыты густыми лѣсами или кустарниками, камышами, высокою травою, наполнены рѣчными протоками и озерами. Отсюда начинался лѣсъ, Геродотовская Илея, лѣсная земля, называемая и теперь Великимъ лугомъ; поэтому только здѣсь и можно было находить безопасность отъ степной грозы, отъ набѣговъ хищнаго кочевника.

Отъ острова Хортицы до Днѣпровскаго устья (270 верстъ) Россы плавали обыкновенно четыре дня, справляя такимъ образомъ безъ малаго верстъ по 70 въ день. Гдѣ-то въ устьѣ Днѣпра караванъ останавливался и отдыхалъ два или три дня, уснащивая между тѣмъ суда для морскаго хода, прилаживая мачты, паруса, рули. Какъ извѣстно, устье Днѣпра при впаденіи въ море образуетъ обширный, такъ называемый Лиманъ, Ильмень-озеро, въ которое впадаетъ и рѣка Бугъ. Багрянородный говоритъ, что Россы, изготовивши ладьи, подавались въ этомъ озерѣ куда-то назадъ къ Днѣпру, гдѣ опять останавливались на нѣкоторое время. Эту замѣтку не иначе можно объяснить, какъ тѣмъ, что они подавались въ устье Буга, вверхъ, къ мѣстамъ теперешняго Николаева, гдѣ также могли грузить какой либо товаръ, шедшій съ верховьевъ этой рѣки; или же, не измѣняя путей глубокой древности, останавливались у бывшей Ольвіи, неподалеку отъ устья Буга, гдѣ въ 10 вѣкѣ все еще могъ существовать небольшой городокъ. Кромѣ того въ это мѣсто они могли заходить въ ожиданіи благопріятной погоды для плаванія въ открытомъ морѣ.

Изъ Лимана моремъ, выждавши погоду, Россы отправлялись на парусахъ, держась всегда береговъ, такъ какъ и самое теченіе моря отсюда несется главною струею вдоль берега къ Одессѣ. Они такимъ образомъ достигали Днѣстровскаго лимана, такъ называемаго Бѣлобережья, гдѣ Цареградское устье Днѣстра представляетъ единственную стоянку для судовъ, гдѣ и Россы тоже останавливались нѣсколько времени и затѣмъ продолжали путь къ Сулинскому устью Дуная.

У Дуная снова встрѣчали ихъ Печенѣги, владѣвшіе степью отъ Дона до этого мѣста. Опасность заключалась въ томъ, что нельзя было ни за какимъ дѣломъ пристать къ берегу; а часто случалось, что морское волненье прибивало суда именно къ берегу. Тогда всѣ Россы выходили на сухой путь и общими силами защищались отъ Печенѣговъ.

Дальше за Сулиною не предстояло уже никакой опасности и Россы свободно продолжали путь, минуя или заходя въ Болгарскія мѣста, въ Коноиъ у южнаго Дунайскаго устья, въ городъ Костанцію (Кюстенджи), къ рѣкамъ Варнасу (Варна) и Дицинѣ.

Наконецъ подплывали къ Греческимъ берегамъ, въ область Месимврійскую (городъ Мисиври) и затѣмъ въ самый Царьградъ. Таково было плаваніе Россовъ, подверженное многимъ затрудненіямъ и опасностямъ, говоритъ Багрянородный. Такова была цѣна тѣмъ паволокамъ, золоту, серебру, различнымъ овощамъ и всякимъ товаромъ царскихъ земель, какіе добывались этимъ странствованіемъ въ знаменитый Царьградъ.

Надо примѣрно полагать, что все плаванье съ остановками продолжалось отъ Кіева до устья Днѣпра дней 15, отъ Днѣпровскаго устья до Дуная дней 10, и дней 15 до Царьграда, всего дней 40, и едва-ли менѣе цѣлаго мѣсяца [175].

О пребываніи Россовъ въ Царьградѣ, мы уже довольно знаемъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Эти договоры, начало которыхъ должно относится еще ко времени Аскольда, устроивали и утверждали именно порядокъ и разныя обстоятельства Русскаго пребыванія въ Греческой землѣ. Они слѣдовательно служили обезпеченіемъ для обыкновенныхъ каждогодныхъ походовъ Руси за греческимъ торгомъ. Мы указали, что военные походы Руси подъ Царьградъ предпринимались вообще въ крайнихъ случаяхъ и ограничивались только одною цѣлью, отмстить за обиду и вытребовать у гордаго и коварнаго Грека надобныя условія для правильныхъ и постоянныхъ сношеній. Это стремленіе устроиться съ Греками правильно лучше всего и объясняетъ, какое начало или какая существенная задача двигали Русской жизнью при самыхъ первыхъ шагахъ ея развитія. Промышленный и торговый складъ этой жизни вполнѣ воскресаетъ передъ нами въ приведенномъ описаніи каждогоднаго

странствованія. Къ осени, вѣроятно не позже октября, Россы съ такими же трудами возвращались домой, въ Кіевъ, съ товарами царскихъ земель. А въ Ноябрѣ, какъ сказано, вѣроятно по первому подмерзшему пути, Кіевскіе князья со всею дружиною оставляли Кіевъ и отправлялись въ полюдье.

Уже изъ договоровъ съ Греками мы видѣли, что въ Царьградъ рядомъ съ дружинниками-послами ходили всегда и купцы отъ каждаго города. Нѣтъ основаній сомнѣваться, что Кіевскіе купцы отправлялись съ князьями и въ полюдье, тѣ за сборомъ кормленья, т. е. даней и даровъ, эти за промѣномъ своихъ южныхъ товаровъ на товары Верхнихъ земель. Въ этомъ же осеннемъ караванѣ должны были возвращаться въ свои города и иногородные послы и гости, ходившіе въ Царьградъ вмѣстѣ съ Кіевлянами. Судя по тому, какъ въ половинѣ 12 вѣка всѣ князья поголовно охраняли на Днѣпрѣ отъ Половцевъ торговые караваны купцовъ Гречниковъ, собираясь каждый съ своею дружиною, можемъ заключать, что въ 9 и 10 вѣкахъ они съ тою же цѣлью выѣзжали со всею дружиною изъ Кіева, дабы сопровождать караваны, и своихъ, и чужихъ купцовъ, и вмѣстѣ исполнять и княжеское дѣло, собирая дани, давая населенію судъ и правду. Проводы заѣзжихъ гостей по своимъ землямъ повидимому были дѣломъ святаго обычая отъ глубокой древности, какъ еще замѣтилъ императоръ Маврикій въ 6 вѣкѣ, говоря, что Славяне провожали гостей отъ мѣста до мѣста и очень заботились объ ихъ безопасности. Такъ и въ христіанское время Св. Владиміръ два дня съ войскомъ провожалъ по своей землѣ къ Печенѣгамъ христіанскаго проповѣдника съ Запада, Бруна. [176] Проводивъ путника до воротъ своей границы, ибо эта граница была укрѣплена валомъ и частоколомъ, князь слѣзъ съ коня, вывелъ путника за ворота пѣшкомъ и взошелъ на холмъ съ одной стороны воротъ, а Брунъ сталъ на другой сторонѣ, тоже на холмѣ и воспѣлъ антифонъ. Послѣ того князь прислалъ къ нему своего старѣйшину съ такими словами: „Я довелъ тебя до рубежа своей земли. Здѣсь начинается земля непріятелей. Ради Бога, прошу тебя, не обезчествуй меня, не погуби свою жизнь напрасно!“ Здѣсь мы видимъ даже и обрядъ древнихъ проводовъ и присутствуемъ при той горячей за-

ботѣ о гостѣ-странникѣ, какую испытывалъ каждый хозяинъ своего мѣста, отпуская путника на вѣроятную бѣду и погибель, что̀ и составляло великое безчестье для домохозяина.

Вообще должно полагать, что общій походъ въ Полюдье въ существенномъ смыслѣ былъ походомъ промысловымъ, въ которомъ промышленность княжеская, дружинная соединялась въ одно съ промышленностью настоящихъ купцовъ. Повидимому и самое слово полюдье даетъ особый гражданскій оттѣнокъ этимъ походамъ, ибо сборы полюдья отличаются отъ даней и состоятъ по преимуществу изъ даровъ. Въ началѣ 12 в. (1125 г.) оно прямо и называется осеннимъ полюдьемъ даровнымъ. Въ былинахъ упоминается, что пріѣзжій для торговли купецъ подносилъ дары князю и княгинѣ, а потому и обратно, пріѣзжавшій въ полюдье князь долженъ былъ тоже получать дары отъ мѣстныхъ торговыхъ людей, или вообще отъ мѣстной общины. Дары же по Русскому обычаю сопровождались всегда пиромъ, широкимъ угощеніемъ и притомъ отдаривались взаимно. Всенародные пиры и братчины начинали устроиваться попреимуществу въ осеннее же время и необходимо предполагать, что полюдье или объѣздъ по волостямъ князей и купцовъ-гостей давали прямые поводы къ устройству общественныхъ пировъ. Въ свидѣтельствахъ 13 в. княжескіе дары взимались „по волостямъ и по постояніямъ", т. е. на волостныхъ станахъ или погостахъ, гдѣ бывали остановки и непремѣнно пиры и угощенья. Затѣмъ находимъ прямыя извѣстія, что въ 12 вѣкѣ на пирахъ дарили другъ друга, князья южные—товарами Русской (Кіевской) земли и Царскихъ Греческихъ земель, а сѣверные—товарами Верхнихъ земель и Варяжскими съ Балтійскаго поморья. Это былъ неизмѣнный обычай гощенья и угощенья, и по старому же Русскому обычаю принимать гостя безъ угощенія и пира, какъ равно и ходить въ гости безъ даровъ, было невѣжливо и неприлично. А въ древности гостемъ въ собственномъ смыслѣ назывался именно заѣзжій купецъ; гостьбою именовалась странствующая торговля, гостинницею, гостинцемъ—проѣзжій путь, дорога. Все это наводитъ на мысль, что дары въ первоначальномъ значеніи должны означать любовный промѣнъ товаровъ и что полюдье составляло обычный способъ такого промѣна. Княжескіе объѣзды, какъ

объѣзды предержащей власти, приходившей вмѣстѣ съ тѣмъ для суда и расправы, по естественнымъ причинамъ обращали эти дары въ установленную дань, въ оброчную статью. Но такое значеніе дары получали уже отъ особеннаго развитія властныхъ княжескихъ отношеній къ землѣ. Всякій даръ, какъ выраженіе любви и мира, необходимо долженъ имѣть своимъ началомъ отношенія обоюдныхъ выгодъ и въ извѣстной степени равенство отношеній или сношеній. Поэтому должно полагать, что и князья не пріѣзжали въ волость съ пустыми руками. О дарахъ со стороны князей есть только позднее указаніе, но оно даетъ основаніе для заключенія и о древнихъ временахъ. Въ 1228 г. Новгородскій князь Ярославъ съ посадникомъ и съ тысяцкимъ поѣхалъ какъ бы гостемъ во Псковъ. Въ то время по разнымъ обстоятельствамъ Псковичи ожидали себѣ отъ князя злаго умысла. Пронесся слухъ, что князь везетъ оковы, хочетъ ковать лучшихъ мужей. Псковичи заперлись въ городѣ и не пустили князя. Возвратившись въ Новгородъ Ярославъ сталъ жаловаться всему городу, что Псковичи его обезчествовали, что ѣхалъ онъ къ нимъ, не мысля на нихъ ничего грубаго, „но везъ-было имъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощь". Къ этому необходимо припомнить и древнее значеніе слова **товаръ**, которымъ называется и товаръ купецкій, и военный станъ-обозъ, и вообще имѣніе, запасъ. Въ послѣдствіи слово товаръ, какъ общее обозначеніе запаса и имущества, сохраняетъ только одно значеніе торговое, почему можно догадываться, что и въ первое время происхожденіе всякаго запаса и имущества было тоже только промысловое и торговое; и прежде чѣмъ устроился военный товаръ, обозъ или станъ, то есть вообще военное собираніе товара, въ странѣ давно уже существовалъ и хаживалъ по своимъ путямъ товаръ-обозъ торговый.

Какъ бы ни было, но описанные Константиномъ Багрянороднымъ обыкновенное, т. е. каждо-годное путешествіе Россовъ въ Царьградъ, и по возвращеніи оттуда новый осенній походъ на всю зиму въ полюдье проистекали главнымъ образомъ изъ потребностей промысла и торга, и составляли обычное движеніе жизни для всей передовой дѣйствующей силы тогдашняго Русскаго населенія.

Такъ древне-русская жизнь совершала свое промысловое круговращеніе изъ Кіева. Было ли что либо подобное въ Новгородѣ, было ли что либо подобное въ другихъ старыхъ городахъ, хотя бы и въ меньшемъ размѣрѣ? Лѣтопись молчитъ объ этихъ повседневныхъ дѣлахъ своего времени и только уже въ послѣдствіи случайно даетъ указанія, изъ которыхъ съ полнымъ вѣроятіемъ возможно заключить, что тоже самое промысловое круговращеніе жизни происходило напр. и въ Новгородѣ. Къ Варягамъ за море Новгородцы отправлялись тоже весною. Въ 1188 г. Варяги гдѣ-то въ своихъ городахъ „въ Хоружку и въ Новоторжцѣ" заточили гостей Новгорода. За это Новгородцы на весну не пустили своихъ за море ни одного мужа, „ни посла имъ вдаша", и отпустили ихъ безъ мира.

Извѣстіе хотя и позднее, но достаточно раскрывающее тѣже отношенія къ Варяжскому заморью, какія искони существовали и къ заморью Греческому. Купецкіе походы совершались весною; съ купцами отправлялись и послы, какъ особое свидѣтельство мира и любви, какъ заложники мира, безъ которыхъ повидимому и купцамъ нельзя было вести правильную безопасную торговлю. Адамъ Бременскій (половина 11 в.) говоритъ, что Русскіе въ Воллинѣ жили какъ свои люди, слѣдовательно странствованіе Новгородцевъ главнымъ образомъ предпринималось къ устью Одры, а также вѣроятно къ устью Травы, кромѣ того въ Данію и въ другія мѣста Балтійскаго побережья, не минуя Готскій берегъ или островъ Готландъ. Изъ Даніи до Новгорода, по свидѣтельству Адама ходили иногда въ 4 недѣли, а отъ устья Одры въ 43 дня, что по пространству времени равнялось походу въ Царьградъ. Какъ въ Воллинѣ постоянно пребывали Русскіе, такъ и въ Новгородѣ постоянно жили Варяги, отчего одна изъ улицъ называлась Варяжскою и гдѣ въ христіанское время Варяги имѣли свою церковь Св. Пятницы на самомъ Торговищѣ. Впослѣдствіи Ганзейскіе приходящіе купцы раздѣлялись на лѣтнихъ и зимнихъ. Несомнѣнно, что и до основанія Ганзы, все изъ тѣхъ же Варяжскихъ славянскихъ городовъ, древнѣйшіе ихъ купцы тоже пріѣзжали жить въ Новгородѣ, одни на лѣто, другіе на зиму. Зимніе къ тому же приходили даже горою, т. е. сухопутьемъ.

Можно полагать также, что путешествіе на далекій сѣверъ, въ Двинскую страну и дальше въ Пермь, къ Печерѣ, къ Югрѣ, Новгородцы предпринимали тоже по весеннимъ водамъ [177]. На это указываетъ короткая отмѣтка лѣтописца, что въ 1079 г. „убиша за Волокомъ князя Глѣба, мѣсяца Маія въ 30“. Не иначе какъ по весеннимъ же водамъ они спускались и въ Низовую страну по Волгѣ къ Болгарамъ и дальше въ Каспійское море и за море. Въ городъ Булгаръ и Арабы съ низу, отъ Каспія, прибывали въ первой половинѣ Мая мѣсяца, какъ именно было въ 922 г. Такъ точно и Норманны весною же приплывали къ эстонскимъ и прусскимъ берегамъ, а стало быть и въ Новгородъ, гдѣ промѣнявъ свои товары на туземные осенью возвращались домой. Ясно такимъ образомъ, что караваны изъ противоположныхъ мѣстъ сходились въ торговыхъ средоточіяхъ въ одно время.

Военные походы зимою въ эти страны прямо указываютъ, что зимнее время, какъ необычное, избиралось для внезапнаго набѣга. Однажды зимою же ходили воевать и на Болгаръ, но тотъ путь всѣмъ людямъ былъ не любъ, потому что „непогодье есть зимѣ (зимою) воевати Болгары, идучи не идяху“.

Нельзя сомнѣваться, что и другіе старые города, подобно Кіеву и Новгороду, лежавшіе на такихъ же рѣчныхъ распутьяхъ, какъ напр. Полоцкъ, Смоленскъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Муромъ, такимъ же образомъ справляли свои промысловые и торговые походы, съ раскрытіемъ весны въ страны дальнія, а съ наступленіемъ зимы къ окружнымъ сосѣдамъ. Такой порядокъ промысловыхъ и торговыхъ дѣлъ устроивала сама природа, ибо дальній путь несравненно выгоднѣе и легче было дѣлать по водѣ, такъ какъ и ближніе пути несравненно легче было дѣлать по зимнимъ дорогамъ, когда безчисленныя болота, рѣки и рѣчки покрывались льдомъ и ставили для путниковъ природные мосты.

Такимъ образомъ съ вѣроятностью можно заключить, что во всѣхъ торговыхъ средоточіяхъ древней Руси, во всѣхъ старыхъ ея городахъ оборотъ промысловой жизни въ существенныхъ чертахъ былъ одинъ и тотъ же.

Съѣздивши лѣтомъ за море, накупивши заморскихъ товаровъ, торговая дружина этихъ городовъ осенью и на зиму разъѣзжалась въ полюдье, т. е. по внутреннимъ торгамъ и

торжкамъ или ярмаркамъ, къ которымъ въ свой чередъ собирались съ своими домашними товарами окрестные волостные люди и окрестные торговцы и промышленники. Что полюдье направляло свои пути не къ пустыннымъ и одиночнымъ деревнямъ, а именно по городамъ и погостамъ и вообще по мѣстамъ, куда тянули промысловыя и торговыя связи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ оброчныхъ податныхъ княжескихъ разсчетахъ 12 в. оно замѣняется даже словомъ погородіе. Равнымъ образомъ погосты, становища, станы, стайки несомнѣнно имѣли значеніе теперешнихъ ярмарокъ и выбирались для постоя, конечно не по прихоти путниковъ, а больше всего по значенію мѣстности въ промышленныхъ связяхъ населенія.

Само собою разумѣется, что такое круговращеніе промысловой жизни не могло возникнуть и распространиться въ одно полустолѣтіе отъ прихода Варяжскихъ князей, а тѣмъ болѣе по повелѣнію и устройству какихъ либо Норманновъ. Несомнѣнно, что оно ведетъ свое начало изъ далекихъ вѣковъ.

Что̀ именно такъ или иначе торговая промышленность ходила по всей странѣ, забиралась во всѣ углы нашей равнины, объ этомъ очень краснорѣчиво и убѣдительно разсказываютъ вещественныя доказательства, во первыхъ безчисленные клады и находки древнихъ монетъ, съ давняго времени и до настоящихъ дней постоянно пополняющіе общій вѣсъ этихъ несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ. Очень жаль только, что ученая ихъ оцѣнка съ этой точки зрѣнія началась недавно и очень многое, что было найдено въ прежнее время въ смыслѣ историческаго свидѣтельства, невозвратно погибло для науки.

Обыкновенно любители нумизматики мало интересовались свѣдѣніями о мѣстахъ, гдѣ случались находки, какъ равно и о подробностяхъ самаго открытія монетъ, въ древнихъ ли могилахъ, или въ полѣ, или въ городищѣ и т. д.

Особенно изумляютъ своею многочисленностью находки Арабскихъ монетъ, которыя поэтому и были приведены въ извѣстность прежде другихъ. Эти монеты всѣ серебряныя, названіемъ диргемы, величиною въ прежній 30-ти копѣешникъ или двузлотый и менѣе, до теперешняго пятиалтыннаго. По годамъ чеканки они обнимаютъ время отъ кон-

ца 7, то есть отъ самаго учрежденія у Арабовъ ихъ чеканки, и до начала 11 столѣтія, т. е. до времени паденія царства Саманидовъ, которые владычествовали тогда надъ всѣми Закаспійскими странами. Наиболѣе многочисленны монеты 8, 9 и 10 вв. Они попадаются цѣлыми и рѣзаными на куски, половины, трети, четверти. Очень вѣроятно и даже очевидно, что эти диргемы и ихъ обрѣзки ходили по всей Руси, какъ своя народная монета, и непремѣнно обозначались русскими именами, въ родѣ кунъ, рѣзанъ, веверицъ, вѣкшицъ и т. п. Объемъ кладовъ и находокъ довольно различенъ, что вполнѣ должно соотвѣтствовать естественному различію существовавшаго въ древности богатства. Встрѣчались клады въ нѣсколько пудовъ. Такой кладъ былъ открытъ въ 1802 или 1803 г. близь города Великихъ Лукъ, на берегу рѣки Ловоти, этой древней Славянской дороги къ Ильменю, на которой мы указывали сел. Словуй и Купуй. Часть этого клада упала въ рѣку, а въ оставшейся части заключалось до 7 пудовъ серебра. Древнѣйшая изъ монетъ относилась къ 924 г., позднѣйшая къ 977 г., слѣд. кладъ былъ зарытъ во времена св. Владиміра.

Въ 1868 г. въ Муромѣ на Воеводской горѣ открытъ кладъ въ 11 тысячъ монетъ, вѣсомъ два съ половиною пуда; чеканка монетъ больше всего относится къ первой половинѣ 10 в.; позднѣе не было, но было нѣсколько монетъ 8—9 вв.; ясно, что кладъ зарытъ въ половинѣ 10 в.

„Во время смутъ, да и въ мирное время, говоритъ Савельевъ, предкамъ нашимъ негдѣ было укрывать свои капиталы, какъ „въ матери сырой землѣ“. Она замѣняла для нихъ сохранные банки. Отлучаясь для торговли, на войну-ли, они тщательно хоронили добро свое въ полѣ, близъ своего жилища, или на берегу рѣки; дѣлали тутъ или по близости тайный знакъ—набрасывали камень, или садили деревцо, и возвратившись открывали по нимъ свое сокровище. Но въ случаѣ ихъ смерти, безотвѣтный банкиръ навсегда хранилъ ввѣренную тайну. Наслѣдники могли рыться и перессориться въ чаяніи клада,—безъ содѣйствія слѣпаго счастія кладъ никому „не давался“, и могъ пролежать тысячу лѣтъ на томъ же мѣстѣ, пока благопріятный случай не открывалъ его пришлецу—счастливцу“.

Напрасно иные, напр. Кене, предполагали, что это были капиталы грабительскіе, почему ихъ обыкновенно и присвоивали все тѣмъ же единственнымъ живымъ людямъ въ древней Руси, Норманнамъ. Еслибы и Норманны успѣвали грабежомъ собирать эти богатства, то все таки ясно, что по всей странѣ арабская монета ходила въ изобиліи и тѣже сотни и тысячи диргемовъ сохранялись во дворахъ, какъ скопленія и сбереженія промышленныхъ и торговыхъ людей. Впрочемъ, увлекаемый Норманскимъ призракомъ, и самъ Савельевъ, достойнѣйшій изслѣдователь Мухамеданской нумизматики, говоря о находкѣ арабскихъ денегъ въ одномъ древнемъ городищѣ подъ Ростовомъ, утверждалъ этою находкою владычество Норманновъ на томъ мѣстѣ, то есть утверждалъ стало быть пребываніе Норманновъ повсюду, гдѣ ни попадались арабскія деньги въ особомъ количествѣ [178].

Одновременно съ арабскими монетами и въ однихъ же кладахъ съ ними въ перемежку находятъ не малое количество монетъ Европейскихъ, именно англо-саксонскихъ и нѣмецкихъ, преимущественно 10 и 11 стол., что при свидѣтельствѣ Адама Бременскаго о торговлѣ Воллина въ 11 стол. яснѣе всего опредѣляетъ, съ какими Варягами въ это время Русь жила въ самыхъ тѣсныхъ торговыхъ связяхъ и сношеніяхъ. Относительное множество и этого рода монетъ заставляетъ съ вѣроятностію предполагать, что и они ходили на Руси какъ деньги подъ особыми именами, изъ которыхъ одно, щлягъ, быть можетъ прямо къ нимъ и относится.

Академическое коснѣніе въ норманскомъ тупикѣ, заученая и безсознательно повторяемая мысль о единственномъ народѣ Норманнахъ, никакъ не дозволяли однако съ тѣмъ же вниманіемъ распространять поиски о монетахъ въ болѣе отдаленные вѣка. Римская и Греческая нумизматика на почвѣ древней Руси, какъ историческое доказательство торговыхъ связей, мало кого и даже никого не интересовала. Находки этихъ монетъ встрѣчаются рѣже не потому, чтобы такъ было на самомъ дѣлѣ, но потому, что рѣже всего на нихъ обращали должное вниманіе, ибо они никакъ не доказывали принятой истины о Варягахъ—Норманнахъ, хотя первое основаніе въ этомъ дѣлѣ положилъ первый же заводчикъ

Норманствующей теоріи, академикъ Байеръ, описавши римскія монеты, находимыя на Прусскихъ берегахъ въ древнемъ Вендскомъ заливѣ. Но такъ какъ эти монеты ни въ какую строку не шли при доказательствахъ о Норманствѣ Руси, то ихъ вскорѣ и оставили въ покоѣ. Мы, конечно, говоримъ только про нашу русскую ученость. Надо признаться, что только подобныя доказательства, они одни, понудили и помогли начать самостоятельныя изслѣдованія и объ арабскихъ монетахъ. О римскихъ и греческихъ монетахъ ученые нумизматы отмѣтили только одну истину, что эти монеты, встрѣчаясь въ маломъ числѣ, очевидно не имѣли значенія денегъ, а служили только предметами украшенія. Такъ говорилъ Кене [179]. Это говорилось тотчасъ послѣ приведеннаго имъ же самимъ извѣстія о находкѣ 80 римскихъ монетъ начала 3 вѣка въ самомъ Кіевѣ, и въ ряду съ извѣстіемъ о 800 серебр. такихъ же монетъ конца 2 вѣка, найденныхъ у вершины рѣки Роси, въ сел. Махновкѣ. Больше всего такія монеты были находимы въ Кіевской сторонѣ, особенно въ области рѣки Роси. Поселяне называютъ ихъ даже особымъ именемъ **Ивановыми головками**, быть можетъ, отъ сходства съ изображеніемъ *Усѣкновенія* главы Іоанна Предтечи, ибо на античныхъ монетахъ, и особенно на римскихъ, изображались только головы императоровъ. Все это показываетъ, что находки монетъ въ тамошнемъ крестьянскомъ быту дѣло обычное, что слѣдов. и въ древнѣйшее время они необходимо имѣли значеніе денегъ и, быть можетъ, они то и прозывались **пѣнягами, пѣнязями**, именемъ, по всему вѣроятію, тоже латинскаго происхожденія.

Вообще въ южныхъ краяхъ Русской равнины и въ сосѣдней съ нею Польской странѣ находки римскихъ и греческихъ монетъ постоянно раскрываютъ и утверждаютъ ту истину, что древнее населеніе этихъ мѣстъ находилось въ постоянныхъ связяхъ съ античнымъ міромъ и очень хорошо знало цѣну римскихъ и греческихъ денегъ, пріобрѣтая ихъ торгомъ и войною, получая ихъ подъ видомъ дани, или субсидіи, стипендіи, какъ говорили Римляне. Но тѣ же монеты ходомъ торговли забирались и дальше на сѣверовостокъ. Они были находимы и въ Харьковской губерніи въ Ахтырскомъ уѣздѣ, монета Цезаря и денарій 2 вѣка по Р. Х.; и на Волгѣ въ Казанской губерніи, денарій Марка

Антонія; и у Ростова на Ростовскомъ озерѣ, монета импер. Домиціана, 1-го вѣка по Р. Х.

Въ послѣднее время, кромѣ упомянутой выше, стр. 102, Кіевской находки,—въ 1873 г. въ пяти верстахъ отъ Нѣжина открытъ кладъ серебряныхъ римскихъ монетъ, числомъ 1312, перваго и втораго вѣка по Р. Х. Въ 1875 г. въ Пензенской губерніи найдено 63 римскихъ монеты втораго вѣка [160].

Такія находки, наравнѣ съ Арабскими диргемами, показываютъ, что и въ античные вѣка наша страна точно также скопляла по мѣстамъ достаточныя богатства, которыя никакъ не могутъ быть относимы только къ грабежамъ, потому что въ ряду съ находками кладовъ очень часто попадаются и одинокіе экземпляры этихъ монетъ, свидѣтельствующіе о простой потерѣ. Сравнительно съ количествомъ находимыхъ арабскихъ монетъ, количество античныхъ менѣе значительно, особенно въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ,— явный признакъ, что торговыя сношенія въ этихъ Финскихъ краяхъ еще мало знали цѣну денегъ, хотя бы какъ товара; что туда еще не проникали на постоянное жительство промышленники южныхъ мѣстъ и именно Славяне. Однако видимо, что внутри страны, по ея прямымъ дорогамъ, отъ моря до моря, съ каждымъ вѣкомъ торги пріобрѣтали болѣе и болѣе силы, такъ что въ 8, 9 и 10 вв., когда полились къ намъ арабскія деньги, страна уже вполнѣ сознавала всѣ выгоды денежнаго обращенія вмѣсто простой и первобытной мѣны товара на товаръ. Въ это время она какъ бы съ особою радостію и жадностію водворяетъ у себя серебряники Арабовъ, какъ самый удобный, самый ходячій товаръ, который такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ, насколько развились потребности страны и съ какою силою обозначилось ея промысловое развитіе.

Какъ бы ни было, но разнообразныя монеты греческія и римскія, персидскія и византійскія, арабскія и германскія, одни отъ первыхъ вѣковъ Христіанства, другіе позднѣе включительно до 10 в., разсыпанныя по нашей странѣ въ разномъ количествѣ и одиночно, служатъ, выразительнѣе письменныхъ документовъ, неоспоримыми свидѣтелями той истины, что страна отъ глубокой древности и до призванія Варяжскихъ князей всегда оставалась широкимъ поприщемъ

для торговыхъ и промышленныхъ связей не только съ ближайшими, но и съ далекими ея сосѣдями. Монеты Передней и Малой Азіи, острововъ Греческаго или Средиземнаго моря, Африки и Испаніи и т. п., переходя изъ рукъ въ руки, попадали наконецъ и въ нашу землю.

При этомъ необходимо припомнить, что кладъ въ народномъ быту и въ народныхъ понятіяхъ получилъ миѳическій обликъ, сдѣлался миѳическимъ, какъ бы живымъ существомъ, которое можно открывать посредствомъ разнороднаго колдовства, особенно при помощи вѣщихъ травъ. Народные Травники наполнены безчисленными записями и указаніями средствъ, какъ добывать клады. Эти вѣрованія тоже идутъ отъ глубокой древности и сохраняютъ въ себѣ отраженіе той дѣйствительности, когда всѣмъ было извѣстно, что накопленное богатство нигдѣ иначе не сохранялось, какъ только въ землѣ, и когда этотъ общій повсемѣстный обычай неизбѣжно возраждалъ и повсемѣстное вѣрованіе, что при помощи извѣстныхъ вѣщихъ средствъ и примѣтъ легко можно добывать спрятанное. По народному повѣрью иные клады прятались прямо на погибель человѣку, иные доставляли ему богатство и счастье [181].

Съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Русской странѣ монета была уже цѣннымъ товаромъ, самымъ удобнымъ для сбереженія и для промѣна, почему въ торговлѣ она и занимала свойственное ей мѣсто.

Другіе товары сами же русскіе люди еще въ половинѣ 12 вѣка распредѣляли на особые отдѣлы, согласуясь съ особымъ характеромъ товара, откуда какой приходилъ. Были товары Царскихъ земель, т. е. вообще Греческіе или Черноморскіе; были товары Варяжскіе съ Балтійскаго моря. Тѣ товары, которые приходили съ Каспійскаго моря, несомнѣнно, также обозначались своимъ именемъ, Хозарскими, Хвалисскими, Болгарскими и т. п. Самыя произведенія Русской земли отдѣлялись на товары Верхнихъ земель, то-есть сѣверныхъ краевъ страны, и на товары Русскихъ земель, какъ въ собственномъ смыслѣ обозначался весь Кіевскій или Южный, Роксоланскій край древней Руси.

Въ числѣ товаровъ Греческихъ первое важнѣйшее мѣсто принадлежало паволокамъ, дорогимъ и недорогимъ Греческимъ шелковымъ тканямъ съ золотомъ и безъ золота,

которыми одѣвались богатые люди не только на нашемъ сѣверѣ, но и на Балтійскомъ Поморьѣ, куда этотъ товаръ шелъ въ не маломъ количествѣ и черезъ Новгородъ. Слово паволока повидимому означало тоже что портище въ послѣдующее время, то-есть кусокъ ткани въ мѣру цѣлой одежды на средній обычный ростъ. Рядомъ съ паволоками видное мѣсто занимало золото и серебро въ различныхъ вещахъ женскаго и мужскаго убора, каковы были серьги, браслеты, запястья, обручи, перстни, кольца, запаны, застежки, пуговицы; тканыя и кованныя кружева для отдѣлки платья вокругъ по вороту, по прорѣхамъ, по поламъ и по подолу. Не говоримъ о дорогихъ камняхъ, жемчугѣ и тому подобныхъ предметахъ, состовлявшихъ всегда наилучшее украшеніе того же золота и серебра.

Въ простомъ быту, для котораго золото и серебро и драгоцѣнные камни по своей цѣнѣ не совсѣмъ были доступны, ихъ вполнѣ замѣнялъ разнородный бисеръ, которымъ торговля въ нашей странѣ происходила съ глубочайшей древности. Бисеръ—имя древнеиндійское бâсура, блестящій, бâсура-с, хрусталь, кристаллъ; какъ и самое монисто, бисерное ожерелье, тоже родня древнеиндійскому мани-с, жемчужина, драгоцѣнный камень. Слѣдовательно объяснять происхожденіе у насъ бисера только отъ однихъ Арабовъ, потому что и по арабски онъ называется бусръ, не совсѣмъ основательно. Бисеръ древнѣе самой древней славы Арабовъ. Раскопанныя могилы древнихъ обитателей Россіи, обнаружили вообще, что бисерныя украшенія были во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ племенъ нашей страны. И конечно здѣсь мы должны встрѣтить произведенія весьма различныхъ временъ, ибо бисеръ могъ сохраняться долго и могъ переходить изъ рукъ въ руки въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. О значительной древности памятниковъ этого рода засвидѣтельствовалъ даже лѣтописецъ начала 12 вѣка. „Однажды случилось мнѣ быть въ Ладогѣ, говоритъ онъ подъ 1114 г., и Ладожане разсказали мнѣ, что у нихъ существуетъ вотъ какая диковина: когда бываетъ туча, гроза великая и дождь, то послѣ того дѣти находятъ глазки стеклянные, и малые и великіе, провертаны; а другіе подлѣ рѣки Волхова собираютъ, которые выполаскиваетъ вода,—суть различны, отъ нихъ и я взялъ себѣ болѣе ста“. Глаз-

ками лѣтописецъ называетъ повсему вѣроятію особыя круглыяразноцвѣтныя вкрапины, по рисунку очень похожія на глазъ, которыми украшалась каждая буса или крупная бисерина. Ладожане увѣряли, что эти глазки падаютъ съ неба въ тучѣ. Въ доказательство, что это еще не такое диво, они разсказали лѣтописцу, что ихъ старые мужи, ходившіе за Югру и за Самоядь, сами видѣли, какъ въ тамошнихъ странахъ изъ тучи падали какъ бы сейчасъ рожденныя веверицы (бѣлки) и оленцы, которые потомъ выростали и расходились по землѣ. „Если кто этому не повѣритъ, прибавляетъ лѣтописецъ съ своей стороны, пусть почитаетъ Хронографа", откуда и приводитъ свидѣтельство, какъ нѣкогда въ царствованіе импер. Проба, въ тучѣ и дождѣ, упала съ неба пшеница, „а въ другое время крохти (крошки) серебряныя, въ иное время каменья". Такъ объясняли себѣ древніе Ладожане находимые у нихъ по землѣ и по берегу рѣки различные бисеры съ изображеніемъ глазокъ, какіе нерѣдко попадаются и въ могилахъ, отмѣченныхъ самою отдаленною древностью. Люди начала 12 в. уже не находили сходства въ этихъ бисерахъ съ тѣми, какіе несомнѣнно были въ употребленіи въ ихъ время, а въ ихъ время, какъ можно судить по качеству и количеству бисера, находимаго въ курганахъ конца 10 и 11 вв., въ большомъ употребленіи былъ бисеръ стеклянный—простой цвѣтной, нерѣдко покрытый золотомъ или серебромъ, какъ производилась и составлялась обыкновенная въ то время мозаика.

Извѣстно, что въ средніе вѣка, уже въ 7 вѣкѣ, Константинополь очень славился производствомъ всякаго рода стеклянной мозаики и финифти (эмали). Мы видѣли выше, стр. 187 и слѣд., что его храмы и дворцы съ великою роскошью по сводамъ и стѣнамъ украшались мозаическими картинами, покрывались сплошь мозаикою подъ золото или серебро, разцвѣчивались мозаическими узорами повсюду, гдѣ этого требовали тогдашнія понятія о роскоши и вкусѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ храмовою мозаикою Константинополь производилъ въ особомъ изобиліи и бисеръ, столько цѣнимый варварами, какъ украшеніе ихъ женскихъ нарядовъ. По крайней мѣрѣ торговля бисеромъ должна была особенно процвѣтать именно въ Царьградѣ. Едва ли не оттуда она перешла и къ Арабамъ, какъ потомъ перешла въ

Венецію. Но и самые Греки получили это производство отъ Египтянъ и Финикіянъ. Оно издревле было извѣстно и далекой Индіи. Поэтому бисеръ приходилъ къ намъ не отъ однихъ Арабовъ, какъ вообще толкуютъ наши археологи, основываясь только на показаніи Арабскихъ свидѣтелей. Множество бисера и именно глазатаго, открываютъ въ гробницахъ Воспора Киммерійскаго, въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, а тѣ гробницы относятся по большей части къ первымъ вѣкамъ Христіанскаго лѣтосчисленія.

Если наша страна издавна была въ сношеніяхъ съ древними Черноморскими торгами, то нельзя сомнѣваться, что тамъ же она пріобрѣтала и дорогой бисеръ, который, какъ мы замѣтили, переходя изъ рукъ въ руки, могъ сохраняться долгіе вѣка и попасть въ могилы 10 и 11 вѣковъ. Если глазки города Ладоги въ 1114 г. были уже необъяснимою древностью, то можно заключать, что городъ Ладога занималъ свое мѣсто, быть можетъ, нѣсколькими столѣтіями раньше призванія Варяговъ.

Въ курганахъ Англіи также попадается подобный же глазатый бисеръ. Тамъ объясняютъ, что это издѣліе мѣстнаго производства, сохранившагося отъ Римскихъ временъ, объясняютъ совсѣмъ противоположно нашимъ археологамъ, которые, что́ ни откроютъ въ своей Землѣ, въ виду чародѣевъ Норманновъ никакъ не осмѣливаются помышлять о мѣстномъ производствѣ и старательно изыскиваютъ, откуда бы такой памятникъ могъ попасть къ намъ на Русское пустое мѣсто? Производство глазатаго бисера требовало большаго искусства и большаго знанія стеклянныхъ составовъ, поэтому ни въ какой древневарварской Англіи оно процвѣтать не могло. Оно искони процвѣтало только на египетскомъ, финикійскомъ, ассирійскомъ, индійскомъ Востокѣ, а въ болѣе поздніе вѣка, по всему вѣроятію, въ самомъ Царьградѣ. Глазатый бисеръ вообще долженъ былъ цѣниться дорого. Арабъ Ибнъ—Фадланъ разсказываетъ, что Русскіе женщины лучшимъ украшеніемъ почитали ожерелье изъ зеленыхъ бусъ, такъ что за каждую бусину платили по диргему-серебрянику. Однако въ курганахъ зеленыя бусы попадаются очень рѣдко, и то по одиночкѣ. Не означаетъ-ли у араба зеленый тоже, что разцвѣченый, т. е., по описанію нашей лѣтописи, глазатый. Какъ бы нибыло, но тор-

говля бисеромъ и въ томъ же родѣ пронизками изъ недорогихъ камней, напр. изъ сердоликовъ, аметистовъ, горнаго хрусталя и т. п., была очень распространена по всей Русской странѣ, и несомнѣнно, что значительная доля такого товара приходила къ намъ изъ Греціи, черезъ Кіевъ, и съ востока, черезъ Каспій, а дорогіе камни непремѣнно изъ Индіи и даже отъ Урала и Алтая, откуда ихъ получали еще античные Греки. Какая нибудь часть могла, конечно, попадать и съ Запада.

Сѣверные люди, въ томъ числѣ и Русскіе, особенно дорого цѣнили также разноличныя овощи и пряныя зелья южныхъ и восточныхъ странъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ перецъ, любимѣйшая приправа кушанья отъ глубокой древности. Перцомъ, финиками и другими подобными овощами Византійцы угощали еще Унновъ въ половинѣ 5 вѣка (см. ч. 1. стр. 347), замѣтивъ, что варвары очень дорожили этими овощами по той причинѣ, что въ ихъ землѣ они были рѣдкостью. Въ Новгородѣ, даже и въ 13 в. перецъ поступалъ въ уплату пошлинъ наравнѣ съ деньгами. Нельзя сомнѣваться, что подъ именемъ разноличныхъ овощей и наши Кіевляне вывозили не только финики, но и всѣ другіе южные плоды въ сухомъ видѣ, какими Греція торговала съ незапамятныхъ временъ. Въ нашемъ народномъ быту и до сихъ поръ въ большомъ спросѣ всенародное лакомство, такъ называемый цареградскій стручекъ, рожки, какъ равно грецкій орѣхъ и т. п. плоды, которые, какъ можно полагать, съ незапамятной древности доставляли лучшее и цѣнное лакомство покрайней мѣрѣ для достаточныхъ людей. Все, что въ старомъ Русскомъ быту отмѣчалось именемъ грецкій, напр. грецкое мыло, грецкая губка и т. п., несомнѣнно ведетъ свое начало еще отъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи, иначе всѣ эти предметы, приходившіе потомъ изъ Турціи, прозывались бы не грецкими, а турецкими, какъ въ дѣйствительности и обозначались иныя вещи наравнѣ съ грецкими въ 16 и 17 столѣтіяхъ.

Изъ Греціи же Россы привозили деревянное, т. е. растительное масло и виноградное вино, красное и бѣлое, больше всего, вѣроятно, красное, которое въ Словѣ о полку Игоревѣ, какъ можно догадываться, именуется синимъ. Древній естествоиспытатель, Плиній, цвѣтъ краснаго вина тоже сра-

вниваетъ съ синебагровымъ, фіолетовымъ цвѣтомъ дорогаго камня аметиста, почему понятнѣе становится и Русское обозначеніе—синее вино, какъ и синій виноградъ. Въ Галицкихъ народныхъ пѣсняхъ и въ нашихъ былинахъ воспѣвается зеленое вино, по всему вѣроятію, бѣлое виноградное.

Меньше свѣдѣній мы имѣемъ о товарѣ Варяжскомъ; однако знаемъ, что уже въ 9 в. главною его статьею были Фризскія сукна, которыя тогда же могли попадать и въ Новгородъ. Отъ 12 в. у насъ уже извѣстно Ипское сукно, называемое такъ отъ города Ипра. Отъ Варяговъ приходили также холстъ и полотно, издѣлія мѣдныя и желѣзныя, олово и свинецъ, янтарь, а также соленыя сельди, которыя въ то время, въ 10 и 11 вв., ловились главнымъ образомъ по Славянскому Поморью и особенно у острова Ругена, т. е. у Варяговъ—Руси (ч. 1, стр. 594), откуда съ упадкомъ Славянской торговли и сельди потомъ ушли къ Датскимъ берегамъ. Да и всѣ указанные товары шли тоже черезъ руки Варяговъ Славянъ. Наконецъ съ Балтійскаго моря въ иныя времена доставляли соль и самый хлѣбъ.

Главными товарами Русскихъ верхнихъ земель были дорогіе мѣха: соболи, горностаи, черныя куны, песцы, бѣлые волки, красныя и бурыя лисицы и т. п., также рыбей зубъ, или моржевые клыки, сокола, кречеты.

Съ Востока отъ Хвалисовъ (Ефталитовъ), изъ за Хвалисскаго или Каспійскаго моря приходили тѣ-же предметы, какіе можно было добывать и въ Царьградѣ, каковы были индѣйскія и китайскія бумажныя и шелковыя ткани, ковры, тотъ же перецъ и пряныя зелья, дорогіе камни, серебряныя и золотыя вещи, особенно пояса и конскій уборъ, барсовыя и сафьянныя цвѣтныя кожи. Пардусъ—барсъ былъ очень извѣстенъ древней Руси, и кожами пардуса, вѣроятно, цѣлыми съ шерстью, замѣнявшими ковры, князья дарили другъ друга, какъ лучшимъ и дорогимъ подаркомъ. Съ Востока же приходило и оружіе, Дамасскіе, Демешковые булатные клинки ножей и сабель.

Несравненно больше свидѣтельствъ о торговомъ круговоротѣ и о торговыхъ связяхъ нашей страны съ отдаленными землями находимъ въ древнихъ могилахъ.

Здѣсь различные предметы тогдашней торговли, не совсѣмъ подверженные истлѣнію, сохраняются въ самомъ веществѣ,

хотя и потерпѣвшемъ отъ времени, но все-таки съ достаточною ясностію указывающемъ на свое происхожденіе, или туземное, или чужеземное.

Повсюду распространенное языческое вѣрованіе въ живую жизнь и за предѣлами гроба заставляло язычниковъ обряжать своихъ покойниковъ какъ будто живыхъ людей. Ихъ полагали въ могилу во всемъ богатствѣ ихъ убора, со всѣми вещами, какія покойникъ особенно любилъ и употреблялъ при жизни, ставили ему въ сосудахъ даже питье и ѣству, такъ что въ этомъ отношеніи почти каждая могила, особенно болѣе богатая, сохраняла въ себѣ весь надобный обиходъ живаго человѣка. Намъ уже извѣстно, изъ свидѣтельства Арабовъ, что и жены Руссовъ отправлялись на тотъ свѣтъ за своимъ другомъ. Съ нимъ же иногда клали любимаго его коня, любимую его собаку. Очень естественно, что могилы въ извѣстномъ смыслѣ довольно подробно обрисовываютъ покрайней мѣрѣ внѣшній бытъ населенія.

Въ послѣднее время раскопка кургановъ производится съ особымъ усердіемъ. Добывается множество вещей самыхъ разнообразныхъ. Но эта самая добыча великаго множества предметовъ начинаетъ уже устрашать благомыслящихъ изслѣдователей нашей древности, по той особенно причинѣ, что накопленный матеріалъ и доселѣ почти не подвергается никакой ученой обработкѣ. Первый пріемъ такой обработки, по нашему мнѣнію, долженъ бы заключаться по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобы вещи были изданы въ рисункахъ, т. е. были бы изображены точно и подробно, съ простымъ описаніемъ и точнымъ указаніемъ ихъ положенія въ гробницахъ при остовахъ покойниковъ. Одни описанія, безъ изображеній, съ какою бы точностію они не были исполнены, что вообще случается очень рѣдко, никогда не дадутъ наукѣ основательнаго матеріала. Описаніе, какъ разсказъ о предметѣ, къ тому же о предметѣ невиданномъ и совсѣмъ новомъ, никакъ не можетъ равняться изображенію этого предмета. Къ тому же, для иныхъ предметовъ очень трудно найдти даже и подходящее названіе, такъ они невнятны и своеобразны. Поэтому каждый отчетъ о раскопкѣ необходимо долженъ бы сопровождаться изображеніями всѣхъ найденныхъ вещей, и еслибъ все курганное, что̀ уже въ настоящее время скопилось въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, было

изображено, то быть можетъ мы уже имѣли бы болѣе отчетливое понятіе о томъ, на какой степени находилось развитіе нашей страны, хотя бы только въ 9 вѣкѣ, въ какой зависимости оно было отъ сосѣднихъ земель, въ чемъ проявлялась его самостоятельность и самобытность и т. д. Вообще мы имѣли бы тогда положительные и рѣшительные отвѣты на многіе вопросы и запросы самой Русской Исторіи.

Между тѣмъ, въ настоящее время накопленное и постоянно прибывающее, можно сказать, неизчислимое богатство лежитъ, какъ мертвый капиталъ, совсѣмъ не производительно и, при всей сохранности, все-таки отъ разныхъ причинъ мало по малу изчезаетъ, подвергается порчѣ, утратѣ, забвенію, гдѣ и когда что найдено, отчего является путаница въ вещахъ и слѣдовательно потеря первоначальной достовѣрности самыхъ находокъ. Особенно все это можетъ случаться въ частныхъ собраніяхъ, но извѣстны даже значительныя утраты и въ общественныхъ хранилищахъ. Вещи, послѣ многихъ издержекъ и многихъ трудовъ при ихъ добываніи, изчезаютъ для науки безслѣдно. Объ этомъ стоитъ подумать, и, пока еще не поздно, слѣдуетъ принять рѣшительныя мѣры къ ихъ спасенію навѣки, т. е. къ изданію въ свѣтъ ихъ рисунковъ.

Достойный починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ графу Уварову, издавшему, съ присовокупленіемъ рисунковъ, весьма обстоятельное и подробное изслѣдованіе о курганныхъ раскопкахъ, произведенныхъ въ 1851—1854 годахъ въ древней Ростовской и Суздальской области, гдѣ обитала наша лѣтописная Меря [182].

На протяженіи ста верстъ въ длину и около 50 в. въ ширину, между городами Ростовомъ, Переяславлемъ, Юрьевымъ и Суздалемъ, разслѣдовано 163 мѣстности или поселенія и раскопано 7729 кургановъ разной величины. Судя по найденнымъ монетамъ, восточнымъ и западнымъ, наибольшая часть могилъ принадлежала 10-му вѣку; нѣкоторыя можно относить къ началу 11-го, а иныя, конечно, и къ 9-му и даже къ 8-му вѣкамъ, каковъ напр. подъ Ростовомъ городецъ на рѣкѣ Сарѣ, гдѣ монеты найдены больше всего только 8 и частію первой половины 9 вѣка.

Погребеніе своихъ покойниковъ древніе Меряне исполняли двумя способами или обрядами, сожженіемъ и простымъ

погребеніемъ. Тотъ и другой обрядъ иногда встрѣчаются, такъ сказать, рядомъ подъ одною насыпью. Сожженныя кости обыкновенно собирались и полагались въ глиняный горшокъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря только о племенахъ Славянскихъ. Очень примѣчательно, что обрядъ сожженія болѣе всего сосредоточивается около городовъ Ростова, Переяславля и Суздаля. Это даетъ поводъ и достовѣрное основаніе заключать, что Переяславль и Суздаль, упоминаемые лѣтописью позднѣе Ростова, существовали однако уже въ 10, а вѣроятно и въ 9 вѣкѣ, когда впервые помянутъ и Ростовъ. У озеръ Ростовскаго и Переяславскаго, самыя поселенія были гуще, многочисленнѣе, ибо курганы разбросаны большими группами по 100, по 200, по 300 въ одномъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, Меряне были племя Финское, родственное Мордвѣ и Мещерѣ. Но должно полагать, что именно сожженныя гробницы больше всего могли принадлежать Славянамъ. Нашъ лѣтописецъ въ точности свидѣтельствуетъ, что славянскія племена, и въ томъ числѣ Вятичи, сосѣди Мерянамъ, сожигали мертвецовъ. Вятичи сожигаютъ и нынѣ, прибавляетъ онъ, то есть въ 11 или въ началѣ 12 вѣка, когда впервые составлялась лѣтопись. Особое сосредоточеніе сожженыхъ гробницъ вблизи городовъ еще больше удостовѣряетъ, что это пригородное населеніе было по преимуществу Славянское. Такъ, въ близкой окрестности города Юрьева, сожженыхъ гробницъ совсѣмъ нѣтъ, вѣроятно, по той причинѣ, что въ 10 вѣкѣ здѣсь не было города, ибо Юрьевъ основанъ на памяти Исторіи, въ 1152 г., когда Славяне, подъ вліяніемъ Христіанства, уже перестали сожигать своихъ покойниковъ, и стало быть въ 10 в. они еще не заселяли этой мѣстности. Кромѣ того, древнее названіе Ростовскаго озера Неро, а Переяславскаго Клещино, названіе двухъ рѣкъ, текущихъ отъ Клещина, одна къ западу въ Волгу, другая къ востоку въ Клязьму—одинаковымъ именемъ Нерль, названіе самаго Суздаля—суть имена древне-славянскія. Озеро же Клещно существовало у Балтійскихъ Славянъ, какъ и имя Суздаля, и даже имя самой Москвы, упоминаемое въ началѣ 11 столѣтія [183]. Неро и Нерль скорѣе всего могутъ указывать на Геродотовскихъ Невровъ и бѣлорусскихъ Нуровъ, Неровъ, Норовъ. Славяне-колонисты, зашедшіе въ Мерянскую землю, конечно, прежде всего дол-

жны были занять самыя выгоднѣйшія мѣстности, именно, по славянскому разуму, на озерахъ. Здѣсь онп и оставили свое древнѣйшее имя Неро, и въ теченіи вѣковъ держались ближе къ первымъ поселеніямъ, оставляя свой слѣдъ въ сожженыхъ гробницахъ. Во всякомъ случаѣ, лѣтописецъ помнитъ, что въ 9 в., или же и раньше, колонистами ростовской Мерянской земли были Варяги, т. е. Славяне, хотя бы то были и Вятичи, какъ извѣстно, пришедшіе тоже отъ Ляховъ или отъ западныхъ Славянъ.

Какъ жили Меряне въ 10-мъ, а слѣдовательно и въ 9 и въ 11 вѣкахъ, объ этомъ разсказываютъ самыя могилы.

Начнемъ съ одежды. Они носили сорочки изъ холста или полотна. Обыкновенную верхнюю и нижнюю одежду шили изъ шерстяной грубой, но весьма плотной ткани, изъ сукна, которое, по всему вѣроятію, приготовляли сами, такъ какъ въ могилахъ находится значительное количество овечьихъ ножницъ для стрижки овецъ. Праздничную верхнюю одежду украшали по воротнику широкимъ, а на грудныхъ прорѣхахъ узкимъ узорчатымъ, иногда золотнымъ кружевомъ, изъ Цареградскихъ шелковыхъ и золотныхъ паволокъ; иногда золотнымъ шнуркомъ. О покроѣ одежды, отъ которой остаются только истлѣвшіе лоскутки, судить весьма трудно. Видно только, что при ней употреблялись запаны, пуговицы, пряжки, что золотыя ткани на воротникахъ и на груди подкладывались берестою, вѣроятно, для большей сохранности, дабы ткань не мялась и всегда была въ своемъ видѣ. Нарядная одежда богато украшалась мѣдными привѣсками въ родѣ запанъ, устроенными изъ мѣдной, сплетенной въ какой либо узоръ проволоки, причемъ къ нижней долѣ у каждой привѣски привѣшивались на колечкахъ мѣдные же лепестки, иногда въ видѣ стрѣлокъ, а также колокольчики и бубенчики, съ явною цѣлью, чтобы эти привѣски при ходьбѣ и движеніи могли звенѣть.

Такія запаны помѣщались по одной, въ видѣ треугольниковъ, у каждаго плеча, иногда на правомъ двѣ, на лѣвомъ одна. На груди кафтана, до пояса, вмѣсто пуговицъ или въ замѣнъ нашивокъ, помѣщались продолговатыя или четыреугольныя подобныя же запаны съ подобными же звенящими лепестками, колокольчиками и бубенчиками.

Особенно богато украшался поясъ. Онъ былъ кожаный наборный, усаженный серебряными или мѣдными бляшками, съ пряжкою. Спереди къ нему прицѣпляли также помянутыя запаны въ видѣ кониковъ съ звенящими лепестками, колокольчиками и бубенчиками. Попадались запаны кониковъ о двухъ головахъ, расположенныхъ по сторонамъ запаны. Сѣверовосточные инородцы и теперь носятъ подобныя привѣски, точно также на груди и на поясу. На поясѣ носили ключъ, ножикъ, огниво, иголку, шило, мусатикъ (точильный брусокъ), костяные гребни и гребенки съ рѣзьбою и даже складные съ футляромъ; на поясѣ-же висѣлъ мѣшечекъ съ деньгами или съ складными вѣсками. Въ женскомъ нарядѣ примѣчательны большія овальныя, величиною болѣе двухъ вершковъ, прорѣзныя запаны или пряжки, въ видѣ чашекъ, носимыя у праваго бедра, а иногда и у обоихъ бедръ.

Головной уборъ мужчинъ и женщинъ устроивался изъ кожи или ремня, который, быть можетъ, служилъ только связью какой либо кики или особой шапки, и на которомъ со стороны висковъ помѣщались проволочныя кольца серебряныя или мѣдныя, иногда малыя, иногда большія, въ различномъ количествѣ, отъ одного до восьми и болѣе. Въ иныхъ случаяхъ ремень обтягивался листовою мѣдью или серебромъ и вмѣсто такого ремня употреблялся легкій обручъ, чаще серебряный, иногда бронзовый и даже желѣзный. Такой уборъ, конечно, имѣлъ значеніе древней діадимы, вѣнца, вѣнка или того ремня теперешнихъ русскихъ ремесленниковъ, который носится ими съ цѣлью сохранить волосы, чтобы не распадались. Этотъ ремень-поясъ и теперь украшается серебряными бляшками. Вообще уборъ показываетъ, что Меряне носили длинные волосы и вѣроятно длинные локоны по вискамъ, которые и украшались въ верху серебряными и другими проволочными легкими колечками и кольцами. Мужчины носили также шапки изъ золотой ткани и съ золотымъ же околомъ.

Для шитья одежды употребляли иглы и шила бронзовыя и желѣзныя, малыя и большія, а также и сдѣланныя изъ кости. Любопытно, что для сохранности иголъ употребляли кожаные футлярчики. Употребляли маленькіе булатные но-

жички въ родѣ нашихъ перочинныхъ и маленькіе оселки для точенія такихъ ножиковъ, а также шилъ и иголокъ. Въ числѣ мелкихъ предметовъ попадаются маленькія бронзовыя щипчики, для какой надобности, трудно объяснить, быть можетъ для шитья или другаго какого рукодѣлья.

Въ ушахъ, и мужчины и женщины носили серьги, обыкновенно серебряныя, иногда бронзовыя, густо позолоченныя, особой формы, состоявшей изъ кольца съ продѣтыми въ него металлическими же бусами, одною или тремя. Эта форма приходила съ востока, ибо между западными древностями, по замѣчанію гр. Уварова, она совершенно неизвѣстна. Носили даже по двѣ серги въ каждомъ ухѣ, но когда попадается одна серьга, вѣроятно у мужчинъ, то всегда только въ правомъ ухѣ. Меряне носили и такія серьги, какихъ не встрѣчается ни на западѣ, ни на востокѣ и какія, впрочемъ, чаще всего находятъ только въ Московской окраинѣ. Это металлическій кругловидный листокъ величиною около двухъ вершковъ, изъ котораго выдѣлывалась въ верху форма ушнаго кольца, а въ нижней долѣ вырѣзалось семь, и непремѣнно семь лепестковъ, въ видѣ листьевъ, такъ что вся фигура дѣйствительно походила на кленовый или подобный древесный листъ, корень котораго обдѣлывался, какъ упомянуто, въ видѣ ушнаго кольца. Форма серегъ, какъ и другихъ подобныхъ вещей, несомнѣнно служила показаніемъ этнографической особенности того или другаго племени.

Шею украшали металлическими, серебряными или мѣдными гривнами въ родѣ обручей, устроенными изъ гладкой, или витой проволоки, а также монистомъ или ожерельемъ изъ разноличнаго бисера и бусъ съ привѣсками, цатами, монетами и разными амулетами, каковы были напр. зубы и когти медвѣдя, иногда сдѣланные даже изъ металла, раковины—змѣиныя головки, янтарные куски, птичьи косточки и т. п. Въ числѣ привѣсокъ на ожерельѣ весьма часто попадаются бронзовыя уховертки, лопаточки для чистки ушей. Вотъ въ какое время и у Залѣсскихъ Мерянъ мы встрѣчаемъ заботу о чистотѣ тѣла.

На рукахъ носили въ собственномъ смыслѣ об-ручи, т. е. браслеты изъ одной толстой или сплетеной тонкой проволоки или изъ пластинъ, украшенныхъ самымъ простымъ рѣзнымъ узоромъ, напоминающимъ обыкновенный полоте-

нечный. Обручи носили и мужчины, и женщины, не только у кисти руки, но и выше локтя, а иногда и на ногѣ у колѣна.

На пальцахъ рукъ носили кольца и перстни, съ печатями, т. е. разными изображеніями, иногда на каждомъ пальцѣ; перстни попадались и на пальцахъ ногъ. Кольца, перстни и обручи-браслеты встрѣчаются даже изъ цвѣтнаго стекла, синяго и фіолетоваго.

Обувь вѣроятно составляли лапти, но попадаются и сапоги, какъ можно судить по подковкамъ, которыя однако были находимы только по одной, что даетъ поводъ причислять ихъ, какъ замѣчаетъ гр. Уваровъ, къ шпорамъ, хотя и то будетъ вѣроятно, что они могли употребляться въ зимнее время при ходьбѣ по льду.

Къ числу предметовъ убранства можемъ отнести и небольшія шкатулки или сундучки, иногда окованные листовымъ серебромъ, въ которыхъ вѣроятно сохранялись дорогіе уборы, серьги, кольца, браслеты, ожерелья и проч.

Изъ вещей домашняго хозяйскаго обихода гончарныя издѣлія, горшки и другіе сосуды въ большинствѣ не отличаются особенно добрыми качествами работы. Только „въ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ поселеній, у озеръ Ростовскаго и Переяславскаго“ найдены сосуды отличнаго достоинства, и по свойству глины, и по издѣлію. Объ иныхъ сосудахъ надо замѣтить, что повидимому Меряне тутъ же при похоронахъ лѣпили изъ глины, напр. чарки для питья, которыя и полагали съ покойникомъ. Попадаются очень рѣдко и мѣдные сосуды, напр. найдена чаша. Довольно часто были находимы деревянныя ведра, окованныя тремя желѣзными обручами и съ желѣзною же дужкою для подъема.

Найденые замки и ключи, большіе и малые, очень замысловатые по формѣ, могутъ указывать, что ими запирались не только двери домовъ, амбаровъ, клѣтей, но и сундуковъ, и мелкихъ ящиковъ.

Въ числѣ обиходныхъ желѣзныхъ вещей найдены винты, крючья, скобы, пробои, долота, клещи, гвозди, ножи большіе и малые съ костяными и деревянными черенками, украшенными рѣзьбою, иногда обвитыми серебряною проволокою и даже обдѣланными серебрянымъ листомъ съ черневыми узорами. Ножикъ и мусатъ-точило, привѣшенные на

поясѣ, составляли необходимую принадлежность каждаго покойника, даже и у дѣтей. Огонь Меряне добывали посредствомъ огнива и кремня.

Изъ хозяйственныхъ орудій попадаются сошникъ, цѣпы, кирки и серпы въ женскихъ гробницахъ. Въ одной гробницѣ одинъ серпъ былъ положенъ на груди, другой въ ногахъ покойницы.

Изъ рыболовныхъ снастей найдены гарпуны, багры, крючки, иглы для плетенія сѣтей. Отъ конскаго убора—стремена, удила, сѣдла.

Меряне вооружались сѣкирами или топорами и топорцами или молотками разной величины; также метательными стрѣлами и копьями или рогатинами, сулицами. Большіе топоры съ широкимъ лезвеемъ имѣли длинное древко почти въ ростъ человѣка. Мечи появлялись у нихъ очень рѣдко, какъ и золото. Во всѣхъ раскопанныхъ курганахъ, а ихъ было 7729, найдено только три меча, да и то въ ихъ числѣ была одна сабля. Такъ, и золотыхъ серегъ найдено только три пары. Только три меча на всю Мерянскую область доказываютъ, что это оружіе не было въ употребленіи въ здѣшней сторонѣ, что единственною ея защитою была сѣкира или топоръ, которыхъ найдено множество и самыхъ разновидныхъ формъ.

Точно также рѣдко обозначаются и щиты, которые, если были деревянные, то конечно всѣ истлѣли.

Меряне вовсе не знали также саадашныхъ или колчанныхъ, т. е. мелкихъ стрѣлъ и потому становится неизвѣстнымъ, стрѣляли ли они изъ луковъ? Повидимому, это по преимуществу степное оружіе въ своемъ распространеніи отъ юга и востока по сѣверу до нихъ еще не доходило.

Видимо по многимъ признакамъ, что Меряне жили очень самобытно и къ тому же нисколько не бѣднѣе, если не богаче тѣхъ обитателей, которые населяютъ ихъ страну въ наши дни.

Изобиліе желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, серебряныхъ серегъ, обручей, колецъ и перстней, которые составляли любимый уборъ женщинъ и мущинъ, вполнѣ подтверждаетъ это заключеніе. Собственно золотыхъ вещей у нихъ было очень мало, но все-таки они украшали свои одежды прево-

сходными цареградскими золотными тканями, кружевами и снурками.

Очень вѣрно замѣчаніе графа Уварова, что многія мѣдныя вещи Меряне обработывали сами, такъ какъ въ Городцѣ на Сарѣ открыты были даже и плавильные горшки. Предметами ихъ собственнаго издѣлія могутъ почитаться описанныя привѣски, нагрудныя и поясныя, которыя всѣ состоятъ изъ плетеной проволоки и по простому способу плетенія совсѣмъ равняются обычнымъ крестьянскимъ плетенымъ или бранымъ кружевамъ. Меряне въ обработкѣ иныхъ вещей употребляли краски и позолоту сусальнымъ золотомъ; изготовляли рѣзныя вещи изъ дерева и кости; украшали рѣзьбою и мѣдныя, и серебряныя вещи, особенно браслеты, обручи, сгибаемые изъ простыхъ гладкихъ пластинокъ. Эта рѣзьба также очень напоминаетъ самые простые узоры полотенецъ.

Мы полагаемъ, что и большая часть желѣзныхъ вещей обработывалась также дома, въ своей странѣ, если не въ области Мерянъ, то въ области Новгорода или Бѣлаозера. Въ началѣ 16 ст. на устьѣ р. Луги въ погостѣ Каргальскомъ собирали дань желѣзными крицами, топорами, сковородами. Быть можетъ это производство шло изъ далекой старины. Припомнимъ и Новгородскій городъ Устюжну Желѣзопольскую на р. Мологѣ.

Находимые при покойникахъ ключи свидѣтельствуютъ не только объ ихъ зажиточности, но также быть можетъ и объ особомъ званіи общиннаго ключника. Такъ какъ и находимые при покойникахъ вѣски и гири могутъ свидѣтельствовать не только о торговомъ человѣкѣ, принимавшемъ деньги обыкновенно всегда въ отвѣсъ, но и объ особомъ общинномъ званіи серебрянаго вѣсца, который упоминается напримѣръ въ 13 в. въ Новгородѣ, какъ должностное общественное лицо.

Вещи, какія употребляли Меряне для своего убора и на другія потребности, приходили къ нимъ отъ Запада съ Балтійскаго моря, отъ Грековъ изъ Цареграда, отъ Камскихъ Болгаръ съ Каспійскаго моря и вѣроятно отъ Пермской стороны.

Почтенный авторъ изслѣдованія мерянскихъ кургановъ, по большему сходству нѣкоторыхъ вещей съ находимыми

въ скандинавскихъ странахъ, заключаетъ, что Норманны жили и посреди Мерянъ, что они владычествовали надъ Мерянами, что Норманны же привозили къ нимъ и восточныя монеты и издѣлія западныхъ странъ.

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Норманны могутъ остаться въ сторонѣ, ибо сходство мерянскихъ вещей съ такими же скандинавскими доказываетъ только, что существовали торговыя связи не съ Скандинавами собственно, а вообще съ Балтійскимъ поморьемъ, гдѣ весьма бойкую торговлю производили и Варяги—Славяне. И лучшимъ доказательствомъ этому служитъ приводимый авторомъ счетъ найденныхъ монетъ. О монетѣ вообще онъ говоритъ, что монета есть „лучшее доказательство торговыхъ сношеній съ страною, гдѣ она чеканена“.

Въ курганахъ было найдено 80 монетъ германскихъ разныхъ мѣстъ; 27 англосаксонскихъ, и только три датскихъ и шведскихъ и 3 византійскихъ. Изъ скандинавскихъ земель стало быть только Британія доставила самое большое, третью долю противъ общаго числа Германскихъ монетъ, что очень понятно, ибо въ Британіи славянскіе балтійскіе торговцы находили больше надобнаго товара, чѣмъ въ Швеціи или Даніи, почему имъ чаще попадали въ руки и британскія деньги, которыя, конечно, они же привозили и въ Ростовскую область. Общее число найденныхъ западныхъ монетъ вполнѣ доказываетъ, что Мерянская торговля производилась больше всего съ Южнымъ, т. е. съ славянскимъ берегомъ Балтійскаго моря.

Затѣмъ Норманны должны бы оставить у Мерянъ несравненно больше мечей, чѣмъ найденные три, ибо въ скандинавскихъ земляхъ находки мечей при покойникахъ весьма обыкновенны. Отчего бы имъ не оставить и какой либо рунической надписи, хотя бы въ одну букву? Мы не говоримъ о томъ, что при внимательномъ изученіи и сравненіи скандинавскихъ издѣлій съ издѣліями напр. внутреннихъ земель Европы или же съ арабскими, многія изъ нихъ по производству могутъ пожалуй оказаться вовсе не скандинавскими, ибо замысловатыя сплетенія съ птицами, звѣрьми и человѣческими фигурами, по которымъ обыкновенно отличаютъ такъ называемый норманскій или скандинавскій

стиль, не есть еще исключительная принадлежность одного скандинавскаго производства. Эти плетенпцы въ 9 и 10 вв. господствовали по всей Европѣ и потомъ составляли особый отпечатокъ такъ называемаго романскаго стиля, который въ свою очередь питался наиболѣе всего византійскимъ востокомъ.

Вообще, не все то, что сходно съ вещами находимыми въ Скандинавіи, можно относить къ скандинавскимъ же издѣліямъ, и не всякій мечъ, найденный гдѣ либо въ Орловской губ. и сходный по украшенію съ найденными въ Скандинавіи, можно прямо называть норманскимъ. Какъ мы уже замѣтили, иностранные археологи въ противуположность Русскимъ, всѣ находимыя въ ихъ странѣ вещи, за исключеніемъ вещей явно римскаго или античнаго издѣлія, нисколько не стѣсняясь, всегда прямо относятъ къ туземному производству, очень часто утвердительно, иногда основываясь на вѣроятности. Такъ напр. вырѣзанныя обронно и очень искусно пряжки, запаны, привѣски и т. п., и въ особенности всѣ предметы, отличающіеся сканною или филогранною работою, едва-ли принадлежали къ туземному скандинавскому производству. Намъ кажется, что производство всякой скани или филограни отъ глубокой древности процвѣтало только на востокѣ, въ особенности у античныхъ Грековъ. По наслѣдству оно оставалось въ рукахъ восточныхъ же народовъ и въ средніе вѣка. Тогда его издѣлія переходили въ Европу или изъ Византіи или же отъ Арабовъ, вѣроятнѣе всего изъ Багдада—Вавилона, какъ называли этотъ городъ наши предки, который славился своими издѣліями изъ золота и серебра. Сканное производство требуетъ большой опытности и большихъ познаній въ техникѣ этой работы, поэтому очень сомнительно, чтобы средневѣковой, все-таки варварскій сѣверъ, занимавшійся къ тому же больше всего войною, могъ усвоить себѣ это въ высокой степени трудное, очень копотливое и дорогое производство. Мы полагаемъ, что и мѣдныя Мерянскія проволочныя плетенія, о которыхъ мы упомянули, что они могутъ принадлежать туземнымъ издѣліямъ и которыя по существу работы тоже относятся къ сканному производству, едва ли выдѣлывались у самихъ Мерянъ. Вѣроятнѣе всего это произведенія Пермскія, вообще при-уральскія, гдѣ восточ-

ное искусство должно было свить себѣ, хотя бы и не очень богатое гнѣздо съ самыхъ давнихъ вѣковъ. Та сторона всегда находилась подъ вліяніемъ если не античной, то до-арабской Персіи и другихъ закаспійскихъ государствъ.

Вообще, по находимымъ вещамъ нельзя еще утверждать, что эти вещи обработывались тамъ, гдѣ ихъ больше находится, иначе пришлось бы доказывать, что арабскія деньги чеканились въ нашей странѣ, такъ какъ нигдѣ онѣ не открываются въ такомъ количествѣ.

Равнымъ образомъ, по находкамъ Скандинавскихъ вещей, никакъ нельзя заключать о ходьбѣ по нашей странѣ или пребываніи въ ней Норманновъ. Для распространенія этихъ вещей по всѣмъ угламъ Русской равнины достаточно было и однихъ русскихъ-же купцовъ, получавшихъ иноземные товары и деньги въ приморскихъ и заморскихъ городахъ и развозившихъ ихъ по своимъ Русскимъ мѣстамъ.

Какъ бы ни было, но очеркъ Мерянскаго быта, возстановляемый самыми могилами, можетъ служить показаніемъ, что и въ другихъ углахъ Русской страны люди 9 и 10 вѣка жили подобнымъ же образомъ, больше или меньше богато, смотря по торговому или промышленному значенію мѣстности, но въ постоянныхъ связяхъ и сношеніяхъ съ главнѣйшими торговыми путями страны, а слѣдовательно и съ главными средоточіями этихъ путей, каковы были Кіевъ и Новгородъ и Великій городъ Болгарскій. Если глухія селенія внутри лѣсовъ и болотъ Ростовской области употребляли, кромѣ другихъ иноземныхъ привозныхъ вещей, даже и Цареградскія золотыя дорогія ткани, то уже это одно служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ о бойкости древнихъ торговыхъ связей и сношеній по всей странѣ.

Сравнительно съ Мерею, еще бо̀льшимъ богатствомъ отличалась Мурома въ древнемъ городѣ Муромѣ. Тамошнія находимыя вещи, въ общемъ характерѣ сходныя съ Мерянскими, отличаются болѣе искусною работою и лучшими формами [184].

Отважные походы за море, неутомимыя странствованія вдоль и поперегъ по своей странѣ естественно доставляли первоначальному обществу Древней Руси извѣстную долю

образованія. Путешествія знакомили съ иными землями и съ иными людьми, слѣдовательно распространяли кругъ понятій и свѣдѣній, конечно, больше всего только въ промышленномъ практическомъ направленіи. Знаніе мѣстъ, людей, ихъ обычаевъ и нравовъ и разныхъ порядковъ ихъ жизни было очень необходимо для самаго торга. Оно и доставляло именно ту степень образованія, которую можно весьма точно опредѣлить словомъ бывалость.

Тѣ послы и гости, которые изо всѣхъ городовъ каждый годъ хаживали въ Царьградъ, а стало-быть точно также и за Варяжское, и за Хвалисское (Каспійское) море, возвращаясь домой, конечно, вмѣстѣ съ различнымъ товаромъ приносили и множество разсказовъ о далекихъ странахъ и чудныхъ земляхъ, въ которыхъ приходилось имъ бывать. Слѣды подобныхъ разсказовъ обнаруживаются въ самой лѣтописи, гдѣ она касается описанія иноземныхъ обычаевъ.

Таковъ напр. разсказъ Новгородца Гюряты Роговича, слышанный имъ отъ Югры, о людяхъ, сидѣвшихъ гдѣ-то за этою Югрою на морѣ въ высокихъ до небесъ горахъ и съ великимъ кличемъ и говоромъ просѣкавшихъ гору, желая высвободиться. Въ горѣ у нихъ было просѣчено малое оконце, въ которое они разговаривали, но нельзя было разумѣть ихъ языка. Они, объясняя рукою, указывали на желѣзо, прося дать имъ, или ножъ, или сѣкиру и отдаривали за то скорою, т. е. дорогимъ мѣхомъ. До тѣхъ горъ путь былъ очень труденъ и непроходимъ, все пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ. Поясненіе этого разсказа находимъ у Арабовъ, которые въ этомъ случаѣ разсказываютъ или Русскія или Болгарскія повѣсти.

Арабскій географъ начала 15 в., Бакуй, пишетъ слѣдующее: „Юра (Югра) есть земля, лежащая близъ моря Мрака. Лѣтомъ тамъ дни бываютъ очень длинные, такъ что солнце слишкомъ 40 дней не садится. Жители не сѣятъ; но у нихъ много лѣсовъ; живутъ рыбою и звѣроловствомъ. Путь къ нимъ лежитъ черезъ такую землю, гдѣ снѣгъ никогда не таитъ. Говорятъ, что Болгары возятъ туда на продажу сабли“. Другой арабскій географъ начала 14 в. Абулфеда, о той же Югрѣ, повидимому, слышалъ разсказъ отъ Русскаго. „На сѣверъ отъ Руссовъ, говоритъ онъ, находятся тѣ народы, которые заочно производятъ торговлю съ чуже-

странцами. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ, какъ то разсказывалъ одинъ человѣкъ, который самъ туда ѣздилъ, и по словамъ котораго сказанные народы живутъ близь береговъ сѣвернаго океана. Караваны, пришедъ на ихъ границы, ожидаютъ пока жители извѣстятся о томъ. Тогда каждый купецъ, на извѣстномъ и назначенномъ мѣстѣ раскладываетъ свои товары, положа на нихъ замѣтки. По уходѣ купцовъ, приходятъ тамошніе жители, раскладываютъ свои товары, состоящіе изъ шкурокъ скиѳскихъ ласточекъ и лисицъ и т. п., оставляютъ все тамъ и уходятъ домой. Тутъ купцы приходятъ опять, и тотъ, кому мѣна кажется сходною, беретъ скиѳскіе товары; а тотъ, кому это не покажется, не беретъ своихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока оба не сойдутся въ цѣнѣ, послѣ чего разъѣзжаются".

Почти тоже географъ Бакуй разсказываетъ и о болгарской торговлѣ съ Весью. „Ваисуа или Валсу (Весь), говоритъ онъ, есть земля по ту сторону Болгаровъ, разстояніемъ отъ нихъ на 3 мѣсяца пути. День тамъ бываетъ очень длиненъ, а за нимъ слѣдуетъ столь же длинная ночь. Когда Болгары приходятъ туда для торговли, то раскладываютъ свои товары на одномъ мѣстѣ, гдѣ и оставляютъ ихъ на нѣкоторое время, потомъ приходятъ опять и подлѣ своихъ товаровъ находятъ то, что жители хотятъ имъ за нихъ дать; ежели они довольны, то берутъ, а ежели нѣтъ, то оставляютъ, ожидая придачи. При этомъ, ни покупщикъ, ни продавецъ, не видятъ другъ друга, какъ тоже дѣлается въ южныхъ странахъ въ землѣ Черныхъ (негровъ). Впрочемъ, жители Валсу не ходятъ въ землю Болгаровъ отъ того, что не могутъ снести тамошняго лѣта".

Эта отмѣтка не ходятъ къ Болгарамъ вообще должна обозначать, что народъ Весь, какъ и другіе его соплеменники, не участвовали въ дѣйствительной торговлѣ, не ходили съ торгомъ по чужимъ землямъ, хотя-бы и къ сосѣдямъ [185].

Надо замѣтить, что упомянутые арабскіе географы въ этихъ разсказахъ несомнѣнно пользовались источниками болѣе древними, чѣмъ то время, когда они составляли свои географіи, ибо въ началѣ 15 стол. Болгары, какъ народность, уже не существовали, а о Веси арабскія свидѣтельства больше всего относятся къ 10 вѣку.

О другомъ разсказѣ старыхъ русскихъ мужей, ходившихъ за Югру и за Самоядь въ 11 столѣтіи, мы уже упоминали выше стр. 379.

Западные писатели и путешественники въ 15 и 16 вв., Сабинусъ, П. Іовій, Герберштейнъ, какъ сами они говорятъ, отъ Русскихъ же людей получали свѣдѣнія о приуральскихъ и зауральскихъ странахъ, и можно съ достовѣрностію полагать, что существовали и русскія описанія этихъ странъ, до насъ не дошедшія, которыми однако уже пользовался Герберштейнъ. Отрывокъ такихъ описаній находимъ въ спискахъ 16 в., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на въсточнѣй странѣ и о языцѣхъ разныхъ", гдѣ описываются за Югорскою землею разныя отрасли Самоѣди и между прочимъ говорится и о нѣмой торговлѣ. „Вверхъ рѣки Оби Великія есть иная Самоѣдь. (Туда) ходятъ по подземелію, иною рѣкою, день да ночь, со огни, и выходятъ на озеро; и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречуденъ, и градъ великъ стоитъ, а посада у него нѣтъ. И коли поѣдетъ кто ко граду тому и тогда шумъ великъ слышети въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ. И какъ пріидутъ въ него, ино людей въ немъ нѣтъ, ни шуму не слышети никотораго, ни иного чего животна. Толико во всякихъ дворехъ ясти и пити много всего; и товару всякаго, кому что надобе. И онъ положитъ въ цѣну противу того, да возметъ, что кому надобе, и прочь отходятъ. А кто что безъ цѣны возметь и какъ прочь отъидетъ и товаръ изгинетъ у него, и обрящется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града того, и шумъ паки слышети, какъ и въ прочихъ градѣхъ".

По своему характеру эти разсказы отзываются все тѣми же повѣстями, какія выслушивалъ въ нашей же странѣ отъ древнихъ Скиѳовъ самъ отецъ исторіи—Геродотъ за 450 лѣтъ до Р. Х. (ч. 1. стр. 237.), сохранившій самое имя Югры въ своемъ имени народа Ирковъ; тѣми повѣстями, какія, по свидѣтельству Аристотеля, аѳиняне съ жадностью слушали на своихъ площадяхъ отъ людей, возвращавшихся съ береговъ Днѣпра, откуда конечно идутъ и всѣ баснословныя сказанія о Гиперборейцахъ и другихъ чудахъ нашей страны, разсѣянныя въ сочиненіяхъ античной древности. Все это служитъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что въ

теченіи 1500 лѣтъ отъ Геродота включительно до 10 вѣка, торговое хожденіе по разнымъ угламъ нашей страны не прекращалось, что тамъ или здѣсь, въ ней всегда находились бывалые люди, предпріимчивые ходоки на край свѣта, быть можетъ, тѣ самые ходіаки, ходонаки, которые упомянуты своими именами на мраморныхъ надписяхъ Танаиса въ 3 вѣкѣ по Р. Х. (ч. 1, стр. 364). Эти-то ходоки въ теченіи 15 столѣтій не отмѣняли своихъ предпріятій и непрерывно до позднихъ временъ продолжали свое дѣло, начатое ихъ предками не на памяти даже Всемірной Исторіи.

Естественно предполагать, что въ тотъ русскій вѣкъ, который мы обозначили именемъ языческаго, подобные разсказы жили во всѣхъ нашихъ старыхъ главныхъ городахъ и составляли своего рода ученость, особый кругъ знанія, отличавшій людей бывалыхъ даже отъ людей старыхъ, какъ представителей всякаго опыта и знанія. „Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго", говоритъ народъ и до настоящаго времени, очень вѣрно оцѣнивая этою пословицею достоинства опытнаго знанія.

Но рядомъ съ чудными разсказами бывалые люди очень хорошо знали и настоящее дѣло, т. е. знали положеніе близкихъ и далекихъ земель и къ нимъ всѣ пути и волоки. Вотъ по какой причинѣ начальный Русскій лѣтописецъ является и первымъ обстоятельнымъ и точнымъ географомъ для Восточной Европы. И при томъ его разсказъ о размѣщеніи древнихъ обитателей Русской страны, какъ и о нѣкоторыхъ прибрежныхъ народахъ европейскаго запада, отзывается свѣдѣніями болѣе древними, чѣмъ то время когда онъ собиралъ свою лѣтопись. Его показанія о Великой Скиѳіи, какъ еще античные Греки называли все Славянство, жившее между Дунаемъ и Днѣпромъ, его отмѣтка объ особомъ имени Славянъ Норци (Неуры по Геродоту), ближе къ показаніямъ Геродота, чѣмъ къ разсказамъ средневѣковыхъ латинскихъ и греческихъ писателей. И вообще, относительно своей страны и всего Славянства, и относительно всего пути вокругъ Европы, его познанія самостоятельны, пріобрѣтены не изъ книгъ, а именно отъ бывалыхъ людей, отъ самовидцевъ.

Не смотря на ихъ краткость они отличаются такою географическою и этнографическою опредѣленностью и точ-

ностью, которая можетъ явиться только какъ слѣдствіе давнишняго, самаго близкаго знакомства съ упоминаемыми землями и народами. Самый Іорнандъ въ извѣстномъ перечисленіи покоренныхъ будто-бы Готами народовъ повидимому тоже пользовался нашими Русскими свѣдѣніями, въ томъ смыслѣ, что они шли отъ туземцевъ нашей страны. Можемъ съ полною вѣроятностью заключать, что Русскіе передовые люди еще до призванія Варяговъ знали обширный востокъ Европы, какъ свои пять пальцевъ, знали съ достаточною подробностью и побережья Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго морей, и многія заморскія страны, особенно за Каспіемъ и Кавказскими горами.

Само собою разумѣется, что знакомство съ разными землями и народами по естественнымъ причинамъ должно было оставлять свой слѣдъ и внутри страны, именно въ развитіи гражданскихъ и общественныхъ понятій зарождавшагося общества.

Торги и торговыя связи всегда служили наилучшими проводниками всяческой культуры. Вмѣстѣ съ иноземными вещами и различными предметами торговли они разносили въ глухія страны и иноземныя понятія, иноземныя вѣрованія, обычаи и вообще всякія формы, образы иной жизни, начиная съ простаго гвоздя и оканчивая религіознымъ вѣрованіемъ. Самая монета съ ея изображеніями, понятными или непонятными, доставляла уже матеріалъ для новой мысли. Если исторія торговыхъ связей нашей равнины касается еще первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, то конечно къ тѣмъ же временамъ должны быть относимы и очень многія наши, такъ называемыя, культурныя заимствованія. Поэтому горизонтъ нашихъ ученыхъ разысканій о происхожденіи и первомъ появленіи въ нашемъ быту того или другаго обычая, того или другаго предмета въ ремеслѣ и художествѣ, въ уборѣ и одеждѣ, въ вооруженіи и даже въ ѣствахъ и т. п., этотъ горизонтъ долженъ распространиться не только за предѣлы татарскаго, но даже и норманскаго вліянія, потому что и то и другое пріобрѣли у насъ значеніе и вѣсъ единственно только по случаю нашего крайняго незнакомства съ настоящею нашею древностью. Многое и очень многое въ нашемъ старомъ быту происходитъ или, что одно и тоже, объясняется изъ такихъ источниковъ,

которые по своей отдаленности никогда не принимались въ разсужденіе, но которые, тѣмъ не менѣе, по своимъ вліяніямъ всегда находились ближе къ намъ, чѣмъ пресловутые Норманны.

Русское Славянство послѣднимъ пришло въ Европу; оно по необходимости остановилось на крайнемъ европейскомъ востокѣ и по необходимости должно было въ большей силѣ испытывать на себѣ вліяніе того же востока, ибо этотъ востокъ, очень богатый и роскошный, отличался высшимъ развитіемъ и обладалъ уже государственною довольно сложною культурою въ то время, какъ на западѣ, въ Европѣ, жили еще простые бѣдняки-земледѣльцы, какими были и Славяне. Естественно, что первоначальныя черты въ развитіи Русскаго Славянства, каково бы ни было это развитіе, необходимо носили восточный обликъ. Перейдя въ Европу и живя по сосѣдству съ востокомъ, Русское Славянство едва ли когда покидало съ нимъ связи. Если не прямо, то при посредствѣ другихъ народовъ и племенъ, оно всегда находилось подъ его вліяніемъ. Черноморскіе колонисты древнихъ временъ, Греки, сами испытывали это вліяніе и еще въ большей степени, что раскрывается и въ ихъ искусствѣ, и въ ихъ миѳахъ, и въ домашнемъ быту.

Съ именемъ Востока у насъ существуетъ одно представленіе только о дикихъ кочевникахъ. Но это Востокъ погибшій или можно сказать новѣйшій, отъ котораго заимствовать было нечего, и который самъ всегда разлагался и угасалъ отъ вліяній осѣдлаго быта, или въ борьбѣ съ нимъ. Заимствованіе лучшаго въ порядкахъ жизни, богатаго и красиваго въ ея внѣшней обстановкѣ, могло происходить только въ сношеніяхъ съ Востокомъ древности Мидійской и Персидской. Здѣсь-то мы и встрѣчаемъ явные признаки восточнаго вліянія на нашу жизнь.

Въ отношеніи одежды мы совсѣмъ отдѣлились отъ Запада своею восточною длиннополостью, которая идетъ не отъ Татаръ, какъ обыкновенно всѣ думаютъ, а ближе всего съ древняго Черноморья и изъ Малой Азіи отъ византійскихъ Грековъ, которые также отличались отъ западныхъ своею длиннополостью и сами подчинились ей отъ неразрывныхъ связей съ древнимъ востокомъ, гдѣ длиннополость господствовала еще у Финикіанъ, Ассиріанъ и повсюду въ такъ

называемой Передней Азіи. Античные Греки длиннополость, длинные рукава, штаны и вообще упрятываніе голаго тѣла почитали варварствомъ. Римляне этотъ родъ одежды презирали, какъ постыдный для мужчины, потому что въ ихъ глазахъ онъ обозначалъ женскую изнѣженность. И Греки и Римляне на половину ходили голыми, не покрывая одеждою ни рукъ, ни ногъ.

Между тѣмъ на варварскомъ востокѣ, въ древней Мидіи, Малой Азіи, носить такую одежду почиталось за великій стыдъ, о чемъ свидѣтельствуетъ еще Геродотъ. Этотъ взглядъ черезъ десятки забытыхъ столѣтій обнаруживается въ древнихъ русскихъ понятіяхъ о коротополой одеждѣ западныхъ народовъ и тѣмъ раскрываетъ глубокую древность нашихъ связей съ древнимъ востокомъ. Одинъ Лѣтописецъ 13 вѣка, Переяславскій, говоря о различіи народныхъ и племенныхъ обычаевъ, замѣтилъ, что Латины (Европейцы) взяли безстыдство отъ худыхъ Римлянъ, пристроили себѣ кошули (куртки, фуфайки), вмѣсто сорочекъ, и нося коротополіе и ногавицы (брюки), стали межиножіе показывать, нисколько не стыдясь, какъ настоящіе скоморохи".

Такимъ образомъ средневѣковая и современная коротополость Запада получила свое развитіе изъ идей объ одеждѣ древнихъ Римлянъ, такъ точно, какъ и наша старинная длиннополость произошла изъ древневосточныхъ идей, которыя къ тому же вполнѣ оправдывались ученіемъ Христіанской вѣры, а еще болѣе самымъ климатомъ страны.

Все это даетъ намъ много основаній заключать, что древнерусскій костюмъ въ его богатой, знатной и относительно роскошной средѣ, сохраняетъ памятники такой древности, передъ которою неумѣстны всѣ толки о нашихъ заимствованіяхъ у позднѣйшихъ восточныхъ народностей.

Если наше имя собака идетъ по прямой линіи отъ Мидянъ, у которыхъ это животное называлась спака [186], то естественно предполагать, что напр. и имя нашего сарафана идетъ также отъ мидійскаго и древне-персидскаго сарапа, который носили женщины и мужчины, какъ встрѣчалось и у насъ. Изъ народной одежды шаравары прямо идутъ тоже отъ древнихъ Персовъ и Парѳянъ. Особенно широкіе рукава нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ одеждъ женскихъ (лѣт-

никъ) и мужскихъ (царское платно) имѣютъ также свой первообразъ въ одеждахъ мидійскихъ.

Одна серьга въ ухѣ Святослава напоминаетъ такую же и тоже жемчужную серьгу въ правомъ ухѣ персидскаго царя Пероза (459—483 г.). Мы видѣли, что и Меряне Ростовской области носили одну серьгу въ правомъ ухѣ.

Излюбленный великорусскимъ племенемъ красный цвѣтъ рубахъ, а въ орловскихъ и курскихъ мѣстахъ и женскихъ понёвъ, быть можетъ, также удаляетъ нашу народную старину въ древность Мидянъ, которые вообще особенно любили въ одеждѣ красный цвѣтъ. Обычай цѣловаться при встрѣчѣ съ другомъ, съ родственникомъ, или вообще равнымъ—въ губы, съ почтеннымъ—въ щеки; или бить челомъ, кланяться въ землю при встрѣчѣ съ господиномъ или властнымъ человѣкомъ, суть обычаи древне-персидскіе. Мы уже говорили (ч. 1 стр. 646) о женскомъ нарядѣ геродотовскихъ Скиѳовъ, который въ общемъ характерѣ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ очень сходенъ съ нашими нарядами 17 столѣтія.

Всѣ такія указанія, конечно, не даютъ еще основаній къ заключенію о непосредственномъ происхожденіи нѣкоторыхъ остатковъ нашей древности прямо изъ древней Мидіи; но они вообще раскрываютъ, что наша древность въ теченіи незнаемыхъ вѣковъ постоянно находилась подъ вліяніемъ древняго мидійско-персидскаго или иранскаго, арійскаго востока, подъ вліяніемъ той культуры, которая задолго предшествовала ея арабской или собственно магометанской переработкѣ.

Затѣмъ нельзя оставлять въ сторонѣ и извѣстнаго вліянія античныхъ Грековъ, у которыхъ Славяне и особенно восточные должны были заимствовать не мало предметовъ и самыхъ словъ, входившихъ къ нимъ вмѣстѣ съ предметами торговли и культуры. Гречка, гречиха и доселѣ служитъ свидѣтелемъ, откуда впервые это растеніе развелось и на нашихъ поляхъ. Равнымъ образомъ и тотъ плащъ, который Русскіе носили въ 10—11 столѣтіяхъ, называя его корзномъ и надѣвая его на лѣвое плечо съ тѣмъ, чтобы правая рука оставалась свободною,—тоже одежда древнихъ Грековъ, остававшаяся у нихъ и во времена византійскаго царства.

Если требуется объяснять заимствованіемъ самое происхожденіе русскихъ городовъ, то, конечно, они должны были возникнуть подъ непосредственнымъ вліяніемъ древнегреческаго городоваго быта въ черноморскихъ колоніяхъ. Еще древняя Ольвія, съ которою связи и сношенія, указанныя уже Геродотомъ, подтверждаются и курганными находками (Ч. 1, стр. 252), несомнѣнно могла служить добрымъ источникомъ для распространенія между Скиѳами понятій о городскомъ устройствѣ. О городахъ въ нашей странѣ, хотя бы и не выше предѣловъ Кіева, упоминаетъ уже Птоломей, писатель 2 вѣка по Р. Х. Но объ устройствѣ древнихъ южныхъ въ собственномъ смыслѣ Русскихъ городовъ мы мало имѣемъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи типомъ такого устройства, хотя предположительно, долженъ оставаться Новгородъ.

По нашему мнѣнію, новгородская вѣчевая степень или особый помостъ, возлѣ котораго происходили совѣщанія, на которомъ становились старѣйшины говорить съ народомъ, давать судъ и правду, отчего посадники получали даже прозваніе степенныхъ, эта вѣчевая степень по всему вѣроятію идетъ еще отъ античныхъ временъ. Она устроивалась въ городахъ балтійскихъ Славянъ, откуда могла перейти и въ Новгородъ; но она же и доселѣ устроивается въ прибрежныхъ городахъ Далмаціи и называется тамъ Лозіею [187]. Можно съ достовѣрностію полагать, что и на Балтійскій сѣверъ она принесена съ юга, въ тѣ времена, когда Славянскія связи съ античнымъ міромъ были тѣснѣе и когда городское Славянское устройство естественно должно было многое заимствовать у колонистовъ Адріатическаго или Чернаго морей.

ГЛАВА VIII.

ВОДВОРЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

Внутреннія причины и поводы избранія истинной вѣры. Посольства и разсужденія о вѣрѣ. Походъ на Корсунь и крещеніе св. Владиміра. Всенародное крещеніе въ Кіевѣ. Черты характера Владиміра-христіанина. Его княженіе. Опасности съ Запада и дѣянія Святополка. Братья-мученики. Новгородъ—защитникъ русской самобытности. Труды и торжество Ярослава. Его княженіе. Отношенія къ сосѣдямъ. Послѣдній Цареградскій походъ. Ярославъ—сѣятель книжнаго ученія. Книга первыхъ поученій.

Мы говорили, что первыя историческія дѣянія и историческія стремленія Русской земли идутъ не прямо изъ нѣдръ родоваго быта, но изъ города; что это дѣянія и стремленія вовсе не родовыя, но въ собственномъ смыслѣ городскія, нарожденныя развитіемъ промысловой торговой общины, ея прямыми нуждами и потребностями; что призваніе князей было первымъ основнымъ плодомъ именно этого общиннаго, городоваго, но не первичнаго родоваго развитія. Родовой бытъ, создавши всенародное вѣче, тѣмъ самымъ переходилъ уже къ основаніямъ быта городоваго, общиннаго и общественнаго. Мы видѣли, что городовое общество и было главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ во всѣхъ начальныхъ предпріятіяхъ зарождавшейся народности.

Непосредственнымъ дѣломъ городоваго развитія было и другое важнѣйшее событіе начальной Русской Исторіи—принятіе Христіанства. Весьма естественно, что починъ въ этомъ дѣлѣ лѣтопись приписываетъ Владиміру. Въ немъ дѣйствительно заключалась основа или опора при распространеніи Христіанства по всей Землѣ. Онъ былъ глава Земли, князь, общественное знамя, представитель общей земской воли. Но мы видѣли, что онъ явился въ Кіевъ ярымъ языч-

никомъ, какъ будто защитникомъ и возстановителемъ упадавшаго язычества. Сѣвши на княженіе, онъ тотчасъ ставитъ кумиры чтимыхъ боговъ, не только въ Кіевѣ, но и въ Новгородѣ, какъ будто до него эти кумиры находились въ небреженіи, какъ будто призванные Варяги, главные дѣятели Владиміровой побѣды, закоренѣлые язычники, отчаянно боровшіеся съ Христіанствомъ и въ своей странѣ, опасаются, чтобы по греческому пути и особенно въ Кіевѣ не распространилась Христова Вѣра. Владиміръ пришелъ мстить кровь брата; но сооруженіе кумировъ обнаруживаетъ, что его приходъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ язычества. И однако спустя пять-шесть лѣтъ Владиміръ охладѣваетъ къ язычеству, поддается совѣтамъ и разсужденіямъ Болгаръ-магометанъ, Козаръ, Нѣмцевъ, Грековъ, предлагающихъ ему каждый свою вѣру въ замѣнъ языческой. По всему видимо, что всѣ подробности преданія объ этомъ избраніи и принятіи новой вѣры рисуютъ въ сущности не лицо князя, не его личныя побужденія и намѣренія, а больше всего стремленія всего городскаго общества.

„Человѣкъ ты мудрый и смысленный, а настоящаго закона не знаешь", говорятъ Владиміру Болгары и выхваляютъ свой законъ. Нѣмцы, присланные отъ Папежа, толкуютъ тоже самое. „Земля твоя, говорятъ они, такая-же какъ и наша, т. е. однородная по устройству быта, а вѣра не такая; вѣра наша свѣтъ—кланяемся Богу Небесному, а ваши боги—дерево".

Такъ издавна могли говорить и несомнѣнно говорили пріѣзжіе гости изъ разныхъ странъ каждому пріятелю-Кіевлянину, выхваляя свой законъ вѣры. Тѣже рѣчи Кіевляне должны были слышать вездѣ, куда заносила ихъ торговая предпріимчивость и гдѣ они являлись такими-же заѣзжими друзьями, какъ и чужеземцы въ Кіевѣ. Въ древнемъ обществѣ не что другое, какъ именно торговыя сношенія служатъ главнѣйшими дѣятелями въ расширеніи понятій не только о вѣрѣ, но и обо всемъ строѣ и умственнаго, и нравственнаго, и матеріяльнаго существованія людей.

Торговый промыслъ, отъ котораго народились всѣ наши старѣйшіе города и который къ концу 9 в. сосредоточилъ свои силы въ Кіевѣ, естественно умножалъ въ городовомъ

быту, какъ мы говорили, великую смѣсь населенія. Смѣшеніе разныхъ людей отъ разныхъ странъ и племенъ необходимо развивало такое же смѣшеніе понятій. Всякій приносилъ свое вѣрованіе, свой обычай, свой порядокъ жизни. Все это мало по малу, какъ и самые товары, переходило, такъ сказать, изъ рукъ въ руки, промѣнивалось между людьми и съ незамѣтною постепенностью создавало въ ихъ средѣ нѣчто особенное, нѣчто весьма различное отъ особенныхъ вѣрованій, обычаевъ и жизненныхъ порядковъ, съ какими являлся каждый изъ приходящихъ. Для язычниковъ, которые въ Кіевѣ были все-таки народомъ преобладающимъ, это особенное должно было выразиться въ смѣшеніи и путаницѣ понятій о Богѣ, о добрѣ и злѣ, или вообще о законѣ, какъ говорили Владиміру иновѣрцы, разумѣя въ этомъ словѣ все міровое и человѣческое устройство. Путаница конечно пришла не разомъ, а накоплялась мало по малу, по мѣрѣ того какъ распространялись и развивались сношенія людей и столкновенія понятій. Она являлась послѣдствіемъ разбора и сравненія вещей, что̀ хуже, что̀ лучше, послѣдствіемъ своего рода критики, которая сама собою нараждалась отъ встрѣчи первобытныхъ языческихъ понятій съ понятіями болѣе развитыми и сильными. Отъ нашествія многихъ идей о Богѣ, языческій умъ не могъ устоять на своей почвѣ, сталъ колебаться, путаться, сомнѣваться; вѣрованія стали охладѣвать и переходить въ равнодушіе и невѣріе. Языческій типъ вѣрованій оказывался потрясеннымъ во всѣхъ основаніяхъ. Наставала именно смута представленій и понятій; въ людяхъ передовыхъ и горячихъ самъ собою пробуждался вопросъ: какой же Богъ лучше? Отвѣтомъ на такой вопросъ въ личной жизни служилъ конечно переходъ къ той или другой высшей противъ язычества вѣрѣ, что̀ зависѣло отъ извѣстной наклонности ума и чувства и отъ направленія обстоятельствъ каждаго, искавшаго лучшей вѣры. Въ самомъ обществѣ отвѣтомъ на этотъ вопросъ явилось общее совѣщаніе объ избраніи вѣры съ разсужденіями и изслѣдованіями, испытаніями черезъ особыя посольства, какая лучше. Нельзя сомнѣваться, что такое событіе могло произойдти только въ вольной городовой общинѣ и отнюдь не было дѣломъ одного князя или одной княжеской дружины. Лѣтописецъ прямо и показываетъ, что Владиміръ созы-

валъ думу не отъ однихъ бояръ, но созывалъ и старцевъ градскихъ, то есть все передовое и властное общество города, и за тѣмъ, говоря о рѣшеніи испытать вѣры, упоминаетъ, что приговору бояръ и старцевъ были рады и князь и всѣ люди. Обыкновенно лѣтопись во всѣхъ подобныхъ случаяхъ приписываетъ починъ дѣла только князю; но зная изъ послѣдующей исторіи великую зависимость князя отъ своей дружины и на столько же отъ людей градскихъ, мы не должны этотъ собственно литературный пріемъ лѣтописи почитать выраженіемъ настоящаго дѣла. Въ древнее русское время князь всегда бывалъ только орудіемъ воли и намѣреній или своей дружины или своего города. Поэтому выборъ вѣры въ Кіевѣ въ сущности былъ такимъ же событіемъ, какъ въ Новгородѣ выборъ и призваніе князя.

„Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по правдѣ, какъ уговоримся," говорили Новгородцы. Такъ черезъ сто лѣтъ говорили и Кіевляне: „Поищемъ себѣ вѣры, которая была бы истинна и святѣе всѣхъ иныхъ вѣръ. Поищемъ себѣ единой вѣры, единой мысли, ибо совсѣмъ стало неизвѣстно, кого слушать, каждый свое хвалитъ и повсюду рознь въ правилахъ и поступкахъ." Эти два величайшія событія Русской Исторіи исходили прямо изъ поступательнаго развитія городскаго быта, изъ развитія городскихъ, собственно гражданскихъ началъ Русской жизни, возникшихъ непосредственно отъ торговыхъ и промысловыхъ сношеній всей Земли. По общему выбору могла быть принята любая новая вѣра, даже и магометанская, еслибъ для такой вѣры уже прежде въ Кіевѣ существовали болѣе прочные и глубокіе корни. Принята вѣра греческая, потому что кіевская община ни съ однимъ народомъ не жила въ такихъ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, какъ именно съ Греками, и потому что въ слѣдствіе этихъ сношеній въ Кіевѣ быть можетъ уже съ незапамятныхъ временъ существовали одинокіе христіане, скрывавшіе свое богомолье въ днѣпровскихъ пещерахъ. Послѣ Аскольдова похода, какъ свидѣтельствуетъ патріархъ Фотій, въ Кіевѣ возникла уже цѣлая христіанская община, для которой тогдаже былъ назначенъ и епископъ. При Игорѣ христіане находятся уже въ числѣ пословъ и купцовъ, занимаютъ слѣд. общественное, передовое положеніе и имѣютъ соборную церковь св. Ильи. Наконецъ являет-

ся христіанкою и сама великая княгиня Ольга. На нее, какъ на мудрѣйшую изъ всѣхъ человѣкъ, и ссылаются Владиміровы бояре, что еслибъ лихъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его княгиня-бабка. Вотъ достаточныя причины, почему восторжествовалъ законъ греческій. Можно полагать, что самые толки о выборѣ вѣры поднялись тоже не случайно, а быть можетъ вслѣдствіе особыхъ притязаній Болгаръ, Козаръ, Нѣмцевъ, желавшихъ каждый водворить въ колеблющемся Кіевѣ свою вѣру и свое вліяніе. Христіанская община греческаго исповѣданія поспѣшила рѣшить дѣло всенароднымъ испытаніемъ каждой вѣры, чрезъ особое избранное посольство десяти смышленнѣйшихъ мужей. Какъ бы ни было, но это испытаніе иныхъ вѣръ свидѣтельствовало, что языческія вѣрованія кіевскихъ людей были уже значительно надломлены, языческій типъ вѣрованій былъ уже потрясенъ во всѣхъ основаніяхъ, что общество стало способно уже съ холодностью разсуждать и выбирать, какая вѣра лучше; что равнодушіе къ старымъ богамъ было уже распространено въ полной мѣрѣ. Оставалось только передовой силѣ—самому князю сказать слово и все колеблющееся и сомнѣвающееся пошло на Днѣпръ креститься въ новую вѣру. Толпа въ подобныхъ случаяхъ всегда остается толпою или собственно стадомъ, для котораго вождемъ обыкновенно бываетъ достаточно назрѣвшая общественная мысль, выражаемая словомъ или дѣломъ той или другой личности, а особенно владѣющей и властной, каковъ былъ кіевскій князь. Но само собою разумѣется, что ни какой князь ни какими силами не смогъ бы двинуть эту толпу, еслибъ ея потребности и мысли были иного свойства. Это мы увидимъ нѣсколько разъ въ послѣдующихъ отношеніяхъ князя къ городскому населенію. Поэтому представлять себѣ, какъ представляетъ лѣтописецъ, выборъ и принятіе вѣры дѣломъ одной личности Владиміра—значитъ вовсе не понимать наивныхъ пріемовъ лѣтописнаго разсказа, который смотритъ на каждое событіе, какъ на дѣло какихъ либо созидающихъ рукъ и вовсе не подозрѣваетъ въ этомъ случаѣ дѣйствія народныхъ назрѣвающихъ идей и потребностей.

Такимъ образомъ по состоянію городовой жизни въ Кіевѣ и Новгородѣ въ половинѣ 10 вѣка, для принятія Христовой вѣры не предвидѣлось особой борьбы съ устарѣвшимъ уже

язычествомъ. Въ далекихъ углахъ борьба происходила и послѣ, спустя сто лѣтъ, напр. у Вятичей, а это показываетъ, что и при Владимірѣ, въ самомъ Кіевѣ, она могла бы возникнуть съ особенною горячностью. Быть можетъ послѣдняя человѣческая жертва богамъ христіанина-Варяга была искупительною жертвою всего кіевскаго общества, вполнѣ раскрыла ему нелѣпость языческой жизни и возбудила умы къ рѣшительному повороту въ иную сторону.

Все это должно объяснять, почему вѣра была принята по одному слову князя или въ сущности по рѣшенію бояръ и старцевъ города, и почему о прежнемъ язычествѣ не осталось никакого полнаго представленія и сохранились только одни имена упраздненныхъ боговъ.

Мы сказали, что избраніе вѣры, какъ и избраніе князя, были событіями, прямо и непосредственно вытекавшими изъ развитія городовой общины, изъ развитія той формы народнаго быта, которая покрайней мѣрѣ въ городахъ взошла на мѣсто родовой формы, и теперь руководила и управляла всѣми *общими* дѣлами Земли, какъ и всѣми общими ея мыслями.

Если избраніе и призваніе князя обнаруживало политическую общественную мудрость страны, то избраніе истинной вѣры, безъ всякаго принужденія со стороны вѣроучителей прямо обнаруживало значительную степень образованности города, по крайней мѣрѣ высшихъ слоевъ его населенія. Конечно, слово образованность не должно переносить насъ къ теперешнимъ слишкомъ объемистымъ понятіямъ объ этомъ предметѣ. Оно должно обозначать вообще меньшую или большую, но извѣстную степень умственнаго и нравственнаго развитія въ народѣ.

Умственное развитіе кіевлянъ 9 и 10 вѣковъ, какъ мы уже говорили, необходимо отличалось хорошимъ знаніемъ окрестныхъ чужихъ земель съ ихъ обычаями, нравами и вѣрованіями, иначе не могла бы состояться правильная оцѣнка иныхъ вѣроученій. Это знаніе конечно было опытное, а не грамотное, знаніе самой практики, а не письма. Очень естественно, что ничего философствующаго въ немъ не было. Вѣры оцѣнивались такъ сказать по ихъ веществу, какъ онѣ и представлялись иновѣрцами на разсужденіе Владиміра. Въ его сужденіяхъ и замѣчаніяхъ о магометанахъ, жидахъ

высказываются понятія объ этихъ вѣрахъ самихъ Кіевлянъ, долговременнымъ опытомъ знавшихъ, въ чемъ сила каждой вѣры. Практичность и такъ сказать вещественность знанія и образованія первыхъ Кіевлянъ въ послѣдствіи очень ярко отразилась и въ самой грамотности, образцомъ которой мы принимаемъ самую лѣтопись, а равно и въ характерѣ перваго поученія новымъ христіанамъ.

Надо припомнить, что Владимірово время и вообще 9 и 10 столѣтія въ исторіи Христіанской церкви ознаменованы особенною ревностью христіанскихъ проповѣдниковъ, неутомимо распространявшихъ св. Вѣру по всему сѣверу Европы. На Востокъ эта проповѣдническая дѣятельность шла по двумъ направленіямъ, изъ Рима и Царьграда, и стала пріобрѣтать все больше и больше горячности съ того времени, когда стало обнаруживаться неминуемое распаденіе самой Церкви на Восточную и Западную. Гордость и самовластіе Римскаго папы простирали свои виды очень далеко и, въ дѣлѣ распространенія вѣры между окрестными язычниками, всегда старались предупредить дѣйствія и вліянія церкви Греческой. Кромѣ того Западная церковь вмѣстѣ со св. Вѣрою приносила къ язычникамъ простое мірское владычество, простое завоеваніе ихъ земли, полное ихъ покореніе; вмѣстѣ съ крестомъ приносила мечъ. Завоеваніе даже шло впереди. Оно главнымъ образомъ и установляло дани— десятины и кормленія, которыя въ западномъ духовенствѣ возбуждали необычайную предпріимчивость къ отыскиванію за далекими горами, лѣсами и пустынями новыхъ земель и новыхъ даней и кормленій для Римскаго первосвященника, а стало быть и для себя. Подъ видомъ христіанскаго общенія съ народами Римскій папа распространялъ свое господство и владычество надъ ними. На этомъ пути онъ вполнѣ усвоилъ себѣ извѣстные политическіе идеалы Римскаго Цесарства.

Восточная церковь крѣпко держалась Апостольскихъ преданій и потому не признавала да и не могла понять такихъ идеаловъ и служила св. Вѣрѣ не мечемъ, не властолюбіемъ, но Духомъ и Истиною. Очень естественно, что ея проповѣдь между язычниками отличалась инымъ характеромъ и не могла въ этомъ отношеніи бойко соперничать

съ Западною церковью. Корыстныя мірскія цѣли при распространеніи вѣры не были ей столько извѣстны.

Вотъ почему все Славянство, исполненное отъ природы чувствомъ религіозной независимости и въ разсужденіи вѣры глубокимъ здравымъ смысломъ, сильнѣе всего тянуло къ Востоку, ибо здравый разумъ Востока открывалъ всякому племени полную свободу познавать Бога на своемъ родномъ языкѣ. Римъ конечно употреблялъ всяческія усилія, дабы привлечь и Славянъ на свою сторону, дабы распространить свое владычество и между ними, и потому естественнымъ путемъ онъ долженъ былъ являться съ своею проповѣдью и на самомъ краю восточнаго Славянства, въ Кіевѣ, въ Русской землѣ.

Ко временамъ Ярополка и Владиміра относится довольно лѣтописныхъ показаній о приходѣ къ нашимъ князьямъ пословъ отъ папы. Эти показанія стоятъ въ позднихъ спискахъ, но отрицать ихъ достовѣрность нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ они могли быть заимствованы изъ какихъ либо даже иноземныхъ свидѣтельствъ, намъ неизвѣстныхъ.

Въ западныхъ лѣтописяхъ подъ 960 г. есть извѣстіе, что Ругійская королева Елена, уже крещеная въ Царьградѣ, посылала пословъ къ Германскому королю Оттону, прося прислать епископа и священниковъ для наученія Ругійскаго народа Христовой Вѣрѣ. Другіе не упоминаютъ о королевѣ и говорятъ только о народѣ. И королева и народъ въ иныхъ лѣтописяхъ именуются Русскими. Шлецеръ съ жаромъ доказывалъ, что здѣсь говорится объ Ольгѣ. Но собранныя имъ же самимъ свидѣтельства очень ясно и опредѣленно говорятъ о Руси Ругенской, народъ и земля которой прямо и называются Руги, Русси, Руссія. Епископъ Адальбертъ, ходившій въ эту Руссію, къ Ольгѣ, какъ увѣряетъ Шлецеръ, проповѣдывалъ безъ успѣха и въ 962 г. возвратился изгнанный изъ Руси: нѣкоторые его спутники были убиты и самъ онъ едва спасся. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ 968 г. онъ былъ утвержденъ епископомъ и митрополитомъ всего живущаго за Эльбою и Салою Славянскаго народа, какъ обращенныхъ къ Богу, такъ и ожидаемыхъ къ обращенію. Проповѣдь Адальберта закончилась его убійствомъ въ той же Русской странѣ, куда по-

слѣ его смерти проповѣдникомъ былъ поставленъ Вонифатій, котораго дѣянія западные писатели сплетаютъ уже съ событіями крещенія св. Владиміра. Вся эта исторія о Русской королевѣ Еленѣ, о Руссахъ-Ругахъ служитъ самымъ очевиднымъ подтвержденіемъ и доказательствомъ, что въ 10 вѣкѣ существовала ругенская славянская Русь, что западные лѣтописцы, получая свѣдѣнія о дѣлахъ русской Руси, по сходству имени, смѣшивали одно съ другимъ и сплетали басни о подвигахъ своихъ проповѣдниковъ и въ Кіевской Руси, дабы показать, какъ далеко простиралась проповѣдь латинская.

Вотъ по какой причинѣ это спутанное извѣстіе мы не можемъ причислять къ Русскимъ событіямъ; иначе придется присовокупить къ нимъ и сплетенія о Вонифатіи, котораго Римская церковь доселѣ величаетъ Русскимъ апостоломъ и который, будто бы посредствомъ чуда, обратилъ къ вѣрѣ и самого Владиміра. Вѣдь говорятъ же исландскія саги, что ихъ знаменитый Олавъ Триггвіевъ, еще самъ некрещеный, обратилъ въ христіанство Владиміра и весь Русскій народъ [188].

Извѣстно также, что при Владимірѣ послѣ его крещенья въ 1007 г. въ Кіевъ съ проповѣдническою же цѣлью, направленною теперь къ Печенѣгамъ, пріѣзжалъ нѣмецкій епископъ Брунъ. Онъ помогъ Владиміру установить даже миръ съ Печенѣгами. Князь самъ цѣлые два дня провожалъ его съ товарищами до границъ своей земли. Брунъ жилъ у Печенѣговъ пять мѣсяцевъ и успѣлъ обратить въ христіанство 30 душъ, для которыхъ и посвятилъ, бывши уже на возвратномъ пути, въ Кіевѣ, особаго епископа изъ своихъ. Все это даетъ намъ понятіе о проповѣднической дѣятельности того времени и даже опредѣляетъ значеніе и размѣръ тогдашнихъ епископій. Нѣтъ сомнѣнія, что Брунъ не былъ первымъ и не былъ послѣднимъ изъ путешествующихъ проповѣдниковъ. Дружины странствующихъ проповѣдниковъ въ то время были такимъ же обычнымъ явленіемъ въ международныхъ связяхъ, какъ и дружины странствующихъ воиновъ Варяговъ, или Норманновъ, приходившихъ къ князьямъ послужить мечемъ. Тѣмъ скорѣе и тѣ и другія дружины могли являться въ Кіевѣ, который на востокѣ Европы былъ торговымъ средоточіемъ и славился своимъ

богатствомъ. Сообразивши всѣ обстоятельства и припомнивши, что уже со времени Аскольда въ Кіевѣ жили христіане, а при Игорѣ значительная ихъ доля находилась въ составѣ дружины, легко будетъ разстаться съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому общее крещеніе Руси при Владимірѣ представляется какъ бы падающимъ съ неба, происходящимъ внезапно, безъ посредства многихъ и стародавнихъ вліяній и причинъ.

Въ такомъ видѣ изобразилъ намъ это событіе лѣтописецъ, спустя уже сто лѣтъ послѣ того, какъ оно совершилось. Но онъ иначе и не могъ его описать. Оно ему представлялось лишь въ свѣтозарномъ обликѣ самого Владиміра, перваго виновника этого святаго дѣла; поэтому на личности св. князя онъ и сосредоточиваетъ все, что отъ давнихъ лѣтъ предшествовало событію и что отъ давнихъ лѣтъ способствовало его завершенію. По той же причинѣ лѣтописецъ, начиная свою повѣсть, относитъ къ одному году, 986-му, посольства о вѣрѣ отъ всѣхъ странъ. Вдругъ приходятъ къ Владиміру послы и отъ магометанъ, и отъ нѣмцевъ, и отъ Козаръ-жидовъ и, наконецъ, отъ Грековъ. Здѣсь достовѣрно одно, что послы отъ поименованныхъ странъ, время отъ времени, быть можетъ, въ теченіи цѣлаго столѣтія или полустолѣтія дѣйствительно являлись въ Кіевѣ съ совѣтами, внушеніями, предложеніями, проповѣдями, каждый выставляя свою вѣру. Съ такими цѣлями являлся въ Кіевъ и норвежскій Олавъ Триггвіевъ. Его сага подробно разсказываетъ, какъ онъ убѣждалъ Владиміра и его супругу принять Христіанство, какъ по этому случаю собранъ былъ народный совѣтъ, на которомъ присутствовали бояре и великое множество народа, и на которомъ краснорѣчіе Олава и особенно супруги Владиміра восторжествовало надъ всѣми и истинная вѣра была принята. Въ этой притязательности даже исландскихъ сказокъ къ распространенію у насъ истинной вѣры мы видимъ только, какъ значителенъ и важенъ былъ Кіевъ въ средѣ тогдашнихъ народностей. Объ немъ заботятся и Болгары на средней Волгѣ, и Нѣмцы на западѣ, и Козары на востокѣ, и Греки на югѣ, и Норманны на сѣверѣ, и всякій хочетъ имѣть съ нимъ вѣроисповѣдное общеніе, жить по братски или же владычествовать въ этой землѣ, или же

осчастливить ее какъ того желалъ странствующій Норманнъ—Олавъ.

Само собою разумѣется, что разъ возникшія стремленія и заботы по этому направленію не оставались безъ дѣла и во время княженія Владиміра. Именно приходъ Болгаръ-магометанъ въ дѣйствительности могъ случиться около помянутаго года. Болгарами лѣтописецъ начинаетъ и свою повѣсть о разсмотрѣніи вѣръ и ставитъ ихъ приходъ тотчасъ послѣ войны съ ними, когда Владиміръ, побѣдивши ихъ, заключилъ съ ними вѣчный миръ: „пока камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ". Этотъ крѣпкій миръ въ дѣйствительности могъ подать поводъ Болгарамъ распространить свои виды гораздо дальше. Болгары сами не слишкомъ давно, съ 922 г., приняли магометанство и на первой порѣ, какъ вездѣ бывало, обнаруживали вѣроятно особую ревность къ распространенію своей вѣры. „Ты князь мудрый и смышленый, а закона не вѣдаешь", говорили они Владиміру. „Вѣруй въ нашъ законъ, поклонися Бохъмиту (Магомету)". „Говорите въ чемъ ваша вѣра?" вопросилъ Владиміръ. „Вѣруемъ въ Бога, а Магометъ насъ учитъ: творить обрѣзаніе, свинины не ѣсть, вина не пить; а по смерти и съ женами не разстанемся: дастъ Магометъ каждому по 70 женъ прекрасныхъ". Говорили еще: что кто бѣдный на этомъ свѣтѣ, то будетъ бѣднымъ и въ раю, и говорили многое такое, чего и написать нельзя, ради срама, замѣтилъ лѣтописецъ. О прекрасныхъ женахъ Владиміръ слушалъ съ удовольствіемъ, потому что и самъ былъ очень женолюбивъ, но ему не по нраву пришлось обрѣзаніе, отверженье свиныхъ мясъ, а особенно было ему нелюбо, что не пить вина. „Руси есть веселіе питье, сказалъ онъ, неможемъ безъ того быти!"

Пришли потомъ Нѣмцы отъ папы и стали разсказывать свою вѣру. „А какая ваша заповѣдь?" спросилъ Владиміръ. „Пощенье по силѣ, отвѣчали послы. Если кто пьетъ и кто ѣстъ, то все во славу Божію, говоритъ учитель нашъ Павелъ". „Идите домой" — молвилъ Владиміръ—„отцы наши этого не приняли".

Услышали Козарскіе-жиды, что Владиміръ испытываетъ лучшую истинную вѣру и тоже пришли. Дабы понизить Христіанскій законъ, они прямо сказали, что христіане вѣ-

руютъ въ того, кого они распяли. „А мы вѣруемъ, говорили они, единому Богу Авраамову, Исаакову, Іаковлеву“.—„Каковъ же вашъ законъ?“ спросилъ Владиміръ. „Обрѣзаніе, отвѣчали Козары, свинины не ѣсть, ни заячины, субботу хранить“. „А гдѣ ваша земля?“ продолжалъ Владиміръ. „Въ Ерусалимѣ.“—„Вы тамъ ли живете?“—„Богъ прогнѣвался на нашихъ отцовъ, сказали жиды,—за грѣхи наши разсѣялъ насъ по странамъ; отдана наша земля христіанамъ“. Владиміръ проговорилъ имъ такое рѣшеніе: „Какъ же это вы другихъ учите, а сами отвержены Богомъ и разсѣяны? Когда бы Богъ любилъ васъ и вашъ законъ, то не разсѣялъ бы по чужимъ землямъ! Или думаете, что отъ васъ и намъ тоже принять!“

Затѣмъ прислали пословъ Греки. Говорить съ Владиміромъ о вѣрѣ они прислали философа, который въ началѣ по порядку изобразилъ лживость и заблужденія, и неисправленья другихъ вѣръ. Магометанство онъ изобразилъ такими красками, что Владиміръ плюнулъ и сказалъ: „Нечисто есть дѣло!“ О вѣрѣ нѣмецкой философъ объяснилъ, что это вѣра такая же, что и у Грековъ, но есть тамъ неисправленье: служатъ опрѣснокамп, сирѣчь оплатками, чего отъ Бога не повелѣно, но повелѣно хлѣбомъ служити. Выслушавъ первую рѣчь философа, Владиміръ спросилъ его: „Ко мнѣ приходили жиды козарскіе и говорятъ: нѣмцы и греки въ того вѣруютъ, кого мы распяли на крестѣ?“ Не безъ искусства лѣтописецъ разставилъ разговоры, чтобы тотчасъ начать подробную повѣсть о Распятомъ.

„Воистину въ того вѣруемъ, сказалъ философъ, ибо такъ пророчествовали пророки, одни—что Богу должно родиться, а другіе быть распяту и погребенну и въ 3-й день воскреснуть и взойти на небеса. А жиды тѣхъ пророковъ избивали и когда все сбылось по пророчеству, Господь еще ожидалъ отъ нихъ покаянья, но не покаялись и для того Господь послалъ на нихъ Римлянъ, грады ихъ разбили, самихъ разсѣяли по землямъ и работаютъ теперь въ странахъ.“

Но исторію жидовъ Владиміръ узналъ очень подробно, когда спросилъ философа, для чего Господь сошелъ на землю и принялъ страданіе?

„Если хочешь послушать, сказалъ философъ, то разскажу тебѣ отъ начала“, и разсказалъ ему Ветхо-Завѣтную

Исторію по порядку, о сотвореніи неба и земли и всей твари, о гордости и высокоуміи Сатаніила, какъ онъ былъ низверженъ съ неба; о жизни перваго человѣка въ раю, о созданіи жены отъ ребра Адама, о преступленіи заповѣди и изгнаніи изъ рая; объ убійствѣ Авеля братомъ Каиномъ; о томъ, какъ люди, расплодившись и умножившись на землѣ, забыли истиннаго Бога, стали жить по скотски; какъ Богъ наказалъ ихъ потопомъ. Остался одинъ праведный Ной съ тремя сынами; отъ нихъ вновь земля расплодилась. И были люди сначала единогласны и задумали выстроить столпъ до небесъ. За этотъ горделивый суетный помыслъ Богъ раздѣлилъ ихъ на 72 языка. И разошлись они по странамъ, каждый принялъ свой нравъ. Тогда по наученью демона стали люди поклоняться лѣсамъ, источникамъ и рѣкамъ, совсѣмъ забыли Бога. Потомъ дьяволъ привелъ людей въ бо̀льшее обольщенье, начали поклоняться кумирамъ деревяннымъ, мѣднымъ, мраморнымъ, иные золотымъ и серебрянымъ, приводили сыновей и дочерей и закалали передъ ними. Первый взошелъ къ истинѣ праотецъ Авраамъ и желая испытать пророческихъ ложныхъ боговъ, зажегъ идоловъ въ храмѣ. За то Господь возлюбилъ Авраама, вывелъ его въ землю Ханаанскую и сотворилъ его племя народомъ великимъ. Но народъ жидовскій скоро забывалъ Божью благодать и всегда снова обращался къ зловѣрію. Начнутъ они каяться и Богъ ихъ помилуетъ; только Богъ помилуетъ—а они опять уклонятся въ идолопоклонство. Богъ ихъ вывелъ изъ египетской работы Моѵсеемъ и сохранялъ ихъ на пути, а они слили „тельчу главу" и стали ей поклоняться, какъ Богу. Потомъ въ Самаріи слили двѣ золотыхъ коровы и тоже поклонялись имъ. Въ Іерусалимѣ стали поклоняться Валу или Орею, ратному богу. Тогда Господь послалъ имъ пророковъ на обличенье ихъ беззаконій и кумирскаго служенія. Они же, не терпя обличенья, избивали пророковъ. И разгнѣвался Господь на Израиля и сказалъ: „Отрину отъ Себя, призову иныхъ людей, которые Меня послушаютъ; если и согрѣшатъ, не помяну ихъ беззаконія!" И послалъ пророковъ, веля прорицать объ отверженіи жидовскомъ и о призваніи иныхъ странъ. „Разсѣю васъ, всѣ останки ваши во всѣ вѣтры. Отдамъ васъ на поношеніе!"—Такъ говорилъ Господь устами тѣхъ пророковъ.

Затѣмъ философъ разсказалъ Евангельскую Исторію, и закончилъ свои повѣсти такъ, „Господь поставилъ одинъ день, въ который, пришедъ съ небеси хочетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по его дѣламъ; праведнымъ царство небесное и красоту неизрѣченную, веселье безъ конца и безсмертье во вѣки; грѣшнымъ—мука огненная и червь неусыпаемый и мученію не будетъ конца. Такъ мучимы будутъ, кто не вѣруетъ во Христа, мучимы будутъ въ огнѣ, которые не принимаютъ крещенье.“ Сказавши это, философъ показалъ Владиміру запону, на ней было написано Судище Господне—съ права праведные въ веселіи шествуютъ въ рай, съ лѣва грѣшники идутъ на вѣчную муку. Владиміръ, вздохнувши, молвилъ: „Хорошо будетъ тѣмъ, что идутъ на право-то, горе будетъ этимъ, что на лѣво“.—„Если желаешь, стать съ праведными, то крестися“, сказалъ философъ. Владиміръ положилъ на сердцѣ эти слова, но отвѣтилъ: „Пожду и еще немного.“ Онъ желалъ испытать всѣ вѣры.

Послѣ этихъ бесѣдъ съ проповѣдниками вѣры, Владиміръ созвалъ на совѣтъ дружину, всѣхъ бояръ и старѣйшинъ города, и сказалъ имъ: „Ко мнѣ приходили Болгаре и говорятъ: прими нашъ законъ; потомъ приходили Нѣмцы и тѣ хвалятъ свой законъ; послѣ пришли жиды.... Наконецъ пришли Греки, похулили всѣ законы, а свой хвалятъ и много говорили, разсказывали все отъ начала міра, о бытіи всего міра. Очень умно разсказывали и чудно ихъ слушать, любопытно каждому ихъ послушать! Повѣствуютъ, что есть другой свѣтъ; если, говорятъ, кто въ нашу вѣру вступитъ, то хотя бы и умеръ,—опять встанетъ и не умретъ во вѣки; если въ иной законъ ступитъ, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ будетъ горѣть!.. Какъ ума прибавите, что скажете?“—вопросилъ Владиміръ.

„Дѣло извѣстное,—сказали бояре и старцы,—и самъ ты знаешь, что своего никто не похулитъ, завсегда хвалитъ. Коли хочешь испытать доподлинно, то у тебя есть мужи, пошли и вели разсмотрѣть въ каждой странѣ тамошнюю службу, какъ служатъ Богу.“

Эта рѣчь полюбилась и князю и всѣмъ людямъ. Она и выходила изъ разума всѣхъ кіевскихъ людей. Избрали добрыхъ и смышленыхъ мужей 10 человѣкъ и послали прежде

всего къ Болгарамъ, потомъ къ Нѣмцамъ, потомъ къ Грекамъ. По возвращеніи пословъ, Владиміръ опять созвалъ дружину, бояръ и старцевъ и велѣлъ разсказывать передъ собраніемъ, что́ видѣли. „Видѣли мы у Болгаръ, говорили послы: поклоняются въ храмѣ, стоя безъ пояса, поклонившись сядетъ и глядитъ туда и сюда, какъ сумасшедшій. Нѣтъ веселья у нихъ, но печаль и смрадъ великій, нѣтъ добра въ ихъ законѣ... Видѣли мы у Нѣмцевъ въ храмахъ многія службы творятъ, но красоты не видѣли никакой. Потомъ пришли мы къ Грекамъ, водили насъ, гдѣ служатъ своему Богу. Въ изумленіи мы не вѣдали, на небѣ мы были или на землѣ! Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты! Не умѣемъ и разсказать! Только знаемъ, что тамъ самъ Богъ съ людьми пребываетъ, и служба у нихъ выше (паче) всѣхъ странъ. Не можемъ забыть той красоты! Всякій человѣкъ, если вкуситъ сладкое, уже горькаго не захочетъ, такъ и мы уже не можемъ здѣсь въ язычествѣ остаться!“—„Еслибъ дуренъ былъ законъ греческій, то и Ольга, бабушка твоя, не приняла бы его. Мудрѣйшая была изъ всѣхъ людей!“ отвѣтили бояре.—„Гдѣ же примемъ крещеніе?“ вопросилъ Владиміръ.—„Гдѣ тебѣ любо!“—отвѣтила дружина.

Нельзя сомнѣваться, что весь этотъ лѣтописный разсказъ, какъ мы уже замѣтили, возстановленъ по преданію, въ которомъ историческая дѣйствительная правда заключается лишь въ томъ, что ко Владиміру приходили послы отъ народовъ, выхваляли каждый свою вѣру и указывали мудрому князю, что именно мудрому-то человѣку жить въ язычествѣ не слѣдуетъ. И Олавъ Триггвіевъ прямо обращается къ благоразумію князя, говоря, что по своему благоразумію онъ можетъ легко понять, какая вѣра лучше; что пребывать во тмѣ идольскаго служенія безразсудно. Такимъ образомъ и исландская сага чертитъ ходячую истину своего времени о томъ, какъ начинались съ язычниками разсужденія о перемѣнѣ вѣры.

Послы приходили только отъ тѣхъ народовъ, которые въ это время хорошо знали Кіевъ, а Кіевъ ихъ зналъ еще лучше, доставляя имъ и получая отъ нихъ надобные предметы обоюднаго торга. Заѣзжему гостю-торговцу, изъ какой бы страны онъ не пришелъ, Кіевъ растворялъ свои ворота широко и доставлялъ не только полную безопасность въ своей странѣ, но

и охранялъ собственность такихъ гостей даже съ преимуществомъ передъ своими русскими людьми, какъ это видно изъ послѣдующихъ установленій. Это самое, какъ и вообще торговля, собирали въ Кіевъ населеніе разнородное, умное, смышленое. Немудрено, что язычество Кіевлянъ подвергалось часто если и не осужденію, то сильному разсужденію, и смышленые русскіе язычники не одинъ разъ, каждый въ своихъ сношеніяхъ съ иноземцами, испытывали подобное же прихожденіе пословъ со стороны различныхъ вѣроисповѣданій и много разсуждали о томъ, чья вѣра лучше. Когда такія разсужденія сдѣлались общими и такъ сказать общественными, то какъ естественно было собрать по этому поводу общую думу и отдать общій вопросъ на ея рѣшеніе. Владиміръ такъ и поступаетъ. Общій совѣтъ вполнѣ и доказываетъ, что вопросъ о перемѣнѣ вѣры сталъ общимъ вопросомъ для всей дружины и что Владиміру уже не нужно было говорить, какъ говорилъ его отецъ: „могу-ли я одинъ принять иную вѣру, вѣдь дружина смѣяться начнетъ!“ Теперь по всѣмъ видимостямъ сама дружина бодро шла впередъ къ рѣшенію этого вопроса. Въ противномъ случаѣ Владиміръ остался бы одинокимъ и принялъ бы крещеніе, какъ приняла его бабка Ольга, не окрестивъ за собою всей Земли.

Если въ это время вопросъ о перемѣнѣ вѣры не былъ (да и не могъ уже быть) только личнымъ вопросомъ князя, а напротивъ выросъ и окрѣпъ въ дружинной средѣ, безъ которой князь всегда и во всемъ оставался какъ безъ рукъ, и ничего общеземскаго безъ ея совѣта не могъ предпринять; если вообще мы поставимъ дружину на свое мѣсто и поймемъ, что это была великая и рѣшающая сила не только въ первые, но и въ послѣдующіе вѣка Русской Исторіи, то увидимъ, что сказанный вопросъ, касавшійся безъ исключенія всѣхъ дружинниковъ, иначе и разрѣшиться не могъ, какъ только тѣмъ порядкомъ, какой указанъ въ лѣтописи. Общее дѣло должно было по обычаю рѣшиться общимъ совѣтомъ. Испытанье же вѣръ, какая лучше, прямо указываетъ за собою, что дружинная среда состояла изъ людей, которые по своимъ личнымъ отношеніямъ и мыслямъ могли тянуть въ разныя стороны и доказывать, что и магометовъ законъ хорошъ, и козарскій законъ не худъ, а о нѣмцахъ

тѣ-же Варяги должны были свидѣтельствовать, что нѣмецкая такая же вѣра, какъ и у Грековъ, а въ отношеніи поста даже и лучше. Но въ дружинѣ были не одни Варяги, были безъ сомнѣнія и Козары, какъ были въ ней и Печенѣги. Чтобы примирить разногласіе, необходимо было отдать его на судъ третьихъ, на судъ общей правды, которую и представляютъ въ этомъ случаѣ избранные смышленые и вѣрные люди, 10 человѣкъ, посланные, по предложенію самой же дружины, хорошенько высмотрѣть, какая вѣра лучше. Нельзя сомнѣваться, что составъ этихъ десяти вполнѣ соотвѣтствовалъ порученію, то-есть заключалъ въ себѣ такихъ людей, которые служили представителями именно той среды, гдѣ колебаніе въ языческой вѣрѣ и разсужденіе о другихъ вѣрахъ было сильнѣе, гдѣ стало быть возможны были, если не полное безпристрастіе, то полнѣйшая разумность и разсудительность въ избраніи новаго закона. Конечно, впередъ можно было сказать, что греческая вѣра окажется лучше всѣхъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что большинство крещеной Руси было греческаго исповѣданія, что отцы и дѣды предпочли это исповѣданіе всѣмъ другимъ, и даже княжеская бабка, мудрѣйшая изъ людей, крестилась у Грековъ же, не говоря о томъ, что сосѣдніе братья—Славяне исповѣдывали ту-же греческую вѣру: у нихъ были и книги готовы на просвѣщенье людямъ. Противъ нѣмецкой вѣры Владиміръ только и могъ сказать, что „отцы наши того не приняли". Ясно, что преданіе было самымъ виднымъ руководителемъ въ размышленіяхъ о томъ, какой законъ лучше. Кромѣ того, Славянскіе Варяги—язычники въ нѣмецкой вѣрѣ необходимо видѣли своего врага, ибо хорошо знали, какъ эта вѣра была распространяема между Балтійскимъ Славянствомъ, какъ она разносила повсюду простое мірское владычество надъ страною, простое завоеваніе земли и людей, отчего многіе изъ нихъ должны были уходить и несомнѣнно уходили къ нашимъ же язычникамъ. Но во всякомъ случаѣ надобно же было узрѣть на мѣстѣ и Римскаго папу, такъ какъ очень вѣроятно, что были дружинники, тянувшіе больше къ Нѣмцамъ, чѣмъ къ Грекамъ. Если такіе послы и не были посылаемы, то все-таки рѣшеніе дружины не иначе явилось, какъ послѣ долгаго обсужденія этого дѣла, и лѣтописное преданіе, сохраняя

существенную правду, претворило только слова, размышленія и разсужденія въ живыхъ людей.

Наконецъ, если бы весь этотъ разсказъ о выборѣ лучшей вѣры былъ выдумкой лѣтописца, какъ насъ стараются увѣрить, еслибы ни совѣщаній, ни разсужденій и никакихъ испытаній въ дѣйствительности не происходило, то здѣсь всетаки очень дѣйствительнымъ является русскій смыслъ, который, совсѣмъ позабывши какъ было дѣло, чертитъ для этого весьма великаго дѣла неизмѣнный порядокъ старой Русской жизни, ничего не дѣлавшей безъ испытанія, безъ выбора, безъ общаго совѣта, особенно со всею дружиною.

Избраніе вѣры, какъ мы говорили, было такимъ же дѣйствіемъ Русскаго обычая, какимъ было избраніе Варяговъ-Руси. „Поищемъ себѣ князя, говорили Новгородцы, который бы владѣлъ и судилъ по праву.—Испытаемъ гораздо, говорили Кіевляне, какъ кто служитъ Богу, чтобы рѣшить разъ навсегда въ какую вѣру идти всѣмъ людямъ“.

Именно разъ навсегда и общимъ совѣтомъ надо было рѣшить, какой вѣры держаться, потому что язычество уже колебалось и вторгалось разновѣріе; потому что дѣло становилось общимъ, политическимъ, выходило изъ домовъ и дворовъ на улицу, на площадь. Если ни со стороны князя, ни со стороны народа, никому не воспрещалось быть христіаниномъ, то никому нельзя было воспретить и переходъ въ магометанство, или въ жидовскій законъ, и въ любую вѣру. Таково, повидимому, было положеніе дѣлъ въ Кіевѣ. Оно вполнѣ зависѣло отъ разнородности и разновѣрности самаго населенія, которое сосредоточивалось сюда отъ всѣхъ странъ и представляло въ дѣйствительности смѣшеніе языковъ. Бродячіе Варяги, Славяне, Чудь, Болгары съ Волги, Жиды, Нѣмцы, Греки, Печенѣги, всякій съ своей вѣрой проживали въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ городахъ. Дружина была сборная, разновѣрная и вполнѣ свободная, владѣвшая правомъ уходить отъ князя во всѣ стороны. Возможно ли было установить что-либо въ этой средѣ единоличнымъ княжескимъ насиліемъ и принужденіемъ? Одна только общая дума самой же дружины рѣшала, что ей любо и куда она желаетъ идти, и потому избраніе и испытаніе вѣры необходимо должно было рѣшиться общимъ совѣтомъ, даже полнымъ единогласіемъ. Политическій смыслъ дружины, уже

цѣлыя сто лѣтъ созидавшій единство Русской земли, долженъ былъ установить и вѣроисповѣдное единство.

Облекая свидѣтельства преданія въ историческую литературную одежду, лѣтописецъ, писавшій спустя сто лѣтъ послѣ крещенія Руси, необходимо внесъ свой, уже христіанскій взглядъ на всѣ обстоятельства этого событія. Однако и въ этомъ случаѣ мы не можемъ упрекнуть его въ литературныхъ измышленіяхъ и въ нагломъ сочинительствѣ, какъ это говорятъ критики лѣтописныхъ преданій.

Порядокъ избранія вѣры лѣтописецъ, такъ сказать, списалъ съ натуры, ибо въ такомъ порядкѣ на Руси искони обсуждалось всякое важное дѣло. Такъ и о магометанскомъ законѣ онъ внесъ только общенародныя представленія, по которымъ магометанство являлось нечистымъ и блуднымъ. По свидѣтельству Арабовъ, магометане почитали Русь особенно нечистою, грязною, потому что она, хотя и умывалась, но магометанскихъ омовеній не творила. Напротивъ того, Русь почитала магометанъ особенно нечистыми за то именно, что они творили частыя и многія омовенія, что чистили свои оходы, паче лица и сердца. Очень замѣчательно, что въ арабскихъ свидѣтельствахъ 9, 10 вѣковъ Русь въ отношеніи тѣлесной и нравственной чистоты представляется именно въ такомъ-же качествѣ, въ какомъ басурмане-магометане представляются Руси по описанію нашего лѣтописца. И еще замѣчательнѣе, что о другихъ Славянскихъ племенахъ арабы того же не говорятъ. Можно догадываться, что уже въ то время между двумя вѣрованіями существовала нѣкоторая нравственная брезгливость, такъ что и съ той и съ другой стороны другъ о другѣ они мыслили одинаково пристрастно, и старались выставить одинъ другаго въ нечистомъ и блудномъ видѣ.

Если такія представленія о магометанствѣ получены Русью отъ Грековъ, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, то здѣсь обнаруживается только очень давнее и сильное вліяніе греческихъ византійскихъ понятій на языческія понятія Руси, въ чемъ также сомнѣваться невозможно, ибо Русь искони ближе была къ Грекамъ, чаще съ ними видалась и у нихъ попреимуществу пріобрѣтала существенныя свѣдѣнія о народностяхъ и вѣрованіяхъ, столько отъ нея удаленныхъ.

Такимъ образомъ, говоря о магометанствѣ, лѣтописецъ внесъ въ свой разсказъ не свое книжное измышленіе, а ходячее русское повѣрье о достоинствѣ этой вѣры, основанное на давнихъ свѣдѣніяхъ и писаныхъ памятникахъ, пришедшихъ въ Русь изъ Греціи. Онъ пользовался даже особымъ греческимъ сочиненіемъ (Палеею), излагающимъ исторію Ветхаго Завѣта и направленнымъ противъ Іудеевъ и отчасти противъ магометанства. Это самое сочиненіе вмѣстѣ съ библейскими книгами послужило матеріаломъ для составленія весьма обстоятельнаго сказанія греческаго философа, которое едвали было сочинено самимъ лѣтописцемъ. По всему вѣроятію это писаніе явилось если не раньше, то во время самаго крещенія Руси, какъ руководство для познанія вѣры, и лѣтописецъ внесъ его въ свой трудъ цѣликомъ, подобно тому какъ онъ внесъ греческіе договоры, обставивъ и дополнивъ его подходящими свѣдѣніями, въ число которыхъ попали и самостоятельныя, относимыя къ позднему времени.

Къ такимъ извѣстіямъ относятъ между прочимъ указаніе, что жиды, по лѣтописцу, неправильно будто бы говорятъ Владиміру, что земля ихъ отдана въ руки христіанъ. Опровергаютъ это тѣмъ, что Палестина досталась христіанамъ только въ концѣ 11 вѣка. Но извѣстно, что Турки завоевали Палестину (св. Мѣста) только въ половинѣ 11 вѣка, а до того времени она находилась подъ владычествомъ Калифовъ (Багдадскихъ) и именно въ рукахъ христіанъ, которые по случаю распространившагося къ концу 10 вѣка во всей Европѣ убѣжденія, что настаетъ кончина міра, толпами отправлялись на поклоненіе въ Іерусалимъ съ благочестивымъ намѣреніемъ или умереть тамъ, или дождаться пришествія Господня. Калифы не только этому не препятствовали, но вообще давали христіанамъ полную свободу въ Іерусалимской землѣ, ибо находили въ томъ прямыя для себя выгоды. Съ именемъ Палестины для христіанъ связано только понятіе о св. Мѣстахъ, а эта Палестина всегда и до сихъ дней находится въ рукахъ христіанъ, отдана и принадлежитъ имъ по праву вѣры, и потому и при Владимірѣ жиды необходимо должны были сказать, что ихъ земля предана христіанамъ [189].

...ки, "Крестьянинъ с ~~Духомъ~~ и ..."
...были о любви къ богу, о любви къ ближнему,
подвигахъ, о прощеніи, о милосердіи, о мило...

Лѣтописецъ, повѣствуя о поводахъ и обстоятельствахъ всенароднаго крещенія Руси, разбиваетъ свой разсказъ на два отдѣла и ставитъ средоточіемъ этихъ отдѣловъ военный походъ Владиміра на Корсунь. Завоеваніе Корсуня служитъ какъ бы прямымъ отвѣтомъ на вопросъ Владиміра.—„Гдѣ примемъ крещеніе?“ „Гдѣ тебѣ любо!“ отвѣчаетъ дружина.—„Въ Корсунѣ“—отвѣчаетъ смыслъ всей повѣсти, высказывая это рѣшеніе, какъ бы думою самого Владиміра. Но съ какою цѣлью и по какимъ причинамъ слѣдовало отыскивать мѣсто для крещенія военнымъ походомъ? Лѣтописецъ говоритъ, что послѣ выбора и рѣшенія принять греческую вѣру прошелъ годъ, потомъ Владиміръ выступилъ въ походъ на Корсунь. Однимъ можно объяснить видимую несообразность въ ходѣ событій, именно тѣмъ, что Корсунцы, на предложеніе Владиміра креститься въ ихъ городѣ со всею дружиною, отказали ему, быть можетъ, даже съ обидою, не довѣряя и боясь коварства со стороны Руси. Въ этомъ случаѣ для язычниковъ не оставалось другаго выхода, какъ силою заставить Корсунцевъ покориться и возстановить честь сдѣланнаго предложенія. Какъ бы ни было, но лѣтописецъ, поведя свой разсказъ издалека и основавши его на достовѣрномъ преданіи о бывшихъ нѣкогда всенародныхъ разсужденіяхъ о выборѣ истинной вѣры, именно по случаю предложеній и притязаній со стороны многихъ иновѣрцевъ, не только изъ иныхъ земель, но несомнѣнно и отъ самой кіевской дружины,—встрѣтился однако съ живымъ событіемъ, съ походомъ на Корсунь, и по высокой своей добросовѣстности не только не хотѣлъ, но и вовсе не умѣлъ претворить это событіе въ подпору или въ согласіе для всего предъидущаго въ своей повѣсти. Онъ оставилъ Корсунскій походъ на томъ мѣстѣ, какое указывало ему правдивое лѣтописанье и по всѣмъ вѣроятіямъ оставилъ его потому, что съ этимъ походомъ въ дѣйствительности связывалось рѣшеніе о принятіи крещенія въ Корсунѣ. Г. Костомаровъ находитъ, что весь разсказъ о взятіи Корсуня есть чисто пѣсенный вымыселъ и замѣчаетъ, что у византійцевъ объ этомъ событіи нѣтъ ни малѣйшаго намека. Но именно одни только византійцы и подтверждаютъ, что разсказъ нашего лѣтописца вполнѣ достовѣренъ.

Левъ Дьяконъ, описывая послѣдній годъ царствованія Цимисхія, говоритъ, что въ это время, въ началѣ мѣсяца августа, явилась на небѣ удивительная, необыкновенная и превышающая человѣческое понятіе комета. „Она восходила на зимнемъ востокѣ, поднималась на подобіе растущаго кипариса на великую высоту и, загибаясь мало по малу, съ чрезвычайнымъ огнемъ склонялась къ полудню, испускала яркіе лучи и тѣмъ казалась людямъ страшною. Отъ начала августа она являлась ровно восемьдесять дней; восходила въ полночь и была видима до самаго бѣлаго дня.“ Цимисхій спрашивалъ ученыхъ мудрецовъ, чтобы значило такое чудо? Мудрецы предвѣщали ему побѣду надъ врагами и долгоденствіе. Но явленіе этой кометы, по словамъ Льва Дьякона, означало вовсе не то, что предсказывали изъ угожденія царю знаменитые мудрецы. Оно предзнаменовало: сильныя внутреннія междоусобія, нашествіе иноплеменныхъ, голодъ, моровыя язвы, ужасныя землетрясенія и почти совершенную гибель греческаго царства. Историкъ, оставивши по этому случаю время Цимисхія, переносится на нѣсколько лѣтъ впередъ, коротко описываетъ бѣдствія, какимъ подвергалась Греція послѣ явленія кометы и по смерти самого Цимисхія, и потомъ продолжаетъ: „Явленіе кометы и огненные страшные столпы, видѣнные ночью на сѣверной части неба (сѣверное сіяніе), предвѣщали кромѣ сихъ (описанныхъ имъ) бѣдствій, еще и другія, то есть: завоеваніе Херсона Тавроскиѳами (какъ онъ называлъ Русскихъ) и взятіе Верроп Мисянами (Болгарами).“ Затѣмъ онъ разсказываетъ, что предчувствіе народа о худомъ предзнаменованіи кометы сбылось и въ другомъ обстоятельствѣ. Въ Царьградѣ случилось на Димитріевъ день (по Кедрину въ октябрѣ 986 г.) страшное землетрясеніе, какого тоже въ прежнія времена не случалось.

Такимъ образомъ завоеваніе Владиміромъ Корсуня не только совершилось въ дѣйствительности, но и причислялось византійцами къ народнымъ бѣдствіямъ, упавшимъ на Византію по предзнаменованію страшной кометы.

По какому истинному поводу произошла эта война, намъ неизвѣстно, но со стороны Руси время было выбрано самое благопріятное. Императоръ не могъ помочь Корсунцамъ, ибо

самъ находился въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ отъ внутреннихъ смутъ и войнъ.

Судя по извѣстію Льва Дьякона завоеваніе Корсуня было грозное. И въ нашихъ сказаніяхъ, не попавшихъ въ лѣтописи, есть свидѣтельство, что Владиміръ, „взявъ Корсунь, князя и княгиню убилъ, а дочь ихъ отдалъ за своего боярина Жьдберна; затѣмъ, нераспуская еще полковъ, послалъ воеводу Олга и того же Жьдберна въ Царьградъ къ царямъ просить за себя ихъ сестру.[190] По лѣтописи это событіе разсказано слѣдующимъ образомъ. Въ 988 г. Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь въ ладьяхъ и осадилъ городъ съ обѣихъ сторонъ, ставши въ Лиманѣ, т. е. въ заливѣ, и на сухомъ пути. Корсунцы боролись крѣпко и сдаваться не хотѣли, не смотря на угрозу, что если добромъ не сдадуться, то осада продолжится и за три года.

Тогда Владиміръ сталъ сыпать къ городу присыпь, чтобы по землѣ можно было взобраться на самыя стѣны. Корсунцы однако ухитрились, подкопали щель въ стѣнахъ и уносили присыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Это былъ древнѣйшій способъ брать города приступомъ. Такъ еще въ 3-мъ вѣкѣ Скиѳы, несомнѣнно наши же Славяне, и Готы осаждали Филиппополь, при чемъ осаждаемые точно также ночью увозили присыпаемую землю въ городъ. Ратныя все больше присыпали землею, а Корсунцы, все больше уносили ее къ себѣ и потому осада могла бы продолжиться очень долго. Но вскорѣ нашелся въ городѣ другъ Владиміру, нѣкій мужъ корсунянинъ, именемъ Настасъ. Онъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ запискою, что лучше всего перекопать городскіе водопроводы, находящіеся съ востока; тогда граждане поневолѣ сдадутся. „Если это сбудется, тогда и самъ крещусь!“ воскликнулъ Владиміръ. Это выраженіе „и самъ“ не указываетъ ли на отношенія князя къ дружинѣ, въ которой быть можетъ находилось столько уже христіанъ, что самъ князь оказывался отсталымъ отъ другихъ. Какъ бы ни было, но все сбылось, какъ извѣщала стрѣла Настаса. Водопроводныя трубы были переняты, граждане изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ входитъ съ дружиною въ городъ и посылаетъ въ Царьградъ къ царямъ, Василью и Константину, такое слово: „Городъ вашъ славный я взялъ! Слышу, что у васъ есть сестра дѣвица,

если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ Царьградомъ сотворю тоже, что съ Корсунемъ". Цари опечалились, но отвѣчали: „Недостойно христіанамъ выходить замужъ за поганыхъ. Прими крещенье, тогда получишь невѣсту, и царство небесное пріимешь и будешь единовѣренъ съ нами. Не захочешь креститься,—не можемъ отдать за тебя свою сестру". Цари такъ говорили, слѣдуя уставу Константина Багрянороднаго, торжественно воспретившаго царскому дому вступать въ брачный союзъ съ князьями Россовъ, Хозаръ и Венгровъ.—„Уже я испыталъ вашу вѣру и богослуженіе и готовъ креститься,—отвѣтилъ царямъ Владиміръ. Цари однако требовали, чтобы онъ прежде крестился, а потомъ они пошлютъ ему и царевну. Владиміръ рѣшилъ такъ: когда придетъ царевна, пришедшіе съ нею и крестятъ его.

Царевну едва уговорили пойдти за русскаго князя, представивъ ей, что ея бракъ будетъ великою заслугою передъ всѣмъ греческимъ царствомъ, что если Русская земля придетъ въ покаянье, то Богъ избавитъ и Грецію отъ всегдашней лютой рати.—„Какъ въ плѣнъ иду, лучше бы мнѣ помереть",—плакалась царевна. Съ плачемъ она сѣла въ корабль и поплыла черезъ море. Въ Корсунѣ ее встрѣтили съ почестями. Въ это самое время, по Божьему устроенію, Владиміръ разболѣлся очами, ничего не могъ видѣть, и очень тужилъ объ этомъ по случаю пріѣзда царевны. Тогда царевна прислала ему сказать: „Если хочешь избавиться отъ болѣзни, крестися скорѣе; до тѣхъ поръ болѣзнь не отойдетъ". —„Коли будетъ то истина,—промолвилъ Владиміръ,—то по истинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій!" и согласился креститься тотчасъ же. Епископъ корсунскій съ царицыными попами, огласивъ, крестили Владиміра.—Какъ только епископъ возложилъ на него руку, онъ прозрѣлъ и въ восторгѣ воскликнулъ, прославляя Господа: — „Теперь увидѣлъ Бога Истиннаго!" Чудесное исцѣленіе князя заставило тутъ же многихъ креститься и изъ дружины. Затѣмъ совершилось и брачное торжество. При крещеніи Владиміру былъ переданъ обстоятельный сумволъ вѣры, „да не прельстятъ его нѣкіе отъ еретикъ", а да вѣруетъ онъ воистинну. Лѣтописецъ внесъ этотъ памятникъ въ свой сборникъ полными словами. „Мы думаемъ, говоритъ митрополитъ Макарій, что этотъ сумволъ есть дѣйствительно тотъ самый,

который исповѣдали нѣкогда уста и сердце Просвѣтителя Россіи, и потому есть драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей церковной старины, какъ договоры первыхъ князей кіевскихъ съ греческими императорами—драгоцѣннѣйшіе памятники старины гражданской [191]".

Для объясненія лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра должно припомнить свидѣтельства иноземныхъ писателей, даже современниковъ (слова одного приведены выше стр. 338), изъ которыхъ арабскій писатель Эль-Макинъ, повторяя вѣроятно слова своихъ болѣе древнихъ источниковъ, разсказываетъ, что „императоръ Василій, боясь успѣховъ мятежника Фоки, послалъ къ Русскому князю, бывшему своему врагу, просить у него войска, что князь потребовалъ за то руки царевниной и согласился быть христіаниномъ". Нѣмецъ Дитмаръ пишетъ, что сама греческая царевна уговорила его принять св. вѣру. Изъ этихъ свидѣтельствъ выясняется одно, что по случаю брака съ греческою царевною Владиміръ сдѣлался христіаниномъ и другомъ греческаго царя. На самомъ дѣлѣ Русская военная помощь порѣшила въ 989 году борьбу съ возмутителемъ царства Вардою Фокою и Калокиромъ, о чемъ было уже упомянуто, стр. 244. Въ существенныхъ, такъ сказать, въ историческихъ чертахъ, разсказъ лѣтописи сохраняетъ полную истину. Нѣкоторыя его подробности служатъ повидимому только олицетвореніемъ основной мысли разсказа, каково напр. чудесное прозрѣніе св. князя, которое по толкованію митрополита Платона было духовное.

Преданія пересказывали, напр., что и самое крещеніе было принято Владиміромъ не въ Корсунѣ, а одни говорили, что въ Кіевѣ, другіе указывали на Василевъ, третьи толковали иначе. Лѣтописецъ, напротивъ, утверждаетъ, что такъ говорятъ люди несвѣдущіе, что Владиміръ крестился именно въ Корсунѣ и указываетъ церковь, гдѣ совершилось крещеніе; палату, гдѣ жилъ Владиміръ, другую палату, гдѣ жила царевна; наконецъ указываетъ особую церковь, построенную самимъ Владиміромъ на горѣ, которую корсуняне ссыпали, когда уносили землю отъ городскихъ стѣнъ. Объ этихъ памятникахъ Владимірова пребыванія въ Корсунѣ лѣтописецъ говоритъ, что они стоятъ и до сего

дня,—то есть стояли и во время написанія имъ лѣтописи; стало быть свои свѣдѣнія объ нихъ лѣтописецъ собралъ не иначе какъ въ самомъ же Корсунѣ, гдѣ все это событіе было несравненно памятнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Судя по разсказу, онъ или самъ видѣлъ эти достопамятныя мѣста и зданія, или писалъ тоже со словъ очевидца и знатока мѣстности.

Напрасно нѣкоторые историки доказываютъ, что требованіе Владиміромъ невѣсты-царевны похоже на сказку и взято изъ сказки. Въ сказкахъ дѣйствительно сказывается о такихъ женитьбахъ и это обычная черта народной житейской поэзіи; но эта черта потому и перешла въ сказку, что изначала была обычною чертою дѣйствительной жизни. Не одинъ Владиміръ, но и всѣ окрестные съ Греціею государи всегда искали случая посвататься и жениться на греческихъ царевнахъ, такъ точно, какъ искали случая выпросить себѣ у греческихъ царей ихъ царскія регаліи—вѣнцы и одежды. Вотъ почему Константинъ Багрянородный даетъ завѣщаніе своему преемнику, императору Роману, чтобы отнюдь не вступать въ брачный союзъ именно съ князьями русскими, хозарскими, венгерскими, слѣдовательно эти князья еще при дѣдахъ Владиміра хлопотали о невѣстахъ-царевнахъ. Германскій императоръ Оттонъ I нѣсколько лѣтъ тоже хлопоталъ женить своего сына, Оттона II, на греческой царевнѣ Ѳеофаніи, сестрѣ нашей царевны Анны. Только въ 972 г. этотъ бракъ устроился содѣйствіемъ Цимисхія. Если германскій императоръ, современникъ и почти сосѣдъ Владиміра, успѣлъ жениться на царевнѣ, то и Владиміръ не почиталъ себя хуже его и по самому тому же примѣру могъ требовать и себѣ невѣсту царевну, сестру Ѳеофаніи. Припомнимъ кстати исторію съ полоцкою княжною Рогнѣдою, гдѣ отвергнутый сынъ рабыни, робичичъ, какъ отозвалась объ немъ сама княжна, Владиміръ, все-таки настоялъ на своемъ и женился на этой княжнѣ. Тѣмъ славнѣе становилось для него, непризнаннаго робичича, жениться именно на царевнѣ. Всѣ эти женитьбы сказочны только потому, что въ то время сама сказка была еще живою дѣйствительностью.

Завоеванный городъ сталъ для Владиміра купелью и трофеи, какіе при этомъ были взяты, послужили ему на

благословеніе. Онъ взялъ жену-царицу христіанку, друга Настаса, поповъ корсунскихъ, св. мощи Климента и Фифа, церковные сосуды, иконы, кресты и вѣроятно много другихъ церковныхъ вещей, привезенныхъ царевною изъ Цареграда. Впрочемъ были и настоящіе трофеи и очень любопытные по той мысли, которая должна была руководить ихъ пріобрѣтеніемъ. Владиміръ захватилъ съ собою двѣ мѣдныхъ статуи и 4 мѣдныхъ коня, по всему вѣроятію произведенія греческой древности, которыя потомъ, еще во времена лѣтописца, стояли за церковью св. Богородицы Десятинной и обманывали нѣкоторыхъ несвѣдущихъ Кіевлянъ своимъ видомъ: они думали, что это были статуи мраморныя, по той вѣроятно причинѣ, что древность памятниковъ успѣла превратить видъ мѣди въ сомнительный матеріалъ для неразумѣющаго глаза. Любопытно то, что русскій степной Кіевъ, подобно Корсуню и самому Царьграду, украсился художественными, хотя бы и посредственными памятниками. Можно полагать, что это были изображенія двухъ наѣздниковъ, имѣвшихъ по два коня, вѣроятно съ колесницею, какъ бѣгали цари и знатные люди на Цареградскомъ ристалищѣ-ипподромѣ. Ниже мы увидимъ, что эти статуи могли имѣть свое значеніе и для самихъ Кіевлянъ.

Владиміръ возвратилъ Корсунь грекамъ въ видѣ вѣна или выкупа за царицу и какъ только пришелъ въ Кіевъ, тотчасъ повелѣлъ ниспровергнуть своихъ прежнихъ идоловъ: одни были осѣчены, другіе сожжены. Главному—Перуну справили особый почетъ. Идолъ былъ привязанъ у коня къ хвосту и торжественно повлеченъ съ горы къ Днѣпру; 12 приставленныхъ мужей сопровождали его, тыкая жезлами. „Не для того, чтобы древо чуяло, говоритъ лѣтописецъ, а это дѣлалось на поруганіе бѣсу, который въ этомъ образѣ прельщалъ людей; пусть отъ людей же и возмездье приметъ. Чудны дѣла Твои, великій Господи! восклицаетъ онъ при этомъ. Вчера люди почитали, а нынче попираютъ и поругаютъ!“ Однако люди, еще некрещеные, плакали о своемъ идолѣ. Для ихъ слезъ быть можетъ Перунъ и пущенъ былъ на воду въ Днѣпръ. И до сихъ поръ ненадобную святыню, стружки отъ гроба, ветхую икону, русскіе люди пускаютъ на воду, на рѣку,—пусть не разрушается грѣшными руками, но доплываетъ къ своему берегу. Можно по-

лагать, что и при этомъ случаѣ язычниками руководило такое же убѣжденіе о ненадобной святынѣ. Но еще вѣроятнѣе, что низверженіемъ Перуна въ рѣку, въ воду, руководила та мысль, которая еще прежде была высказана въ поученіи греческаго философа, именно, что вода—первое начало и искони служитъ очищеніемъ отъ грѣховъ и отъ идоловъ, какъ проповѣдывали пророки, что ею совершается теперь человѣческое обновленіе. Такимъ образомъ повержение Перуна въ рѣку представляло только образъ всенароднаго очищенія отъ идольскаго грѣха. Вотъ почему Владиміръ велѣлъ проводить Перуна, отревая отъ берега даже за Пороги. Тамъ въ вольной степи въ странѣ Печенѣговъ онъ былъ оставленъ и потомъ вѣтромъ выверженъ на мель, которая съ тѣхъ поръ стала прозываться Перуня рѣнь (мель, мысъ, холмъ) [192].

Сокрушивъ идоловъ, Владиміръ послалъ по всему городу съ вѣстью, чтобы на утро всѣ выходили на Днѣпръ, ктобы ни былъ, богатый и бѣдный, нищій и работникъ. И кто не будетъ на рѣкѣ, сопротивникъ будетъ князю. Услышавши это, люди съ радостью пошли на рѣку, разсуждая такъ, что еслибъ это не добро было, не приняли бы того князь и бояре. Утромъ собралось на Днѣпрѣ людей безъ числа; всѣ влѣзли въ воду и стояли, кто въ глубинѣ по самую шею, кто до персей; возрастные по колѣна, какъ ходятъ въ бродъ, малые у берега, а младенцевъ старшіе держали на рукахъ. Попы царицыны, попы корсунскіе совершали обрядъ и творили молитвы. Самъ князь присутствовалъ на этомъ торжествѣ и можно сказать, былъ воспріемникомъ всего этого народа. „То была неизреченная радость на небеси и на земли—столько душъ спасаемыхъ. Побѣжденъ былъ дьяволъ не отъ апостоловъ, не отъ мучениковъ, а отъ простыхъ невѣждъ, не вѣдавшихъ Бога, не слыхавшихъ ученія отъ апостоловъ", замѣчаетъ лѣтопись. Послѣ крещенья Владиміръ повелѣлъ тотчасъ по всему городу рубить и ставить церкви по мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры и гдѣ прежде творили требы князь и люди. На Перуновомъ холмѣ онъ поставилъ церковь во имя св. Василія, своего тезоименитаго ангела, имя котораго принялъ во св. крещеніи, въ почесть греческому царю, Василію Багрянородному.

Затѣмъ начали ставить церкви по городамъ и велѣлъ Владиміръ приводить людей къ крещенью по всѣмъ городамъ и селамъ. Несомнѣнно, что съ этою цѣлью онъ посажалъ по городамъ, по княженьямъ своихъ сыновей, которыхъ у него было двѣнадцать. Старшаго Вышеслава отъ Чехини посадилъ на старшемъ княженьи въ Новгородѣ; Изяслава отъ Рогнѣды въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ на Припети; Ярослава сначала въ Ростовѣ, а потомъ, по смерти старѣйшаго Вышеслава, посадилъ въ Новгородѣ, а въ Ростовѣ Бориса; въ Муромѣ—Глѣба, у Древлянъ—Святослава; на Волыни во Владимірѣ—Всеволода; въ Тмутороканп—Мстислава; Станислава—въ Смоленскѣ, Судислава—во Псковѣ [193]. Съ князьями Владиміръ разослалъ епископовъ и поповъ и повелѣлъ крестити всю Русскую землю.

Въ этихъ отдѣленныхъ теперь княженіяхъ мы можемъ видѣть тѣ особыя самостоятельныя древне-русскія волости или области съ ихъ городами, которыя могли существовать еще до призванія Варяговъ и могли вести свое происхожденіе и отъ болѣе далекихъ временъ.

Первымъ помысломъ новыхъ христіанъ было также заведеніе школы для книжнаго наученія. Владиміръ собралъ дѣтей у лучшихъ простыхъ людей Кіева, у нарочитой, то есть избранной чади, какъ говоритъ лѣтописецъ, и отдалъ ихъ въ ученіе книгамъ. Матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, потому что не утвердилися еще вѣрою и вовсе не знали, что изъ того будетъ. Само собою разумѣется, что эта школа была открыта не для общенароднаго образованія, о чемъ еще неестественно было и помышлять, а прежде всего исключительно для приготовленія церковниковъ, безъ которыхъ невозможно было и распространить вѣры по всѣмъ городамъ и селамъ. Въ этомъ отношеніи она была такъ сказать техническою спеціальною школою, почему въ ней послѣ азбуки изучались на зубокъ часословъ, псалтырь, евангеліе, апостолъ—книги самыя необходимыя именно для церковника. Затѣмъ письмо и пѣніе восполняли весь кругъ книжной науки, остававшійся чуть не до нашихъ дней основою и общенародной грамотности.

На другой годъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворъ кіевскихъ первомучениковъ Варяговъ Ивана и сына его Ѳеодора, Владиміръ заложилъ большой каменный храмъ въ честь Бого-

родицы, призвавши мастеровъ изъ Греціи. Храмъ этотъ строился семь лѣтъ и когда былъ оконченъ, Владиміръ украсилъ его иконами и отдалъ въ него все, что привезъ святаго и драгоцѣннаго изъ Корсуня. На содержаніе церкви онъ опредѣлилъ давать десятую часть отъ своего имѣнья и отъ своихъ городовъ, и укрѣпилъ эту заповѣдь особою записью съ клятвою, если кто разрушитъ заповѣдь, да будетъ проклятъ. Онъ поставилъ управителемъ этой десятины корсунянина Настаса. Съ того времени церковь стала прозываться *Десятинною* и самъ управитель Настасъ тоже назывался *десятиннымъ*. Храмъ былъ построенъ и украшенъ по цареградски. Фундаменты его простирались въ длину отъ в. къ з. на 24, а поперегъ на 16 саженъ. Онъ былъ складенъ изъ квадратнаго тонкаго кирпича на особомъ очень твердомъ цементѣ толщиною вдвое противъ кирпича. Снаружи храмъ былъ чуднаго устройства. Онъ имѣлъ двадцать *пять верховъ* или главъ, что обозначало покрайней мѣрѣ совокупность пяти особыхъ храмовъ, одного главнаго и четырехъ придѣльныхъ, и показывало, что это былъ и по своему составу истинный *соборный* храмъ. Само собою разумѣется, что образъ такого многоглавія не былъ принесенъ изъ Греціи, гдѣ въ Царьградѣ храмъ Богородицы былъ только о пяти главахъ. По всему вѣроятію въ постройкѣ храма участвовалъ и русскій замыслъ, желавшій возсоздать свою новую святыню во всей русской красотѣ, какая привлекала тогдашнее общество. Внутреннія украшенія, какъ можно судить по открытымъ въ 1828 г. остаткамъ, заключались въ бѣломраморныхъ рѣзныхъ колоннахъ, поясахъ, карнизахъ, въ мазаическомъ полѣ изъ цвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и другихъ камней, а также изъ краснаго шифера и поливныхъ изразцовъ. Стѣны были украшены стѣнописью, а въ алтарѣ золотою и цвѣтною мозаикою. Сохраняется также въ обломкахъ поясовая греческая надпись, изображенная на сѣромъ гранитѣ.

Въ подражаніе Царьграду предъ храмомъ съ западной стороны были поставлены упомянутыя корсунскія статуи съ конями.

Сооруженіе такого чуднаго и небывалаго на Руси храма и его освященіе, происходившее 12 мая, было отпраздновано великимъ пиромъ, на который созваны бояре и старосты

людскіе, то-есть городскіе, а бѣднымъ и нищимъ Владиміръ роздалъ щедрую милостыню.

Это было только начало обычныхъ съ этого времени церковныхъ пировъ, которыми Владиміръ прославилъ свое княженіе и которые стали потомъ общимъ завѣтомъ Русскаго народа по всѣмъ русскимъ странамъ и мѣстамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе пиры въ языческое время составляли необходимое жертвенное торжество и съ принятіемъ христіанства были только пріурочены къ церковнымъ праздникамъ.

Въ тотъ же годъ случилось Владиміру воевать съ Печенѣгами у города Василева. Встрѣча съ врагомъ была такъ неудачна, что самъ Владиміръ не выдержавъ натиска побѣжалъ и едва спасся, укрывшись гдѣ-то подъ мостомъ. Это было въ самый день Преображенія, 6 августа. Въ благодарность за свое избавленіе Владиміръ построилъ въ Василевѣ обѣтную деревянную церковь, которая вѣроятно была поставлена въ одинъ день. Но за то обрадованный князь праздновалъ св. Преображенью цѣлыхъ 8 дней, сварилъ 300 проваръ меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ со всѣхъ городовъ и множество рядовыхъ людей, и роздалъ убогимъ 300 гривенъ. Къ Успеньеву дню воротился въ Кіевъ и опять устроилъ великій праздникъ, созвавши безчисленное множество народа. Радовался онъ душею и тѣломъ, говоритъ лѣтопись, что все это были христіане, и сталъ устроивать такія празднества каждый годъ. Съ особенною силою раскрылась въ его чувствѣ именно христіанская братская любовь ко всѣмъ, которая по обычаямъ времени нашла себѣ ближайшее и полнѣйшее выраженіе именно въ этихъ хлѣбосольныхъ празднествахъ.

Однажды слышитъ онъ, читаютъ въ евангеліи: „Блаженны милостивые, яко тѣ помилованы будутъ;“ и еще: „Продайте имѣнья ваша и отдайте нищимъ;“ и еще: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ и пр.; и Давида, слушая, глаголющаго: „Блаженъ мужъ, милуя и дая“; и слова Соломона, сказывающаго, что „отдавая нищему, Богу взаймы даешь,“—все это слышавши, Владиміръ повелѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать всякую потребу, питье и яденье и изъ казны деньгами. Но скоро онъ припомнилъ, что есть дряхлые и больные, кото-

рые не могутъ дойти до его двора и велѣлъ устроить особые возы, накладывать въ нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, всякой овощь, медъ въ боченкахъ, а въ другихъ квасъ, и возить по городу, спрашивать: „гдѣ больной и нищій, который не можетъ идти къ князю во дворъ?“ и раздавать, кому что нужно.

А во дворѣ у себя онъ установилъ каждое воскресенье давать пиръ въ гридницѣ и приходить всѣмъ,—боярамъ, гридямъ, сотскимъ, десятскимъ и лучшимъ избраннымъ мужамъ города, при князѣ и безъ князя. Было за этими столами всего во множествѣ, отъ мясъ, и отъ скота и отъ звѣрины, и всего было въ великомъ изобиліи.

Дружину онъ любилъ особенно и ничего не жалѣлъ для нея. Съ нею онъ думалъ о строѣ земскомъ, объ уставѣ земскомъ, о войнахъ. Однажды подпили его гости и начали роптать на своего князя: „Горе нашимъ головамъ, даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Услышавши хмѣльный ропотъ, Владиміръ велѣлъ сковать серебряныя ложки и примолвилъ при этомъ: „Серебромъ и золотомъ не соберу дружины, а дружиною отыщу и серебро и золото, какъ и дѣдъ мой и отецъ мой дружиною доискались и злата и сребра.“ Достопамятныя слова, которыя содержали въ себѣ смыслъ всей предъидущей Русской исторіи и давали непреложное руководство князьямъ и на послѣдующіе вѣка.

Милость и братская любовь Владиміра распространились еще дальше. Евангельскія слова упали на такую почву, которая, слѣдуя прямымъ и чистымъ путемъ, не хотѣла мириться ни съ какими противорѣчіями жизни. Если христіане умножались даже и отъ того, что княжій дворъ по братски растворенъ былъ для всякаго нуждающагося, для всякаго бѣдняка и нищаго, то недовольные язычники напротивъ должны были уходить изъ Кіева и они-то, вѣроятно, и засѣли по дорогамъ разбойничать, воюя именно христіанъ. Какъ бы ни было, но особая милость и доброта князя къ народу тотчасъ явила и свои послѣдствія на темной и больше всего разумѣется на языческой сторонѣ народа—умножились разбои. Тогда сами епископы, провозглашавшіе слова милости и прощенія, пришли къ Владиміру и сказали, что „умножились разбойники—отчего не казнишь ихъ?“—„Бо-

юся грѣха"—отвѣчалъ Владиміръ. Епископы преподали ему первое поученіе о государственной обязанности. „Ты поставленъ отъ Бога казнить злыхъ, а добрыхъ миловать", сказали они ему,—„слѣдуетъ казнить разбойниковъ, но по правдѣ, съ испытаніемъ". Владиміръ сталъ казнить и потому отвергъ виры, т. е. выкупы и взысканія за убійство, которыя составляли очень важный доходъ городской дружины, употребляемый на содержаніе войска. Старѣйшины города вскорѣ почувствовали невыгоды новаго постановленія и вотъ епископы, а съ ними уже и старѣйшины, снова пришли къ князю и разсказали, что война стоитъ многая, виры надобны на оружіе и на покупку коней, просили возстановить виры. „Такъ буди (быть по сему)", порѣшилъ Владиміръ и сталъ жить по устроенью отцовъ и дѣдовъ, стало быть не измѣняя стараго закона о вирахъ.

Въ такихъ теплыхъ чертахъ изобразилъ лѣтописецъ Владиміра—христіанина. Намъ не слѣдуетъ однако забывать, что въ этомъ образѣ соединены всѣ общія черты, которыя отъ глубокой древности обрисовывали вообще добраго князя, а потому въ сказаніи лѣтописца о Владимірѣ мы прежде всего можемъ видѣть восторженный идеалъ, желанный образъ, въ какомъ представлялся народу добрый князь. Самый разсказъ о разбойникахъ и вирахъ отзывается назиданіемъ и разсужденіемъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать доброму князю. Кромѣ того, въ этихъ чертахъ мы узнаемъ Владиміра народныхъ пѣсенъ, ласковаго князя Владиміра—Красное Солнышко, которое всѣмъ свѣтитъ и всѣхъ грѣетъ. И очень замѣтно, что еще первый лѣтописецъ, составляя свою повѣсть временныхъ лѣтъ, пользовался этими пѣснями, чтобы изобразить въ живомъ образѣ своего идеальнаго князя—Владиміра. Если было такъ, то Владимірово широкое гостепріимство, его праздничные непрестанные пиры и беззавѣтная любовь къ дружинѣ могутъ рисовать время гораздо древнѣйшее самого Владиміра. Они могутъ относиться къ той эпохѣ, когда дружинный городовой бытъ во главѣ съ княземъ впервые сложился въ особую народную силу, сдѣлался средоточіемъ племенной жизни. И до Владиміра были князья и конечно не лицомъ Владиміра былъ вызванъ такой идеалъ добраго князя, носящій въ себѣ черты по преимуществу быта языческаго, исключительно дружиннаго, кото-

рыя, какъ добрыя черты, по этой причинѣ употреблены лѣтописцемъ и для изображенія Владиміра-христіанина. Здѣсь только въ первый разъ представился лѣтописцу случай высказать общенародную любовь къ лицу князя и показать тѣ основы, какими эта любовь укрѣплялась въ народѣ.

Устроенье отцовъ и дѣдовъ, къ которому, относительно виръ, Владиміръ возвратился по просьбѣ самихъ-же епископовъ и старѣйшинъ города, это земское устройство еще языческой Руси было такъ сильно и крѣпко, что ни бѣдственная война Святослава, ни его бѣдственная смерть и послѣдовавшія за нею внутреннія междоусобія не произвели въ немъ ни малѣйшаго колебанія. Политическое могущество Земли все больше и больше выростало какъ бы само собою, а потому и при Владимірѣ, какъ мы уже говорили, оно распространилось съ новою силою и больше всего по западнымъ границамъ, такъ какъ востокъ былъ уже обойденъ самимъ Святославомъ. Корсунскій походъ Владиміра показываетъ, чего можно было ожидать отъ Руси и на греческомъ югѣ, особенно при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Византійская имперія. Но именно съ этой стороны поперегъ дороги лежало идолище поганое, съ которымъ приходилось бороться безъ конца, у котораго, отсѣкай одну голову—выростаетъ три.

Это идолище были Печенѣги. Съ ними была безпрестанная рать. Съ начала виновникомъ печенѣжской вражды былъ вѣрный дружинникъ Ярополка, Варяжко, мстившій Владиміру за своего князя. Но Варяжко указывалъ только дорогу въ Русь, быть можетъ научалъ уму-разуму, какъ и въ какое время лучше воевать русскіе села и города. Послѣ него Печенѣги уже сами знали, когда и куда было выгоднѣе ходить и не давали Владиміру покоя во все время его княженья. Мы видѣли, что и самъ онъ едва не сдѣлался добычею ихъ быстрыхъ набѣговъ. Защищая отъ нихъ землю, Владиміръ долженъ былъ построить много городовъ по полевымъ рѣкамъ по Востри, по Трубежу, по Сулѣ и по Стугнѣ. Дружину въ эти новые города онъ собиралъ все отъ сѣвера, лучшихъ мужей изъ Славянъ (Новгородцевъ), изъ Кривичей, изъ Вятичей и даже отъ Чуди. Въ тоже время онъ сильно укрѣпилъ и свой любимый Бѣлгородъ, населивъ его многими людьми, собравъ дружину отъ многихъ иныхъ

городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ же образомъ, выборомъ лучшихъ дружинниковъ были населены и упомянутые полевые города, такъ что и самое выраженіе отъ Чуди не совсѣмъ должно обозначать дружинниковъ чужеродцевъ, а только дружинниковъ изъ Чудскихъ городовъ, которые держали Чудскую землю и вѣроятно большею частью были тѣ-же Славяне отъ разныхъ племенъ. Это намъ раскрываетъ также, что составъ дружины всегда былъ смѣшанный, сборный отъ разныхъ городовъ, какъ необходимо должна была устроиваться и сама дружинная жизнь, собиравшая главнымъ образомъ храбрыхъ и сильныхъ, могучихъ богатырей, все равно откуда бы они не приходили. Но Русское Славянство конечно въ ней преобладало и числомъ, и языкомъ, и обычаемъ, и нравомъ, тѣмъ болѣе, что изъ самаго-же Русскаго и на половину сѣвернаго Славянства развилась и дружинная городовая жизнь, образовавшаяся при помощи Варяговъ въ Новгородѣ въ политическую силу, а теперь перенесшая свое уже не племенное, но обще-Русское политическое дѣло въ Кіевъ.

Надо замѣтить, что сѣверные люди, верховные вои, какъ называетъ ихъ лѣтопись, служили какъ бы главною опорою и во всѣхъ войнахъ на югѣ. Борьба съ Печенѣгами происходила все при помощи тѣхъ же верхнихъ воевъ, собирать которыхъ Владиміръ по обычаю отцовъ и дѣдовъ хаживалъ самолично. Такимъ образомъ сѣверныя племена не только положили основаніе Русскому политическому могуществу, не только постоянно способствовали его развитію, населяя своими лучшими людьми всѣ города юга, но и постоянно своею же кровью поливали и костьми усыпали южныя степи при нескончаемой борьбѣ съ кочевниками. Поэтому дѣлить русскую землею на какія либо особыя самородныя украйны невозможно. Всѣ края русской земли политы кровью всѣхъ русскихъ людей, отъ глубокаго сѣвера до далекаго юга, даже при-карпатскаго и при-кавказскаго, и потому всѣ края и украйны русской земли составляютъ собственность всѣхъ русскихъ людей въ одинаковой степени. Сѣверная кровь еще больше разливалась на югѣ, чѣмъ южная на сѣверѣ и разливалась именно на защиту того же юга отъ всяческихъ враговъ и особенно отъ кочевниковъ разныхъ именъ. Начальная борьба съ Греками и

борьба съ Печенѣгами въ полной мѣрѣ удостовѣряютъ, что сѣверныя племена выносили эту борьбу на своихъ плечахъ въ равной мѣрѣ съ южными племенами. Кромѣ всегдашней военной помощи, весь сѣверъ платилъ дань кіевскому югу, не для обогащенія одного юга, но для общихъ цѣлей и потребностей всей Земли, о чемъ мы уже достаточно говорили прежде.

Самый Новгородъ, первое и старшее гнѣздо русскаго политическаго сознанія, теперь тоже платилъ дань Кіеву, т. е. той же своей родной дружинѣ, переселившейся на югъ. Онъ платилъ 3000 гривенъ въ годъ, 2000 въ Кіевъ и тысячу новгородскимъ гридямъ, оставшимся защищать свой Новгородъ. Такъ платили новгородскіе посадники. Но сынъ Владиміра, Ярославъ задумалъ другое. Онъ былъ сынъ Рогнѣды и должно быть съ молокомъ матери всосалъ это чувство самостоятельности и гордой независимости, которое прославило его мать, а послѣ прославило и его самого.

Рогнѣда была дочь Полоцкаго князя Рогволода, который пришелъ изъ-за моря, но изъ какой страны, неизвѣстно. Въ то время, какъ Владиміръ съ дядею Добрынею владѣлъ Новгородомъ, Рогволодъ сговорилъ свою дочь за кіевскаго Ярополка. Но и Добрыня не хотѣлъ выпустить изъ рукъ доброй невѣсты и послалъ къ Рогволоду просить дочь за Владиміра. Отецъ отдалъ это дѣло на волю дочери: „Хочешь-ли за Владиміра?“ спросилъ онъ ее.—„Не хочу разуть рабичича, но Ярополка хочу“—отвѣтила Рогнѣда. Услышавъ такой отвѣтъ, и Владиміръ и Добрыня пришли въ ярость, собрали большую рать Варяговъ, Славянъ, Кривичей, Чудь и пошли на Полоцкъ. Они пришли подъ городъ въ то самое время, какъ Рогволодъ собирался вести Рогнѣду за Ярополка. Городъ былъ взятъ и вся семья полонена. Разгнѣванный Добрыня сталъ поносить всѣми словами отца и дочь ~~и назвалъ ее самое рабичицею~~. Потомъ отца и двухъ его сыновей убили, а дочь Владиміръ взялъ себѣ въ жены и назвалъ ее Гориславою. Надо полагать, что это случилось около 976 г., ибо если Ярославу въ 1054 г., когда онъ умеръ, было 76 лѣтъ, то стало быть онъ родился въ 978 году, а между тѣмъ первый сынъ у Рогнѣды былъ Изяславъ. Владиміръ, какъ извѣстно, собралъ себѣ и другихъ женъ много и конечно разлюбилъ Рогнѣду. Не могла перенести этого горя Рогволо-

довна. Однажды пришелъ къ ней Владиміръ и уснулъ. Она взяла ножъ и совсѣмъ бы его заколола, еслибъ проснувшійся мужъ не остановилъ ее, ухвативъ во̀-время за руку. „Съ горести подняла на тебя руку“,—сказала она: „Отца моего ты убилъ, землю его полонилъ изъ-за меня. И теперь не любишь меня и съ этимъ младенцемъ (Изяславомъ)“. Владиміръ промолчалъ, но велѣлъ ей нарядиться во всю царскую утварь, какъ была одѣта въ день свадьбы, и сѣсть на постели свѣтлой, т. е. роскошно убранной, въ своей комнатѣ. Въ такой обстановкѣ, какъ не брачномъ торжествѣ, онъ хотѣлъ ее потнуть мечемъ. Рогнѣда догадалась о замыслѣ мужа и передъ его приходомъ устроила такъ: дала малюткѣ Изяславу обнаженный мечъ и научила, что̀ сказать, когда войдетъ отецъ. Какъ только Владиміръ вошелъ, малютка Изяславъ, выступя съ мечемъ, встрѣтилъ его словами: „Отецъ! или думаешь одинъ ты здѣсь ходишь!“—„А кто тебя здѣсь чаялъ?“—воскликнулъ Владиміръ и бросилъ свой мечъ. Тогда Владиміръ созвалъ бояръ и отдалъ дѣло имъ на судъ. Бояре рѣшили такъ: „Не убивай ее ради малютки, устрой ей вотчину и дай съ сыномъ“. Владиміръ построилъ ей особый городъ, который и назвалъ Изяславлемъ. Лѣтописцы разсказываютъ также, что послѣ крещенья Владиміръ послалъ сказать Рогнѣдѣ: „Теперь, крестившись, я долженъ имѣть одну жену, которую и взялъ, христіанку, а ты избери себѣ мужа изъ моихъ бояръ, кого пожелаешь“. Рогнѣда отвѣтила, что она доселѣ царица и не хочетъ сдѣлаться рабою, но хочетъ быть невѣстою Христу и принять ангельскій образъ. Въ это время съ нею былъ другой сынъ, Ярославъ. Онъ былъ уже 10 лѣтъ, но отъ рожденья не могъ ходить, былъ хромоногъ и сидѣнь. Отрокъ, выслушавъ отвѣтъ матери, вздохнулъ и сказалъ ей: „Истинная ты царица царицамъ и госпожа госпожамъ, что не хочешь съ высоты ступить на нижняя. Блаженна ты въ женахъ!“ Сказавши это, Ярославъ свободно всталъ на ноги и съ тѣхъ поръ сталъ ходить. Рогнѣда постриглась въ монахини и наречена Анастасіею. Кромѣ Изяслава и Ярослава у ней были еще сыновья Всеволодъ и Мстиславъ Тмутороканскій, и двѣ дочери Мстислава и Предслава.

Всѣ эти сказанія любопытны въ томъ отношеніи, что одинаково рисуютъ независимый и горделивый характеръ Рогнѣ-

ды и одною чертою возстановляютъ живой образъ самого Ярослава. Онъ былъ истинный портретъ своей матери, такой же независимый и горячій въ своихъ поступкахъ, всегда мыслившій о себѣ самостоятельно, сильный своею волею, правдивый, дѣятельный и одаренный такимъ земскимъ смысломъ, какого не обнаруживалось ни у одного изъ его братьевъ. Сначала, какъ упомянуто, онъ княжилъ въ Ростовѣ, а потомъ по смерти старшаго брата Вышеслава перешелъ на его мѣсто въ Новгородъ.

Новгородцы вѣроятно давно уже тяготились Кіевскою данью. Когда ихъ старшая дружина съ Олегомъ ушла совсѣмъ въ Кіевъ, такая дань была еще понятна. Кіевскіе дружинники собирали еще свое новгородское. Но съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ сто лѣтъ; выросло не одно поколѣніе; родныя зависимыя отношенія къ Кіеву значительно изгладились; народилась своя самостоятельная дружина, очень хорошо понимавшая, что у ней есть свое дѣло и кромѣ Кіева, которому она постоянно только помогаетъ и войскомъ, и данью, а ей Кіевъ ни разу не понадобился. Кіевскіе князья, какъ мы говорили, постоянно ходили на сѣверъ собирать войско для южныхъ своихъ дѣлъ и не было случая, чтобы Новгородъ собиралъ войско на югѣ для своихъ дѣлъ. Онъ умѣлъ защищаться самъ собою, и къ тому же недалеко жили Варяги, которымъ Новгородъ изъ года въ годъ тоже платилъ 300 гривенъ для мира и для любви на случай помощи когда понадобятся. У Варяговъ, слѣдовательно, и находилась настоящая помощь, за которую не жаль было и дань платить. А Кіевъ теперь и самъ былъ достаточно богатъ. „Довольно ему платили, пора перестать,“—могли давно уже помышлять объ этомъ Новгородцы. Имъ надобенъ былъ только горячій и сильный человѣкъ изъ князей же, который бы объявилъ зависимость отъ Кіева дѣломъ поконченнымъ. Такой человѣкъ былъ Ярославъ. У него достало твердости и силы помѣряться въ этомъ случаѣ даже съ самимъ отцемъ. Онъ отказалъ платить дань отцу. Отецъ разгнѣвался. „Теребите (прочищайте) путь, мостите мосты“—рѣшилъ Владиміръ и сталъ готовить войско; но разболѣлся и въ тоже время услыхалъ, что идутъ на Русь Печенѣги, почему долженъ былъ послать на нихъ и любимаго своего сына Бориса, оставивъ при себѣ нелюбимаго Святополка.

Ярославъ между тѣмъ призвалъ изъ-за моря Варяговъ. Но Богъ не далъ дьяволу радости, чтобы отецъ воевалъ съ сыномъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Болѣзнь Владиміра быть можетъ и отъ огорченья усилилась и онъ скончался 15 іюля, 1015 года. Въ это время Святополкъ былъ старѣйшиною въ своей братьѣ, ибо былъ рожденъ отъ Ярополковой болгарыни-черницы—сынъ грѣха, отъ двоихъ отцовъ и братьевъ, какъ толковали благочестивые лѣтописцы,—но и по этому толкованію, все таки старшій въ родѣ, потому что, бывши старѣйшимъ между сыновьями Владиміра, онъ происходилъ также отъ старшаго и во Владиміровомъ родѣ, отъ старшаго его брата Ярополка.

Владиміръ скончался въ Кіевскомъ же селѣ Берестовомъ. Святополкъ, не давая огласки, ночью, разобравши помостъ между клѣтьми, и завернувъ тѣло въ коврѣ, спустилъ его на веревкахъ внизъ и свезъ на саняхъ въ церковь Богородицы [194]. Очень вѣроятно, что все это дѣлалось съ цѣлью потаить смерть отца отъ Бориса, чтобы до времени никто незналъ и не послалъ ему тотчасъ вѣсти. Борисъ былъ любимѣйшій сынъ покойника, желанный князь дружины. Къ тому же и старшіе дружинники отца находились съ нимъ же въ Печенѣжскомъ походѣ. Однако на утро народъ въ слезахъ собрался въ безчисленномъ множествѣ къ соборной церкви. Всѣ плакали, бояре о заступникѣ Земли, бѣдные и нищіе о своемъ заступникѣ и кормителѣ.... Съ плачемъ положили тѣло въ мраморный гробъ и опустили въ землю. „Это былъ новый Константинъ великаго Рима, который самъ крестился и народъ свой крестилъ; такъ и князь нашъ Владиміръ, ему же подобенъ",—говорили книжные люди.

Борисъ не приходилъ и Святополкъ, по праву старѣйшинства, сѣлъ въ Кіевѣ на отцово мѣсто. Онъ зналъ, что дружина его не любитъ и зналъ чѣмъ можно привлечь ее на свою сторону; онъ сталъ раздавать ей имѣнье, корзна и куны, т. е. богатыя одежды и деньги. Но кіевляне хотя и брали дары, а сердце ихъ было далеко, братья ихъ были съ Борисомъ, туда тянуло и сердце. Въ сущности ихъ сердце и мысли тянули за Русскую Землю, для которой вдали виднѣлась большая опасность.

Надо сказать, что Святополкъ, княжившій въ Туровѣ, въ близкомъ городѣ къ Ляхамъ, естественно завелъ съ ними тѣсныя

связи. Онъ женился на дочери Польскаго Болеслава, склонился къ папству и по наученію тестя хотѣлъ было совсѣмъ отложиться отъ Руси, т. е. конечно сдѣлаться подручникомъ Болеслава и рабомъ папства. За это, по словамъ Дитмара, онъ былъ посаженъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и съ епископомъ, который съ нею пріѣхалъ и по всей вѣроятности руководилъ этимъ замысломъ [195]. Все это доказывало, что Святополкъ тянетъ изъ Руси вонъ, дружитъ больше Ляхамъ. Русская дружина это понимала хорошо, и за это самое не любила его. Такимъ образомъ, пойдти къ Святополку для нея значило пойдти подъ господство папы и Ляховъ.

Говорятъ, что не задолго передъ смертью отца, Святополкъ бѣжалъ изъ своего заключенія къ тестю и потомъ, провѣдавши объ отцовской смертной болѣзни, внезапно явился въ Кіевѣ, что очень вѣроятно и вполнѣ объясняетъ, какими судьбами онъ вдругъ распоряжается въ Кіевѣ.

Борисъ, не отыскавъ въ полѣ Печенѣговъ, возвращался домой, и на походѣ получилъ вѣсть: „Отецъ твой померъ!“ Онъ всплакалъ горько, потому что былъ любимъ отцемъ больше всѣхъ, и тутъ же остановился на рѣчкѣ Альтѣ, подъ Переяславлемъ. Дружина собралась къ нему въ шатеръ и стала говорить: „Съ тобою дружина твоего отца и войско, иди въ Кіевъ и садись на отчій столъ, всѣ тебя желаютъ.“— „Не могу поднять руки на старшаго брата. Братъ старшій будетъ мнѣ вмѣсто отца.“ Такъ отвѣтилъ Борисъ дружинѣ. Какъ христіанинъ, онъ боялся междоусобной крови и потому не желалъ нарушить стараго завѣта о правахъ старшинства. Здѣсь впервые въ княжескихъ отношеніяхъ обнаруживается дѣйствіе христіанской братней любви, и въ другой разъ послѣ Владимірова рѣшенія о разбойникахъ христіанская мысль сталкивается съ общеземскими цѣлями, съ этимъ кругомъ отношеній, который хотя и былъ исполненъ уже христіанскихъ понятій, но не былъ способенъ отдать общее дѣло въ руки злодѣя, и вовсе не желалъ быть для него мученикомъ. Дружина, какъ представитель общеземскихъ цѣлей, мыслила за общее дѣло. Она бросила князя, который не хотѣлъ служить выгодамъ Русской Земли. Всѣ разошлись отъ Бориса и онъ остался только съ своими отроками—слугами. Святополкъ послалъ къ нему высмотрѣть и сказать, что хочетъ держать его въ любви, и что къ отцовско-

му надѣлу придастъ и еще, а самъ уговорился съ Вышегородскими боярами убить брата, однако такъ, чтобы это никому не было извѣстно, чтобы народъ подумалъ, что это сдѣлали свои же люди. Вышегородцы были надежными друзьями Святополка. Лѣтописецъ называетъ ихъ боярцами, вѣроятно въ унизительномъ смыслѣ, какъ измѣнниковъ правому дѣлу, или быть можетъ, это были малые бояре, дѣти боярскіе.

Они исполнили порученье въ точности, не помедля ни часу. Конечно, они искали своей чести и выгоды служить своему князю въ передовыхъ дружинникахъ, въ боярахъ. Борисъ повидимому только тогда узналъ о злодѣйскомъ замыслѣ брата, когда уже не могъ бѣжать, и приготовился быть мученикомъ. Когда убійцы ночью пришли къ его шатру, онъ пѣлъ заутреню, окончилъ моленіе и легъ въ постель. Убійцы того и ждали, ворвались въ шатеръ и закололи его копьями. Тверской лѣтописецъ разсказываетъ, что израненый Борисъ выскочилъ въ оторопѣ изъ шатра и умолялъ злодѣевъ дать ему время еще помолиться Господу. Послѣ того, сказавъ прощеніе брату и исполнителямъ его замысла, предложилъ имъ кончать свою службу. Тутъ же были побиты и его слуги, въ томъ числѣ одинъ родомъ Угринъ, именемъ Георгій, который, желая погибнуть вмѣстѣ съ княземъ, бросился на его тѣло и былъ съ нимъ вмѣстѣ проколотъ копьями. Это былъ любимецъ Бориса, по какому случаю и носилъ на шеѣ великую золотую гривну (цѣпь). Злодѣи въ торопяхъ не умѣли снять дорогую гривну и для того отрубили ему голову уже мертвому. Злодѣи увертѣли тѣло Бориса въ снятый шатеръ и повезли въ Вышегородъ. Доѣхавши до Днѣпра пересѣли въ ладьи и поплыли къ Кіеву, ибо дорога лежала по Днѣпру мимо Кіева. Св. мученикъ еще дышалъ. Узнавши объ этомъ, Святополкъ послалъ двухъ Варяговъ прикончить его. Одинъ изъ нихъ вблизи Кіевскаго бора пронзилъ его мечемъ къ сердцу.

Когда ладья подплыла къ городу, Кіевляне отпихнули ее прочь, не приняли погибшаго князя. Тайно привезли его и въ Вышгородъ, гдѣ и погребли на общемъ кладбищѣ, какъ простаго человѣка.

„Борисъ убитъ, какъ бы теперь убить Глѣба?“ размышлялъ Святополкъ и придумалъ послать къ Глѣбу съ обманомъ

такое слово: „Пріѣзжай скорѣй! Отецъ тебя зоветъ, очень боленъ.“ Между тѣмъ послалъ ему на встрѣчу такихъ же тайныхъ убійцъ. Получивъ вѣсть, Глѣбъ тотчасъ сѣлъ на коня и съ малою дружиною поскакалъ къ Кіеву, вѣроятно изъ Ростова, ибо изъ Мурома ему слѣдовало бы ѣхать по Окѣ, а онъ очутился на Волгѣ, гдѣ на устьѣ Тмы, у нынѣшней Твери, упавши съ коня, повредилъ себѣ ногу и отсюда поплылъ уже водою на Смоленскъ, чтобы спуститься въ Кіевъ Днѣпромъ. Только что проѣхалъ онъ Смоленскъ и остановился для отдыха, какъ пришла ему вѣсть изъ Новгорода отъ Ярослава: „Не ходи, отецъ умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ.“ И тутъ же изъ Кіева явились подосланные убійцы подъ предводительствомъ нѣкоего Горясѣра. Они внезапно захватили княжескую ладью (насадъ); слуги Глѣба струсили, а быть можетъ измѣнили и князь былъ зарѣзанъ своимъ же поваромъ, Торчиномъ по имени.

Третій братъ, древлянскій Святославъ, ожидая того же и себѣ, побѣжалъ къ Венграмъ, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и тоже убитъ.

По всему видно, что Святополкъ дѣйствовалъ по обдуманному плану. Онъ помышлялъ такъ: „Изобью всю свою братью и возьму власть Русскую одинъ.“ У него въ глазахъ былъ примѣръ его тестя, Болеслава, который точно также разогналъ своихъ братьевъ и сталъ владѣть землею одинъ. Очень немудрено, что самъ Болеславъ и училъ своего зятя такому уму-разуму, ибо его цѣли простирались еще дальше. Извѣстно, что онъ былъ даже уполномоченъ германскимъ императоромъ Оттономъ съ утвержденіемъ самого папы владычествовать въ дѣлахъ церкви надъ всѣми Славянскими народами, въ томъ числѣ и надъ Русью, [196] почему нашъ Святополкъ повидимому являлся только подходящимъ орудіемъ, посредствомъ котораго папство хотѣло подчинить своей власти и весь Русскій востокъ. Для новокрещеной Руси въ главѣ съ Святополкомъ предстояла иная дорога жизни. Необходимо предстояло владычество надъ нею Польши и Римской вѣры, которую уже исповѣдывалъ и самъ Святополкъ.

Въ виду участи братьевъ, теперь слѣдовало бѣжать за море и новгородскому Ярославу; но теперь въ этомъ не было надобности. Варяги уже находились въ Новгородѣ,

призванные на борьбу съ отцемъ. Живя пока безъ дѣла, этотъ неугомонный и опасный народъ сталъ, какъ говорится, пошаливать, производилъ буйство и насиліе не только самимъ горожанамъ, но и женамъ ихъ. Новгородцы никогда обидъ не сносили и не очень страшились и Варяговъ. „Сего мы насилія не можемъ смотрѣти,“—рѣшили граждане, возстали и на какомъ-то Парамоновомъ дворѣ перебили всѣхъ озорниковъ. Тогда за это очень обидѣлся и разгнѣвался самъ Ярославъ. Вѣдь не для того призвалъ онъ эту надежную дружину, чтобы убивать ее на улицахъ или во дворахъ. „Такъ и быть, уже мнѣ не воскресить убитыхъ,“—сказалъ онъ Новгородцамъ, и позвалъ ихъ лестью къ себѣ на загородный дворъ, въ Ракомо, вѣроятно на пиръ, собралъ всѣхъ лучшихъ гражданъ, которые изсѣкли Варяговъ и всѣхъ ихъ тутъ же прикончилъ; погибло, говорятъ, до 1000 человѣкъ. Иные, убоявшись, побѣжали вонъ изъ города.

Только что окончилось вѣроломное побоище, въ ту же ночь пришла вѣсть изъ Кіева: сестра Ярослава, Предслава, извѣщала брата, что отецъ умеръ, а Святополкъ сѣдитъ въ Кіевѣ,—убилъ Бориса и на Глѣба послалъ убійцъ. „Берегись и за себя какъ можно,“ прибавляла сестра. Какія обстоятельства! Одна печаль, сыновняя—отецъ померъ: неизвѣстно, чѣмъ бы окончилось сопротивленіе отцу и ссора съ нимъ, но его смерть уносила за собою возникшую нелюбовь и оставляла въ полнотѣ сыновнее чувство, которое безъ особой печали пройти не могло. Другая, по обстоятельствамъ, еще сильнѣйшая печаль—дружина побита и разбѣжалась изъ города. „О! моя любезная дружина,—помыслилъ князь,—вчера въ своемъ безуміи я изгубилъ тебя, а нынѣ бы ты была надобна. Не теперь мнѣ ихъ и золотомъ окупить!“

На утро Ярославъ созвалъ оставшихся Новгородцевъ за городъ, въ поле, и на вѣчѣ въ слезахъ объявилъ имъ: „Други мои и братья! Отецъ мой умеръ, а Святополкъ сѣдитъ въ Кіевѣ, избиваетъ братьевъ. Хочу идти на него, помогите мнѣ!“—„А мы, княже, по тебѣ идемъ,“ рѣшили Новгородцы.—„Если и погибла наша братья, можемъ за тебя бороться.“ Стало быть очень былъ дорогъ Ярославъ Новгородцамъ, что они и не подумали теперь мстить за избитую братью. Очень вѣроятно, что тутъ же, на этомъ вѣчѣ,

были съ одной стороны предложены, а съ другой стороны выпрошены извѣстныя Новгородскія льготы, такъ рѣзко потомъ отдѣлившія Новгородскую исторію отъ исторіи остальной Русской земли. Не говоримъ о томъ, что Новгородцы должны были очень хорошо знать, какими опасностями Русской странѣ грозило водвореніе въ Кіевѣ Латинскаго и Польскаго владычества, орудіемъ котораго являлся преданный Латинству Святополкъ.

Ярославъ успѣлъ собрать три тысячи Новгородцевъ, да была тысяча Варяговъ. Южныя лѣтописи говорятъ о 40 и 30 тысячахъ, но невѣрно. Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ на Святополка, отдавши успѣхъ своего предпріятія на судъ Богу. „Не я сталъ избивать братью, но Святополкъ,“ сказалъ онъ. „Да будетъ Богъ отмститель невинной крови моихъ братьевъ. Вѣдь тоже готовится и мнѣ. Пусть судитъ Господь по правдѣ и скончаетъ злобу грѣшнаго.“

Святополкъ, заслышавъ о Новгородскомъ походѣ, собралъ рати безъ числа, отъ Руси и отъ Печенѣговъ, и не сталъ ожидать Ярослава подъ Кіевомъ, а пошелъ ему на встрѣчу. Полки сошлись у Днѣпра подъ Любечемъ. Новгородцы пришли по своей сторонѣ, по Кіевской, по правому берегу, а Кіевляне по степной сторонѣ, по лѣвому берегу, какъ вѣроятно удобнѣе было Печенѣгамъ.

Любопытно, что здѣсь снова рѣшался вопросъ, какой дружинѣ господствовать надъ Русью, Новгородской или Кіевской. И та и другая призвали себѣ на помощь обычныхъ своихъ друзей, одна Варяговъ, другая Печенѣговъ. Рѣшался опять вопросъ, кто сильнѣе, сѣверъ или югъ? Силы были въ такомъ равенствѣ, что ни та, ни другая рать не осмѣливалась вступить въ дѣло и стояли надъ рѣкою другъ противъ друга цѣлыхъ три мѣсяца. Только однажды Святополковъ воевода, еще отцовскій, именемъ Волчій Хвостъ, ѣздя возлѣ берега, сталъ поносить Новгородцевъ: „Смерды! Чего вы пришли съ этимъ хромоногимъ? Эхъ вы плотники! Мы вотъ приставимъ васъ хоромы наши рубить!“ Новгородцы, въ ярости отъ такого поругательства, собрались къ Ярославу и объявили ему, что къ утру же хотятъ переправиться на тотъ берегъ и показать Святополковой рати, каковы они плотники. „А кто съ нами не пойдетъ, приба-

вили они, то сами порубимъ того." Стояли уже большіе холода и Днѣпръ сталъ мерзнуть.

Въ самомъ дѣлѣ надо было поспѣшить; какъ всегда почти случалось, у Ярослава оказался другъ и въ Святополковой дружинѣ. Ярославъ послалъ къ нему отрока—слугу, и велѣлъ сказать: „Воно что! Какъ ты этому поможешь? Меду мало варено, а дружины много!"—„Скажи Ярославу такъ: отвѣтилъ другъ: „Если меду мало, а дружины много, то къ вечеру дать!" Ярославъ понялъ, что велитъ въ ночь начать битву. Уже съ вечера Новгородцы стали перевозиться на тотъ берегъ; а чтобы не вздумалъ кто воротиться, оттолкнули всѣ ладьи отъ берега и въ ночь пошли на Святополка, повязавши головы полотенцами для разпознанія своихъ. Святополкъ ничего не зная всю ночь пировалъ и пилъ съ дружиною. Нападеніе было яростное и сѣча злая. Станъ Святополка находился между двумя озерами; Новгородцы притиснули его и съ дружиною къ озеру. Онъ было ступилъ на ледъ, но ледъ обломился и многіе потонули. Святополкъ къ разсвѣту побѣжалъ съ Печенѣгами въ степь, а оттуда къ Ляхамъ за помощью.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ повидимому не совсѣмъ благополучно,—въ то время погорѣли церкви, стало быть нѣкоторая часть Кіевлянъ не совсѣмъ была на его сторонѣ. Но надо полагать, что за него была отцовская старшая дружина, иначе Кіевляне не приняли бы его. Конечно, кто стоялъ за Святополка, тотъ ушелъ съ нимъ же, а кто желалъ Ярослава, тѣ собрались теперь въ городъ и перевѣсъ оказался на его сторонѣ. Онъ безъ помѣхи сѣлъ на столѣ отца и дѣда и отпустилъ даже свои полки домой, щедро одѣливъ ихъ за помогу: старостамъ роздалъ по 10 гривенъ, смердамъ (рядовымъ) по гривнѣ, а Новгородцамъ всякому тоже по 10 гривенъ.

Очень естественно, какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшіе лѣтописцы, что Святополкъ прежде всего надвинулъ на Кіевъ Печенѣговъ, съ которыми была у самаго города злая сѣча, такъ что Ярославъ едва одолѣлъ. Вѣроятно это случилось въ то самое время, какъ пришелъ въ Кіевъ самъ Ярославъ, причемъ быть можетъ и церкви погорѣли. Вѣрно также, что Ярославъ въ тотъ же годъ гонялъ за Святополкомъ до Берестія, но не успѣлъ его настичь. Но по-

ложеніе дѣлъ было все-таки шатко. Святополкъ у Ляховъ конечно дѣлалъ свое дѣло; на другой годъ онъ привелъ Храбраго Болеслава съ Ляхами, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами. Ярославъ предупредилъ ихъ и встрѣтилъ ихъ полки у города Волыня на рѣкѣ Бугѣ. Опять полки сошлись по обѣ стороны рѣки, и опять стали перебраниваться другъ съ другомъ, какъ водилось въ то время между бойцами, начиная съ самыхъ знатныхъ и до послѣднихъ. У Ярослава воеводою былъ его дядька, кормилецъ, названіемъ Будый. Онъ началъ поносить самого Болеслава, называлъ его свиньею, собакою, вепремъ. „А вотъ подожди, прободемъ трескою (спицею) чрево твое толстое.“ Болеславъ былъ великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ не могъ сидѣть, но былъ смышленъ, говоритъ лѣтописецъ. Онъ такъ осерчалъ, что тутъ же крикнулъ дружинѣ: „Коли вамъ не жаль этого позора, то я одинъ погибну!“—и бросился на конѣ въ рѣку, а за нимъ побросалось все войско. Ярославъ не успѣлъ исполчиться и былъ разбитъ, какъ случалось рѣдко. Едва самъ спасся и въ пятеромъ съ четырьмя мужами побѣжалъ въ Новгородъ.

Болеславъ съ Святополкомъ заняли Кіевъ. Польскіе историки разсказываютъ, что сначала Кіевляне затворились и не хотѣли пустить Святополка и Ляховъ, при чемъ въ городъ собралось множество народа изъ окрестныхъ мѣстъ, искавшаго защиты. Болеславъ хотѣлъ взять городъ голодомъ, но встрѣтивъ упорство и мужественное сопротивленіе, взялъ его приступомъ, пожегши предмѣстья. Онъ въѣхалъ побѣдителемъ на конѣ и въ Златыхъ вратахъ (которые однако были построены уже послѣ, при Ярославѣ), чтобы зарубить новую границу своихъ владѣній, сдѣлалъ мечемъ зарубку, ударивъ по воротамъ такъ сильно, что на мечѣ осталась щербина, отчего этотъ мечъ съ тѣхъ поръ сталъ прозываться щербецъ и какъ святыня сохранялся потомъ въ числѣ королевскихъ регалій. Говорятъ даже, что этимъ мечемъ онъ разрубилъ Золотыя ворота.

„Разведите мою дружину по городамъ на покормъ,“ сказалъ Болеславъ, хотя и смышленый, но по-польски вовсе не сообразившій, что на Руси такая смышленость не къ тому поведетъ. Онъ думалъ овладѣть Русью, какъ своею землею, и съ этой цѣлью развелъ дружину по городамъ, не

ная, что въ русскомъ городѣ и съ Варягами управлялись по-свойски. Лѣтописецъ прямо и говоритъ, что Болеславъ „сѣде въ Кіевѣ.“ Это значило, что онъ сталъ княжить. О Святополкѣ лѣтописецъ этого не сказалъ, и тѣмъ явно обозначилъ, что Русскій князь на это время сталъ подручникомъ Болеслава.

Но ни Святополкъ, ни Русская дружина, стоявшая за него, вовсе не помышляли о томъ, чтобы Поляки сдѣлались ихъ господами. Чужаго господства Русь не выносила, а если и призывала чужихъ на помощь, какъ призывала напр. Варяговъ, то конечно только для того, чтобы лучше устроить свои домашнія дѣла, и по минованіи надобности выпроваживала такихъ гостей по добру по здорову деньгами и дарами, или въ случаѣ спора даже и силою. По русскому обычаю и теперь слѣдовало поступить также. Святополкъ сказалъ кому слѣдуетъ: „Сколько есть Ляховъ по городамъ, избивайте ихъ“. Лѣтописецъ приписываетъ это окаянству Святополка, но эта мысль навѣрное была общимъ дѣломъ всѣхъ городовъ. Ляхи были избиты и самъ Болеславъ побѣжалъ изъ Кіева, ограбивъ городъ до-чиста, забравъ съ собою княжеское и церковное богатство, захвативъ бояръ Ярослава, его двухъ сестеръ, Предславу и Мстиславу, и множество плѣнныхъ. Къ награбленному имѣнью онъ приставилъ Настаса Десятиннаго, Владимірова друга и казначея, который успѣлъ и къ Болеславу войдти въ любовь и дружбу, на то онъ былъ Грекъ—корсунянинъ. Кстати, по дорогѣ Болеславъ отвоевалъ и Червенскіе города. Святополкъ остался на свободѣ княжить въ Кіевѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ все это происходило въ Кіевѣ, Ярославъ прибѣжалъ самъ-пятъ въ Новгородъ и хотѣлъ бѣжать дальше за море къ Варягамъ. Но Новгородцы не отпустили его. Посадникъ Коснятинъ, сынъ знаменитаго Добрыни и слѣд. сверстникъ Ярослава, разсѣкъ съ народомъ Ярославовы ладьи. „Хочемъ и еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ!“ вскричали Новгородцы и рѣшили собрать деньги поголовно со всего Новгорода. Собирали отъ мужа по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ. Наняли Варяговъ и поднялись опять на Кіевъ. Въ виду опасности, Святополкъ побѣжалъ къ Печенѣгамъ. Оттуда онъ привелъ рать—силу несмѣтную. Ярославъ шелъ

прямо и обѣ рати встрѣтились на рѣчкѣ Альтѣ у того самаго мѣста, гдѣ былъ убитъ Борисъ. „Братья мои! воскликнулъ Ярославъ,—Если вы уже далече отсюда тѣломъ, то молитвою мнѣ помогите на этого сопротивнаго и гордаго убійцу!" И съ этими словами бросился въ поле на битву. Покрылось Альтское поле безчисленнымъ множествомъ войска. То было въ пятницу, восходило солнце; полки сошлись и разгорѣлась битва и сѣча, какой не бывало на Руси. Хватались за руки, посѣкая другъ друга; трижды битва возобновлялась; кровь текла по доламъ ручьями. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Это было въ 1019 г. Святополкъ побѣжалъ по дорогѣ къ Ляхамъ, какъ говоритъ кіевская лѣтопись. Лѣтописцы говорятъ также, что его осѣтилъ бѣсъ, разслабли кости его, не могъ сидѣть и несли его на носилкахъ. Онъ спѣшилъ и торопился, нигдѣ не останавливаясь. Всю дорогу твердилъ: „О бѣгите, бѣгите, догоняютъ насъ!" Такъ онъ пробѣжалъ Ляшскую землю и погибъ въ пустынѣ между Лехи и Чехи. Есть могила его въ пустынѣ и до сего дня, говоритъ лѣтописецъ, исходитъ отъ нея злой смрадъ. Такъ Богъ устроилъ въ наученье Русскимъ князьямъ. Если будутъ тоже творить, ту же казнь и пріимутъ. Семь отмщеній принялъ Каинъ, убившій Авеля; а Ламехъ за убійство двухъ братьевъ принялъ 70 отмщеній, потому что зналъ, какова была казнь Каину. Христіанское чувство новой уже христіанской Руси глубоко было потрясено дѣлами Святополка. Святополкъ сталъ окаяннымъ, сталъ Поганополкомъ, какъ называли его даже въ пареміяхъ или церковныхъ всенародныхъ чтеніяхъ поучительныхъ притчей. Его имя стало означать ужасъ злодѣянія. Все это съ полною очевидностью обнаруживало силу Христіанской проповѣди и доброту той почвы, на которую падали ея благодатныя сѣмена.

Лѣтописецъ разсказалъ, что Святополкъ погибъ въ пустынѣ между Чехи и Лехи. Доселѣ на сѣверѣ, въ Архангельской губ. употребляется пословье: между Чахи и Ляхи, что значитъ: и такъ и сякъ, ни худо ни хорошо, или: весь день прошелъ между Чахи и Ляхи, то есть неизвѣстно какъ, по пусту, безъ дѣла; или: день ушелъ (пропалъ) между Чахи и Ляхи, не знаю куда. Такимъ образомъ это выраженіе обозначаетъ вообще понятіе о неопредѣленности, не-

извѣстности. Мы полагаемъ, что и лѣтописное выраженіе носитъ въ себѣ слѣды народной же пословицы, которую южный лѣтописецъ, зная гдѣ живутъ Чехи и Лехи, растолковалъ географически, какъ показаніе мѣстности, для чего и прибавилъ въ поясненіе, что Святополкъ пробѣжалъ Ляшскую землю. Въ Новгородской лѣтописи извѣстіе о погибели Святополка читается такъ: „И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы, и бысь межи Чахы и Ляхы, никымъ же гонимъ пропаде окаанный, и тако злѣ животъ свой скончa, яже дымъ и до сего дни есть.“ Несомнѣнно, что этотъ текстъ древнѣе того, какой находимъ въ кіевской лѣтописи. Здѣсь присутствіе народной пословицы яснѣе, въ слѣдствіе чего выходитъ, что Святополкъ побѣжалъ въ Печенѣги и тамъ пропалъ безъ вѣсти, исчезъ, какъ дымъ, неизвѣстно гдѣ; и до сего дня неизвѣстно какъ пропалъ. Вотъ настоящій смыслъ выраженія: Быстъ межи Чахы и Ляхы. Любопытнѣе всего, что эта же самая пословица ходила еще въ концѣ 18 вѣка у Лужицкихъ Сербовъ и записана въ сборникѣ пословицъ того времени [197]. „То су мое Чехи а Лехи“—по нѣмецки можно толковать: это мой предѣлъ—входъ и исходъ. Мы полагаемъ, что эта пословица имѣетъ историческое и очень древнее основаніе и могла впервые появиться только у Балтійскихъ Славянъ. Отъ нихъ, между Чехи и Лехи, проходила дорога на югъ, по рѣкѣ Одрѣ; по этой дорогѣ въ теченіи вѣковъ пропадали безъ вѣсти, какъ дымъ, и люди и цѣлыя дружины, пропадали всѣ, кому не жилось на мѣстѣ и кто уходилъ искать счастья въ греческихъ и римскихъ земляхъ. По всему вѣроятію, про эти странствія между Чехи и Лехи и сложилась пословица, обозначавшая вообще изчезновеніе людей, уходившихъ неизвѣстно куда. Къ намъ на сѣверъ она принесена все тѣми же Варягами-Славянами, которые и на Бѣломъ Озерѣ оставили свой слѣдъ въ именахъ волостей, см. стр. 59. Такимъ образомъ и эта пословица является новымъ свидѣтельствомъ о существовавшихъ нѣкогда крѣпкихъ связяхъ нашего сѣвера съ Балтійскимъ Славянствомъ.

Послѣ великаго труда, который привелъ наконецъ къ побѣдѣ надъ Святополкомъ, Ярославъ утеръ много пота съ своей дружиною. Но не малые труды предстояли еще впереди. Спустя годъ, Полоцкій князь Брячиславъ, внукъ Вла-

диміра и сынъ Изяслава, напалъ на Новгородъ, ограбилъ городъ, плѣнилъ множество жителей и съ богатою добычею пошелъ обратно къ Полоцку. Получивъ объ этомъ вѣсть, Ярославъ изгономъ, въ 7 дней изъ Кіева настигъ врага на рѣчкѣ Судомири (Судома, впадающая съ запада въ Шелонь), отбилъ весь полонъ и прогналъ Брячислава къ Полоцку.

Въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что послѣ того Ярославъ призывалъ къ себѣ Брячислава въ Кіевъ, далъ ему два города, Усвятъ и Витебскъ, сказавши; „Будь же со мною за одно“. Но Брячиславъ съ тѣхъ поръ воевалъ съ Ярославомъ всѣ дни живота своего. Изо всего видно, что Брячиславъ хотѣлъ прибавки къ своимъ волостямъ, хотѣлъ новаго раздѣла всей земли, когда Ярославъ сдѣлался великимъ княземъ.

Съ тѣмъ же помысломъ, года черезъ два, явился изъ своей Тмуторокани братъ Ярослава, Мстиславъ, по прозванію Удалый, который господствовалъ надъ Козарами и Касогами и до того времени мало обращалъ вниманія на русскія дѣла. Это былъ по природѣ богатырь, дебелый тѣломъ, чермный ~~волосами,~~ свѣтлый лицемъ, храбрый на рати, милостивый и долготерпѣливый ко всѣмъ, любившій свою дружину больше всего, не щадившій для нея ни имѣнья, ни питья, ни яденья. Въ 1016 г., помогая Грекамъ, онъ разрушилъ Козарское Царство, причемъ взятъ былъ въ плѣнъ и самъ Козарскій каганъ. Въ то время, какъ Ярославъ устроивался съ Брячиславомъ и ходилъ зачѣмъ-то къ Бресту, вѣроятно встрѣтить Ляховъ, Мстиславъ завоевывалъ Касоговъ. Это случилось такимъ образомъ: когда Мстиславъ сошелся съ касожскими полками, ихъ князь Редедя предложилъ ему поединокъ. „Для чего будетъ губить свою дружину, говорилъ Редедя, лучше сойдемся сами и поборемся. Если ты одолѣешь, то возьмешь все мое—имѣнье, жену, дѣтей и всю землю. Если я одолѣю, то возьму все твое.“—„Будетъ такъ!“ отвѣтилъ Мстиславъ. Редедя примолвилъ, что бороться будетъ не оружіемъ, но борьбою. Схватились крѣпко два богатыря; боролись долго; Редедя былъ великъ и силенъ; Мстиславъ началъ изнемогать. „Пресвятая Богородица, помоги мнѣ!“ воскликнулъ онъ въ молитвѣ и помыслилъ: „Если одолѣю, построю церковь во имя Твое!“ Только онъ

это сказалъ, въ ту же минуту ударилъ Редедю о землю и вынувъ ножъ заколол̆ъ его. По уговору онъ вошелъ въ Касожскую землю, забралъ все и наложилъ дань на Касоговъ. Съ этими-то касожскими полками и еще съ Козарами Мстиславъ явился у Кіева именно въ то время, какъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ. Кіевляне однако не устрашились Мстиславовыхъ полковъ и не приняли его. Мстиславъ поворотилъ къ Чернигову и безъ труда засѣлъ на Черниговскомъ столѣ княжить. А Ярославъ на сѣверѣ работалъ для народа. Въ Суздальской землѣ насталъ голодъ; волхвы увѣрили народъ, что такой гнѣвъ происходитъ отъ старой чади, отъ старыхъ людей, что они напускаютъ голодъ и держатъ плодородіе. И стали убивать старую чадь. Населеніе взволновалось и поднялся великій мятежъ по всей той странѣ. Ярославъ поспѣшилъ на помощь взволнованному народу—переловилъ волховъ, однихъ показнилъ, другихъ заточилъ и успокоилъ всѣхъ убѣжденіемъ, что Богъ по грѣхамъ наводитъ на землю голодъ, моръ, засуху и другія казни, что человѣкъ этого знать не можетъ. Между тѣмъ люди отправились за хлѣбомъ всѣ кто могъ по Волгѣ къ Болгарамъ и ожили, навезя оттуда жита и пшеницы.

Воротившись въ Новгородъ и помышляя о братѣ Мстиславѣ, Ярославъ опять послалъ за море собирать Варяговъ. Тогда съ Варягами пришелъ къ нему воевода Якунъ Слѣпой, носившій на глазахъ луду (lodix, повязку или покрывало), золотомъ истканную. Съ Якуномъ Ярославъ направился прямо къ Чернигову. Видимо, что онъ хотѣлъ выпроводить опаснаго сосѣда вонъ изъ Чернигова и изъ Руси. Мстиславъ, заслышавъ Ярослава, поспѣшилъ встрѣтить его, и полки сошлись у Листвена въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Чернигова. Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, поставилъ Сѣверянъ-Черниговцевъ въ чело противъ Варяговъ, которые у Ярослава стояли тоже въ челѣ, а самъ съ дружиною расположился по крыламъ. Онъ много надѣялся и на приближавшуюся грозу. Наступила ночь, нависла тьма непроглядная отъ пришедшей грозы; засверкала молнія, загремѣлъ громъ, полилъ дождь. Тутъ-то и сказалъ Мстиславъ своей дружинѣ: „Пойдемъ на нихъ, то намъ добыча“. Но онъ не засталъ и Ярослава врасплохъ. Нов-

городцы и Варяги вѣроятно замышляли такое же внезапное нападеніе и бросились на Мстиславовы полки. Ударились чело въ чело Варяги съ Сѣверянами; трудились Варяги много, побивая Сѣверянъ и довольно уже устали. Только тогда выступилъ и Мстиславъ съ своею дружиною и сталъ побивать Варяговъ. Была сѣча сильная и страшная; не унималась и великая гроза: какъ посвѣтитъ молнія, только и увидишь, что блестятъ мечи. Ярославъ понялъ, что бороться дальше нельзя и побѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ въ свой любезный Новгородъ. Якунъ въ торопяхъ потерялъ даже свою золотую повязку; онъ отправился прямо домой за море. Встало солнце и освѣтило кровавое поле. Оглядывая побитыхъ и видя только кучи своихъ Сѣверянъ да Ярославовыхъ Варяговъ, Мстиславъ не вытерпѣлъ и воскликнулъ: „Кто этому не радъ; вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ, а дружина своя цѣла!“ Такъ вѣроятно разсуждали и поступали всѣ князья, сохраняя свою любезную дружину и мало думая о народной дружинѣ, которая за нихъ же гибла безъ конца.

Послѣ того Мстиславъ послалъ воротить съ дороги Ярослава и говорилъ ему: „Садись въ своемъ Кіевѣ, ты старѣйшій братъ, а мнѣ будетъ эта Черниговская сторона.“ Но Ярославъ не посмѣлъ идти въ Кіевъ, опасался, быть можетъ, коварства и не воротился. Въ Кіевѣ оставались его бояре. Только спустя года два, онъ пришелъ на Кіевскій столъ, ведя съ собою многое войско. Въ это время братья помирились и раздѣлили свои княженья Днѣпромъ. Ярославъ взялъ Кіевскую сторону, а Мстиславъ Черниговскую, и стали жить мирно въ братолюбствѣ. Съ той поры перестала усобица, умолкъ мятежъ и была тишина великая въ Русской землѣ, замѣчаетъ лѣтопись. Это случилось въ 1026 году.

Востокъ подъ рукою Мстислава былъ покоенъ, такъ что и Печенѣги присмирѣли. Но на западѣ оставались неоконченные счеты съ Поляками. Русь не могла забыть польскаго вторженія въ самый Кіевъ, того позора и грабежа, какому подверглось семейство Ярослава и самый городъ. Нельзя было оставить за Поляками и старой Роксоланской Руси—Червенскихъ городовъ.

Но въ первое время Ярославу невозможно было и подумать о войнѣ съ Болеславомъ. Мы видѣли, сколько труда онъ положилъ на борьбу съ однимъ Мстиславомъ, усмиряя въ тоже время Полоцкаго Брячислава и народное волненіе отъ волхвовъ въ Суздальской сторонѣ. Твердый миръ и тишина на Руси настали въ то время, когда Болеслава уже не было въ живыхъ. Смерть Болеслава раскрыла только тщету его величія и безсиліе Польской Земли, отданной въ руки безчисленному множеству самовластцевъ, полнымъ представителемъ и типомъ которыхъ являлся самъ же Болеславъ. На чемъ собственно утверждалась его сила, могущество и слава, объ этомъ свидѣтельствуетъ коротко, но очень ясно нашъ лѣтописецъ. „Умеръ Болеславъ Великій, говоритъ онъ, и бысть мятежъ въ землѣ Ляшской. Возстали люди, избивая епископовъ, поповъ и бояръ своихъ.“ Ясное дѣло, что величіе Болеслава держалось на крайнемъ порабощеніи и угнетеніи народа, который, почувствовавъ свободу, тотчасъ расправился по-свойски съ своими угнетателями. Съ особою силою мятежъ распространялся въ Червонной Руси, которая видимо не была способна выносить Польскаго владычества и потому всегда такъ легко отдавалась во власть Кіевской Руси.

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ Польская исторія обнаружила то существо своей постройки, которое всегда служило основнымъ помѣшательствомъ и постояннымъ бѣдствіемъ въ дальнѣйшей судьбѣ Польской народности. Въ самомъ началѣ обнаружилось, что въ Польшѣ не было земли—народа, какъ главнаго и руководящаго дѣятеля въ развитіи страны и въ основаніи государства. Главнымъ дѣятелемъ въ ней являлась одна дружина, получившая еще больше силъ отъ водворенія вѣры Латинской, которая сама основывала свои силы на самовластіи Папы, то есть одного лица, на его личномъ владычествѣ надъ всѣмъ Христіанскимъ міромъ. Подъ облаченіемъ священника, епископа или монаха Латинская церковь выставляла тѣхъ же честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ дружинниковъ, искавшихъ кормленья и народнаго порабощенья. На языкѣ или въ понятіяхъ этой церкви обращать язычниковъ въ христіанство значило обращать ихъ не только въ духовное, но и въ крѣпостное рабство, значило овладѣвать на крѣпост-

номъ правѣ языческою землею; вообще, по латинской вѣрѣ, крестить значило крѣпостить, отчего епископы и попы тотчасъ становились простыми феодалами-завоевателями и въ самомъ управленіи страною являлись не только губернаторами, но даже и владѣтельными князьями. Церковное владычество органически слилось съ владычествомъ земскимъ и потому бояре съ великою охотою принимали на себя санъ епископа. Такимъ образомъ дружинные инстинкты и стремленія получали церковное посвященіе. Вообще вліяніе Латинской церкви и нѣмецкаго феодализма совсѣмъ отдѣлило въ этой Славянской землѣ дружинный боярскій слой народа отъ остальнаго земства, такъ что руководителями народной жизни и всей польской исторіи сдѣлались лишь одни епископы, попы и бояре, а это значило, что въ сущности землею владѣло одно боярство, одинъ дружинный слой, могущественный своимъ богатствомъ, оружіемъ и церковнымъ освященіемъ. Живымъ и величавымъ типомъ такого порядка вещей былъ самъ Болеславъ Великій, не бывшій епископомъ, но въ извѣстномъ смыслѣ бывшій папою не только въ своей землѣ, но и въ сосѣднихъ Славянскихъ земляхъ, ибо, какъ мы говорили, по договору съ германскимъ императоромъ Оттономъ III, онъ получилъ широкое полномочіе устроивать церковныя дѣла и въ Польшѣ и у варварскихъ Славянъ, покоренныхъ и имѣющихъ быть покоренными. Ясно, что постройка его государства изъ славянской превратилась въ латино-германскую съ развитіемъ личныхъ правъ въ пользу однихъ дружинниковъ, чего славянскій міръ не понималъ и отрицалъ повсюду, гдѣ не успѣвали его сокрушить окончательнымъ и всестороннимъ порабощеніемъ. Не вынесъ Славянскій народъ своего порабощенія и въ Польшѣ по смерти Болеслава, и жестоко возсталъ противъ водворенныхъ имъ латино-германскихъ порядковъ.

Ярославъ не проминовалъ благопріятнаго случая и поспѣшилъ отмстить Полякамъ за Болеславовъ кіевскій грабежъ. За одно съ братомъ Мстиславомъ онъ собралъ множество войска и прежде всего отнялъ Червонную Русь, а потомъ повоевалъ и Польскую землю, забравъ въ плѣнъ множество Ляховъ, которыхъ потомъ подѣлили они съ братомъ, и Ярославъ поселилъ своихъ на степной Кіевской

границѣ отъ Печенѣговъ, по р. Роси, построивъ тамъ новые города.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого достопамятнаго похода Мстиславъ Черниговскій, выйдя на охоту, разболѣлся и умеръ въ 1036 г. Въ живыхъ оставался еще братъ, Судиславъ, княжившій во Псковѣ. Вѣрно по смерти Мстислава, если не между самими братьями-князьями, то между дружинниками стали ходить толки о новомъ раздѣлѣ Русской земли, вслѣдствіе которыхъ, подозрѣвая Судислава, Ярославъ засадилъ его въ порубъ, въ темницу, во Псковѣ же. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Судиславъ былъ оклеветанъ и конечно не иначе какъ въ намѣреніи бороться съ старшимъ братомъ за волости. Такимъ образомъ власть надъ всею Русскою землею осталась въ однихъ рукахъ Ярослава, потому лѣтописецъ и называетъ его самовластцемъ, что на тогдашнемъ языкѣ означало вообще самостоятельность и независимость во владѣніи землею, самовластный значило свободный. Богъ далъ человѣку самовластіе, говорятъ древнія поученія, то-есть свободу выбирать на своемъ пути доброе или злое.

Съ цѣлью устроить дѣла на сѣверѣ, Ярославъ ходилъ въ Новгородъ и посадилъ тамъ княжить старшаго своего сына Владиміра, которому въ это время было всего 16 лѣтъ. Въ отсутствіе Кіевскаго князя и не видя уже болѣе грозы отъ богатыря Мстислава, поднялись Печенѣги и обступили самый Кіевъ. Пришла вѣсть въ Новгородъ; опять Ярославъ собираетъ Варяговъ и Славянъ и спѣшитъ на помощь своему стольному городу.

Печенѣговъ было безъ числа. Ярославъ исполчилъ дружину передъ самымъ городомъ, поставивъ Варяговъ посрединѣ, на правомъ крылѣ Кіевлянъ, а на лѣвомъ Новгородцевъ. Надвинулись Печенѣги и полки встрѣтились лицомъ къ лицу на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ св. Софіи. Была сѣча злая, едва къ вечеру одолѣлъ Ярославъ. Онъ такъ разгромилъ степняковъ, что они не знали куда бѣжать и топли въ рѣкахъ. „А остатокъ ихъ бѣгаетъ и до сего дня", замѣчаетъ лѣтописецъ, указывая этимъ выраженіемъ, что съ той битвы Печенѣги совсѣмъ скрылись съ исторической сцены. Дѣйствительно съ той поры, хотя имя ихъ и поминается, но ни разу уже не поминается объ ихъ набѣгахъ.

Однако, въ ожиданіи такихъ гостей и впередъ, Ярославъ на другой же годъ заложилъ около Кіева великій городъ, обширныя и высокія стѣны и въ нихъ золотыя ворота съ церковью Благовѣщенья Богородицы. На мѣстѣ битвы съ Печенѣгами онъ соорудилъ соборъ св. Софіи, Русскую Митрополью.

Управившись съ ближайшими врагами, Ярославъ не одинъ разъ ходилъ подкрѣплять свои границы въ сѣверозападномъ углу Русскихъ владѣній. На сѣверѣ онъ усмирилъ возставшую Чудь и для крѣпости построилъ тамъ въ 1030 г. городъ Юрьевъ, теперешній Дерптъ. На западѣ онъ напомнилъ (1038 г.), Ятвягамъ (Подлясье) походъ своего отца, но покорить ихъ не могъ; ходилъ особо на Литву (1040 г.), а потомъ (1041 г.) въ ладьяхъ ходилъ на Мазовію (округъ Варшавы) и опустошилъ эти земли, какъ обыкновенно дѣлали ратные. Все это были сосѣди Русскихъ земель и вѣроятно творили какія-либо обиды Руси, за которыя она имъ мстила сторицею.

Вскорѣ Ярославъ подружился съ новымъ княземъ Польскимъ, Казиміромъ 1, выдалъ даже за него свою сестру, Марію, прозванную Поляками Доброгнѣвою, взявши у Казиміра за вѣно 800 Русскихъ плѣнныхъ, уведенныхъ нѣкогда Болеславомъ Храбрымъ. Въ тоже время, когда Казиміра одолѣвалъ Моиславъ Мазовецкій, Ярославъ помогъ шурину, два раза въ ладьяхъ ходилъ на Моислава и потомъ въ 1047 г. ходилъ еще въ третій разъ, убилъ самого Моислава и покорилъ Мазовшанъ Казиміру. Хотя польскіе историки и не упоминаютъ объ этомъ подвигѣ Ярослава, однако всѣ они знаютъ, что истребленіе Моислава окончательно успокоило Польшу и дало возможность Казиміру возстановить разшатавшійся порядокъ въ своей землѣ. Стало быть Ярославъ оказалъ самую существенную услугу доброму сосѣду, такъ какъ помогавшіе Моиславу Ятвяги, Литва, Мазовшане оказывались общими врагами и для Руси и для Польши.

Изъ-за какихъ поводовъ и причинъ обыкновенно поднималась Русь походами и войнами на сосѣдей, лучше всего объясняетъ случившійся при Ярославѣ послѣдній для Руси походъ на Царьградъ въ 1043 году. До того времени, а особенно со времени Владимірова крещенія, Русь жила съ Греками очень мирно. Старые прадѣдовскіе договоры сохраня-

лись свято. Русь свободно производила свои торги съ Царьградомъ и живала тамъ постоянно. Однажды случилось тоже самое что и при Аскольдѣ. Русскіе купцы въ Царьградѣ повздорили за что-то на торжищѣ съ греческими купцами; дѣло дошло до драки и одинъ знатной породы Руссъ былъ убитъ. Русскій великій князь, по сказанію Византійцевъ, горячій и неукротимый, пришелъ за эту обиду въ неописанную ярость. На то онъ былъ Ярославъ. Онъ собралъ будто бы безчисленную рать, созвалъ всѣхъ, кто только способенъ былъ воевать, и присоединилъ еще немалое число народовъ, обитавшихъ на сѣверныхъ островахъ Океана, всего до 100000 ч.; посадилъ это войско на малыя суда, однодеревки, и пустился къ Царьграду. По нашимъ лѣтописямъ, Ярославъ дѣйствительно собралъ много рати и послалъ на Грековъ своего сына Новгородскаго Владиміра, въ ладьяхъ, обычнымъ путемъ черезъ Пороги къ Дунаю и т. д. Главное воеводство было поручено Вышатѣ, хотя тутъ же находился и Ярославовъ воевода Иванъ Творимиричъ. Тогдашній греческій царь Константинъ Мономахъ, узнавши о Русскомъ походѣ, послалъ тотчасъ пословъ съ предложеніемъ мира, представляя, что изъ-за такой весьма маловажной обиды, которую готовъ удовлетворить, не слѣдуетъ нарушать добрый и старый миръ и вводить во вражду два знатные народа.

Но Русскій князь, говорятъ Византійцы, прочитавши царское посланіе, прогналъ пословъ съ безчестьемъ и послалъ царю отвѣтъ гордый и прѣзрительный. Греки почитали убійство Русскаго весьма маловажной причиной для войны и хотѣли вѣроятно окупить его какими либо дарами и деньгами, сколько слѣдовало за голову. Но Русь дешево не отдавала свою кровь и никакихъ обидъ не прощала, особенно льстивымъ Грекамъ. Русская голова, погибшая въ Царьградѣ, всегда волновала всю Русскую землю, и вся Земля, не разбирая опасностей, собиралась какъ одинъ человѣкъ мстить за свою кровь. Все русское общество стояло тогда на этихъ понятіяхъ и живо чувствовало такую обиду.

Получивши надменный отвѣтъ, царь сталъ готовиться къ защитѣ. Прежде всего онъ захватилъ всѣхъ Русскихъ купцовъ, жившихъ тогда въ Царьградѣ, и русскихъ военныхъ, служившихъ царямъ въ качествѣ союзниковъ, и разослалъ

[illegible] это начинъ. Союзниками бываютъ [illegible]
[illegible] Всякій единомышленный „Союзникъ [illegible]
[illegible]

ихъ по далекимъ областямъ, опасаясь отъ нихъ возмущенія. Затѣмъ царь вооружилъ свой флотъ и сухопутное войско, которое должно было слѣдовать берегомъ къ знакомому уже намъ маяку Искресту или Фару, у котораго Русь обыкновенно останавливалась.

Когда наши пришли къ Дунаю, то мнѣнія раздѣлились. Русь говорила князю: „Станемъ здѣсь на полѣ",—думая вѣроятно идти и биться сухимъ путемъ или чтобы выждать погоду, которую по примѣтамъ она узнавала хорошо. Но Варяги настаивали: „Пойдемъ прямо подъ городъ." Владиміръ послушалъ Варяговъ, и пошли всѣ по морю къ Царьграду. Греки говорятъ напротивъ, что Русь было высадилась для собиранія съѣстныхъ припасовъ, но была прогнана къ своимъ ладьямъ Дунайскимъ воеводою.

У Маяка Русскіе и Греческіе корабли встрѣтились и стали другъ противъ друга, не начиная битвы. Русскимъ было хорошо стоять въ гавани, въ затишьѣ; они выжидали удобной минуты, а Греки выжидали ихъ движенія. Однако царь снова послалъ просить мира. Опять Владиміръ съ посрамленіемъ отослалъ пословъ, сказавши, что не иначе положитъ оружіе, какъ тогда, когда царь уплатитъ по 3 литры золота на каждаго Русскаго воина, т. е. по 216 золотыхъ. Другіе пишутъ, что Русь требовала по 1000 статировъ (золотыхъ) на каждую ладью. Изъ этого разсчета видно, что въ каждой ладьѣ было 40 человѣкъ. Царь нашелъ это требованіе неисполнимымъ и дерзкимъ и сталъ готовиться къ битвѣ. Но Русь стояла неподвижно, все выжидая и не выходя изъ гавани. Греки начали задирать мелкими нападеніями и успѣли сжечь и потопить до десяти лодокъ.

Но лучше всего послушаемъ, что разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ очевидецъ, грекъ Пселлъ. Его разсказъ обрисовываетъ и способы русской войны на морѣ. „Царь ночью съ кораблями приблизился къ русской стоянкѣ и потомъ на утро выстроилъ корабли въ боевой порядокъ. Варвары, съ своей стороны, снявшись, какъ будто изъ лагеря и окопа, отъ противоположныхъ намъ пристаней и выйдя на довольно значительное пространство въ отрытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по одному въ рядъ и этою цѣпью перехвативъ все море отъ однихъ до другихъ пристаней, построились такъ, чтобъ или самимъ напасть на насъ, или

принять наше нападеніе. Не было человѣка, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы душою; я самъ стоялъ тогда, говоритъ Пселлъ, подлѣ императора,—а онъ сидѣлъ на одномъ холмѣ, слегка покатомъ къ морю, и былъ зрителемъ совершающагося, не будучи самъ видимъ. Итакъ, расположеніе кораблей съ той и другой стороны имѣло вышеуказанный видъ. Однако никто не двигался впередъ съ цѣлью битвы, но съ той и другой стороны оба (морскіе) лагеря сплотившись стояли неподвижно. Когда прошло уже много дня, тогда императоръ, подавъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей (которые назывались тріирами), приказалъ по немногу двигаться впередъ противъ варварскихъ ладей. Когда тріиры ровно и стройно вышли впередъ, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ, а метатели огня построились въ порядкѣ удобномъ для бросанія его. Тогда большая часть изъ непріятельскихъ лодокъ, высланныхъ навстрѣчу, быстро гребя, устремилась на наши корабли, а потомъ раздѣлившись, окруживъ и какъ бы опоясавъ каждую изъ отдѣльныхъ тріиръ, старались пробить ихъ снизу балками, а Греки бросали сверху каменьями и веслами. Когда же противъ Русскихъ начали метать огонь и въ глазахъ ихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая проплыть къ своимъ, а другіе совсѣмъ не знали, что дѣлать, и въ отчаяніи погибали. Затѣмъ, поданъ былъ второй сигналъ и уже большее число тріиръ двинулось впередъ; за ними пошли другіе корабли, слѣдуя сзади, или плывя рядомъ; наша (греческая) сторона уже ободрилась, а противная неподвижно стояла, пораженная страхомъ. Когда, разрѣзая воду, тріиры очутились подлѣ самыхъ непріятельскихъ лодокъ, то связь послѣднихъ была разорвана, и строй рушился, однако однѣ изъ нихъ осмѣлились остаться на мѣстѣ, а большая часть повернули назадъ. Между тѣмъ солнце уже высоко поднявшись надъ горизонтомъ, стянуло къ себѣ густое облако снизу и измѣнило погоду; сильный вѣтеръ поднялся съ востока на западъ, возмутилъ море вихремъ, который и устремилъ волны на варвара и потопилъ часть его лодокъ тутъ же, а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; иныя изъ нихъ были настигнуты тріирами, которыя и предали ихъ пучинѣ со всѣмъ экипажемъ, дру-

гія, будучи разсѣчены пополамъ были вытянуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе варваровъ, и море было окрашено по истинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ бы идущимъ сверху изъ рѣкъ". Греки собрали на берегу будто бы до 15000 выкинутыхъ бурею русскихъ труповъ и получили отъ того немалую добычу, обирая съ покойниковъ одежду и вещи [198].

Владиміровъ корабль тоже разбило бурею и самъ онъ едва спасся. Воевода Иванъ Творимиричъ едва успѣлъ посадить его на свой корабль. Оставшаяся Русь пошла домой, одна берегомъ, потому что лодокъ уже не было, другая въ оставшихся лодкахъ моремъ. На берегъ послѣ бури живыхъ людей попало 6000 и остались они одни, нагіе и безъ воеводы. Изъ княжеской дружины никто съ ними не хотѣлъ идти.

Тогда достославный воевода Вышата, видѣвши стоящую и брошенную дружину, воскликнулъ въ жалости: „Не пойду къ Ярославу,—я пойду съ ними"! и высадился изъ своего корабля на берегъ. „Если живъ буду, то съ ними, если погибну, то съ дружиною"! сказалъ онъ, прощаясь съ княземъ, и отправился воеводою съ нагими и голодными. Между тѣмъ Греки выслали погоню за русскими ладьями. Узнавши это, Владиміръ воротился, разбилъ со славою греческіе корабли, взялъ 4 изъ нихъ въ плѣнъ со всѣми людьми и убилъ самого воеводу. Съ такою честью онъ воротился въ Кіевъ. Но пѣшеходамъ была другая доля. Они безопасно добрели до Варны, но здѣсь встрѣтили греческаго воеводу, охранявшаго Дунайскую землю; выступили въ бой, были разбиты и 800 чел. ихъ было взято въ плѣнъ и отведено вмѣстѣ съ Вышатою въ Царьградъ. Тамъ многихъ изъ нихъ, вѣроятно лучшихъ бойцовъ, ослѣпили, опасаясь, конечно, что зрячіе, что-либо могутъ затѣять для своего освобожденія. Черезъ три года возстановленъ былъ миръ и Вышата съ слѣпою дружиною былъ отпущенъ въ Русь къ Ярославу. Вотъ отъ какихъ причинъ на Руси бывало много слѣпцовъ, убогихъ и нищихъ. Этотъ славный герой Вышата былъ отецъ неменѣе знаменитаго Яна, который сказывалъ лѣтописцу о временныхъ лѣтахъ и стало-быть много участвовалъ въ составленіи первой лѣтописи. Но какъ коротко и правдиво, и безъ малѣйшаго хвастовства разсказалъ онъ о подвигѣ своего отца!

Этотъ неудачный походъ, какъ и походъ Игоревъ и Святославовъ, нисколько впрочемъ не уменьшилъ того вѣса и значенія Руси, какими она держалась въ своихъ отношеніяхъ къ Царюграду. По прежнему Русь въ Царьградѣ считалась большою силою и потому Греки всегда охотно шли съ нею на миръ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ миръ былъ возобновленъ безъ дальней ссоры и войны. Это показываетъ, что оба сосѣда очень нуждались другъ въ другѣ, и что отношенія ихъ связаны были не одними только походами или со стороны Грековъ опасеніями въ виду такихъ походовъ. Напротивъ, видимо, что Русскія связи съ Греціею держались главнымъ образомъ именно на мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ, что миръ и торговля были основою этихъ сношеній и прерывались только тогда, когда случалась какаялибо обида, которую простить было невозможно. Если обида и не совсѣмъ удовлетворялась, то сила мирныхъ торговыхъ связей пересиливала обоюдныя неудовольствія и дѣло какъбы само собою возвращалось къ прежнему порядку. Опять Русь напрягала свои паруса и населяла свою цареградскую колонію, продавая и покупая всякіе товары на этомъ всесвѣтномъ рынкѣ. Если Русь не могла существовать безъ паволокъ и золота, которыми крѣпко держалась ея сѣверная торговля, то и Грекъ не могъ существовать безъ русскаго товара:—воскъ, медъ, мѣха, рабы, а также и хлѣбъ, все это были предметы очень надобные въ Царьградѣ и по всему Черноморью съ незапамятныхъ временъ.

Ярославово объединеніе Руси еще больше должно было распространить торговыя выгоды не только по отношенію къ Греціи, но и по другимъ сосѣднимъ странамъ, для которыхъ торговымъ центромъ былъ все-таки Кіевъ—этотъ маленькій сѣверный Царьградъ.

Въ послѣдствіи дружба Ярослава съ Греками укрѣпилась даже и брачными связями. Любимый сынъ Ярослава, Всеволодъ, женился на дочери царя Константина Мономаха, или вообще на какой-то Мономаховнѣ, о которой ничего не говорятъ византійскіе лѣтописцы, но русскіе величаютъ ее царевною и царицею. Отъ этого брака родился за годъ до смерти Ярослава нашъ знаменитый Владиміръ Мономахъ, прозванный такъ по имени греческаго дѣда.

Если Святославъ прославился по землямъ своею отвагою и храбростью, то, наслѣдуя эту славу, сынъ его Владиміръ еще больше прославился однимъ уже крещеніемъ народа въ Христіанство, а внукъ Ярославъ еще больше укрѣпилъ эту славу мужественнымъ и разумнымъ стремленіемъ дать Руси сильное и самостоятельное положеніе не только у себя дома, но и посреди сосѣдей.

Въ этомъ отношеніи вѣрными свидѣтелями такого значенія Ярославовой Руси являются брачныя связи его семьи, о которыхъ наши лѣтописцы мало или вовсе не говорятъ и о которыхъ сказываютъ только западныя лѣтописи.

Самъ Ярославъ былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери Шведскаго короля Олафа; сестру выдалъ за Казиміра, короля Польскаго, который взаимно выдалъ свою сестру за Ярославова втораго сына, Изяслава. Дочь Ярослава, Елисавета была за Норвежскимъ княземъ Гаральдомъ, впослѣдствіи Норвежскимъ королемъ, который прославлялъ ее даже въ своихъ пѣсняхъ. Другая дочь, Анна, была выдана за Французскаго короля Генриха 1, и была матерью короля Филиппа. Третья дочь, Анастасія, была за Венгерскимъ королемъ Андреемъ 1. Нѣмецкіе лѣтописцы разсказываютъ, что двое изъ сыновей Ярослава, по Карамзину, Вячеславъ и Игорь, были женаты на нѣмецкихъ графиняхъ, что одна изъ нихъ по смерти мужа возвратилась въ свое отечество съ сыномъ и деньгами, зарывши кромѣ того въ удобномъ мѣстѣ, по невозможности забрать съ собою, великія сокровища, которыя потомъ по ея указанію открылъ ея сынъ, призванный въ Русь княжить. Этотъ сынъ отъ матери Оды, внучки Германскаго императора Генриха III и папы Леона, называется Вартеславомъ. Къ сожалѣнію, по всѣмъ вѣроятіямъ, этого Вартеслава необходимо отдать Ругенской Руси [199].

Какъ бы ни было, но браки Ярославовой семьи доказываютъ одно, что Русь въ это время почиталась государствомъ сильнымъ, могущественнымъ и богатымъ, съ которымъ браться было очень выгодно, на которое вполнѣ можно было надѣяться; что слава объ ней разносилась далеко, быть можетъ, особенно тѣми же Варягами, которые безпрестанно приходили работать въ ея войнахъ и, набравши за службу богатство, уходили домой. Словомъ сказать, Европа знала въ то время о нашей землѣ несравненно больше, чѣмъ въ

послѣдствіи, когда она совсѣмъ ее забыла и вновь открыла уже при помощи Москвы.

Много трудовъ положилъ и много пота утеръ Руській князь Ярославъ, созидая и возвеличивая политическую крѣпость и самобытность Русской земли; но не меньше положилъ онъ труда и на устройство тѣхъ малыхъ и незамѣтныхъ для шумной исторіи дѣлъ, о которыхъ лѣтопись обыкновенно говоритъ только нѣсколько словъ или нѣсколько строкъ, но которыя всегда составляютъ наилучшую основу внутренняго развитія страны.

Эти малыя дѣла Ярослава заключались въ распространеніи книжнаго ученія, въ собраніи и распространеніи множества книгъ, и можемъ сказать—въ распространеніи множества школъ, ибо Ярославъ, по словамъ лѣтописца, поставилъ множество церквей по городамъ и по мѣстамъ, а Божій храмъ въ то время былъ первою и настоящею школою для большихъ и малыхъ, для старыхъ и молодыхъ, для всего народа.

При немъ, говоритъ лѣтописецъ, вѣра христіанская стала плодитися и расширятися на Руси, стали множиться черноризцы и почали быть монастыри. Онъ любилъ грамотность и церковные уставы, а потому любилъ и грамотныхъ людей—поповъ, и особенно черноризцевъ. Поставляя поповъ по церквамъ, онъ обезпечивалъ ихъ содержаніемъ, давая имъ отъ своего имѣнія урокъ, то-есть уреченное, опредѣленное кормленье, и веля имъ учити людей и приходить часто къ церквамъ; и умножились отъ того священники и люди—христіане.

Такимъ образомъ на первое время посреди первыхъ христіанъ и содержаніе духовенства было отнесено на счетъ княжеской казны, иначе можно сказать, на счетъ государства, что̀ имѣло не маловажное значеніе для отношеній новой паствы къ своимъ пастырямъ, которые поэтому являлись въ дѣйствительности только учителями, но не помѣщиками, не мытарями или сборщиками церковныхъ оброковъ и податей.

Умножились церкви, умножились священники, слѣдовательно умножилась грамотность и необходимо должны были

умножиться книги. Эта книжная статья представляла въ то время не мало затрудненій. Книги умножались только письмомъ, что происходило очень медленно и требовало очень многихъ усердныхъ и грамотныхъ рукъ.

Главнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ явился самъ князь Ярославъ. Не умѣя ничего дѣлать въ половину, не умѣя оставлять дѣло въ чужихъ рукахъ и отдавать его случайностямъ собственнаго теченія, онъ самъ пристрастился къ книгамъ, самъ читалъ книги часто, и ночью, и днемъ, неутомимо отыскивалъ ихъ, гдѣ можно было достать, и вѣроятно собралъ все, что нашелъ письменнаго по славянски у сосѣдей Болгаръ. Но недовольствуясь собраннымъ, онъ посадилъ у себя въ клѣтяхъ многихъ переводчиковъ съ греческаго, переводившихъ греческія книги на славянскую рѣчь. Въ тѣхъ же клѣтяхъ сидѣли многіе писцы и списывали книги несомнѣнно во многихъ экземплярахъ для раздачи по церквамъ. Много книгъ было написано и для новопостроеннаго храма св. Софіи, гдѣ была утверждена митрополія и гдѣ слѣдовательно требовалось собрать книгохранилище полное во всѣхъ отношеніяхъ, ибо это было высшее мѣсто для управленія церковью, а слѣдовательно для пріуготовленія и назиданія самихъ пастырей и учителей новой паствы.

Естественно предполагать, что прежде, чѣмъ посадить писцовъ за списываніе книгъ, необходимо было выучить этихъ писцовъ чтенію и письму. Очевидно, что Владиміро училище изготовило уже достаточно книжныхъ людей этого рода. Но Ярославъ, умножая книги, несомнѣнно умножалъ и училища и есть извѣстіе, что именно въ Новгородѣ онъ завелъ училище на 300 человѣкъ еще въ 1030 году. Необходимо также предполагать, что любовь къ книгамъ и заботы князя о ихъ распространеніи поддерживались и раздѣлялись близкими къ нему людьми, въ числѣ которыхъ едва ли не первымъ дѣятелемъ былъ пресвитеръ любимаго княжескаго села Берестова, Иларіонъ Русинъ, то-есть изъ русскихъ, избранный потомъ въ 1051 г. соборомъ Русскихъ епископовъ въ митрополиты, независимо отъ цареградскаго патріарха. Если немногія извѣстныя намъ его сочиненія, и именно Слово похвалы св. Владиміру, составляютъ, какъ замѣчаетъ митрополитъ Макарій, "перлъ всей нашей духовной литера-

туры перваго періода“ [200], то можемъ судить насколько былъ силенъ подъемъ русскаго образованія еще въ первое время Ярославова княженія. Уже тогда талантливому человѣку возможно было просвѣтить свой умъ въ такой степени, что больше и требовать нельзя отъ духовнаго пастыря, даже и въ наше время. Можно съ большою вѣроятностію полагать, что русинъ Иларіонъ не только участвовалъ въ выборѣ книгъ для перевода, и въ ихъ собраніи у Болгаръ, но и самъ составлялъ книги, потребныя новопросвѣщенному народу для перваго чтенія. Таковы, напримѣръ, могли быть небольшіе сборники поученій. Намъ кажется, что возведеніе его въ санъ митрополита не могло иначе совершиться, какъ во вниманіе къ его познаніямъ и трудамъ по распространенію книгъ и книжнаго ученія. Само собою разумѣется, что никакой ученѣйшій святитель—грекъ не могъ въ этомъ случаѣ быть столько полезнымъ для цѣлей Ярослава, какъ свой человѣкъ—русинъ.

Надо полагать, что горячими заботами Ярослава русская церковь обогатилась въ то время всѣми необходимыми писаніями для познанія вѣры и съ догматической, и съ исторической стороны и особенно со стороны толковой и учительной.

Мы очень мало имѣемъ рукописей, сохранившихся отъ временъ Ярослава, но это вовсе не служитъ доказательствомъ, что въ спискахъ позднѣйшихъ вѣковъ нѣтъ тѣхъ книгъ, которыя были имъ отысканы, списаны или вновь переведены. Изученіе нашей церковно-книжной литературы только что начинается и проводится очень медленно главнымъ образомъ по той причинѣ, что до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго описанія нашихъ даже знаменитыхъ книгохранилищъ, не говоря уже о частныхъ собраніяхъ. Мы не имѣемъ даже простой краткой переписи или простаго перечисленія собранныхъ по хранилищамъ рукописей. При такомъ неустройствѣ нашего письменнаго богатства очень трудно сказать о немъ что либо основательное и вѣрное. Но безошибочно вообще можно полагать, что не только въ рукописяхъ 16, но и въ рукописяхъ 17 стол. найдутся памятники самой отдаленной древности. Отъ постояннаго и непрерывнаго употребленія въ теченіи столѣтій, они конечно утратили свой первобытный обликъ, ибо весьма под-

новлены и въ письмѣ и въ языкѣ, но за то они неприкосновенно сохранили свое содержаніе, свой складъ мысли и свой складъ разсказа, которые трудолюбивому и знающему изыскателю раскроютъ ихъ древнѣйшее происхожденіе, въ иныхъ случаяхъ даже и раньше временъ Ярослава. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ удовлетворяться такими положеніями, что если нѣтъ напр. Прологовъ въ спискахъ 11 вѣка, а есть они въ спискахъ 13-го, то значитъ Прологи появились не раньше этого времени. Книги вмѣстѣ съ городами и церквами горѣли безпрестанно, особенно въ нашествіе иноплеменныхъ. Годъ отъ году старыя книги изчезали, оставляя однако послѣ себя свое потомство—новые списки; иныя конечно изчезали безслѣдно, особенно тѣ, которыя мало обращались въ церковномъ и домашнемъ кругу и отъ которыхъ потомство по этой причинѣ не могло укорениться. Если въ наше время и печатныя книги становятся рѣдкостью отъ постояннаго, непрерывнаго ихъ расхода и употребленія, то о рукописяхъ нечего и говорить. Напротивъ, надо еще удивляться тому по истинѣ великому богатству, какое все-таки еще содержится у насъ въ рукахъ. Мы быть можетъ мало скажемъ, если все число древнихъ и старыхъ рукописей, обращающихся въ народѣ и собранныхъ въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ, сосчитаемъ въ 20 или 30 тысячъ.

Къ числу первыхъ книгъ, которыя наравнѣ съ богослужебными заняли свое мѣсто въ первыхъ храмахъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, должно отнести рядъ поученій на воскресные и другіе дни Великаго Поста съ двумя недѣлями пріуготовительными къ посту, начиная съ седмицы о мытарѣ и фарисеѣ, и съ заключительною недѣлею св. Пасхи.

Знатоки древней церковной письменности, впервые указавшіе на особенную древность этихъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей письменности, присвоиваютъ имъ русское или вообще славянское происхожденіе и относятъ ихъ ко временамъ, близкимъ къ началу христіанства у славянскихъ племенъ [201]. Они же замѣтили, что нѣкоторыя изъ этихъ поученій „имѣютъ очевидную связь между собою“, то есть составляютъ одно цѣлое, связанное одною мыслью или единствомъ предмета, о которомъ говоритъ проповѣдникъ. Этотъ предметъ есть

христіанскій постъ, время великаго покаянія. Проповѣдникъ раскрываетъ во всѣхъ подробностяхъ великое значеніе этого времени и, возвращаясь иногда къ сказанному прежде, выражается такимъ образомъ, напр., въ поученіи на 2-е воскресенье поста: „Придите — да мало и еще нѣчто изреку вамъ о семъ святомъ постѣ"; — или на 4-е воскресенье: „Придите нынѣ, церковная чада, да обычное поученіе сотворю о алчбѣ, — такъ онъ называетъ святой постъ,—и о молитвѣ, и о милостынѣ къ вашему собранью". Въ этихъ самыхъ словахъ обозначается и существенный предметъ всѣхъ его поученій. Кромѣ того проповѣдникъ съ радостію отмѣчаетъ каждую недѣлю, что, слава Богу, она прошла въ надлежащемъ подвигѣ; что такимъ же путемъ необходимо идти и дальше; что начавъ дѣло, необходимо его окончить, „иже наченъ и скончавъ, то искусенъ есть и вѣренъ подвижникъ"; что вспять оборачиваться къ грѣховной жизни неподобаетъ, ибо „возложивъ руки на рало и зря воспять, ни кто не управитъ своей пашни".—„Отъ самыхъ вещей видится постная польза, говоритъ онъ, ибо ни свары, ни досады въ постѣ нѣтъ; обычай злой постомъ прекратился; наступило молчаніе и тишина и кто искусился первую сію недѣлю, то уже лучше разумѣетъ свое приближеніе къ Богу и прочія недѣли бодрѣе будетъ."—„Се бо первая недѣля поста минула есть, да на прочая бодрѣйше будемъ, яко достоитъ поспѣвати на благое. Да не погубимъ труда, его же въ первую недѣлю совокупихомъ.... Се бо двѣ недѣли поста преминули есть".... упоминаетъ проповѣдникъ во 2-е воскресенье поста. „Унывіе отвержемъ, братья, преплывше сіи святые дни честнаго поста, и на прочая радостно спѣемъ",—восклицаетъ онъ въ среду 4-ой или средокрестной недѣли и говоритъ далѣе: „Того бо ради усмотривше святіи отцы препловленіе святаго честнаго поста, крестъ Господень предложиша на поклоненіе, ему же припадемъ и поклонимся вси"..... Преплывше, преполовльше, преплովленіе, значитъ раздѣленіе поста на половины, пополамъ. „Се уже, любиміи, большая часть поста преминула есть", говоритъ проповѣдникъ въ 4-е воскресенье, а въ 5-е воскресенье замѣчаетъ: „Любиміи! по малѣ постъ сій конца уже хощетъ.... Какъ пучину моря постное время преидохомъ",

восклицаетъ онъ въ поученіи на Цвѣтную недѣлю или въ 6-е воскресенье поста.

Сравненіе поста съ пучиною моря проповѣдникъ употребилъ еще въ началѣ своихъ поученій, сказавши въ среду первой недѣли: „въ чистотѣ препроводимъ пучину постную, да свѣтлѣ доидемъ Воскресенія“..... Эта пучина моря также можетъ служить указаніемъ, что проповѣдь имѣла въ виду людей, для которыхъ трудъ плаванія по морю составлялъ наиболѣе замѣтный и очень знакомый подвигъ жизни и потому служилъ лучшимъ объясненіемъ трудовъ великаго покаянія, именно для людей еще не обуздавшихъ въ себѣ языческое невоздержаніе и не совсѣмъ понимавшихъ, для чего оно нужно. Если мы припомнимъ разсказъ Константина Багрянороднаго о русскомъ плаваніи въ Царьградъ, стр. 366, то можемъ допустить, что поученія, поставлявшія въ примѣръ пучину моря, были говорены именно кіевской Руси.

На 2-е воскресенье поста проповѣдникъ прямо и обращается съ своими словами къ людямъ новопросвѣщеннымъ, объясняя имъ, что постъ есть десятина всего года, почему и необходимо эту десятину душевную, чистую, отдать Богу, какъ дѣлали первые святые, отдавая не токмо отъ имѣнія десятину, но исполняя и десятину душевную.

Подобными сравненіями проповѣдь пользуется при всякомъ случаѣ, всегда желая говорить съ паствою понятнымъ ей языкомъ, всегда объясняя свою мысль или проводимую учительную истину, такъ сказать, веществомъ самой жизни. Проповѣдникъ очень понимаетъ, что ведетъ свою рѣчь къ людямъ слабымъ относительно воздержанія, къ людямъ еще не готовымъ и потому нерѣдко повторяетъ имъ, что не понуждаетъ поститься черезъ силу, но какъ кто сможетъ, лишь бы оставилъ житейскія злобы. Съ этою же цѣлью онъ очень заботливо и постоянно ободряетъ свою паству поднять постный трудъ до конца, какъ бы предполагая, что иные не вынесутъ, встужатъ, какъ и выражается проповѣдникъ, и уйдутъ съ поприща, не окончивъ труда. Всѣ поученія вообще очень толковиты и достаточно кратки; каждое объемомъ не превышаетъ двухъ страницъ предлежащей книги.

Въ послѣдствіи, а быть можетъ и съ самаго начала, рядъ этихъ великопостныхъ поученій вошелъ въ составъ особой

книги, названной Златоустомъ, быть можетъ, по той причинѣ, что онъ былъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи проповѣдей Іоанна Златоуста; но вѣроятнѣе, этимъ именемъ обозначилось вообще особое достоинство самыхъ поученій, ибо древность любила присвоивать подобныя имена выбраннымъ и избраннымъ мѣстамъ изъ церковныхъ сочиненій, каковы были напр. Златая Струя (Златоструй), Златая Чѣпь или Цѣпь, Измарагдъ (изумрудъ). Маргаритъ, „сирѣчь бисеръ или жемчугъ именуется", и т. п. Слова бисеръ и жемчугъ въ древности были однозначительны

По многимъ признакамъ, какъ объяснено выше, этотъ сборникъ составленъ русскимъ проповѣдникомъ, если не при самомъ водвореніи Христовой вѣры, то покрайней мѣрѣ при Ярославѣ, быть можетъ даже при участіи митрополита Иларіона. Первоначальный его составъ, какъ упомянуто, обнималъ только недѣли Великаго Поста, т. е. время великаго покаянія, съ двумя недѣлями пріуготовительными къ посту и съ заключительною недѣлею Св. Пасхи. Но по всему вѣроятію тогда же были присовокуплены и поученія на воскресные дни, слѣдовавшіе послѣ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ. Какъ въ постныхъ поученіяхъ проповѣдникъ училъ, что̀ значитъ постъ, такъ и въ этихъ праздничныхъ словахъ онъ поучаетъ, что̀ значитъ христіанскій праздникъ и какъ слѣдуетъ его праздновать по-христіански. Съ теченіемъ времени соотвѣтственно возраставшимъ потребностямъ церкви сборникъ былъ значительно распространенъ: въ него внесены поученія на всѣ воскресные дни года, а наконецъ и на многіе недѣльные дни годоваго круга, такъ что въ 16 в., онъ уже представлялъ довольно полный выборъ учительныхъ словъ, собранный изъ разныхъ источниковъ отъ древняго и отъ поздняго времени. При этомъ каждый составитель сборника руководствовался собственными или, такъ сказать, мѣстными духовными потребностями и вносилъ въ свою книгу поученія, какія почиталъ наиболѣе для себя важными; иныя исключалъ или замѣнялъ ихъ другими, или же располагалъ ихъ по своей мысли въ иномъ порядкѣ. Въ этомъ отношеніи книга Златоустъ представляетъ великій интересъ и заслуживаетъ самаго подробнаго изслѣдованія. Въ извѣстномъ смыслѣ она заключаетъ въ себѣ лѣтопись нравственныхъ уставовъ, которыми вѣкъ отъ вѣка руководилась хри-

стіанская жизнь древней Руси и которые по этому могутъ знакомить насъ съ направленіемъ и настройствомъ общественной мысли въ то или другое время нашей Исторіи и въ той или другой сторонѣ обширной Русской земли. Сборникъ и по свойствамъ своего состава уподобляется лѣтописи, ибо каждый его списокъ отличается извѣстнымъ своеобразіемъ, указывающимъ на особые мѣстные интересы и потребности. Однако, не смотря на все разнообразіе въ составѣ этой замѣчательной книги, древнѣйшія ея поученія всегда занимаютъ въ ней свое мѣсто. Она всегда и начинается съ того поученія, какое въ первое время было положено для нея основаніемъ.

Мысли первыхъ нашихъ христіанъ въ исканіи спасенаго поученія больше всего конечно вопрошали о томъ, какъ молиться, какъ вѣровать, *какъ уставить свое житіе, какъ жить христіанамъ?* Дабы устроить по-христіански еще языческія понятія, языческіе нравы и обычаи народа, дабы съ особенною силою и осязательностью представить паствѣ дѣло нравственнаго очищенія, было необходимо сосредоточить проповѣдное слово на великихъ дняхъ общаго покаянія, которые возводили христіанскую мысль къ величайшему изъ праздниковъ и торжествъ, Христову Воскресенію, и служили не только воспоминаніемъ, но какъ бы изображеніемъ самой жизни Спасителя. Здѣсь народная мысль съ очевидностію могла созерцать, какимъ путемъ былъ побѣжденъ общій врагъ человѣческому роду.

Первое учительное слово начинаетъ свою проповѣдь съ первой пріуготовительной недѣли къ великому посту, съ недѣли мытаря и фарисея и въ основаніе своей рѣчи ставитъ евангельскую притчу объ этихъ лицахъ. „Придите, братье, говоритъ оно, да послушавше Христова гласа, *бодрѣйшии* будемъ на покаяніе. Эту притчу Спаситель сказалъ для нашего спасенія, какимъ образомъ молиться Ему, чтобы не напрасенъ былъ вашъ трудъ, и какъ фарисей, почитая себя правымъ, погубилъ свою правду своимъ величаніемъ и осужденіемъ другаго человѣка".—Эта великая и глубокая притча, съ которой началось нравственное ученіе и христіанское воспитаніе Руси, легла твердымъ основаніемъ всему нравственному созерцанію Русскаго народа.

Проповѣдникъ разсказалъ и объяснилъ ее до чрезвычайности просто, безъ всякаго витійства, но очень изобразительно.

„Постъ святой приходитъ! говоритъ онъ. Какъ основаніе для него, полагаетъ Господь мытаря и фарисея. О смиреніи учитъ! Оно корень добродѣтели и глава любви, оно возводитъ на небо. Сказалъ Господь: два человѣка вошли въ церковь помолиться, одинъ фарисей, а другой мытарь. Тотъ, фарисей, молясь говорилъ: Боже, хвалу Тебѣ воздаю, что я не грѣшенъ, какъ другіе люди, пощусь и десятину даю отъ своего имѣнія, а не какъ мытарь—грабитель.“ Ничего несказалъ ему мытарь, но стоя издалеча, какъ неимѣющій смѣлости къ Богу, не смѣя и очей на небо возвести, и только ударяя себя въ перси и исповѣдуя свои грѣхи, говорилъ одно: „Боже, очисти мя грѣшника.“ Господь говоритъ о мытарѣ и фарисеѣ. Но знаетъ каждый изъ насъ, что ихъ обоихъ мы въ себѣ носимъ: сердце, какъ фарисей, величается добродѣтелью, а душа, какъ мытарь, (ибо сотворена Богомъ чистою, но въ тѣлѣ осквернилась) и на небо невзираетъ, но смиренно вздыхая, вопіетъ: Боже, помилуй меня! Два супостата въ насъ боритась (борются), тѣло вопіетъ на душу, а злыя дѣла противъ добрыхъ. И вотъ что дивно: одинъ словомъ осудился, другой отъ слова оправдался“.

Къ этому проповѣдникъ присовокупляетъ новый образъ поученія и разсказываетъ о двухъ коннобѣжцахъ. „Два конника были, мытарь и фарисей. Запрягъ себѣ фарисей два коня, одинъ конь — добродѣтель, другой конь—гордость, и запя гордость добродѣтели, и разбилась колесница и погибъ всадникъ. И запрягъ мытарь два коня, одинъ — злыя дѣла, а другой—смиреніе, и не отчаяніе получилъ, но оправданіе, сказавши только: Боже очисти меня грѣшника!—„Вѣрные! заключаетъ проповѣдникъ, — будемъ подражать мытареву смиренію, имъ же смирился Самъ Господь для нашего же спасенія, дабы и мы спаслись“. Для русской кіевской паствы эти два конника, какъ очевидный примѣръ, не могли быть достаточно понятны, ибо изображали обстоятельство коннаго ристалища, едвали существовавшаго въ древнемъ Кіевѣ. Но если мы припомнимъ четыре коня и двѣ статуи, взятые Владиміромъ въ Корсунѣ и поставленные за церковью Богородицы, вѣроятно гдѣ либо у вратъ западныхъ или входныхъ, стр. 430, то можемъ допустить, что поученіе о

мытарѣ и фарисеѣ, указывало прямо на эти памятники, въ полной мѣрѣ изъяснявшіе простому уму смыслъ поучительнаго примѣра.

Показавъ, что́ значитъ передъ Богомъ смиреніе, проповѣдь не забыла обратиться къ людямъ великаго сана и напомнила имъ, что смиреніе можетъ изъ бездны изводить, какъ случилось съ грѣшникомъ мытаремъ, т. е. можетъ поднимать людей и изъ ничтожества на высоту, „ибо сказано, что всякъ возносяйся смирится, и смиряяйся возносится. Отвергнувши величаніе и принявъ смиреніе, оправданъ былъ мытарь, а похвалившійся фарисей былъ осужденъ и погибъ. Умоляю васъ, говоритъ проповѣдникъ, не величайтесь да не погибнемъ, ибо по той же причинѣ и ангелы были свержены съ небесъ и претворились въ бѣсовъ“.

Нравоучительная философія этой притчи въ русскомъ поученіи не ограничилась однимъ только сокрушеніемъ сердца въ раскаяніи о грѣхахъ, однимъ только дѣйствіемъ покаянія, но была распространена въ народныхъ понятіяхъ, какъ общая и единая основа всего нравственнаго быта и для единичной личности и для цѣлаго общества. Эта философія видѣла въ смиреніи не одно христіанское сознаніе человѣческой слабости, безпомощности и ничтожества предъ Божьимъ милосердіемъ, но находила въ немъ тотъ уровень людскихъ отношеній, предъ которымъ никого не было избранныхъ и высокихъ, почему либо выдвинутыхъ изъ народнаго множества. Въ чувствѣ смиренія она проповѣдывала братское равенство и потому всегда очень понятно и ясно выражала, какъ оскорбляется народное чувство всякою мыслью и всякимъ подвигомъ и дѣломъ, гдѣ человѣкъ самонадѣянно возносилъ себя чѣмъ либо передъ остальными людьми. Лучшимъ подтвержденіемъ этой истины служитъ вся наша лѣтопись отъ ея начала и до самаго конца, въ которой въ теченіи многихъ столѣтій мы постоянно встрѣчаемъ одно и тоже поученіе, раскрываемое въ живыхъ дѣлахъ и лицахъ и при всякомъ случаѣ объясняемое текстомъ писанія, что гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать, что вообще всякое самонадѣянное возношеніе себя изъ народнаго уровня противно не только Божьему усмотрѣнію, но и народному чувству.

Исторія, конечно, дѣлала свое дѣло и стремилась выдѣлить нѣкоторые слои народа на верхъ, стремилась образовать въ народѣ болѣе или менѣе рѣзкія отличія людей другъ отъ друга, но народное чувство братскаго равенства скоро перемалывало въ одну муку всякія зерна, вовсе не замѣчая, были ли они отборныя, или простыя, рядовыя. Мы думаемъ, что самое ученіе о смиреніи, принятое нашимъ народомъ съ такою сердечностью и проходящее черезъ всю его исторію въ одномъ неизмѣнномъ обликѣ, какъ высокій нравственный идеалъ людскихъ отношеній, какъ истинная мѣра человѣческаго достоинства, что самое это ученіе распространилось въ народѣ и сдѣлалось любимымъ правиломъ его практической философіи по той особенно причинѣ, что вполнѣ выражало народную завѣтную мысль объ истинѣ человѣческихъ отношеній. Проповѣдь о смиреніи была общею проповѣдью во всемъ христіанствѣ, у всѣхъ народовъ, и русскому поученію оставалось только пользоваться готовымъ и богатымъ матеріаломъ для просвѣщенія своей паствы; изъ богатыхъ источниковъ отеческихъ писаній русское поученіе выбрало не малую долю въ назиданіе русскаго нрава и русской мысли; но выбранное или лучше сказать избранное оно передавало подъ наклономъ своего собственнаго созерцанія о томъ или другомъ порядкѣ людскихъ отношеній.

Проповѣдь о смиреніи по многимъ причинамъ сдѣлалась особенно любезною русскому уму и нраву. Съ одной стороны это показывало, что русскій человѣкъ сердечно понялъ истину христіанскаго ученія, сердечно ей отдался и только въ смиреніи находилъ истинную силу, способную умягчить его грубое языческое сердце. Здѣсь дѣйствіе смиренія касалось прямо и глубоко внутренняго человѣка и воздѣлывало его личный особый нравъ и умъ. Но существовали и другія, непосредственно бытовыя и общественныя причины, по которымъ ученіе о смиреніи пріобрѣтало очень сильное и широкое развитіе въ умахъ народа. Русскій человѣкъ стремился внести смыслъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ и въ свои общественныя и даже политическія отношенія; этою же мѣрою онъ старался мѣрить всякое дѣяніе своей исторіи, всякій подвигъ своихъ героевъ, и успѣлъ возсоздать для нихъ такой идеалъ для общественнаго дѣла, по которому личность,

хотя бы и явный руководитель этого дѣла, почитала большимъ грѣхомъ высунуть себя впередъ на-показъ людямъ. Словомъ сказать, русскій человѣкъ сердечно принятое имъ ученіе о смиреніи успѣлъ водворить въ той области, гдѣ оно казалось бы меньше всего могло дѣйствовать.

Мы говорили о томъ, что русское древнѣйшее общественное созерцаніе не помнило уже своего русскаго праотца, свою единицу, отъ которой все пошло, см. ч. 1. стр. 519. Оно знало только троицу братьевъ, этого великаго Трояна своей жизни, который въ сущности обозначалъ, что русскія племена и всѣ области и города жили союзомъ кровнаго братства и другаго союза не помнили и не понимали. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ языческій вѣкъ въ племенныхъ общихъ отношеніяхъ долженъ былъ особенно развивать и укрѣплять чувства братскаго равенства, которое однако, какъ древне-русскій мечъ, имѣло обоюдуострое лезвіе. Чувство братскаго равенства, очень скоро претворялась въ чувство братской ненависти, какъ только замѣчало, что равенство нарушено. Изъ этого источника вставала обида, злоба, зависть, месть и ненависть и всѣ злыя сердечныя силы, которыя увлекали людей въ безконечныя ссоры и войны. Отъ этого племена очень рѣдко жили въ ладу между собою; по той же причинѣ очень рѣдко жили въ ладу и наши многочисленные князья. Идея братскаго равенства, какъ созданіе племенныхъ и родовыхъ союзовъ, была порожденіемъ самой природы и потому выразилась тотчасъ же, какъ только явились на землѣ братья, еще между первыми людьми. Изъ за нея Каинъ убилъ своего брата Авеля. Это была первозданная стихія простыхъ животныхъ, хотя и разумныхъ отношеній, которыми всегда управляется и устроивается человѣческій бытъ въ первое еще доисторическое время.

Такъ называемый общинный бытъ, въ которомъ исторія застаетъ нашихъ Славянъ, есть въ сущности бытъ устроенный этою первозданною стихіею братскаго равенства, братской независимости съ одной стороны и братской союзности и стало-быть зависимости съ другой. По этой самой причинѣ одни видятъ въ такомъ быту общинные, другіе же родовые корни людскихъ связей и отношеній. И то и другое справедливо, ибо въ понятіи о братствѣ

народа сливаются понятія о родовомъ союзѣ и понятія о союзѣ общинномъ, а всѣмъ бытомъ владѣетъ единое чувство братскаго равенства, на которомъ основываютъ свои жизненныя силы и родъ и община. Но не должно забывать, что этотъ корень людскихъ связей и отношеній господствуетъ въ быту народа не въ качествѣ учрежденной какой либо формы, а въ качествѣ простой стихіи. Мы хотимъ сказать, что объясняя имъ политическое устройство народа, мы въ сущности ничего не объясняемъ. Мы говоримъ напр., что политическими отношеніями народа управляли отношенія родовыя. Точно такъ. Но другіе вполнѣ доказательно и основательно разсуждаютъ, что политикою народа управляли общинныя отношенія. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ неотразимою правдою, которая однако вовсе не относится къ политическому строю Земли, а указываетъ только на стихіи его бытоваго строя, и мы по прежнему остаемся въ недоумѣніи, что же и какъ же было? кто владѣлъ Землею, управлялъ, руководилъ ею, какая политическая форма была настоящимъ ея обликомъ? Родъ, говорятъ одни; община, утверждаютъ другіе, вовсе забывая, что опредѣленной вполнѣ выработанной формы еще не существовало, а боролись еще бытовыя стихіи, происходило еще міровое броженіе, дабы создать впослѣдствіи посреди бездны твердь, т. е. твердое основаніе для народной политической формы. Эта твердь первоначально была создана въ деревенскомъ, а потомъ въ городовомъ вѣчѣ, которое отъ деревенскаго разнилось только объемомъ своего содержанія и бо̀льшею сложностью отношеній, но всегда руководилось тою же идеею братскаго равенства съ особымъ почитаніемъ братьевъ старшихъ передъ младшими, и всякаго старѣйшинства передъ молодостью. Городъ явился не однимъ союзомъ братьевъ—дворовъ, какъ было въ деревнѣ, но союзомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, слободъ или концовъ, то-есть союзомъ нѣсколькихъ вѣчъ. Въ этомъ видѣ онъ сдѣлался уже политическимъ дѣятелемъ земли и политическою формою всенароднаго быта. Но и городъ высшимъ идеаломъ отношеній почиталъ все-таки братство, то-есть стихію не гражданскую собственно, но родовую, кровную. Идеаломъ братства онъ измѣрялъ и свои политическія связи, какъ Новгородъ со Псковомъ.

Итакъ, устройствомъ народныхъ бытовыхъ связей, въ языческое время нашей исторіи, руководила первозданная стихія равенства, которое мы называемъ братскимъ, по той причинѣ, что оно дѣйствительно было порождено кровнымъ братствомъ и въ этомъ обликѣ представлено даже народными поэтическими созерцаніями, именно въ сказаніяхъ о происхожденіи Полянъ не отъ одного, а отъ трехъ братьевъ, что значитъ вообще отъ братьевъ, а не отъ одного отца—патріарха.

Когда Евангеліе огласило нашу землю своею святою проповѣдью, народное чувство братскаго равенства жило полною жизнью. Оно самое заставило народъ призвать на помощь себѣ варяжскую дружину. Оно же съ особенною любовью встрѣтило христіанское ученіе о смиреніи, потому что находило въ немъ великую силу для правильнаго устройства братскихъ связей и отношеній. Ученіе о смиреніи не только умягчало грубыя, варварскія сердца, но главное—отрицало гордость, а гордость, высокомѣріе, величаніе, высокоуміе, какъ нарушенія братства, были ненавистны для рус скаго человѣка съ незапамятныхъ временъ. Они глубоко оскорбляли чувство братства, чувство равенства людей между собою. Поэтому первая проповѣдь, отдавая полнѣйшее сочувствіе смиренію, показывая до очевидности сколько оно значитъ предъ Богомъ, всегда съ особеннымъ негодованіемъ рисуетъ нравъ гордаго и величаваго. „О величивое слово буйяго фарисея! О окаянный, восклицаетъ проповѣдь, не довольно тебѣ и этого, что самую природу осудилъ, сказавши, а я не грѣшникъ и не грабитель, какъ этотъ мытарь!"

„Не хвалися родомъ своимъ ты благородный, ни самъ собою, ни своими дѣлами, когда говоришь: Отца имѣю боярина, а мученики христовы братью, мать моя благородная! Сказано: овцы одесную, а козлища ошую, ибо коза не приноситъ и добраго плода чадьска, ни сыра не подаетъ добраго, ни волны, а овца все благо творитъ... Нелѣпо человѣку возрастомъ добру быти, но больше всего душею къ Богу; и дубъ высокъ возрастомъ и красенъ листвіемъ, но безъ плода, а малый злакъ, по землѣ лежащій, властельскій плодъ творитъ и повсюду дорогъ (то-есть имѣетъ цѣну)". Здѣсь очень примѣчательно выраженіе: „отца имѣю боярина, а мученики Христовы—братью". Быть

можетъ, въ этихъ словахъ мы слышимъ живую рѣчь о нѣкоторыхъ родовитыхъ людяхъ времени Ярослава, находившихся въ родствѣ съ княжескимъ домомъ и въ братствѣ съ мучениками князьями и похвалявшихся такимъ величіемъ своего происхожденія. Во всякомъ случаѣ эти рѣчи со множествомъ другихъ подобныхъ словъ поученія служатъ выраженіемъ того всенароднаго русскаго сознанія, которое вовсе не было способно развивать въ народной средѣ феодальныя германскія чувства и мысли о чистокровномъ благородствѣ какихъ либо сословій. Въ другихъ странахъ такое благородство появлялось само собою въ слѣдствіе естественнаго различія крови (то-есть политическаго могущества) завоевателей отъ крови (или политическаго ничтожества) порабощенныхъ, чего на Руси никогда не существовало.

Нигдѣ конечно горделивый, а стало быть выдвигающій себя изъ общаго уровня, не представлялся въ такомъ безславномъ пониженіи, какъ во вратахъ смерти. Поучительное Слово не минуетъ этого обстоятельства и съ особеннымъ удареніемъ выставляетъ передъ паствою оный часъ, когда предъ судомъ смерти всѣ становятся равными. „Что высишься человѣче! ты пометъ и навозъ. Что подымаешься выше облаковъ! подумай, вѣдь составъ твой земля и сказано, въ землю тебѣ пойдти. Богатый, благородный, гордый, напрасный (скорый, быстрый, буй-туръ, яръ-туръ?) въ одинъ часъ лежатъ кротче овчати... лежатъ въ гробѣ растаявшіе и гнилые, и мы указываемъ другъ другу перстомъ: А это такой-то мучитель, а это такой-то воевода, а это такой-то его внукъ!—Гдѣ они подѣвались?.. Видимъ какъ навсегда умолкло всякое мучительство, всякое княженіе и величество власти!"—Въ Мясопустную субботу, когда церковь творила общее поминовеніе по усопшимъ и когда въ народныхъ обычаяхъ господствовало еще языческое справленіе тризны и поднимался многій мятежъ и плачь по умершимъ, русская проповѣдь, пользуясь случаемъ, изображаетъ народу общій смыслъ и значеніе смерти по христіанскимъ понятіямъ. Проповѣдникъ прямо говоритъ, что онъ много разъ молилъ паству, чтобъ унялся этотъ мятежъ и плачь, а теперь еще поучаетъ, принимать съ терпѣніемъ и похваленіемъ смерть людей родныхъ и любезныхъ, и не думать о нихъ, что погибли, но что отошли

только къ Богу, и плакать лучше о своихъ грѣхахъ. „Общая чаша всѣмъ! Одинъ часъ горькій, одинъ конецъ—Божій мечъ. Не обходитъ никого этотъ мечъ, не почитаетъ ни царя, ни князя, ни святителя, не милуетъ сѣдинъ, не щадитъ молодости. Не боится мучителя, на всѣхъ равно приходитъ смерть. Нынче съ нами былъ, а на утро прежде насъ тамъ; нынче въ житіи, а на утро въ гробѣ; нынче славные благоуханіемъ мажутся, а на утро смердятъ... И мы, невѣдая, спрашиваемъ: гдѣ такой-то князь или обидливый судья, или оный злой царь? И слышимъ, что отошли туда, гдѣ равно всѣ предстанемъ, славные и неславные, цари и князья, богатые и нищіе, рабы и свободные. Тамъ не будетъ царямъ величанья, ни князьямъ власти, ни судьямъ лице-зрѣнія. Здѣсь былъ лютъ, тамъ не помилуется; здѣсь немилостивъ, тамъ злѣ-мучимый; здѣсь на урокахъ (оброкахъ) готовъ обидѣть, а тамъ палимъ огнемъ; здѣсь прекрасныя носитъ ризы, а тамъ предстоитъ нагой.“

„Цари и князи не величайтесь, посмотрите на умершаго, а вамъ тоже будетъ. Что въ томъ царѣ или князѣ, который не можетъ себя избавить отъ муки? И онъ передъ этою чашею трепещетъ и боится какъ одинъ отъ убогихъ. А былъ всѣмъ грозенъ, вчера всѣ боялись его, а теперь весь трепещетъ, видя отвѣтъ себѣ. Испытайте же, вельможи и судьи, побойтесь бога, немилосердые и жестокосердые, величавые и скупые,—идите и смотрите, какъ разсыпаемся, смотрите бывшаго царя или князя въ костяхъ, смотри страшный видъ, узнай, гдѣ царь или князь, гдѣ воинъ и воевода, или нищій или богатый; можете ли кого узнать, не все ли земля и пепелъ и прахъ!“

Проповѣдь о смерти, проповѣдь о второмъ пришествіи, которыя произносились на другой же день, въ Мясопустное воскресенье, должны были глубоко трогать новыхъ людей и поселяли въ ихъ мысляхъ и въ ихъ чувствѣ тѣ истины, что предъ Богомъ всѣ равны и что одна правда, миръ со всѣми и любовь и добрый христіанскій нравъ и обычай выше всѣхъ человѣческихъ высотъ на землѣ.

„Всего больше имѣйте любовь, говоритъ проповѣдникъ ко всѣмъ, и къ богатымъ, и къ убогимъ. А эта любовь лицемѣрна, когда любимъ богатаго, а спротъ убогихъ оскорбляемъ, озлобляемъ, обижаемъ. Не могите укорять неиму-

щаго, безроднаго (неблагороднаго) и убогаго. Тѣхъ Господь избираетъ, а премудрыхъ, и сильныхъ, и богатыхъ посрамляетъ. Смотрите, какъ малъ павко (паукъ), протягиваетъ паутину и ловитъ мухъ. И много разъ воробей и другія птицы прилетаютъ и берутъ себѣ кормлю отъ ловитвы этого худаго (ничтожнаго) ловца. Такъ и мы отъ тѣхъ неимущихъ и безродныхъ (неблагородныхъ) и худыхъ, и убогихъ, отъ ихъ ловитвы обилія Божія кормимся, насыщаемъ душу и тѣло. Отнюдь не презирайте никого ни въ чемъ, ни укоряйте божье созданье, но себѣ каждый внимай."

„А когда творите пиръ и позовете братью и родъ или вельможъ, или кто изъ васъ можетъ и князя позвать, а все это добро, все то въ этомъ свѣтѣ честно; но всего скорѣе призовите убогую братью, сколько можете, по силѣ; отъ обѣихъ сторонъ не будете лишены мзды."

Обличая гордыню высокомѣрія, величанія и власти, проповѣдь съ постояннымъ негодованіемъ относится и къ другой гордынѣ міра, къ богатству, и особенно къ богатству, нажитому неправдою.

„Многіе гнѣвятъ Бога, говоритъ она, прося себѣ богатства, а иные инаго безчинства просятъ. Просите отпущенія грѣховъ, сказалъ Господь, и все приложится вамъ. Самъ Господь одѣлся въ нищету и учениковъ Себѣ собралъ отъ нищихъ, а не отъ богатыхъ; и сказалъ имъ не носите злата, ни серебра, ни двухъ одеждъ; ни сокровища собирайте. И опять сказалъ: не входите въ домъ богатаго, но къ худому и кроткому и слушающему Моихъ словъ. И еще сказалъ: блаженни нищіе духомъ, а не сказалъ блаженны богатые. И какъ Господь блажитъ убогихъ! Онъ называетъ ихъ Своею братьею! Богатыхъ не называетъ братьею нигдѣ и мало добраго говоритъ о богатыхъ, но и то о тѣхъ, которые отъ Бога обогатѣли, какъ Іовъ и прочіе; а о тѣхъ богатыхъ не блажитъ, которые сбираютъ богатство отъ лихвы, и отъ неправды, и отъ мзды, отъ рати, отъ грабленія, отъ разбоя, отъ татьбы, отъ клеветы и клятвы, отъ насилія властельскаго, отъ корчемнаго прикупа.... Ни того богатства блажитъ, которое скрываютъ въ землѣ, золото и серебро на изъяденіе ржавчины, а куны и порты (платье) на изъяденіе молю, брашно—плѣсени, жито—гніенію, питье—прокисельству, и гною и смраду,—всего того не раздавая про-

сящимъ. То тѣхъ ли хвалить! Но Господь и страдальникамъ (земледѣльцамъ) глаголетъ: если не хочете страдати, то родитъ вамъ хворость—вино, а крапива—пшеницу, а пауки исткутъ полотно, а ремезы храмъ сдѣлаютъ вамъ.

„Если не отъ слезъ богатство, если при твоей сыти никто не оголодалъ, при твоемъ обиліи никто не постеналъ,—такое богатство—Божій хлѣбъ, праведный плодъ, мирный колосъ.

„Иные принимаютъ богатство, собранное насиліемъ и неправдою—тотъ же грѣхъ, ибо онъ грабилъ, а ты держишь и за то злѣе осудишься. Если узнаешь, что получилъ что-либо обидное, лучше отдай, какъ Закхей, съ приложеніемъ и своего. Не смѣшай своего богатства съ чужими слезами.

„Не говорю на богатыхъ, которые добры и податливы живутъ; но укоряю злыхъ, которые, имѣя богатство, живутъ въ скупости. О такихъ пророкъ Давидъ говоритъ: „Сбираетъ, и невѣдомо кому сбираетъ.“ Ибо многіе изъ богатыхъ кончаютъ свою жизнь очень плачевно, или отъ князей или отъ разбойниковъ бываютъ ограблены. И потому будьте милостивы, богатые, и царство небесное пріимите. Подобно какъ вино на двое разлучается, умнымъ на веселіе, а безумнымъ на погибель и на грѣхъ, такъ и богатство дается добрымъ на спасеніе, а скупымъ на большее безуміе и грѣхъ, и на лютѣйшую муку. Иное богатство своею силою собрано, а иное златолюбіемъ—это богатство злое и проклятое. Сребролюбца и немилостиваго св. книги называютъ идолослужителемъ. Развѣ кто скупой господинъ своему богатству? Умретъ и богатство инымъ достанется. Онъ только приставникъ, рабъ и сторожъ. Онъ лучше согласится своихъ мясъ урѣзать, чѣмъ дать изъ своего имѣнія (погребеннаго злата или запечатлѣннаго въ ларѣ) что-либо церквамъ или нищимъ. И Максимъ исповѣдникъ говоритъ: какъ корабль топитъ буря, такъ и злое богатство душу губитъ. Жадный къ имѣнію подобенъ пьяницѣ. Этотъ любитъ много пить, а лихоимецъ любитъ много сбирать; какъ пьяница работаетъ питью, такъ жадный своему имѣнію. Его очи мзда ослѣпляетъ, а у пьяницы—хмѣль омрачаетъ; онъ скупостью оглохъ, не слышитъ вопля нищихъ; а у этого душа пьянствомъ глуха, святыхъ словесъ чтомыхъ не слышитъ. Оба рабы дьяволу. Пьяница и лихоимецъ—братья съ братьею дьявола и потому пусть не укоряютъ пьяницы ли-

хоимцевъ, а лихоимцы пьяницъ. Богатый хуже и пьянаго: пьяный проспится, а этотъ всегда пьянъ умомъ; день и ночь печалуется о собраніи.

„О богатый! ты зажегъ свою свѣчу въ церкви на свѣтилѣ. И вотъ придетъ обиженный тобою сирота или вдовица, вздохнетъ на тебя къ Богу со слезами и твою свѣчу погаситъ. О лихоимецъ, лицемѣръ! лучше бы тебѣ не грабить и не обижать, нежели храмъ Божій просвѣщать воскомъ, собраннымъ неправдою. Лучше помилуй, которыхъ ты приобидѣлъ. Вѣдь это лютость и немилость, что иныхъ сиротъ обижать, а другихъ миловать; однихъ порабощать, а другихъ надѣлять. Если ты и дашь когда милостыню кому убогому, за то твои рабы, пасущіе твои стада, нивы сиротины травятъ; а другіе (сироты) на работу неволею примучены, неправдою, наги, босы, голодны, ранены безвинно; иные отъ приклада рѣзъ твоихъ (отъ роста долговъ) мучимы.... Тѣ всѣ къ Богу вопіютъ на тебя, плачущи. А иные селъ лишены, тобою ограбленные. Во что твоя милостыня, окаянный грабитель, проклятый, не правосудяй. Лучше оставь твои неправды и грабленіе и устроивай безъ печали челядь свою, нежели Бога безумно дарить имѣніемъ, собраннымъ неправдою. Тотъ истинный милостивецъ, который отъ своей силы даритъ и правду творитъ“.

Очень понятно о комъ собственно говоритъ это слово. Оно главнымъ образомъ обличаетъ немилостивыхъ дружинниковъ, владѣвшихъ землею, порабощавшихъ себѣ сиротъ и кормившихся ихъ трудами. Оно говоритъ о помѣщикахъ того времени, какъ равно и о самихъ князьяхъ, ибо богатство отъ земли собиралось всегда по преимуществу только дружиннымъ сословіемъ. Подъ именемъ сиротъ древнее поученіе всегда разумѣетъ попреимуществу крестьянъ, хлѣбопашцевъ. Оно же, какъ упомянуто, называетъ ихъ и страдальниками.

Желая сильнѣе подѣйствовать на умы богатыхъ отъ земскаго насилія, учительное слово вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ съ замѣчаніемъ: А се приложи, поученіе Кирилла Мниха, въ которомъ ярко изображается адская мука грѣшниковъ. „Любимые мои братья и сестры! Всегда имѣйте передъ своими очами страхъ Божій, вспоминайте часъ смертный и эти страшныя муки, уготованныя грѣшникамъ. По-

боимся огненнаго родства (геены), ибо оно вѣчно, и огня, ибо онъ неугасимъ; побоимся грозы, которая не прекращается, и тьмы, гдѣ не бываетъ свѣтъ; побоимся червей, что не усыпаютъ, ибо безсмертны; и ангеловъ, которые надъ муками, ибо очень немилостивы ко всѣмъ не творящимъ Божьей воли. Лютое будетъ осужденіе! О братья! если мученья боитесь, оставьте злыя дѣла; если царства небеснаго желаете, позаботьтесь пожить добродѣтельно.... Побоимся, братья, вѣчныхъ мукъ, которыя дьяволу уготованы: негасимый огонь, ядовитый червь. Если здѣсь въ теплой банѣ и укропленія горячей воды не можетъ плоть наша стерпѣть, то какъ стерпимъ этотъ лютый огонь и мученіе отъ кипящей смолы? Если комаровъ или мухъ боимся и не терпимъ, то какъ, братье, стерпимъ лютость неусыпающихъ червей. Потщимся же избыть вѣчныхъ мукъ добрыми дѣлами, чистотою и милостынею и нелицемѣрною любовью. Лицемѣрствомъ это нарицается, когда богатыхъ стыдимся, если неправду дѣлаютъ, а спротъ озлобляемъ. Имѣйте истину ко всѣмъ“.

Если въ русскомъ поученіи богатство почти не отличалось отъ скупости, всегда болѣе или менѣе возбуждало негодованіе и пользовалось однимъ только оправданіемъ, когда собиралось своею силою, т. е. своимъ трудомъ и главное было добреподатливо, то естественно, что отверженіе богатства или нестяжаніе и въ особенности непреложное для добрыхъ дѣлъ и обязательное для богатства качество— милостыня, пріобрѣтали въ поученіи великую любовь и прославлялись выше всякой добродѣтели. При этомъ ученіе о милостыни, „о душѣ милостивой и о сердцѣ податливомъ,“ находило себѣ твердое основаніе въ старыхъ еще языческихъ обычаяхъ, почитавшихъ гостепріимство святымъ долгомъ каждаго человѣка. Ученіе о милостыни возводитъ гостепріимство на степень святости и показываетъ для этого полные дѣйствительной нравственной красоты примѣры изъ библейскаго быта. „Милостыня всего лучше и выше, ибо возводитъ до самаго небеси предъ Бога, говоритъ лѣтописецъ, прославляя св. Владиміра „какъ онъ разсыпалъ свои грѣхи покаяніемъ и милостынею“, и высказывая утвердившееся уже ученіе.

„Милостыня—великій дѣятель, говоритъ поученіе. Ничто не можетъ такъ изгладить грѣхи, какъ милостыня. Поэтому и говорятъ Божія книги: милуяй нищаго, Богу даешь въ заемъ; Бога одолжаете, давая убогому. Милостыня совокупленна съ пощеніемъ отъ смерти избавляетъ человѣковъ, то-есть отъ вѣчной муки. Милостыня имѣетъ великія крылья—до небесъ возноситъ, и не то что до небесъ, но и до престола Божія. Убогому дашь, нищему подашь—Христу въ руку вложишь. Дай Богу и отдастъ тебѣ Господь седмерицею. Отдашь тайно, явно возмешь. Если, Бога ради, подалъ что̀, не пытай просящаго, достоинъ ли онъ;—хорошо ради достойныхъ подавать и недостойнымъ. Но милостыня бываетъ обидима, когда отъ похищенія ее творимъ; кто милостыню творитъ отъ своего труда, то Господу пріятно; а иже кто неправдою добываючи, на худыхъ сиротахъ емлючи, и тѣмъ милостыню творитъ, и тѣмъ хочетъ Богу милъ быти, того Богъ ненавидитъ, того Богъ не терпитъ, яко злаго смрада. Неправедная милостыня подобна сему: если бы отецъ видѣлъ когда сына зарѣзываютъ, то какъ ему тяжко, такъ и Богу, взирая на неправедную милостыню. Да лучше, братія, отъ праведнаго имѣнія подати милостыню, хотя-бы и мало что̀ съ правдою добыто, то велико будетъ и честно предъ Богомъ. Безъ милостыни, ни постъ, ни молитва не помогутъ человѣку: какая польза человѣку алкать плотію и умирать дѣлами, какая польза отъ яденья воздерживаться и наполняти неправедное имѣніе; какая потреба малояденіемъ тѣло свое сушить и не накормлять алчныхъ твоимъ излишнимъ; какая добродѣтель: въ ночи не спя, въ теплой храминѣ молиться, а обиженные тобою и порабощенные босы, наги, ранены, голодны, на тебя со слезами вопіютъ къ Богу? Какая помощь въ мольбѣ таковаго, если и всѣ ночи, не спя, молится. Если постишься то не минуй убогаго; алчнымъ хлѣбъ свой раздѣли и домашнихъ безъ печали сотвори; если алчешь (постишься) то посмотри на сиротъ стонящихъ и помилуй ихъ и излишнихъ своихъ дай имъ. Избавленіе мужу—богатство, ибо на томъ свѣтѣ распаляющійся огонь угаситъ вода—милостыня, очиститъ грѣхи. Попечемся же о душахъ нашихъ доколѣ живы и сотворимъ милостыню по силѣ нашей, да спасемся“.

Ученіе о милостынѣ въ равной степени стало любезнымъ народу, какъ и ученіе о смиреніи, ибо и это ученіе, развивало ту же идею всенароднаго братства и ставило впереди всего милость къ сиротамъ, заботу объ ихъ участи, слѣд. устремляло вниманіе общества на нужды и бѣдствія народа. Мы уже упоминали, что въ имени сироты разумѣлись въ то время крестьяне, простой народъ, который прозывался и вообще худымъ, въ значеніи бѣдности и общественнаго ничтожества. Имя сироты въ родовыхъ понятіяхъ также означало послѣднюю, самую низменную степень народнаго союза.

Приводя эти рѣчи первоначальнаго поученія, мы касаемся здѣсь только его основныхъ идей, какими оно руководилось съ перваго же времени, какъ только огласились его словомъ первые христіанскіе храмы. Мы видѣли, какъ глубоко было вліяніе этого слова на нравы самого Владиміра и не сомнѣваемся, что въ томъ же духѣ были воспитаны и тѣ дѣти нарочитой чади, которые потомъ сами стали священниками и учителями, и которые съ любовью продолжали дѣло первыхъ учителей, чему доказательствомъ служитъ весь составъ проповѣднаго Слова, завѣщанный намъ отъ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства.

Нельзя сомнѣваться, что первая проповѣдь неоставляла безъ назиданія и безъ руководства такъ называемыхъ градскихъ или гражданскихъ властей, именно въ кругу дѣйствій градскаго или государственнаго закона. Мы видѣли, что епископы поучали самого Владиміра употреблять мечъ противъ разбойниковъ. Были вѣроятно нѣкоторые отъ бояръ и судей, понявшіе христіанскую проповѣдь о любви въ томъ же смыслѣ, какъ понялъ ее св. князь, и дѣйствовавшіе снисходительно въ отношеніи преступниковъ градскаго закона; поэтому учительное Слово настаиваетъ, чтобы казнили злотворящихъ. „Властели бо отъ Бога устроены для людей не творящихъ закона Божія, да видѣвши страхъ, князей убоятся... Если властели отмщенія законнаго на злыхъ не наводятъ—суду Божію повинны будутъ и отъ святыхъ отецъ проклятіе на себя приводятъ. Не достойно злотворящихъ щадити, но казнити ихъ, да не творятъ зла“. Слово воспрещаетъ отпускать злодѣевъ и по мздѣ; но по своей основной мысли оно воспрещаетъ вообще снисхожденіе къ

преступнику, какое въ дѣйствительности могло обнаруживаться въ чувствахъ первыхъ христіанъ, „умягчившихъ сердечную ниву“ въ той же степени какъ умягчилъ ее и самъ князь—Просвѣтитель Руси.

Учительное Слово касалось и княжихъ обязанностей, но въ этомъ случаѣ оно ограничивалось только рѣчью приточника, какъ обозначались вообще книжныя пословицы, мудрыя изреченія или апоѳегмы. Такъ, послѣ нѣсколькихъ поученій о печаляхъ богатства, которыя сказывались на второй недѣли Великаго поста, нѣкій христолюбецъ предлагаетъ поученія отъ притчей, „Братья моя!“—говоритъ онъ—„Это вы слышали (поученія) отъ всѣхъ пророковъ и апостоловъ и отъ Евангелія о печаляхъ богатства, а это я хочу васъ поучити разуму и страху Божію отъ пророческихъ притчей“. Между прочимъ онъ поучаетъ и князей. „Приточникъ рече: мудрые мужи—слава князю, а въ безумныхъ сокрушеніе или паденіе. Съ мудрымъ мужемъ и думцемъ князь, думая, высока стола добудетъ, а съ безумнымъ думая и малаго стола лишенъ будетъ. Князю въ сердцѣ благомъ почіетъ премудрость, въ сердцѣ же гордомъ почіетъ безуміе. Слушая клеветника, гнѣвитъ Давшаго ему княженіе. Оправдывая криваго мзды ради, неизмолимый судъ обрящетъ въ день оный.... Взовутъ праведные—Господь услышитъ ихъ; взовутъ грѣшные, то-есть судья (князь) немилостивый и неправедный, и всплачутся, гонимые въ муку. О! горе неправосудящему... Не спасетъ князя княженіе, ни епископа—епископство и никакой санъ сановника“.

Поученіе очень рѣдко обозначаетъ житейскіе порядки того времени, очень рѣдко касается случаевъ, событій и дѣлъ тогдашняго живаго дня; но иногда, желая выразить свою мысль какъ можно яснѣе, пользуется сравненіемъ различныхъ житейскихъ положеній. Такъ, говоря о священническомъ чинѣ, оно приводитъ живую черту и княжескаго суда. „Если кто имѣетъ тяжбу съ кѣмъ и надо ему пойдти къ князю на прю, то какъ онъ молится вамъ, близъ князя стоящимъ, и мздитъ васъ, дабы князь оправилъ отъ тяжбы—кольми паче князя іереи молятся къ Небесному Царю, къ нему же имѣемъ безчисленные грѣхи“. [202].

Сѣятель книжнаго ученія, Ярославъ, любя книги и собирая ихъ отовсюду, собиралъ собственно уставы христіанскаго житія, уставы добрыхъ и законныхъ нравовъ и обычаевъ, уставы церковнаго порядка, какъ лѣтописецъ прямо и говоритъ, что князь „любилъ церковные уставы". Все это и именовалось въ общемъ смыслѣ книжнымъ ученіемъ, все это и составляло первоначальную образованность Русскаго общества, о которой по малу мы можемъ судить по приведеннымъ выдержкамъ начальнаго поученія. Книжное ученіе для языческой Руси на первыхъ порахъ необходимо должно было выразиться только въ собраніи и распространеніи уставовъ нравственнаго закона. Остальныя свѣдѣнія, такъ называемыя научныя и по преимуществу историческія, получали свое мѣсто въ этомъ ученіи только какъ статьи объяснительныя для главнаго и существеннаго предмета, и поэтому имѣли второстепенное и вообще стороннее значеніе. Но собирая главнымъ образомъ уставы нравственнаго закона, мудрый князь на томъ же самомъ пути необходимо долженъ былъ собрать въ книгу же и уставы закона градскаго или государственнаго, въ его первоначальномъ смыслѣ. Онъ собралъ Правду, то-есть Законъ или Уставъ княжескаго суда, существовавшій давно, но по всему вѣроятію, не имѣвшій правильнаго порядка и во многомъ зависѣвшій отъ княжескаго произвола. Видимо также, что основная цѣль сборника заключалась въ установленіи опредѣленныхъ правилъ для взиманія взысканій и княжескихъ доходовъ. Эту собственно Кіевскую Правду онъ далъ и Новгородцамъ, отчего на сѣверѣ у Словѣнъ она получила имя Русской или Роськой, то-есть Кіевской или южной и сохраняетъ это сѣверное прозваніе до настоящихъ дней. Не смотря на тяжесть княжескихъ продажъ или поборовъ въ наказаніе преступниковъ, этотъ сборникъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ льготною грамотою для тогдашняго общества, ибо вводя писанный опредѣленный и неколебимый уставъ, онъ тѣмъ самымъ отмѣнялъ судейскій, а слѣдовательно и княжескій произволъ именно въ назначеніи упомянутыхъ продажъ. Новгородскій лѣтописецъ такъ и понялъ значеніе Русской Правды и подъ 1017 годомъ внесъ ее въ свою лѣтопись въ видѣ дарованной Ярославомъ льготы, сказавши: „И давъ имъ

Правду, и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите; якоже писахъ вамъ, такоже держите".

Съ тѣми же цѣлями, какъ мы говорили, были внесены въ лѣтопись и Договоры съ греками, своего рода такія же льготныя грамоты. За этотъ сборникъ Русской Правды Ярославъ навсегда сохранилъ за собою имя законодателя, а въ послѣдующее время справедливо сталъ именоваться Ярославомъ Правосудомъ [203].

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹) Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи. Спб. 1815, стр. 171.

²) Несторъ. Русскія Лѣтописи, А. Шлёцера, часть II, стр. 51, 79, 81, 88.

³) Имя Саркела, по всему вѣроятію, сохраняется въ теперешней рѣчкѣ Саркѣ, текущей въ Донъ со стороны Волги и впадающей въ него верстъ на 10 пониже Качалинской станицы, гдѣ нѣкогда существовала такъ называемая Царицынская линія — земляной валъ съ крѣпостцами отъ набѣговъ Кубанскихъ. Можно также полагать, что знаменитый въ Донской исторіи Паншинъ городокъ стоялъ на устьѣ этой рѣчки, быть можетъ на мѣстѣ древняго Саркела, ибо р. Сакарка именуется теперь и Паншинкой. Въ концѣ 14-го вѣка еще существовали развалины этого города, названнаго тогда Серклией.

⁴) Почтенные историки, г. Костомаровъ (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Спб. 1873) и за нимъ г. Иловайскій (Исторія Россіи. М. 1876.) періодъ лѣтописныхъ преданій совсѣмъ отдѣляютъ отъ достовѣрной исторіи, которую г. Костомаровъ начинаетъ съ Владиміра, а г. Иловайскій съ Игоря. Намъ кажется, что такимъ образомъ можно начинать разсказъ или повѣсть Русской Исторіи откуда вздумается, ибо никакъ нельзя объяснить, почему исторія Владиміра достовѣрнѣе исторіи его отца Святослава, или почему исторія Игоря достовѣрнѣе исторіи Олега? Преданія Лѣтописи и истинныя событія, твердо засвидѣтельствованныя иностранными и притомъ современными писателями, пополняютъ и объясняютъ другъ друга, ибо въ нашей Лѣтописи нѣтъ ни одного преданія, которое хотя сколько нибудь противорѣчило бы общему ходу историческихъ дѣлъ первоначальной Руси. Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на самыя преданія. Если допустимъ, что это народныя сказки и пѣсни, а о сказкахъ и пѣсняхъ будемъ разсуждать не болѣе того, какъ о произвольныхъ и праздныхъ вымыслахъ, совсѣмъ забывши, что самъ же народъ пѣсню называетъ былью, то, конечно, мы легко смѣшаемъ и преданія въ одну кучу съ книжными измышленіями и разными побасенками, сочиняемыми для удовольствія и забавы праздныхъ слушателей. Каждое преданіе неизмѣнно есть истина историческая, прошедшая только въ устахъ народа поэтическій путь миѳотворенія, какъ выражаются лингвисты и миѳологи. Для раскрытія такой истины отъ миѳической одежды недостаточно однихъ здравыхъ сужденій современной образованности, недостаточно одной, такъ сказать, литературной критики, какую главнымъ образомъ представляетъ намъ трудъ

г. Костомарова („Преданія первоначальной Русской Лѣтописи“ въ Вѣстникѣ Европы 1873 г., книги 1, 2 и 3). Здѣсь необходимо устанавливать свою критику въ кругу тѣхъ народныхъ понятій и представленій, какія господствовали у народа въ возрастъ его миѳотворенія, и необходимо каждое преданіе испытывать началами этого миѳотворенія, но не началами литературнаго вымысла, причемъ и самыя слова: вымыслъ, вымышленныя черты могутъ только затемнять истинное значеніе преданія, ибо преданія народъ не вымышляетъ; они нараждаются сами собою; ихъ создаетъ истина самой жизни.

[5]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. V, стр. 88, Софійская Лѣтопись; т. VII, стр. 268, Воскресенская Лѣтопись.

[6]) Варяги и Русь, изслѣдованіе С. Гедеонова, ч. 2, стр. 479.

[7]) Наша Исторія Русской Жизни ч. 1, стр. 333.

[8]) Лекціи по наукѣ о языкѣ Макса Мюллера, Спб. 1865. Его же: Сравнительная миѳологія въ Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древности изд. Н. Тихонравовымъ, т. V., перев. Н. Живаго.—Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверовосточнаго отдѣла Индо-Германскихъ языковъ А. Шлейхера. Приложеніе къ VIII тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ.—Древній періодъ Русской Литературы и Образованности А. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1875 ноябрь, декабрь; 1876 іюнь, сентябрь.

[9]) Древнѣйшій періодъ Исторіи Славянъ. А. Гильфердинга въ Вѣстникѣ Европы 1868 іюль, стр. 285.

[10]) Древній періодъ Русской Литературы А. Пыпина, В. Е. 1875 ноябрь, стр. 118.

[11]) Древнѣйшая бытовая Исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности. Я. Воцеля. Кіевъ 1875.

[12]) Начертаніе Славянской Миѳологіи М. Касторскаго, Спб. 1841, стр. 103.

[13]) О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ, г. Буслаева, М. 1848, стр. 163—166.

[14]) Культурныя растенія и домашнія животныя, Виктора Гена, Спб. 1872, стр. 328—330.

[15]) Древнѣйш. періодъ Исторіи Славянъ, А. Гильфердинга, В. Е. 1868, стр. 256.

[16]) Въ первой части нашего труда, стр. 231—233, слѣдуя прямымъ и точнымъ показаніямъ Геродота, мы должны были указать мѣстоположеніе страны Вудиновъ или Будиновъ (Вавилонъ или Бабилонъ, чтеніе Рейхлина, или чтеніе Эразма, какъ кому угодно) къ востоку и сѣверу отъ Донскаго изворота вблизи Волги. Затѣмъ, слѣдуя позднѣйшей этнографіи, мы предположили, что остатками Вудиновъ вѣроятнѣе всего могутъ быть финскія племена Мордвы, Мещеры и т. д., которыя отчасти и доселѣ живутъ на тѣхъ же мѣстахъ. Мы не опровергали тѣхъ мнѣній, утвержденныхъ и Шафарикомъ, которыя помѣщаютъ Вудиновъ на Волыни и на Припети, ибо, имѣя въ виду ясное показаніе Геродота, почитали эти мнѣнія слишкомъ произвольными. Однако за это самое мы получаемъ впрочемъ очень любезный упрекъ въ „маломъ вниманіи къ трудамъ предшественниковъ“, то есть, собственно въ несогласіи съ Шафарикомъ. Почтенный рецензентъ нашей книги, г. Бѣловъ, которому, какъ и всѣмъ нашимъ рецензентамъ, приносимъ истинную признательность за вниманіе къ нашему труду (Сборникъ Государственныхъ Знаній т. V, Критика и Библіографія, 34—46) очень защищаетъ упомянутыя мнѣнія и приводитъ между прочимъ сви-

дѣтельство, что „въ сѣверной части Волынской губ. полѣсовщики до сихъ поръ называются будинами", и что стало быть наши Древляне ближе всего могутъ подходить къ Геродотовскимъ Вудинамъ, такъ какъ и очень многія имена мѣстъ въ тамошней сторонѣ имѣютъ корень Буд—Буда, Будники, Будищи и т. д. Но припомнимъ къ этому и Муромскій бѣдынъ (постройка надъ могилой), который прямо указываетъ на Геродотовское мѣсто Будиновъ (г. Котляревскаго: Погребальн. Обычаи 119—120). Буда значитъ вообще постройка, строеніе, въ частности—въ западной Россіи постройка для изготовленія поташу, смолы, дегтя, называемая въ восточной майданомъ. Великое множество такихъ именъ существуетъ напр. въ Ковенской губ. къ сѣверу отъ Ковно и къ востоку отъ Россіенъ. Вотъ стало быть гдѣ жили Будины. Подобныя имена разсѣяны повсюду по Русской равнинѣ и потому представляютъ очень слабое доказательство для помѣщенія Будиновъ только въ Древлянскихъ лѣсахъ. Сколько намъ извѣстно, первый помѣстилъ Будиновъ поблизости къ этимъ лѣсамъ, у Холма и Бреста, вообще въ болотахъ Припети, старый академикъ Байеръ (Комментаріи Академіи Наукъ на 1726 г. ч. 1, стр. 158). Тѣ изслѣдователи Славянской Древности, которые стали присвоивать Вудиновъ Славянскому племени, охотно послѣдовали толкованію Байера. Шафарикъ этотъ вопросъ самъ по источникамъ не пожелалъ разсмотрѣть и положился во всемъ на Польскаго ученаго Оссолинскаго. Но такъ какъ согласить показаніе Геродота съ найденнымъ Славянскимъ мѣстомъ Вудиновъ было невозможно, то ученые прибѣгли къ самой легкой операціи—они рѣшили безъ малѣйшихъ толкованій и доказательствъ, что Геродотъ ошибся.

Геродотъ есть древнѣйшій, самый полный и можно сказать единственный свидѣтель о Вудинахъ. Относительно достовѣрности, каждое его слово—золото. Если бы онъ ошибся, то его ошибку необходимо было провѣрить съ показаніями другихъ писателей, жившихъ послѣ него. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ самый обстоятельный географъ 2-го вѣка, Птоломей. Онъ однако вовсе не говоритъ о Вудинахъ, какъ о народѣ великомъ въ смыслѣ многолюдства. Онъ сказываетъ только (нашей Исторіи ч. I, 274), что внутри нашей страны живутъ два великіе народа, Алауны-Скиѳы и Амаксобы. Онъ показываетъ иныя имена на томъ мѣстѣ, гдѣ жили Вудины по Геродоту. Въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ Амаксобы превращаются въ Мордію и Moxel, что указываетъ на Мордву и Мокшу, то есть тѣхъ же родственниковъ Вудинамъ. Птоломей указываетъ только незначительный народецъ Водины вблизи Карпатъ. Но онъ говоритъ, что Борисѳенъ-Днѣпръ выходитъ изъ горы Вудинской и показываетъ эту гору подъ 58 градусомъ долготы и 55 широты, на 13 градусовъ восточнѣе и на одинъ градусъ южнѣе устьевъ Вислы, что какъ разъ приходится къ нашей Алаунской возвышенности, откуда дѣйствительно и течетъ Днѣпръ. Алаунъ—гору Птоломей ставитъ на $4\frac{1}{2}$ градуса восточнѣе Вудинъ—горы. Эти свидѣтельства Птоломея приносятъ къ ошибкѣ Геродота только новое показаніе, что именемъ Вудиновъ называлась возвышенность, съ которой падаетъ Днѣпръ, что стало быть Вудины обитали не только къ верховью Дона, по Геродоту, но и къ верховью Днѣпра, уже по Птоломею.

Послушаемъ, что говорятъ другіе свидѣтели, предшественники Птоломея. Помпоній Мела повторяетъ Геродота. О немъ Шафарикъ отмѣчаетъ слѣдующее: „Очевидно, что Мела списалъ Геродота и ошибочно, вмѣстѣ съ нимъ, помѣстилъ Будиновъ между Дономъ и Волгой (Слав. Древн. т. I, кн. 1, стр. 309).

Плиній (Плин. IV, глав. 12 и 26) дѣлаетъ тоже самое, помѣщая Будиновъ между Ѳиссагетами и Василидами (Скиѳами) т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поселяетъ Геродотъ, говорящій, что за Царскими Скиѳами выше жили Будины, а потомъ еще выше Ѳиссагеты. „Внутри земель, говоритъ Плиній, послѣ Тавровъ, встрѣчаются Авхаты, у которыхъ Гипанисъ (южный Бугъ) беретъ свое начало; Невры, у которыхъ беретъ начало Борисѳенъ-Днѣпръ, Гелоны, Ѳиссагеты, Будины, Василиды и Агаѳирсы съ синими волосами, потомъ Антропофаги". Плиній, какъ и Птоломей, нисколько не противорѣча Геродоту, даетъ опять новое свѣдѣніе, что Днѣпръ течетъ изъ земли Невровъ. Это самое повторяетъ Амміанъ Марцелинъ, писатель 4 вѣка, сказывая (кн. XXII), что „вблизи Каркинитскаго залива обрисовывается теченіе Днѣпра, что рожденный въ горахъ Невровъ, мощный съ своего верховья и увеличенный еще стеченіемъ многихъ рѣкъ, Днѣпръ низвергается въ воды Евксина". Въ другомъ мѣстѣ (кн. XXXI, гл. 2) онъ говоритъ: „въ безграничныхъ пустыняхъ Скиѳіи (выше Сарматовъ) живутъ Аланы, получившіе свое наименованіе отъ горъ. Между этими народами въ срединѣ живутъ Невры въ сосѣдствѣ съ крутыми (обледенѣлыми) скалами... за ними живутъ Будины и Гелоны, затѣмъ Агафирсы, далѣе Меланхлены и Антропофаги". Маркіанъ Гераклейскій современникъ Марцеллина, показываетъ, что Днѣпръ течетъ изъ страны Скиѳовъ-Алановъ.

Вотъ свидѣтели, писавшіе спустя 600 и болѣе лѣтъ послѣ Геродота. Но ни одинъ изъ нихъ не противорѣчитъ его показанію; напротивъ, каждый идетъ по его слѣду и только сокращаетъ его. Всѣ они однако прибавляютъ новое свѣдѣніе, что на истокахъ Днѣпра Невры и Будины соприкасались жилищами. Этимъ вполнѣ подтверждается и сказаніе Геродота о переходѣ Невровъ въ землю Будиновъ и указывается самое мѣсто, верховья Днѣпра, гдѣ этотъ переходъ могъ происходить, причемъ ничто не мѣшаетъ предполагать даже о переходѣ Славянъ-Невровъ и въ земли Новгородской Води. Поселенія Будиновъ, такимъ образомъ распространяются по направленію отъ изворота Дона къ Финскому заливу и это правдивѣе всего обозначаетъ границы древнѣйшаго Финскаго населенія въ сѣверовосточной половинѣ нашей страны.

Геродотъ показалъ, что Неврида начиналась отъ истоковъ Днѣстра, что съ нею граничили Скиѳы-Пахари, которые по его же указаніямъ простирались почти до Кіева. О дальнѣйшемъ пространствѣ Невриды къ С. и З. онъ ничего не говоритъ, какъ не говоритъ и о дальнѣйшихъ земляхъ Будиновъ на Западъ и Востокъ отъ изворота Дона. Онъ идетъ къ Уральскому хребту и по этой только дорогѣ описываетъ встрѣчающіеся народы. Помня его слова о великомъ по многолюдству народѣ Будинахъ и прилагая ихъ къ существующей теперь этнографіи, невозможно думать ни о какомъ другомъ племени, какъ о древней Мордвѣ, Мещерѣ, Муромѣ, Мери, Веси и даже Новгородской Води. Въ свое время это былъ дѣйствительно великій многолюдный народъ, въ земли котораго у верхняго Днѣпра перешли Невры—Славяне и вѣкъ за вѣкомъ оттѣснили его глубже къ Сѣверовостоку за Волгу и Оку.

Во всякомъ случаѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ словами Шафарика, что „судя по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, нѣтъ будтобы сомнѣнія, что великій и многолюдный народъ Будины занималъ когда-то жилищами своими всю нынѣшнюю Волынь и Бѣлоруссію". По Геродоту именно на этихъ мѣстахъ жили на Волыни Скиѳы-Пахари, а въ Бѣлоруссіи Невры. Маленькое

Птоломеево племя Водины жило у Карпатъ на ряду съ Певкинами (Буковина), Бастернами (Быстрица), Карпіанами (Хорватами).

Разсказъ о походѣ Дарія, можетъ быть баснословный, нисколько не измѣняетъ Геродотовской этнографіи, ибо она написана для изображенія Скиѳіи и ея границъ, а вовсе не по случаю только похода. Невѣроятнымъ кажется длина походнаго пути. Но если Дарій изъ Персіи пришелъ къ Дунаю, то очень легко могъ пройдти по степямъ и къ Дону и тѣмъ болѣе легко, что въ то время это была очень торная торговая всѣмъ извѣстная дорога къ Уральскому хребту. Въ 10 вѣкѣ отъ устья Дуная до Саркела на Дону вблизи Волги считалось 60 дней пути. Немудрено, что и во времена Дарія до тѣхъ же мѣстъ считались тѣ же 60 дней, о которыхъ пишетъ Геродотъ.

Несмотря на то, что трудъ Шафарика пользуется великимъ авторитетомъ и представляетъ въ своемъ родѣ цѣлую энциклопедію по Славянской древности, мы все-таки должны сказать, что его изысканія по этнографіи Русской равнины очень слабы. Здѣсь онъ больше чѣмъ гдѣ либо руководился предубѣжденіями, напр. противъ кочевниковъ, и принималъ на слово безъ повѣрки разысканія нѣмецкихъ ученыхъ. Но необходимо замѣтить, что ни для Шафарика и ни для нѣмецкихъ ученыхъ Русская равнина не могла представлять столько интереса, чтобы посвящать ей всю ученую любовь относительно разслѣдованія ея древнѣйшей исторіи. Это дѣло въ полномъ смыслѣ Русское и должно принадлежать Русскимъ ученымъ. А Русскіе ученые, даже передовые историки, къ сожалѣнію, чуть не презираютъ всю нашу Заваряжскую древность. Г. Костомаровъ (Русская старина 1877, № 1) по подобію Шлецера увѣряетъ напр. что изъ тѣхъ показаній древнихъ и средневѣковыхъ писателей о нашей странѣ, какія уже намъ извѣстны, ничего вѣрнаго извлечь нельзя, все будутъ только вѣроятности, а отъ размноженія вѣроятностей наука ничего де не пріобрѣтаетъ. Почтенный авторъ забываетъ, что историческая наука искони устроивается только на вѣроятностяхъ и что каждая страница очень основательныхъ изслѣдованій, даже о временахъ, очень къ намъ близкихъ, на половину всегда состоитъ изъ вѣроятностей, болѣе или менѣе оправданныхъ критикою, а иногда и вовсе неудачныхъ. Размноженіе вѣроятностей неизмѣнно открываетъ путь и къ настоящей истинѣ. Развитію науки очень вредитъ не размноженіе вѣроятностей, а равнодушіе къ ея задачамъ, прикрываемое къ тому же авторитетнымъ Шлецеровскимъ рѣшеніемъ, что дальше заученныхъ истинъ ходить не слѣдуетъ. См. нашей Исторіи Ч. I, стр. 191, 192. Затѣмъ, увѣрять, что мы знаемъ все, что говорили о нашей странѣ древніе, невозможно. Мы знаемъ очень отрывочно, неполно и весьма поверхностно только то, что сообщили намъ нѣмецкіе ученые и Шафарикъ. До сихъ поръ сами мы еще не пускались въ такія тяжкія разысканія, ибо наши руководители всякую подобную попытку встрѣчаютъ осужденіемъ и даже посмѣяніемъ. У насъ напр. нѣтъ не только хорошей, но и никакой исторической географіи нашей страны, а между тѣмъ намъ необходимо же разсуждать и о Черныхъ Болгарахъ, и о Будинахъ, съ которыми мы блуждаемъ, переселяя ихъ съ мѣста на мѣсто, какъ кому понадобится. Если бы была собрана изъ первичныхъ источниковъ древняя географія страны, то многія изслѣдованія, какъ совсѣмъ излишнія, не появились бы и на свѣтъ. Въ нашей исторической наукѣ не существуетъ именно того, что въ изобиліи существуетъ у западной учености,—не существуетъ тѣхъ материковыхъ изслѣдованій, безъ кото-

рыхъ никогда не устроится и самая наука. Вотъ причина, почему мы такъ поверхностно и легко относимся и къ до-Варяжской древности. Г. Костомаровъ всякое толкованіе свидѣтельствъ этой древности почитаетъ произвольнымъ, такъ они кажутся ему чуждыми и дикими для круга нашихъ историческихъ познаній. „До какой степени все это произвольно, говоритъ онъ, можно видѣть напримѣръ изъ того, что упоминаемыхъ Геродотомъ Будиновъ Шафарикъ считаетъ Славянами, предками нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и помѣщаетъ въ бѣлорусскихъ болотахъ, а г. Забѣлинъ видитъ въ нихъ Мордву и Вотяковъ, обитателей восточной полосы. Въ сущности и тотъ и другой руководствуются своими субъективными соображеніями, а результатомъ выходитъ, что наука все-таки не знаетъ, что такое были Будины.“ (Рус. Старина 1877, № 1, стр. 176). Но для повѣрки подобнаго произвола существуетъ судья-критика, а она-то въ настоящемъ случаѣ, проходя молчаніемъ оцѣнку такъ называемыхъ ею произвольныхъ толкованій, что конечно требуетъ труда, стремится только подвергнуть сомнѣнію самое существо вопроса, стремится доказать, что изысканія о какихъ либо Будинахъ, Скиѳахъ, Роксоланахъ и тому подобныхъ предметахъ въ сущности—игра, не стоющая свѣчь. Слѣдуя твердо заученнымъ понятіямъ нашей образованности о пустомъ Русскомъ мѣстѣ въ Исторіи, почтенный авторъ никакъ не хочетъ принять въ родство съ Русью и древнихъ Роксоланъ, говоря, что „подобная мысль и ему приходила, когда онъ занимался древними народами, населявшими Русскую страну, но всмотрѣвшись безпристрастнѣе, онъ увидѣлъ несостоятельность подобныхъ предположеній, основанныхъ единственно (будтобы) на созвучіи“. И затѣмъ, черезъ нѣсколько страницъ (167 и 183) самъ же увѣряетъ, какъ важно напр. свидѣтельство Симеона Лагоѳета о древнемъ Росѣ, освободителѣ и прародителѣ Руси. Это свидѣтельство, говоритъ онъ, „должно имѣть для нашей исторіи первостепенную важность: оно служитъ доказательствомъ, что Руссы сами себя отнюдь не считали происходящими отъ недавнихъ пришельцевъ, но, подобно многимъ древнимъ народамъ, духовно жившимъ миѳическими преданіями о своей старинѣ, имѣли воображаемыхъ (!) предковъ и родоначальниковъ“. Сколькоже требуется пристрастія для того, чтобы замѣтить и безъ того очевидное сродство народнаго миѳа, въ глубинѣ котораго всегда лежитъ несомнѣнная истина, съ историческими несомнѣнными свидѣтельствами о существованіи цѣлаго народа съ такимъ же именемъ, упоминаемаго за нѣсколько столѣтій прежде на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ существовалъ и миѳическій и историческій Россъ. Конечно, это только вѣроятность, ибо никакого юридическаго документа и росписки на это мы нигдѣ не найдемъ. Но историческая правда имѣетъ свои основанія, для которыхъ юридическій документъ, или писаное засвидѣтельствованіе еще не многое значитъ.

Такъ шатки и поверхностны огульныя осужденія почтеннаго критика всѣхъ попытокъ, стремящихся разъяснить доисторическое время Руси. Ясное дѣло, что при такомъ направленіи нашей руководящей исторической критики появленіе русскаго Шафарика или Цейса на долгое время сдѣлалось невозможнымъ. Для молодыхъ ученыхъ потребуется большая храбрость уже только для того, чтобы сломить застарѣлыя и закоснѣлыя предубѣжденія противъ Скиѳства и Роксоланства древней Руси.

Въ своей книгѣ мы сдѣлали, что могли, опираясь главнымъ образомъ на первоначальные источники, какъ показано и выше, и не вступая въ споры съ

разнообразными мнѣніями авторитетовъ, имъ же нѣсть числа, по той причинѣ, что ихъ разборъ потребовалъ бы особой книги. Въ отношеніи мѣстоположенія древнихъ жилищъ Вудиновъ мы имѣемъ на своей сторонѣ между прочимъ авторитетъ знаменитаго Герена (Политика и Торговля древнихъ народовъ), который, преслѣдуя одни научныя цѣли, конечно, иначе и не могъ растолковать до крайности простой и ясный текстъ Геродота.

[17]) О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, г. Буслаева, стр. 46—47.—Славянскія Древности, П. Шафарика, т. 1, кн. I, стр. 173 и слѣд.—Изслѣдованіе начала народовъ Славянскихъ, Л. Суровецкаго, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Д. Р. 1846, № 1, стр. 18.

[18]) Слав. Древности Шафарика, т. I, кн. 1, стр. 177.

[19]) Исторія Землевѣдѣнія, лекціи К. Риттера, Спб. 1864, стр. 88.

[20]) Записки Имп. Археол. Общества, т. IV, стр. 3.—Сборникъ Матеріаловъ и статей по Исторіи прибалтійскаго края, Рига, 1877, т. I, стр. 3.

[21]) Слав. Древности, Шафарика, т. II, кн. III, стр. 81 и слѣд.

[22]) Юлія Кесаря Записки о походахъ въ Галлію, кн. III, главы 8—16. Слав. Древн., т. I, кн. I, стр. 429, 432, 433; т. II, кн. III, стр. 87, 116, 120, 122.

[23]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, стр. 187.

[24]) Слав. Древности Шафарика, т. I, кн. II, стр. 267.—Изслѣдованіе Суровецкаго, Чтенія Общ. И. и Д. 1846 г. № 1, стр. 69.—Начертаніе Слав. Миѳологіи, Касторскаго, 173.

[25]) Исторія Землевѣдѣнія Риттера, стр. 33, 89.

[26]) Діодоръ Сицилійскій, Спб. 1774, ч. 2, кн. IV, 4.

[27]) Geschichte Preussens, I. Voigt, ч. 1, стр. 91.—Плиній кн. IV, въ изданіи Панкука, примѣчанія, стр. 306—320.—Нашей Исторіи ч. 1, 279.

[28]) Надеждина: Опытъ Историч. Географіи, въ Библіотекѣ для чтенія 1837, т. 22, стр. 77.

[29]) Кеппена: Древности Сѣверн. берега Понта, М. 1828, стр. 153.—Шафарика Слав. Древности, т. I, кн. II, 259, 260.

[30]) Нашей Исторіи ч. I, стр. 293.

[31]) Фойгтъ, Исторія Пруссіи, ч. 1, стр. 98.

[32]) Шлецера Несторъ, I, стр. 96. Производство слова Пруссіи отъ По—Руссіи Шафарикъ какъ филологъ гнѣвно отвергаетъ, говоря безъ дальнихъ толкованій, что имя Прусъ коренное, простое. Слав. Древн. т. I, кн. 2, 301. Это говорилось конечно въ силу той утвержденной имъ мысли, что Руссы происходятъ изъ Швеціи отъ Родсовъ, отчего онъ не хотѣлъ болѣе подробно разсмотрѣть и Руговъ. Но „въ Литовскомъ нарѣчіи, говоритъ Нарбутъ, изъ названія жителей какой либо окрестности легко можно узнать, близъ какой рѣки они жительствуютъ; ибо слогъ по прибавляется къ собственному имени рѣки, напр. По—Швентосъ, По—Юріосъ, По—Невѣжосъ, что означаетъ людей живущихъ на берегахъ рѣкъ: Швенты, Юры, Невѣжи. По сему-то этимологію названія Прусаковъ ближе всего производить можно отъ слова Руссъ.“ Сѣв. Архивъ 1822. № 3, 225. Мы должны присовокупить къ этому, что Литовскихъ мѣстныхъ именъ съ предлогомъ по и до сихъ поръ существуетъ великое множество.

[33]) Въ Моск. Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ древнія географическія карты Пруссіи. См. также Начало Руси г. Костомарова въ Совре-

меннике 1860, январь, стр. 9.—Линде: О языке древних Пруссовъ, въ Соревнователе просвещенія и благотворенія 1822 г., № VI, 293.

[34]) Напр. Аугсгиренъ, Витгиренъ, Матзгиренъ, Рофгиренъ, Скайсгирренъ, Стумбрагиренъ, Гирратишкенъ, Амбрасгиренъ, Лейдгиренъ, и др. Это въ нѣмецкой сторонѣ нѣмонскаго края. Въ Русскихъ Литовскихъ и Латышскихъ краяхъ находимъ: Авжгире, Базніегиры, Видгиры, Вочгиры, Гирвійтисъ, Гирыники, Кибгиры, Лабгиры, Лепогиры, Жилогиры, Погиры, Скайсгиры, Скайстогиры, Скабсгиры, Ужгиры и пр. Встрѣчаются Ругини, Герули и т. п. Точно такую же память и въ тѣхъ же краяхъ сохраняютъ и Скирры, см. Шафарика Слав. Древн. т. I, кн. 2, стр. 260, имя которыхъ, какъ имя Гирровъ, распространяется даже и за Шавли. Все это даетъ не малое основаніе къ заключенію, что показанные въ первый разъ Плиніемъ на Вендскомъ заливѣ Скирры и Гирры, см. выше стр. 35, напрасно, какъ и многіе другіе народы, приписываются къ Нѣмецкому племени. По всѣмъ видимостямъ они были тутошніе старожилы, Литовцы и Латыши. Любопытно, что въ одномъ древнемъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту (Слово похвальное на Рождество Прчтыя Бца), въ которомъ Русь именуется новымъ стадомъ, перечисляются разные народы, въ томъ числѣ и Скирры, и даже Пруци. „По истиннѣ бо Стая кто тебе не славитъ, кто тебе не хвалитъ и молитъ: Румири или Греци или Болгаре или Руси новое твое стадо или Рамяне и Овазгу, Ивери же и Алане, Перси же и Парфи, Инди и Ефіопе, Алмази же и Пруци, Серпи же и Харвати, Саи же и Скири, Оуандили и Египиди, Лягаварди и Власы, Сарди же и Вонятци, Моравляне и различии Словени, Гоуфи же и Фили и иніи мнози языци...“ Повидимому это весьма древнее слово переработано для Русской паствы, быть можетъ еще при дѣтяхъ Ярослава, такъ какъ въ немъ возсылается моленіе въ такихъ словахъ: „Соблюдай и храни своихъ рабъ благочестивыхъ князей нашихъ и владыку (митрополита) и заступи ихъ отъ всякія рати видимыя и невидимыя“... Слово находится въ Сборникѣ поученій 16 вѣка, бѣлорусскаго письма, въ листъ. Рукопись принадлежитъ библіотекѣ Е. В. Барсова, которому приносимъ искреннюю благодарность за сообщеніе этого любопытнаго памятника.

[35]) Шафарика Слав. Древн. т. II, кн. I, стр. 72.—Фойгтъ Исторія Пруссіи ч. I, 508. Мы думаемъ, что упоминаемая въ житіи Бамбергскаго епископа Оттона, соч. Гербордомъ, Flavia, есть таже Шлавія, Шалавонія, Slavia, какъ справедливо догадывался и г. Котляревскій (Книга о Древностяхъ и Исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII в., стр. 28, 29), объяснявшій впрочемъ это имя Половцами, тамъ же стр. 19. При этомъ въ житіи Оттона указываются и связи древней Руси и съ Поморьемъ и съ Нѣмонскою Славіею въ началѣ 12 вѣка.

[36]) Нашей Исторіи ч. I, стр. 589.—Фойгтъ Исторія Пруссіи, ч. I, 621.

[37]) Германизація Балтійскихъ Славянъ г. Первольфа, Спб. 1876, стр. 33, 213, 255. Вліяніе Каролингской династіи на Славянскія племена, М. Касторскаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1839, октябрь; Шафарика: Слав. Древности.

[38]) Славянскія Древности, т. II, кн. III, стр. 111.

[39]) Стр. 47.—Русскій Историч. Сборникъ, IV, 165, 166.

[39]) Стр. 50.—Славянскія Древности, т. II, кн. 1, стр. 67, 72, 73.

[40]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ В. Княжествѣ Литовскомъ. Вильна 1867, стр. 39.

[41]) Г. Семенова: Географ.-Статист. Словарь Россійской Имперіи. Спб. 1867; Слово Нѣмопайце. — Нарбута: Догадки о древнихъ Литовцахъ, въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г., № 6.

[42]) Вилія по литовски именуется Нерисъ, neris, nirge. Матеріалы для Геогр. и Статист. России, Ковенская губернія, г. Афанасьева, стр. 75.

[43]) Въ 1-й части нашего труда, стр. 275, мы напрасно дѣлали догадку о Птоломеевомъ имени Судины, означая его именемъ Чуди.

[44]) Нашей Исторіи часть 1, стр. 278.

[45]) Русскій Историч. Сборникъ, III, 160.

[46]) Акты Археогр. Экспедиціи I, 35, 53, 92, 198; II, 68, 71; Акты Историческіе I, 308, 309; Акты Юридическіе 12, 23; Описаніе документовъ и бумагъ архива Министерства Юстиціи, кн. I, 12—14. Упомянутый Волокъ Держковъ также имя соотвѣтственное Вендскому—Держковъ. Г. Первольфа Германизація Б. Славянъ 195, 216, 230.

[47]) Новгородскія писцовыя книги, т. III, Переписная книга Вотской Пятины. Временникъ Общ. И. и Д. кн. VI, 349, 370, 399 и др.

[48]) Изслѣдованіе о Славянахъ Суровецкаго въ Чтеніяхъ Общ. И. и Д. 1846, № 1, стр. 11.

[49]) До сихъ поръ существуютъ: Старгардъ пониже Данцига, Старгардъ съ востока отъ Штетина, другой съ запада, Старгардъ-Ольденбургъ и пр. О противоположныхъ мнѣніяхъ, не хотящихъ допустить въ Русскую Исторію Балтійское Славянство, см. примѣч. 197.

[50]) Вель-гощъ, Видо-гощъ, Гостибицы, Гостивицы, Гостимичи, Дивогощъ, Жилогость, Ирогоще, Любогощъ, Моглогость, Негостицы, Радогостицы, Утрогощъ, Угоща, Ходгостицы, Чадогоща, Югостицы и мн. др. см. Неволина: О Пятинахъ Новгородскихъ.

[51]) Взятъ былъ Кай-городъ. См. Древн. Росс. Вивліоѳ. VIII, 365.

[52]) Перепись Новгородскихъ дворовъ второй половины 16 вѣка, списокъ 1822 г., принадлежащій нашей библіотекѣ. „На Щуровѣ улицѣ — мѣсто пусто тяглое Прошковское Нефедова Варежника, и Пронка умеръ въ 67 году, длина 15 с. поперегъ 6 саж. М. пусто тяглое Пахомовское Мартынова Варежника и Пахомко умеръ 66 году. М. пусто тяглое Ондрюшкинское Варежника и Ондрюшко умеръ въ 68 году“. При этомъ переписатель рукописи, нѣкто Сергѣй Вындомскій, замѣтилъ слѣдующее: „Что бы такое означало слово Варежникъ, я недоумѣваю. Но не Варяги ли значилося? Замѣчаніе переписателя С. В.“

[53]) При этомъ необходимо имѣть въ виду большое семейство старыхъ словъ съ тѣмъ же окончаніемъ ягъ, таковы древнія: княгъ, пенягъ и напр. мѣстныя имена: Бурягъ, Липягъ, Соснягъ, Березнягъ, Дубнягъ, Смоляжъ, Хотяжъ, Веряжи, Свитяжъ и др., которыя произносились и на егъ—Буреги, Березнеги, Соснегъ, Липнеги, Воротегъ, Вареги, Тунегъ, Орлега, Вережа и пр. По всему вѣроятію и имя Печенѣгъ въ первое время произносилось Печенягъ, ибо въ этомъ видѣ, Пацинаки, Пацинакиты, оно появилось у Грековъ. Въ сѣверской сторонѣ есть селеніе Печенюги. Вообще окончаніе ягъ (енгъ) родное Русское, вовсе не заимствованное у Скандинавовъ, какъ передѣлка ихъ окончанія ing. См. г. Буслаева: О вліяніи христ. на слав. языкъ, стр. 163.

[54]) Ж. М. Н. Пр. 1874, ноябрь; 1875, февраль, мартъ, статья г. Васильевскаго Варяго-Русская и Варяго-Англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ.

[55]) Объ этомъ см. ниже, стр. 398.

[56]) Въ 1156 г. она была заложена каменная заморскими купцами; въ 1181 г. отъ грома сгорѣла; въ 1190 г. вновь построена. Она называлась Варяжскою и въ 14 вѣкѣ. Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей III, 18, 20, 35, 70, 216.

[57]) Нута, рѣка у Балтійскихъ Славянъ и имена мѣстъ въ Помераніи: Nutzlaff, Nutzlin, Nutzcow. См. нашей Исторіи часть 1, стр. 606. У насъ Нутниками назывались прасолы. Акты Арх. Эксп. I, 320.—Bardt, Bartelin, Bartin, Bartlaff и другія Померанскія имена, см. нашей Исторіи ч. I, стр. 598. Припомнимъ Саксонскихъ Бардовъ, сосѣдей Люнебургскихъ Славянъ у г. Первольфа: Германизація Б. Славянъ, 39.

[58]) „Нерома, сиречь Жемоить", говоритъ Переяславскій лѣтописецъ. Руссъ Нѣмонскій жилъ въ землѣ этой Неромы; тамъ же находилась и Нѣмонская Славонія. Не оттуда ли и населеніе Неревскаго конца? Припомнимъ рѣки: Наревъ—Наровь—Нарва, Неровы, Нересла, Наровль, Нерцы, Нерестекъ, Нарочь, Нарцы и другія мѣста въ Литовскомъ краю, откуда вѣроятно эти имена разнесены и на нашъ сѣверовостокъ.

[59]) Нашей Исторіи ч. 1, стр. 184.

[60]) Въ первой части нашего труда, стр. 198, мы кажется ошибочно полагали Шетиничей на Торговой сторонѣ, взявъ во вниманіе только тамошнюю Щитную улицу. Шетициници въ 1165 г. поставили церковь Св. Троицы. Сколько извѣстно, во имя Троицы въ Новгородѣ существовала только одна церковь въ въ Людиномъ концѣ на Редятиной улицѣ, почему съ большею вѣроятностію къ ней должно относить и мѣсто-жительство Шетиничей. Эту церковь въ 1365 году вновь построили Югорцы, вѣроятно торговцы съ Югрою.

[61]) О мѣстоположеніи древняго Новгорода И. Красова, Новгородъ, 1851, стр. 29 и др.

[62]) Въ Лѣтописи читаемъ: „Имаху дань: на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ", и далѣе: рѣша. „Чюдь, Словѣни и Кривичи: вся земля наша" и пр. Явная порча текста. Послѣ того лѣтописецъ помѣщаетъ Синеуса на Бѣлѣ озерѣ и, говоря о находникахъ Варягахъ, перечисляетъ Кривичей, Мерю и Весь на Бѣлѣозерѣ.

[63]) См. выше стр. 34, 67. Имя Вагровъ Гильфердингъ производилъ отъ санскр. вагара — храбрость; но г. Павинскій приводитъ другое объясненіе этого имени, указывая, что у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Вагры именуются Wucrani, Wocronin, что означаетъ: Укране, отъ Укранъ, жившихъ на Одрѣ, по р. Укрѣ. Полабскіе Славяне, Спб. 1871, стр. 3 и 5.

[64]) Тоже сочиненіе, стр. 50.

[65]) Начало Руси г. Костомарова, въ Современникѣ 1860 г. январь. Почтенный авторъ Нѣмонскую Русь почитаетъ Литовскимъ племенемъ, именно Жмудью, и рѣшаетъ, что призванные князья были Литовцы.

[66]) А. Котляревскаго: Древности Права Балтійскихъ Славянъ, Прага 1874, ч. 1, стр. 149. Исправляемъ опечатку, вмѣсто Пребиславъ, слѣдуетъ читать Прибиславъ.

[67]) А. Лерберга: Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, Спб. 1819, стр. 32.

[68]) Разысканія о началѣ Руси, М. 1876 г. стр. 238 и др. Варяги и Русь, изслѣдованіе С. Гедеонова, Спб. 1876, примѣчаніе 1.

[69]) Шлецера Несторъ II, 333, 334.

[70]) „Замѣчательно, говоритъ Иречекъ, что Булгаръ Албанцы называютъ Шкіяу, Булгарія—Шкіенія, а Румуны весьма похожимъ именемъ Шкіейи." Исторія Булгаръ, Варшава 1877 г., стр. 106. Очень замѣчательно и это сходство древнихъ именъ, Геродотовскаго Эксампея (см. нашего сочиненія ч. 1, стр. 219, 409) и Аксіаковъ Помп. Мелы и другихъ географовъ отъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, съ новыми—Шкіяу и Шкіейи.

[71]) Каспій, гг. академиковъ Дорна и Куника. См. пашего сочиненія Ч. 1. стр. 121—127.

[72]) Лава значитъ собственно уступъ. Почти каждый порогъ состоитъ изъ нѣсколькихъ такихъ уступовъ; на самомъ порогѣ Ненасытцѣ существуетъ 12 лавъ—уступовъ. Поѣздка въ южную Россію г. Аѳанасьева-Чужбинскаго ч. 1, Очерки Днѣпра, 101.

[73]) Теперешнія прозвища пороговъ, всякой лавы, всѣхъ опасныхъ камней, мысовъ и водоворотовъ см. въ приведенномъ сочиненіи г. Аѳанасьева-Чужбинскаго. Теперь порогъ Ненасытецъ лоцманы называютъ еще Дѣдомъ; одинъ опаснѣйшій въ немъ камень называется Крутько, который какъ бы хватаетъ попавшія къ нему суда.

[74]) Древности.—Труды Моск. Археол. Общества, т. VII, стр. 241, описаніе Кіевскаго клада Б. Антоновича.—Записки Импер. Археологическаго Общества, т. IV, Спб. 1852, стр. 3.

[75]) Разборъ мнѣній о значеніи имени: Угорское, см. у Гедеонова: Варяги и Русь, 230. Авторъ этимъ именемъ, хотя и на слабыхъ основаніяхъ, доказываетъ даже Венгерское происхожденіе Аскольда. Въ областномъ сѣверномъ языкѣ Угоръ значитъ высокій берегъ рѣки.

[76]) Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, т. III, Договоры съ Греками, записка акад. Срезневскаго, стр. 263, 266.

[77]) О существовавшихъ въ древности городахъ въ южной Русской Украйнѣ см. нашей Исторіи ч. I, стр. 281 и этой части стр. 143. Развалины древнихъ городовъ въ южныхъ степяхъ, именно по рѣкамъ Конскія Воды и Овечьи Воды существовали еще въ концѣ 17 ст. Въ 1680 г. посланникъ въ Крымъ Василій Тяпкинъ видѣлъ тамъ Капища бусурманскія—каменное строеніе старожитнаго поселенія, отъ давнихъ лѣтъ развалилось. Татары ему сказывали, что это были жилища Мамая-хана.

[78]) О составѣ Русскихъ Лѣтописей, изслѣдованіе К. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868, приложенія стр. 4, 6.

[79]) На Киммерійскомъ Воспорѣ въ 4 вѣкѣ Пантикапея (Керчь) называлась матерью всѣхъ городовъ Воспорскихъ. Очевидно, что и матерь—Кіевъ происходитъ изъ тѣхъ же античныхъ идей о старшинствѣ и преобладаніи древнихъ торговыхъ городовъ. По Страбону, Пантикапея была матерью европейскихъ Воспорскихъ городовъ, а Фанагорія почиталась матерью азіатскихъ городовъ. Кеппена: Древности сѣвернаго берега Понта, М. 1828, стр. 41.

[80]) Св. Димитрій Солунскій почитался заступникомъ и покровителемъ Грековъ въ ихъ войнахъ съ позднѣйшими варварами, съ Аварами и Болгарами Ж. М. Н. П. 1875, февраль, 434.

[81]) Вѣстникъ Европы 1829 г. № 23, стр. 163.

[82]) М. Дриновъ: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. 1875, кн. 3, стр. 12.

[83]) Переволокъ, волокъ необходимо должны обозначать судовой колесный путь, на которомъ, если это была торная дорога, могъ существовать даже и наемный извозъ. См. Примѣч. 177. Въ 14 в. митроп. Пименъ переправился такимъ образомъ на колесахъ изъ Рязанскихъ рѣкъ къ Донкову на Донъ. Донскіе казаки также переволакивали изъ Дона въ Волгу, изъ Иловли въ Камышинку.

[84]) Покойный Гедеоновъ (Варяги и Русь, стр. 286—289) насчитываетъ 15, раздѣляя одно имя на двое. Изъ 15 семь онъ относитъ къ Славянскимъ, 3 къ Германо-Скандинавскимъ, одно, Карлы, находитъ сходнымъ съ тюркскимъ (напр. Карлай), остальныя 4 относитъ къ сомнительнымъ. Относительно имени Карлы замѣтимъ, что въ Померанскихъ именахъ существуетъ Carlitz. Изъ сомнительныхъ Рулавъ объясняется Помер. Rulow, Rullewitz; Рюаръ—Reier. Roerke, Rohr.—Объясненное изъ Славянскаго Каринъ, Карнъ, подтверждается Помер. Carnitz, Karnkevitz. Фарлофъ, можетъ быть,—Bartlaff, Лиговское — Бартлавки 35 в. къ С.З. отъ Шавлей. См. примѣчаніе 94.

[85]) Такъ мы читаемъ эту довольно темную статью договора. Намъ кажется, что въ ней необходимо отдѣлить заглавіе отъ самаго текста. „О(тъ) взимающихъ куплю Руси о(тъ) различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ". Эту рѣчь мы почитаемъ заглавіемъ, ибо и нѣкоторыя предыдущія статьи тоже обозначены подобнымъ же заглавіемъ. Затѣмъ въ словахъ: „Аще злодѣй възвратится въ Русь"—предполагаемъ вѣроятный пропускъ частицы не, не възвратится, что вполнѣ объясняется смысломъ всей статьи.

[86]) Можемъ это заключать на основаніи замѣчаній академика Срезневскаго, см. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, т. III, стр. 259.

[87]) См. въ Кормчей Закона Градскаго, грань 34, число 10, объ освобождаемыхъ рабахъ.

[88]) Шлецера Несторъ, II, 785.

[89]) Устюжскій Лѣтописецъ М. 1781, стр. 9 и 10, отмѣчаетъ, что Олегъ, по возвращеніи изъ Цареградскаго похода, „иде къ Новугороду, оттудѣ въ Ладогу... и есть могила его въ Ладозѣ". Быть можетъ въ Ладогѣ существовала нѣкогда могила съ именемъ Олеговой, къ которой Лѣтописецъ и присвоилъ смерть Олега Вѣщаго. У Владиміра былъ бояринъ Олгъ, см. стр. 426.

[90]) Примѣчательно, что князья, носившіе имя Игоря, были также Гориславичами, какъ и ихъ старый предокъ. Игорь Ольговичъ убитъ Кіевлянами; Игорь Святославичъ попалъ въ плѣнъ къ Половцамъ и воспѣтъ въ извѣстномъ Словѣ; Игорь Глѣбовичъ (изъ Рязанскихъ) также былъ плѣненъ Всеволодомъ Суздальскимъ.

[91]) Стр. 143. Сума: Историч. Разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. 1846 г. № 1, Смѣсь, 19. Припомнимъ имена Русскихъ мѣстъ Которосль, Катагощъ и т. п.

[91]) Стр. 148.—См. примѣчаніе 3.

[92]) Шлецера Несторъ III, 43.

[93]) Тамъ же стр. 44.

[94]) Это число городовъ мы получаемъ при слѣдующемъ распредѣленіи именъ:

Послы:	*Отъ кого:*	*Купцы:*
1) Иворъ	Игоревъ	Адунь.

Общіи (Послы):	*Отъ кого:*	*Купцы:*
2) Вуеѳастъ	Святославль, сынъ Игоревъ.	Адулбъ, Адулобъ.
3) Искусеви	Ольги княгини	Иггивладъ, Ангивладъ.
4) Слуды	Игоревъ, нетій Игоревъ.	Олѣбъ.
5) Улѣбъ	Володиславль	Фрутанъ.
6) Каницаръ	Передъславинъ	Гомолъ.
7) Шихбернъ, Шигобернъ	Сфандръ, жены Улѣблѣ .	Куци.
8) Прасътѣнъ	Турдуви, Туродуви . . .	Емигъ.
9) Либіаръ	Фастовъ	Турбидъ, Туръбридъ.
10) Гримъ	Сфирьковъ	Фуръстѣнъ.
11) Прастѣнъ	Якунъ (ь), нетій Игоревъ.	Бруны.
12) Кары	Тудковъ, Студьковъ . .	Роалдъ, Родоалдъ, Лоардъ.
13)	Каршевъ	Гунастръ.
14)	Турдовъ	Фрастѣнъ.
15)	Егрісвъ	Игелдъ, Ингелдъ, Игердъ.
16)	Лисковъ, Влисковъ . . .	Туръбернъ, и другій
17) Воистъ	Воиковъ	(Улѣбъ) Турбернъ.
18) Истръ	Аминодовъ	Моны.
19) Прастѣнъ	Берновъ	Руалдъ.
20) Явтягъ	Гунаревъ	Свѣнь.
21) Шибридъ	Алдань	Стиръ.
22) Колъ	Клековъ	Алданъ.
23) Стегги	Етоновъ	Тилій, Тилена, Телина.
24) Сфирка		Пубьксарь, Пупсарь, Апубкарь.
25) Алвадъ	Гудовъ	Свѣнь.
26) Фудри, Фруди	Туадовъ, Тулдовъ, Тулбовъ	Вузлѣвъ.
27) Мутуръ	Утинъ	Синко, Исинько. Борнчь.

Очень многія изъ этихъ именъ ближе всего поясняются именами мѣстъ, Вендскими и Литовскими. Для сравненія и въ дополненіе къ объясненіямъ покойнаго Гедеонова (Варяги и Русь стр. 286—305) приводимъ подобныя имена, сколько успѣли собрать, пользуясь только картами Оппермана и Шуберта. Вендскія имена см. нашей Исторіи Ч. I, стр. 598—612.

1) Адунь—Венд. Dunow, Dunnow, Oddon.

2) Вуеѳастъ сравнимъ съ Вихвастъ сел. къ С.В. отъ Сѣднева, Черн. Г.; также съ фамил. Буйхвостъ (какъ Буй-носъ). Въ Литовской сторонѣ много составныхъ именъ съ Буй и Вой.—Адулбъ—Дульбы, Дыльбины къ С. отъ Шавлей; Дулабисъ къ С.З. отъ Ковно.

3) Очень невнятное имя Искусеви весьма достаточно поясняется Вендскими Cussow, Kussow, Kussin, Kussitz. Куссы къ С.З. отъ Тельшей.

4) Слуды, кромѣ русскихъ мѣстъ—Слуды Новг. и Слудовы Кіев. и мног. др. имѣетъ сходное и Вендское Slutowe.

5) Улѣбъ—Литовск. Улбѣны 60 в. къ ЮЗ. отъ Вильны.

6) Каницаръ—Konitz, Kannen, Cannin.—Гомолъ—Лит. Гомалѣ 30 в. къ Ю. отъ Тельшей.

7) Сфандръ, женское, равняется имени Швендра, сел. въ 15 верст. къ западу отъ города Россіенъ, который по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ почитаться городомъ Руси принѣмонской. — Ших-Шиго-бернъ Литов. Жиги и Бернъ см. № 19.

Куци—Венд. Cutze, Cutzow, Cutzglow; Литовск. Коціе, Коуцовъ, Куцевиче, Куцишки, Куцки и пр. Ков., Вил. и Гродн. губерн.

8) Прасътѣнъ—Prust, Preest, Pristke, Pristow.—Престовяны къ З. отъ Поневѣжа.—Stenscke.—Турдуви—Венд. Turtzke. Мерянскія мѣста Турдіево, Турдіевы враги; Турдей, между р. Непрядвою и Мечею, выше Ефремова и др. Доселѣ существуетъ Туртова могила, курганъ въ 18 верст. къ З. отъ Триполья.—Емигъ—Литов. Мегяны въ 40 в. къ ЮЗ. отъ Поневѣжа.

9) Либіаръ—Libits, Libitz, Libiantz.—Фастовъ—Wastke, Pastis, Pastlow; Хвастейки въ 10 в. къ С. отъ Гродно.—Туръбидъ сравн. Литов. Буй-Видъ. Туръбридъ—Литов. Бридзье, Брыды, 12 в. къ Ю. отъ Шавлей.

10) Гримъ — Grimme. Сфирьковъ — кромѣ многихъ русскихъ и литовскихъ именъ Свирь, Свирны, Свиранки, Свирконты и т. п., Венд. Swirse, Swirnitz.

11) Акунъ, Якунъ—въ Литвѣ: Якунъ, Якунка верстъ 40 къ З. отъ Словенска на Нѣмонской Березинѣ; Якунцы въ 20 в. къ С. отъ Вилькомира. — Бруны—Венд. Brunn, Brunne, Brunow и др. Бруновишки въ 60 в. къ С. отъ Поневѣжа.

12) Кары — Венд. Carow, Carritz.—Тудковъ — русскія имена Тудъ, Тудоръ, Литов. Тударево 20 в. къ В. отъ Новогрудка Гродн. губ.

13) Каршевъ—Karsibor.

15) Егріевъ—рѣка Ейгра, текущая въ одинъ изъ притоковъ Нижняго Нѣмона.—Игердъ—Эгирды 40 в. къ Ю. отъ Ошмянъ;—Вильгердайце въ 40 в. къ З. отъ Поневѣжа; Гердувяны 20 в. къ В. отъ Мемеля; Гіердовки 12 в. къ С. отъ Новогрудка Гродн. губ.; Ейгерданцы 60 в. къ З. отъ Вильны; Оргирданы 35 в. къ С.В. отъ Вильны.

16) Лисковъ, кромѣ многихъ Русскихъ именъ, Венд. Liskow. Влисковъ—Bliskow.

17) Воистъ — Воистомъ сел. Виленск. г. въ 20 в. къ З. отъ Вилейки, Войстовиче верстахъ въ 10 къ СЗ. отъ Словенска на Березинѣ.

18) Истръ—Литов. имена Геистры въ 20 в. къ ЮВ. отъ Словики на Шешупѣ. Поистра въ 15 в. къ С. отъ Поневѣжа.—Аминодовъ, Яминдовъ — Литов. Ямонты верстъ 12 къ Ю. отъ Тельшей; Поямонтцы еще южнѣе в. 25; и еще южнѣе 25 в. Ямонты и Словошишки; Ямонты 20 в. къ Ю. отъ гор. Лиды Гродн. губ.; Ямонты въ 20 в. къ В. отъ Куришъ-гафа. — Моны—Венд. Monic, Monnekevitz, Monchow. Литов. Монче.

19) Берновъ — Литов. Бернюны, Берноты, Бернатана около гор. Поневѣжъ Берничево 20 в. къ С. отъ Новогрудка. и мн. др. Венд. Berneckow, Bernikow.

20) Явтягъ—Литов. Явтаки 35 в. къ С. отъ Тельшей.—Свѣнь—Swine, Swinge, Zwine.—Литов. Посвинги 8 в. къ С.В. отъ Тельшей.

21) Шибридъ — Жибарты 35 в. къ З. отъ Новогрудка Гродн. губ.; Жиберы см. № 9.—Алданъ—Eldena, Eldenow, Laddin, Ladentin.—Стиръ—Литов. Стырбе, Стырбайце, Стырпейки, Стеръ-озеро.

22) Колъ, кромѣ русскихъ именъ, напр. Кіев. Колъ Серебряный и пр. Коловичи близь Вилейки. Вендск. Kolove. — Клековъ — Клековская Бѣлозерская волость, Венд. Cluckow, Литов. Клюковичи.

23) Стегги—Венд. Stegelitz, Stengow. Литов. Стегвилы къ З. отъ Россіенъ 35 в.; Стегвиля къ С. отъ Поневѣжа верстъ 50.—Етоновъ—Венд. Tonnitz, Tonnebur. —Тилій, Телина.—Tilsan, Tellin, Tellendin.

24) Пубьксарь и пр.—Венд. Bubkevitz; Литов. Пупкаимъ, Пупинѣ, Пупше, Бубы, и др.; Русск. Пупка у рр. Рясъ и Воронежа и др.

25) Гудовъ—Венд. Gudose, Guddentin. Литов. Гуды, Гудда, Гудалесъ, Гудзи, Гуделле, Гудайце.

26) Фудри — Литов. Будри, Будре, Будры, Будришки.—Тулбовъ—Лит. Толбей, Дылбы.—Вузлевъ—Венд. Wustlaff, Русск. Возлебы у Рязан. Скопина.

27) Мутуръ—Венд. Mutrnow, Muttrin.—Исинько—Венд. Isingen.—Боричь—Венд. Boriz.

Изъ Олеговыхъ пословъ такимъ же образомъ поясняются кромѣ указанныхъ въ примѣч. 84,—Труанъ—Литов. Тріонъ въ 30 в. къ С. отъ Рагнита; Труйки къ З. отъ Тельшей; Троянишки въ 35 в. къ С. отъ Поневѣжа. Актеву можно сравнить съ Тактау (Тактавъ) сел. на южномъ берегу Куришъ-гафа, который нѣкогда прозывался Русскимъ моремъ.

Другія имена: Аскольдъ, кромѣ Соколды, Исколда, стр. 54, 56, находимъ Аскилды въ 40 в. къ СЗ. отъ Вилкомира (карта Оппермана); Асмудъ—Асмутен, см. примѣч. 102; Икморъ—Ихмарь изъ страны Мери, гдѣ на ЮВ. Ростовскаго озера есть рѣчка и мѣсто Ихмарь и возлѣ мѣсто Россыня (см. Меряне гр. Уварова стр. 31), сравн. также Литовск. Жижморы отъ Вильны къ СЗ. верстахъ въ 50. Можно сравнить и Сенеуса съ Сенунусомъ сел. въ 10 в. къ З. отъ Ковно; какъ и Трувора съ Турборомъ у балт. Славянъ (г. Первольфа Германизація 144), а равно и Рюрюка съ Рѣришки сел. 60 в. къ ЮЗ. отъ Вильны. Припомнимъ сел. Игорь въ 45 в. къ СЗ. отъ Тельшей и т. п. Имя порога Геландри также находитъ свои корни въ Литовскихъ именахъ, напр. Гелендзяны 15 в. къ З. отъ Тельшей, и имена Бендры, Гедры, Аудра, Индрунъ и т. п., указывающія на форму окончанія Геландри. Самыя завѣдомо германо-скандинавскія имена, если они попадаются и на Балтійскомъ-Славянскомъ поморьѣ, тоже могутъ служить доказательствомъ, что они принесены къ намъ Варягами-Славянами же, но не Скандинавами. И вообще только послѣ внимательнаго сличенія древнихъ русскихъ именъ съ вендскими и литовскими мѣстными именами, возможно будетъ судить и о томъ, сколько въ нихъ останется скандинавскаго. И здѣсь уже мы видимъ, что литовскія имена ближе объясняютъ древне-русскія. Это однако не значитъ, что въ первыхъ русскихъ дружинахъ господствовали Литовцы, ибо балтійскіе Велеты-Лютичи, по словамъ Шафарика (т. 2, кн. 3, стр. 182), сами должны были выдти откуда-либо изъ Виленскаго края. По Птоломею они сидѣли въ устьяхъ Нѣмона и по Шафарику (тамъ же стр. 186—192) ихъ учрежденія, обычаи, нарѣчіе, религія носятъ явные слѣды литовщины, дышутъ литовщиной несравненно больше, чѣмъ у остальныхъ Славянъ. Такимъ образомъ Русь Ругенская и Русь Нѣмонская вѣрнѣе всего укажутъ настоящую родину нашихъ русскихъ Варяговъ. Если мы припомнимъ, что было говорено, стр. 25—42, о древнѣйшихъ торговыхъ связяхъ Нѣмонскаго угла по Днѣпру съ Чернымъ моремъ, то вѣроятность о Вендо-Велетскомъ происхожденіи Руси или древнихъ Роксоланъ получитъ ту основательность, какой другія предположенія никогда имѣть не будутъ.

[95]) Можно съ большою вѣроятностію предполагать, что эти посольскія и купеческія печати суть тѣ золотыя и серебряныя монеты или вѣрнѣе медали,

которыя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ были находимы не одинъ разъ. На нихъ съ одной стороны изображается князь, сѣдящій на престолѣ и надпись: Владиміръ, Ярославъ и т. п. на столѣ; а на оборотѣ особая фигура и продолженіе надписи: а се его злато или а се его сребро. Слова надписи не всегда переносятся одинаково. Смыслъ надписи больше всего указываетъ на княжескій документъ, чѣмъ на монету, и можно полагать, что такое сребро раздавалось всѣмъ купцамъ и гостямъ, для безопаснаго торга повсюду въ своей странѣ, какъ равно и въ чужихъ земляхъ, и если Русь ручалась за этихъ людей своею печатью, то становится очень понятнымъ, почему она непрощала напр. убійства подобнаго лица и поднималась за это войною, какъ было при Аскольдѣ и при Ярославѣ, въ самомъ началѣ и въ концѣ Варяжскаго періода Русской Исторіи. По вычисленію вѣса, г. Прозоровскій (Монета и вѣсъ въ Россіи, стр. 558) находитъ, что эти медали (серебряныя) суть рѣзаны, древняя русская монета; они же равнялись римскому денару, стр. 556, который у византійцевъ былъ равенъ миліарезію. Можно полагать, что имя нашей рѣзаны произошло отъ этого миліарезія. Быть можетъ самые миліарезіи и прозывались у насъ рѣзанами. См. примѣч. 113.

[96]) О мѣстоположеніи Черной Булгаріи мнѣнія различны. Бутковъ (Оборона Несторовой Лѣтописи, стр. 21 и 267) едва-ли не первый сталъ доказывать, что она существовала на Кубани, на Таманскомъ полуостровѣ. Въ послѣднее время г. Иловайскій на этомъ утвердилъ свои разысканія о происхожденіи Руси. По нашимъ соображеніямъ, Ч. I, 398, Великая, старшая, древняя, независимая Булгарія находилась на нижнемъ Днѣпрѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыми въ послѣдствіи владѣли Запорожцы. Черная въ этнографическомъ языкѣ древности значитъ зависимая, податная, какою Грекамъ представлялась Булгарія Дунайская, младшая по своему происхожденію, и какъ земля, покоренная пришедшими Булгарами. Сравн. Слав. Древности Шафарика, т. II, кн. II, стр. 188.

[97]) Несторъ Шлецера III, 70. Древнѣйшее Русское Право, Эверса, 141. „Морскіе разбойники, Норманны, и отъ Русскихъ Варегіями названы", говоритъ Байеръ. Его мысль о разбойности первой Руси безотчетно повторяется на всѣ лады даже и до настоящаго времени.

[98]) Каспій, стр. 495.

[99]) Каспій, стр. 512.

[100]) Могила Игоря „существуетъ и понынѣ въ 5 верстахъ отъ мѣстечка Искорости, по лѣвой сторонѣ тракта изъ Овруча". Геогр.-Стат. Словарь г. Семенова II, 366.

[101]) См. выше стр. 145—147.

[102]) Для объясненія имени Асмуда-Асмольда существуетъ имя сел. Асмутеи въ 40 верстахъ къ Ю. отъ Россіенъ (Ковенск. губ. верстахъ въ 10 отъ Нѣмона и въ 25 в. къ В. отъ Словики). Сравн. также Есмонты въ 15 в. къ В. отъ Гродно, и Ясмунтъ полуостровъ на Ругенѣ.

[103]) А. Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ М. 1868, стр. 115—117.

[104]) Такою же хитростію, птицами, даже собаками брали города Александръ Македонскій и Багдадскій Эмиръ Ибнъ-Хосровъ (X в.), см. Ж. М. Н. Пр. 1875, февраль, 403, 404, статья г. Васильевскаго: Варяго-русская дружина и пр. Примѣчательно, что эти древнія восточныя басни разсказывались въ

концѣ 10 вѣка въ Арменіи, гдѣ тогда стоялъ русскій отрядъ, присланный Владиміромъ на помощь Грекамъ. Оттуда, или прямо отъ Русскихъ, они могли попасть и въ Гаральдову Исландскую сагу.

[105]) Лѣтописецъ Переяславскій во Временникѣ Общ. И. и Др. кн. IX, стр. 12.

[106]) Г. Костомарова: Преданія Русской Лѣтописи, въ Вѣстникѣ Европы, февраль, 1873, стр. 605.

[107]) Нашей Исторіи ч. 1, 460.

[108]) Съ древнихъ временъ Византійскимъ императорамъ, при вступленіи на престолъ, всѣ области царства подносили золотые вѣнцы, украшенные драгоцѣнными каменьями. Такіе же вѣнцы подносимы были и по случаю одержанныхъ побѣдъ. См. Византійскіе Историки, Дексиппъ и пр., перев. С. Дестуниса, Спб. 1860, стр. 103, 115, См. примѣч. 131.

[109]) Шлецера Несторъ III, 398. Бѣляева: Русь въ первыя сто лѣтъ, во Временникѣ Общ. И. и Др. кн. 15, стр. 146 и слѣд.

[110]) Шлецера Несторъ III, 404.

[111]) Кедрина: Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ, М. 1820 ч. 2, стр. 93.

[112]) Вѣстникъ Европы 1829, № 23.

[113]) Миліарезій — серебряная монета, которой чеканилось 60 изъ фунта серебра. Д. Прозоровскаго: Монета и вѣсъ въ Россіи, въ запискахъ Имп. Археол. Общества т. XII, стр. 548. По свидѣтельству Антоніева Паломника, конца 12 стол., въ Софійскомъ Цареградскомъ храмѣ сохранялось „блюдо велико злато служебное Олгы Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду... Во блюдѣ же Олжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христосъ, и отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро; у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено“. Путешествіе Новг. архіеп. Антонія въ Царьградъ, П. Савваитова, Спб. 1872, 68—69. Можно полагать, что Ольга поднесенное ей блюдо тогда же положила въ храмъ, быть можетъ на поминовеніе о здравіи.

[114]) Мудрость или хитрый умъ Ольги народныя сказанія славятъ въ разсказахъ, какъ ею прельстилися сначала, еще во время ея дѣвичества, Игорь, а потомъ въ Цареградѣ самъ Греческій царь. Послѣдній, видѣвъ ея красоту и разумъ, сказалъ ей въ бесѣдѣ: „Подобаетъ тебѣ царствовать въ этомъ градѣ съ нами“. Ольга уразумѣла, чего желаетъ царь, и отвѣтила: „Я вѣдь язычница. Если хочешь, то крести меня самъ, иначе не крещуся“. Царь и съ патріархомъ окрестили ее, послѣ чего царь позвалъ ее въ Палаты, объявилъ ей, что хочетъ взять ее себѣ въ жены: „Какъ же хочешь ты меня взять, вѣдь ты крестилъ меня и нарекъ дочерью, а у христіанъ такого закона нѣтъ“, отвѣтила Ольга. „Переклюкала (перехитрила) ты меня, Ольга!“ воскликнулъ недогадливый царь.

[115]) Святославовы обычаи прямо переносятъ насъ въ бытъ кочевниковъ, какими обыкновенно представляются напр. Роксоланы и Унны. Военныя дружины, которыхъ только и знали древніе писатели, конечно, всегда въ ихъ глазахъ являлись кочевниками и потому Святославъ необходимо долженъ быть причисленъ къ такимъ же кочевникамъ, какимъ былъ и Аттила. Византійцы и въ 9 в. писали, что Русь народъ кочевой. Нашей Исторіи ч. 1, 432. Это вообще служитъ указаніемъ, къ какимъ кочевникамъ мы должны причислять и древнихъ Роксоланъ, прародителей Руси 9 вѣка.

[116]) А. Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870, стр. 218, 282.

117) Исторія Льва Діакона Калойскаго, Спб. 1820, стр. 39. Русскій Историческій Сборникъ т. VI, Черткова: Описаніе похода В. К. Святослава на Болгаръ и Грековъ, стр. 336.

118) Число войска у Византійцевъ явно преувеличено. См. объ этомъ очень вѣрныя замѣчанія Гильфердинга, сочиненія т. 1, стр. 141, прим. 3; и Черткова въ его описаніи похода стр. 238 и др. Должно вообще придерживаться лѣтописной цифры, 10,000, что по Русскимъ понятіямъ означало тьму, то есть такое же множество, какъ по греческимъ сто тысячь.

119) Въ Болгаріи существовало двѣ Прѣславы, Великая и Малая. Великая (древній Маркіянополь) была столицею и находилась на мѣстѣ нынѣшняго селенія Эски-Стамбулъ, верстахъ въ 15 прямо къ сѣверу отъ Шумлы. Малая или какъ указываетъ и г. Дриновъ (Чтенія О. И. и Др. 1875 кн. 3, стр. 95), то есть Русскій Переяславецъ, по всему вѣроятію, теперешнее селеніе Прѣславъ, вблизи Тульчи, нѣсколько ниже ея по теченію южнаго, или Георгіевскаго гирла. Вблизи селенія видны развалины стараго города. Селеніе расположено подъ горою Бегъ-Тепе, Бештепе, на мысу, который образуется небольшою рѣчкою, текущею по сѣверозападной сторонѣ и гирломъ, которое направляется мимо взгорья къ юговостоку. За горою къ югу находится обширный Лиманъ Разимъ, Rassein по Французской картѣ Турціи M. Lapie, Paris 1822; по нашимъ картамъ Разельмъ, древн. Halmyris. Мѣстоположеніе города было господствующее надъ всею дельтою Дуная, который недалеко отсюда, между Тульчею и Измаиломъ, распредѣляется на многіе протоки и образуетъ потомъ три гирла, Килійское на Сѣверѣ, Сулинское въ срединѣ и Георгіевское на югѣ, и однимъ протокомъ, Дунавцомъ, соединяется съ Лиманомъ Rassein, выводя изъ него въ море особыя гирла меньшей величины.

120) Собраніе сочиненій Гильфердинга т. I, 143.

121) Опытъ Исторіи Рос. Государ. и Гражд. Законовъ, А. Рейца М. 1836, стр. 10, 11, 20, 25, 38, 48, 49 и др.

122) М. Дринова: Южные Славяне въ Чтеніяхъ О. И. и Д. 1875, кн. III, стр. 100.

123) Шлецера Несторъ III, 572.

124) Г. Бѣлова: Борьба В. К. Святослава съ имп. Іоанномъ Цимисхіемъ въ Ж. М. Н. Пр. Декабрь 1873. Черткова: Описаніе Похода въ Русскомъ Историч. Сборникѣ т. VI. Гильфердинга: Сочиненія т. I.

125) Оцѣнку подобныхъ свидѣтельствъ см. у Черткова, Гильфердинга и г. Бѣлова.

126) Кедрина: Дѣянія церковныя и гражданскія ч. III, 111, 118.—Черткова: Описаніе Похода, 237.

127) Левъ Дьяконъ, стр. 86. Число, конечно, опять преувеличено, см. у Черткова: Рус. Истор. Сборникъ VI, 342 и слѣд.

128) Послѣ рѣчи: „и възвратися въ Переяславець (мало не дойдя Царяграда) съ похвалою великою.“ Затѣмъ идетъ разсказъ уже о дѣлахъ подъ Доростоломъ: „Видѣвъ же мало дружины... посла слы ко цареви въ Деревъстръ...“ Полное Собраніе Лѣтописей I, 30; у Черткова 262.

129) Шлецера Несторъ III, 609, 610, 612, 616.

130) Кедрина Дѣянія II, 118.

131) Левъ Дьяконъ 98, Кедринъ II, 120. См. примѣчаніе 108.

[132]) Свѣнтельда должно отличать отъ Сфенкела, о которомъ пишутъ Греки и который погибъ въ одной изъ битвъ, стр. 228—230. Г. Бѣловъ (Ж. М. Н. П. 1873 г. Декабрь 179, 183) полагаетъ, что Сфенкелъ и Свѣнтельдъ одно лицо и потому свидѣтельство Льва Дьякона и Кедрина о смерти Сфенкела почитаетъ вымысломъ. Но одного сходства имени еще недостаточно для утвержденія этой истины. Сфенкелъ, какъ говоритъ Левъ Дьяконъ, занималъ третье мѣсто послѣ Святослава, а первое принадлежало Икмору, тоже погибшему въ битвѣ. По всему вѣроятію второе мѣсто и занималъ Свѣнтельдъ, явившійся на первомъ мѣстѣ по окончаніи войны и занявшій это мѣсто даже и въ писаномъ договорѣ. Для имени Сфенкелъ существуетъ пояснительное имя: Свѣнковичи на Деснѣ.

[133]) Полн. Собр. Лѣтописей I, 31. Кедрина Дѣянія II, 120.

[134]) Кедрина Дѣянія II, 129; Левъ Дьяконъ 107.

[135]) Лѣтописецъ Переяславскій во Временникѣ Общ. И. и Др. Кн. 9, стр. 15.

[136]) Г. Котляревскаго: Книга о Древностяхъ и Исторіи Поморскихъ Славянъ, 90.

[137]) Г. Соловьева: Исторія Россіи—I, 149, 150.

[138]) „Обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне.“ Лаврент. 32. См. Описаніе Кіева Н. Закревскаго, I, стр. 299—300.

[139]) Г. Васильевскаго: Варяго-Русская дружина въ Константинополѣ XI и XII в. въ Ж. М. Н. Пр. 1874 ноябрь, 1875 февраль, мартъ.

[140]) У Владиміра на самомъ дѣлѣ до крещенія было пять женъ и 10 сыновей: Полоцкая Рогнѣда съ 4 сынами, Изяславомъ, Мстиславомъ, Ярославомъ, Всеволодомъ, и двумя дочерьми; Грекиня съ сыномъ Святополкомъ; Чехиня съ сыномъ Вышеславомъ; другая Чехиня съ сыновьями Святославомъ и Мстиславомъ (по Ипатскому списку лѣтописи Станиславомъ); Болгарыня съ сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ. Описывая крещеніе Владиміра, Лѣтопись говоритъ уже о 12 сыновьяхъ, именуя еще Станислава, Позвизда и Судислава и не упоминая другаго Мстислава. См. стр. 432 и примѣч. 193.

[141]) Г. Костомаровъ признаетъ легенду о принесеніи Варяга въ жертву вымысломъ книжника и старается доказать съ большими натяжками, что человѣческихъ жертвоприношеній у Славянъ не существовало. Вѣстникъ Европы, мартъ 1873, Преданія Русской Лѣтописи, 17—19.

[142]) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей I, 35, 52.

[143]) Макса Мюллера: Сравнительная Миѳологія въ Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравова, т. V, переводъ И. Живаго.

[144]) О почитаніи камней у Балтійскихъ Славянъ см. Касторскаго: Начертаніе Славянской Миѳологіи, Спб. 1841, стр. 134.—Г. Буслаева: О вліяніи христіанства на Слав. языкъ, 56.

[145]) Въ Исповѣди или поновленіи женамъ, по рукописямъ 15 вѣка, предлагались вопросы: „а вѣщьство каково знаешили? и у вѣдуновъ зелей искалали еси?... Есть ли за тобою которые промыслы злые, скажи не срамися и прощайся. Или вѣщество рекше вѣданіе нѣкоторое, или чары, или наузы?...

[146]) Пользуемся рукописями старинныхъ Травниковъ 17 и 18 в., принадлежащими нашей библіотекѣ.

[147]) Г. Буслаева: Русскія Пословицы и Поговорки въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачевымъ, книги второй, половина вторая, стр. 15 и 6.

[148]) А. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, т. I, 136, 248 и др.

[149]) В. Макушева: Сказаніе иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, Спб. 1861, стр. 70.—Г. Буслаева: О вліяніи христіанства на Слав. языкѣ, 49.

[150]) Молитвы въ бездождіе въ Сборникѣ 15 вѣка, Кирилова монастыря см. прим. 203. Иныя выраженія такихъ молитвъ напоминаютъ гимны Риг—Веды, обращенные именно къ богу Парьяньи, нашему Перуну. См. статью Дельбрюка: О происхожденіи миѳа у народовъ индо-европейскихъ, въ Загранич номъ Вѣстникѣ 1865 г. т. V.

[151]) Аѳанасьева: Поэтич. Воззрѣнія Славянъ на Природу, т. 1, стр. 65. Г. Срезневскаго: Объ обожаніи Солнца у Древнихъ Славянъ, въ Ж. М. Н. Пр. Іюль 1846, стр. 52.

[152]) Прейса: Донесеніе о путешествіи въ Ж. М. Н. Пр. ч. XXIX, отд. IV, 35. Г. Срезневскаго: Объ обожаніи Солнца, 50. — Аѳанасьева: Воззрѣнія т. III, 760. Бодянскаго: О Хорсѣ и Дажбогѣ въ Чтеніяхъ 1846 № 2, стр. 8—11.

[153]) Аѳанасьева Воззрѣнія т. 1, 250.

[154]) Тамъ же I, 188; III, 712.

[155]) Тамъ же I, 193, 204 и др.

[156]) Ж. М. Н. Пр. ч. XXIX, отд. IV, 37 и сл.

[157]) Г. Срезневскаго: Объ обожаніи Солнца у древн. Славянъ, 53.

[158]) Лѣтописи Рус. Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравова, т. IV, отд. III, 86.

[159]) Тамъ же 97—105.

[160]) Г. Срезневскаго: Роженицы, въ Архивѣ Истор.-Юрид. Свѣдѣній г. Калачова, кн. 2, половин. 1, стр. 111. Е. Барсова: Критическія Замѣтки о значеніи Слова о Полку Игоревомъ въ Вѣстникѣ Европы, октябрь 1878, стр. 805.

[161]) Въ Оружейной Палатѣ хранится серебр. братина царя Алексѣя Мих. съ надписью: „Повелѣніемъ великаго государя въ сію братину наливается Богородицына чаша". Вельтмана: Московская Оружейная Палата. М. 1844, стр. 31.

[162]) Покойный Аѳанасьевъ предполагалъ, что съ именемъ Рода могло соединяться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ. Воззрѣнія Славянъ на природу III, 387.

[163]) Начертаніе Слав. Миѳологіи, 59—60. Въ старинныхъ Травникахъ о Перуновомъ камнѣ находимъ слѣдующую повѣсть. Перунъ-Камень. А тотъ камень падаетъ и стрѣляетъ сверху отъ грома; цвѣтомъ онъ разной бываетъ, а болши красенъ истинами (?); а онъ бываетъ клиномъ на три угла, а иной на осмь и всхожь на копье, съ одново тупова конца дырачка манинка въ нево, а другой конецъ востеръ, что копье; а находятъ ихъ вездѣ и по полямъ. Онъ же и громовая стрѣла называемъ. А нѣціи глаголютъ, что громовая стрѣла иная; и она разная бываетъ, иная клиномъ, а иная чашечкой и многими виды. Такова сила того камня Перуна: когда громъ гремитъ и ты тотъ камень положь на столъ липовой и естли громъ великъ и безъпричины не пройдетъ и тотъ камень на столѣ станетъ трястись и подыматца, а когда громъ утихнетъ и онъ перестанетъ трястись. А когда

кто испужаетца грому и положь тотъ камень въ воду и онъ въ водѣ станетъ стоять и дрожать и тое воду отъ испужанья давать пить, а кто не испуженъ и если его (камень) въ воду положишь и онъ просто ляжетъ.

„Изъ того камня дѣлать глазъ въ перстень и носить на рукѣ отъ всякаго видимаго и не видимаго злодѣя сохраненъ будешь и если тою рукою захощешь на кого злодѣя или въ дерево ударить и ты выговори сію рѣчь: „какъ громъ біе и разбіе и убивае, такъ и сія моя рука имѣющая Перуновый камень разбивае и убивае", и ударь, то все въ дребезги разлетитца и разсыплитца. А тою рукой и перстнемъ бить чародѣевъ добро и возметъ, и ихъ ничто не закроетъ. Того же камня демони боятся, а носящій его не убоится напасти и бѣды и одолѣетъ сопротивниковъ своихъ. Аще кто и стрѣлу громовую съ собою носитъ, тотъ можетъ всѣхъ одолѣть силою своею и противъ его никто не устоитъ, хотябъ сильнѣе его былъ, нисколько. И добро сіе содержать отъ обиды и нападенія, а съ нею въ кулачки битца и боротца—одолѣешь". Изъ Травника, принадлежащаго нашей библіотекѣ. Очевидно, что и Перунъ-камень, и Громовая стрѣла суть древніе остатки орудій такъ называемаго каменнаго вѣка.

[164]) Замѣтка о Троянѣ г. Буслаева см. въ Лѣтописяхъ г. Тихонравова кн. 5, отд. II, стр. 4. Новыя свѣдѣнія о Троянѣ см. въ Критическихъ Замѣткахъ о Словѣ о Полку Игоревомъ Е. Барсова въ Вѣстникѣ Европы, ноябрь 1878, стр. 351—357.

Доказательства г. Дринова (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, Чтенія О. И. и Др. 1872, кн. 4 стр. 76—81) и г. Вс. Миллера (Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ), что въ имени Трояна Славяне обоготворяли римскаго императора Траяна, слишкомъ поверхностны и натянуты и потому неубѣдительны. Авторы не объясняютъ самаго существеннаго, какимъ образомъ историческая личность, совершившая побѣдоносный походъ не прямо на Славянъ, а въ Дакію, получила обширное миѳическое значеніе, даже за предѣлами Дакіи. Такихъ походовъ и завоеваній въ тѣхъ же Дунайскихъ странахъ случалось не мало, начиная пожалуй съ Сезостриса, который къ тому же въ дѣйствительности во Фракіи и Скиѳіи ставилъ каменные столпы съ своимъ изображеніемъ (нашей Исторіи ч. I, 257). Персидскій Дарій также долженъ былъ сдѣлаться богомъ этой страны, какъ Аттила богомъ всей Русской равнины и всего Славянства и т. д. Вообще такой случай въ миѳологіи народа заслуживалъ бы со стороны миѳолога, г. Вс. Миллера, болѣе основательнаго объясненія, чѣмъ то, какое онъ представилъ. Онъ говоритъ между прочимъ, стр. 101: „Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное Славянское населеніе Дакіи и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооруженіями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ, Славяне должны были одно время воздавать почести статуямъ Трояна; можетъ быть, Римляне увѣрили (!) ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культъ истукана намекаетъ болгарская пѣсня, въ которой св. Георгій является разрушителемъ идолослуженія..."—И всѣ эти можетъ быть основаны лишь на толкованіи позднѣйшихъ книжниковъ, что „Троянъ бяше царь въ Римѣ". Но въ такомъ случаѣ мы должны признать и Перуна только эллинскимъ старцемъ, а Хорса—простымъ

жидовиномъ, какъ толкуютъ тѣже книжники. Въ другомъ мѣстѣ, стр. 100, авторъ говоритъ: „Столкновеніе Римлянъ съ Славянами, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ и имя Траяна облеклось какимъ-то миѳическимъ ореоломъ въ народныхъ сказаніяхъ, причемъ, какъ это часто бываетъ, къ исторической личности и имени пріурочились миѳологическія черты, которыя прежде облекали другія личности“. Вотъ въ этой мимоидущей замѣткѣ, что сходное имя Траяна пришло на готовую миѳическую почву, можетъ заключаться настоящая правда. Такимъ путемъ миѳическія черты Перуна перенесены на Илью Пророка; такъ и Георгію Побѣдоносцу присвоены черты многихъ старыхъ миѳовъ, изчезнувшихъ изъ народнаго сознанія подъ вліяніемъ христіанства. Не говоримъ о множествѣ другихъ вѣрованій, также перенесенныхъ на христіанскія лица. Но послѣ того нельзя же разумно доказывать, что миѳъ Перуна образовался изъ библейской личности Ильи Пророка, или миѳъ Волоса изъ Власія и т. д. Римское обоготвореніе людей заживо имѣло свои корни въ римской религіи; а какъ относились къ этому просвѣщенному культу варвары, видно изъ того, въ какую ярость пришли Унны Аттилы, когда византійцы назвали имъ своего императора Ѳеодосія божествомъ, см. нашей Исторіи ч. I, 345. Народное миѳотвореніе имѣетъ свои непреложные законы, которые кому же и раскрывать, какъ не миѳологамъ и именно по случаю такого любопытнаго славянскаго вѣрованія въ римскаго императора Траяна. Къ сожалѣнію г. Вс. Миллеръ остановился только на почвѣ старинныхъ книжниковъ-толковниковъ, не имѣвшихъ никакого понятія о свойствахъ миѳа. На этой зыбкой почвѣ построенъ и весь его Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, которое по той же причинѣ показалось ему книжною выборкою или сшивкою изъ болгарскаго источника, невѣдомаго и самому автору.

[165]) Акты Историческіе IV, стр. 125. Сравн. Малорос. плютка—ненастье, чешское pluta—потоки дождя. Аѳанасьева: Воззрѣнія I, 135.

[166]) Лѣтописи Рус. Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравова IV, 85. О племенныхъ богахъ см. у Касторскаго: Начерт. Слав. Миѳологіи, 63 и слѣд.

[167]) Аѳанасьева: Воззрѣнія Славянъ на природу. Даля: Толковый Словарь.

[168]) Снегирева: Русскіе простонародные праздники и обряды; Сахарова: Сказанія Русскаго Народа; г. Терещенко: Бытъ Русскаго Народа; Аѳанасьева: Воззрѣнія Славянъ на Природу, особенно г. Кавелина: Сочиненія ч. IV, и др.

[169]) Исторія Россіи г. Соловьева II, въ приложеніи: Письмо г. Буслаева, стр. 25.

[170]) Е. Барсова Критическія Замѣтки въ Вѣстн. Европы октября 1878 г., стр. 804. г. Буслаева: Русскій Богатырскій Эпосъ IV, 13.

[171]) Всев. Миллера: Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, М. 1877.

[172]) Г. Васильевскаго: Варяго-Русская дружина въ Константинополѣ. Ж. М. Н. Пр. ноябрь 1874 стр. 139.

[173]) Тамъ-же стр. 125—127.

[174]) Византійскіе Историки, перев. при Спб. Духовной Академіи, Спб. 1862, Римская Исторія Никифора Григоры, 34—35.

[175]) Лерберга: Изслѣдованія, Спб. 1819, о Днѣпровскихъ Порогахъ 265—320; Стриттера: Извѣстія Византійскихъ Историковъ ч. III, 34—42; г. Аѳанасьева-Чужбинскаго: Очерки Днѣпра. Лоція Чернаго Моря г. Павлов-

скаго, Николаевъ 1867. Что касается Бѣлобережья, то его мѣстность въ точности опредѣлить очень трудно. Повидимому Бѣлобережьемъ прозывался весь морской берегъ отъ устья Буга до устья Днѣстра. Не значило-ли это тоже, что Бѣловодье, вольная земля, никѣмъ не заселенная, ничей берегъ. Даля Толковый Словарь. См. также Черткова о Бѣлобережьѣ въ Ж. М. Н. Пр. ч. XXVII отд. II.

176) Русская Бесѣда, М. 1856, № 1, стр. 12—13.

177) Изъ Двинской водяной области въ Каму существовалъ волокъ, называемый Вятскимъ, а теперь Кай-волокомъ, между рѣкою Пушмою, текущею въ Югъ, и Маломою, текущею въ р. Вятку. Въ 17 ст. на этомъ волокѣ отдавался на оброкъ „Извозъ черезъ волокъ съ Йсадъ до Кай рѣки, а отъ Кай рѣки сухимъ Волокомъ до р. до Пушмы на десяти верстахъ, что ѣздятъ тѣмъ мѣстомъ изъ Казани и съ Вятки торговые всякіе люди съ товары къ Устюгу Великому и по Двинѣ къ Архангельскому городу и отъ Архангельскаго города назадъ въ Казань и на Вятку, наймуютъ подводы лѣтнею порою“. Писцовыя книги Устюга Великаго, 1623—1626 г. въ Архивѣ Мин. Юстиціи, № 507.

178) Гр. Уварова: Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, М. 1872, стр. 33.

179) Записки И. Археологич. Общества т. IV, Кёне: Описаніе европейскихъ монетъ X, XI, XII в., найденныхъ въ Россіи, стр. 4.

180) Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи, за 1873 года стр. XXXI; за 1875 г. стр. XXXVI.

181) Для отысканія кладовъ и ихъ безопаснаго выниманія очень помогали травы Плакунъ, Петровъ крестъ, Иванова глава, Спорышь, Бѣлъ-Кормолецъ, Обьярь, Шапѣцъ и множество другихъ. „Если хочешь о кладѣ доподлинно извѣдать, есть или нѣтъ, и гдѣ положенъ, и на что, и кѣмъ и какъ его взять — возьми Шапцовъ корень да (отъ) воскресенской (свѣчи) воскъ и раздѣли на двое; и одное половину, очертя воскомъ, положь на кладовое мѣсто, а съ кладоваго мѣста возми земли и съ оставшейся у тебя половиной опять раздѣли на двое и будетъ три части, одна въ землѣ на кладѣ, а другую на ночь въ головы клади, а третью подъ бокъ себѣ или чистымъ платомъ у сердца привязывай на ночь,—то въ тое жъ ночь придетъ кладъ и будетъ во снѣ съ тобой говорить, какъ положенъ и на что положенъ, на худо или добро, и сколь давно, и какъ лежитъ, въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ свѣча воскресенска да шапѣцъ или далѣ, и въ которой сторонѣ, и какъ взять, — и доподлинно тебѣ все раскажетъ и взять велитъ. Сія трава и Спорышева и Обьярева и Кормолцева испытаны. А сіе дѣлать по три ночи, то все извѣдашь“. Подобныя травы, „добрыя ко всякой кладовой знатной премудрости“ такъ и назывались кладовыми. Травники нашей библіотеки.

182) Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкомъ, изслѣдованіе Гр. Уварова, М. 1872.

183) Шафарика: Славянскія Древности т. II, кн. III, стр. 185 „Суздаль село въ Силезіи, близъ Ратибора, на лѣвомъ берегу Одры“; Москва, Muscina, въ грам: Генриха II, 1012 г. Озеро Клещино см. Германизація Балтійскихъ Славянъ г. Первольфа, 25.

184). Таковы „Муромскія древности“, найденныя при устройствѣ въ городѣ Муромѣ водопровода, принадлежащія теперь Антропологической Выставкѣ (Описаніе предметовъ Отдѣла доисторическаго, г. Анучина, стр. 12, буква е).

Въ меньшемъ объемѣ по числу кургановъ, но также тщательно въ разное время, особенно подъ руководствомъ проф. Богданова, произведены раскопки и въ Московской губерніи, изъ которыхъ выяснилось, что открываемыя вещи по большой части однородны съ Мерянскими и совсѣмъ сходны съ ними по издѣлію. Но въ Московской сторонѣ существовали нѣкоторыя отличія въ уборѣ. Здѣсь носили большія и малыя серьги-рясы особой формы, которая описана нами на стр. 388. Въ ожерельяхъ изъ стеклянныхъ бусъ любили носить граненые овальной формы сердолики. Шейныя обручи-гривны и браслеты обыкновенно свивались изъ проволокъ жгутомъ; перстни сгибались изъ прорѣзныхъ дырчатыхъ пластинъ, расширенныхъ къ наличной сторонѣ. Таковы особыя примѣты Московскаго древнѣйшаго убора. Типъ этихъ вещей уходитъ съ одной стороны въ Смоленскую, а съ другой (серьги) въ Калужскую губерн., гдѣ (Лихвинскій уѣздъ сельцо Шмарово) туземная форма серегъ-рясъ получила болѣе роскошную, т. е. замысловатую обработку, а перстни съ изображеніемъ звѣрей, птицъ, цвѣтковъ, представляютъ уже образцы византійскаго, или же древнѣйшаго греко-скиѳскаго вліянія (Временникъ Общ. И. и Д. Р. Кн. V, Смѣсь, 37). Эта Лихвинская серьга-ряса вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что обработка подобныхъ украшеній, довольно искусная, производилась по всѣмъ вѣроятіямъ туземными мастерами, ибо ея московская форма, какъ было говорено, ни гдѣ въ иныхъ чужихъ странахъ, ни на западѣ, ни на востокѣ, не встрѣчается. Въ Коломенскомъ уѣздѣ тотъ же типъ-образецъ серегъ, такой же работы, развитъ нѣсколько иначе и составляетъ кругловатый листъ не изъ семи, но изъ трехъ и пяти большихъ лепестковъ, расположенныхъ въ видѣ крыльевъ и хвоста летящей птицы. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что обработкою формы руководила туземная своеобычная мысль. Характерная черта этой работы заключается въ сквозной рѣзьбѣ изъ множества дирочекъ, какъ изготовлялись и пластинчатые перстни. Однако Московское племя, какъ замѣтно, почти совсѣмъ не употребляло въ нарядѣ грудныхъ и поясныхъ гремучихъ привѣсокъ съ колокольчиками и бубенчиками,—въ этомъ и состоитъ его главнѣйшее отличіе отъ Мерянскаго племени. Въ подмосковныхъ курганахъ точно также встрѣчаются и цареградскія паволоки; но вообще не замѣчается особаго разнообразія въ вещахъ, какъ въ области Мерянъ, быть можетъ и по той причинѣ, что здѣсь и самыхъ кургановъ раскопано несравненно меньше. Какъ бы ни было, но, судя по найденнымъ предметамъ, все-таки нельзя сказать, чтобы Московская сторона была бѣднѣе Мерянской. Серебряныя шейныя обручи—гривны, хотя бы вѣсомъ въ нѣсколько золотниковъ, такіе же браслеты и серги, сердолики, горные хрустали и т. п. показываютъ вообще, что обитатели этой страны были зажиточны, ибо могли пріобрѣтать себѣ вещи, по времени, не совсѣмъ дешевыя, составлявшія своего рода большую роскошь. Надо также замѣтить, что разслѣдованные курганы принадлежатъ къ сельскимъ кладбищамъ, не столь богатымъ, каковы могли бы быть городскія, еслибъ такія были открыты. Очень также примѣчательно, что въ курганахъ Московской стороны почти совсѣмъ не встрѣчается оружія, даже топоровъ и топорцевъ. Быть можетъ здѣсь не было обычая полагать въ могилу подобныя вещи.

Вообще изъ разслѣдованій кургановъ въ разныхъ мѣстахъ мало по малу открывается, что не смотря на однородность тогдашняго убора (каковы: обручи-гривны, обручи-браслеты, ожерелья изъ бисера съ цатами-медальонами и другими привѣсками и т. п.) въ каждомъ краю бывали свои любимыя прикрасы,

составлявшія обычную статью убора, относительно или особой формы, или особаго рода вещицъ. Мы говорили объ особой формѣ серегъ и о граненыхъ сердоликахъ, какъ наиболѣе любимомъ украшеніи ожерелья въ Московскомъ краю. Такіе же сердолики встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, и на сѣверѣ и на югѣ, напр. въ Минской, въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ, но не въ томъ количествѣ. Въ иныхъ мѣстахъ (Петерб. губ.) сердолики имѣютъ форму гладкаго цилиндра. Въ Рязанскомъ краю (Касимовской уѣздъ) въ особомъ количествѣ, какъ украшеніе ожерелья, находятъ раковины (cyprаеа moneta), называемыя въ народѣ змѣиными головками. Такія же ожерелья изрѣдка попадаются и въ Петербургской губ., гдѣ господствуетъ особая форма серегъ-рясъ совсѣмъ отличная отъ московской. (Проволочное кольцо въ вершокъ въ діаметрѣ, мѣстами расплющенное въ видѣ косыхъ четыреугольниковъ или кружковъ).

Надо замѣтить, что въ производствѣ металлическихъ издѣлій для древнихъ сельскихъ обывателей нашей равнины очень видное мѣсто занимала проволока, бронзовая и серебряная, изъ которой и устроивались всякія надобныя вещицы: сплетались жгутомъ или свивались веревкою шейныя гривны, браслеты, кольца; сгибались спиралью кольца и перстни и разныя украшенія головнаго убора; сгибались и связывались посредствомъ спайки различнаго вида цѣпочки. Все это съ одной стороны обнаруживаетъ небогатую простоту или дешевизну производства, а съ другой служитъ указаніемъ, что такое производство могло легко водворяться и у самихъ туземцовъ, конечно, въ городахъ, гдѣ либо на бойкихъ мѣстахъ. Проволока несомнѣнно привозилась уже готовая, какъ товаръ, по всѣмъ вѣроятіямъ откуда либо съ Черноморья или съ поморья Варяжскаго. Отливныхъ вещей встрѣчается вообще очень мало, главнымъ образомъ только цаты — медальоны, въ числѣ которыхъ нерѣдко попадаются христіанскія крестики и образки, а это заставляетъ предполагать, что подобныя вещицы приходили изъ Корсуня или изъ самаго Царяграда. Примѣчательно и то обстоятельство, что составъ мерянской бронзы ближе подходитъ къ составамъ бронзы изъ древняго Корсуня, Ольвіи и Пантикапеи, то-есть съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, съ которыми наша страна производила торговлю съ незапамятныхъ вѣковъ (См. Антропологическая выставка, выпускъ V, стр. 315). Въ настоящее время весьма значительный матеріалъ для изученія курганныхъ древностей собранъ на Антропологической выставкѣ. Для объясненія нашихъ замѣтокъ о Московской окраинѣ см. коллекціи проф. Богданова (Московская губ.), г. Нефедова (Рязанская губ.), г. Ивановскаго (Петербургская губ.) Подробныя свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ см. въ Описаніи предметовъ отдѣла доисторическаго Г. Анучина. Пояснительные рисунки находятся только при коллекціи г. Кельсіева, почему въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ особаго вниманія, преимущественно предъ всѣми остальными.

[185]) Лерберга: Изслѣдованія, стр. 38.

[186]) Древности: Труды Моск. Археологич. Общества, подъ ред. г. Румянцова, т. VI, вып. 3, статья г. Вс. Миллера: Значеніе собаки въ миѳол. вѣрованіяхъ, 196.

[187]) Ж. М. Н. Пр. 1836, февраль, 280.

188) Русскій Историч. Сборникъ IV, 95—103. Исторія Христіанства въ Россіи до св. Владиміра, митрополита Макарія, Спб. 1846, стр. 312 и слѣд.; Шлецера: Несторъ III, 445 и слѣд.

189) Г. Костомарова: Преданія Русской Лѣтописи, Вѣстникъ Европы, мартъ 1873, стр. 21.

190) Описаніе Рус. и Слав. Рукописей Румянцовскаго музеума, А. Востокова, Спб. 1842, стр. 687. Читается Ждьбернъ.

191) Исторія Христіанства въ Россіи до св. Владиміра, митр. Макарія, Спб. 1846, стр. 361.

192) По всему вѣроятію Перуня или Перуняна рѣнь есть небольшой островъ, называемый теперь Перновъ и находящійся въ устьѣ р. Таволжанки, между лѣвымъ берегомъ Днѣпра и островомъ Таволжанымъ. Лерберга: Изслѣдованія о Днѣпровскихъ порогахъ стр. 274. Рѣнь означаетъ также холмъ.

193) Тверской Лѣтописецъ помѣщаетъ еще „Болеслава въ Лясѣхъ Великыхъ", не упоминая о Позвиздѣ, что даетъ поводъ заключать не называетъ ли онъ Позвизда Болеславомъ? Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. XV, 113.

194) Въ Лаврентьевской Лѣтописи, стр. 56, читаемъ: „Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣбо Святополкъ Кыевѣ". Кто и отъ кого потаилъ, неизвѣстно. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ разъясняетъ недомолвку лѣтописи. Въ немъ прямо говорится что „Святополкъ потаи смерть отца" своего и въ текстѣ и даже на рисункѣ. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. г. Срезневскимъ, Спб. 1860, стр. 57, 61.

195) Исторія Россіи, г. Соловьева, 1, 176.

196) Временникъ Общ. И. и Др. кн. V, Свѣдѣнія о Львѣ митроп. Русскомъ, Филарета еп. Харьковскаго.

197) Г. Первольфа: Варяги Русь и Балтійскіе Славяне въ Ж. М. Н. Пр. іюль 1877, стр. 81. Эта обширная статья 37—97 стр. написана съ цѣлью показать и доказать несостоятельность мнѣній о балтійско-славянскомъ происхожденіи Варяговъ и Руси, по поводу сочиненія покойнаго Гедеонова „Варяги и Русь" и первой части нашей Исторіи. Авторъ, написавшій цѣлую книгу о „Славянской взаимности" никакъ не хочетъ допустить, чтобы существовала взаимность Славянскаго Балтійскаго поморья съ Русскимъ востокомъ. По какимъ-то причинамъ ему, какъ Чеху, это не нравится. „Я, какъ Чехъ, говоритъ онъ, очень радуюсь, что мнѣ пришлось защитить древне-Русскую Исторію (Отъ чего? Отъ взаимности съ Славянами?) противъ Русскихъ, которые безъ всякой нужды толкаютъ ее „между Чахи и Ляхи" (81). Стало быть существуетъ особая нужда, которая заставила автора употребить свою ученость на устраненіе изъ Русской Исторіи вопроса о взаимности между древнею Русью и Балтійскимъ Славянствомъ. Быть можетъ настоитъ особая нужда всячески защищать академическое ученіе о создателяхъ Руси—Норманнахъ?

Однако старательныя опроверженія г. Чеха ничего новаго не сообщаютъ и пересыпаютъ только съ одного мѣста на другое разныя свѣдѣнія, собранныя у Шафарика. Существенно эти опроверженія заключаются въ слѣдующемъ: Слѣды вендскаго начала и вендскаго вліянія въ Русской странѣ покойный Гедеоновъ находитъ въ личныхъ и мѣстныхъ именахъ, въ нѣкоторыхъ вендскихъ словахъ, въ нѣкоторыхъ бытовыхъ порядкахъ, въ язычествѣ и т. п. Г. Первольфъ увѣряетъ, что „имена лицъ и мѣстъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ поразительно сходны", 50, 66, 77, что „если сравнимъ государственныя и юриди-

ческія учрежденія отдѣльныхъ народовъ Славянскихъ, то и въ нихъ находимъ поразительное сходство 54; бытовые порядки тоже у всѣхъ Славянъ сходны 59, 80, языческіе боги тоже сходны 85; особыя слова, которыя г. Гедеоновъ почиталъ вендскими, оказываются общеславянскими 54 и т. д. Очевидно, что если всѣ Славяне походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, то о заимствованіяхъ и вліяніяхъ одного племени на другое говорить уже не приходится. Этою пустою игрою, то-есть игрою на пустомъ въ глазахъ не опытнаго читателя авторъ и старается доказать несостоятельность упомянутыхъ мнѣній. (На 53 стр. самъ же г. Чехъ очень основательно разсказываетъ, что языкъ Славянскій еще въ доисторическое время раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, которыя, какъ строго опредѣленныя органическія единицы, рѣзко отличаются другъ отъ друга). Автору невдомекъ, что эта игра на пустомъ — обоюдуострый мечъ. Если во всемъ существовало поразительное сходство, то чѣмъ же мы опровергнемъ предположеніе о древнихъ связяхъ Руси съ Балтійскими Славянами? Онъ не хочетъ этому вѣрить, а другіе будутъ вѣрить—основанія одинаковы. „Все это могло быть, но могло и не быть; во всякомъ случаѣ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно,“—говоритъ онъ и никакихъ извѣстій, никакихъ доказательствъ не принимаетъ во вниманіе, или отрицая ихъ, какъ общеславянскія, или подвергая сомнѣнію ихъ достовѣрность. Такъ напр. Псковскій лѣтописецъ упоминаетъ имя Рерика, воеводы Лятцкаго, — надо еще изслѣдовать, говоритъ авторъ, вѣрно ли онъ написалъ это имя? Константинъ Багрянородный пишетъ имя Новгорода съ окончаніемъ по-вендски—Немо-гарда—„къ такимъ формамъ, записаннымъ иноплеменниками, нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ“,—замѣчаетъ авторъ, 63, забывая, что и всѣ вендскія имена мѣстъ тоже записаны иноплеменниками по латыни, или по нѣмецки. Лѣтопись подъ 1300 г. Славянское поморье называетъ Варяжскимъ,—это позднѣйшая приписка 16 вѣка, утверждаетъ авторъ безъ всякихъ доказательствъ, 49, и т. д.

Но рядомъ съ настойчивымъ отрицаніемъ всѣхъ, даже и малѣйшихъ признаковъ, указывающихъ на старинное знакомство Руси съ Балтійскимъ Славянствомъ, авторъ говоритъ и такія вещи: „Что между балтійскими и восточными (позже Русскими) Славянами искони были извѣстныя сношенія, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія“. Въ доказательство толкуетъ даже, что Волынь-городъ и Индѣюшка богатая въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ — суть отголоски этихъ старинныхъ сношеній восточныхъ Славянъ съ Балтійскими и что Индѣюшка ничто иное какъ Виндія, земля Виндовъ, Венедовъ. И тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, говоря о сказаніи Гельмольда, что Вагры до 9 в. распространяли свое господство даже и на отдаленныя Славянскія племена, замѣчаетъ, что это можетъ быть „риторическое украшеніе“, и что эти слова „можно пожалуй отнести къ поморскимъ Ляхамъ, но отнюдь не къ восточнымъ Славянамъ, отдѣленнымъ де отъ Балтійскихъ Ляхами и Литвой“,—какъ будто Балтійскіе Славяне не были отважные моряки и не знали, какъ доплыть напр. до устья Нѣмона, Двины, Невы и т. д., какъ будто объ этомъ нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ (Адамъ Бременскій) хотя бы и отъ 11 вѣка.

„Очень можетъ быть, говоритъ авторъ, что въ древнія времена Ляхи выселялись на Русь... Такія переселенія возможны и вѣроятны“, стр. 69. Но на 72 стр. наши соображенія о переселеніи на востокъ Ляшскихъ племенъ, Радимичей и Вятичей, съ пренебреженіемъ обзываетъ разными мудрствованіями! и тутъ

же, какъ объясненіе этого переселенія, подробно развиваетъ мысль, высказанную еще Суровецкимъ (см. выше стр. 61 и Ч. I, стр. 379), что древніе Анты суть Венеты, Венды, они же Вятичи, Вантичи. Дальше, всячески стараясь доказать, что Новгородскія имена мѣстъ, сходныя съ Вендскими, ничего не значатъ, ибо ихъ можно найдти у всѣхъ Славянъ, 91; что вообще ни въ языкѣ, ни въ быту Новгородцевъ никакихъ слѣдовъ вендскаго вліянія не оказывается,—тутъ же, въ срединѣ этихъ доказательствъ, 78, помѣщаетъ такую отмѣтку: „Въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, неизвѣстныя другимъ великорусскимъ говорамъ, а извѣстныя нарѣчіямъ Западно-Славянскимъ и Западно-Русскимъ (приводятся такія слова). Но все это, конечно, заключаетъ авторъ, не даетъ еще права называть Новгородцевъ или Вологодцевъ Ляхами или Чехами“. Никто кромѣ г. Первольфа такой нелѣпости и не говоритъ, а говорятъ о томъ, что Варяги, сидѣвшіе въ Новгородѣ и въ Вологодской сторонѣ на Бѣломъ озерѣ, были Славяне, Венды, Балтійскіе Поморцы, но отнюдь не Ляхи (Поляки) и не Чехи.

„Подробное изслѣдованіе чисто Славянской географической номенклатуры, говоритъ авторъ, вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ Новгородскихъ говоровъ, покажетъ всю несостоятельность вышеупомянутаго совершенно произвольнаго связыванія Новгородскихъ Словѣнъ съ балтійскими Словенами“ и пр. 77. Но эти изслѣдованія пока еще не сдѣланы и на основаніи собственныхъ же сообщеній автора, можно ожидать, что они покажутъ совсѣмъ не то, о чемъ онъ такъ хлопочетъ въ качествѣ Чеха.

Особенно г. Чеху не нравится, что мы проводимъ Русь отъ Ругіи и находимъ что Руги и Руссы, Ругія и Руссія—одно имя. Мы скажемъ къ этому, что въ имени Русь сохранился даже и звукъ вендскій, вмѣсто русскаго Рось, какъ обыкновенно писали Греки. Въ своей книгѣ, ч. I, стр. 168—173, мы привели основанія, почему такъ можно толковать, и ожидали, что услышимъ отъ автора сколько нибудь дѣльныя возраженія. Но г. Чехъ подвергаетъ весь этотъ вопросъ только дешевому глумленію и поучаетъ, что вмѣстѣ съ Шафарикомъ надо считать имя Руги, Руяна, Рана не объяснимымъ, 94, причемъ самъ же на предыдущей страницѣ доказываетъ, что Рана, вѣроятно, только сокращенное Rujana, (то-есть Rugiana, о чемъ г. Чехъ, слѣдуя за Шафарикомъ, не хочетъ помянуть). Мы догадываемся, что и самъ Шафарикъ, утвердивши и положивши заклятіе, Слав. Древн. т. 2, кн. 1, стр. 112, что имя Руси идетъ отъ Шведскихъ Родсовъ, конечно, имѣлъ уже, какъ и г. Первольфъ, особую нужду не разбирать вовсе историческаго и филологическаго смысла Ругенской Руси. Изъ своего обширнѣйшаго труда онъ посвятилъ Ругамъ только одну страничку. Если филологи по особой нуждѣ обходятъ этотъ вопросъ, то исторія и главное Русская не находитъ никакой нужды оставлять его безъ надлежащаго вниманія и старается по мѣрѣ силъ и способовъ устранить въ своихъ изысканіяхъ это напущенное филологическое затменіе.

Г. Чехъ упрекаетъ насъ даже и за то, что мы взялись, какъ онъ говоритъ, за мучительную работу списать съ древней карты Помераніи XVII вѣка всѣ названія мѣстностей, которыя мы и расположили въ алфавитномъ порядкѣ. Оказывается, что нашъ списокъ (по замѣчанію покойнаго Гедеонова, крайне интересный для исторіи Полабскаго племени) совсѣмъ никуда негоденъ, ибо имена уже исковерканы и авторъ не понимаетъ зачѣмъ тутъ же выписаны и нѣмецкія названія. А затѣмъ, отвѣтимъ мы, чтобы въ цѣлости показать всю Померанію

съ ея нѣмецкими и славянскими именами, какъ свидѣтелями, сколь много еще въ началѣ 17 ст. оставалось въ ней славянщины, хотя бы только въ именахъ. Исковерканныя имена могутъ быть очищены по грамотамъ и другимъ памятникамъ гг. филологами; исковерканныя-то и покажутъ, какъ постепенно изчезала Славянщина. Г. Чехъ, кажется, ревнуетъ нашъ трудъ. Онъ написалъ цѣлую книгу: „Германизація Балтійскихъ Славянъ", Спб. 1876, которая наполовину вся состоитъ изъ именъ. Авторъ, какъ филологъ, работалъ по грамотамъ и другимъ памятникамъ, но главнаго для этой книги не сдѣлалъ. Онъ не собралъ всѣ имена въ алфавитный порядокъ, отчего очень почтенная его книга лишилась своихъ основныхъ достоинствъ. Кстати замѣтимъ, что о германизаціи Славянъ мы уже имѣемъ довольно сочиненій. Все пишутъ о томъ, какъ Балтійскіе Славяне погибали, онѣмечивались, какъ будто вся ихъ исторія заключалась въ этомъ изчезновеніи ихъ нѣкогда сильной и могущественной народности. Но кто-же намъ напишетъ исторію Балтійскихъ Славянъ до ихъ германизаціи? Кто намъ разскажетъ подвиги этихъ богатырей, совсѣмъ обиженныхъ ученою исторіею въ ея нѣмецкой обработкѣ? Да! Для этого дѣйствительно нужна та смѣлость, какою г. Первольфъ не обладаетъ. Предъ всякою мыслью, сколько-нибудь выходящею изъ уровня принятыхъ за истину утвержденій нашей, можно сказать, только учебной науки, онъ останавливается съ невыразимымъ изумленіемъ. „Очень смѣлая догадка!" говоритъ онъ, с. 49, о предположеніи г. Гедеонова, что новгородское преданіе о Гостомыслѣ родня народному преданію о происхожденіи династіи изъ западнаго Славянства. Глава IX сочиненія г. Гедеонова носитъ названіе: „Слѣды варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси."—„Очень смѣлое заглавіе!" восклицаетъ г. Первольфъ, с. 53. Г. Гедеоновъ отмѣчаетъ, что „западно-славянскимъ началомъ проникнута вся домашняя новгородская жизнь." „Вотъ очень смѣлое предположеніе!" опять восклицаетъ авторъ, с. 79, хотя на 57-58 стр. доказываетъ самъ, что шумное вѣче существовало у южныхъ (все-таки приморскихъ) Славянъ, а у балтійскихъ оно было развито гораздо сильнѣе и пр. Ясно поэтому, что, г. Гедеоновъ имѣлъ полное основаніе выводить Новгородскій бытъ съ Балтійскаго моря.

Вообще о статьѣ г. Первольфа можно сказать тоже самое, что нѣкогда Ломоносовъ сказалъ о диссертаціи Миллера—„десять разъ прочитавъ, едва распознать можно, споритъ ли онъ, или согласуется." Однако мы очень благодарны автору за многія полезныя замѣчанія, еще больше укрѣпившія насъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя онъ всячески старался опровергнуть. Указаніе нѣкоторыхъ ошибокъ, недомолвокъ, неточныхъ или невѣрныхъ объясненій въ частностяхъ не можетъ еще служить доказательствомъ, что невѣрна и несостоятельна основная мысль.

198) г. Васильевскаго: Варяго-Русская дружина въ Ж. М. Н. Пр. 1875 мартъ, 89 и слѣд.

199) Карамзина Исторія II, пр. 48.

200) Исторія Русской Церкви митрополита Макарія, т. 1, стр. 90 и слѣд.

201) Прибавленія къ изданію Твореній Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, ч. XVII, М. 1858, стр. 34, О древнихъ словахъ на Святую Четыредесятницу.—Описаніе Слав. Рукописей Московской Синодальной Библіотеки, отд. 2. Прибавленіе, М. 1862, Горскаго и Невоструева. См. рукопись № 231.

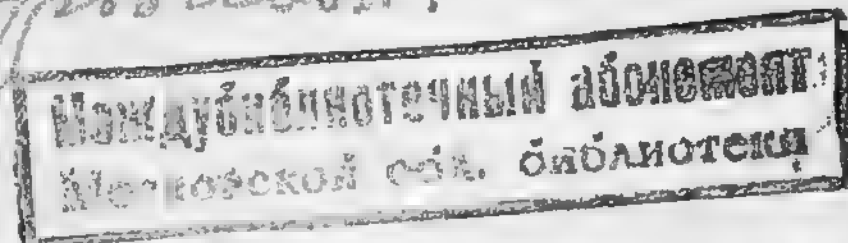
202) Мы пользовались рукописями Златоустовъ, 16 и 17 ст., принадлежащими нашей библіотекѣ.

203) „Ярославъ Правосудъ, сынъ великаго Владиміра постави 1-го епископа въ Новгородѣ Іоакима Волошанина“, говорится въ сборникѣ Кирилова монастыря, 15 вѣка, описанномъ въ Ученыхъ Запискахъ 2 Отд. Имп. Академіи Наукъ, кн. V.

Дополненіе къ стр. 431; строка 15:

Такое же поверженіе въ воду было совершено и надъ Волосомъ, стоявшимъ особо отъ Перуна, на Подолѣ, гдѣ находилось Торговище, надъ рѣчкою Почайною, вѣроятно у самой пристани (см. выше стр. 103), какъ помѣщались кумиры Руссовъ и на Волгѣ, вблизи Хозарскаго или Болгарскаго города-торговища, о чемъ свидѣтельствуютъ Арабы. „А Волоса идола, его же именоваху Скотья бога (Владиміръ) велѣ въ Почайну рѣку въврещи,“—пишетъ мнихъ Іаковъ въ житіи св. Владиміра. Такое помѣщеніе Волоса на Торговищѣ даетъ новое подтвержденіе тому предположенію, что Волосъ былъ особый покровитель людей торговыхъ (сравн. выше стр. 293). Описанное у Арабовъ (см. ч. 1, стр. 458) поклоненіе торговыхъ Руссовъ по всему вѣроятію должно относиться къ Волосу.

[illegible]

[illegible]

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Домашній бытъ Русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. XX+372+263, съ рисунками. Изданіе 2-е съ дополненіями. М. 1872.

Домашній бытъ Русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. VIII+680+166, съ рисунками. Изданіе 2-е съ дополненіями. М. 1872.

Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи. Изслѣдованія, описанія и критическія статьи. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Часть 1-я. М. 1872, стр. 566.

Содержаніе: Дѣтскіе годы Петра Великаго.—Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время.—Русская личность и Русское общество наканунѣ Петровской реформы.—Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ.—Изъ книги „Златоустъ". — Замѣтка о старинныхъ повѣстяхъ. — Для біографіи Сильвестра Медвѣдева.—Царь Алексѣй Михайловичъ.—Охотничій дневникъ царя Алексѣя Мих.—Современные взгляды и направленія въ Русской исторіи.—Математическій методъ въ Исторіи.—Фельетонизмъ въ критикѣ и пр.

Часть 2. М. 1873, стр. 506.

Содержаніе: Размышленія о современныхъ задачахъ Русской исторіи и Древностей.—Русская Археологія.—Исторія и древности Москвы.—По поводу семисотлѣтія Москвы въ 1847 г.—Три неизвѣстныя гробницы въ Моск. Архангельскомъ соборѣ.—Московскіе и подмосковные сады въ XVII и XVIII ст.—Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст. и пр.

Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. Историческія воспоминанія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1873, стр. 256.

Историческое описаніе М. Донскаго Монастыря. М. 1865, стр. 160.
